

С. В. Кодзасов

Исследования в области
русской просодии

Москва

2009

S T U D I A P H I L O L O G I C A

С. В. Кодзасов

Исследования в области
русской просодии

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2009

ББК 81.2Рус-2
К 55

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 08-04-16276

Кодзасов С. В.

К 55 Исследования в области русской просодии. М.: Языки славянских культур, 2009. — 496 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 978-5-9551-0368-6

Относительный «вес» сегментных и просодических исследований в мировой фонетике заметно меняется в пользу последних. До недавнего времени просодия рассматривалась как некоторое не очень значительное дополнение к сегментной фонетической системе. Просодия слова сводилась обычно к ударению, просодия фразы — к ограниченному числу (в пределах 10) интонационных конструкций.

Цель настоящей книги состоит в том, чтобы изменить представление о просодической структуре русской речи в сторону увеличения как инвентаря используемых средств, так и пространства реально наблюдаемых комбинаций. Эта цель отвечает современной ситуации в области просодической фонетики. Компьютер обнаруживает огромное разнообразие просодических структур, которое отражает комбинаторное многообразие исходных компонентов.

Богатству просодических характеристик соответствует разнообразие их функций. Просодия символична по природе: значения каждого просодического признака выражают те или иные категориальные оппозиции, причем, как правило, весьма абстрактные. Поэтому изучение просодии открывает новые перспективы в понимании базовой категориальной сети, на которой основаны интерпретация мира и речевое взаимодействие.

Функциональная ориентация при исследовании просодии позволяет увидеть не только символический характер интонации, но и обусловленность некоторых просодических характеристик словесного уровня. Это позволяет лучше понять форму русского стиха: модальное и эмоциональное содержание стихотворения нередко символизируется просодией входящих в него слов.

ББК 81.2

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0368-6

© С. В. Кодзасов, 2009

© Языки славянских культур, оригинал-макет, 2009

Содержание

Вступление	7
Часть 1. Фразовая интонация: средства и структуры	11
Глава 1. Комбинаторная модель фразовой просодии	13
Глава 2. Уровни, единицы и процессы в интонации	47
Глава 3. Глубинные и поверхностные структуры в интонации	66
Часть 2. Семантические и символические функции просодических средств	71
Глава 1. Законы фразовой акцентуации	73
Глава 2. О семантике одного акцентного различия: два типа ремы	94
Глава 3. Фазовая символика тона	103
Глава 4. Фонетическая символика пространства (Семантика долготы и краткости)	112
Глава 5. Раздвоенные гласные в русской речи	126
Глава 6. Смысл «очень» через призму просодии	133
Глава 7. Фонетика интенсификации	139
Глава 8. Из просодических заметок на полях книги Н. Д. Арутюновой «Язык и мир человека»	147
Часть 3. Интонация в дискурсе	159
Глава 1. Просодия обращений	161
Глава 2. Интонация вопросительных предложений: форма и функции	175
Глава 3. Заметки о просодии отрицательных и конфликтных реплик	190
Глава 4. Интонация предложений с дискурсивными словами	199
Глава 5. Голос в телевизионной рекламе	223
Часть 4. Интонационные показатели перформативности и фокализации	237
Глава 1. Перформативность и интонация	239
Глава 2. Интонация контраста и противоречия	248
Глава 3. Фокализация и антифокализация	255
Часть 5. Просодия слова	271
Глава 1. Лексическая и грамматическая просодия как символическое средство	273
Глава 2. Размещение тональных акцентов в русском слове	303
Глава 3. Об акцентных свойствах русских слов	318

Глава 4. Семантико-фонетическое расщепление русских частиц и просодическая информация в словаре	327
Глава 5. Проблемы исследования просодии	343
Часть 6. Просодия стиха	361
Глава 1. Просодический космос русского стиха	363
Глава 2. К типологии поэтического ритма (на материале стихов А. Фета).....	385
Глава 3. «Шатер» Н. Гумилева (анализ формы)	398
Часть 7. Голос: свойства, функции и номинации	411
Часть 8. Просодия диалектного слова	439
Глава 1. Скрытая просодия слова и звуковые изменения (на примере говора с. Деулино Рязанской области).....	441
Глава 2. Фонетические загадки селения Линово.....	448
Приложения	455
1. С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова. Фонетические возможности гортани и их использование в русской речи	457
2. Просодическая транскрипция для русской интонации	487
3. Образцы транскрибированных текстов.....	489

Вступление

Относительный «вес» сегментных и просодических исследований в мировой фонетике заметно меняется в пользу последних. Рост интереса к просодии связан как с собственно фонетическими потребностями (описание просодической системы как таковой и взаимодействия просодических характеристик с сегментными), так и с новыми семантическими задачами (описание непропозициональной семантики предложения, реализуемой через интонацию).

По мере накопления данных становится очевидной необходимость изменения базовых установок при исследовании русской просодии в отечественной лингвистике. До недавнего времени просодия рассматривалась как некоторое не очень значительное дополнение к сегментной фонетической системе. Просодия слова сводилась обычно к ударению, просодия фразы — к ограниченному числу (в пределах 10) интонационных конструкций.

Цель настоящей книги состоит в том, чтобы изменить представление о просодической структуре русской речи в сторону увеличения как инвентаря используемых средств, так и числа реально используемых комбинаций. Автор убежден, что и то расширение системы русских просодических средств, которое предлагается ниже, еще не исчерпывает их реального многообразия. Это касается как просодии фразы, так и просодии слова.

Редукционистский подход к просодии имел, очевидно, два основания. Во-первых, на просодию переносилась методологическая установка, оправдавшая себя в области сегментной фонетики: сведение многообразия звуков к относительно небольшому числу фонем. Во-вторых, влияла гораздо меньшая интроспективная доступность просодии по сравнению с сегментами. Между тем огромные возможности человека в просодической сфере несомненны — достаточно представить себе сложность ментальной активности, связанной с сочинением и восприятием любой оркестровой пьесы, или разнообразие интегральных фонетических параметров, позволяющих человеку легко узнавать сотни знакомых ему голосов.

Богатству просодических характеристик соответствует разнообразие их функций. Просодия символична по природе: значения каждого просодического признака выражают те или иные категориальные оппозиции, причем, как правило, весьма абстрактные. Поэтому изучение просодии открывает новые перспективы в понимании базовой категориальной сети, на которой основаны интерпретация мира и речевое взаимодействие.

Настоящая книга объединяет исследования автора в области русской просодии последних двадцати пяти лет. Исключением является лишь помещенная в Приложение совместная статья с О. Ф. Кривновой [1977], посвященная фонетиче-

ским (особенно просодическим) функциям гортани, она доныне не утратила своей информационной значимости.

Большинство работ (они составляют две первых части книги) посвящено фразовой интонации, в них собственно фонетический аспект рассматривается в тесной корреляции с содержательным. Нельзя не упомянуть в этой связи того влияния, которое оказали на автора исследования Н. Д. Арутюновой, Т. М. Николаевой и Е. В. Падучевой, а также совместная работа в области русской дискурсивной лексики и просодии с французскими коллегами Д. Пайаром и К. Бонно.

Многие факты фразовой интонации невозможно объяснить без учета влияния многообразных словесных просодий, имеющих символические функции. Результаты наших исследований в этой области представлены в 5-й части книги. Наблюдения автора во многом неожиданны и могут вызывать сомнения (см. нашу дискуссию с А. В. Венцовым в главе 5-й этой части), однако результаты компьютерного анализа звуковой речи однозначно указывают на необходимость существенного пересмотра представлений о просодии русского слова. Вторжением словесной просодии объясняются многочисленные нарушения стандартных законов фразовой акцентуации, определяющих размещение выделительных и тональных акцентов в пределах словосочетания и внутри слова, которые наблюдаются в реальных текстах. Они описаны в 5-й части данной работы.

Имеются также явные различия в характере переходных процессов на стыках сегментов и в реализации стационарных участков сегментов, которые невозможно объяснить без учета лексических просодических контекстов. В частности, необъяснимые различия смычных согласных в разных словах прекрасно видны на экране компьютера и подробно обсуждаются в нашей совместной с Е. В. Щигель статье «Акустические сценарии интервокальных смычных» («Проблемы фонетики», 5. М., «Наука», 2007).

Учет ранее не замечавшейся символической просодии слов позволяет лучше понять форму русского стиха: модальное и эмоциональное содержание стихотворения нередко символизируется просодией входящих в него слов, что создает эффекты особой плавности или замедленности, отрывистости или быстроты и т. п. Этой проблематике посвящены работы, содержащиеся в 6-й части книги.

При анализе просодии автор нередко опирался на собственное произношение, поэтому следует пояснить его истоки. Я родился и вырос в Москве в чисто русской среде. (Речь отца-осетина не могла на меня повлиять, поскольку он был арестован незадолго до моего рождения и погиб в одном из колымских концлагерей.) Однако это не значит, что основным источником для моих наблюдений над русской просодией является собственное произношение — большая часть информации была получена на основе анализа (слухового и компьютерного) текстов лингофонных курсов русского языка и наблюдений над живой литературной речью.

Важное значение имела также работа по созданию компьютерных баз данных, содержащих звуковые образцы высказываний разных иллокутивно-модальных ти-

пов: они дают надежную эмпирическую основу для описания русской интонации.

Некоторые из представленных ниже публикаций автора являются результатом его работы в рамках коллективных проектов, поддержанных грантами РГНФ, РФФИ и CNRS (Франция).

ЧАСТЬ 1

**ФРАЗОВАЯ ИНТОНАЦИЯ: СРЕДСТВА
И СТРУКТУРЫ**

Глава 1

Комбинаторная модель фразовой просодии*

Вступительные замечания

Относительный «вес» сегментных и просодических исследований в современной фонетике заметно меняется в пользу последних. Рост интереса к просодии связан как с собственно фонетическими потребностями (описание просодической системы как таковой и взаимодействия просодических характеристик с сегментными), так и с новыми семантическими задачами (описание непропозициональной семантики предложения, реализуемой через интонацию).

По мере накопления данных становится очевидной необходимость изменения базовых установок при исследовании просодии. До сих пор она рассматривалась как небольшой «довесок» к сегментной фонетической системе. Просодия слова сводилась обычно к ударению, просодия фразы — к ограниченному числу (в пределах 10) интонационных конструкций. Такие представления бытовали в отношении как русского, так и других языков.

Пафос настоящей работы состоит в том, чтобы показать значительную сложность просодической структуры предложения. Автор убежден, что и то расширение системы русских интонационных средств, которое предлагается ниже, не исчерпывает реального их многообразия.

Основной источник наших наблюдений над фразовой просодией — Фонетическая база данных, созданная в Отделе экспериментальной фонетики Института русского языка РАН. Она содержит более 600 диалогических реплик, произнесенных в основном дикторами московского радио и студентами московских вузов. Текущим образом просматривались и просодические характеристики многих других образцов устной московской речи. Такую возможность дает ныне компьютер, осуществляющий извлечение акустических параметров речевого сигнала в реальном времени. Мы использовали для этой цели систему CECIL (Computerized Extraction of Components of Intonation in Language), разработанную по заказу Летнего Института Лингвистики (США).

При установлении инвентаря просодических единиц активно использовались также такие источники, содержащие акустические графики русской речи, как [Брызгунова 1980; Ode 1989; Fougeron 1989].

Необходимо подчеркнуть качественную, а не количественную направленность нашего исследования фразовой просодии. Как представляется, на данном этапе

* Текст опубликован в: Просодический строй русской речи. М., 1994.

важнее попытка разобраться в системной организации просодических единиц. За ней, разумеется, последует этап накопления количественных данных и коррекция предложенной системы.

1. Краткая характеристика прежних систем описания

Отечественные описания русской фразовой интонации [Брызгунова 1977; 1980; Николаева 1977; Светозарова 1982] до сих пор основывались на ограниченном инвентаре конструкций, что отражало представление о незначительном наборе исходных признаков и их малых сочетательных возможностях. Этому соответствовало и представление о функционировании интонационных единиц: они либо связывались с «основными типами высказываний», либо рассматривались как немотивированные единицы типа фонем. Такой подход создает большие трудности как при фонетическом отождествлении конструкции, так и при ее семантической интерпретации. Эти трудности были убедительно продемонстрированы голландскими русистками С. Оде и К. Кейспер (см. [Оде 1992; Keijsper 1992], а также [Оде 1995; Кейспер 1995]), которые подробно проанализировали концепцию Е. А. Брызгуновой, пользующуюся наибольшим влиянием.

Значительным событием в русской интонологии было появление работы С. Оде [Ode 1989], в которой интонационные конструкции впервые описываются на основе эксплицитной признаковой модели. Существенно увеличен и инвентарь единиц: их здесь 13 вместо 7, которые предлагались Е. А. Брызгуновой. Однако и эта система страдает редуccionизмом, не позволяющим отразить реальную сложность интонационных структур (см. ее анализ в [Кодзасов 1992]).

Наша система описания фразовой интонации основана на ином комплексе презумпций [Кодзасов 1989; 1991]. Во-первых, мы опираемся на гораздо более обширный инвентарь просодических признаков, чем наши предшественники, и не пытаемся пока фиксировать количество просодем, которые дают их сочетания. Во-вторых, мы исходим из функциональной мотивированности интонации и считаем, что богатство просодической формы отражает многочисленность интонационно выражаемых значений и многообразие их комбинаций. Представляется невозможным установление окончательного инвентаря просодем без параллельного исследования комбинаторики непропозициональных смыслов [Кодзасов 1991].

В целом, сама задача выявления инвентарей интонационных конструкций отходит на второй план перед задачей выявления элементарных просодических компонентов и закономерностей их комбинирования. Демонстрация больших возможностей комбинаторного метода является одной из главных целей настоящей работы.

Предлагаемая система описания просодии является развитием более раннего варианта, основанного больше на слуховом анализе, чем на акустических данных [Кодзасов 1989]. Настоящий вариант гораздо сильнее ориентирован на результаты

инструментальных исследований, однако и в нем некоторые признаки описываются скорее перцептуально. Мы считаем это неизбежным на нынешнем этапе развития просодической науки, который следует честно признать начальным.

2. Принципы комбинаторного описания

В настоящем параграфе основные особенности предлагаемой модели будут описаны предельно кратко, в форме тезисов. Далее читатель увидит, как эти принципы воплощены на практике.

Слои просодии

Описываются все слои просодии, хотя основное внимание уделяется тону. Это значит, что кроме тональных признаков фиксируются также динамические, количественные, фонационные и артикуляционные.

Локальное и интегральное использование просодий

Последовательно проводится различие между двумя способами использования всех просодических средств: локальным и интегральным. Первый способ связан с ударным слогом некоторого слова и прилегающими слогами — это «акценты».

Второй способ связан с протяженными составляющими (группами слов) это «просодические блоки». Каждый слой просодии может выступать в обеих ипостасях. Примеры локальных просодий: падение тона на ударном слоге, динамический акцент на 1-м слоге, долгий гласный, гортанная смычка. Примеры интегральных просодий: деклинация на ритмической группе, повышенная громкость фразы, медленный темп группы, «скрипучая» фонация группы.

Компонентность просодических единиц

Просодемы представляют собой комбинации признаков как на парадигматической, так и на синтагматической оси, причем комбинироваться могут как внутрислоговые, так и межсловые признаки.

Начнем с парадигматической компонентности. Внутри акцента могут по-разному сочетаться независимые тональные характеристики, например восхождение тона может осуществляться в низком и высоком регистрах. С другой стороны, гортанная смычка может сочетаться как с восходящим (ИК-7 Е. А. Брызгуновой), так и с нисходящим тоном.

Аналогичным образом, внутри просодического блока возможно внутрисловое сочетание признаков (например, сочетание придыхательной и напряженной фонации) и межсловое сочетание (сочетание придыхательной фонации с разными несущими тонами или темпами).

Перейдем теперь к синтагматической компонентности. Принципиальным нововведением является использование *моры* как минимальной просодической составляющей. Любая просодическая двухкомпонентность в пределах гласного рассматривается как проявление его двуморовости. Так, двуморовой является комбинация ровного высокого и нисходящего тона внутри ударного гласного. Введение моры позволяет описать все сложные тоны как комбинации элементарных, а также увидеть изоморфизм внутрислоговых и межсловых сочетаний тонов.

Двуморовым (количественно) является долгий гласный, при этом тональная двуморность не обязательно предполагает количественную. Далее, осциллограммы нередко показывают двуморовую дугу интенсивности на гласных. Это могут быть как две восходяще-нисходящих дуги, так и сочетание восходяще-нисходящего и ровного движения.

Комбинаторный принцип применяется и при описании соотношения тональных движений на консонантном начале или конце слога и на вокалическом ядре слога — они могут иметь разное направление. Аналогичным образом, фиксируется различие в размещении динамической вершины внутри слога: она может приходиться на гласный или сонорный.

Как сложные акценты рассматриваются и сочетания ровного предупредного и нисходящего ударного тона, а также восходящего ударного и ровного заударного. Мы используем также понятие «композиция акцентов» для внутрисловных и межсловных комбинаций тональных движений.

Уровни просодического описания

Автоматические пертурбации тона [Кодзасов 1968], наблюдаемые в акустическом сигнале, естественно, не учитываются при его системной интерпретации. В то же время специфика восприятия просодии [Кодзасов 1987а] заставляет с осторожностью отнестись к обычной для сегментного фонематического анализа технике сравнения пар произнесений на тождественность. Адекватность метода «перцептивного» анализа (голландская школа), основанного на таком сравнении, не очевидна [Кодзасов 1992]. Ситуация здесь сходна с ситуацией проверки близких по смыслу слов на полную синонимичность.

Имеются ясные примеры расхождения глубинной просодической характеристики с поверхностной. Так, в русском языке релативные акценты обычно совмещают коммуникативную функцию с иллокутивной или фазовой. Однако в некоторых случаях (см. ниже) такое совмещение отсутствует: коммуникативный и фазовый акценты разделяются. Глубинная двухкомпонентность выходит тогда на поверхность. Таким образом, комбинаторный подход позволяет получить более эксплицитное уровневое описание просодем.

Наложение просодии слова и фразы

Поскольку слово всегда несет фразовую просодию, его собственная просодическая структура может быть адекватно оценена только после «вычитания» фразовой компоненты. С другой стороны, некоторые модификации интонационных фигур объясняются влиянием просодических свойств слова.

3. Тональные признаки и их комбинации

3.1. Направление изменения тона

а. Внутрислоговые акценты

Исходный набор тональных элементов универсален — это два скользящих тона: нисходящий (\backslash) и восходящий ($/$), а также ровный тон, уровень которого может быть различным. Элементарные скользящие тоны многократно описывались (в системе Е. А. Брызгуновой они входят в ИК-1 и ИК-3) и не нуждаются в примерах. Как известно, нисходящий тон маркирует рему нейтрального утверждения, а восходящий — рему общего вопроса. Интервальные и уровневые варианты этих тональных акцентов описаны ниже.

Ровный тон может сопровождать динамический или количественный акцент (см. ниже). Но чаще мы имеем дело с вхождением ровного тона в состав двумерного тонального комплекса: восходящий и ровный высокий ($/-$), ровный низкий и восходящий ($-/$), нисходящий и ровный низкий ($\backslash-$), ровный высокий и нисходящий ($-\backslash$).

Мы не отмечаем различие уровней ровного тона в этих комбинациях, так как они выводятся автоматически: высокий в фигурах $/-$ и $-\backslash$, низкий в фигурах $-/$ и $\backslash-$. Тональные комбинации, содержащие ровный тон, обычно являются количественно двумеровыми. Ниже мы отражаем количественную двумеровость удвоением буквы.

Фигура $/-$ типична для незамкнутого сочиненного ряда:

- (1) — *Они посетили Росто-ов (/ -), Переясла-авль (/ -), Су-уздаль (/ -), Влади-имир (/ -)...* (рис. 1, см. Приложение в конце главы).

Фигура $-/$ также используется для сочиненных рядов:

- (2) — *Нужны обычные данные: фами-иля (- /), а-адрес (- /), телефо-он (- /)...* (рис. 2)

Фигура $\backslash-$ характерна для неуверенных оценок:

- (3) — *Сколько их там?*
— *Да штук во-осемь (\ -).* (рис. 3)

Интересно, что в последнем случае завершающее падение уже не может осуществиться на ударном слоге и переносится на заударную часть. Пример использования фигуры $\backslash-$ дает последняя реплика такого микродиалога:

- (4) — *Это кто же сделал?*
 — Петя.
 — *Ах Пе-тя* (-\) (с удовлетворением). (рис. 4)

Скользкие тоны дают две комбинации: \vee и \wedge . Первая комбинация — это одна из реализаций ИК-4. Она выступает при конечном ударе в акцентированном слове:

- (5) — *А кто тебе помогает?*
 — *Жена-а* (\vee). *Она у меня все умеет.* (рис. 5)

Примеры второй комбинации:

- (6) — *Тебе не нужно помочь? Может, у тебя денег нет?*
 — *Е-есть* (\wedge), *не беспокойся.* (рис. 6)
 (7) — *Кто же это сделал?*
 — *Петя.*
 — *Ах Пе-тя* (\wedge). (с оттенком удивления) (рис. 7)

Описанные тональные комбинации могут иметь два источника. Одни из них являются результатом стяжения двух акцентов, вынужденно оказавшихся на одном слоге. Так, в примере (5) имело место склеивание падающего акцента утверждения (он реализуется на ударном слоге *ремы*) и восходящего акцента «вызова» (термин Е. А. Брызгуновой [1984]), который реализуется на конечном слоге. В данном случае эти акценты размещаются на разных морфемах одного слога.

Что касается комбинации \wedge , то в приведенных выше примерах она может быть рассмотрена как сочетание восходящего «заноса» и падающего тона утверждения. Однако эта комбинация исходна для аппеллятивных акцентов:

- (8) — *Ва-ань* (\wedge)! *Пойди-ка сюда!* (рис. 8)

Впервые этот акцент, по-видимому, был замечен К. Бонно на темах с частицей -то [Bonnot, Fougeron 1987], где он, кстати, не сопровождается долготой. Интересно, что в этом случае он распадается на компоненты при наличии предударного слога:

- (9) — *Полцна-то* (\wedge) — *выздоровела!* (рис. 9)

Здесь восходящая часть акцента переходит на предударный слог. Однако в обращениях такого разложения тональной конфигурации не наблюдается.

В настоящее время восходяще-нисходящий акцент (без удлинения гласного) широко распространился в речи телевизионных дикторов. Он используется как своеобразный риторический завершитель сообщения («обратите внимание»):

- (10) — *...Следующая встреча состоится в Гаване* (\wedge). (рис. 10)
 Естественно, он встречается и в рекламе:
 (11) — *Звоните нам! Телефон сто сорок один, сорок, сорок два* (\wedge). (рис. 11)

Как двукомпонентные следует, вероятно, рассматривать и глубокие конечные падения тона: это сочетание иллокутивного акцента и завершителя. Первый акцент реализуется падением тона с высокого уровня до среднего (т. е. до несущего тона), а второй — падением со среднего до низкого.

Такая интерпретация позволяет объяснить случаи «перелома» падения, т. е. фигуры вида \--\:

- (12) — *Ваню позови, пожалуйста.*
— *А он уже выехал (\--\).* (рис. 12)

Здесь иллокутивный и фазовый акценты разнесены по слога́м (ударному и конечному).

б. Межслоговые комбинации тонов

Когда ударному нисходящему тону предшествует предупредный восходящий, мы записываем лишь ударную часть тонального движения (\). Аналогичным образом, знак / означает такой ударный восходящий, за которым непосредственно следует падение. Такой способ записи этих акцентов отражает представление о немаркированном характере восходяще-нисходящего тонального импульса. Это наиболее простое тональное движение, которое может быть по разному размещено относительно «окна» ударного гласного.

Распределение интенсивности в этом акценте обычно согласовано с направлением тона: восходящий громче нисходящего. Таким образом, только в случае восходящего тона оправдывается представление о русском ударе́нии как о динамическом.

Другие межслоговые комбинации рассматриваются нами как более сложные, и в них фиксируется движение тона как на ударном, так и на соседнем слоге. Сюда относится прежде всего акцент /-- , известный как ИК-6 системы Е. А. Брызгуновой. Напомним один из ее примеров:

- (13) — *Народу (/--) та-ам...*

Очевидно, это неполное предложение, огласованное как начальная «половинка» композиции акцентов:

- (14) — *Народу (/--) та-ам ... миллион (/--\).* (рис. 13)

Обе «половинки» могут использоваться самостоятельно как показатели семантической связности компонентов текста, разделенных паузальным разрывом. Так, /-- используется как фигура введения информации, подтверждающей ранее сказанное [см. Кодзасов 1993]:

- (15) *И, действительно (/--), из сада слышался шум многочисленных крыльев.*

Комбинация --\ (ИК-1) часто используется в ответах на специальные вопросы:

- (16) — *Когда он приезжает?*
— *В понедельник (--\).* (рис. 14)

В данном случае начальный ровный как бы «связывает» ответ с вопросом. Отличие этой фигуры от нисходящего тона, которому предшествует подъем, совершенно аналогично отличию фигуры /-- от восходящего тона, за которым следует падение. Сравните:

- (17) — *Когда можно за ним придти?*
— *Минутку. Вам понедельник (\) подходит (/)?* (рис. 15)

Последняя реплика семантически более изолирована от предыдущей, чем аналогичная реплика в примере (16).

в. Комбинации тональных акцентов в слове

Кроме тонального акцента на ударном слоге слово может иметь второй акцент на одном из «краевых» слогов: начальном или конечном. В диалоге довольно часто встречается повтор падающего тона в конце предложения:

- (18) — *Рубашка-то – высохла (\=).* *А ты беспокоилась.* (рис. 17)

Второму падению предшествует, конечно, необходимый подъем, который в транскрипции нами не отмечается. Если ударение приходится на последний слог, то происходит удвоение ударного гласного, позволяющее разместить второй акцент:

- (19) — *Рубашка-то – нашла-ась (\=).* (рис. 18)

Дополнительный падающий акцент используется, очевидно, как средство риторического давления на собеседника.

Падение тона на конечном безударном слоге может совмещаться и с восходящим тоном на ударном (в этом случае конечный гласный несет также и динамический акцент). Такая фигура характерна для вопросов, которыми говорящий требует у партнера отчета о выполнении некоторого действия:

- (20) — *Ты мусор – выбросил (/--)?* (рис. 19)

Снова мы наблюдаем морвое удвоение в случае, когда ударение приходится на последний слог:

- (21) — *Ты прощения попроси-ил (/^)?* (рис. 20)

Фигура /--\ может использоваться и в сопоставительных утверждениях:

- (22) — *Иванова решила задачу.*
— *И Баринова (/--)! (рис. 21)*

По тональной конфигурации и семантике мы имеем здесь прямой аналог сопоставительных вопросов типа — *А Баринова? (\-/)*. Правда, такие вопросы чаще реализуются со сглаженным восходящим тоном (обозначение sm ниже указывает на сглаженную реализацию тона, растянутую на несколько слогов):

- (23) — *Иванова решила задачу.*
— *А Баринова (\sm)?* (рис. 22)

Совершенно очевидно, что в обоих случаях сложные тоны восходят к морфологическим комбинациям простых:

- (24) — *Иванова решила задачу.*
— *Баринова (/--) тоже (--\) решила.*

- (25) — *Иванова решила задачу.*
— *А Барина (\--)\ решила (--)\?*

Выше мы рассмотрели композицию восходящего ударного и нисходящего конечного акцентов. Однако такая композиция может быть расположена и иначе: подъем на начальном безударном и падение на ударном. Именно такие случаи приводятся обычно в числе примеров на ИК-6:

- (26) — *Великолепно (/--)\!* (рис. 23)

При этом обычно происходит деκлинация тона на «плато», что наблюдается и на рис. 23.

Совершенно аналогичным образом может быть размещена и нисходяще-восходящая композиция:

- (27) — *И ты ему пообещал?*
— *Пообещал (\--)\.* (рис. 24)

Не всегда ясно, как трактовать «длинные» скользящие акценты, т. е. восхождения и падения тона, растянутые на несколько слогов, включая акцентированный. В некоторых случаях они, очевидно, представляют собой особую сглаженную реализацию обычных акцентов в редуцированных («стертых») словах [Кодзасов 1995]. Однако возможно, что иногда они имеют семантическую мотивацию, например в просьбах. Так или иначе, вряд ли они могут рассматриваться как реализация многосложных комбинаций тонов.

г. Межсловные комбинации тонов

Комбинация /--\ уже давно была описана Е. А. Брызгуновой (ИК-6). В качестве типичного контекста употребления приводятся обычно восклицательные предложения вида:

- (28) — *Какой (/--)\ сегодня день (--)\!* (рис. 25)

При этом не отмечается, что такие восклицания обязательно произносятся в медленном темпе и придыхательным голосом (характерна также деκлинация тона на «плато»). При отсутствии этих компонентов мы имеем обычный «специальный» вопрос:

- (29) — *Скажите, какой (/--)\ сегодня день (--)\?* (рис. 26)

Отметим, что падение тона на вопросительном слове происходит обычно лишь в том случае, когда последующая часть содержания уже актуализована:

- (30) — *Они работают только по средам. Какой (\)\ сегодня день? Вторник? Значит, сегодня не работают.* (рис. 27)

Что касается динамического усиления при падении тона на вопросительном слове (ИК-2 Е. А. Брызгуновой), то оно типично лишь для «экзаменационных» вопросов:

(31) — *В +каком (\) году произошло это сражение?* (рис. 28)

(начальный + означает здесь громкостный акцент, а \ — увеличенный интервал падающего тона).

Фигура /--\ используется и во многих других случаях, не требующих наличия вопросительного слова (ср. [Fougeon 1989]). Так, она может объединять два акцента ремы:

(32) — *Автобус резко (/--) затормозил (--).* (рис. 29)

Она также может связывать тему и рему сообщения:

(33) — *А где Иванов?*
— *Иванов (/--) заболел (--).* (рис. 30)

Обратная фигура (\--/) связывает тему и рему в том случае, когда на реме имеется восходящий тон вопроса:

(34) — *Иванова(\--).можно(--/) позвать?* (рис. 31)

Таким образом, тон темы адаптируется к конечному тону ремы. Интересно, что аналогичную адаптацию тонов мы находим в первой части сложных предложений:

(35a) — *Когда придет мама (/), позвони (\) мне.*
(35b) — *Когда придет мама (\), позвонить (/) тебе?*

Однако тоны темы и ремы не всегда объединяются в композиции /--\ и \--/. Семантические условия наличия/отсутствия такого объединения еще предстоит исследовать.

д. Акценты без тональных изменений

Следует учесть, что не всякий акцент предполагает тональное изменение — акцентирование может быть реализовано только интенсивностью или длительностью:

(36) — *По всем инстанциям хожу-у, хожу-у, а толку никакого.* (рис. 32)
(37) — *Тебе кто-то (+) звонил.* (рис. 33)

Такие случаи нужно отличать от случаев полной безакцентности высказываний. Последние характерны для вынужденных речевых актов — для «механических» цитатных произнесений:

(38) — *Скажи: «Я сделал гадость».*
— *Я сделал гадость.* (рис. 34)

В таком предложении есть словесные ударения, но нет выделительных акцентов.

3.2. Прочие тональные признаки

а. Размещение тонального движения в слоге

Этот признак впервые эксплицитно введен в диссертации С. Оде под именем *тайминг* (англ. *timing*). Он отражает отличие тонального падения, завершающегося в конце гласного (*late timing*), от падения, завершающегося в начале гласного (*early timing*). С другой стороны, И. Фужерон [Fougeron 1989] отмечает отличие равномерного падения тона внутри слога от падения лишь на гласном. В нашей работе 1989 г. этому соответствовало различие уровневого («положительного») и скользящего акцентов. Эти три способа реализации нисходящего движения можно представить следующим образом:

1. \с падение преимущественно на согласном;
2. \ падение на согласном и гласном;
3. \v падение преимущественно на гласном.

Нейтральный тип этого акцента используется при неопределенном пространстве альтернатив заполнения данной семантической позиции:

(39) — *Фамилия этой девушки — Потапова (\).* (рис. 35)

Падение на гласном характерно для актуального выбора в узком множестве альтернатив:

(40) — *А я предпочитаю Потапову (\v).* (рис. 36)

Отметим, что в таких предложениях гласный обычно раздваивается по интенсивности, что как бы символизирует ситуацию выбора из альтернатив.

Падение на согласном используется, в частности, в незамкнутом сочиненном ряду с семантикой полного покрытия перечисляемого множества (*и...и*):

(41) — *Все были: Иванова (\с), Потапова (\с), Сидорова (\с)...* (рис. 37)

Здесь подчеркнуты согласные, на которых происходит падение тона. Заметим, что в последнем слове только общий контекст позволяет восстановить падающий тон: в акустическом сигнале тон начинается уже на низком уровне и ему не предшествует высокий уровень.

Аналогичные различия по размещению тонального движения в слоге обнаруживают и восходящие тоны, однако их семантика менее очевидна. Техника записи здесь аналогична: (*/*), (*/с*), (*/v*). Приведем два примера:

(42) — *Что же он сделал? Уехал (*/*)?* (рис. 38)

(43) — *Ну как он – уехал (*/v*)?* (рис. 39)

Возможны также маркированные по «таймингу» ломаные тоны:

(44) — *Я бы пошел (*/сv*).* (рис. 40)

(45) — *Нужен (*/сv*) он мне.* (рис. 41)

Семантику таких огласовок еще предстоит исследовать.

б. Уровни и интервалы

Акцентные движения тона осуществляются как отклонения от некоторого базового уровня («несущего» тона — см. [Кривнова 1976]). Большинство высказываний произносится на среднем для данного диктора уровне базового тона. Например, у автора настоящей работы средний несущий тон — порядка 120 Гц.

Высказывание целиком или какая-то его часть может произноситься на более высоком или более низком уровне базового тона. Число системных уровневых градаций пока не ясно, мы условно выделяем два уровня в верхнем диапазоне и один уровень в низком. Расстояние между уровнями — треть (1/3) октавы. Это дает такую сетку уровней:

- +2/3 — высокий 2 (B2)
- +1/3 — высокий 1 (B1)
- 0 — средний (нейтральный)
- 1/3 — низкий 1 (H1)
- 2/3 — низкий 2 (H2)

Для автора настоящей статьи это дает приблизительно такие величины в герцах: 200 — 160 — 120 — 100 — 80. Средний тон в транскрипции не отмечается, а прочие записываются при квадратных скобках, отмечающих «сферу действия» этого тона.

На высоком уровне базового тона произносятся обычно восклицания удивления:

- (46) — [(Вернулся (\) Валя (/)) (B1) ?! Что ты говоришь! (рис. 42)]

В качестве примера неэкспрессивного употребления B2 приведем вопрос-гипотезу:

- (47) — Зачем им новая мебель? Они что — [получили новую квартиру (/)] (B2)? (рис. 43)

На низком уровне произносятся отрезки, сообщающие факультативную информацию, например придаточные определительные в нерестриктивном употреблении:

- (48) — Студенты, [которые уже сдали экзамены] (H1), целыми днями играли в футбол. (рис. 44)

Возможны произнесения и на более далеких от среднего уровнях несущего тона, однако по нашим наблюдениям это обычно сопровождается изменением режима работы голосовых связок: сверхвысокий уровень сочетается с фальцетом (Ф или F), а сверхнизкий — с «вибрацией», при которой становятся различимы на слух отдельные глоттальные импульсы. В последнем случае записываем СН в киллици или EL (extra-low) в латинице. Эти уровни используются, в частности, в репликах с семантикой «отрицание отрицания»:

- (49) — Пришли на пляж, а море холодное.

- *Не купались?*
 — *Купались* (ΛФ). Или — *Купались* (ΛСН). (рис. 45а и 45б)

Типичная область перехода на фальцетный режим — это +1 октава, а на режим вибрации -2/3 октавы. Таким образом, частотный диапазон в целом выглядит следующим образом: +1 — сверхвысокий (фальцет), +2/3 — высокий 2, +1/3 — высокий 1, 0 — средний, -1/3 — низкий, -2/3 — сверхнизкий (вибрация). В пределах высказывания обычно наблюдается нисходящее скольжение базового тона (деклинация — дес), которую мы обычно не обозначаем. В то же время восходящее скольжение (инклинация — inc) фиксируется обязательно. Семантические функции инклинации пока не изучены.

Уровни базового тона не только определяют интегральную характеристику высказывания и его частей, но и задают референциальную шкалу для тональных акцентов, прежде всего для оценки интервала изменения тона. Этот общеизвестный признак ныне эксплицитно введен в систему просодических средств русского языка (см. [Кодзасов 1987б; 1989; Ode 1989]). По-видимому, следует считать признак троичным: наряду со средними по интервалу изменениями (в пределах 1/2 — 2/3 октавы, бывают большие (порядка 1 октавы) и малые (порядка 1/3 октавы)). Соответствующие знаки для восходящих акцентов: /; //; /'. Обозначения для акцентов нисходящих: \; \\\; \`.

Очевидным образом, интервальные возможности отчасти ограничены уровнем, на котором начинается тон: большой интервал восходящего возможен лишь при низком начале, а большой интервал нисходящего — при высоком начале. Приведем примеры на большие интервалы (функции малых интервалов пока не ясны). Типичный случай большого интервала восходящего тона — акцент удивления:

- (50) — *Победил Иванов.*
 — *Иванов (/!)?! Невероятно!* (рис. 46)

Однако такой акцент могут иметь и вводные слова или детерминанты:

- (51) — *На горизонте(//) | появился странный предмет.* (рис. 47)

Иногда интервал восходящего может доходить до 1,5 октавы — это достигается с помощью нисходящего заноса:

- (52) — *Она такое (\\/-) вытворяла!* (рис. 48)

Большой интервал падающего тона типичен для реплик, констатирующих подтверждение ожидаемого:

- (53) — *Мы считали, что он не сдаст экзамена.*
 — *Так и случилось (\\).* (рис. 49)

Большой интервал падающего тона имеют и «экзаменационные» вопросы (см. рис. 28). Отметим, что большой интервал тона обычно реализуется на количественно двуморovém (долгом) гласном.

Рассмотрим теперь случаи, когда акценты не ориентированы на средний базовый уровень тона. В частности, восходящее или нисходящее движение может происходить в верхней области частотного диапазона, при том что фраза в целом произносится на нейтральном уровне. Другой типичный случай — уровневое противопоставление пары акцентов: один произносится в верхней части частотного диапазона, а другой в низкой. Возможно, за этим стоит ступенчатая перестройка уровня базового тона (reset в терминах С. Оде).

Пока мы просто фиксируем такие случаи, не давая им интерпретации в терминах производящего механизма. Акценты высокого диапазона обозначаются в латинице /H и \H, а акценты низкого диапазона — /L и \L. (В кириллице имеем, соответственно, /B и \B, /H и \H.) В качестве примеров приведем предложения, в которых в риторических целях совмещены высокоуровневые и низкоуровневые акценты:

(54) *Он и вообще (--\B) не отличался здоровьем, а тут и вовсе (\--H) расхворался.*
(рис. 50)

(55) — *Он уже далеко ушел. Еле (/B) догнал (-\H) его.* (рис. 51)

(56) — *А вы вообще (/B\с) к этому не имеете отношения.* (рис. 52)

В последнем случае тон падает на согласном, и на последующем гласном его движение начинается уже на низком уровне.

Аналогичное совмещение акцентов в режиме фальцета и сверхнизкого тона мы находим в репликах возражения:

(57) — *Ваня решил задачу.*

— *Не только Ваня (\H), но и Петя (\B).* (рис. 53)

Если имеет место нисходящее движение тона с нейтрального несущего уровня с последующим возвратом на него при отсутствии режима вибрации, то мы рассматриваем его как «отрицательный» тональный акцент и помечаем с помощью neg. Пример:

(58) — *Вы были у врача?*

— *Да (-\neg), были (-\neg). А почему ты спрашиваешь?* (рис. 54)

В то же время никак не помечается высокий или низкий уровень акцентов при маркированно высоком или низком базовом тоне. Например, в приведенном выше примере (47) высокий уровень восходящего акцента автоматически вытекает из высокого уровня несущего тона. Аналогичным образом, не отмечается низкая область реализации восходящего тона в следующей реплике:

(59) — *[Ты ведь звонил (/) ему] (H)? Разве нет?* (рис. 55)

В этом случае низкий несущий тон (квадратные скобки показывают его «сферу действия») определяет уровневую реализацию акцента. Еще ниже может оказаться область тонального движения в репликах недоумения:

(60) — *[Как (/--) это случилось] (H)?* (рис. 56) *Ума не приложу.*

Еще раз подчеркнем в заключение, что уровневые отношения — наименее исследованная часть тональной системы. Мы не знаем ни числа несущих тонов, которые системно используются носителем языка, ни числа высоких и низких уровней при разных несущих, ни акцентных возможностей при разных уровневых условиях. Потенциально комбинаторика здесь очень разнообразна. Наше описание — лишь попытка зафиксировать наиболее очевидные различия.

4. Фонационные признаки и их комбинации

4.1. Интегральные фонации

Фонации — это разные качества голоса, определяемые состоянием голосовых связок. Чаще всего фонации используются интегрально — как признак группы слов или фразы в целом. Мы рассмотрим сначала такие случаи.

Имеется два базовых фонационных признака: один связан с конфигурацией голосовой щели, другой с состоянием ее краев. Оба имеют по три значения.

Если голосовые связки сведены, но не сомкнуты, мы имеем нейтральное значение первого признака. Если голосовые связки сомкнуты (как при гортанной смычке), качество голоса меняется — мы имеем «скрипучий» голос (*creaky voice* — *cr.v*). Если голосовые связки несколько разведены, имеет место «придыхательный» голос (*breathy voice* — *br.v*).

«Скрипучий» голос используется как фигура отрицания:

(61) — *Как ты съездил?*

— [*Плохо.*] (*cr.v*)

(62) — *Он все-таки ученый.*

— [*Да какой он ученый!*] (*cr.v*) *Не ученый вовсе.*

«Придыхательный» голос используется для маркировки высокой степени эмоции (в том числе удивленного восхищения):

(63) — [*Как она прекрасна*] (*br.v*) (H)!

(64) — *У Ивановой двойня родилась!*

— [*Что ты говоришь*] (*br.v*) (H)!

Как видно из транскрипции, при положительной эмоции наряду с придыханием используется высокий уровень тона. Напротив, при отрицательной эмоции происходит переход на низкий тон:

(65) — *У Иванова инфаркт!*

— [*Какой ужас*] (*br.v*) (L)!

Рассмотрим теперь второй признак. Голосовые связки обычно имеют некоторый нейтральный уровень напряженности. Однако они могут иметь и повышенную степень жесткости, что дает «напряженную» фонацию (*tense voice* — *t.v*).

Ослабление напряженности относительно нейтрального состояния дает «расслабленную» фонацию (lax voice — l.v).

«Напряженный» голос маркирует вербальный повтор или переспрос:

(66) — *Я же вам сказал: [это стоит двести тысяч]* (t.v).

(67) — *[Куда-куда ты уезжаешь]* (t.v)?

«Расслабленный» голос используется как фигура уступки:

(68) — *Можно мелочью дать?*

— *Давайте* (l.v).

Фонационные признаки независимы, и встречаются все комбинации их маркированных значений:

(69) — *[Ты не знаешь, куда он уехал] (сг.t.v)? Не верю.*

(70) — *Петров все-таки женился.*

— *[Петров женился] (вр.t.v)! Вот здорово!*

(71) — *[Хоть бы Валю взяли.] (сг.l.v)*

(72) — *[Какая такая Валя?] (вр.l.v) Не понимаю.*

Акустические корреляты фонационных различий, связанных с напряженностью голосовых связок, пока не исследованы. Что касается различий, связанных с конфигурацией связок, то они имеют достаточно ясное акустическое выражение: скрипучий голос отражается «биениями» в спектре и нерегулярностью формы периодов на осциллограмме, придыхательный голос характеризуется появлением высокочастотной шумовой составляющей. На рисунках 57—59 представлены спектры трех произнесений предложения *Какой у него голос*: как обычного вопроса, как реплики отрицания (скрипучий голос) и как реплики восхищения (придыхательный голос).

Отметим в заключение наличие таких фонационных средств как «звонкий шепот» (средство «приглушить» голос), «сдавленный крик» (имитация крика на низком уровне громкости), «плач в голосе», «смех в голосе» и др. Эти фонации близки к паралингвистическим средствам: они представляют собой речевые варианты соответствующих звуковых жестов. Для таких фонаций мы не используем регулярных транскрипционных обозначений.

4.2. Фонационные компоненты акцентов

Маркированные значения конфигурационного глоттального признака могут использоваться акцентно — как завершители тонального движения. Гортанная смычка (обозначаем ее буквой q) в составе восходящего акцента описана Е. А. Брызгуновой (ИК-7). Ее известный пример:

(73) — *Хорошо (q)!*

Однако не замечалось, что гортанная смычка может сочетаться также с нисходящим тоном:

(74) — *Не хорошо* ($\backslash q$)! (рис. 60)

(75) — *Дурацкая* ($\backslash q$) *история*. (рис. 61)

Более того, она может выступать и в середине двуморového акцента. Например, в команде водителю:

(76) — *Стой, хоро-ош* ($-q\backslash$)! (рис. 62)

В этом случае она выступает как глайдовое движение, при котором перерыва голоса не происходит, однако резко уменьшается интенсивность. Встречается и сочетание интегрального и локального использования этого фонационного признака: слово целиком произносится на «скрипе», а при этом акцент завершается смычкой:

(77) — *Не знаю* (l) (сг. v).

Придыхание как акцентный компонент не столь заметно, хотя в междометиях оно даже отражено в орфографии в виде буквы «х» (*ах, ох*). Однако оно встречается и в других случаях. В частности, придыхание используется в обращениях:

(78) — *Эй, сестра* ($\wedge h$)! *Дай напиток!*

Другая стандартная функция этого элемента — подтверждение:

(79) — *Ну да-а* (h). (рис. 63)

Незаметность придыхания связана, видимо, с тем, что оно обычно реализуется как ларингализованный конец гласного, а не как ясно выраженный согласный.

5. Прочие просодии

5.1. Интенсивность

Этот признак до сих пор практически не изучен. Это связано, вероятно, с тем, что различия по интенсивности очень плохо осознаются. Вместе с тем звуковой сигнал обнаруживает огромное разнообразие динамических кривых. Однако мотивация этих различий не исследована. Поэтому мы пока лишь фиксируем типичные образцы, оставляя их интерпретацию на будущее.

Как и другие просодические признаки, интенсивность может использоваться интегрально или локально. Из интегральных параметров наиболее очевидным является общий уровень громкости отрезка речи: повышенная громкость помечается плюсом, а пониженная минусом. Этот параметр аналогичен параметру уровня несущего тона.

Интегральная кривая интенсивности в пределах фонетической синтагмы (мы интерполируем ее по вершинам слоговых дуг интенсивности) может иметь разную форму. Иногда она соответствует деклинации мелодической кривой, но часто

независима от нее. Отмечены почти все потенциально возможные конфигурации: нисходящая (i\), восходящая (i/), нисходяще-восходящая (i\ /), нисходящая плюс ровная (i\ -) и т. д. На рис. 64—67 читатель найдет несколько образцов из нашей базы данных.

В акцентной функции интенсивность обычно сопровождает тональную кривую: восхождение тона скоррелировано с возрастанием интенсивности внутри гласного, а падение с уменьшением. Однако наблюдается иногда и обратное соотношение. Как мы уже говорили выше, интенсивность может выступать как единственный параметр акцентного выделения.

Нередко гласный имеет двумеровую динамическую структуру. Вершину двумерного комплекса удобно помечать знаком \wedge : $m^{\wedge}m$ при вершине на первой мере и mm^{\wedge} при вершине на второй.

В этом параграфе мы скорее перечисляем проблемы, чем даем системное описание формы и функций интенсивности. Первейшая из этих проблем — понять законы взаимодействия интегральной кривой интенсивности и ее локальных (акцентных) изменений.

5.2. Количество

Упрощая ситуацию, считаем признак количества троичным: нейтральный, долгий, краткий. Долгие гласные мы трактуем как количественно двумерные. Количественная двумерность часто сочетается с тональной или динамической двумерностью, но это не обязательно.

Долготный акцент может быть повторен на конечном гласном:

(80) — *Какой-то он ничего не понима-аюуци-ий, ничего не жела-аюуци-ий ...*

Если ударным является конечный, то при повторе возникает сверхдолгий:

(81) — *А она почему-то не пришла-а-а...*

Маркированной парой для долгих являются усеченные. Как кажется, наиболее удобным знаком для них является вертикалька. Типичный контекст усечения — обращение на близком расстоянии:

(82) — *Тамара(!)!*

Здесь усечен как ударный, так и конечный гласный.

Интегрально количество реализуется через темповые характеристики: медленный темп (М или sl (slow)) — это удлинение всех гласных, а быстрый (Б или qu (quick)) — их усечение. Замедление темпа типично для размышлений:

(83) — *Как бы от него избавиться (М)?*

Быстрый темп типичен для переспросов:

(84) — *(Что-что ты говоришь?) (Б)*

5.3. Артикуляция

Артикуляционная просодия имеет обычно интегральную реализацию. Наиболее простым для восприятия признаком является назализация (знак ~). В сочетании с приглушенным голосом она используется для доверительных сообщений:

(85) — *(У него такая любовница...)~*

Общее упереднение (<) vs. узаднение (>) язычной артикуляции используется для выражения, соответственно, положительного или отрицательного отношения к сообщаемому:

(86a) — *Это Ваня (<) сделал. Все же молодец он!*

(86b) — *Это Ваня (>) сделал. Какой он все-таки осел!*

Как паралингвистическое и символическое средство выступает общее сокращение ротового резонатора за счет поджатия губ и продвижения языка вперед:

(87) — *Он такой маленький (<<).*

Обратный признак — увеличение резонатора за счет вытягивания несуженных губ и сдвига языка назад:

(88) — *Он такой огромный (>>).*

В последнем случае увеличению резонатора способствует опускание гортани. Этот жест входит также в состав часто употребляемого акцентного комплекса (вместе с повышенной долготой, громкостью и вокалической реализацией тона), используемого при контрастивной семантике. Мы обозначаем его *Con* (contrast):

(89) — *Это дешево.*

— *Да что ты! Дорого (Con)! (рис. 69)*

Увеличение плоточного резонатора за счет опускания гортани ведет к существенному изменению спектра гласного. Спектральное отличие контрастивного произнесения реплики — *Дорого!* от неконтрастивного читатель может наблюдать на рис. 68.

Также и сужение гортани выступает как просодический признак. Обычно он используется для символизации агрессии говорящего или давления на слушающего. В частности, он сопровождает бесприкословные приказы типа:

(90) — *Шагом — марш (Agr)!*

Символ *Agr* обозначает здесь сложный фонетический комплекс, включающий как сужение гортани, так и увеличение дыхательного усилия.

Другой сложный акцентный комплекс используется в перлокутивных высказываниях и выражается знаком (X):

(91) — *Я тебе запрещаю (X) это делать.*

Он совмещает напряженность артикуляции и дополнительное дыхательное усилие, что отражается в спектральной картине общим повышением энергии (рис. 70).

6. Заключительные замечания

В данной работе автор стремился в первую очередь выявить все просодические компоненты (признаки), которые используются в русской фразовой интонации, и показать принципы их комбинирования. Задачи исчислить все потенциальные комбинации (просодемы) для акцентов и их сочетаемость с просодемами блоков мы не ставили. Более того, есть сомнение в целесообразности полного исчисления таких возможностей, поскольку комбинаторика здесь, очевидно, свободная. В то же время несомненна необходимость (в том числе практическая — для целей обучения) выявления ядерного набора наиболее употребительных конструкций, характеризующих типичные диалогические реплики и нарративные клише.

Литература

- Брызгунова 1977 — *Брызгунова Е. А.* Звуки и интонация русской речи. М., 1977.
- Брызгунова 1980 — *Брызгунова Е. А.* Интонация // Русская грамматика. I. 1980.
- Брызгунова 1984 — *Брызгунова Е. А.* Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984.
- Кейспер 1995 — *Кейспер К.* О семантических основаниях описания Брызгуновой Е. А. русской интонации // Проблемы фонетики. Вып. 2. М., 1995.
- Кодзасов 1968 — *Кодзасов С. В.* Измерение основной частоты при исследовании интонации // Публикации ОСИПЛ. 3. М., 1968.
- Кодзасов 1987а — *Кодзасов С. В.* О фонетической интроспекции // Экспериментальные исследования в психолингвистике, Вып. 3. М., 1987.
- Кодзасов 1987б — *Кодзасов С. В.* Тональная эмфаза в русском языке // Proceedings of the XI Int. Congress of Phon. Sciences. Vol. 5. Tallinn, 1987.
- Кодзасов 1989 — *Кодзасов С. В.* Проект просодической транскрипции для русского языка // Бюллетень фонетического фонда русского языка. Вып. 2. Бохум, 1989.
- Кодзасов 1991 — *Кодзасов С. В.* Новый подход к исследованию интонации // Русский язык и современность. Ч. 2. М., 1991.
- Кодзасов 1992 — *Кодзасов С. В.* [Рец. на кн.:] *C. Ode.* Russian intonation: perceptual description // Russian Linguistics. Vol. 16. № 2. 1992.
- Кодзасов 1993 — *Кодзасов С. В.* Интонация предложений с дискурсивными словами. // Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
- Кодзасов 1995 — *Кодзасов С. В.* О редуцированных словах в русском языке // Проблемы фонетики. II. 1995
- Кривнова 1976 — *Кривнова О. Ф.* Составляющая несущего тона в мелодической кривой фразы // Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М., 1976.

Николаева 1977 — Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.

Оде 1992 — Оде С. Перцептивная эквивалентность реализаций типов интонационных конструкций Брызгуновой Е. А. // *Studies in Russian Linguistics*. (Studies in Slavic and General Linguistics. Vol. 17.) Amsterdam, 1992.

Оде 1995 — Оде С. Интонационная система русского языка в свете данных перцептивного анализа // *Проблемы фонетики*. Вып. 2. М., 1995.

Светозарова 1982 — Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л., 1982.

Bonnot, Fougeron 1987 — Bonnot Ch., Fougeron I. De l'interrogation a l'exclamation // *Revue des Etudes slaves*. LIX. 3. 1987.

Fougeron 1989 — Fougeron I. Prosody et organisation du message. Paris, 1989.

Keijsper 1992 — Keijsper C. E. Recent intonation research and its implications for teaching Russian // *Studies in Russian Linguistics*. (Studies in Slavic and General Linguistics. Vol. 17.) Amsterdam, 1992.

Ode 1989 — Ode C. Russian Intonation: A Perceptual Analysis. Amsterdam, 1989.

В первоначальный вариант работы, опубликованный в книге *Просодический строй русской речи*. М., 1994, внесены небольшие изменения. Акустические графики помещены в Приложении 1.

Приложение

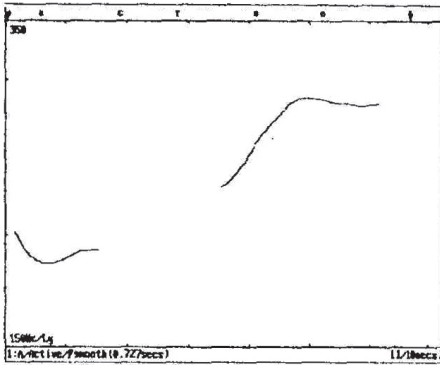

Рис. 1. — Они посетили *Росто-ов(-)*,
Переясла-авль, Су-уздаль,
Влади-имир...

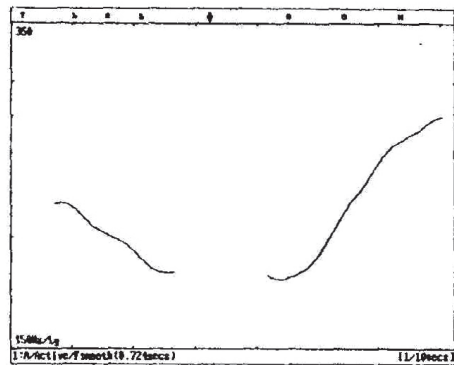

Рис. 2. — Нужны обычные данные:
фами-илия, а-адрес,
телефо-он(-/)...

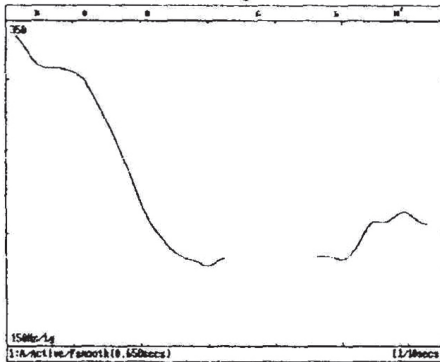

Рис. 3. — Сколько их там?
— Да штук *во-осемь(-)*.

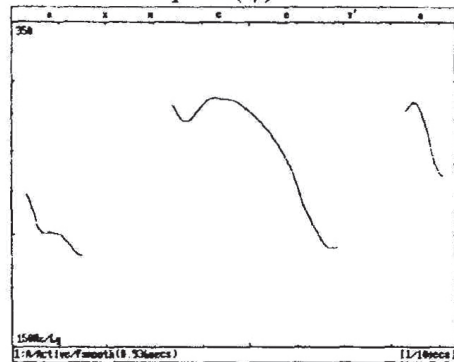

Рис. 4. — Это кто же сделал?
— Петя.
— Ах, *Пе-тя(-)*.

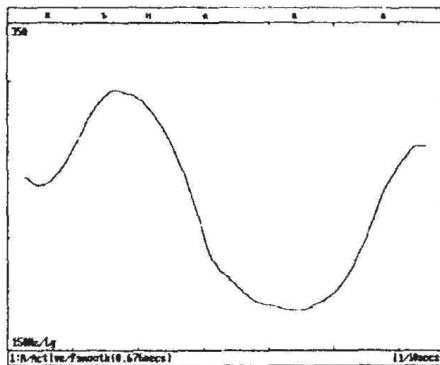

Рис. 5. — А кто тебе помогает?
— *Жена-а(∨)*. Она у
меня все умеет.

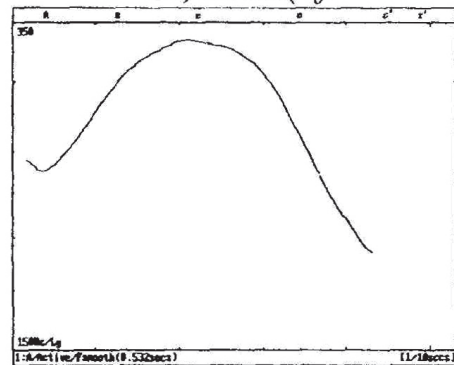

Рис. 6. — Тебе не нужно помочь?
Может у тебя денег нет?
— *Е-есть(∧)*. Не беспокойся.

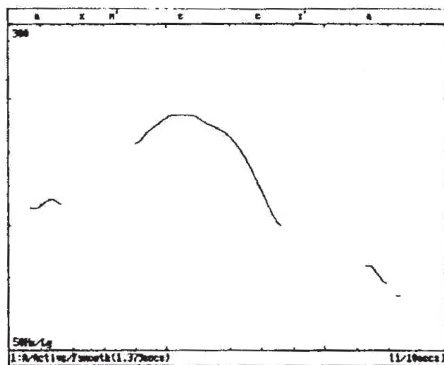

Рис. 7. — Кто же это сделал?
— Петя.
— Ах, Пе-тя (с удивлением)(^).

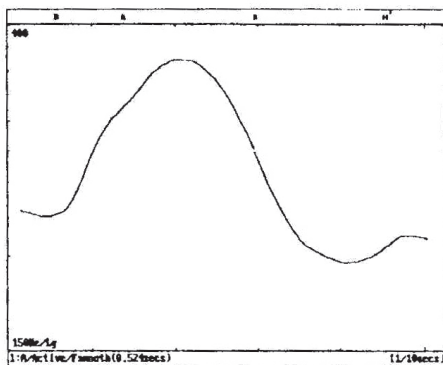

Рис. 8. — Ва-ань(^)! Пойди-ка сюда!

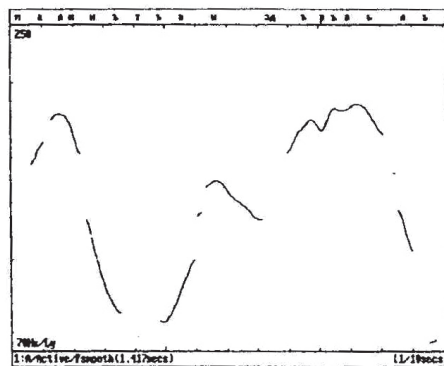

Рис. 9. — Полина-то(^), выздоровела.

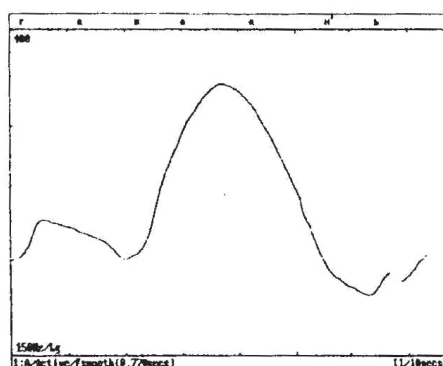

Рис. 10. — Следующая встреча состоится в Гаване(^).

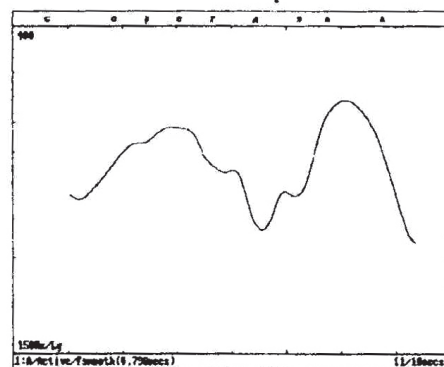

Рис. 11. — Телефон: сто сорок один, сорок, сорок два(^)

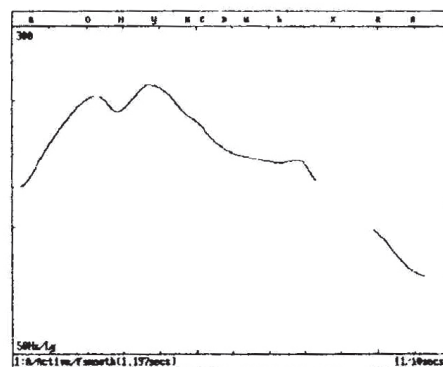

Рис. 12. — Ваню позовите пожалуйста.
— А он уже выехал(^--^).

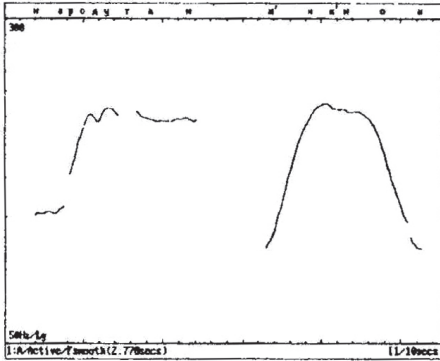

Рис. 13. — Народу та-ам(/--)...
миллион(/--\).

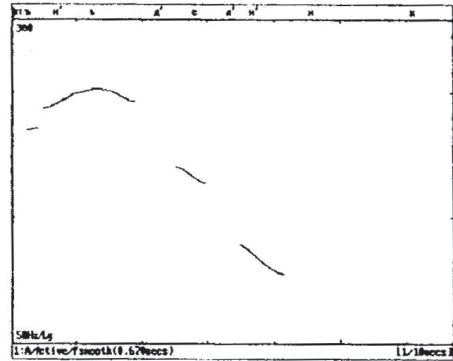

Рис. 14. — Когда он приезжает?
— В понедельник(--\).

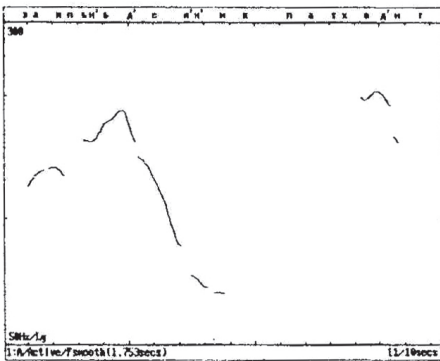

Рис. 15. — Вам понедельник(\) под-
ходит?

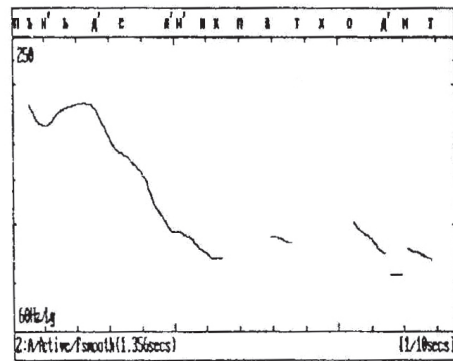

Рис. 16. — Понедельник(--\) под-
ходит.

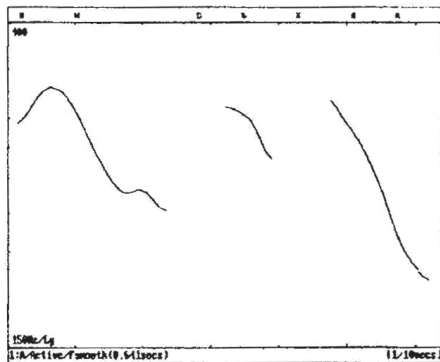

Рис. 17. — Рубашка-то — высохла(\=\\).
А ты беспокоилась.

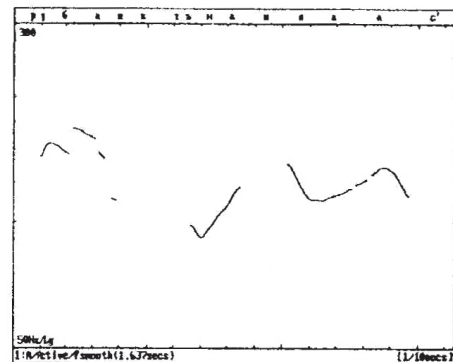

Рис. 18. — Рубашка-то —
нашла-ась(\=\\).

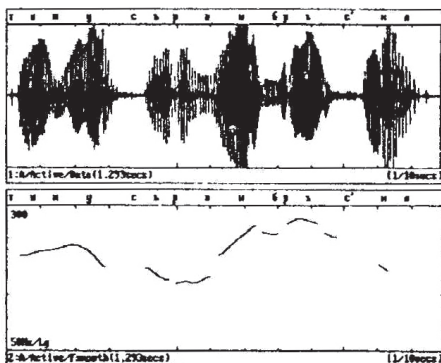

Рис. 19. — Ты мусор — выбросил(/--\)?

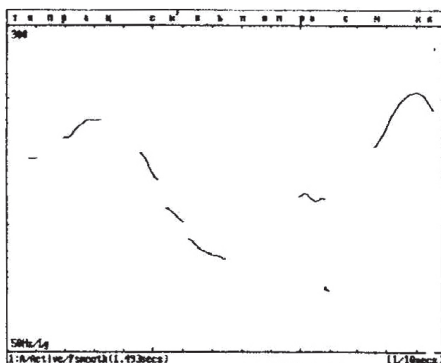

Рис. 20. — Ты прощения — попросил(\/?

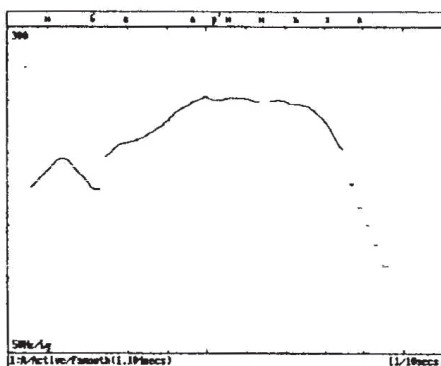

Рис. 21. — Иванова решила задачу. — И Барينوва(/--\).

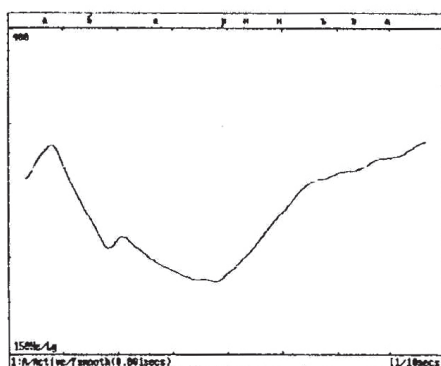

Рис. 22. — Иванова решила задачу. — А Барينوва(\sm/?

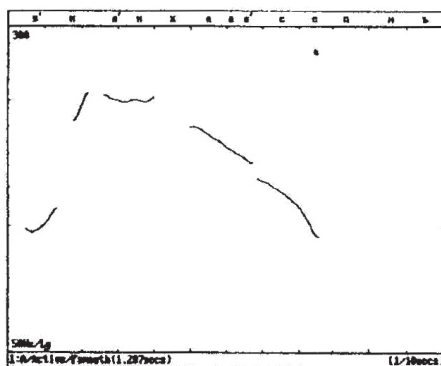

Рис. 23. — Великолепно(/--\dec)!

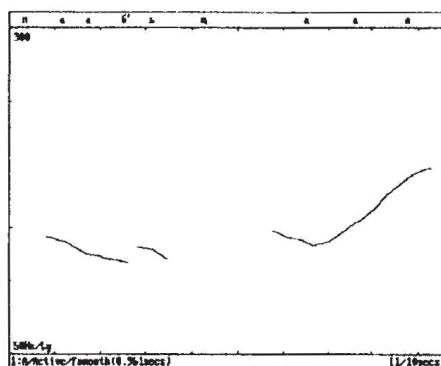

Рис. 24. — И ты ему пообещал? — Пообещал(/--\). А что такого?

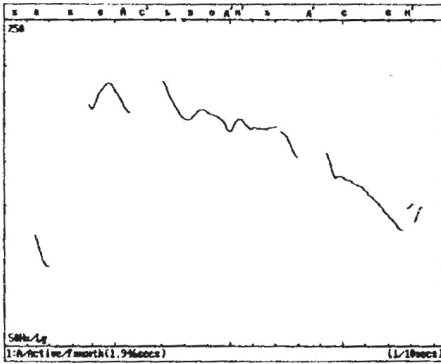

Рис. 25. — *Какой сегодня день(/--\)(br.v; sl)*

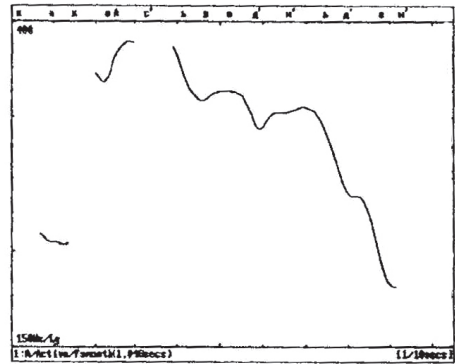

Рис. 26. — *Скажите, какой(/--) сегодня день(/--)?*

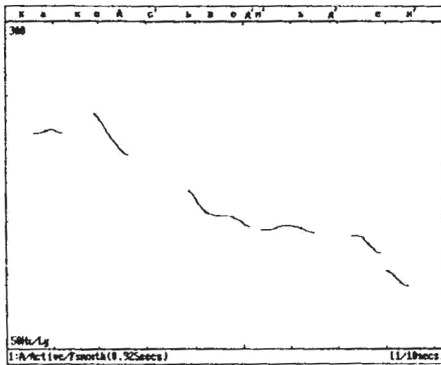

Рис. 27. — *Какой(\) сегодня день? Вторник? Значит они не работают.*

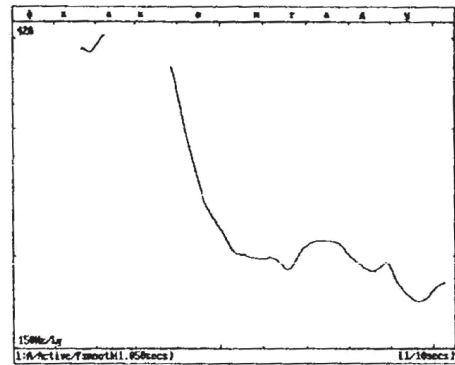

Рис. 28. — *В +каком(\) году произошло это сражение?*

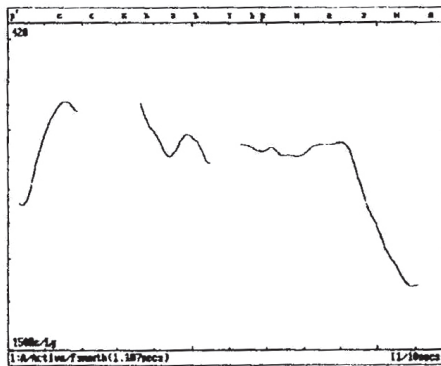

Рис. 29. — *Автобус резко(/--) затормозил(/--\).*

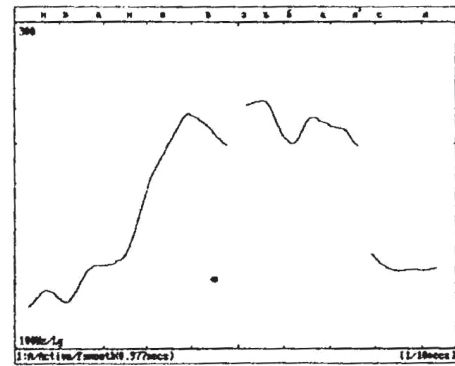

Рис. 30. — *А где Иванов? — Иванов(/--) заболел(/--\).*

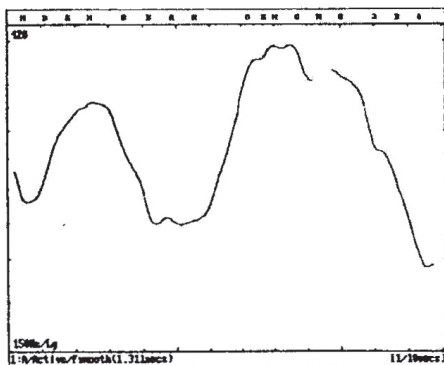

Рис. 31. — *Иванова(--) — можно(--/) позвать?*

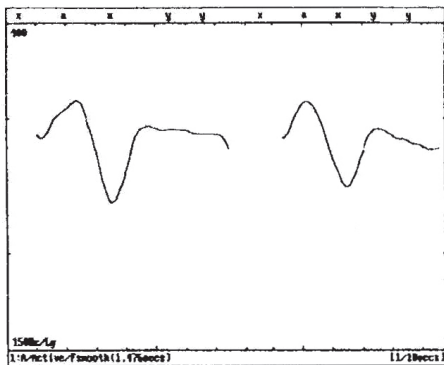

Рис. 32. — По всем инстанциям хожу-у(-), хожу-у(-), а толку никакого.

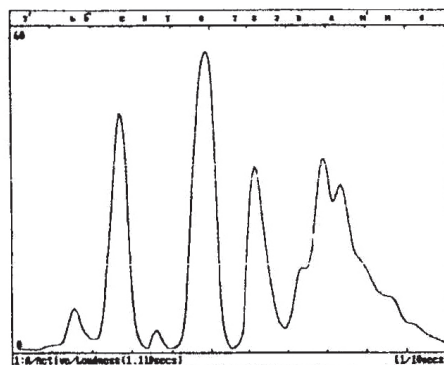

Рис. 33. — *Тебе кто-то звонил.*

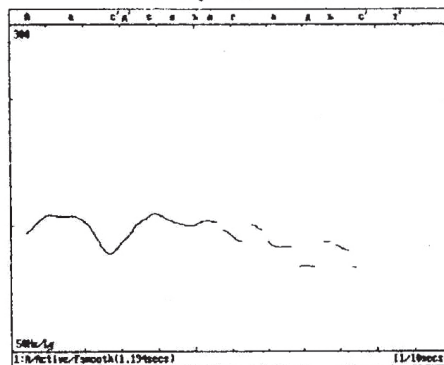

Рис. 34. — Скажи: "Я сделал гадость". — Я сделал гадость(-).

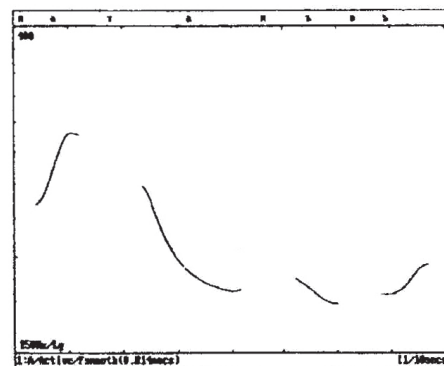

Рис. 35. — Фамилия этой девушки — *Потапова(\\)*.

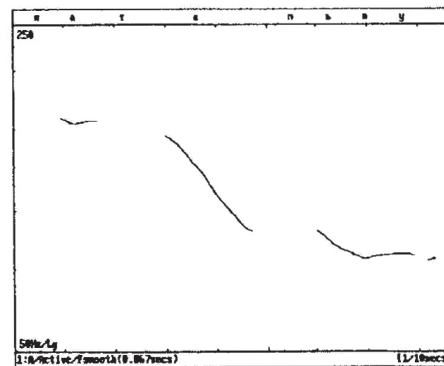

Рис. 36. — Я выбираю *Потапову(\\)*.

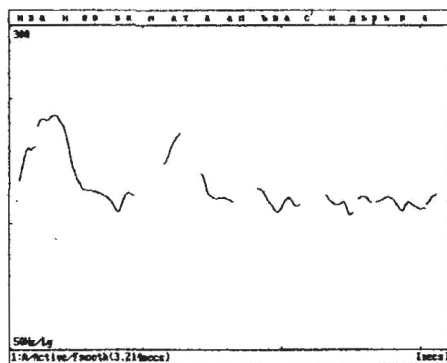

Рис. 37. — Все были: *Иванова(с),
Петрова(с), Сидорова(с)...*

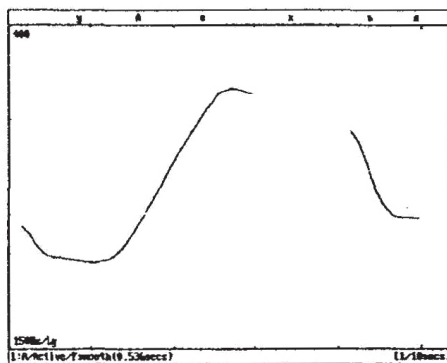

Рис. 38. — Что же он сделал?
Уехал(?)?

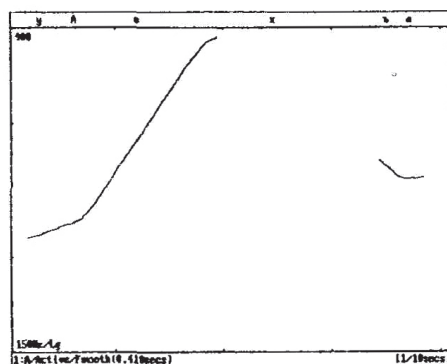

Рис. 39. — Ну как он — *уехал(?)?*

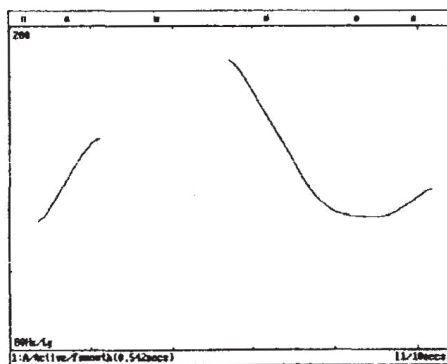

Рис. 40. — Я бы *пошел(с/\)*.

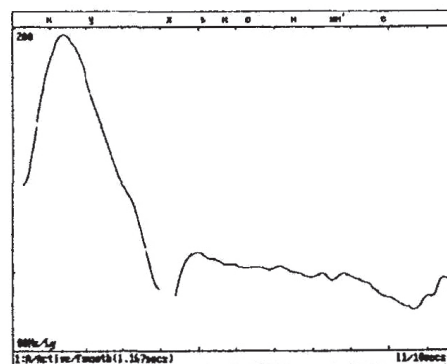

Рис. 41. — *Нужен(с/\) он мне!*

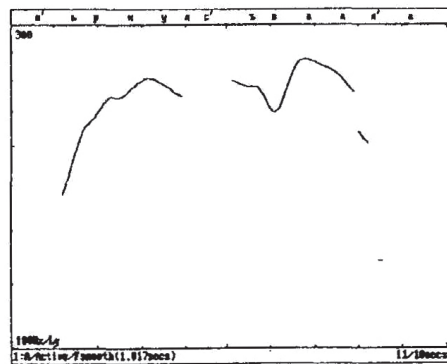

Рис. 42. — *Вернулся Валя? (H1)
Что ты говоришь!*

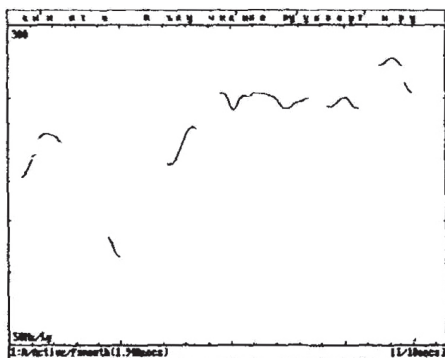

Рис. 43. — Зачем им новая мебель?
Они что — получили
новую квартиру? (H2)

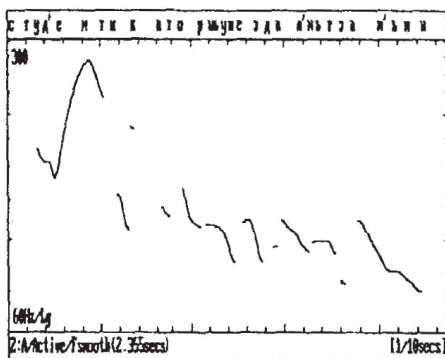

Рис. 44. — Студенты, которые уже
сдали экзамены(L), целыми
днями играли в футбол.

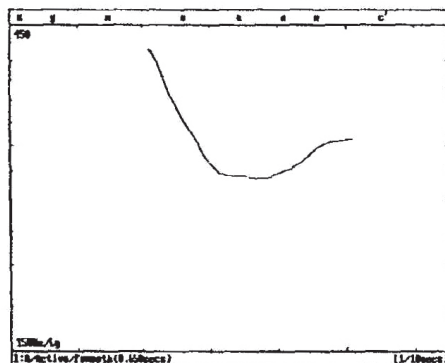
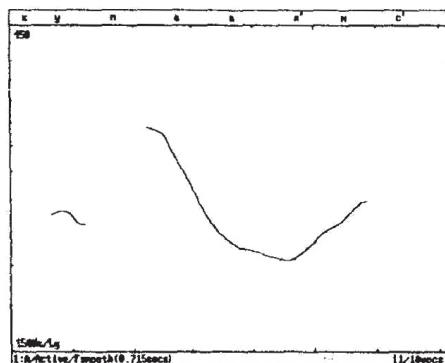

Рис. 45. — Пришли на пляж, а море холодное.
— Не купались?
а) — Купались. (F)

б) — Купались.(EL)

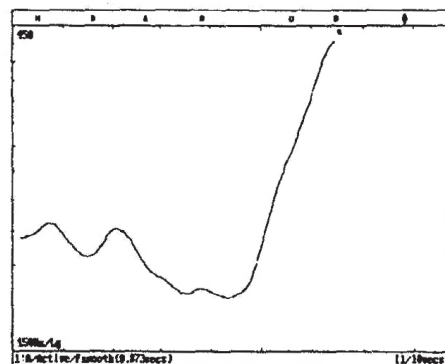

Рис. 46. — Победил Иванов.
— Иванов(//)?! Невероятно.

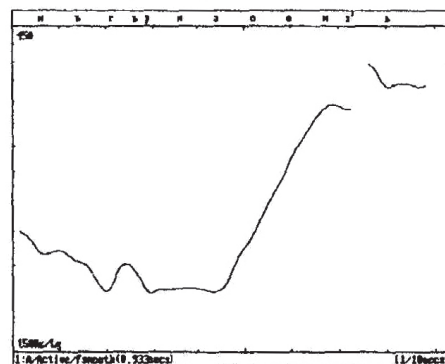

Рис. 47. — На горизонте(//) появил-
ся странный предмет.

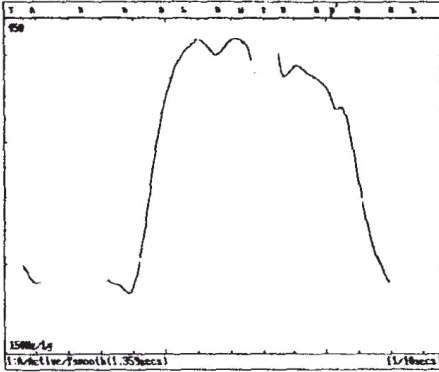
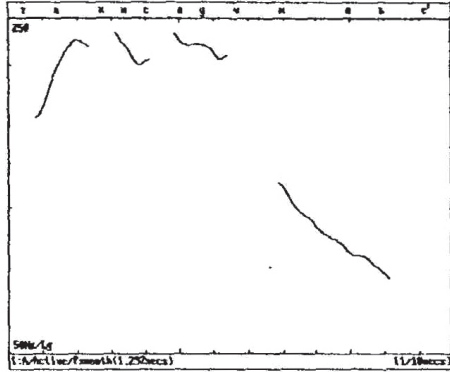
Рис. 48. — Она *такое(з//)* вытворяла.

Рис. 49. — Так и случилось(\\).

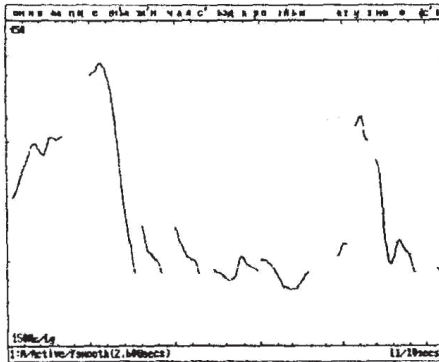
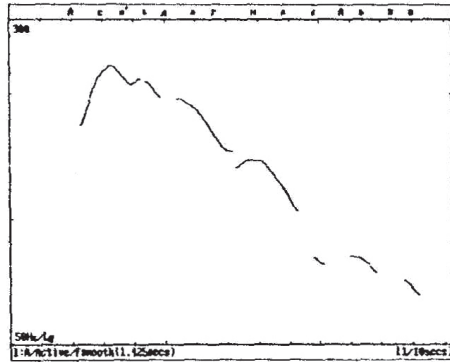
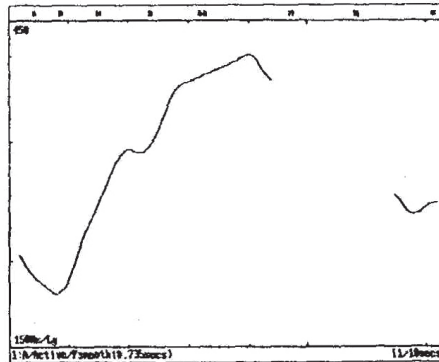
Рис. 50. — Он и вообще(\\Н) не отличалась здоровьем, а тот и *вовсе(L)* расхворался.Рис. 51. — Он уже далеко ушел. *Еле(Н)* догнал(L) его.

Рис. 52. — А вы вообще(Н\с) к этому не имеете отношения.

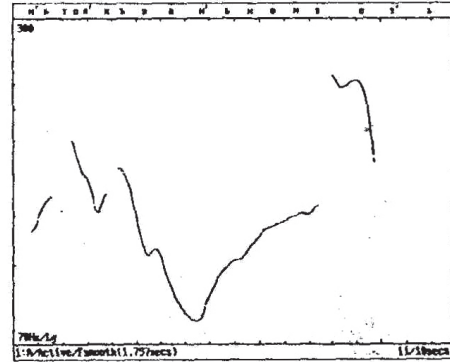

Рис. 53. — Ваня решил задачу. — Не только Ваня(\\EL), но и Петя(\\F).

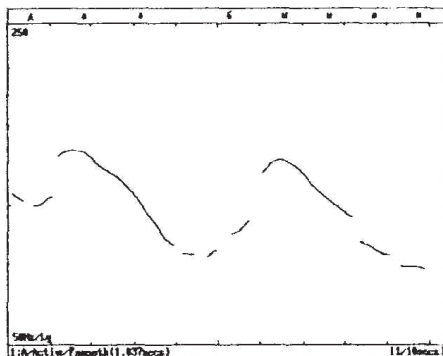

Рис. 54. — Вы были у врача?
— Да(-\neg), были(-\neg).

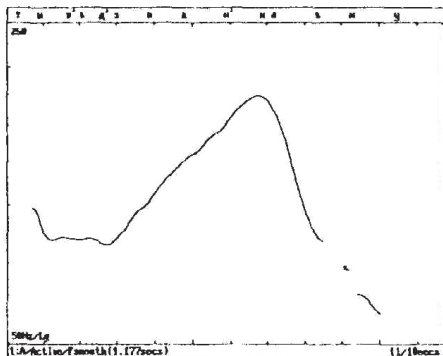

Рис. 55. — Ты ведь звонил(г) ему?(L)
Разве нет?

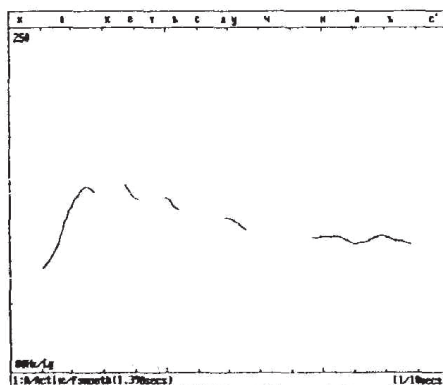

Рис. 56. — Как(-) это случилось?(L)
Понять не могу.

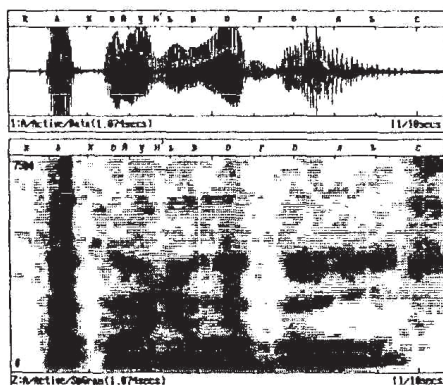

Рис. 57. — Какой у него голос?
Баритон?

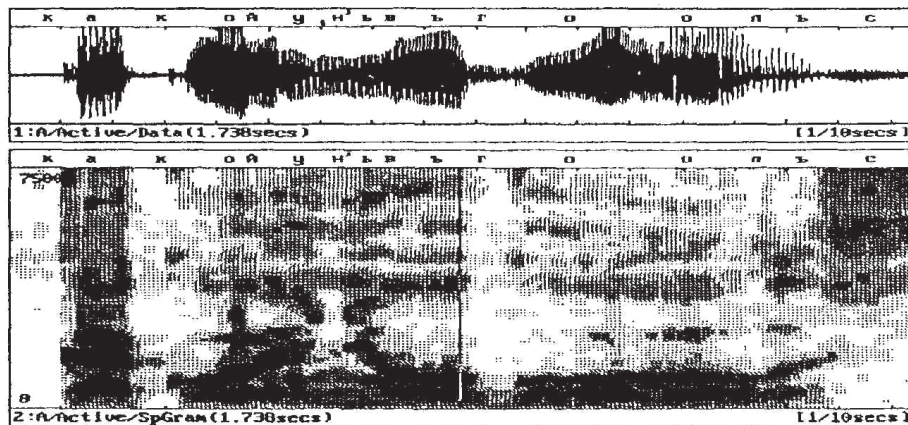

Рис. 58. — Какой у него голос! (сг.v) Ерунда.

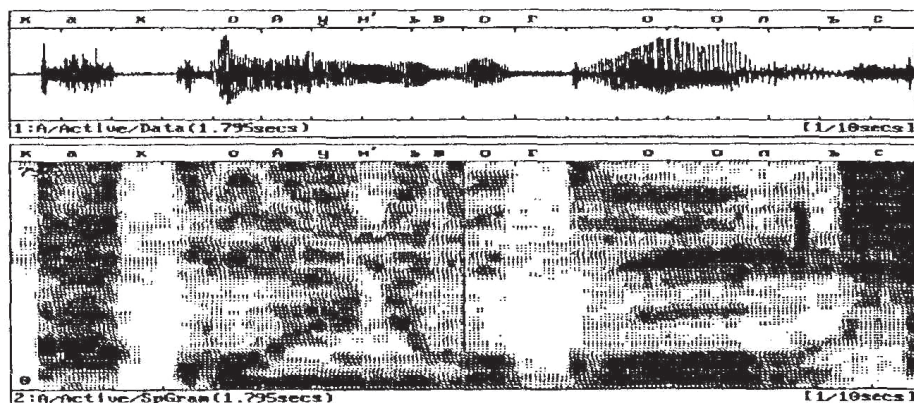

Рис. 59. — Какой у него голос!(в.в)Потрясающий!

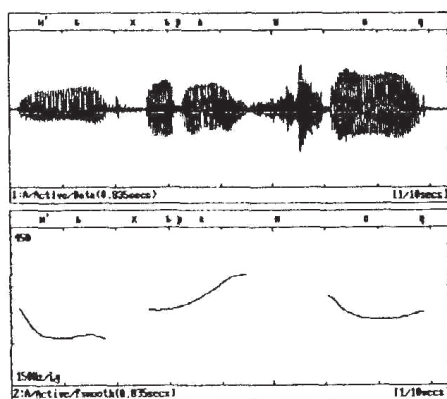

Рис. 60. — Не хорошо(\-q).

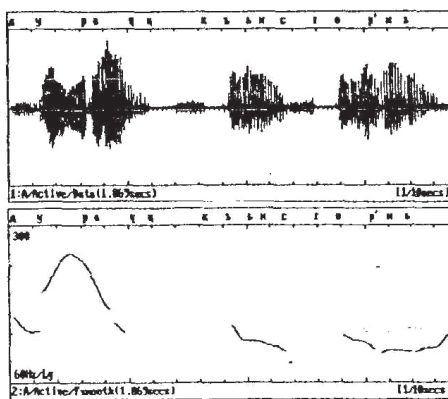

Рис. 61. — Дурацкая(\q) история.

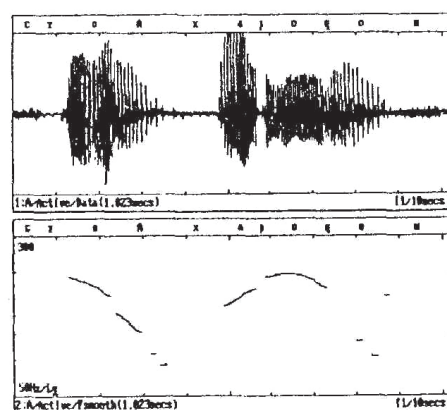
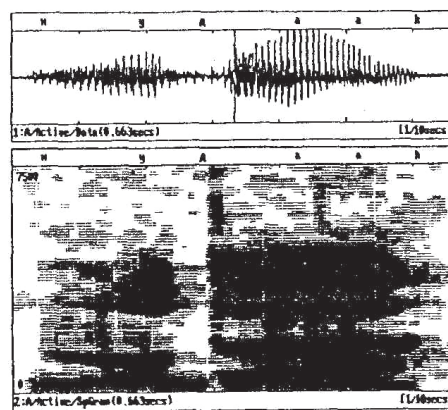

Рис. 62. — Стой, хоро-оу!(-q)

Рис. 63. — Она что ли вернулась?
— Ну да-а(\h).

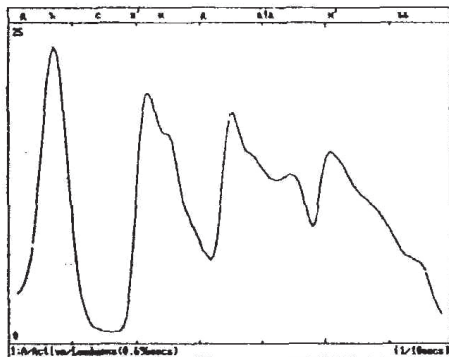

Рис. 64. — До свидания.(i)

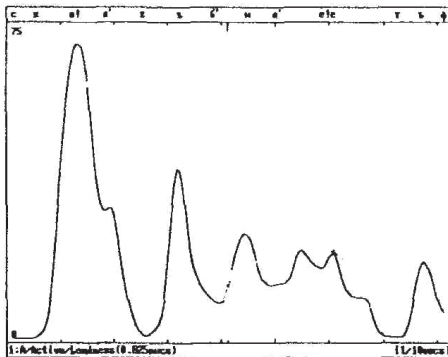

Рис. 65. — Сколько билетов?(i-)

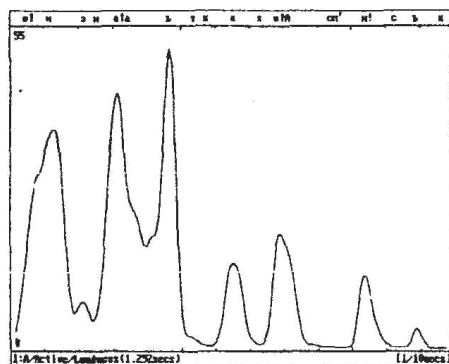

Рис. 66. — Он знает, какой список?(i/=i/\)

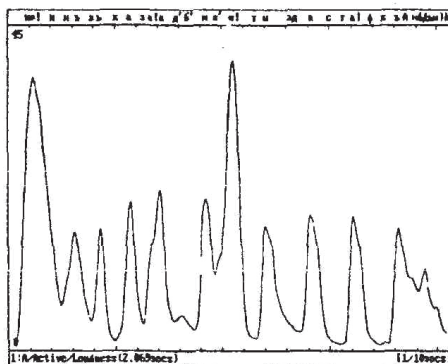

Рис. 67. — Можно заказать билеты с доставкой на дом?(i|-)

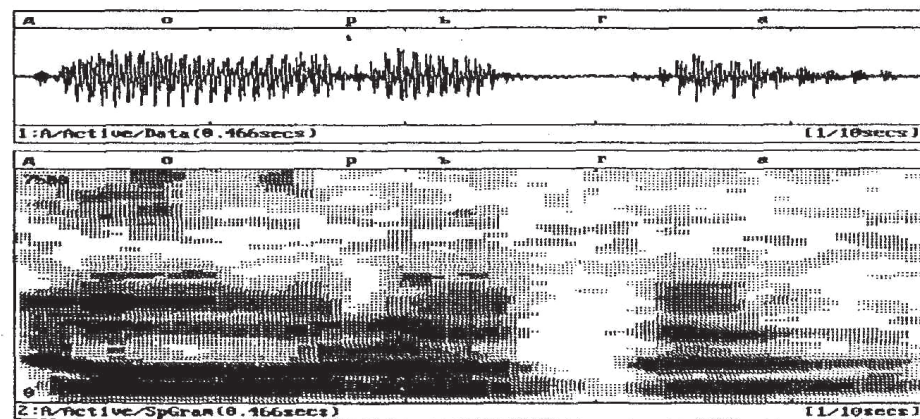

Рис. 68. — Это дорого.

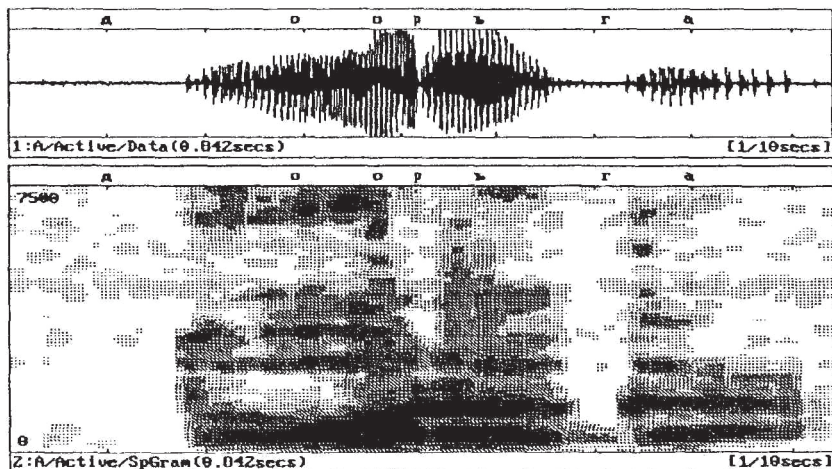

Рис. 69. — Это дешево.
— Да что ты! *Дорого(Con)!*

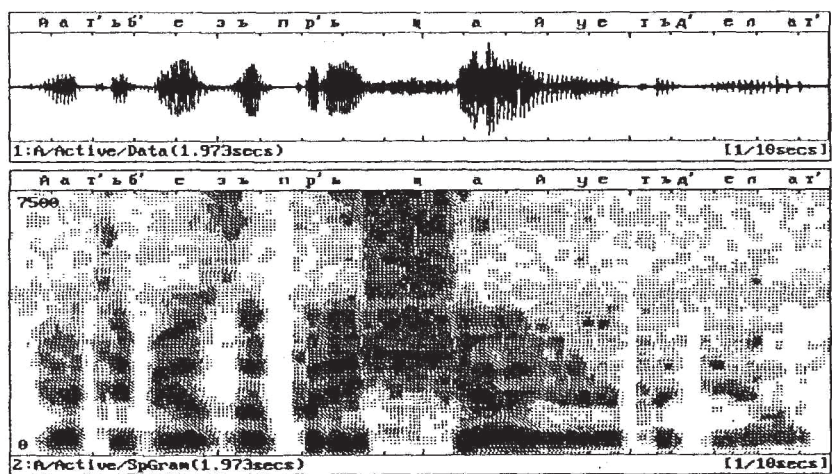

Рис. 70. — Я тебе *запрещаю это делать.

Глава 2

Уровни, единицы и процессы в интонации*

Введение

В 1-м и 2-м выпусках «Проблем фонетики» была помещена анкета В. Б. Касевича «Об основах теории интонации» и ответы на вопросы этой анкеты Е. А. Брызгуновой, Т. М. Николаевой и Н. Д. Светозаровой. Нам хочется продолжить обсуждение поднятых в этих текстах проблем, однако представляется целесообразным делать это в рамках целостной динамической модели, описывающей процесс построения интонационной характеристики высказывания по некоторому семантическому заданию. Этот процесс можно представить с помощью схемы 1.

Схема 1. Порождение интонационной характеристики высказывания.

* Статья опубликована в: Проблемы фонетики. 3. М.: Наука, 1999. С. 197—215.

Поясним содержание отдельных блоков этой схемы. Под «интонационной семантикой» мы имеем в виду ту часть непропозиционального смысла высказывания, которая при его порождении будет выражена интонационными средствами. Ясно, что некоторые «интонационные» смыслы получают одновременное выражение и через другие дискурсивные средства (частицы, порядок слов, специальные лексико-синтаксические конструкции), так что это название условно.

С помощью интонации маркируется значительное число непропозициональных смысловых категорий. Дадим упрощенное перечисление их групп:

— логико-коммуникативные смыслы (рема, модус/диктум, новая тема, фокус синтагматического сопоставления, парадигматическое противопоставление, контрастивность);

— иллюкутивные смыслы (разнообразные типы сообщений, вопросов, побуждений, восклицаний);

— модальные смыслы (эпистемические, аксиологические и значимостные оценки сообщаемого);

— риторические установки (агрессивность/уступительность, иерархическая позиция и т. д.);

— экспрессивные и иконические жесты.

Как известно, интонация выполняет и структурные функции, маркируя фазы разворачивания текста, место реплики в интеракции и семантико-грамматическую группировку текстовых единиц.

Из этого перечня видно, что интонационное задание для будущего предложения потенциально может быть очень сложным, причем разные его компоненты вступают в свободные сочетания, не образуя стандартных кластеров. Поэтому в общем случае невозможно представить себе процедуру интонационного озвучивания высказывания, как подстановку одной из нескольких стандартных конструкций. (Это, конечно, не отвергает использования в каких-то случаях клишированных сочетаний.)

Отсюда следует, что интонационная характеристика предложения «собирается» текущим образом из некоторых элементов совершенно так же, как строятся другие характеристики предложения. Для этого должен существовать особый словарь интонационных знаков, который позволяет по некоторой семантической категории вынимать нужную интонационную характеристику. В идеализированном случае это мог бы быть некоторый аналог словаря обычных морфем (ср. термин дескриптивной лингвистики «интонационная морфема»). Минимальную единицу такого словаря мы будем называть «интономой». Кроме минимальных интонационных единиц естественно допустить и наличие в словаре их сочетаний (аналог производных лексем и устойчивых оборотов). Будем называть их вслед за Е. А. Брызгуновой «интонационными конструкциями» (ИК). Наконец, полную интонационную характеристику предложения будем называть «интонационной конфигурацией» (ИКОНФ).

Чтобы строить из интоном и интонационных конструкций цельные интонационные конфигурации нужны специальные правила «сборки». Они должны размещать интономы и ИК по составляющим предложения в соответствии с семантическим заданием. При этом возможно совмещение нескольких интонационных характеристик. Эти правила совсем не тривиальны и устроены по-разному в разных языках. Например, в русском языке акцент, маркирующий рему вопроса, и акцент, реализующий иллокуцию вопроса, совмещены, тогда как в польском языке восходящий тон вопроса ставится на последний слог и с рематическим акцентом обычно не совмещается. Ср.:

- (1) — *Это ваиа (/) рубайка?*
- (2) — *Czy to jest Pana (\) koszula (/)?*

Здесь и далее для восходящего акцента используем знак /, а для нисходящего \. Вершина акцентированного слога будет подчеркиваться.

Правила «сборки» интонационных конфигураций из словарных единиц будут рассмотрены ниже подробнее. Пока укажем лишь на их нефонетический характер. Эти правила можно считать аналогом морфонологических сегментных правил. На выходе этих правил мы имеем глубинную интонационную характеристику высказывания.

Далее работают собственно фонетические («эвфонические») правила интонации. Это правила членения на фонетические синтагмы (они учитывают уже собственно фонетическую структуру предложения), правила иерархического выстраивания акцентов (ведь внутри предложения и даже внутри синтагмы бывает более одного акцента) и другие правила, о которых пойдет речь ниже. Результатом действия эвфонических правил является поверхностная интонационная структура. Она является интонационной инструкцией для речепроизводящего механизма, действие которого определяет просодические характеристики акустического сигнала.

В рамках статьи невозможно дать детальное изложение всех особенностей очерченной выше модели. Мы рассмотрим далее в основном два ее аспекта, которые представляются наиболее важными. Это, во-первых, структура единиц интонации в их соотношении с семантической и грамматической структурами предложения, и, во-вторых, преобразования, которые происходят при уровневых переходах.

1. Единицы интонации

1.1. Общие свойства интонационных единиц

Семантические категории, выражаемые с помощью интонационных единиц, обычно относятся к коммуникативным составляющим высказывания (реме, теме или к высказыванию целиком). В грамматической структуре предложения им могут соответствовать составляющие любой размерности. Соответственно, «сферой

действия» интонационной единицы также могут быть составляющие самых разных иерархических уровней — от слова (или даже компонента слова) до предложения [Кодзасов 1989; 1996]. Рассмотрим два примера:

(3) — *Я не понял — он приехал (/) или уехал (\)?*

(4) — *Разве вы не поняли до сих пор, что из этой затеи ничего не выйдет (/)?*

В первом вопросе восходящий акцент относится к префиксу *при-*, тогда как во втором он относится ко всему предложению.

Имеется два типа интоном по способу реализации их в пределах своей сферы действия. При первом способе интонома реализуется локально — в виде акцента (тонального или иного). При втором способе интонома реализуется интегрально — как общее просодическое свойство всей группы (повышенный уровень тона или иная общая характеристика). Разумеется, акцентная и неакцентная структура могут объединяться в пределах одного просодического блока. Заметим попутно, что структура интонационного просодического блока может иметь аналог в просодической структуре слова: в некоторых языках в слове сосуществует ритмическая и тембровая просодия. Например, в арчинском языке (Дагестан) слово наряду с ударением может иметь просодическую фарингализацию.

Замечательным образом все базовые просодические средства выступают в двух ипостасях: акцентной и интегральной. Поясним это с помощью табл. 1.

Таблица 1. Два способа использования просодических средств

	Пример акцентного использования	Пример интегрального использования
Тон	Восходящий тон на ударном слоге	Инклинация (медленное восхождение тона на группе слов)
Громкость	Повышенная громкость на акцентированном слоге	Громкое произнесение интонационной группы как целого
Количество	Долгота ударного гласного	Медленный темп группы
Фонация	Гортанная смычка в конце акцентированного гласного	«Скрипучий» голос на отрезке речи

Потенциальные комбинации дискурсивных смыслов в высказывании чрезвычайно многообразны, этому соответствует многообразие просодических комбинаций, которые обнаруживают реальные предложения. Перейдем к рассмотрению пространства этих комбинаторных возможностей.

1.2. Интонационные конструкции и интонымы

Широко используемая система интонационных конструкций Е. А. Брызгуновой [1980] предполагает очень ограниченное число комбинаций (семь) просодических единиц. Напомним их состав на примере прототипических употреблений:

ИК-1 =\ Повествовательное предложение:

(5) — *Здесь живут мои родители.*

ИК-2 =\+ Специальный вопрос, повеление:

(6) — *Когда произошло это событие?*

(7) — *Закройте окно!*

ИК-3 / Общий вопрос, незавершенность:

(8) — *Вы были в кино?*

(9) — *Пока вы были в кино, мы работали.*

ИК-4 ∨ Сопоставительный вопрос:

(10) А. — *Сестра приехала.* Б. — *А жена-а?*

ИК-5 /=\ Восклицание:

(11) — *Великолепно! (/=\)*

(12) — *Какая погода! (/=\)*

ИК-6 /= Оценка 1:

(13) — *Какой вечер теплый!*

ИК-7 /q Оценка 2:

(14) — *Хорошо!*

В качестве минимальных компонентов, из которых складываются эти ИК, выступают: три тональных признака — восходящий, нисходящий и ровный тоны (/ , \ , =), интенсивность на акценте (+), глоттализация в виде гортанной смычки (q).

Легко показать, что указанные компоненты вступают в другие комбинации, давая гораздо большее число ИК [Кодзасов 1996]. Приведем примеры, снабжая их краткими комментариями.

(15) — *Здесь живут мои родители (= \). И сестра (\) здесь живет.*

Если в первом предложении падению предшествует ровный тон (= \), то во втором предложении падению тона предшествует его подъем. Условно знак «\» без = указывает на то, что перед падением имел место подъем. Аналогичным образом знак «/» (в отличие от знака /=) предполагает, что после восхождения произошло падение тона.

(16) А. — *Может, у тебя денег нет?* В. — *Е-есть (\).*

Как видим, возможна не только комбинация нисходящего и восходящего тонов, но и обратное сочетание.

(17) — *Когда он возвращается (/=\) или (\=)?*

Специальный вопрос чаще огласуется с помощью ИК-5, однако данный пример показывает, что возможна и пара нисходящих тонов, соединенная ровным.

(18) — *Ты сделал (/+, что я требовал?*

Как видим, агрессивность, сопровождаемая динамическим компонентом, может быть присуща не только падающему тону «экзамениционного» вопроса (\+), но и требовательному общему вопросу.

(19) — *Тебе кто-то (+) звонил (\).*

На неопределенных местоимениях тональный акцент не используется (ср. акцент на существительном в аналогичном предложении: — *Тебе Ваня (\) звонил*). В этом случае используется чисто динамический акцент.

(20) — *А Ва-аня! (:)* Почему он не помог?

Этот пример показывает, что возможен чисто долготный акцент вне комбинации с тональным (тон ровный).

(21) — *Не хорошо (=q)!*

Данный пример демонстрирует, что гортанная смычка не обязательно сопровождается восходящий тон — она возможна и в комбинации с ровным.

Необходимо указать на другие просодические признаки, которые должны стать обязательной частью инвентаря интоном. Наиболее важен признак «таймирование» (timing), который впервые был предложен С. Оде [Ode 1989] для описания различий во времени завершения падения тона (начало акцентированного гласного или его конец). Нам кажется более правильной несколько иная интерпретация этого признака: ориентация тонального перелома на гласный vs. начальнослоговой согласный vs. начало слога в целом, т. е. согласный и гласный. Приведем примеры этого различия (обозначения трех указанных возможностей, соответственно: \г, \с, \).

(22) — *Я выбираю Потапову (\г).*

(23) — *Всех позвали: Потапову, Петрову, Иванову... (\с)*

(24) — *Это сделала Потапова (\).*

Интересно, что по признаку «таймирования» противопоставлены и сложные тоны, в частности, особое распределение может иметь восходяще-нисходящий комплекс:

(25) — *А ведь он доволен (/сг)! (догадка)*

Здесь восходящий тон приходится на согласный, а нисходящий на гласный.

Различие в таймировании может касаться не только внутрислогового положения тонального контура, но и распределения акцента в слове. Так, восходящий тон

на ударном гласном и на конечном гласном слова имеют не тождественные функции. Последний связан со специфическими фазовыми характеристиками — это знак продолжения некоторой текстовой цепочки, тогда как первый такой функции не имеет:

(26) — *Это фамилия (/)?*

(27) — *Ваше имя (/)? Фамилия (/)? Адрес (/)?*

Различие в таймировании могут иметь и «композиции» акцентов — так мы предлагаем называть клишированные связки из пары акцентов. Так, композиция /≠\ не обязательно ориентирована на начальный слог. В обращениях она имеет конечную ориентацию. Ср.:

(28) — *Великолепно (/≠\)!*

(29) — *Аленушка (/≠\)!*

Употребительной разновидностью «композиций» является повтор акцента на конечном слоге:

(30) — *А компьютер-то укради(∨∨)! А вы не верили!*

(31) А. — *Ты разве не пойдешь?* В. — *Почему не пойду? Пойду-у(∨∨)!*

В системе С. Оде [Ode 1989] введены также признаки экскурсии тонального акцента и его регистра, их значимость очевидна (первый из них обсуждался в работе [Кодзасов 1987]).

Необходимым элементом интонационного описания являются интегральные интонемы. Приведем несколько примеров, которые демонстрируют их использование в речи. Подчеркнем, что огласовки такого вида характеризуют не особый аффекированный стиль речи, а совершенно обычные бытовые диалоги.

(32а) — *Какой у него голос (НТР)? Бас или баритон?*

(32б) — *Какой у него голос (ПДХ) (М)! Великолепный!*

(32в) — *Какой у него голос (СКР)! Голосишко!*

(32г) — *Какой-какой у него голос (НПР) (В) (Б)?*

(33) А. — *Ты поедешь с нами?* Б. — *Придется поехать (РСЛ)(Н).*

Здесь НТР обозначает нейтральную фонацию (обычно не указывается), ПДХ — придыхательную, СКР — скрипучую, НПР — напряженную, а РСЛ — ослабленную (см. подробнее Приложение 2). Кроме того, В и Н означают высокий и низкий тональный регистр произнесения, а М и Б — медленный и быстрый темп.

1.3. Состав словаря интонационных знаков

Мы показали в предыдущем параграфе необходимость существенного расширения инвентаря исходных просодических компонентов (интоном) и их значительные сочетаемостные возможности, которые не могут быть учтены с помощью предлагавшихся ранее фиксированных инвентарей интонационных конструкций. Главной целью наших примеров отнюдь не является доказательство необходимо-

сти увеличения числа ИК. Речь идет об изменении самого подхода к описанию инвентаря интонационных средств русского языка. Из приведенных примеров хорошо видна свободная сочетаемость отдельных элементов ИК, которая отражает их функциональную самостоятельность. Отсюда следует необходимость в первую очередь описать полный набор минимальных интонационных знаков (интоном). Они должны стать ядром интонационного словаря — это аналог словаря морфем, имеющих сегментные оболочки.

Второй задачей является определение базового инвентаря интонационных конструкций, которые также следует считать обязательным компонентом словаря интонационных знаков — это аналог словаря лексем и устойчивых словосочетаний. Построение интонационной характеристики текущего предложения может потребовать создания окказиональных конструкций и их комбинаций внутри интонационных составляющих большей размерности (конфигураций) — это аналог деятельности говорящего по порождению новых словоформ и синтаксических структур разных иерархических уровней.

Очевидным образом, следует исходить из нефиксированности инвентаря ИК (разные носители явно имеют неодинаковые интонационные клише) при фиксированности инвентаря интоном. Во многих случаях ИК входит как часть в цельную дискурсивную конструкцию, включающую также частицы, типичный порядок слов и специфическую синтаксическую структуру. В качестве примера можно привести не раз обсуждавшиеся вопросительные конструкции с *ли*, *неужели* и *разве*.

Как только мы поднимаем вопрос о словаре интонационных знаков, мы немедленно сталкиваемся с проблемами, типичными для лексикографического описания. В частности, для любой интономы и интонационной конструкции мы должны найти семантический инвариант, определить подзначения и разделить омонимичные употребления. Вопрос об инвариантных значениях («архисемах») интонационных конструкций был поднят в уже упоминавшихся ответах Е. А. Брызгуновой на вопросы В. Б. Касевича в связи с ИК-3. «Архисема» этой конструкции была определена как «ожидание продолжения»: ожидание ответа при вопросе, ожидание продолжения повествования, ожидание поведенческой реакции партнера при просьбе. Это напоминает категорию «открытое» (open), которая предлагалась Краттенденом [Cruttenden 1986] в качестве универсального смысла восходящего тона.

Остановимся на проблеме семантического толкования разных употреблений восходящего тона (ВТ), поскольку ситуация здесь достаточно типична. Мы уже указывали выше на то, что восходящий акцент в общем вопросе совмещает функцию указания ремы с выражением вопросительной иллокуции. Можно привести и другой пример совмещенного функционирования ВТ — когда рема совмещена с фазовой характеристикой (незавершенность):

(34) — Ну когда же мы пойдём?

— Да вот сварю обед (l), тогда пойдём. / — Вот постираю (l), тогда пойдём.

Изменение порядка слов позволяет разделить совмещенные компоненты:

(35) — *Да вот обед (\) сварю (/), тогда пойдем. / — Постираю (\) вот (/), тогда пойдем.*

Мы уже говорили выше об особом восходящем тоне в цепочке анкетных вопросов: — *Фамилия (/) ?.. Имя (/) ?.. Отчество (/) ?..* В этом случае рематический акцент отсутствует, а фазовый ВТ ставится на последний слог слова. Скорее всего, такой ВТ следует считать особой единицей.

Вернемся теперь к ВТ общего вопроса как прототипическому случаю употребления. Очевидно, следует считать, что на уровне прагматической семантики ему соответствует комплекс компонентов. К ним относятся: состояние незнания говорящего (отрицательный эпистемический модус); побуждение партнера к устранению незнания (вопросительная иллокуция); ожидание продолжения (фаза незавершенности). Однако такой синкретизм функций имеет место далеко не всегда, и ВТ может выполнять каждую из них по отдельности:

(36) А. — *Когда она вернется?* Б. — *Не знаю. Может быть, во вторник (/).*

(предположение, т. е. неполное незнание говорящего)

(37) А. — *А где Ваня?* Б. — *Да ты знаешь, ему на работу (/) пришлось поехать.*

(сообщение неожиданной для партнера информации)

(38) — *Предложить-то можно, но вот согласится (/) ли он. Это еще вопрос.*

(указание на неопределенность ситуации и наличие потенциального вопроса без адресации его партнеру)

(39) — *Я вчера Ваню (/) видел. Он тебе привет передавал.*

(интродуктивное сообщение, предполагающее введение дальнейшей информации)

(40) — *Ваша киска купила бы ВИСКАС (/)!*

(побуждение к переосмыслению ситуации)

Как видим, формула «ожидание продолжения» в качестве семантического инварианта для всех этих случаев употребления ВТ приобретает крайне абстрактный характер. Особенно выделяются реплики типа (40), которые чрезвычайно характерны для современной телевизионной рекламы. Очевидно, здесь приходится говорить по крайней мере о полисемии, как это делается при семантическом анализе многих лексических и грамматических единиц.

Еще дальше по семантике находятся случаи использования ВТ в репликах «вызова» типа:

(41) — *Коля-то — обманул (/) тебя.*

К ним примыкают агрессивные отказы вида:

(42) — *Вот еще. Буду (I) я ему помогать (Н). Чего ради?*

В этом случае реплика произносится в низком регистре тона, так что возникает проблема фонетической разложимости конструкции. Сходная проблема возникает и в случае восходящего тона просьб:

(43) — *Помоги (I/сгл) мне, пожалуйста!*

Для просьб характерен растянутый на несколько слогов («сглаженный» — сгл) подъем тона, который может рассматриваться как отдельная интонация словаря.

Таким образом, сочетаемость ВТ с прочими интонационными параметрами и средствами: разным размещением тонального движения в слове и в слоге, разной амплитудой подъема тона, разными тональными регистрами (в том числе фальцетным), с гортанной смычкой, «скрипучим» голосом и придыханием, с долгой и краткостью и проч. [Кодзасов 1996], — должна подвергнуться изучению. Все эти средства отражают многообразие смысловых, риторических и экспрессивных контекстов, которые могут влиять на изменение семантического инварианта ВТ.

До сих пор мы еще не рассматривали случаи использования ВТ при теме и темоподобных группах. Ср. такие пары реплик:

(44) А. — *Иванова (I) можно (I) позвать?* Б. — *А Иванов (I) заболел (I).*

(45а) — *Когда придет мама (I), позвони (I) мне.*

(45б) — *Когда придет мама (I), позвонить (I) тебе?*

Здесь направление тона первого акцента очевидным образом адаптировано к тону второго акцента. То есть эта ситуация подобна согласованию грамматических форм прилагательных и глаголов с формами существительных. Такая вспомогательная функция ВТ никак не укладывается в предложенный выше семантический инвариант. Очевидно, здесь следует говорить об омонимии двух интоном ВТ.

На примере ВТ видно, что функции интонационных единиц требуют столь же детального изучения, что и функции таких дискурсивных средств, как частицы, синтаксические конструкции или порядок слов. Без такого анализа нельзя решить, имеем ли мы дело с вариантами одной интономы, с омонимичными интонами или с семантически нечленимыми конструкциями, включающими данную интоному.

Продолжим теперь на примере ВТ обсуждение проблем, связанных с включением в словарь тех или иных интонационных конструкций (комбинаций интоном). Ясно, что те содержащие ВТ интонационные конструкции, которые утратили семантическую разложимость, должны быть включены в словарь. Это требует специального изучения функций ВТ в составных акцентах: нисходяще-восходящем и восходяще-нисходящем, а также в сочетаниях восходящего тона с ровным. В каких случаях они выступают как семантически цельные единицы, а когда могут рассматриваться как поверхностные реализации глубинных комбинаций? Так, нисходяще-восходящий тон сопоставительных вопросов явно восходит к комбинации, в которой восходящий компонент выполняет свою обычную

функцию (см. ниже). В то же время в случае восходяще-нисходящего акцента (например: А. — Ты что — не был там? Б. — Был (Λ).) такой компонентный анализ сомнителен.

Однако при включении ИК в словарь, очевидно, должны действовать не только структурные факторы. Даже при условии полной фонетической выводимости употребительные конструкции (а сопоставительный вопрос относится к их числу) имеет смысл включать в словарь как цельные единицы. В то же время не подлежит сомнению нецелесообразность хранения в словаре окказиональных сочетаний интоном, порождаемых по стандартным правилам.

1.4. Интонационная структура высказывания

Интонационная структура высказывания как целого в основном задана семантически обусловленными характеристиками его коммуникативных составляющих. Рассмотрим простой пример (реплики произнесены автором статьи).

(46) — (Вы (/≠) Петра Ивановича (≠) (из отдела снабжения (')) (-, Н) | не можете (/сгл) попросить выделить нам спирт (\\B) для протирки приборов) (РСЛ)?

(47) — Для чего (/≠) — (я не понял — вам нужен спирт) (B, Б)?

Тематическая составляющая первой реплики делится на две части: первая оформлена с помощью ИК-5, тогда как вторая (факультативная информация) произносится на низком уровне громкости (-) и тона (Н) и заканчивается нисходящим акцентом малой величины ('). Тематическая составляющая содержит два акцента: первый маркирует модальную рему, а второй диктальную (о возможности двойной рематизации см. [Бонно, Кодзасов 1998]). Предложение целиком произнесено на расслабленной фонации (просительный «тон»). Ответная реплика имеет характерную огласовку уточняющих переспросов: быстрый темп (Б) и высокий регистр тона (B). Типичен также увеличенный интервал восходящего акцента (/).

Этот пример ясно показывает сложность как синтагматической, так и парадигматической структуры интонации: характеристика первого высказывания строится как цепочка ИК, но при этом она как целое имеет специфическую фонационную характеристику. Вторая реплика, как и первая, содержит составляющую, в которой совмещены акценты и интегральные просодии.

В данном случае отсутствует паузальное членение длинной первой реплики (вопросительные реплики обычно не имеют паузальных разрывов). Для диалогических реплик роль собственно фонетических факторов интонационного оформления (тенденция к ритмическому членению, стандартная временная организация предложения, предполагающая финальное продление) невелика. В данной работе нас больше интересует семантически мотивированные аспекты интонации. Поэтому при анализе процессов, происходящих в ходе построения интонационной характеристики высказывания, мы коснемся лишь тех фонетических факторов, которые действуют принудительно независимо от стиля речи.

2. Процессы в интонации

Мы не преследуем в данном параграфе цели сколько-нибудь полно описать процессы, которые происходят при построении интонационной характеристики предложения. Наша задача состоит лишь в демонстрации разных типов процессов на разных уровнях порождения.

2.1. Глубинные процессы

Размещение акцента

Как уже говорилось выше, акценты, подобно интегральным просодиям, относятся к семантико-синтаксическим составляющим, а не к отдельным словам. Если составляющая является неоднословной, то необходимо выбрать слово, на котором будет поставлен акцент. Это делается на основе весьма сложных правил, которые учитывают как семантическую, так и синтаксическую структуру группы. Наиболее очевидные законы расстановки акцентов описаны в нашей работе 1996 г., однако до сколько-нибудь полных правил еще далеко. Важно подчеркнуть, что расстановка акцентов в реальных диалогических текстах совершенно не связана с линейной позицией слов. Рассмотрим такой пример:

- (48) — *Что ты собираешься делать?*
 — *Буду готовиться к 'экзамену.* / — *Буду к 'экзамену готовиться.* / — *К 'экзамену буду готовиться.*

Мы видим, что акцент на дополнении сохраняется вне зависимости от порядка слов.

И наоборот — мена позиции акцента в группе связана, как известно, с изменением коммуникативной структуры. Ср. такую пару примеров:

- (49) — *Я 'вернул деньги Иванову. Больше мне об этом не напоминай.*
 (50) — *Почему ты не заплатил за квартиру?*
 — *Я вернул деньги 'Иванову. Так что осталось совсем мало.*

В первом случае мы имеем дело с «модальной» ремой — сообщается, что из двух возможностей (вернул/не вернул) реализована положительная. Во втором случае мы имеем дело с «диктальной» ремой — сообщается об одной из многих потенциальных причин отсутствия денег. Различие в коммуникативной организации внешне сходных предложений приводит к различию в размещении акцента.

Имеется много способов коммуникативной организации одной и той же вещественной информации, и это имеет прямое следствие в акцентной структуре. Так, если происходит «дислокация» части ремы, то отделенный фрагмент также получает акцент:

- (51) — *Они живут 'неплохо.* / *'Живут они 'неплохо.*

Интересны случаи, когда акцент «уходит» на ту часть высказывания, которая несет главную часть информации:

(52) — Он *'*возражал против этого решения. / — Он был *'*против этого решения.

В первом предложении смысл «против» уже содержится в глаголе и в предлоге повторяется плеонстически, во втором он выражен только в предлоге, который и получает акцент.

Особую проблему, которая не привлекла должного внимания в русской интонологии, составляет различие «широкого» и «узкого» фокуса (ремы). Применительно к английскому материалу этот вопрос не раз обсуждался. Речь идет о различии такого рода:

(53a) — Подожди меня. Мне надо еще (*'*Пете позвонить).

(53b) — Ты не всех обзвонил. Надо еще (*'*Пете) позвонить.

В первом случае вводится компонент *Пете позвонить*, тогда как во втором — только компонент *Пете*. Тонкое фонетическое различие таких случаев еще предстоит исследовать.

Выше уже шла речь о возможности совмещения акцентных интоном (ремати-ческой, иллокутивной и фазовой) или их раздельном функционировании. Законы, которые здесь действуют, практически не изучены. Исследование акцентных правил здесь должно идти рука об руку с исследованием порядка слов и коммуникативного синтаксиса.

Иного типа правила определяют размещение пары акцентов внутри слова. Такая ситуация возникает, в частности, при опущении слова, несущего акцент. Это типично не только для сопоставительных вопросов, но и для присоединительных утверждений:

(54) А. — Коля уже приехал. Б. — А Ваня (∧) — приехал (∧)? / — А Ваня (∨)?

(55) А. — Коля уже приехал. Б. — И Ваня (∧).

Заметим, что в последнем случае присоединение может нести характер полемки (почему забыли Ваню?). В этом случае используется фигура ∨, как и при сопоставительном вопросе, однако добавляется долгота ударного гласного и повышение регистра тона.

Тип акцента

Выбор типа акцента (восходящий/нисходящий, громкостный, долготный) не предопределяется простой подстановкой стандартной формы для интономы данного типа. Во многих случаях лексико-грамматический контекст предопределяет выбор той или иной из просодических огласовок. В частности, как было показано, неопределенное местоимение не принимает тонального акцента, который переносится на другой компонент предложения:

- (56а) — Тебя директор (\) спрашивал.
 (56б) — Тебя кто-то (+) спрашивал (\).
 (57а) — Он их отдал Ване (\).
 (57б) — Он их кому-то (+) отдал (\).

Мы уж говорили выше о том, что тон темы может предопределяться тоном ремы по принципу обратной адаптации:

- (58) А. — Ты Колю (\) предупредил (/)? Б. — А Коля (/) знает (\).

Очевидно, это тоже следует считать глубинным процессом (некоторый аналог морфонологических чередований сегментов), так как при направлении адаптации учитываются коммуникативные статусы акцентов.

2.2. Поверхностные процессы

Среди поверхностных (не имеющих семантической мотивации) процессов главную роль играют те, которые мы назвали выше «эвфоническими». Мы имеем в виду правило ритмически мотивированного членения на акцентные группы и паузации, ранжирования акцентов по силе, деклинации и конечного продления. Эти процессы создают некоторую правильно оформленную, благозвучную структуру. Они особенно характерны для нарративного стиля и чтения текстов. Прекрасный пример исследования таких процессов дают работы О. Ф. Кривновой (см., например, [Кривнова 1976; 1995]).

Мы хотим обратить внимание на два механизма поверхностного варьирования интонационных единиц, которые до сих пор не получили достаточного внимания. Первый из них связан с рассогласованием сегментного и просодического материала: интонаема может предполагать двухслоговую реализацию, а сегментный материал ее не обеспечивает. Приведем в качестве примера употребительную конструкцию повтора тона на конечном слоге:

- (59) — На чем мне поехать?
 — Как на чем? На автобусе! (\) / На метро-о (\)

Как видим, в последнем случае происходит удвоение ударного гласного конечного слога (рис. 1).

Даже три вида реализации может иметь конструкция /≠\ . Рассмотрим варианты ее апеллятивного употребления:

- (60) — Аленушка (/≠\)! / Алена (\)! / Але-ен (\)!

Как видим, лишь в первом случае фигура реализуется в полном виде (с «плато» между акцентами), а в третьем случае для поддержания минимально необходимой формы акцента происходит своего рода «редупликация» гласного (рис. 2).

Мы уже писали в предыдущем выпуске «Проблем фонетики» о специфической реализации акцентов в «редуцированных» словах: в них начало тонального движения смещается на предупредную часть слова (см. [Кодзасов 1995]). Наши по-

следующие наблюдения подтверждают наличие такой тенденции. На рис. 3 приведен график тона для фразы *Заказ аннулирован* (\\), где падение тона происходит в основном на предупредном слоге. (Эта и нижеследующие русские фразы прочитаны артистами московских театров.) Подобные примеры мы находим и в богатой иллюстративным материалом книге И. Фужерон [Fougeron 1989]. Например: *Я не люблю* (\\) *Баха*, *Сестра поедет в Москву* (\\) и т. д.

Еще более яркие примеры «ретракции» тона в редуцированных словах наблюдаются в случае, когда они выступают в виде клишированных однословных реплик. На рис. 4—6 представлены графики такого рода реализаций для реплик: — *До свидания!*; — *Начинаем!*; — *Ничего!*; — *Нормально!* Этот материал показывает, что правила «таймирования» акцентов внутри слова нуждаются в детальном изучении.

2.3. Внелингвистические процессы

Периферические влияния сегментов и деклинации тона на реализацию интонационной программы предложения являются излюбленной темой фонетистов. Некоторые данные, касающиеся русского языка, сообщались еще в 60-х гг. [Златоустова 1962; Кодзасов 1968]. Однако не следует преувеличивать значение этих факторов при исследовании интонации. Любой опытный фонетист легко отличит автоматическое падение тона на звонком смычном от семантически мотивированного изменения, а также учтет влияние деклинации на экскурсию тонального акцента в конце предложения. Речь скорее должна идти не о возможных ошибках интерпретации из-за неучета внелингвистических факторов, а о трудностях определения значений тональных и прочих параметров в специфических контекстах. Например, наличие сочетания глухих согласных в начале слога приводит к тому, что значительная часть тональной кривой недоступна наблюдению.

Другие трудности связаны с пертурбацией глоттальной волны при маркированных фонациях. Приведем для примера график тона (рис. 7) для слова *старая*, произнесенного на «скрипучем» голосе (знак отрицательной оценки). Ясно, что контроль всех таких факторов является необходимым условием при подготовке материала для исследований и при интерпретации результатов.

Однако несравнимо важнее контроль семантических переменных, определяющих интонацию предложения. В этой области результаты пока весьма скромны.

Литература

- Бонно, Кодзасов 1998 — Бонно К., Кодзасов С. В. Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линеаризацию и интонирование // Дискурсивные слова русского языка. М., 1998.
- Брызгунова 1980 — Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. 1. М., 1980.

- Златоустова 1962 — *Златоустова Л. В.* Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962.
- Кодзасов 1968 — *Кодзасов С. В.* Измерение основной частоты при исследовании интонации // Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики. М., 1968.
- Кодзасов 1987 — *Кодзасов С. В.* Тональная эмфаза в русском языке // Proceedings of the XI Int. Congress of Phonetic Sciences. Vol. 5. Tallinn, 1987.
- Кодзасов 1989 — *Кодзасов С. В.* Обакцентной структуре составляющих // Экспериментально-фонетический анализ речи. Вып. 2. Л., 1989.
- Кодзасов 1995 — *Кодзасов С. В.* О редуцированных словах в русском языке // Проблемы фонетики. 2. М., 1995.
- Кодзасов 1996 — *Кодзасов С. В.* Комбинаторная модель фразовой просодии. Законы фразовой акцентуации // Просодический строй русской речи. М., 1996.
- Кодзасов, Кривнова 1977 — *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Фонетические возможности гортани и их использование в русской речи // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.
- Кривнова 1976 — *Кривнова О. Ф.* Составляющая несущего тона в мелодической кривой фразы // Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М., 1976.
- Кривнова 1995 — *Кривнова О. Ф.* Перцептивная и смысловая значимость просодических швов в связанном тексте // Проблемы фонетики. 2. М., 1995.
- Cruttenden 1986 — *Cruttenden A.* Intonation. Cambridge, etc. 1986.
- Fougeron 1989 — *Fougeron I.* Prosody et organisation du message. Paris, 1989.
- Odé 1989 — *Odé C.* Russian Intonation: a Perceptual Analysis. Amsterdam, 1989.

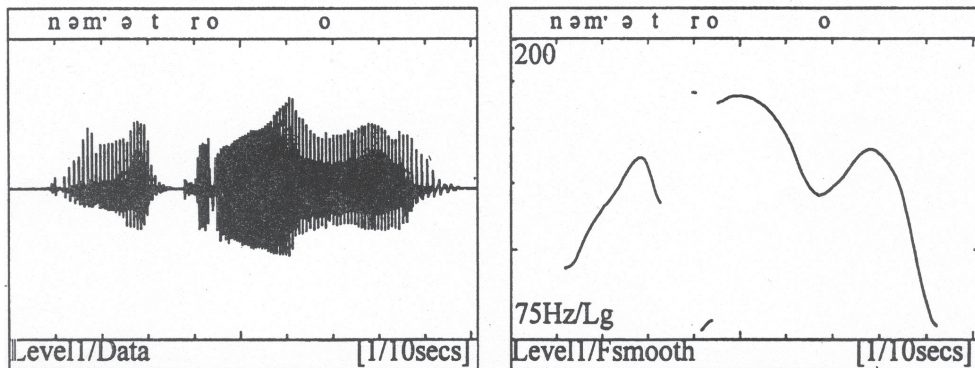

Рис. 1. Раздвоение гласного при реализации сложного акцента:
 – На метро-о (Λ)!

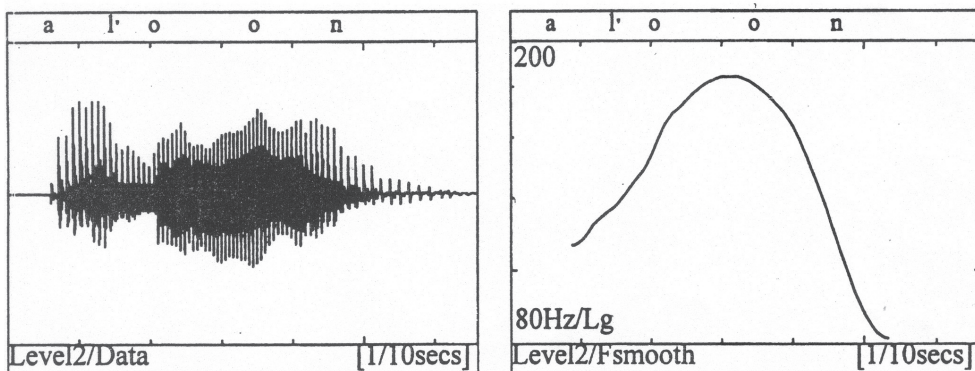

Рис. 2. Раздвоение гласного при реализации сложного акцента:
 – Алле-эн (Λ)!

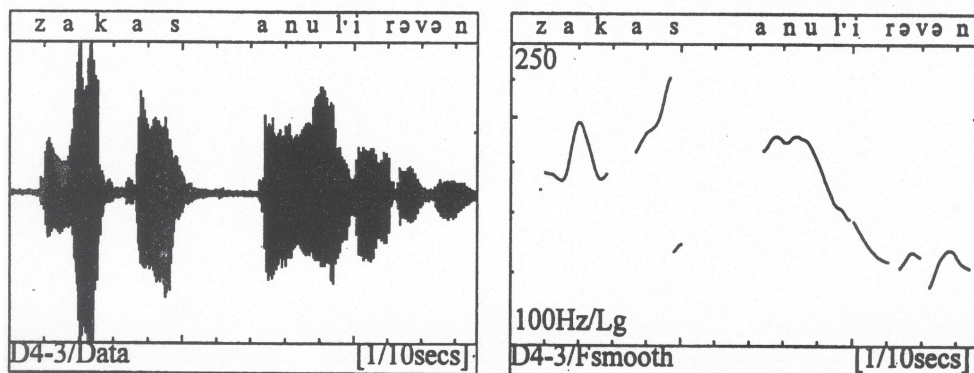

Рис. 3. Смещение тонального акцента на предупредный слог:
– Заказ аннулирован (✓)

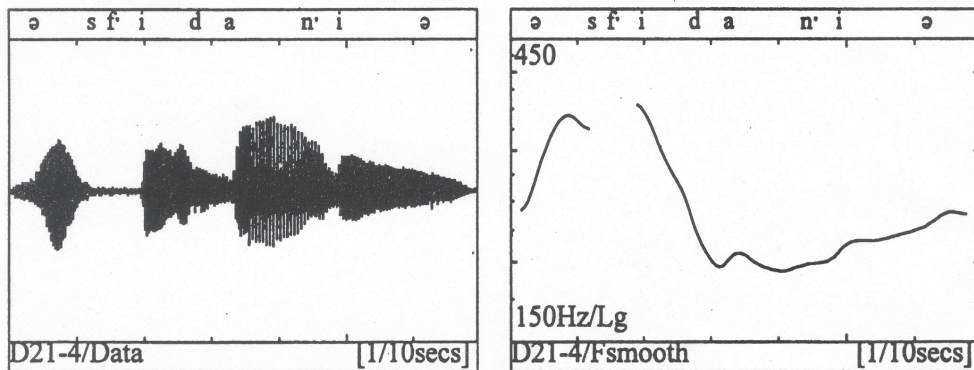

Рис. 4. Смещение тонального акцента на предупредный слог:
– До свидания (✓)!

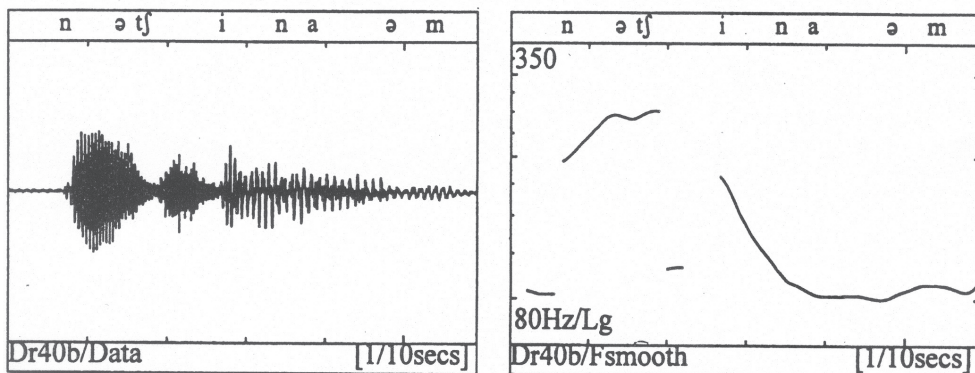

Рис. 5. Смещение тонального акцента на предупредный слог:
– Начи́аем (у)!

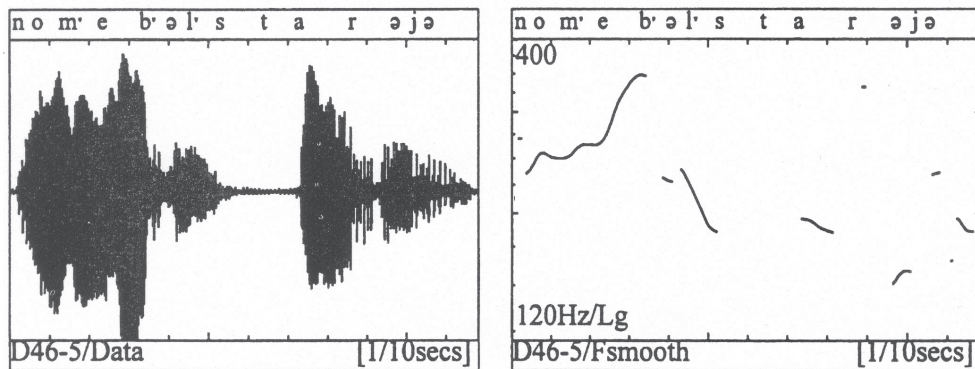

Рис. 6. Влияние “скрипучего” голоса на осциллограмму и тонограмму:
– Но лебелъ – старая (СКР)!

Глава 3

Глубинные и поверхностные структуры в интонации

Введение

Как и другие дискурсивные средства, интонация многофункциональна. Она маркирует коммуникативные компоненты высказывания (рему, фокус сопоставления, новое), его иллокутивную принадлежность (утверждение, возражение, вопрос и т. д.), фазовую характеристику группы (конечная/неконечная), оценочные модусы (эпистемический, аксиологический, значимостный) и многое другое. Эти функциональные характеристики взаимонезависимы и образуют разнообразные сочетания внутри высказывания.

Обилию комбинаций содержательных характеристик интонации соответствует обилие просодических комбинаций, которые их выражают. Поверхностная реализация каждой такой комбинации является результатом интегративных процессов, в число которых входят как достаточно глубинные (они совмещают некоторые исходные акцентные характеристики), так и гораздо более поверхностные, связанные исключительно с фонетическим озвучиванием предложения.

Русская интонологическая традиция опиралась на синтетическую концепцию интонационной формы. В системе Е. А. Брызгуновой [1980], которая является главным представителем этой традиции, любая фонологическая синтагма описывается в терминах семи неразложимых интонационных конструкций, которым прототипически сопоставлены семь иллокутивных характеристик: утверждение, побуждение, специальный вопрос, общий вопрос, сопоставительный вопрос и разные типы восклицаний. Из сказанного ранее следует, что эта модель является крайним упрощением ситуации. Ясно, что многообразие сосуществующих функций интонации предопределяет и значительное разнообразие наблюдаемых интонационных структур. Попытка описать интонацию на основе минимального инвентаря цельных единиц неизбежно приводит к искажению реальной картины, что было хорошо продемонстрировано С. Оде [1996]. Альтернативой является описание фонетической формы интонации на основе комбинаторной модели, предполагающей нефиксированное число структур, соответствующее неограниченной сочетаемости интонационно релевантных функциональных характеристик [Кодзасов 1996а].

Однако задача адекватного описания интонации не решается лишь на основе расширения инвентаря средств описания. Важнейшим моментом является интерпретация наблюдаемой формы интонации не как нечленимой данности, а как комплексного объекта, который, с одной стороны, воплощает многослойное

семантическое задание, а с другой, отражает процессы фонетической адаптации исходной структуры. Такой анализ во многих случаях затруднен ввиду сложности соотношения функциональной структуры интонации и ее наблюдаемой фонетической формы. В интонационном знаке изоморфизм структуры означаемого и означающего часто нарушен, и требуется реконструкция, восстанавливающая глубинную близость содержания и формы, разрушенную процессами интонационного синтеза. Задачей работы и является анализ случаев рассогласования глубинной и поверхностной структуры в русской интонации. Мы рассмотрим только проблемы акцентуации, поскольку именно акценты несут основную семантическую нагрузку.

1. Совмещенные акценты

В общем случае сферой действия интонационно реализуемой категории является та или иная коммуникативная составляющая высказывания, которая может быть выражена любой синтаксической единицей. В частности, рема может быть представлена сложной сентенциальной группой или одним словом, и, соответственно, к этим составляющим может относиться выделительный (громкостный) акцент, который рема обязательно принимает. Пример разной лексико-грамматической реализации временной рематической группы:

- (1) — *Она когда к нам придет?* *(Во *вторник) R? /... *(В ближайший *вторник) R?
/... *(Когда вернется из *командировки) R?

Здесь звездочкой помечена как рематическая группа, к которой относится выделительный акцент, так и конкретное слово, на котором он размещается внутри группы.

Акцентную маркировку в русском языке имеет не только рема, но и другие категории, в их числе иллокутивные и фазовые показатели. Особенностью русского языка является совмещение (в большинстве случаев) рематического и иллокутивного акцентов, чего во многих других языках мы не наблюдаем. В частности, в русском общем вопросе совмещены выделительный акцент, маркирующий рему вопроса, и тональный акцент, реализующий иллокуцию вопроса, тогда как в польском языке восходящий тон вопроса ставится на последний слог предложения и с рематическим акцентом не совмещается. Сравните:

- (2a) — *Это *Миша (/) сделал?*
(2б) — *Czy to *Michał (\) zrobił (/)?*

(Здесь и далее для восходящего акцента используем знак /, а для нисходящего \. Вершина акцентированного слога подчеркивается.) Как видим, нисходящее направление тона для рематического акцента в польском языке задается направлением иллокутивного тона (по принципу обратной адаптации). В русском же языке рема кодируется местоположением выделительного акцента, а иллокутивная ха-

рактика предложения — направлением тона на слоге, несущем этот акцент.

В случае общего вопроса восходящий тон на реме синкретически выполняет как иллокутивную, так и фазовую функцию. В реактивной же реплике, в которой говорящий демонстрирует готовность к продолжению диалога, фазовый показатель незавершенности отделяется — по польскому типу акцентуации он помещается на последний слог:

(3) А. — Это *Миша (/) сделал? Б. — *Миша (\) (/).

Здесь в ответе падающий тон утверждения уже не может совместиться с восходящим тоном незавершенности.

Внутри сложного предложения восходящий тон незавершенности в конце первой сентенциальной группы может совмещаться с коммуникативным акцентом (который безразличен к направлению тона):

(4а) — Ну когда же мы пойдем?
— Да вот позволю *Мише (/), тогда *пойдем (\).

Изменение порядка слов позволяет разделить совмещенные компоненты:

(4б) — Да вот *Мише (\) позволю (/), тогда *пойдем (\).

В данном случае рематический акцент (на Мише) по направлению адаптируется к восходящему тону незавершенности. Обратим внимание на то, что слово позволю несет только фазовый тональный акцент.

Аналогичным образом имеется контекст, который позволяет отделить иллокутивный восходящий акцент от выделительного (коммуникативного) акцента — это сопоставительные вопросы:

(5) А. — Коля уже *приехал (\). Б. — А *Миша (\) (/)?

Последняя фраза является неполным вариантом реплики — А *Миша (\) — *приехал (/)? Здесь восходящий тон иллокуции теряет свой обычный носитель ввиду опущения повторяющейся ремы и переносится на конечный слог акцентированной темы. Если тематическое слово имеет конечное ударение, то используется специальная техника удвоения ударной моры, которая позволяет избежать слияния акцентов:

(6) А. — Муж уже вернулся. Б. — А *жена-а (\-/)?

2. Смещенный акцент

Размещение выделительных акцентов в неоднословных составляющих регулируется достаточно сложными правилами [Кодзасов 1996б]. Согласно одному из них, в глагольной группе рематический акцент ставится на актанте:

(7) А. — А что делает Миша? В. — Звонит *жене (\).

Ясно, что в этом случае рематический выделительный акцент совмещен с иллюкутивным падающим тоном. Ср. вопросительный аналог, где он совмещен с восходящим тоном:

(8) — *А что делает Миша? Звонит *жене (/)?*

Однако неопределенные местоимения (*кто-то, что-то*) не принимают тональных акцентов, которые смещаются на глагольную вершину. При этом сохраняется громкостный акцент актантной составляющей (знак *):

(9) А. — *А что делает Миша?* Б. — *Он *кому-то *звонит (\).*

Семантическая причина тональной неакцентуемости неопределенных местоимений нуждается в дальнейшем исследовании. Скорее всего, она связана с их внутренней арематичностью: ведь рема как раз и сообщает о выборе внутри релевантного множества возможностей некоторого заполнителя данной семантической позиции. В рассматриваемом случае глубинно-синтаксические правила расстановки акцента вступают в противоречие с коммуникативной семантикой.

3. Верификативный акцент

Выше говорилось о стандартной акцентуации сложной предикатной составляющей в случае диктальной ремы: акцент в такой группе ставится на актанте. Отметим, что при наличии нескольких актантов в рематической группе все они получают выделительные акценты, причем иллюкутивная огласовка помещается на последнем акценте:

(10) — *Ты знаешь — *Алена (/) *(подарила *Мише (/) *велосипед (\))!*

Однако в случае модальной (верификативной) ремы описанные законы не действуют: иллюкутивный (тональный) компонент рематического акцента ставится на предикатной вершине независимо от свойств актантов. Сравните:

(11а) — *Ты *что (/) *(такой *веселый (\))? *(Сдал *экзамен (/))?*

(11б) — *Ну *как (\) ты — *сдал (/) экзамен?*

В первом случае проверяется одна из предполагаемых причин веселья (множество диктальных альтернатив), во втором — положительный модус бинарного противопоставления.

В глубинной репрезентации высказывания во втором случае сферой действия акцентогенной категории является «связка» (см. [Арутюнова 1998]) — верификативный маркер, присоединяемый ко всей глагольной группе *сдать экзамен*. Это видно по тому, что диктальный материал может быть вынесен в тему без всякого изменения смысла вопроса:

(12) — *Ты *экзамен (\) — *сдал (/)? / — Тебе *(/*экзамен (\) сдать) — *удалось (/)?*

4. Акцент к внутреннему компоненту

Интересны случаи синтаксической синонимии, которые показывают, что глубинной сферой действия акцента является один из семантических компонентов поверхностной цельной лексемы, несущей акцент:

- (11а) — *Он *возражал (\) против этого предложения.*
 (11б) — *Он (выступил *против (\)) этого предложения.*
 (12а) — *Они решили (*обогнуть (\) острова).*
 (12б) — *Они решили (плыть *вокруг (\)) островов.*

В примерах (11б) и (12б) акцентированный фокус (подразумевается противопоставление альтернатив ‘против’/‘за’, ‘вокруг’/‘сквозь’) вынесен из лексемы, тогда как в примерах (11а) и (12а) он выступает в связанном виде и вынуждает акцентуацию слова как целого.

5. Адаптация тематического акцента

Выше уже рассматривались случаи адаптации направления тона предшествующего акцента к тону акцента последующего. Подчеркнем, что это является стандартным правилом, которому подчиняются акценты тематических и темоподобных групп: конечному восходящему предшествует нисходящий, а нисходящему восходящий. Такая адаптация позволяет избежать излишнего перехода с одного тонального уровня на другой. Правило тональной адаптации иллюстрируют такие пары реплик:

- (13) А. — **Иванова (\) *можно (/) позвать?* Б. — *А *Иванов (/) *заболел (\).*
 (14а) — **(Когда придет *мама (/), *позвони (\) мне.*
 (14б) — **(Когда придет мама (\), позвонить (/) тебе?*

Эти примеры ясно показывают, что направление тонального акцента может не иметь семантической мотивации и отсутствовать в глубинной интонационной характеристике. Тональная адаптация сродни синтаксическому согласованию прилагательных и глаголов с существительными в русском языке.

Литература

- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Ч. 5. М., 1998.*
 Брызгунова 1980 — *Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.*
 Кодзасов 1996а — *Кодзасов С. В. Комбинаторная модель фразовой просодии // Просодический строй русской речи. М., 1996.*
 Кодзасов 1996б — *Кодзасов С. В. Законы фразовой акцентуации // Просодический строй русской речи. М., 1996.*
 Оде 1996 — *Оде С. Интонационная система русского языка в свете данных перцептивного анализа // Проблемы фонетики. Вып. 2. М., 1996.*

ЧАСТЬ 2

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПРОСОДИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Глава 1

Законы фразовой акцентуации*

Введение

Среди функций, выполняемых интонационными средствами, важнейшими являются логико-коммуникативные и модально-иллокутивные. Эти функции реализуются в основном через акценты. Модально-иллокутивные категории выражаются преимущественно тональными средствами: различиями в направлении и амплитуде тонального изменения, тогда как логико-коммуникативные — различиями в размещении акцента в предложении, а также некоторыми особенностями его реализации. Условно можно говорить о двух слоях фразовой просодии: акцентном и собственно интонационном. В функционально ориентированном описании просодии удобно технически разделить транскрипцию этих двух слоев: наличие выделительного (громкостного) акцента (ВА) на слове помечать знаком * перед ним, а тональный тип акцента указывать в скобках после слова. Например:

(1а) — *Они были на *лекции (\).*

(1б) — *Они *были (\) на лекции.*

(2а) — *Они были на *лекции (/)?*

(2б) — *Они *были (/) на лекции?*

Здесь различия в размещении акцентов в «а» и «б» имеют коммуникативную мотивацию, тогда как различие в направлении тонального изменения в 1 и 2 мотивировано иллокутивно.

В настоящей главе рассматривается лишь акцентная сторона фразовой просодии. То есть нас будут интересовать в первую очередь законы размещения акцентов в предложении, а также такие особенности их реализации, которые обусловлены логико-коммуникативным содержанием предложения. (Соответственно, тональная транскрипция в большинстве примеров опускается.) Такое направление исследования согласуется с актуальными потребностями лингвистов в сфере интонации (ср., например, [Апресян 1990]). Семантическая ориентация обуславливает меньшее внимание к фонетическому аспекту, в частности мы не рассматриваем фонетические различия акцентированных и безакцентных слов, а также иерархические отношения между акцентами (см. [Надеина 1985]).

Сразу оговорим также исключение из анализа чисто фонетических, ритмических выделений. Как известно, под действием общей эвфонической тенденции к

* Опубликовано в: Просодический строй русской речи. М., 1996.

ритмизации текста (особенно нарративного) он членится на фонетические синтагмы, завершаемые обычно более сильным ударением (Main Stress генеративной фонологии или Фразовое Ударение (ФУ) И. И. Ковтуновой). Например,

(3) — *Но ведь ваше вчерашнее 'выступление / никого не *убедило.*

Сильное ударение на слове *выступление* (помечено верхней запятой) мотивировано ритмически, но не семантически — такие просодические выделения рассматриваться не будут.

Семантика русской фразовой акцентуации уже не раз была предметом анализа, и по ходу изложения мы будем делать необходимые отсылки. Однако сразу скажем, что наибольшее влияние на автора оказала книга Т. М. Николаевой [1982], которая по существу открыла эту область исследования в русском языке. Важные результаты были получены также в совместных работах К. Бонно и И. Фужерон [Bonnot, Fougeron 1982; 1983]. В последнее время исследование акцентной семантики приобрело лексикографический уклон [Павлова 1987; Апресян 1990]. Название данной статьи отчасти полемично: мы полагаем, что размещение выделительных акцентов, как правило, определяется логико-коммуникативной структурой предложения, а не словарными свойствами лексем или подзначений лексем. Однако, несомненно, имеются случаи как лексически обусловленного акцентирования, так и лексического запрета на акцентуацию.

1. Акцентуация и синтаксическая структура

1.1. Составляющая как сфера действия акцента

Смыслы, которые выражаются акцентами, в общем случае относятся не к отдельным словам, а к составляющим любого иерархического ранга, вплоть до предложения [Кодзасов 1989а]. Если составляющая, которая входит в сферу действия акцента, неоднословна, то ее члены объединяются вокруг акцентированного слова в ритмическое целое. Приведем примеры последовательного расширения акцентированной составляющей (скобки показывают ее границу):

(4) — *Она когда придет? (Во *вторник)?*

(5) — *... (В ближайший *вторник)?*

(6) — *... (Когда вернется Иван *Иванович)?*

Вхождение неакцентированных слов в сферу действия акцента фонетически выражается ослаблением словесных ударений, быстрым темпом их произнесения и обязательной слитностью их между собой и с выделенным словом.

Получает составляющая акцент или нет, зависит от коммуникативных факторов (см. ниже). Но коль скоро она акцентирована, встает вопрос о размещении акцента в группе. Оно подчиняется строгим правилам.

1.2. Размещение акцента в составляющей

Правила размещения выделительного акцента в бинарной группе соответствуют правилам постановки фразового ударения, прекрасно описанным И. И. Ковтуновой [1976]. В каждой бинарной составляющей известен член, принимающий рематический акцент:

буду *стирать Aux + *VP
стирать *белье VP + *NP
грязное *белье Adj + *NP и т. д.

Вложение составляющих дает предсказуемый результат (правила приписывания акцента применяются от объемлющих составляющих к объемлемым):

(7) — *Что ты собираешься делать?*
 — Буду (стирать (грязное *белье)*)*.

Изменение порядка слов не меняет акцентуацию:

(8) — *Буду *белье грязное стирать.* / — **Белье грязное стирать буду* и т. д.

Акцентная схема VP *NP относится к любому актанту, в том числе субъекту:

(9) — *Что Ваня делает?*
 — *Помогает *Пете.* / — **Пете помогает.*
 (10) — *Что случилось?*
 — **Петя заболел.* / — *Заболел *Петя.*

Эти примеры ясно показывают ролевую, а не позиционную мотивацию размещения акцента в группе. Она проявляется и при акцентуации тематических групп:

(11) — *Ты (грязное *белье) в *шкаф положи.*
 (12) — *Ты (*рубашки стирать) — *собираешься?*

Таким образом, правила размещения акцента в составляющей действуют независимо от того, является ли группа тематической или рематической.

Законы линейного расположения акцентированных членов в предложении различны в диалоге и нарративном тексте. Для второго характерно помещение рематического акцента в конец предложения. Отсюда ошибочное представление о позиционной (собственно фонетической) мотивации «главного» акцента. Как справедливо считает К. Кейспер [Keijsper 1985], фонетическая стилистика нарративного текста требует смещения наиболее сильного акцента в конец, однако приписывание акцента слову с его линейной позицией не связано.

Примеры типа (10) ясно показывают, что неконечная позиция акцента не обусловлена «экспрессивностью» высказывания, как это считала И. И. Ковтунова: акцент на субъекте «нерасчлененного» высказывания вынуждается общим правилом, а начальная позиция субъекта в диалогической реплике является немаркированной стилистически [Bonnot, Fougeron 1982].

Когнитивная мотивация законов размещения акцента в минимальных (бинарных) группах пока не ясна. Хотелось бы увидеть семантические основы синтаксических предпочтений (следуя устремлениям А. Вежицкой).

1.3. Множественный акцент в составляющей

В случае, когда глагол является многоместным, имеет место множественная акцентуация актантов:

- (13) — *Почему света нет?*
 — **Сосед *проводку меняет.*
 (14) — *Я хочу подарить *Ване твою *книгу.*

Для объяснения множественной акцентуации естественно воспользоваться толкованием многоместного предиката как результата сложения глубинных элементарных предикаций [Чейф 1975]:

- VP1: V *NP1 *подарить *Ване*
 VP2: V *NP2 *подарить (твою *книгу)*

Каждая элементарная предикация получает рематический акцент, который по общему правилу помещается на актанте. Поэтому акцент получают все актанты, входящие в рематическую составляющую. Таких актантов может быть даже три:

- (15) — *Что случилось?*
 — **Иванов *Петрову *руку сломал!*

Фонетическая реализация акцентов здесь не вполне одинакова: они подвергаются иерархизации, однако функционально они тождественны и все отличаются от фразовых ударений.

Сходным образом может быть объяснена двойная акцентуация однородных актантов в случае сочинительного сокращения двух глагольных групп:

- (16) — *Мне осталось позвонить *Ване и *Наташе.* (Имеются ввиду два разных звонка.)

Здесь поверхностная составляющая *позвонить Ване и Наташе* восходит к *позвонить Ване* и *позвонить Наташе*. Если же Ваня и Наташа образуют семью, то сочинительного сокращения нет и акцент один:

- (17) — *Мне осталось позвонить Ване и *Наташе.*

Сходное различие в огласовке мы находим в случае строгой и нестрогой дизъюнкции:

- (18) — *Скажи мне точно, когда ты придешь: в *субботу или в *воскресенье?*
 (19) — *Где будет происходить этот съезд? Как всегда — в Москве или *Петербурге?*

(Здесь и далее мы для простоты опускаем запись тех акцентов, которые не являются предметом рассмотрения.)

2. Категории актуализации

Рема не имеет акцентной специфики, отличающей ее от темы. Она отличается лишь теми интонационными характеристиками, которые связаны с иллюкутивными и модальными смыслами, поскольку эти смыслы реализуются на рематической составляющей. Из классических коммуникативных категорий для акцентуации важны лишь категории актуализации: новое обычно получает акцент, тогда как старое его не имеет. Ср. огласовку новых и старых тем:

- (20) — Ты **Иванова* **знаешь*?
 — Да я с *Ивановым* в одной **группе* учился.
 (21) — **Иванова* **можно позвать*?
 — А *аспиранты* сегодня на **картошке*.

Из этих примеров видно, что актуализованность может быть обусловлена дейктически (отсутствие акцентов на *ты*, *я* и *сегодня*) и что актуализованность индивидуального объекта (*Иванов*) индуцирует актуализованность множества (*аспиранты*), которому он принадлежит (см. [Чейф 1982]).

Тематическая группа может быть старой частично:

- (22) — (*Карты *Москвы*) и (**окрестностей Москвы*) вы можете купить на Кузнецком **мосту*.

В группе *окрестностей Москвы* акцент смещается со старого (*Москвы*) и оказывается на члене, который по синтаксическим правилам не должен иметь акцента (*окрестностей*). Ср.:

- (23) — Он очень любит (*окрестности *Москвы*).

Рематическая группа всегда содержит новый элемент, но может включать и старое. Если старым оказывается тот член, который акцентируется по описанным выше правилам, то акцент, как и в случае темы, смещается на новое:

- (24) — Не трогайте ее. Это (**злая собака*).

Ср.: (25) — У них в доме (*злая *собака*).

Если старым оказывается тот член, который и не должен иметь акцент по общим правилам, то возникает ситуация, которую в англоязычной интонологии называют *paigow score* (в отличие от *broad scope*) [Cruttenden 1986]. Ср.:

- (26а) — Чем он занимается?
 — Преподает **английский*.
 (26б) — Он учитель. Преподает (**английский*).

Во втором примере *преподает* является старым (оно подчеркнуто), так как соответствующий смысл уже введен словом *учитель*. Это системное различие безударных *преподает* имеет тонкое фонетическое выражение (большая степень фонетического ослабления предупомянутого безударного слова).

Категория актуализации иногда «склеивается» с другими семантическими категориями, приводя к расщеплению подзначений лексемы. Типичный пример дает частица *еще* [Николаева 1985]. Ср.:

- (27а) — *Они купили *еще три книги.*
 (27б) — *Они купили еще три *книги.*

В первом примере происходит добавление элементов к старому множеству книг, во втором — вводится новое множество. Вряд ли следует в этом случае вводить акцентную информацию в словарь, как это предлагает делать Ю. Д. Апресян [1990], поскольку акцентное различие здесь обусловлено общим правилом. Представляется, что скорее следует снабдить подзначения лексемы информацией об их актуализационных статусах.

3. Информационная значимость

Акцентные данные свидетельствуют в пользу включения в число коммуникативных смыслов категории «информационная значимость», поскольку отклонения от немаркированного уровня значимости дают необычное распределение акцентов. Компоненты с низкой значимостью (ниже они подчеркнуты) безакцентны:

- (28) — *Мне это сказал *Иванов из отдела снабжения.*
 (29) — *Не шуми. Он *прилег на минуту.*

Такие элементы несут информацию «второго сорта»: это факультативный комментарий к собственно сообщению. К этому классу относятся, в частности, нерестриктивные определительные придаточные:

- (30) **Студенты, которые уже сдали экзамены, целыми *днями играли в *футбол.*

На противоположном полюсе находятся компоненты с высокой степенью информационной значимости (категория «важное»). Они получают акцент вопреки своей предупомянутости:

- (31) — *Что-то я не вижу *Иванова.*
 — *А *Иванов (/-) *заболел (-).*

Очевидно, в данном случае драматическое изменение состояния субъекта аннулирует его предыдущую актуализацию: на него как бы заводится новая информационная «карточка».

Семантика категории «информационная значимость» нуждается в специальном изучении. Следует предостеречь против недифференцированного использования этой категории, которое встречается в фонетически ориентированных исследованиях акцентуации.

4. Сфера действия рематического оператора

Рематическая предикатная группа с актантом может иметь акцент на глагольной вершине независимо от актуализационного статуса этого актанта. Размещение акцента в такой группе зависит от того, к чему относится ее рематический оператор. Рассмотрим два примера. Первый из них — фрагмент гипотетического разговора учителей:

- (32а) — *Коровин опять прогулял.*
 — *Что же вы предполагаете делать?*
 — *(Позвоню *отцу).*

Последняя реплика представляет собой «информативное» высказывание (в терминах П. Адамца [Adames 1966]) или же «диктальное» (по Ш. Балли [1956], если перенести его классификацию вопросов на утверждения). Это означает, что говорящий производит отождествление одной из возможных альтернатив в «вещественном» содержании ситуации. В качестве конкурирующих решений могло бы быть: *вызову *родителей, устрою *скандал, выгоню из *школы* и т. д. Во всех случаях выделительный акцент ставится на дополнении, как это предполагается описанными выше синтаксическими правилами.

Рассмотрим теперь другой пример:

- (32б) — *Хочу перед тобой *отчитаться: я (*позвони2л отцу).*

В этом случае имеет место «верификативное» (по Адамцу) или «модальное» (по Балли) утверждение. Говорящий подтверждает осуществление ожидаемого события «звонок отцу». Рассматриваются лишь «модальные» альтернативы реализации (они все так или иначе связаны с оппозицией да/нет) единственной «вещественной» возможности. В качестве конкурирующих событий могло бы быть: *не *звон2л отцу, не *дозвони2лся отцу, не *ста2л звонить отцу* и т. п. Во всех этих группах акцент ставится на предикатной вершине, причем происходит динамическое удвоение акцентированного гласного (на него указывает цифра 2), указывающая на ситуацию оппозитивного введения информации.

Как и в случае диктальных утверждений, изменение порядка слов не влияет на размещение акцента: *Я *позвони2л отцу. / Я отцу *позвони2л.*

Наша транскрипция отражает не только различие в положении акцентов в диктальных и модальных утверждениях, но также их качественное различие. Двойка указывает на большую степень фонетической выделенности акцента: двойное падение тона начинается с более высокого уровня, что дает больший интервал изменения. Само падение происходит внутри ударного гласного, тогда как в случае акцента, обозначаемого одной звездочкой, оно начинается уже на предшествующем согласном. При отсутствии дополнения это различие может оказаться единственным показателем коммуникативного типа высказывания:

- (33а) — *И как же он прореагировал на это известие?*

- *Уехал.
 (33б) — Он уже уехал?
 — *Уе2хал.

Описанные выше правила распределения акцентов в предикатных составляющих действуют и в так называемых «нерасчлененных» предложениях, то есть предложениях с субъектными актантами. Ср. огласовку информативного и верификативного утверждения:

- (34а) — Из-за чего такой переполох?
 — (*Директор приехал).
 (34б) — Все в порядке. (Директор *прие2хал).

Общие правила акцентуации сохраняют силу и в двухактантной рематической группе:

- (35а) — *Что ты так *радуешься?
 — *Папа купил *велосипед.
 (35б) — Можно вздохнуть спокойно. Петя *сда2л экзамен.

Коммуникативно обусловленные различия в размещении акцентов в рематических предикатных группах наблюдаются и в вопросительных предложениях. Ср.:

- (36) — Что Ваня делает? (Читает *газету)?
 (37) — Ну как ты — (*прочита2л газету)?
 (38) — Из-за чего такой переполох? (Приехал *директор) (В)?
 (39) — Ну как — (*прие2хал директор)?

Однако здесь различие в размещении не всегда сопровождается различием в фонетической реализации акцентов. Устойчивую фонетическую специфику обнаруживают лишь причинные вопросы типа (38) — они часто имеют повышенный тональный уровень всей составляющей, маркирующий неожиданность информации (он здесь отмечается с помощью (В)). Впервые на семантическую и фонетическую специфичность таких вопросов обратили внимание А. Н. Баранов и И. М. Кобозева [1983]. Они описали их как «вопросы с неингерентной темой». Авторы не заметили, однако, что причинные вопросы входят в достаточно широкий класс вопросов со смешанной — информативно-верификативной — семантикой. К нему относятся не только причинные вопросы приводимого ими типа:

- (40) А. — Вчера был на заседании студии молодых поэтов.
 Б. — (Ты пишешь *стихи) (В)?

но и гораздо более частые вопросы, предлагающие гипотетическое заполнение (не обязательно неожиданное) предикативной составляющей:

- (41) — Что ты делаешь по вечерам? Как всегда — (пишешь *стихи)?
 (42) — Что это у тебя нарисовано? (*Вулкан что ли извергается)?

Итак, во всех случаях мы наблюдаем одну и ту же закономерность: информативные (диктальные) предложения имеют рематический акцент на актанте, то-

гда как верификативные (модальные) — на предикатной вершине. Стандартное правило размещения акцента в информативном высказывании может нарушаться лишь в ситуации противопоставительного выбора глагольного смысла. В этом случае акцент помещается на предикате, а актант (он является «старым») акцента не несет:

(43) — Ты что — (*купил) этот велосипед?

Альтернативой может быть *взял на время, украл* и т. д. Однако в этом случае сферой действия рематического оператора является, конечно, не вся предикатная группа, а лишь сам глагол. Семантически такие предложения явно отличны от предложений типа:

(44) — Ну как ты — (*купи2л велосипед)?

В последних речь идет об осуществлении предполагаемого события, а не о выборе между разными действиями.

Как представляется, для описания отличия модальных высказываний от информативных естественно опираться на выделение в глубинной структуре высказывания особого элемента — «связки» — которое было предложено Н. Д. Арутюновой [1988]. Ею разграничивается пропозициональное («вещественное») содержание сообщения и абстрактный предикат существования, который показывает, как это содержание соотносено с действительностью. Этот предикат может присоединяться к любой составляющей высказывания.

Ремой высказывания (а мы понимаем под ремой тот компонент смысла, над которым производится операция при осуществлении речевого акта) может быть как «вещественное» содержание, так и экзистенциальный предикат. Когда операция осуществляется над пропозициональным компонентом смысла, мы имеем дело с информативным высказыванием. Когда же меняется содержание «связки», мы имеем дело с верификативным высказыванием. Рема информативного высказывания всегда имеет прямое текстовое выражение. В то же время рема-связка обычно не имеет собственной лексикализации. В случае ее присоединения к пропозициональной предикатной группе она реализуется путем специфической акцентуации ее вершины. То есть в предложении

(45) *Он все-таки* (*купи2л машину).

глубинной ремой является не смысл *покупка машины*, а смысл *бытийная реализация*, присоединенный к пропозициональному комплексу *покупка машины*. Однако поверхностно в качестве ремы выступает этот пропозициональный комплекс.

Очевидно, пропозициональная часть смысла, к которой относится рематическая связка, является глубинной темой. Эта тема может быть как старой, так и новой. Во втором случае «фокус» связки может сужаться за счет частичного выноса пропозиционального комплекса в поверхностную тему. Однако предикатная вершина как минимальный носитель связки необходимо сохраняется. Ср. следующие варианты выражения одного смысла (здесь Т и Р — поверхностные тема и рема):

- (46) — (Ты)Т (*играешь на *гитаре)Р?/ — (Ты)Т1 (*на гитаре)Т2 (*играешь)Р?/ — (Ты)Т1 (на *гитаре играть)Т2 (*умеешь)Р?

В последнем варианте обнажается скрытый модальный предикат.

Примечательно, что при расчленении пропозициональной ремы, типичном для нарративных текстов, вынос в тему происходит прямо противоположным образом: в нее в первую очередь переносится глагол. Ср.:

- (47) — *Он себе недавно (купил *машину).*
 (48) — **Купил он себе недавно *машину. А теперь *мается.*
 (49) — *Она теперь (живет в *деревне).*
 (50) — *А *живет она теперь в *деревне.*

Наличие оппозитивного компонента смысла в последней фразе (жизнь в деревне, а не в городе) отражается в двумеровости акцентированного гласного.

В заключение настоящего раздела следует остановиться на содержащемся в диссертации А. В. Павловой [1987] утверждении о внутренней рематичности (а тем самым акцентности) некоторых глаголов (имеются в виду фазовые глаголы, глаголы интеллектуальной деятельности и другие). По мнению автора, эта лексическая рематичность и ведет к смещению акцента с актанта на глагол.

Говоря в наших терминах, предполагается, что такие глаголы имеют лишь верификативное употребление, то есть обязательно употребляются с рематической «связкой». Приводимые автором примеры показывают, что речь идет о глаголах, которые обычно мыслятся в бинарном модальном пространстве — типа *выполнить, согласиться, знать, уметь* и т. п. Хотя любой из них может быть помещен и в пространство пропозициональных альтернатив (например, *знать* может входить в один ряд с *предполагать, догадываться* и т. д.), тем не менее в несопоставительном контексте они, как правило, употребляются бинарно: *знать/не знать, выполнить/не выполнить* и т. п. Однако утверждение о верификативности (и внутренней акцентности) этих глаголов в общем случае неверно и для несопоставительных контекстов. Практически любой предлагаемый А. В. Павловой пример может быть переделан так, что глагол становится частью диктального высказывания и акцент уходит на актант. Ср. такие пары:

- (51a) — *Эти условия *исключают возможность помощи старикам.*
 (51б) — *На это нельзя соглашаться: эти условия исключают возможность помощи *старикам.*
 (52a) — *Коллектив *выполнил план полугодия.*
 (52б) — *Не время было праздновать. Сначала нужно было выполнить поставленную *задачу.*

5. Акцентуация в ситуациях выбора и сопоставления

5.1. Ситуация выбора

До сих пор мы рассматривали в основном случаи, когда некоторый заполнитель пропозициональной семантической позиции мыслится в неопределенном множестве потенциальных заполнителей. Если же этот заполнитель мыслится в достаточно узком актуализованном множестве («релевантное» множество, по П. Б. Паршину [1988]), то акцентируется тот компонент группы, который позволяет отождествить нужный смысл, выбрать его среди прочих:

(53) — *Ты завтра (в *утреннюю смену)?*

Если актуализованное множество содержит объекты, отличающиеся по нескольким основаниям, то акцентируются все релевантные различия:

(54) — *Мне нужен (билет до *Москвы) (*пятого) (утренним *рейсом).*

Составляющие с множественным акцентом релевантности выступают и в виде совокупности тем:

(55) — *Ты (в прошлом *году) (в *Одессу) ездил?*

Отношения между элементами релевантного множества могут быть осмыслены тремя способами. Примеры первого способа представлены выше. Здесь при заполнении некоторой семантической позиции элементом из релевантного множества не предполагается его конкуренции с другими элементами: они как бы дополнительно распределены по пространству прагматических возможностей появления. Другой способ осмысления — противопоставительный выбор: данный элемент выступает как конкурент на «занятие места». Например:

(56) *Долго выбирали, но в конце концов всем предпочли *Ивано2ва.*

Как видим по транскрипции, в этом случае используется тот же акцент, что и в верификативных утверждениях. (В книге И. Фужерон [Fougeron 1989] он назван *accent exclusif*.) Очевидна неслучайность этого сходства: также и в верификативных предложениях происходит противопоставительный выбор между *да/нет*. Частный случай такого выбора по релевантному видовому признаку дают рестриктивные придаточные предложения:

(57) — *Студенты, (которые едут в *экспеди2цию), должны пройти *медосмотр.*

Другой типичный случай противопоставительного выбора — предложения с *лучше* (об их семантике см. [Арутюнова 1988, гл. VI]):

(58) — *Я лучше в *у2треннюю смену пойду.*

Наконец, последний способ осмысления выбора в релевантном множестве — контрастивный выбор:

(59) — Это ***Ва2ня* приготовил обед. Не подумайте, что **Машиа*.

(60) — Я просил ***се2рую* кепку. А вы почему-то дали **синюю*.

Здесь знак **** указывает на фонетическую специфику контрастивного акцента: понижение гортани, приводящее к заметному изменению качества гласного.

Различие между разными типами акцента выбора не влияет на его размещение в неоднословной составляющей: он всегда ставится на словах, релевантных для отождествления элемента в множестве.

5.2. Ситуация сопоставления

Ситуация сопоставления соединяет два выбора в релевантных множествах: темы и ремы. Естественно, что при этом действуют те же законы акцентуации, что и при чисто рематическом выборе: одинаковое (нерелевантное для отождествления) не акцентируется, разное (релевантное для отождествления) акцентируется. При этом категория старого/нового не влияет на акцентуацию. Например, во фразе:

(61) — *Они всем отличались: он был *высокий, она *низкая, у него были *черные волосы, у нее *светлые, у него *мягкий характер, у нее *злойный...*

Здесь общие компоненты — *волосы, характер* — не имеют акцента, хотя вводятся впервые.

При сопоставлении одинаковых рем мы имеем редкий случай безакцентности ремы:

(62) — *Смотри-ка. *Утром шел — фонари горели, *сейчас идем — фонари горят. Что такое?*

Выбор в ситуации сопоставления также может быть нейтральным, противопоставительным и контрастивным:

(63) — *Они близки по возрасту: ей *восемнадцать, а ему *девятнадцать.*

(64) — **Председателем выбрали *Ивана Петровича, а его *заместителем **Сергея Петровича.*

(65) — **Сестра у него *богатая, а вот **бра2т **бе2дный.*

Мы не будем здесь рассматривать вопрос о том, от чего зависит интерпретация типа сопоставления, так как это требует отдельного исследования. Укажем лишь на нежелательность недифференцированного использования термина «контрастивность» для всех случаев сопоставления (см. [Кодзасов 1990]).

6. Перформативность и акцентуация

Рематические группы, содержащие оценочный модификатор, могут иметь второй акцент на этом модификаторе:

(66) — *Я вчера наблюдал за вашим мальчиком. Он (*плохо *ест).*

(67) — *Попробуй позвонить Иванову. Это наши (*последний *шанс).*

Эти же группы могут и не иметь второго акцента:

(68) — *Зря ты удивляешься тому, что он такой зеленый. Он ведь (плохо *ест).*

(69) — *(Последний *шанс) мы потеряли еще тогда.*

Это акцентное различие может быть объяснено на основе расширенного толкования категории «перформативность» (см. [Кодзасов 1989б]). За перлокутивными актами типа

(70) — ****Объявляю тебя своим ***наследником.*

нами предлагается закрепить название «сильная» перформативность, тогда как для речевых действий, которые не имеют прямого результата в окружающем мире, предлагается название «слабая» перформативность. Тройная звездочка указывает здесь на специфическое акцентирование слова: как нам представляется, имеет место усиление выдоха, причем поток воздуха ослабляется сужением гортани.

Слабые перформативы, подобно сильным, могут иметь и констативное употребление — когда имеет место сообщение о речевом действии или используется его результат, но не происходит самого действия. В частности, иллокуции (вопрос, побуждение и др.) либо осуществляются в акте речи (иллокутивная перформативность — см. [Кодзасов 1992а]), либо являются предметом сообщения (констативность).

Оценки также могут выступать как речевое действие (примеры (66) и (67)) или использоваться как данность (примеры (68) и (69)). В первом случае они получают акцент, во втором его не имеют. Много примеров такого рода дают модификаторы со значением высокой степени [Кодзасов 1992б]. Приведем две пары:

(71) — *(*Симпатичнейшая *жена) у него!*

(72) — *У него (очень симпатичная *жена). Поэтому я люблю у них бывать.*

(73) — *Теперь это наши (*сильнейший *козырь).*

(74) — *На этом стадионе завтра выступают (сильнейшие *бегуны).*

Вернемся теперь к обсуждению акцентуации глаголов с верификативной семантикой (см. параграф 4). Очевидно, акт верификации (введение положительного или отрицательного значения верификативного маркера) также может осуществляться перформативно либо использоваться в виде результата. В первом случае вершинный предикат получает акцент, во втором нет — см. (51а)—(51б) и (52а)—(52б). Это касается, разумеется, и отрицательных предложений:

(75) — *Ты не (**выполнил своего обещания). Я больше тебе не *верю.*

(76) — *Не *рассчитывай на мою помощь — ты ведь (не выполнил своего *обещания).*

(77) — *Ты (не **сделал уроков). Зачем ты врешь?!*

(78) — *Он *врет, (не делает *уроков), *курит...*

Отметим, что когда *не* относится к сложной субстантивной группе, дополнительный акцент получает ближайшее к нему слово:

(79) — *Однако пришел не *брат Ивана, а какой-то *студент.*

(80) — *Это вам не *Южная Америка.*

Это явление ждет своего истолкования.

7. Событие и факт

Эти категории подробно анализируются в книге Н. Д. Арутюновой «Типы языковых значений: оценка, событие, факт» [1988]. Суммируя это изложение предельно кратким образом, можно сказать, что в событийных высказываниях происходящее рассматривается изнутри, как разворачивающееся во времени (для них типично «приглазное» изложение), тогда как в фактических высказываниях оно рассматривается снаружи, как упакованное знание («заглазное» изложение). До сих пор мы рассматривали высказывания второго рода, именно в них информация организована в блоки составляющих, что позволяет манипулировать ими как цельными информационными объектами. В событийных высказываниях информация как бы непосредственно считывается с действительности, не подвергаясь структурированию. Ср.:

(81) — *Куда делся Петя?*

— *Он (пошел в сторону *вокзала).*

(82) — *Я выглянул и увидел Петю. Он *быстро *шел в *сторону *вокзала.*

В первом предложении мы имеем предикатную составляющую (*пошел в сторону вокзала*), фонетически объединенную акцентом на сирконстанте. Во втором предложении аналогичная грамматическая группа не объединена фонетически: каждое полнозначное слово имеет собственный акцент.

Описанное акцентное различие сохраняется и во вставленных предложениях:

(83) — *Я вчера узнал, что (*Коля избил *Петю).*

(84) — *Я вчера видел, как *Коля *бил *Петю.*

(85) — *Я так решил, потому что (наверху скрипнула *дверь).*

(86) — *Тут он услышал, как *наверху *скрипнула *дверь.*

Оно сохраняется даже при номинализации:

(87) — *(Арест *преступника)(всех *обрадовал).*

(88) — **Арест *преступника *происходил при *свидетелях.*

Противопоставление «факт/событие», как кажется, аналогично противопоставлению «констативность/перформативность» (в расширенном понимании этих терминов). Различие только в области применения глубинных гиперкатегорий: различие факта и события относится к пропозициональному, вещественному содержанию высказывания, тогда как различие констативности и перформативно-

сти — к его речеактовому содержанию. Можно считать, что событийное высказывание помещает нас в ситуацию концептуализующей активности, тогда как фактическое — в ситуацию использования ее готовых результатов.

От множественного акцентирования в событийных высказываниях следует отделить акцентирование двух рематических компонентов одного предложения:

(89) — Он *подорожал (на десять *процентов).

(90) — Здесь *часто (происходят *кражи).

Исходная акцентуация, в отличие от событийной ситуации, не сохраняется при номинализации:

(91) — *Результатом было его (десятипроцентное *подорожание).

(92) — Магазин *самообслуживания *разорился (из-за частых *краж).

(93) — Типичная судьба магазинов *самообслуживания — (разорение из-за частых *краж).

8. Разделение акцентных компонентов

Для русского литературного языка характерно совмещенное выражение коммуникативного и иллокутивного смыслов в пределах одного рематического акцента. Однако имеются случаи, когда происходит вынужденное разделение этих компонентов. Обычно это связано с опущением ремы (оно типично для сопоставительных предложений), что вынуждает как-то иначе расположить иллокутивный показатель, который она несет. Эта задача решается путем перенесения тонального движения опущенного акцента ремы на конечный слог темы. При этом на слух лучше воспринимается восходящее движение тона вопросительных предложений. Примеры полных и неполных предложений такого рода:

(94) А. — *Иванова уже приехала*. Б. А **Баринова* (∅) — **приехала* (∅)? / — А **Барино**ва (∨)?

Восхождение тона может начинаться сразу после падения на ударном слоге или происходить только на конечном слоге, однако в обоих случаях акцент ориентирован на конец слова. Если же ударение падает на конечный слог, то происходит удвоение конечного гласного:

(95) — А. *Баринова уже приехала*. Б. — А *Ива**но-**ов* (∨)?

(Мы опускаем здесь знак акцента перед словом, так как показываем место тональных акцентов внутри слова).

Та же техника используется в вопросах нереального условия, в которых опускается начальная вопросительная часть:

(96) — А *если бы она у**на*ла (∨)?

До сих пор не замечалось, что аналогичная техника может использоваться и при опущении ремы утвердительного предложения:

(97) А. — *Иванова уже приехала*. Б. — А **Баринова* (/) **тоже* (\) *приехала*. / — И **Барино*ва* (\).

(98) А. — *Баринова уже приехала*. Б. — И Ива**но-**ов (\).

Отделяться от рematicкого носителя могут не только иллокутивные, но и фазовые акценты (показатели незавершенности и завершенности). В отличие от иллокутивных акцентов их отдельное функционирование не связано с опущением ремы, а обусловлено чисто механическим несовпадением места фазового акцента (конечная позиция в фонетической синтагме) и места рematicкого акцента. Ср.:

(99) — *Я сейчас*. Вот только *помою *посуду* (/) и **пойде* (\)м.

(100) — ...Вот только **посуду* (\) **помою* (/) — и *пойдем*.

Однако иногда акцент незавершенности отделяется от коммуникативного и внутри одного слова. Типичный случай — риторически подчеркнутое перечисление:

(101) — *Нужно купить та*рел*ки* (V), **чаш*ки* (V) *и (/) **блюдца* (\).

9. Частные семантические факторы

9.1. Неопределенные группы

Неопределенные группы с *-то* и *-нибудь* никогда не принимают тонального акцента. Если такой акцент по синтаксическим правилам должен быть на актанте или сирконстанте, он смещается на глагол. Ср. такие пары:

(102a) — Тебе (**жена звонила*).

(102б) — Тебе (*кто-то *звонил*).

(103a) — Он (*пошел в *магазин*).

(103б) — Он (**ушел куда-то*).

Очевидно, невозможность акцентированного произношения слов с *-то* и *-нибудь* заставляет избегать их использования как единственных элементов неполных предложений. На вопрос:

(104) — *Кому бы это поручить?*

можно ответить — *Хоть *кому*. или — *Кому *угодно*., но нельзя — *Кому-нибудь*.

9.2. Группа «немного»

Наречия и наречные обороты со значением малого количества, малой степени и т. п. обязательно безакцентны, если они выступают в непредикативной функции. Сюда относятся, в частности: *немного*, *несколько*, *слегка*, *иногда*, *изредка*, *сравнительно*, *относительно*, *в известной мере*, *до некоторой степени*.

Примеры:

- (105) — *Мы (несколько *задержались).*
 (106) — *Они (немного *опоздают).*
 (107) — *Он (слегка *похудел).*
 (108) — *Они приехали (относительно *недавно).*

Эту безакцентность нельзя объяснить синтаксически, так как приглагольные наречия могут принимать акцент при актуальной оценке:

- (109) — *Он (сильно *похудел). // — Он (*сильно *похудел).*

Причина кроется, очевидно, в некотором достаточно общем иконическом принципе: не акцентируется сема малости, причем в сочетании с семой приближенности оценки. Примечательно, что слово *мало*, напротив, почти всегда несет акцент (см. [Булыгина, Шмелев 1988]). Это слово — типичный представитель внутренне рематичных слов, к рассмотрению которых мы и переходим.

9.3. Слова с «внутренней рематичностью»

Имеется некоторое число наречий и прилагательных, которые, как правило, выступают в рематической функции, причем часто в качестве второй ремы.

К ним относятся, в частности, *немедленно, обязательно, заранее, впервые, главный, единственный* и т. д. (ср. [Павлова 1987]).

Однако нетрудно увидеть, что все они могут выступать и как неакцентированные члены внутри объемлющих составляющих — как рематических, так и тематических. Ср.:

- (110a) — *Он (*немедленно бросился на *помощь).*
 (110б) — *Чтобы быть в состоянии (немедленно оказывать *помощь), им необходимы новые машины.*
 (111a) — *Он сегодня (*впервые *побрисля).*
 (111б) — *(Впервые вступающим в *брак) раньше давали талоны в специальный магазин.*
 (112a) — *Это (его *единственный *друг).*
 (112б) — *(Его единственный *друг) уехал на Север.*

Таким образом, ситуация здесь принципиально не отличается от ситуации с любыми оценочными словами (см. § 6), хотя особая склонность к рематическому употреблению у рассматриваемых слов несомненна, притом что семантические параметры, которые ее определяют, как кажется, неодинаковы у разных слов.

10. Риторические эффекты

До сих мы рассматривали лишь семантическую мотивацию размещения акцентов, которая может быть описана на основе регулярных правил. Однако в

реальной речи большую роль играют риторические факторы, ocasionальное включение которых в действие обусловлено прагматикой ситуации и не поддается контролю. Поэтому необходим подробный анализ риторической мотивации акцентирования.

Наиболее очевидным случаем является пословное акцентирование составляющей (иногда целой фразы), что связано с ее высоким информационным рангом в глазах говорящего либо служит средством риторического давления на слушающего:

(113) — *Сколько раз тебе говорили: *выключай *свет, *когда *уходишь.*

Однако чаще имеет место более дифференцированное риторическое поведение: особому усилению, сопровождаемому паузацией, подвергаются отдельные слова, важные для выражения установок говорящего. Пример из [Скорикова 1993]:

(114) — *К *сожалению / рассчитывать на *то / что для *нас / с *вами / будут создавать нечто *специальное и большим *тиражом / это по *крайней мере / ну в общем *пока это / *наивно.* (Здесь / означает паузальный разрыв.)

Подобное выделение как бы накладывается на семантически мотивированную акцентную структуру, понижая ее в ранге. Фонетически оно выражено не тоном, а интенсивностью. По нашему мнению, этот слой акцентирования следует отделять от «нормальной» акцентной структуры. Его можно сравнить с подчеркиванием отдельных слов в письменном тексте, которое не имеет отношения к его лингвистической структуре.

Риторическое воздействие на акцентуацию может иметь и менее драматическую форму. Так, в статье Н. Д. Светозаровой [1993] замечательно описана ретракция акцента, наблюдаемая в современной публичной речи. Как показывает автор, она происходит в именных группах, отличающихся высокой степенью клишированности, близости к сложному слову. Наиболее распространенный контекст ретракции — незамкнутый сочиненный ряд, особенно контекст союза *и..., и...:*

(115) *...(в *Калининском районе), (на *Васильевском острове)...*

(116) — *Это обсуждалось и (в *трудовых коллективах), и на *партсобраниях.*

(115) — *Задавал такой вопрос *президент, интересовался и (*государственный секретарь).*

Очевидно, такая акцентуация сопряжена с риторическим давлением на слушателя, стремлением подчеркнуть «тотальность» утверждения. Фонетическим средством такого давления является повышенная громкость соответствующих фрагментов. При этом громкостная вершина стремится к локализации на начальном сегменте речевого фрагмента (об этом не раз писала Т. М. Николаева).

Несколько иной характер носит смещение акцента в резюмирующих высказываниях:

(116) — *Что касается (*Советского Союза), то...*

Здесь оно скорее символизирует перенос фокуса внимания на сопоставляемый объект. Имеется прагматическая близость такой ретракции с ретракцией в апеллятивных репликах:

(117) — *(*Иван Сергееч)!*

(118) — *Следующая остановка — (*Московский вокзал)!*

В целом, ретракция акцента в перечисленных случаях, по-видимому, является сугубо риторическим приемом. Необходимо, однако, отметить, что этот прием требует соблюдения некоторого обязательного фонетического условия: в качестве последнего члена группы выступает редуцированное («стертое») слово (см. описание таких слов в [Кодзасов 1995]).

Еще один случай вторжения риторики в акцентуацию — манипуляции «планами» повествования. Так, в случае парентез наличие на них акцента (и локализация во фразе) определяется тем, выносит говорящий их на первый план сообщения или помещает «в тень»:

(119) — **По-моему, этого делать не *следует.*

(120) — **Этого, по-моему, не *следует делать.*

Но наиболее частый случай, когда риторика влияет на акцентуацию, это факкультативное усиление всевозможных оценочных слов. Многочисленные примеры такой вариативности применительно к частицам см. в [Кодзасов 1993].

Заключительные замечания

Свидетельством адекватности нашего понимания механизмов фразовой акцентуации могла бы служить система формальных правил, позволяющая производить верную огласовку любого предложения по его семантическому описанию. (Впервые такая задача была поставлена Е. В. Падучевой [1989].) Однако сначала необходимо достичь такого состояния знаний, при котором можно объяснить наблюдаемую акцентуацию произвольно взятого предложения. Пока это не достигнуто в полной мере, что объясняется значительным числом вовлеченных факторов и недостаточным пониманием природы многих из них.

Продолжение исследования должно идти, очевидно, по двум направлениям. Во-первых, необходимо продолжить поиск релевантных факторов на основе сплошного анализа акцентуации в связных текстах. Во-вторых, настало время для разработки аппарата формальной записи порождающих правил акцентуации. Попытки в этой области тут же приведут к выявлению неосознанных пробелов в знаниях. А это необходимый этап движения вперед.

Литература

- Апресян 1990 — *Апресян Ю. Д.* Типы лексикографической информации об означающем лексемы // Типология и грамматика. М., 1990.
- Арутюнова 1988 — *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М., 1988.
- Балли 1956 — *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1956.
- Баранов, Кобозева 1983 — *Баранов А. Н., Кобозева И. М.* Семантика общих вопросов в русском языке // Известия ОЛЯ. Т. 42, № 3. 1983.
- Булыгина 1988 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Несколько замечаний о словах типа *несколько* // Язык: система и функционирование. М., 1988.
- Ковтунова 1976 — *Ковтунова И. И.* Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Кодзасов 1989а — *Кодзасов С. В.* Об акцентной структуре составляющих // Экспериментально-фонетический анализ речи. Вып. 2. Л., 1989.
- Кодзасов 1989б — *Кодзасов С. В.* Перформативность и интонация // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
- Кодзасов 1990 — *Кодзасов С. В.* Интонация контраста и противоречия // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
- Кодзасов 1992а — *Кодзасов С. В.* Виды перформативности и их показатели // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.
- Кодзасов 1992б — *Кодзасов С. В.* Смысл «очень» через призму просодии // *Le mot, les mots, les bon mots. Hommage à Igor Melchuk.* Montreal, 1992.
- Кодзасов 1993 — *Кодзасов С. В.* Интонация предложений с дискурсивными словами // Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
- Кодзасов 1995 — *Кодзасов С. В.* О редуцированных словах в русском языке // Проблемы фонетики. II. М., 1995.
- Надеина 1985 — *Надеина Т. М.* Акцентная структура высказывания в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
- Николаева 1982 — *Николаева Т. М.* Семантика акцентного выделения. М., 1982.
- Николаева 1985 — *Николаева Т. М.* Функции частиц в высказывании. На материале славянских языков. М., 1985.
- Павлова 1987 — *Павлова А. В.* Акцентная структура высказывания в ее связях с лексической семантикой: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987.
- Падучева 1989 — *Падучева Е. В.* К интонационной транскрипции для предложений произвольной синтаксической сложности // Вопросы кибернетики. Семиотические исследования. М., 1989.
- Паршин 1988 — *Паршин П. Б.* Сопоставительное выделение как коммуникативная категория: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988.
- Светозарова 1993 — *Светозарова Н. Д.* Акцентно-ритмические инновации в русской спонтанной речи // Проблемы фонетики. I. М., 1993.
- Скорикова 1993 — *Скорикова Т. П.* Ситуативно-прагматическая обусловленность сигналов речи и акцентного выделения слова в устном научном тексте // Проблемы фонетики. I. М., 1993.
- Чейф 1975 — *Чейф У. Л.* Значение и структура языка. М., 1975.

- Чейф 1982 — *Чейф У. Л.* Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982.
- Adamec 1966 — *Adamec P.* Порядок слов в современном русском языке. Praha, 1966.
- Bonnot, Fougeron 1982 — *Bonnot Ch., Fougeron I.* L'accent de phrase initial en russe est-il toujours un signe d'expressivité ou de familiarité? // BSLP. LXXVII. 1. 1982.
- Bonnot, Fougeron 1983 — *Bonnot Ch., Fougeron I.* Accent de phrase non final et relations interenonciatives en russe moderne / Rev. Etud. slaves. LV/4. 1983.
- Cruttenden 1986 — *Cruttenden A.* Intonation. Cambridge etc., 1986.
- Fougeron 1989 — *Fougeron I.* Prosody et organisation du message. Paris, 1989.
- Keijsper 1985 — *Keijsper C. E.* Information structure. Amsterdam, 1985.

Глава 2

О семантике одного акцентного различия: два типа ремы*

В настоящей статье будет рассмотрена семантическая мотивация размещения фразового акцента в некоторых рематических группах. В общем случае, место акцента в составляющей (а акцент, в принципе, относится не к слову, а к составляющей¹) определяется сложным взаимодействием факторов: синтаксических, коммуникативных, риторических и др. Разные факторы изучены с разной степенью детальности. В частности, синтаксическая мотивация размещения акцента в бинарных группах прекрасно описана И. И. Ковтуновой, коммуникативные факторы обсуждались в книге Т. М. Николаевой и статьях К. Бонно и И. Фужерон²; с другой стороны, в диссертации А. В. Павловой и в недавней статье Ю. Д. Апресяна³ на первый план вышел лексикографический аспект: способность лексем или подзначений лексем принимать или не принимать акцент.

Тот случай, который будет рассмотрен ниже, как кажется, представляет особый интерес, поскольку может пролить свет на глубинную коммуникативную структуру высказывания. Мы имеем в виду разные огласовки рематических групп, представляющих собой сочетание предиката с актантом: с дополнением (*купил машину*) или с подлежащим (*Иванов приехал*).

Рассмотрим два примера. Первый из них — фрагмент гипотетического разговора учителей:

- (1а) — *Коровин опять прогулял.*
— *Что же вы предполагаете делать?*
— *Позвоню 'отцу (').*

* Первоначальный вариант статьи опубликован в: Филологический сборник (к 100-летию со дня рожд. акад. В. В. Виноградова). М., 1995.

¹ Коздасов С. В. Об акцентной структуре составляющих // Экспериментально-фонетический анализ речи. Вып. 2. Л., 1989.

² См.: Ковтунова И. И. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976; Николаева Т. М. Семантика акцентного выделения. М., 1982; Bonnot Ch., Fougeron I. L'accent de phrase initial en russe est-il toujours un signe d'expressivité ou de familiarité? // BSLP. LXXVII (1982). № 1; Bonnot Ch., Fougeron I. Accent de phrase non final et relations interenonciatives en russe moderne // RESL. LV (1983). № 4.

³ См.: Павлова А. В. Акцентная структура высказывания в ее связях с лексической семантикой: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987; Апресян Ю. Д. Типы лексикографической информации об означающем лексемы // Типология и грамматика. М., 1990.

Последняя реплика представляет собой «информативное» утверждение (в терминах П. Адамца⁴), или «диктальное» (в терминах Ш. Балли⁵ — если перенести его классификацию вопросов на утверждения). Это означает, что говорящий производит отождествление одной из возможных альтернатив в «вещественном» содержании ситуации. В качестве конкурирующих решений могло бы быть: *вызову 'родителей, устрою 'скандал, выгоню из 'школы* и т. д. Во всех случаях фразовый акцент (знак ') ставится на дополнении, как это предполагается стандартными синтаксическими правилами. Как показала И. И. Ковтунова, порядок слов не влияет на место акцента в группе: *позвоню 'отцу / 'отцу позвоню, вызову 'родителей / 'родителей вызову* и т. п. Т. е. мотивация расстановки акцента здесь ролевая, а не линейно-позиционная.

Рассмотрим теперь другой пример:

(16) — *Хочу перед тобой отчитаться: я «позвонил(\) отцу.*

В этом случае имеет место «верификативное» (по Адамцу) или «модальное» (по Балли) утверждение. Говорящий подтверждает осуществление ожидаемого события «звонок отцу». Рассматриваются лишь «модальные» альтернативы реализации (они все так или иначе связаны с оппозицией *да/нет*) единственной «вещественной» возможности. В качестве конкурирующих событий могло бы быть: *не «звонил отцу, не «дозвонился отцу, не «стал звонить отцу* и т. п. Во всех случаях акцент ставится на предикатной вершине группы. Как и в случае диктальных утверждений, изменение порядка слов не влияет на размещение акцента: *Я «позвонил отцу. / Я отцу «позвонил.*

Наша транскрипция отражает не только различие в положении акцентов в диктальных и модальных утверждениях, но также их качественное различие. Знак « указывает на большую степень фонетической выделенности акцента: тон падает с более высокого уровня, что при близости финальной точки дает больший интервал изменения. Само падение (знак \) происходит внутри ударного гласного, тогда как в случае акцента ' оно начинается уже на предшествующем согласном. При этом наблюдается динамическое раздвоение гласного, которое может приводить и к усложнению тональной кривой.

(2а) — *И как же он прореагировал на это известие?*

— *'Уехал (\).*

(2б) — *Он уже уехал?*

— *«Уе2хал (\).*

Различие тональных кривых для 'уехал и «уехал хорошо видно на рис. 1а—1б.

Интересно отметить, что акцент « может использоваться и в диктальных высказываниях — это наблюдается в случае, когда происходит выбор в ограниченном пространстве альтернатив (до сих пор мы рассматривали ситуацию неопределен-

⁴ *Adamec P.* Порядок слов в современном русском языке. Praha, 1966.

⁵ *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1956.

ного пространства возможностей). В частности, может выбираться смысл, выраженный предикатной группой с актантом:

- (3) — *Что же он в конце концов сделал с деньгами?*
— *Купил «квартиру»()*.

(альтернативой могло быть, например, вложение денег в банк). В книге Фужерон этот акцент назван *accent exclusif*. Очевидно, он выражает некоторую общую операцию отождествления смысла в «актуализованном множестве»⁶, т. е. внутри узкого набора альтернатив, находящихся в поле зрения говорящего. Эта категория обязательно имеет место в случае модальных высказываний (выбор между *да/нет*), но возможна и при диктальном утверждении.

Описанные выше различия в размещении акцентов в рематических группах наблюдаются и в вопросительных предложениях. Здесь акцентные данные заставляют более внимательно отнестись к существующей коммуникативной классификации. Рассмотрим такой вопрос:

- (4а) — *Что он делает по вечерам? Играет на 'гитаре (/)?*

Такой вопрос будет охарактеризован в терминах Адамца как частно-верификативный, а в терминах Балли — как частный модальный. Однако положение акцента и его тип свидетельствуют о диктальной семантике. Также и мыслимые альтернативы заполнения данной семантической позиции носят диктальный характер: *ходит в 'кино / читает 'книги* и т. п. Об этом же свидетельствует и использование этого вопроса «в связке» с предшествующим безусловно диктальным вопросом. Второй вопрос по существу является ответом на первый, и он не может иметь иную коммуникативную характеристику, нежели первый. Можно считать, что вопросы обсуждаемого типа имеют смешанную модально-диктальную семантику: они реализуют запросы на подтверждение правильности гипотетического заполнения данной семантической позиции. Заметим, что в этот класс входят и «вопросы с неингерентной темой», описанные А. Н. Барановым и И. М. Кобозевой⁷, т. е. причинные вопросы типа:

- (5) — *Почему тебя не было на собрании? Не получил 'повестки?*

В оппозиции к частно-верификативным (модально-диктальным) вопросам находятся общeverификативные вопросы типа:

- (4б) — *Она «играет (/) на гитаре?*

Здесь предполагается модальный выбор между умением/неумением играть на гитаре. Как и в верификативных утверждениях, акцент располагается на предикатной вершине, причем восходящее движение тона (знак /) осуществляется на удар-

⁶ Fougéron I. *Prosody et organisation du message*. Paris, 1989.

⁷ Баранов А. Н., Кобозева И. М. Семантика общих вопросов в русском языке // Изв. ОЛЯ. № 3. М., 1983.

ном гласном, а не на всем слоге. Для таких предложений характерно динамическое раздвоение акцентированного гласного.

Описанные выше правила распределения акцентов в предикатных составляющих действуют и в т. н. «нерасчлененных» предложениях, т. е. предложениях с субъектными актантами. Ср. огласовку информативного и верификативного утверждения (показатель направления тона далее опускаем):

(6a) — *Из-за чего такой переполох?* — *'Директор приехал.*

(6б) — *Все в порядке. Директор «приехал.*

Общие правила сохраняют силу и в двухактантной рематической группе, здесь в информативном утверждении акцент получают оба актанта, а в верификативном лишь предикатная вершина:

(7a) А. — *Что ты так радуешься?* Б. — *'Папа купил мне 'велосипед.*

(7б) — *Можно вздохнуть спокойно. Петя «сдал экзамен.*

Те же стандартные правила действуют и в коммуникативно нерасчлененных вопросах:

(8a) — *У вас, я вижу, аврал. Что — 'директор приехал?*

(8б) — *Ну как дела? «Приехал директор?*

Здесь различие коммуникативной организации выражается и порядком слов.

Итак, во всех случаях мы наблюдаем одну и ту же закономерность: информативные (диктальные) предложения имеют рематический акцент на актанте, тогда как верификативные (модальные) — на вершинном предикате. Стандартное правило размещения акцента в информативном высказывании может нарушаться лишь в ситуации противопоставительного выбора глагольного смысла. В этом случае акцент помещается на предикате, а актант (он является «старым») акцента не несет:

(9) — *Ты что — 'купил этот велосипед?*

Альтернативой может быть *взял на время, украл* и т. д. Однако в этом случае сферой действия рематического оператора является, конечно, не вся предикатная группа, а лишь сам глагол. Семантически такие предложения явно отличны от предложений типа:

(10) — *Как ты — «купил велосипед?*

В последних речь идет об осуществлении предполагаемого события, а не о выборе между разными действиями. Интересно отметить и различие вводящего вопроса: *как ты* используется в верификативном высказывании, а *ты что* — в информативном.

Рассмотрим подробнее различие в глубинной семантике информативных и верификативных высказываний. Как представляется, для его описания естественно опираться на выделение в глубинной структуре высказывания особого элемен-

та — «связки» — которое было предложено Н. Д. Арутюновой⁸. Разграничивается пропозициональное («вещественное») содержание сообщения и абстрактный предикат существования, который показывает, как это содержание соотносено с действительностью. Этот предикат может присоединяться к любой составляющей высказывания.

Ремой высказывания (а мы понимаем под ремой тот компонент смысла, над которым производится операция при осуществлении речевого акта) может быть как «вещественное» содержание, так и экзистенциальный предикат. Когда операция осуществляется над пропозициональным компонентом смысла, мы имеем дело с информативным высказыванием. Когда же меняется содержание «связки», мы имеем дело с верификативным высказыванием. Рема информативного высказывания всегда имеет прямое текстовое выражение. В то же время рема-связка обычно не имеет собственной лексикализации. В случае ее присоединения к пропозициональной предикатной группе она реализуется путем специфической акцентуации ее вершины. Т. е. в предложении

(11) — *Он все-таки «купил машину».*

глубинной ремой является не смысл *покупка машины*, а смысл *бытийная реализация*, присоединенный к пропозициональному комплексу *покупка машины*. Однако поверхностно в качестве ремы выступает этот пропозициональный комплекс.

Связка обычно функционирует не в виде чисто экзистенциального смысла, но присоединяет модальные компоненты, которые могут лексикализироваться:

(12) — *Он все-таки «купил машину».* / *Ему все-таки «удалось купить машину».*

(13) — *Он не «позвонил отцу».* / *Он не «стал звонить отцу».*

(14) — *Он не «играет на гитаре».* / *Он не «умеет играть на гитаре».*

(15) — *Вы «едите геркулес?»* / *Вы «согласитесь есть геркулес?»*

Возможно, следует скорее говорить не о связке, а о непропозициональном слое смысла, имея в виду неоператорную его часть.

Очевидно, пропозициональный компонент смысла, к которому относится рематическая связка, является глубинной темой. Это позволяет разными способами строить поверхностную структуру предложения. «Фокус» связки может сужаться за счет выноса части пропозиционального комплекса в поверхностную тему. Ср. такие варианты выражения одного смысла (Т и Р — поверхностные тема и рема):

(16) — *(Ты)Т (играешь на гитаре)Р?* / *(Ты)Т1 (на гитаре)Т2 (играешь)?* / *(Ты)Т1 (на гитаре играть)Т2 (умеешь)Р?*

Интересно, что в случае «нерасчлененного» сообщения вынос пропозициональной части требует присоединения *-то*:

(17) — *Иванов-то — не «позвони-л».* / *Иванов звонить-то — не «ста-л».*

⁸ Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М., 1988.

В этих предложениях динамическое раздвоение акцентированных гласных представляется обязательным

В заключение мы хотим остановиться на содержащемся в диссертации А. В. Павловой⁹ утверждении о внутренней рематичности некоторых глаголов (имеются в виду фазовые глаголы, глаголы интеллектуальной деятельности и другие). По мнению автора, эта лексическая рематичность и ведет к смещению акцента с актанта на глагол.

Говоря в наших терминах, предполагается, что такие глаголы имеют лишь верификативное употребление, т. е. обязательно употребляются с рематической «связкой». Приводимые автором примеры показывают, что речь идет о глаголах, которые обычно мыслятся в бинарном модальном пространстве — типа *выполнить, согласиться, знать, уметь* и т. п. Хотя любой из них может быть помещен и в пространство пропозициональных альтернатив (например, *знать* может входить в один ряд с *предполагать, догадываться* и т. д.), тем не менее в несопоставительном контексте они, как правило, употребляются оппозитивно: *знать/не знать, выполнить/не выполнить* и т. п. Однако утверждение о верификативности этих глаголов в общем случае неверно и для несопоставительных контекстов. Практически любой предлагаемый автором пример может быть переделан так, что глагол становится частью диктального высказывания и акцент уходит на актант. Ср. такие пары:

(18а) — *Эти условия «исключают возможность помощи старикам.*

(18б) — *На это нельзя соглашаться: эти условия исключают возможность помощи 'старикам.*

(19а) — *Коллектив «выполнил поставленную задачу.*

(19б) — *Не время праздновать. Сначала нужно выполнить поставленную 'задачу.*

Различие этих пар естественно объяснять с помощью противопоставления «события» и «факта» — категорий, предлагаемых Н. Д. Арутюновой¹⁰. В случае «события» ситуация излагается «изнутри», является сама предметом сообщения. В случае «факта» — она излагается «снаружи», как цельный информационный блок, а предметом сообщения скорее являются логические отношения таких блоков. Событийный взгляд сочетается с верификативным осмыслением ситуации, а логический (для него типичны причинные конструкции) — с диктальным осмыслением.

Наличие указанных ситуативных факторов не отрицает, конечно, утверждения, что способность разных глаголов и разных подзначений глаголов участвовать в модальных и диктальных высказываниях неодинакова, и эти предпочтения каким-то образом должны быть учтены в лексикографических описаниях (ср. Апресян)¹¹.

⁹ Павлова А. В. Указ. соч.

¹⁰ Арутюнова Н. Д. Указ. соч.

¹¹ Апресян Ю. Д. Указ. соч.

Очевидно, что фиксироваться должно не только тяготение некоторых глаголов к бинарному (а тем самым верификативному) употреблению, но и склонность других глаголов к употреблению небинарному (а, следовательно, диктальному). Например, для таких глаголов произвольного действия, как *оцарапать*, *порезать*, *вывихнуть* и т. п., нелегко придумать верификативный контекст. Нам кажется, что эти лексические особенности неестественно фиксировать в виде акцентных помет, как это иногда предлагается, так как различие акцентуации — это внешнее выражение семантических расхождений.

Предшествующий вариант настоящей статьи был опубликован в 1995 г. и некоторые его положения нуждаются в дополнениях. Они связаны главным образом с обнаружением явления динамической двуморовости гласных и выявлением его функций. Говоря в самом общем виде, вокалическая двуморовость указывает на ситуацию оппозитивного выбора при заполнении данной семантической позиции, на то, что данный терм вводится в текст в ситуации потенциальной или реальной конкуренции с другим или другими. В случае модальной ремы мы всегда имеем дело с оппозитивным двоичным выбором, который предполагает двуморовость акцентированного гласного: *уе2хал/не уе2хал* и т. п. Ввиду неизбежного удлинения двухкомпонентного гласного тональный акцент реализуется в основном на вокалическом ядре слога, на что и обратила внимание И. Фужерон (1989).

При этом удвоение гласного в ситуации оппозитивного заполнения некоторой позиции в равной мере касается модальной и диктальной ремы. Например,

(20) А. — *Откуда у тебя такой приемник? Купил?* Б. — *Да нет, подарил.*

Также и здесь двуморовый нисходящий акцент реализуется на гласном ударного слога. Особенно часто проявляется этот тип интонации в оборотах с «лучше». Здесь он особенно соответствует эпитету «волевая», которым Арутюнова наделяет интонацию таких предложений.

Различие двух маркированных вариантов падающего акцента в *лучше*-предложениях имеет достаточно прозрачную мотивацию: предложения с консонантной локализацией тона имеют прескриптивный характер, тогда как вокальная ориентация тона указывает на общеоценочную семантику. Сравним два предложения:

(21) — *Лучше пирог (\C), чем хлеб.*

(22) — *Лучше ложь (\Г), чем правда.*

Ясно, что первая фраза рассчитана на прямой прагматический эффект, тогда как вторая его скорее не предполагает.

Оба типа *лучше*-предложений могут иметь экспрессивные варианты, создаваемые путем «модуляции» тона. Таким термином обозначается усилительная редупликация акцента: тональная схема приобретает вид «нисходящий — ровный — нисходящий». Реализация этой фигуры в слове зависит от наличия/отсутствия заударных слогов. Если они есть, то повторное падение происходит на гласном

конечного слога. Если заударный слог отсутствует, то при варианте \С ударный гласный становится двуморovým, и падение тона повторяется на второй море, а при варианте \Г гласный становится трехморovým и падение тона повторяется на третьем слоге. Примеры:

(23) — *Лучше в субботу* (\-).

(24) — *Лучше пиро-ог* (\-).

(25) — *Лучше вино-о-о* (\-).

До сих пор мы рассматривали ситуацию выбора среди актуализованных альтернатив. Однако *лучше*-предложения могут вводить и альтернативу, которая в поле зрения до этого отсутствовала. Такое расширение пространства выбора интонировано особым образом:

(26) — *Он предлагает вторник или среду.*

— *Лучше в суббо-оту* (\С).

Как видно из нашей транскрипции, ударный гласный слова, вводящего новую альтернативу, получает долготу, которая символизирует удаленность объекта от прежнего фокуса зрения [Кодзасов 2000], а падающий акцент помещается на заударный согласный. Если заударного гласного нет, то тональный акцент помещается на вторую мору ударного гласного:

(27) — *Лучше в четве-ерг* (\Г).

Литература

- Апресян 1990 — *Апресян Ю. Д.* Типы лексикографической информации об означаемом лексеме // Типология и грамматика. М., 1990.
- Арутюнова 1988 — *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Баранов, Кобозева 1983 — *Баранов А. Н., Кобозева И. М.* Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. № 3. 1983.
- Ковтунова 1976 — *Ковтунова И. И.* Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Кодзасов 1995 — *Кодзасов С. В.* О редуцированных словах в русском языке // Проблемы фонетики. 2. М., 1995.
- Кодзасов 1996 — *Кодзасов С. В.* Законы фразовой акцентуации // Просодический строй русской речи. М., 1996.
- Кодзасов 1999 — *Кодзасов С. В.* Уровни, единицы и процессы в интонации // Проблемы фонетики. 3. М., 1999.
- Кодзасов 2000 — *Кодзасов С. В.* Фонетическая символика пространства (семантика долготы и краткости) // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.
- Кодзасов 2002a — *Кодзасов С. В.* Категория «свой / чужой»: семантика и фонетика // Проблемы семантического анализа лексики. Тезисы докл. междунар. конф. М., 2002.

Кодзасов 2002б — *Кодзасов С. В.* Фазовая символика тона // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002.

Николаева 1982 — *Николаева Т. М.* Семантика акцентного выделения. М., 1982.

Падучева 1990 — *Падучева Е. В.* Между предложением и высказыванием: субъективная модальность и синтаксическая неподчинимость // *Revue des études slaves*. Paris. LXII/1-2. 1990.

Fougeron 1989 — *Fougeron I.* Prosody et organization du message. Paris, 1989.

Ode 1989 — *Ode C.* Russian intonation. A perceptual analysis. Amsterdam, 1989.

Глава 3

Фазовая символика тона

Введение

Основные тональные движения (восходящее и нисходящее) обычно связывают с фазовыми характеристиками текста: восходящий тон указывает на незавершенность фразы или диалогического единства, а нисходящий — на их завершенность. Такое представление типично для лингвистов, не занимающихся специально интонацией. В частности, указывается на то, что тема повествовательного предложения имеет восходящий тон, а рема — нисходящий, причем тема нормально предшествует реме [Ковтунова 1976; Падучева 1985].

Более тонкую интерпретацию фазовых функций тона мы находим у профессиональных интонологов. Так, Е. А. Брызгунова говорит об «ожидании продолжения» как об «архисеме» ИК-3 (восходящий тон): «...в вопросе это ожидание ответа, в повествовательном высказывании — это ожидание продолжения мысли говорящего, в просьбах ИК-3 выражает заинтересованность говорящего в выполнении действия слушающим, что включает неуверенность, ожидание реакции слушающего.» [Брызгунова 1993]. Как видим, автор здесь мыслит «ожидание продолжения» не только в терминах наблюдаемого текста, но и в терминах сопутствующей ментальной деятельности собеседников¹.

Однако до сих пор функции тонов в русском языке не подвергались систематическому анализу. Это не значит, что работу в этой области нужно начинать с нуля. Если попытаться обобщить имеющиеся сведения, то функции фразовых тонов в самом общем виде можно сформулировать следующим образом: восходящий тон (/) символизирует начало, нисходящий тон (\) — конец, а ровный тон (=) — поддержание того состояния, которое достигнуто после начала. Кроме обозначения фаз как таковых, тоны указывают также на процессы, связанные с фазами: каузацию фазы и ожидание фазы.

Символическая связь фазы и тона особенно ясно видна в случае перлокутивных речевых актов типа команд: запуск действия огласуется восходящим тоном, его прекращение — нисходящим, а поддержание — ровным:

¹ Аналогичный подход при интерпретации функции восходящего тона в английском языке мы находим у известного британского интонолога Э. Краттендена, который предлагает для нее абстрактный смысл *open*, указывающий на открытость, незавершенность текстовой ситуации, прежде всего ее ментального плана [Cruttenden 1986]. Сходные идеи выражены в нашей недавней работе [Кодзасов 1999].

- (1) — Шагом — ма/пи!; — Налево!
 (2) — Сто\й!; — Отста\вить! || — О\тставить!
 (3) — Тя-я=немся-тя-я=немся, девочки!; — Бежи=м-бежи=м!

Команды предполагают прямой результат в действительности: адресат механически подчиняется речевому воздействию. Только в таких высказываниях тон обусловлен онтологическими фазами управляемого действия. В других случаях он связан либо с фазовой структурой локутивного действия (темо-рематическая и линейная структура высказывания), либо с фазовой интерпретацией иллокутивно вынуждаемого действия. В последнем случае фазовая мотивация тона не столь наглядна².

Связь направления тона с фазовой характеристикой имеет, вероятно, фонетическую природу: немаркированная структура отрезка речи, как известно, имеет вид /≠\ [Кривнова 1976]; видимо, ее следует считать прототипическим способом оформления локутивного действия. Однако не исключено влияние и ассоциаций высокого с начальным и низкого с конечным, отражающих некоторые реальные связи. Как мы говорили, тональная схема /≠\ принимается и как стандарт для оформления коммуникативной схемы повествовательного предложения: восходящий тон оформляет тему, а нисходящий тон реме (связующий ровный тон обычно не рассматривается). Однако высказываниям в реальном дискурсе такая схема часто не соответствует, она типична для повествовательных текстов, в которых совершаются лишь локутивные действия³.

В неповествовательных текстах, прежде всего диалогических, тональное оформление фразы предопределено в основном его иллокутивной характеристикой. В русском языке иллокутивный тон любого направления совмещен с рематическим акцентом, а тон темы обычно адаптируется к тону реме (см. ниже). При этом рема может занимать любую позицию в предложении, поэтому тональные конфигурации могут быть весьма разнообразными.

Мы полагаем, что актуальное членение в текстах дискурсного типа (диалоги, обучающие тексты и др.) имеет иную функциональную природу, нежели в недискурсных (сугубо повествовательных). В высказываниях первого типа рема несет информацию, позволяющую формировать и перестраивать знания или программы поведения воспринимающего субъекта, тогда как тема имеет адресную функцию. В высказываниях второго типа актуальное членение задает «маршрут» прохождения ситуации [Апресян 1988], которая вводится в некоторую буферную зону памяти, не связанную непосредственно с когнитивными и поведенческими структурами. В первом случае интонация обслуживает в основном иллокутивные действия, тогда как локутивные огласовки играют вспомогательную роль. Во втором случае преобладают локутивные огласовки.

В настоящей статье будет рассмотрено использование тонов в диалогических

² Мы следуем здесь классификации речевых актов Дж. Л. Остина [1986].

³ См. различие *исторического повествования* (histoire) и *речи* (discours) у Э. Бенвениста [1974].

репликах разных иллокутивных типов — они позволяют увидеть разнообразие семантической мотивации при выборе фазовой интерпретации речевого действия. Однако, завершая вводную часть, обратим внимание на то, что обычное описание интонации в повествовательной речи существенно упрощает реальную ситуацию. Проиллюстрируем это на фрагменте из рассказа Чехова «Ванька» (в одном из возможных нейтральных прочтений):

Ванька Жуков, || девятилетний мальчик, | отданный три месяца тому назад в ученье к сапожнику Аляхину, || в ночь под Рождество/ || не ложи/лся спать. || Дожда/вшись, | когда хозяева и подмастерья ушли к заутрене, || он доста/л из хозяйского шкафа пузырек с черни/лами, | ручку с заржавленным пером || и, разложив/в перед собой измятый лист бума/ги, | ста/л писа/ть.

Как видим, тональное оформление задается в основном такими свойствами текста, как линейные позиции акцентированных слов в синтаксических группах и глубина паузального членения. Трудно соотнести тональные огласовки с коммуникативными составляющими, поскольку они имеют весьма сложную структуру и содержат несколько внутренних акцентов. Подчеркнем, что это отнюдь не самый сложный повествовательный текст.

Иллокуции и тон

После работы Дж. Р. Серля о классификации иллокуций [Серль 1986] общепринято рассмотрение иллокутивной характеристики высказывания как многокомпонентной сущности. Анализ тональных огласовок показывает справедливость этого подхода и невозможность предсказать тон на основе членения на «основные типы высказываний»: повествовательное, вопросительное и побудительное. Релевантными для тональной огласовки предложения (а она отражает фазовую интерпретацию иллокутивного действия) оказываются четыре характеристики из списка Серля. Перечислим их, несколько меняя формулировки автора:

- а) основная иллокутивная цель: сообщение / вопрос / побуждение;
- б) фаза дискурса: иницирующая реплика / реактивная реплика;
- в) иерархические отношения между партнерами: доминанция говорящего / доминанция слушающего / равенство партнеров;
- г) эпистемические оценки вводимой информации партнерами: ожидаемая / нейтральная / неожиданная.

Эксплицируем характер того процесса, который вынуждается диалогической репликой. Обычно ее целью является некоторая ментальная реакция партнера, за которой может последовать реакция поведенческая. В зависимости от типа цели это либо принятие адресатом релевантной информации, могущей повлиять на его установки, либо актуализация запрашиваемых сведений для последующей передачи, либо адаптация поведенческой задачи для последующего выполнения. Как было сказано, тон ремы отнюдь не предопределяется основным типом высказыва-

ния, но существенно зависит от других иллокутивных компонентов. Выбор тона в целом определяется степенью контроля над осуществлением цели реплики: восходящий тон свидетельствует о малых возможностях говорящего (ментальный процесс запускается, но достижение конечной цели не контролируется), тогда как нисходящий тон указывает на большие возможности в достижении цели реплики (т. е. конца инициированного процесса). Веса факторов, определяющих начальную или конечную трактовку, связаны с базовой иллокутивной характеристикой реплики: в случае побуждений важны иерархические позиции партнеров по диалогу, в случае сообщений — эпистемические оценки, а для огласовки вопросов — оба этих параметра. Поэтому естественно рассмотреть основные типы высказываний отдельно. Начнем с побуждений, в которых мотивация различий тональных огласовок наиболее очевидна.

Побуждения

Функцией побудительного акта является введение поведенческой инструкции в память адресата. Можно выделить немало разновидностей побуждений [Храковский 1990], и это разнообразие в большой степени обусловлено различием в иерархическом статусе партнеров по общению. Чем выше позиция говорящего относительно слушающего, тем более вероятна нисходящая огласовка побуждения. Так, приказы никогда не огласуются восходящим тоном:

- (4) — *Введи\те арестованного!*
- (5) — *Убери ко\мнату!*

В таких случаях говорящий полностью контролирует развитие ситуации и задает ее по конечной фазе (принятие адресатом инструкции, предполагающее ее последующее выполнение). Сходным образом произносятся запреты — отрицательные приказы:

- (6) — *Не де\лай этого!*

В то же время неоднократно отмечалось, что просьбы, подобно общим вопросам, огласуются восходящим тоном:

- (7) — *Помоги\ мне, пожалуйста!* (ср. — *Ты мне не помо\жешь?*)
- (8) — *Прошу тебя, не де\лай этого!*

Также и другие побуждения, осуществляемые в условиях зависимости говорящего от партнера, произносятся с восходящим тоном. Во всех случаях он означает инициацию процесса ввода поведенческого задания без уверенности в его успешном завершении. Таковы, в частности, предложения и советы:

- (9) — *Попро\буйте этот пирог!*
- (10) — *Дава\йте погуля\ем!* (ср. — *Погуля\ем?*)
- (11) — *Я тебе совету\ю согласи\ться.*

(12) — *Ваша киска купила бы ВИ/СКАС!*

Последняя рекламная фраза являет собой типичный пример косвенного совета.

Побуждения к интеллектуальной или эмоциональной активности обычно огласуются по началу, поскольку произвольный контроль здесь невозможен:

(13) — *Поду/май!*

(14а) — *Не волну\йся!*

Однако если попытки контролировать неуправляемые процессы оказались безрезультатными, то давление на партнера усиливается за счет изменения текста, а также использования нисходящего тона и повышения дыхательной и артикуляционной напряженности:

(14б) — *Да не волну\йся же, черт возьми!*

Пожелания могут оформляться как восходящим, так и нисходящим тоном, однако в обоих случаях огласовки риторичны, поскольку эти фатические акты не предполагают принятия или непринятия слушающим поведенческой программы:

(15) — *Поправля\йся! // — Поправля\йся!*

(16) — *Желаю тебе разбогате\ть! // — Желаю тебе разбогате\ть!*

Очень характерны разные огласовки разрешений. Если ситуация общения формализована и разрешающий субъект наделен властными полномочиями, то реплика оформляется нисходящим тоном:

(17) А. — *Разрешите идти/?* Б. — *Иди\те!*

В неформальном общении разрешение может быть оформлено и восходящим тоном — он показывает, что отвечающий отказывается от доминирующей позиции и перелагает решение на вопрошавшего:

(18) А. — *Можно я ее приглашу в гости?* Б. — *Пригласи/, если хочешь.*

Последняя реплика сопровождается жестом «пожимания плечами».

Вопросы

Вопросы, как и побуждения, весьма разнообразны по своим пропозициональным и иллокутивным характеристикам. Мы рассмотрим здесь лишь самые употребительные типы.

Общий вопрос чаще всего используется грамматистами, пишущим и об интонации, в качестве прототипического образца высказывания, имеющего восходящий тон ремы:

(19) — *Скажите, поезд уже при\был?*

Действительно, иллокутивные компоненты такого вопроса способствуют выбору восходящего тона: это иницирующая реплика, вынуждаемая отсутствием у говорящего нужных сведений, причем ее автор вынужденно принимает позицию зависимости от адресата. Примечательно, что использование такой формы устранения информационного дефицита вряд ли возможно в случае, когда носитель знания занимает существенно более низкую позицию на официальной иерархической лестнице. Так, запрос военачальника к подчиненному скорее будет иметь форму побуждения:

(20) — *Сообщите о прибытии поезда!*

Возможно и другое нарушение обычных иллокутивных условий общего вопроса: почти полная эпистемическая определенность ситуации. Таковы вопросы на подтверждение:

(21) — *Кто тебе это сказал? Ва\ня? Не т\ак ли?*

По тональной огласовке такой вопрос совпадает с утверждением, и лишь контекст позволяет правильно проинтерпретировать реплику. Однако такого рода вопросы довольно редки.

Вопросы с вопросительным словом («специальные») обнаруживают весьма разнообразные тональные контуры. По нашему мнению, ремой специальных вопросов является вопросительное местоимение, находящееся обычно в начале предложения, а новая тема помещается в конце. Как рема, так и новая тема несут тональные акценты, причем тематический акцент обычно нисходящий, тогда как тон ремы предопределяется ролевыми отношениями участников дискурса. Если спрашивающий не занимает доминирующей позиции, то используется восходящий тон:

(22) — *Скажите, когда/ прибывает поезд из Берли\на?*

Скользкие тоны соединены здесь ровным (он для простоты не показан в транскрипции), то есть используется так называемая «шляпная» конструкция: /=\.

Если же говорящий выступает с позиции «хозяина» ситуации, то на вопросительном слове используется нисходящий тон:

(23) — *Ты опять уходишь. Когда\ ты верне\шься?*

Здесь после начального падения следует ровный низкий тон, и второе падение происходит уже в низком регистре. В таких требовательных вопросах возможна также интенсификация произнесения акцентированных слогов [Брызгунова 1980].

Следует отметить, что когда вопрос с местоименным словом входит в состав цепочки реплик, часто используется специальный показатель текстовой связности (ожидания продолжения текста) — восходящий тон на конечном слоге реплики. Если этот слог несет акцент, то гласный становится двуморовым, что позволяет разместить на нем оба тона:

(24) А. — *Можно Ивана Ивановича?*

Б. — *Он только что ушел.*

А. — *А когда/ он приде\-е/т?*

При безударности конечного гласного он несет лишь восходящий тон:

(25) — *А когда/ он верне\тся/?*

Подчеркнем, что в данном случае конечный восходящий тон несет не иллюктивную, а локутивную функцию, маркируя лишь фазу текста, но не фазовую интерпретацию дискурсивного действия. Иначе обстоит дело в случае нисходяще-восходящего тона в сопоставительных вопросах:

(26) А. — *Володя уже вернулся.* Б. — *А Ко\ля/?*

Здесь вторая реплика восходит к более полной структуре, в которой восходящий тон имеет обычную для вопроса функцию:

(27) — *А Ко\ля верну\лся?*

Поясним, что тональная огласовка темы (Ко\ля) асемантична и выполняет чисто оформительские функции. Как правило, тон темы приспособливается к тону ремы по принципу обратной адаптации: при восходящем тоне ремы используется нисходящий тон темы и наоборот. Приведем типичный пример:

(28) А. — *Иванова можно к телефону?* Б. — *А Иван\ов заболел.*

В вопросах представлена и тональная конфигурация /=, она символизирует продолжение пребывания в состоянии неопределенности, отсутствие завершения возникшей проблемной ситуации. Таковы недоуменные вопросы и переспросы:

(29) — *Куда/= я ее положил?(М) Ума не приложу.*

(30) — *Куда-куда/= ты ее положил? (Б)*

Здесь буквы М (медленный) и Б (быстрый) указывают на маркированные темповые характеристики этих типов вопросов.

Сообщения

Мы объединяем непобудительные и невопросительные высказывания под условным ярлыком «сообщения». К их числу относятся как иницирующие, так и реактивные реплики. Первые обычно используют нисходящий тон в реме, тогда как огласовка вторых зависит от эпистемической оценки информации говорящим: низкая оценка способствует восходящему тону. Иллюстрацией может послужить такой обмен репликами:

(31) А. — *Мне сообщи\ли, что Иванов все-таки приезжа\ет.*

Б. — *Может он и прие\дет. Но у меня уверенности не\т.*

А. — *Не сомнева\йся — прие\дет!*

Однако восходящий тон может использоваться и в иницирующих высказываниях, содержащих сообщение о проблемной ситуации:

(32) — *У него плохо с деньгами. Надо бы ему помо\чь. Вот только как это сде\лать?*

(33) — *Нужно было бы предложить ему уйти. Но вот согласи/тся ли он. Это еще вопрос.*

Восходящий тон может использоваться и в интродуктивных сообщениях, несущих неожиданную информацию как для говорящего, так и для его партнера:

(34) — *Ва/ня-то — поехал в Ту/рцию, можешь себе представить.*

Обратим внимание на огласовку темы с *-то* — здесь использован восходяще-нисходящий тон, который выполняет функцию маркированной активизации фрагмента знаний, нуждающегося в изменениях. Эта тональная конфигурация ныне часто используется дикторами телевидения и при огласовке ремы высказывания — как средство мобилизации внимания слушателя:

(35) — *Этот вопрос будет обсуждаться за/втра.*

Тот же тон используется в восклицаниях типа:

(36) — *Бо/льно!; — Здо/рово!*

Эта тональная фигура как бы склеивает фазы начала и конца и свидетельствует об отсутствии ментального процесса принятия сообщения.

Особого рассмотрения заслуживают ответы на вопросы. Здесь кроме немаркированных нисходящих тонов нередко встречаются и восходящие огласовки. Иногда они используются как своего рода фигуры вежливости — говорящий как бы оправдывает незнание партнера неожиданностью информации:

(37) А. — *А где сейчас Ваня?* Б. — *В кино/ пошел.*

Однако чаще такие огласовки используются в отрицательных ответах, иницирующих перестройку презумпций вопроса:

(38) А. — *Ты во вторник вернешься?* Б. — *Нет, в сре/ду.*

(39) А. — *Ты к зубному когда собираешься?* Б. — *А я не собира/юсь.*

(40) А. — *Он что ли не приехал?* Б. — *Почему не приехал? Прие/хал.*

Фатические речевые акты

Влияние иллокутивного параметра фазы дискурса на выбор тона хорошо прослеживается в обращениях. Вступление в контакт, естественно, маркируется восходящим тоном: — *Але/на!* Если адресат задерживается с ответом, повторное обращение может быть огласовано сочетанием высокого ровного и нисходящего — ровный показывает продолжение апеллятивной ситуации, а нисходящий — попытку ее завершить: — *Ну, Але-е=\\n!*

Такова огласовка при недоминантной роли автора обращения. Если же он занимает более высокую иерархическую позицию, то используется нисходящий тон:

(41) — *Але\\на! Что ты молчишь!*

Сходным образом оформляются реакции на телефонный звонок. Первый ответ имеет восходящий тон: — *Алло!* Отсутствие ответа меняет роль говорящего — он переходит к нападению: — *Алло!*

Фатические реплики поддержания контакта обычно огласованы сочетанием ровного низкого и восходящего тона:

(42) — *Ну-у=/... ; -Та-ак=/...*

Приветствия при встрече также имеют предсказуемые огласовки:

(43) А. — *Здра/ствуйте!* Б. — *Здра\ствуйте!*

В то же время реплики прощания могут иметь разные огласовки в зависимости от модальных установок участников:

(44а) А. — *До свидан\ья!* // Б. — *До свидан\ья!*

(44б) Б. — *До свидан\ья!* // Б. — *До свидан\ья!*

Литература

- Апресян 1988 — *Апресян Ю. Д.* Типы коммуникативной информации для толкового словаря // *Язык: система и функции.* М., 1988.
- Бенвенист 1974 — *Бенвенист Э.* Отношения времени во французском глаголе // *Э. Бенвенист.* Общая лингвистика. М., 1974.
- Брызгунова 1980 — *Брызгунова Е. А.* Интонация // *Русская грамматика.* М., 1980. Т. 1.
- Брызгунова 1993 — *Брызгунова Е. А.* Ответы на анкету «Об основах теории интонации» // *Проблемы фонетики.* Вып. 1. М., 1993.
- Ковтунова 1976 — *Ковтунова И. И.* Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Кодзасов 1999 — *Кодзасов С. В.* Уровни, единицы и процессы в интонации // *Проблемы фонетики.* Вып. 3. М., 1999.
- Кривнова 1976 — *Кривнова О. Ф.* Составляющая несущего тона в мелодической кривой фразы // *Исследования по структурной и прикладной лингвистике.* М., 1976.
- Остин 1986 — *Остин Дж. Л.* Слово как действие // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. 17. М., 1986.
- Падучева 1985 — *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
- Серль 1986 — *Серль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
- Храковский 1990 — *Храковский В. С.* Повелительность // *Темпоральность. Модальность.* Л., 1990.
- Cruttenden 1986 — *Cruttenden A.* Intonation. Cambridge etc., 1986.

Глава 4

Фонетическая символика пространства (Семантика долготы и краткости)*

Введение

Для выражения пространственных смыслов в русском языке активно используются маркированные значения количественной характеристики гласных — их удлинение и сокращение. Они могут иконически выражать соответствующие значения темпорального пространства:

- (1) — *Нам еще до-олго здесь сидеть!*
- (2) — *Ра|з, ра|з и готово!* (здесь | означает маркированное сокращение гласного)

Можно считать, что это исходное, прототипическое использование долготы и краткости. Однако эти признаки могут использоваться и символическим образом — для описания некоторых характеристик физического и ментального пространств. Внутри каждого из указанных пространств возможны оценки их разных параметров. В частности, для темпорального пространства параметры таковы:

- дальность/близость события от референциальной точки
- отложенность/немедленность начала действия
- неопределенность/определенность действия
- протяженность/точечность действия

Разные пространства имеют не вполне тождественные, хотя по большей части соотносимые параметры. Поэтому мы рассмотрим темпоральное, физическое и ментальное пространства отдельно. Долгота и краткость будут рассматриваться параллельно при анализе каждого смыслового признака — как внешнее выражение его маркированных смысловых значений.

Признаки долготы и краткости обнаруживают фонетическую асимметрию: имеется несколько ступеней удлинения, но лишь одна ступень сокращения. Как кажется, в речи семантически контролируется три ступени удлинения: малое удлинение, большое удлинение и эмфатическое удлинение. При малом удлинении длительность гласного увеличивается приблизительно на $1/3$ — $1/2$ относительно нейтрального значения для данного гласного. При большом удлинении (оно часто используется как иконическое средство — для обозначения временной протяженности или удаленности) длительность гласного увеличивается приблизительно вдвое. Она нормально обозначается в орфографии двойной буквой с дефисом посередине. Что

* Опубликовано в: Логический анализ языка. Языки пространств / Ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2000.

же касается малого удлинения, характеризующего, в частности, большинство замен одного заполнения семантической позиции на другое, то оно обычно не обозначается в орфографической записи, хотя окказионально в таких случаях можно встретить и двухбуквенные написания, отражающие более долгую реализацию:

- (3) — *Это кто сделал? Петя?*
— *Да какой Петя?! Ваня!/Ва-аня!*

Мы для простоты не будем различать «малого» и «большого» удлинений (тем более, что при риторическом подчеркивании разница между ними исчезает) и будем использовать стандартное двухбуквенное обозначение в обоих случаях. Эмфатическое же удлинение (длительность может увеличиваться здесь в три-четыре раза) будет изображаться трехбуквенными цепочками:

- (4) — *Огро-о-омный!*

Следует отличать собственно количественную долготу от двуморовости, связанной со сложением двух тональных акцентов разной направленности на одном гласном (см. [Кодзасов 1996а]):

- (5) — *Муж согласился.*
— *А жена\-а/?*

Такая долгота в данной статье не рассматривается. Вне сферы рассмотрения, естественно, находится и неосознаваемое автоматическое удлинение конечного гласного в препаузальной позиции (*final lengthning*), которое не раз описывалось фонетистами.

Подчеркнем, что в общем случае долгота является совершенно нормальным (неэкспрессивным) просодическим средством, которое в диалогической речи используется очень часто. При этом она не обязательно выступает в комбинации с тональным переломом в составе сложного выделительного акцента [Николаева 1982] — возможны чисто долготные акценты. В частности, встречается даже удлинение безударного гласного, не несущего тонального акцента:

- (6) — *У них дене-ег...*

Далее, количество может выступать не только как акцентное (локальное) просодическое средство, но и как интегральная характеристика некоторой составляющей высказывания. В этом случае мы имеем не только удлинение гласного акцентной вершины группы, но и замедление темпа произнесения всех гласных, реализуемое через их удлинение. В таких примерах мы будем отмечать как удлинение акцентированного гласного, так и медленный темп (М) группы в целом:

- (7) — *Как же мне поступи-ить* (М) (задумчиво)?

Аналогичным образом будем одновременно фиксировать как усечение акцентированного гласного, так и быстрый темп (Б) группы:

- (8) — *Немедленно закро|й* (Б)!

1. Темпоральное пространство

Это пространство имеет чисто линейную организацию: события некоторым образом размещены на временной оси. Мы находим здесь несколько ипостасей абстрактной оппозиции, выражаемой долготой/краткостью.

1.1. Дальность/близость от референциальной точки

В качестве референциальной точки обычно используется момент речи.

Примеры на дальность:

- (9) — *Когда-а это еще будет.*
- (10) — *Это когда-а еще было.*
- (11) — *А он когда туда пошел?*
— *Да давно-о уже.*
- (12) — *Это еще неско-оро будет.*

Как видим, направление удаления от точки отсчета (вперед или назад) значения для пространственной оценки (а, следовательно, для просодии) не имеет.

Здесь уместно сделать две оговорки, которые касаются как вышеприведенных, так и всех последующих примеров. Во-первых, мы игнорируем все просодические различия, кроме долготных, которые и являются предметом анализа. Во-вторых, маркированные значения длительностей выступают только в том случае, когда пространственная оценка осуществляется говорящим актуально, в данном акте речи. При дескриптивном введении такой оценки специфическая просодия отсутствует:

- (13) — *Зачем об этом говорить, когда это всем давно известно.*
- (14) — *Не жди его — он вернется не скоро.*

Ситуация здесь ничем не отличается от других случаев дескриптивного употребления смыслов, которые при актуальном использовании манифестируются интонацией [Кодзасов 1996б].

Приведем теперь примеры на маркированную близость к моменту речи:

- (15) — *Он то|лько что уехал. Вы опоздали на несколько минут.*
- (16) — *Подождите! Он во|т-во|т придет.*

Ср. иную огласовку при дескриптивном употреблении во вставленных предложениях:

- (17) — *Она говорит, что он только что уехал.*
- (18) — *Она говорит, что он вот-вот придет.*

(См. об утрате просодических характеристик предложения при его вставлении в [Падучева 1990]).

Их противоположностью являются команды прекращения прежнего состояния:

(31) — *Гру|нна! Сто|й — ра|з, два|!*

Здесь же относятся всевозможные «остановы», для которых характерен быстрый темп реплики:

(32) — *Что ты делаешь (Б)?! Прекрати немедленно (Б)!*

К их числу относятся и «остановы», направленный на предотвращение возможной ошибки в оценке ситуации:

(33) — *Она заболела. Но ничего серьезного (Б)! Не волнуйся!*

1.4. Протяженность/точечность действия

В первом значении признака доминирует идея общей продолжительности состояния безотносительно к его пределу:

(34) — *Це-ельй ча-ас (М) ехали!*

(35) — *Трудно ему было. До-олго не мог понять, в чем дело.*

Очень часто этот смысл соединен с идеей медленности протекания действия, хотя в общем случае это разные идеи:

(36) — *Ме-едленно ехали.*

Особый случай континуальности составляют высказывания, как бы выводящие наружу внутренние психические процессы говорящего:

(37) — *Та-а-ак... Это прове-ерили (М). Теперь э-э-этот блок смо-отрим. (М)*

(38) — *Сто-ой! Это же Ва-аня (М)! (реплика задержанного узнавания)*

Ср. требование немедленной реакции:

(39) — *Сто|й! Кто идет (Б)?*

Для континуальности особенно характерны недоуменные вопросы, демонстрирующие продолжающиеся попытки говорящего преодолеть интеллектуальные трудности:

(40) — *Ка-ак это могло случи-иться (М)? Не понимаю.*

Удлинение может символизировать и продление эмоционального состояния — положительного или отрицательного:

(41) — *Та-анечка (М)! Как я рад вас видеть!*

(42) — *Ва-аня-Ва-аня! Что же ты наделал (М)!*

Перейдем теперь к обратному смыслу: быстроты-краткости. Идея краткости, по-видимому, всегда кластеризуется с идеей быстроты:

(43) — *Ра|з-ра|з и все сделал.*

Обратное явно неверно — быстрота не обязательно предполагает точечность события:

(44) — *Бы|стро-бы|стро бежит.*

Бежать можно быстро, но это не значит, что длительность бега коротка. В то же время краткость исключает идею медленности. Имеется и другой смысловой кластер, содержащий компонент быстроты — на этот раз в сочетании с идеей неожиданности. Мы называем соответствующие глагольные формы «быстрофонами»:

(45) — *Хва|ть его за шиворот.*

(46) — *А он пры|г в сторону и побежал.*

2. Физическое пространство

Это пространство может мыслиться как линейно (одномерно), так и нелинейно. С долготным просодическим контрастом связано три смысловых оппозиции.

2.1. Дальность/близость относительно референциальной точки

Примеры дальности:

(47) — *Во-он он!*

(48) — *Далеко-о полетела стрела.*

(49) — *Оттуда еще о-ой как далеко ехать!*

Примеры близости:

(50) — *Да во|т он. Где ты ищешь?*

(51) — *Да оттуда два|ша|га.*

Классический пример долготно-краткостной оппозиции дают обращения.

При обращении к лицу, которое находится не рядом с говорящим, долгота иконически зависит от расстояния и может достигать многократного увеличения:

(52) — *Ва-аня-я! / Ва-а-аня-я-я!*

Напротив, обращение на близком расстоянии реализуется с усечением гласного:

(53) — *Ва|нь, ты куда собрался!*

Удлинение при большом расстоянии между коммуникантами одновременно выполняет и функцию защиты передаваемого сообщения от затухания. Характерны удлинения и в других компонентах высказывания:

(54) — *Ма-аша-а! По-оезд идет!*

(55) — *Ми-итя-я! К телефо-ону!*

Ср. также удлинения акцентированных гласных и замедление темпа при начале разговора по неисправному телефону:

(56) — *Ма-аша-а! Я тебя пло-охо слы-ышу (М)!*

Однако мотивация долготы в обращениях к удаленному партнеру связана в первую очередь с иконикой расстояния, а не с функцией защиты сообщения. Об этом говорит тот факт, что в ряде языков звательные формы, а также указательные местоимения и наречия со значением удаленности обнаруживают идентичные чередования гласных: узкие и широкие гласные переходят в соответствующие удлиненные средние: $i > e$; $u > o$; $a > o$: (см. [Кодзасов 1975]). Артикуляционный жест, который провоцирует такое изменение, присутствует и в современном русском языке, — это смещение языка как целого назад-вниз. Однако в современном русском литературном языке качественное чередование гласных отсутствует (ср. древнерусские звательные формы на -о).

2.2. Непредельность/предельность маршрута движения

Как кажется, актуальное употребление этой оппозиции совмещено с идеей непредельности/предельности развития действия во времени:

(57) — *Дорога уходила все да-альше, да-альше...*

(58) — *Мы уже были почти у цели и вдруг — сто|п, дорога перекрыта завалом.*

2.3. Величина: большая/малая

Примеры линейного контекста для рассматриваемой оппозиции:

(59) — *Она на таком автомобиле приехала — дли-инном-предли-инном!*

(60) — *Высо-окий такой парень!*

(61) — *Ну и текстик ты написал — кро|шечный!*

(62) — *Пиджачи|шка (Б) на нем — коро|тенький, какого-то цвета немьслимого!*

Интересно, что экспрессивные формы существительных с пренебрежительно-уменьшительным значением (типа «пиджачишка», «брючки», «волосики») сочетают усечение гласных в сочетании с артикуляционным (выдвижение нижней челюсти) и фонационным (скрипучий голос) жестами. Количественная просодия выражает идею малости, а артикуляционно-фонационная — идею ролевой доминанции и аксиологическое отрицание по отношению к «хозяину» оцениваемого объекта.

Возможна и нелинейная оценка величины:

(63) *Машина остановилась. Огро-омный ка-амень лежал на дороге.*

(64) — *Там всего меда-то осталось — с гу|лькаин но|с!*

Однако в этом случае легко происходит переход на оценку в терминах параметра Magn, который предполагает удлинение безотносительно к большому или малому размеру оцениваемого объекта (см. ниже).

Имеются очевидные метафорические осмысления сложного пути достижения цели как долгого, а более простого как краткого. Символика огласовок этому соответствует:

(65) — Ну-у, это до-олгая история!

(66) — Иди пря|мо к нача|льнику.

3. Ментальное пространство

Ментальное пространство дает наибольшее количество контекстных семантических вариантов морфемы долготы/краткости. Мы представим ниже основные употребления, не пытаясь достигнуть полного покрытия всех случаев. Для большинства употреблений морфемы долготы/краткости в ментальном поле характерна нелинейность.

3.1. Введение дальнего/ближнего

Рассмотрим сначала ситуацию, когда имеет место заполнение некоторой незанятой семантической позиции. Кроме нейтрального заполнителя возможно два типа маркированных. В первом случае в качестве заполнителя выступает член, который оценивается говорящим как находящийся на далекой позиции на шкале ожидаемости:

(67) — Кто это сделал?

— Ваня.

— Ах, Ва-аня.

Можно считать, что в этом случае долгота выступает как совмещенный признак: она манифестирует не только эпистемическую удаленность термина, но и процесс перестраивания системы пресуппозиций. Если этот процесс затруднен, то возможны удивленные восклицания типа:

(68) — Ва-аня это сделал (М)?! Невероятно.

(69) — Ах во-от оно что (М)... А я-то удивлялся.

Обратная ситуация имеет место, когда в качестве заполнителя говорящим предлагается эпистемически ближайший член, почему-то «невидимый» для партнера:

(70) — Кто это такое?

— Да это ж Ва|ня (Б). Не узнал что ли?

(71) — Где-ты их ищешь! Во|т же они!

Сюда примыкает ситуация, когда новая информация только что ассимилирована и начинает выступать как отправная точка («близкое») для дальнейшего:

(72) — Значит, он хо|лост. Тогда надо его женить.

3.2. Замена ближнего дальним и дальнего ближним

Просодия показывает, что ситуация замены заполнения семантической позиции обычно осмысливается как переход к дальнему:

- (73) — *Да это не Ваня. Это Пе-е|тя сделал.*
 (74) — *Да какой там вторник. Четве-ер|г!*
 (75) — *Я вам сказала — напра-а-а|во! А вы куда идете?*

В последнем случае эмфатическое удлинение совмещает указание на необходимость замены с дпящимся давлением на слушателя.

Однако ситуация замены допускает и иную огласовку:

- (76) — *Да это не Ва-аня. Это Пе|тя сделал.*
 (77) — *Да какой там вто-орник — четве|рг!*

Очевидно, в этом случае действует иная логика: дистанцируется неверное заполнение, а верное интерпретируется как ближайшее.

Дистанцирование может быть связано с категорией релевантности: верное, но нерелевантное, интерпретируется как дальнее:

- (78) — *Это ве-ерно, но только ему от этого не легче.*
 (79) — *Приехать-то он прие-ехал. Да вот денег не привез.*

Другой случай дистанцирования связан с оппозицией «свое/чужое». Чужая речь интерпретируется как «дальняя» и маркируется долгой:

- (80) — *Он говорит: — Напиши-и, мол. А я не хочу писать.*
 (81) — *А он мне жестом показывает — подойди-и, мол.*

Возможны и случаи дистанцирования от собственных поступков:

- (82) — *Написал письмо?*
 — *Написа-ал. Да зря все это.*

Интересный вариант описанной ситуации представляет собой передразнивание чужой речи с последующим отрицанием ее содержания в собственной. Чаще всего чужая речь передразнивается как медленная [Арутюнова 1986], и тогда последующая реакция говорящего оформлена ускоренным темпом, что символизирует его желание «закрыть» фрагмент дискурса.

- (83) — *Помоги-и, помоги-и (М)... Заладил. Да не буду я тебе помога|ть (Б)!*
 (84) — *Возьми-и, возьми-и (М)... Да не возьму| и все| тут (Б)!*

Гораздо более редкие случаи тараторящего передразнивания сопровождаются контрастным переходом говорящего на собственную медленную речь:

- (85) — *Ты все твердишь «сделаю, сделаю...» (Б). Когда же ты сде-елаешь, наконец (М)?*

Ср. более обычное распределение темповых признаков:

- (86) — *Сде-елаю, сде-елаю (М)... Когда| ты сделаешь (Б)?*

К рассмотренным случаям примыкает различие огласовок реактивных реплик несогласия/отрицания и согласия/подтверждения. Для первых типична долгота, для вторых краткость:

- (87) — Ну во-от (М), опять всё на меня.
 (88) — Не-ет, так не поиде-ет (М)!
 (89) — Во|т-во|т (Б). Вы совершенно правы.
 (90) — Охо|тно. Всегда готов вам помочь (Б).

Очевидно, здесь долгота одновременно показывает дальность «чужого» и интеллектуальное замешательство при его восприятии, а краткость — быстроту положительной реакции на «близкое».

Труднее проинтерпретировать быстрый темп переспросов:

- (91) — Какой-како|й сорт, я не расслышал (Б)?

Вероятнее всего, и здесь темп указывает на «близкое» — возврат к только что актуализованной номинации.

3.3. Переход в другое подпространство / совмещение подпространств

Переход в другое ментальную область кодируется удлинением — оно означает удаление от ранее актуализованной зоны памяти:

- (92) — Ты что-то грустный.
 — Да до-ома опять неприятности.
 (93) — Вы знаете, я недавно встречался с Гло-оба, и он произвел на меня большое впечатление.

Такое использование удлинения чрезвычайно характерно при переключении на параллельную линию повествования:

- (94) — Что касается мла-адшего брата, то он не любил таких забав.
 (95) — А во дворце-е в это время полным ходом шли приготовления к свадьбе.

Напротив, совмещение отдельных событийных линий в какой-то точке кодируется краткостью:

- (96) — Как раз мла|дшего брата я хорошо знаю.
 (97) — Как раз во дворце| я его и видел.

Хорошие примеры сопоставительного (удлиняющего) и отождествительного (сокращающего) употребления дает частица «же»:

- (98) Серебро было пущено на монеты. Зо-олото же было оставлено в слитках.
 (99) На ней были великолепные золотые серьги. Из зо|лота же и браслет.

3.4. Удаленность от нейтрального

Высокая степень признака трактуется как удаленность от референциальной (нейтральной) точки и маркируется удлинением:

(100) — *Какая краси-ивая (М)!*

(101) — *Тако-ое белье-е (М)!*

Отметим, что Magn'ы имеют долготу только при актуальном статусе оценки, т. е. дескриптивные суперлативы нейтральны по долготе [Кодзасов 1992]:

(102) — *Она очень красива и думает, что ей поэтому все позволено.*

Абстрактная семантика интенсификации, реализуемая долготой, может подавлять встроенную семантику малости, которая нормально реализуется краткостью:

(102) — *Такая ма-аленькая-маленькая!*

(103) — *У-узенский такой!*

Однако характерно, что в таких высказываниях сема малости сохраняет просодическое выражение в виде высокого регистра тона [Кодзасов, Кривнова 1977]. Впрочем, не все прилагательные, обозначающие малые размеры, способны к удлинению. Так, его не допускает лексема «короткий».

Обратим внимание на то, что при сопоставлении использование долготы отнюдь не является обязательным. Если сопоставляемые члены не разнесены на оценочной шкале, то долготы нет:

(104) — *Старший стал физиком, а младший химиком.*

Напротив, любая поляризация сопоставляемых объектов на некоторой шкале ведет к удлинению при переходе ко второму члену сопоставления:

(105) — *Ваня ученый, а вот Петя — предпринима-атель.*

Интересные свойства обнаруживает частица «даже». Обычно она вводит информацию, обладающую низкой эпистемической оценкой, а потому «удаленную» на шкале ожидаемости:

(106) — *Даже дире-ектор пришел.*

Однако в контексте отрицания она, напротив, вводит наиболее «близкое» по ожидаемости, но не осуществившееся событие, которое может маркироваться краткостью:

(107) — *Он даже не заме|тил меня.*

Остановимся, наконец, на специфических удлинениях в высказываниях с опущенными Magn'ами. Здесь долгота совмещает семантику высокой степени оценки и незавершенности вербального ее выражения:

(108) — *Народу пришло-о...*

(109) — *Нагорит ему-у...*

Непределенности качества соответствует непрекращающийся поиск подходящей вербализации, который предлагается продолжить слушающему.

3.5. Неопределенность/определенность

Долгота в сочетании с медленным темпом может кодировать сохранение концептуальной неопределенности, тем самым показывая необходимость продолжения процесса интеллектуального поиска:

(110) — *Что-то ты сегодня какой-то гру-устный (М).*

(111) — *Какая-то она непоня-ятная-я (М)...*

(112) — *Не знаю. Может быть, за-автра поехать (М)?*

Аналогичным способом оформляются реплики, имитирующие стимул к процессу угадывания слушающим приятного события:

(113) — *А кто у нас сейчас получит пода-арок (М)?*

Несколько иная техника используется для маркировки приблизительности, неточности предлагаемой концептуализации. В этом случае долготный акцент не сопровождается общим замедлением темпа:

(114) — *Ну это у него как бы мета-афора что ли такая.*

(115) — *Было что-то чи-истое, не-ежное в этих отношениях.*

Напротив, концептуальное или вербальное попадание «в точку» или же полная однозначность интерпретации или поведения отмечается краткостью:

(116) — *Что она вопит как резаная?*

— *О-о, точно сказал. Именно, вопи|т, а не плачет.*

(117) — *Смотри-ка! Пла|чет. Ей Богу, пла|чет.*

3.6. Неисчерпанность/исчерпанность

Одно из тривиальных использований долготы мы находим в незамкнутых сочиненных рядах с семантикой неисчерпанности, открытости множества:

(118) — *Чего только не было в этом саду: я-яблоки, гру-уши, сли-ивы, сморо-одина, крыжо-овник...*

(119) — *Как он это любит: теа-атры, спекта-акли, роскошная пу-ублика...*

(120) — *Модель больша-ая, удо-обная, с большим бага-ажником...*

Напротив, усечение гласных сопровождается незамкнутые ряды с семантикой исчерпанности, полного покрытия множества:

(121) — *Пришли абсолютно все: и Ко|ля, и Пе|тя, и Сера|жа, и Ви|тя...*

Аналогична кодировка открытости/исчерпанности текущего фрагмента дискурса. Дополнительные сведения, особенно аргументативного характера, кодируются долготой акцентированного гласного:

(122) — *А потом еще на ры-ынок пойдем. Так что ты нас не жди.*

(123) — *Подожди! Мне еще а-алгебру делать.*

Напротив, исчерпанность фрагмента дискурса или его прерывание символизуется усечением гласного:

(124) — *Хва|тит! Не хочу больше слушать (Б)!*

(125) — *Чего тут обсуждать? Ду|ра и все тут (Б).*

(126) — *Все|! Коне|ц, слава Богу (Б)!*

Заключение

Анализ текстов звучащей речи показывает, что говорящий довольно часто занимается озвучиванием маркированных значений своих пространственных оценок. Он как бы постоянно отслеживает длительности, степени удаленности/близости и т. д. во всех видах пространств. Тем более удивительно, что семантическая сторона просодического количества до сих пор не привлекала внимания.

В значительной степени это связано с доминацией интереса к тональным характеристикам и их иллокутивным функциям. Материал данной статьи обнаруживает необходимость в большем внимании к семантике и фонетике количественной просодии.

Из нашего изложения видно, как трудно определить инвариантную семантику разных употреблений просодических морфем долготы и краткости. Ситуация здесь аналогична той, в которой мы оказываемся при исследовании служебных морфем, частиц и лексем с непредметными значениями. Как было показано, наряду с прототипическими употреблениями долготных характеристик, которые носят иконический характер (долгота/краткость звучания гласных соответствует длительности реального времени описываемых событий), имеется масса гораздо более абстрактных значений, возникших в результате всевозможных ассоциативных употреблений.

Литература

- Арутюнова 1986 — *Арутюнова Н. Д.* Диалогическая цитация // ВЯ. № 1. 1986.
- Кодзасов 1975 — *Кодзасов С. В.* Две заметки о звуковом символизме // Публикации Отделения структурной и прикладной лингвистики. 7. М., 1975.
- Кодзасов 1992 — *Кодзасов С. В.* Смысл «очень» через призму просодии // *Le mot, les mots, les bon mots. Hommage à I. A. Melchuk.* Montreal, 1992.
- Кодзасов 1996а — *Кодзасов С. В.* Комбинаторная модель фразовой просодии // *Просодический строй русской речи.* М., 1996.
- Кодзасов 1996б — *Кодзасов С. В.* Интонация как показатель актуальности речевого действия // Труды международного семинара «Диалог-96». М., 1996.
- Кодзасов, Кривнова 1977 — *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Фонетические возможности

гортани и их использование в русской речи // Публикации Отделения структурной и прикладной лингвистики. 8. М., 1977.

Николаева 1982 — Николаева Т. М. Семантика акцентного выделения. М., 1982.

Падучева 1990 — Падучева Е. В. Субъективная модальность и синтаксическая неподчиненность // Z. Saloni (ed.). Metody formalne w opisie języków słowiańskich. Białystok, 1990.

Глава 5

Раздвоенные гласные в русской речи

Компьютерные звуковые редакторы дают ныне возможность без труда наблюдать многие параметры звучащей речи. Одной из наиболее очевидных ее характеристик является часто наблюдаемое динамическое раздвоение гласных, т. е. распадение звуковой волны гласного на два компонента по амплитуде. Не составляет также особого труда научиться отличать раздвоенные гласные от нераздвоенных на слух. Тем более удивительным является отсутствие исследований функциональной и фонетической природы этой характеристики. В одной из наших работ [Кодзасов 1996] раздвоение гласных было выделено как особый просодический признак (использовался термин «двуморовость»), однако он не получил тогда функциональной интерпретации. Настоящая заметка призвана наметить аспекты исследования этого употребительного фонетического признака.

Для начала следует оговорить употребление термина «раздвоение» и объяснить отказ от термина «двуморовость». Традиционно термины «мора» и «двуморовый» связаны с долготными различиями гласных или слогов и используются для описания количественно обусловленной ритмики (см., например, статью *Мора*, написанную В. Б. Касевичем [ЛЭС 1990]). Как представляется, в случае русского материала использование термина «двуморовость» допустимо при описании символического удлинения гласных (см. [Кодзасов 2000]), однако при обсуждении динамического раздвоения сегментов этот термин, как кажется, употреблять нежелательно.

Ниже речь пойдет только о таких случаях динамического раздвоения гласных (заметим, что иногда ему подвергаются и сонорные), которые с долготой в общем случае не связаны. Мы не будем также рассматривать раздвоение гласных, связанное с реализацией сложных тональных конфигураций в пределах одного слога. Мы имеем в виду случаи типа: А. — *Жена приехала*. Б. — *А сестра\а/?*

Раздвоение гласных встречается в русской речи очень часто, что отражает высокую употребительность той семантической категории, которую оно символизирует. В самом общем виде ее можно определить как наличие семантики оппозитивности при заполнении данной позиции. Под эту абстрактную категорию попадает масса более конкретных отношений разной семантической природы. Однако следует выделить три базовых класса употреблений: символизацию онтологической парности (двойственности), символизацию дискурсивного повтора, используемого как средство риторического усиления, и символизацию наличия конкуренции при заполнении данной семантической позиции.

Семантика первого типа употреблений в большинстве случаев не требует особых комментариев — удваиваются акцентированные гласные в релативных группах, обозначающих парные объекты. Поясним, что при записи динамической двуморности (в отличие от долготной) мы не используем дефис внутри буквенного удвоения.

Приведем осциллограмму реплики, содержащей слово *два* под релативным акцентом (*Есть *два поезда* — Рис. 1). Здесь компоненты раздвоенного гласного достаточно близки по амплитуде.

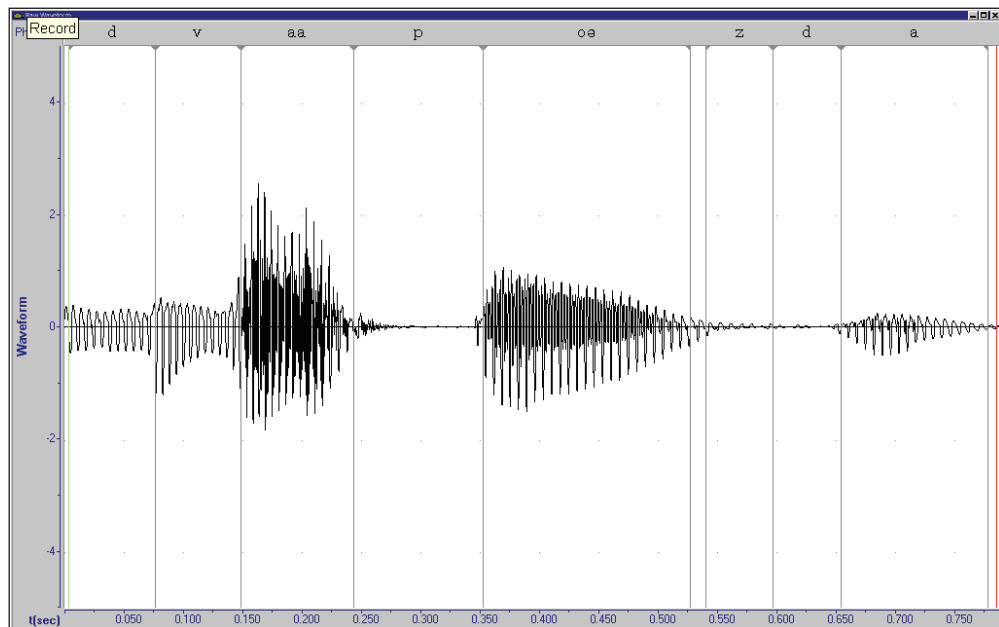

Рис. 1

Несколько иной случай отражен на Рис. 2. Здесь релативный акцент, а с ним и удвоение ударного гласного, приходятся на именную часть группы, содержащую слово *оба* (*Оба *зятя...*). Также и здесь компоненты раздвоенного гласного близки по амплитуде.

Поясним, что эти примеры, как и два последующих, взяты из лингфонного курса *100 диалогов*, прочитанного профессиональными дикторами (см. список литературы).

По нашим наблюдениям, под релативным акцентом, как правило, удваиваются ударные гласные в существительных с семантикой симметричного отношения: *сестры, братья, супруги, близнецы, соседи, приятели, родственники*.

— *Они родственники!*

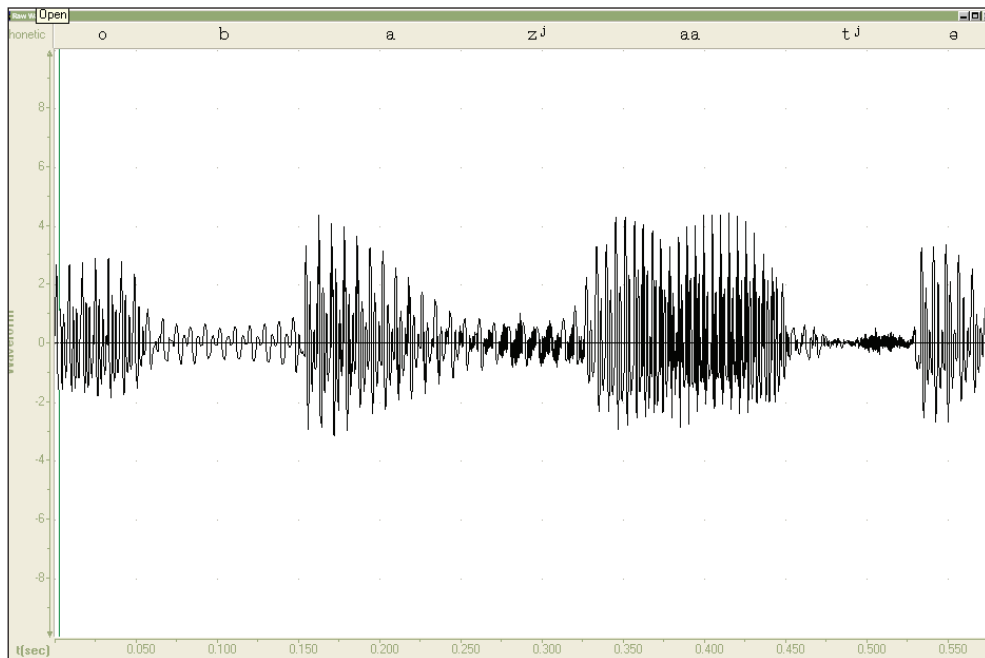

Рис. 2

Однако это не касается лексем с семантикой отрицательного взаимодействия (*враги, соперники*):

— *Они соперники!*

Интересно, что двумеровость отсутствует и в акцентированных лексемах с семантикой «копирования» ипостаси объекта: *тень, двойник, портрет, фотография*. Примеры:

— *Пойди лучше в тень!*

— *Это его портрет.*

В то же время семантика двойственности, утратившая в русском языке грамматическое оформление, может получать окказиональную фонетическую символизацию, что обнаруживается, например, на осциллограмме фразы: *Мы с мамой волнуемся...* (Рис. 3).

Как видим, двойственное число символизировано здесь во всех словах фразы, то есть имеет место согласование глагола с именем по признаку двойственности.

Перейдем теперь к примерам чисто дискурсивного раздвоения гласных. Они связаны с ситуацией риторического подчеркивания, направленного на усиление воздействия на партнера. Особенно характерно раздвоение акцентированных гласных в побудительных репликах. Например,

— *Немедленно дооооой!* (Рис. 4)

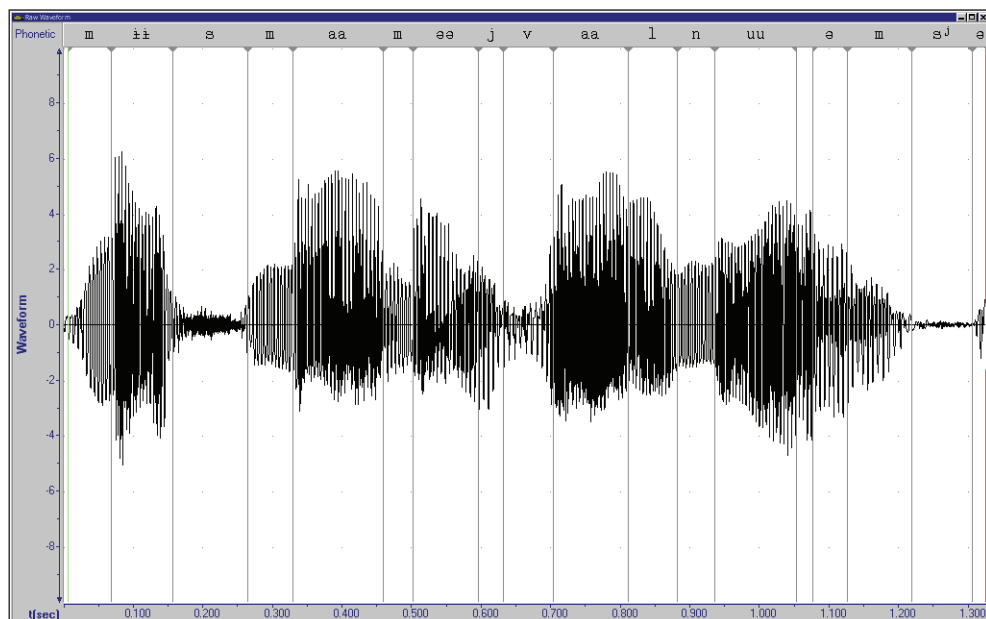

Рис. 3

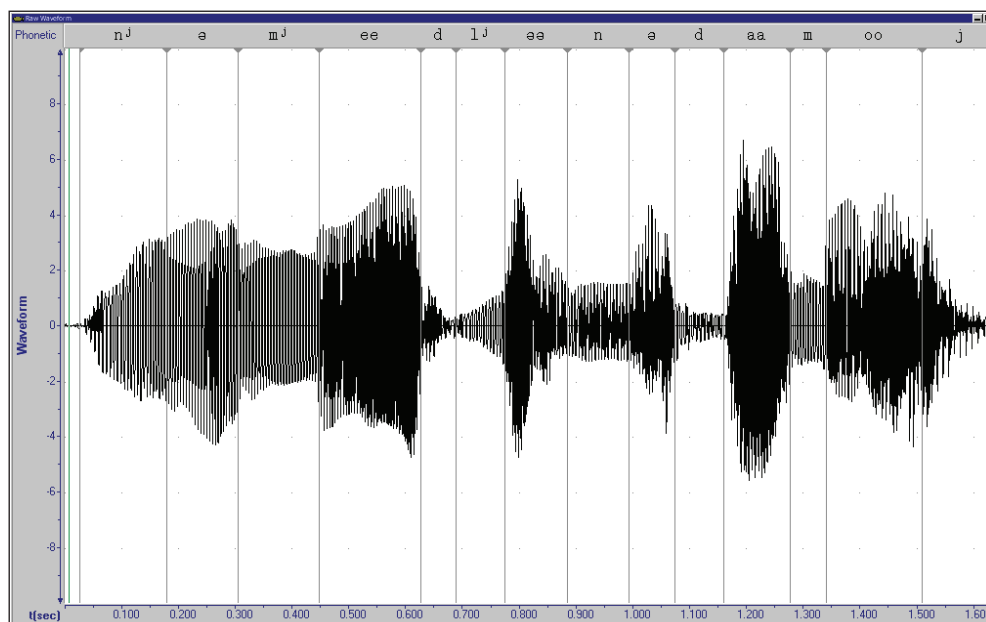

Рис. 4

Вероятно, как совмещение онтологического и дискурсивного факторов следует рассматривать раздвоение гласных в противопоставительных контекстах: с одной стороны, имеет место парное сопоставление термов, а с другой стороны, настойчивое подчеркивание качества одного из них. Например: *Маать пьееет валлоодд, а он, видите ли, в шахматы заигрался!* (рис. 5)

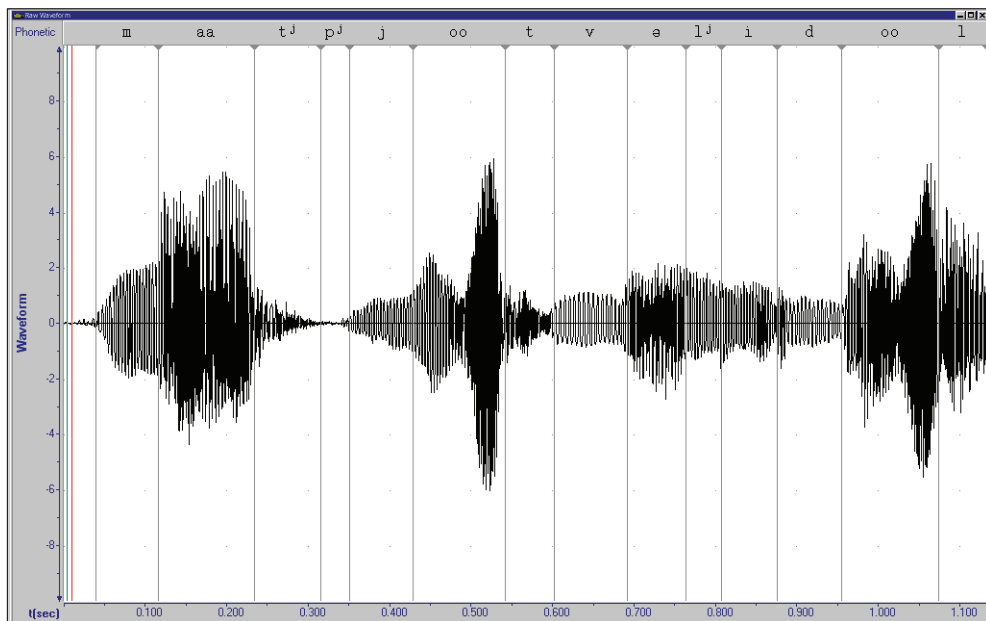

Рис. 5

Для подобных случаев характерна более высокая громкость второго компонента гласного, предположительно обусловленная импульсным жестом опускания гортани, характерным для контрастных акцентов.

Обратимся теперь к другой функции динамического удвоения гласных — символизации наличия конкуренции при заполнении данной семантической позиции. Типичная ситуация — выбор из поведенческих альтернатив:

- *Зачем тебе темный костюм летом? Бери светлый!*
- *Яблоки надоели. Купи лучшие груши!*
- *Может быть, позаавтракаем?*
- *По-моему, этот цвет лучше.*

Сходные огласовки дают и ментальные альтернативы:

- *Наверное, они гулять пошли.*
- *Я думаю, дело идет к разводу.*
- А. — *Это тебе жена подарила?* Б. — *Да нет, сестраа.*

Учет динамического удвоения гласных позволяет уточнить интерпретацию интонационных особенностей модальных и диктальных высказываний, которые рассматривались нами в статье «О семантике одного акцентного различия: два типа ремы», опубликованной в 1995 г. [Кодзасов 1995]. В случае модальных высказываний мы всегда имеем дело с бинарной оппозицией, которая иконически выражается динамическим раздвоением акцентированного гласного ремы. В то же время рема диктального высказывания может иметь как оппозитивный статус (две моры акцентированного гласного), так и неопозитивный (одна мора).

Литература

- Кодзасов 1995 — *Кодзасов С. В.* О семантике одного акцентного различия: два типа ремы // Филологический сборник. М., 1995.
- Кодзасов 1996 — *Кодзасов С. В.* Фонетическая база данных ИРЯ РАН как источник просодической информации // Просодический строй русской речи. М., 1996.
- Кодзасов 2000 — *Кодзасов С. В.* Фонетическая символика пространства (семантика долготы и краткости) // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.
- ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- 100 диалогов — *Шилова К. А., Усманова Е. Э.* 100 диалогов по телефону. М., 1990.

Глава 6

Смысл «очень» через призму просодии*

Цель настоящей заметки — сообщить о некоторых наблюдениях над просодическим оформлением смысла «очень» (= ‘высокая степень’) в русском языке. Этот смысл постоянно присутствует в текстах, реализуясь морфологически (превосходной степенью прилагательных), лексически (стандартными лексемами или идиоматическими выражениями параметра Magn (см. [Мельчук, Жолковский 1984]), либо лексико-синтаксически (конструкции типа *такой* + *Прил.*, *о-го-го какой* + *Прил.* и др.). Семантические, коммуникативные и стилистические условия употребления этого смысла довольно разнообразны, отсюда проистекают естественные попытки различить его подзначения (см. [Убин 1969; Janus 1981]). Просодия, как мы надеемся показать, является важным ключом, позволяющим обнаружить такие различия.

1. Сравним акцентные огласовки прилагательных в следующих примерах:

- (1) *Когда-то он покорил Хан-Тегри. На Тяньшане это одна из *высочайших вершин.*
- (2) *Все его работы написаны на высоч*+айшем уровне.*

В (1) прилагательное в превосходной степени несет обычный выделительный акцент (знак * перед словом). По огласовке эта именная группа ничем не отличается от именных групп с качественными прилагательными в нейтральной степени:

- (3) *У него *симпатичная *жена.*

В (2) прилагательное имеет специфический эмфатический акцент (знак *+). Такой акцент отличается большей длительностью, интенсивностью и увеличенным тональным перепадом. Особенностью огласовки в этом случае является возможность повтора акцента эмфазы в начале фонетического слова. В таких случаях мы ставим знак эмфатического акцента как перед словом, так и перед ударным гласным:

- (4) *Все его *работы написаны на *+высоч*+айшем уровне.*
- (5) *У него *жена — *+симпат*+ичнейшая!*

Второй эмфатический акцент имеет место и при аналитическом выражении высокой степени:

- (6) *У него *+очень симпат*+ичная жена!*

Различие акцентуации в примерах (1) и (2) отражает их семантическую нетождественность: в (1) мы имеем дело с объективной, классифицирующей оцен-

* Опубликовано в: Le mot, les mots, les bons mots // Hommage à Igor A. Melchuk. Les presses de l'Université de Montreal, 1992.

кой (это первичная функция параметрических прилагательных), тогда как в (2) оценка имеет субъективный, аксиологический характер. Эмфазой реализуется смысл *очень* при оценке второго рода, но не первого.

Аналогичное различие обнаруживают и Magn'ы. (Согласно И. А. Мельчуку, лексические параметры в общем случае не тождественны семантическим единицам — см. [Мельчук 1974]). В частности, Magn'ы со значением тотальности выполняют классифицирующую функцию, и их эмфатическое произнесение маловероятно:

- (7) *пов*альные ар*есты, все*общая мобилиз*ация, сплошн*ая *облачность, п*олное безв*етрие* и т. п.

То, что это скорее классификаторы, видно по атрибутам, с которыми они входят в одном семантическом ряду:

- (8) *в*ыборочные ар*есты, част*ичная мобилиз*ация, перем*енная *облачность, ум*еренный в*етер*

Также и другие Magn'ы объективной оценки, а таких в ТКС немало (см. [Мельчук, Жолковский 1984]), вряд ли способны получать эмфатическую огласовку. Мы имеем в виду выражения вида:

- (9) *чувств*ительный терм*ометр, кр*епкий ч*ай, шкв*алистый в*етер, уст*ойчивая вл*асть* и т. п.

Напротив, Magn'ы субъективной оценки, которые мы находим в ТКС, естественно произносить с эмфазой:

- (10) *колосс*+альный авторит*+ет, вопи*+ющая безгр*+амотность, блест*+ящая победа* и т. п.

Риторическое усиление, как и в случаях с превосходной степенью атрибута, реализуется здесь повтором эмфатического акцента:

- (11) *Это в*+опи*+ющая безграмотность!*
 (12) *Бл*+ест*+ящая победа!*

Итак, просодия явно разграничивает два типа оценок высокого качества — и, в частности, два вида Magn'ов. Очевидно, в ТКС может быть введена соответствующая помета.

2. Атрибут со значением высокой оценки, входящий в состав именной группы, может быть произнесен без всякого акцента, причем это касается обоих видов оценки:

- (13а) *У него очень симпатичная жен*а. Поэтому я люблю у них бывать.*
 (14а) *Он известен как прекрасный уч*еный.*
 (15а) *Завтра здесь выступают сильнейшие двоeb*орцы.*

Ср. примеры с иной огласовкой этих именных групп:

- (13б) *Симпат*ичнейшая жен*a у него!*
 (14б) *Какой прекр*асный уч*еный!*
 (15б) *Это наш сильн*ейший двоеб*орец.*

Аналогичные различия обнаруживают глагольные группы с наречиями высокой оценки:

- (16а) *На поворотах резко тормоз*ить не рекомендуется.*
 (16б) *На повороте автобус р*езко затормоз*ил.*
 (17а) *Иванов может проиграть в сумме. Он отлично стрел*яет, но плохо пл*аваает.*
 (17б) *Обрати внимание на Иванова. Он отл*ично стрел*яет.*

Различие двух типов огласовок легко объяснимо: акцент на оценочном слове (эмфатический или обычный) присутствует тогда, когда оценка приписывается в самом акте речи, но отсутствует, если оценка произведена раньше, используется как готовая. Для описания этого противопоставления представляется удобным воспользоваться известными терминами теории речевых актов — «перформативный» vs. «констативный». Дж. Л. Остин употреблял эти термины в более узком смысле — для разграничения двух способов функционирования иллокутивных и перлокутивных операторов (см. [Остин 1986]). Например:

- (18а) *Советую вам остаться.*
 (18б) *Я посоветовал ему остаться.*
 (19а) *Приказываю вам остаться.*
 (19б) *Я приказал ему остаться.*

Мы предлагаем распространить это противопоставление на другие виды прагматических операторов, в частности отрицание и оценку (о расширительном толковании перформативности см. [Кодзасов 1989]).

Рассматриваемое различие акцентуации в именных группах с атрибутами не связано с оценкой ‘очень’ — оно имеет место при любой степени оценки:

- (20а) *Один хороший л*ыжник сказал мне, что он всегда*а боится пр*ыгать.*
 (20б) *Джон — хор*оший л*ыжник.*

Снова в (а) мы имеем констативную оценку, а в (б) — перформативную. Эти два примера заимствованы из работы А. Вежбицкой [1982], в которой автор доказывает невозможность использования оценочных предикатов для идентифицирующей дескрипции объектов:

- (21) *Хороший лыжник улыбнулся. (?)*

Случаи же типа (20а) автор трактует как исключение. Представляется, что разграничение перформативной и констативной оценки позволяет уточнить утверждение Вежбицкой: в качестве дескрипции нельзя использовать перформативную (текущую) оценку (если не считать цитации), но можно констативную (сделанную ранее).

Аналогичной переформулировки требует, очевидно, и утверждение Э. Янус [Janus 1981] о том, что экспоненты высокой степени качества не могут высту-

пать в позиции темы, так как не выполняют свойственной ей идентифицирующей функции. Это верно в отношении перформативного ‘очень’, но не констативного. Экспоненты констативного ‘очень’ равно употребляются в обеих коммуникативных функциях:

- (22) *Этот замечательный ученый определил основные тенденции дальнейшего развития лингвистики.*
 (23) *Он являет нам образец замечательного ученого и гражданина.*

Заметим попутно, что при цитатном использовании перформативной оценки она огласуется по констативной модели:

- (24) *Малюсенькая пос*ылочка оказалась увесистым св*ертком.*

3. Одно из стандартных средств выражения смысла ‘очень’ — конструкция *такой + Прил.* Она имеет несколько вариантов употребления, различающихся семантически и просодически. Рассмотрим такие пары:

- (25а) *Не советую тебе иметь с ним дело. Он так*ой необяз*ательный.*
 (25б) *Он такой необ*язательный, что никто не хочет иметь с ним дело.*
 (26а) *Не сомневаюсь, что он эту задачу решит — он так*ой спос*обный.*
 (26б) *Он такой спос*обный, что его уже прочт в аспирантуру.*

Различие между (а) и (б) состоит, очевидно, в перформативности/констативности: высокая степень необязательности и способностей либо утверждается говорящим в акте речи, либо констатируется как данность. С точки зрения логического содержания оценочная часть в обоих случаях занимает одинаковое место в причинно-следственных парах: высокая степень признака влечет за собой некое следствие. Однако порядок «прохождения» причинно-следственной связи различен.

Следует указать на возможность иного произнесения случаев типа (б): с эмфатическим акцентом на *такой*, а, возможно, также и на прилагательном. Такое произнесение характерно для случаев, когда говорящий хочет оказать риторическое давление на партнера, придерживающегося нейтральной или противоположной оценки. В таких случаях типично пословное акцентирование последующей части высказывания:

- (25в) *Он так*ой необяз*ательный, что никт*о не х*очет им*еть с ним д*ела.*

В таких высказываниях придаточное предложение уже не столько выражает следствие из утверждения, содержащегося в главном, сколько иллюстрирует, доказывает это утверждение. Это особенно ясно видно в предложениях типа:

- (27) *Он так*ой необяз*ательный, что даже Иван*ов этого не может больше вынести.*

Здесь сообщается о превышении некоторого эталона необязательности, соотнесенного с эталонной терпимостью Иванова. Такие высказывания по прагматиче-

ской функции приближаются к высказываниям с эталонными Magn'ами типа *глуп как пробка, богат как Крез, неутомим как Мельчук*.

Сочетание «*такой + Прил.*» не обязательно используется для выражения смысла 'очень', оно может выступать и как инструкция для визуального отождествления объекта:

(28) *Он такой невысокий, жилистый, спортивный, на вид лет пятидесяти.*

Такая сочиненная дескрипция может содержать и группы с *очень*:

(29) *Он такой высокий, очень полный, неряшливо одетый.*

Особняком стоят экспрессивные дескрипции с *такой*:

(30) *Он такой маленький, тощенький.*

(31) *Он такой огромный, грузный.*

(32) *Он такой гордый, независимый.*

(33) *Он такой грязный, неряшливый.*

Здесь используется весьма широкий спектр иконических просодических средств, часть которых носит экстралингвистический характер (см. [Кодзасов, Кривнова 1977]). Так, малость кодируется высоким тоном и эмфатической палатализацией, а великость низким тоном и эмфатической веларизацией (в смысле [Трубецкого 1960]), возвышенное символизируется придыхательным голосом, а низменное скрипучим и т. д. Просодия здесь входит в состав жестов, связанных с выражением эмоций. Нет уверенности, что такие выражения следует считать экспонентами 'очень': по-видимому, экспрессивная оценка объекта в общем случае не равнозначна приписыванию высокой степени качества.

Остановимся на еще одной специфической разговорной конструкции со значением 'очень'. Она имеет два варианта. Первый можно проиллюстрировать следующими примерами:

- (34а) — *Нар*оду та-ам ... (до черта!)*
 — *Очеред*ина-а ... (офигенная!)*
 — *Жратв*ы было-о ... (завались!)*
 — *Красот*ища та-ам ... (обалденная!)*

Здесь во всех случаях лексический Magn не обязателен, так как смысл 'очень' выражен уже особым подъемом тона на ударном гласном определяемого слова и количественной двумерностью конечного гласного. Второй вариант меньше опирается на просодию начала фразы — в этом случае лексический Magn сохраняется:

(35) *Вкуснот*a — *обалд*енная!*

(36) *Очеред*ина — *офиг*енная!*

4. Рассмотрим в заключение еще один случай, когда смысл 'очень' выражен чисто просодическими средствами. Мы имеем в виду реплики типа:

(37) *Мы уже стоим — ТРИ ЧАСА!*

(38) *Знаешь, сколько теперь масло стоит? СТО ПЯТЬДЕСЯТ РУБЛЕЙ!*

(39) *Знаешь, сколько человек было в том походе? СТО ДВАДЦАТЬ!*

Выделенные заглавными буквами сочетания имеют весьма характерную огласовку, которую условно можно назвать «приглушенный крик». Артикуляционно это, очевидно, сочетание значительного дыхательного усилия, типичного для крика, с сужением гортани, предотвращающим излишне громкое произнесение. Характерна также послоговость, скандированность проговаривания. Эти выражения имеют и специфическую семантику — это не просто ‘очень’, а скорее ‘чрезмерно’.

Любопытно, что сходную огласовку имели лозунги недавнего прошлого:

(40) *СОВЕТСКИЕ РАБОЧИЕ! БОРИТЕСЬ ЗА НЕУСТАННОЕ ПОВЫШЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА!*

(41) *ДА ЗДРАВСТВУЕТ НЕРУШИМОЕ ЕДИНСТВО СТРАН СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОДРУЖЕСТВА!*

Такие заклинания напичканы «советскими» Magn’ами типа: *всепобеждающее учение, всемирно-историческая победа, нерушимое единство, несокрушимый оплот, неразрывные узы, непоколебимая вера* и т. п. Однако никакой специфики в произнесении именно этих групп не было — лозунг целиком шел на приглушенном крике (профессиональные глашатаи-заводилы во время праздничных демонстраций переходили, конечно, на полновесный крик).

Примечательно, что другая разновидность приглушенного крика используется при произношении перлокутивных перформативов:

(42) *КЛЯНУСЬ ОТОМСТИТЬ ЕМУ.*

(43) *Я ваши объяснения — НЕ ПРИНИМАЮ.*

Эти высказывания произносятся на меньшем уровне дыхательного усилия. Остается под вопросом возможность единого семантико-прагматического толкования разных случаев приглушенного крика.

Литература

- Вежбицкая 1982 — *Вежбицкая А.* Дескрипция или цитация? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1982.
- Кодзасов 1989 — *Кодзасов С. В.* Перформативность и интонация // Логический анализ языка: проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
- Кодзасов, Кривнова 1977 — *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Фонетические возможности гортани и их использование в русской речи // Публикации ОСИПЛ, Вып. 8. М., 1977.
- Мельчук 1974 — *Мельчук И. А.*: Опыт теории лингвистических моделей «Смысл-Текст». М.: Наука, 1974.
- Мельчук, Жолковский 1984 — *Мельчук И. А., Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена: Wiener Slavistischer Almanach, 1984.

- Остин 1986 — *Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике, Вып. 17. М., 1986.
- Трубецкой 1960 — *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М.: Издательство иностранной литературы, 1960.
- Убин 1969 — *Убин И. И.* Выражение параметра Magn в русском языке. Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 11. М., 1969.
- Janus 1981 — *Janus E.* Wykładniki intensywności cechy (na materiale polskim i rosyjskim). Warszawa, 1981.

Глава 7

Фонетика интенсификации

Интенсификация — одна из самых употребительных в живой речи семантических операций. Она используется при всевозможных шкалярных оценках (как объективных, так и субъективных) для указания на полярное значение признака. Имеется немало грамматических средств оформления интенсификации: удвоение (*много-много; глупый-глупый; он все думает, думает*), превосходная степень (*крайнейший, подлейший*), особые синтаксические обороты (*как прыгнет!; такой мастер!*) и проч. Большинство этих форм может получать экспрессивные огласовки, а для некоторых из них такие огласовки обязательны.

Звуковое оформление интенсификации представляет для фонетики особый интерес, поскольку оно выводит на поверхность скрытые фонетические средства, которыми владеет говорящий. Дело в том, что многие смыслы иконически связаны с интегральными артикуляционными установками произнесения: объемами полостей речевого тракта (рта и глотки), динамикой речевого потока, фонационными типами. Эти фонетические характеристики относятся к несегментным единицам (словам, словосочетаниям), но весьма существенно влияют на качество звуков (особенно гласных). Однако они обычно не рассматриваются фонетистами. Это тем более удивительно, что некоторые из них отражены в естественных языковых номинациях голоса: *сюсюкать, отчеканить, говорить с придыханием* и т. д. (см. [Кодзасов 2000а]).

Особые огласовки интенсификации следует, очевидно, рассматривать отдельно от звуковых жестов, сопровождающих аффективное выражение эмоциональных состояний. Это иная функция экспрессивной фонетики, хотя различие между интенсификацией и аффективными формами не всегда очевидно. До сих пор в поле зрения исследователей попадали обычно лишь последние. Аффективные огласовки рассматриваются как паралингвистическое средство, причем изучаются обычно лишь их общеизвестные просодические компоненты — тон, громкость, темп (см. [Потапова 1997]). В фокусе внимания данной работы, напротив, будут такие характеристики, которые обойдены вниманием фонетистов.

Следует предупредить, что особые огласовки сопровождают интенсификационные формы только при актуальном применении операции интенсификации — когда маркированное качество признака подчеркивается в акте речи. При дескриптивном употреблении такие огласовки отсутствуют [Кодзасов 1996а]. Ср., например, актуальное и дескриптивное использование формы *высочайший*:

Это высочайший результат!

Высочайшая вершина Альп — Монблан.

1. Хотя в фокусе нашего внимания будут интегральные артикуляционные установки, мы кратко коснемся стандартных просодических признаков, используемых при интенсификации. Один из них — удлинение ударного гласного — сопровождается почти все актуальные интенсивы: — *Чуде-есно!*; — *До-олго ехал.* и т. п. (см. [Кодзасов 2000б]). Лишь интенсивные формы от слов с семантикой малой протяженности в пространстве и времени (*узкий, низкий, короткий, быстрый* и т. п.) подвергаются не удлинению, а иконическому сокращению: — *Коро<тенький та-кой!*, — *Во<т-во<т вернется!* (знаком < помечаем усечение гласного). Столь же тривиально иконическое использование громкости: — *Что ты так ТОПАЕШЬ!*, — *В доме было тихо-тихо.* (Размер шрифта символизирует различие по громкости.) Наконец, использование тона и фонации в экспрессивных огласовках было достаточно подробно рассмотрено в работе [Кодзасов, Кривнова 1977].

2. Прежде чем перейти к анализу интегральных артикуляционных поз как средства интенсификации оценочных смыслов, сделаем некоторые пояснения. Фонетистам, в принципе, известны большие потенциальные возможности речевого тракта, связанные с изменением позовых состояний его отделов (см., например, [Hardcastle 1976; Daniloff et al. 1980]). Так, если форма языка определяется состоянием его внутренних мышц, то его положение в ротовой полости зависит от внешних мышц, которые могут смещать язык целиком как по вертикали, так и по горизонтали. Независимым артикулятором является также и нижняя челюсть, которая тоже может смещаться в вертикальном и горизонтальном измерениях. Таким образом, конфигурация ротовой полости и ее резонаторные свойства зависят от нескольких переменных. Однако способы их взаимодействия до сих пор всерьез не рассматривались. ИмPLICITно принималось, что состояние внешних мышц языка и положение нижней челюсти синергетически подстраиваются под форму языка. Исследование экспрессивных форм ясно показывает, что это допущение в общем случае неверно.

Сходным образом объем и форма глотки в общем случае зависят не только от положения языка, но также от состояния мышц, которые пронизывают ее стенки, причем верхняя и нижняя глотка контролируются разными мышцами. Объем глотки зависит, кроме того, от вертикального положения гортани, а она может смещаться как вниз, так и вверх. Обычно по умолчанию принимается нейтральное состояние всех глоточных параметров, но в экспрессивных формах мы находим очевидные отклонения от «нормы».

Далее, необходимо учитывать разные виды дыхания и разные потенциальные состояния гортанной трубки как целого. Нормально речевое дыхание основано на горизонтальном сжатии легких под действием межреберных мышц, однако возможно и вертикальное сжатие легочных мешков путем подъема диафрагмы (см. [Уэст 1988]). Наконец, в речи могут использоваться не только все возможности, связанные с плоттисом, но и изменения состояния гортанной трубки как целого: она может сужаться до полного смыкания [Lindqvist 1972] или максимально расширяться (как при вдохе).

Цель настоящей работы — показать, что практически все разнообразные возможности управления артикуляционными позами используются в экспрессивной речи. Описание будет основано на интроспективных наблюдениях автора, поэтому оно носит предварительный характер. Дело в том, что инструментальное исследование перечисленных артикуляционных параметров ныне невозможно ввиду крайней дороговизны. Однако многие из позовых артикуляционных смещений довольно легко осознаются и имеют ярко выраженные слуховые и акустические корреляты.

Менее доступны самонаблюдению состояния стенок резонаторных полостей: расслабленность/напряженность рта и глотки. Поэтому мы не рассматриваем здесь участия этих параметров в экспрессивных огласовках, хотя оно несомненно.

3. Как правило, просодемы интенсификации представлены комплексом артикуляционных параметров, поэтому наше изложение идет от семантики, а не от фонетики. Мы рассмотрим здесь интенсивные формы лишь наиболее употребительных оценок.

Вертикальное расстояние

Горизонтальная удаленность от говорящего наряду с удлинением гласного кодируется смещением назад базы языка и удлинением глотки:

— *Далеко-о-о полетел!*; *Во-о-он там!*; *Ва-а-аня-я!* Тем же способом подчеркивается значение большей длины и длительности: — *Дли-и-инный-длинный!*; *Это когда-а еще будет!*

Напротив, пространственная и временная близость подчеркивается путем усечения гласного, укорочения глотки и некоторого опереждения артикуляции: — *Бли<зко-бли<зко!*; — *Да во<т он!*; — *Во<т-во<т придет!*

Изменение артикуляционной позы существенно влияет на качество гласных звуков. Ср. формантные частоты для гласного [о] в формах *во-о-он* и *во<т*: F1 = 350; F2 = 710; F3 = 2650 и F1 = 450; F2 = 940; F3 = 2510 (здесь и ниже — произнесение автора; значения формант округлены до 10 Гц). В некоторых языках смещенная артикуляция первого типа приводит к типичным чередованиям гласных в наречиях со значением удаленности и в вокативах удаления (см. [Кодзасов 1975]).

Горизонтальное расстояние

Удаленность как вверх, так и вниз, подчеркивается удлинением нижней глотки: — *Глубо-о-о озеро!* *Высоко-о-о поднялся!* Различие звучания при расширении верхней и нижней глотки хорошо слышно при сопоставлении пар типа: — *Далеко-о-о полетел!* и — *Высоко-о-о поднялся!* Сравним формантные частоты для [о] в этих двух случаях: F1=370; F2=720; F3=2340; F1=F2=430; F3=2460. Как видим, в последнем случае первая и вторая форманты слились.

Напротив, малая величина по вертикали наряду с усечением гласного подчеркивается сокращением нижней глотки: — *Коро<тенький такой!*; — *Ни<зко-ни<зко!*

Объем

Подчеркивание большого объема кодируется расширением всех полостей речевого тракта: рта, обеих частей глотки и гортани: — *То-о-олстый—прето-олстый! Огро-о-омный!* Сходным образом оформляются и интенсивы от прилагательных со значением большой энергетической потенции: — *Могу-у-учий! — Мо-ощный!*

Напротив, малый объем и бессилие маркируются сужением всех частей речевого тракта: — *Он такой кро<шечный! Сла<бый—сла<бый!* Оценка малости и бессилия может содержать компонент уничижительности, который символизируется выдвиганием нижней челюсти, при этом нижняя глотка расширяется, что создает специфический «плачущий» голос: — *Такой то-о-ощенький, хи-и-иленкий!* Гласный в таких формах удлиняется.

Заполнение объема

Наполненность объема кодируется смещением языка как целого вверх, что приводит к сужению орального прохода: — *Полна коробочка! Битком набита!*

Напротив, незаполненность и разряженность кодируются опусканием массы языка и расширением орального прохода: — *Он совсем польый!; — Абсолютно пусто!*

Концентрация / разряженность

Этот семантический признак имеет более абстрактный характер, чем предыдущие, и его название условно. На сходство категориальной трактовки его разных ипостасей указывает единство фонетического средства подчеркивания: это маркировано узкий раствор рта (говорение сквозь зубы) в противоположность маркировано широкому. Когда речь идет о свойствах физического мира, этот признак используется для подчеркивания крайних степеней освещенности: малая освещенность связывается с закрытым ртом, а высокая — с широко открытым. Ср. произнесение такой пары высказываний: — *Он такой темный, тусклый!; — Он такой яркий, светлый!*

При оценке личностных качеств человека эти признаки обнаруживают явную иконичность: — *Он такой хмурый, угрюмый.* (узкий раствор) vs. — *Он такой радостный, веселый!* (широкий раствор). Примечательно, что аналогичным образом маркируются и некоторые другие свойства человека: *Он очень жадный. Он очень скупой.* (узкий раствор) vs. *Он очень щедрый. Он до-обрый!* (широкий раствор).

Аксиологические оценки

Экспрессивные аксиологические оценки вовлекают несколько просодических параметров, связанных с гортанью. Интенсификация положительной оценки использует жест опускания расширенной гортани, тогда как отрицательная оценка

сопровождается подъемом суженной гортани. Одновременно используются и фонационные признаки: расслабленный голос в первом случае и напряженный голос во втором. Общим для обоих случаев является использование придыхательной фонации как стандартного аффективного маркера. Примеры: — *Какой у нее дивный голос! Просто чудо!* vs. *Какой у нее противный голос! Просто гадость!* Заметим, что подъем гортани сопровождается своеобразным умлаутом гласного, вызванным смещением базы языка вперед–вверх.

Иного типа умлаут сопровождает утрированную положительную установку общения: — *Наташа! Как я рад тебя видеть!* Такое «сюсюканье» реализуется упереднением всей массы языка. Напротив, отрицательный окрик типа — *Наташа! Я тобой очень недоволен!* реализуется при узадненной позе языка. Сравним формантные частоты для ударного [а] в двух вариантах произнесения слова *Наташа* автором данного текста: F1 = 510; F2 = 1500; F3 = 2800; F1 = 530; F2 = 1200; F3 = 2400.

Оценка погоды

Крайние оценки погоды частично используют те же средства, что и гедонистические оценки, однако семантической общности здесь нет, поскольку крайние погодные условия равно плохи. Экспрессивная оценка жары маркируется подъемом гортани, напряженной фонацией, сужением верхней глотки и широким раствором — вспомните восклицание — *Жара-а!* в одной из песен В. Высоцкого.

Компоненты экспрессивной оценки духоты таковы: сужение гортани, верхней глотки и рта при расширении нижней глотки. Ср. восклицание — *Ой! Как ду-ушно!* Экспрессивная оценка низкой температуры (— *Ой! Какой холод!*) включает такие маркированные параметры: опускание суженной гортани, сужение верхней глотки, напряженная фонация. Восклицание — *Зябко!* произносится на диафрагменном воздушном толчке при расширении гортани и надгортанных полостей. При этом низкочастотные колебания ложных голосовых связок создают своеобразный «хриплый» голос.

4. Рассмотрим теперь специфические динамические характеристики речи, используемые при интенсификации. Наиболее простым средством является усиление/ослабление согласных, которое используется обычно в составе разных кластеров экспрессивных признаков. Сочетание консонантного напряжения (знак C>) с напряженной фонацией иконически подчеркивает физическую твердость, а сочетание консонантной мягкости (знак C<) с расслабленной фонацией — мягкость объекта: — *Он такой прочный, крепкий!* (C>, НПР); *Он такой мягкий!* (C<, РСЛ).

Если же говорящий подчеркивает постоянные агрессивные свойства субъекта, он использует сочетание усиления согласных с узким раствором рта и сжатостью гортани: — *Он такой злобный, наглый, жестокий!* Антиагрессивность манифестируется сочетанием обратных признаков значений: — *Он такой робкий, нежный, добрый!*

В подчеркнута агрессивных репликах согласные усиливаются еще в большей степени, а в интервокальной позиции геминируются (обозначаем это удвоением буквы): — *Этто что такое!* — *Вот собака!* В этом случае используется своего рода «консонантный акцент», реализуемый с помощью диафрагменного дыхательного толчка.

Маркированные значения интенсивности согласных используются также в составе просодических комплексов, экспрессивно подчеркивающих особые двигательные возможности субъекта. Здесь они сочетаются со значениями признака «атака». Мы используем этот музыкальный термин для обозначения различия в скорости нарастания энергии гласного: «Г для обозначения быстрого роста интенсивности, а ~Г — для медленного роста энергии. Сочетание С> , «Г и усечения гласного маркирует высокие двигательные кондиции субъекта: — *Он такой ловкий, быстрый*, тогда как сочетание С< , ~Г и удлинения гласного — низкие кондиции: — *Он такой вя-ялый, лени-ивый*.

Резкое начало гласного часто используется в командах, предполагающих немедленное начало действия: — *Марш!*; — *Пошел!* Напротив, усечение гласного характерно для команд, предполагающих немедленное завершение действия: — *Стоп!*; — *Отставим!*

Наконец, наблюдается два маркированных способа общей организации звукового потока, которые мы условно называем «рубленая речь» и «плавная речь». В первом случае речь квантуется на слоги за счет усиления согласных и ослабления гласных: — *Ми-ну-точ-ку!*; — *И-ва-но-ва?! Не может быть!* Такая артикуляционная техника является средством интенсификации иллюкутивной характеристики высказывания. Во втором случае, напротив, достигается особая слитность речи за счет ослабления согласных и усиления вокалического компонента речи: — *Осторожненько идем!*; — *Плавно переходим на ходьбу!* Такой способ говорения иконически отражает стремление говорящего управлять характером двигательной активности слушающего.

Различия в общей организации речи, возможно, могут быть описаны на основе двухканальной модели артикуляционного программирования, предложенной в свое время шведским фонетистом С. Эманом [Oehman 1966]: речевая цепь складывается на основе совмещения двух двигательных программ — вокалической и консонантной. Можно предположить, что доминанция консонантного канала дает рубленую речь, вокалического — плавную, а равный вклад обоих каналов — немаркированный способ произнесения.

5. Фонетические средства, используемые для выражения семантической интенсификации, не исчерпываются тем, что описано выше. Кроме того, предложенные характеристики нуждаются, конечно, в уточнении на основе экспериментальных исследований. Однако само наличие просодических средств описанного вида отрицать совершенно невозможно. В этой связи мы хотели бы обратить внимание на одно важное обстоятельство. Как только мы признаем, что говорящий способен

контролировать не только артикуляционные параметры, связанные с реализацией сегментов и признаков тона, длительности и интенсивности, но также массу параметров, связанных с артикуляционными позами и динамикой речи, мы оказываемся перед необходимостью ответить на вопрос, что происходит с этими «неучтенными» характеристиками в обычной, неэкспрессивной речи. Ответ на этот вопрос может оказаться решающим для дальнейшего развития русской фонетической науки. Мы утверждаем, что все упомянутые выше интегральные параметры речи (включая напряженность/расслабленность стенок полостей тракта) активно используются для оформления всех русских слов. (Предварительный перечень признаков «скрытой» фонетики был предложен в [Кодзасов 1996а].) Однако это касается только тех носителей языка, которые обнаруживают полное усвоение русской фонетической системы. К сожалению, в результате превращения русского литературного языка в межрегиональное койне «скрытая» фонетика ныне отсутствует у многих носителей. Между тем многие факты исторического развития русской звуковой системы и многие звуковые явления синхронного уровня могут быть объяснены только при ее учете. В частности, фонетическую мотивацию получает развитие русской акцентной системы (см. [Кодзасов 1996б]), делается возможным объяснение непонятных звуковых процессов в диалектах [Кодзасов 2000в], получают интерпретацию некоторые нерегулярности русской интонации [Кодзасов 1999]. И, наконец, существенно меняется представление о просодической организации русского стиха [Кодзасов 2003].

Литература

- Кодзасов 1975 — *Кодзасов С. В.* Две заметки о звуковом символизме // Исследования по структурной и прикладной лингвистике. Изд-во МГУ, 1975.
- Кодзасов 1996а — *Кодзасов С. В.* Интонация как показатель актуальности речевого действия // Труды Международного семинара Диалог'96. М., 1996.
- Кодзасов 1996б — *Кодзасов С. В.* Фонетическая база данных ИРЯ РАН // Просодический строй русской речи. Ин-т русского языка РАН. М., 1996.
- Кодзасов 1996в — *Кодзасов С. В.* Просодические классы слов и место ударения // Просодический строй русской речи. Институт русского языка РАН. М., 1996.
- Кодзасов 1999 — *Кодзасов С. В.* Уровни, единицы и процессы в интонации // Проблемы фонетики. 3. М.: Наука, 1999.
- Кодзасов 2000а — *Кодзасов С. В.* Голос: свойства, функции и номинации // Язык о языке. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Кодзасов 2000б — *Кодзасов С. В.* Фонетическая символика пространства (семантика долготы и краткости) // Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Кодзасов 2000в — *Кодзасов С. В.* Скрытая просодия слова и звуковые изменения (на примере говора с. Деулино Рязанской области) // Конф. «Проблемы изучения дальнего родства языков». Тезисы докл. М., 2000.
- Кодзасов 2003 — *Кодзасов С. В.* Просодический космос русского стиха. // Логический анализ языка. Космос и хаос. М.: Индрик, 2003.

- Кодзасов, Кривнова 1977 — *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Фонетические возможности гортани и их использование в русской речи // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. Изд-во МГУ, 1977.
- Потапова 1997 — *Потапова Р. К.* Коннотативная лингвистика. М., 1997.
- Уэст 1988 — *Дж. Уэст.* Физиология дыхания. Основы. М.: Мир, 1988.
- Daniloff et al. 1980 — *Daniloff R., Schuckers G., Feth L.* The Physiology of Speech and Hearing. New Jersey: Prentice-Hall, Inc., 1980.
- Hardcastle 1976 — *Hardcastle W. J.* Physiology of Speech Production. London: Academic Press etc., 1976.
- Lindqvist 1972 — *Lindqvist J.* A Descriptive Model of Laryngeal Articulation in Speech. STL—QPSR. № 2—3. 1972.
- Oehman 1966 — *Oehman S. E. C.* Coarticulation in VCV Utterances: Spectrographic Measurements. JASA. 39. 1966. P. 151—168.

Глава 8

Из просодических заметок на полях книги Н. Д. Арутюновой «Язык и мир человека»*

Вступление

Чтение книги Н. Д. Арутюновой не может оставить равнодушным исследователя русской фразовой просодии. Правда, в большинстве разделов мы не найдем обсуждения просодической проблематики, однако заинтересованный в ней читатель нередко сам обнаруживает интонационное подтверждение авторских интерпретаций. Мы рассмотрим здесь несколько случаев, которые кажутся нам особенно показательными.

Поскольку общепризнанной системы описания русской фразовой просодии, отвечающей современным потребностям, не существует, нам придется по ходу изложения давать некоторые разъяснения по поводу используемых дескриптивных средств. Здесь мы укажем лишь на основные особенности нашего подхода к описанию интонации (см. подробнее [Кодзасов 1999]).

Мы исходим из того, что просодическая характеристика предложения складывается из многих компонентов (акцентного, тонального, фонационного, количественного и др.). Говоря «просодия фразы» или «интонация», мы имеем в виду все несегментные фонетические средства, используемые при оформлении предложения.

Интонационные огласовки фраз очень разнообразны ввиду многочисленности комбинаций тех смыслов, которые выражаются просодически. В качестве базовой единицы интонации мы принимаем «просодему» — аналог грамматической морфемы. Интонационные конструкции (типа ИК Е. А. Брызгуновой) — это комбинации просодем. Ниже мы будем иметь дело не с ИК, а с просодемами, которые их составляют, поскольку рассматриваемые в книге Н. Д. Арутюновой логико-семантические категории выражаются именно просодемами.

Другой особенностью нашей интонационной модели является различение сфер действия интоном: они могут относиться к любой грамматической составляющей: предложению, синтагме, слову, морфеме. При этом каждое просодическое средство может использоваться двумя способами: локально (как характеристика акцентной вершины составляющей) и интегрально (как характеристика, охватывающая составляющую целиком). Ср., например, различие тонального перелома

* Опубликовано в: Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004.

как локального акцентного компонента и высокого уровня тона как общего признака синтагмы или фразы.

Мы не пытались дать комментарии для всех интонационно релевантных категорий, обсуждаемых в книге, — в рамках статьи это невозможно. Мы не следуем также порядку авторского текста, а строим изложение, исходя из значимости обсуждаемых смысловых характеристик для интонации.

1. Событие и факт

Различение категорий «событие» и «факт» играет важнейшую роль в понятийной системе Н. Д. Арутюновой. Первая категория указывает на онтологический план представления непредметных сущностей в тексте: отражение явлений (событий, действий, состояний, свойств и т. д.) как они есть. Вторая категория определяет эпистемологический (пропозитивный) план текста: отражение интерпретации явлений в ментальной сфере — в системе знаний и оценок.

Различие между онтологической и пропозитивной ипостасью явления может быть весьма тонким, однако выявить его позволяют некоторые диагностические текстовые показатели. Сравним два предложения:

(1) *Взрыв на шахте произошел поздно вечером.*

(2) *Взрыв на шахте никого не удивил.*

В первом предложении *взрыв на шахте* представлен говорящим как наблюдаемое в действительности событие, и в высказывании сообщается его некоторая объективная характеристика. Во втором предложении он выступает как факт, с которым связана эпистемическая оценка. В последнем случае возможны перифразы вида:

(3) *То, что на шахте произошел взрыв, никого не удивило.*

(4) *Тот факт, что на шахте произошел взрыв, никого не удивил.*

В первом случае подобные перифразы невозможны.

Событийный (онтологический) и фактовый (эпистемический) регистры текста вербально проявляются прежде всего в характере акцентуации, о чем и пойдет далее речь. Однако прежде необходимы некоторые фонетические пояснения.

Обращение к акцентным данным стало за последние десятилетия нормой в работах, посвященных лингвистической семантике (см., например, работы И. И. Ковтуновой, Т. М. Николаевой, И. М. Богуславского, Е. В. Падучевой, Т. Е. Янко и др.). Акцент рассматривается обычно как тональный маркер вершины коммуникативной группы (тематической или рематической). Имплицитно принимается легкость и однозначность отождествления места фразового акцента носителем языка.

Мы ограничимся здесь минимальными уточнениями этих представлений. В первых, мы предлагаем отличать тональные акценты (они имеют иллюкутивно-фазовые функции — см. [Кодзасов 2002б]), от динамических (дыхательных) ак-

центов, имеющих «выделительные» функции [Николаева 1982; Кодзасов 1996]. Эти две функции часто совмещены в пределах одного комплексного акцента, но это не обязательно: возможны чисто тональные и чисто динамические акценты. В пределах данного параграфа мы будем говорить лишь о «выделительном» плане акцентуации.

Нам уже приходилось писать об акцентном различии событийного и фактового представления событий [Кодзасов 1996]. В первом случае акцентуации подвергаются все полнозначные слова соответствующей группы, тогда как во втором групповой акцент по синтаксическим правилам помещается на одно из слов. Воспользуемся для иллюстрации примерами Н. Д. Арутюновой:

- (5) [**Арест *преступника*] [**происходил при *свидетелях*].
 (6) (*Арест *преступника*) (*всех *обрадовал*).

Выделительный акцент здесь и далее помечается звездочкой, а обсуждаемая группа заключается в скобки: квадратные в случае событийной установки и круглые в случае пропозитивной.

Н. Д. Арутюнова указывает на тесную связь категорий «событие»/«факт» с «модусами»: для первой категории характерен сенсорный модус (чаще всего зрительный), тогда как для второй — ментальный (прежде всего эпистемический). Нетрудно обнаружить близость этих противопоставлений к эвиденциальным категориям типа «приглазность»/«заглазность», которые привлекают в последнее время все большее внимание лингвистов. Она особенно заметна при анализе литературных текстов, в которых происходят изменения регистра изложения. Такие семантические переходы сопровождаются немедленным изменением типа акцентуации текста.

Рассмотрим несколько примеров из произведений Достоевского, одного из любимых авторов Н. Д. Арутюновой.

Начнем с фрагментов из «Преступления и наказания», в которых рассказчик чередует событийную и пропозитивную вербализацию. Предупредим, что внутренняя скобочная структура предложений намеренно упрощена.

- (7) (**Идти ему было *немного; он даже *знал, сколько шагов от ворот его *дома: ровно семьсот *тридцать.*)
 (8) [*С *замиранием *сердца и *нервной *дрожью *подошел он к *преогромнейшему *дому...*]
 (9) [**Старуха *стояла перед *ним *молча и *вопросительно на *него *глядела. Это *была *крошечная, *сухая *старушонка, (лет *шестидесяти,) с *вострпыми и *злыми *глазками, с *маленьким *вострым *носом и *простоволосая.*]
 (10) (**Должно быть, молодой *человек взглянул на нее каким-нибудь *особенным взглядом, потому что в ее *глазах мелькнула вдруг *опять прежняя *недоверчивость.*)
 (11) [**Небольшая *комната.*] (*в которую прошел молодой *человек.*) [*с *желтыми *обоями, *геранями и *кисейными *занавесками на *окнах.*] [**была в эту *минуту *ярко *освещена *заходящим *солнцем.*]

Эти примеры ясно обнаруживают акцентные индикаторы двух сфер вербализации: чувственного, наблюдаемого образа мира и знания мира как результата ментального встраивания информации. В первом случае отсутствует членение на семантические составляющие, то есть на когнитивные блоки, выступающие как готовые единицы памяти. Каждая полнозначная лексема акцентируется как самостоятельная сущность, не подвергаясь «упаковке» в пределах ментального комплекса, которому вербально соответствует синтаксическая группа. Во втором случае в качестве когнитивной единицы выступает комплексный семантический блок, несущий в тексте единый акцент, расстановка которого в группе определяется синтаксическими правилами (основные из них были описаны И. И. Ковтуновой — см. [Ковтунова 1976]).

Рассмотрим еще два примера из произведений Достоевского, в которых выдержаны разные регистры изложения. Сначала фрагмент знаменитой сцены пощечины Шатова Ставрогину из романа «Бесы»:

- (12) [*Он *уходил *тихо, как-то *особенно *неуклюже *приподняв *сзади *плечи, *погнув *голову и как бы *рассуждая о *чем-то *сам с *собой. *Кажется, он *что-то *шептал. До *двери *дошел *осторожно, ни за *что не *зацепив и *ничего не *опрокинув, *дверь же *притворил на *маленькую *щелочку, так что *пролез в *отверстие *почти *боком.*]

Фигура рассказчика (ее функции были разъяснены М. М. Бахтиным) позволяет сделать приглазное изложение событий наиболее естественным. Обратим внимание на то, что текущая интерпретация наблюдаемого — она вводится словами *как-то, как бы, кажется, так что* — не переводит текста в эпистемическую сферу и не меняет характера акцентуации. Дело в том, что она направлена на идентификацию денотативной природы наблюдаемого и фиксацию его объективной каузальности, а не на его сигнификативную интерпретацию. Установление же денотативной отнесенности референта происходит в пределах онтологического плана текста.

Примером текста, ориентированного на изложение фактов, может служить вводная глава «Братьев Карамазовых». Приведем небольшой фрагмент из нее:

- (13) (*Федор *Павлович, (справдив с рук четырехлетнего *Митю), (очень скоро после *того) (женился во второй *раз). (Второй *брак этот) (продолжался лет *восемь).*)

Как видим, характер акцентуации ясно показывает отличие когнитивной организации фактографического текста от текста событийного. Информация скомпонована здесь в блоки, просодически реализуемые как цельные ритмические группы, объединенные вершинными акцентами.

2. Предложения идентификации

Семантическая операция идентификации и ее вербальное воплощение занимают достаточно скромное место в книге Н. Д. Арутюновой. Однако эта проблематика примыкает к нашему обсуждению соотношения онтологической и пропозитивной сфер текста, и мы считаем естественным ее здесь затронуть. Внимание привлекает здесь специфическая тональная огласовка предложений идентификации — как вопросительных, так и утвердительных.

Функция предложений идентификации — установление соответствия между двумя ипостасями явлений и объектов: онтологической и пропозитивной. При этом возможны оба направления движения: от референта или денотата к сигнификату и наоборот. Рассмотрим сначала первое направление операции — оно гораздо частотнее в текстах.

В своей книге Н. Д. Арутюнова анализирует вопросы Онегина, встретившего на балу Татьяну. Приведем прозаическую перифразу первого вопроса и ответа на него:

- (14) — (*Ты не *знаешь*) (НТР), [**кто эта *женщина в *малиновом *берете*] (В)?
— (*Это моя *жена*) (НТР).

Характерной чертой идентифицирующих вопросов является маркированный (высокий — В) регистр тона группы, содержащей онтологическую характеристику объекта, в ответе при этом используется нейтральный регистр (НТР). Размещение выделительных акцентов соответствует описанным выше законам. Что же касается тональных акцентов, то их конфигурации не специфичны, и мы опускаем их обсуждение.

Примечательно, что последующий вопрос имеет иную огласовку, чем начальный:

- (15) — (*А *кто она *такая*) (НТР)?
— (*Татьяна *Ларина*) (НТР).

Здесь используется нейтральный регистр тона (НТР) как в ответе, так и в вопросе, поскольку обе реплики принадлежат уже пропозитивному плану.

Нетрудно продемонстрировать аналогичное различие огласовок идентифицирующих и обычных вопросов в ситуации обычного информационного диалога:

- (16) — (*Не могу *понять*) — [**что там *шумит*] (В)?
— (*Это *водопад*) (НТР).
(17) — (**Что он тебе *подарил на день рождения*) (НТР)?
— (*Картину *водопада*) (НТР).

В примерах (14) и (16) мы имели дело с задачей нахождения сигнификата для некоторого сенсорно воспринятого референта. Рассмотрим теперь другое направление операции идентификации: поиск референта, отвечающего некоторому пропозитивному описанию:

- (18) — *(Мне нужна некая Татьяна *Ларина) (НТР). (Ты ее здесь не *видишь) (НТР)?*
 — *(Да *вон она стоит) (НТР). (В *малиновом *берете) (В).*

Как видим, сенсорная идентификация референта в ответе также сопровождается маркированным регистром тона.

Примечательно, что аналогичным образом огласуется идентифицирующая характеристика не только сенсорного референта, но и денотата:

- (19) — *(Нам нужен *человек, способный сделать это *быстро) (НТР).*
 — *(Иван *Иванович) (В) годится.*
 (20) — *Угадай, что это такое — (не лает, а в дом не пускает) (НТР)?*
 — *(*Замок на *двери) (В).*

Это означает, что в ситуации связывания онтологического и пропозитивного плана высокий регистр тона используется как идентификатор онтологического объекта независимо от его референтивной или денотативной природы.

Использование высокого регистра тона в предложениях идентификации объединяет их с некоторыми другими типами предложений. К ним относятся, прежде всего, т. н. «вопросы с неингерентной темой» [Баранов, Кобозева 1983] типа:

- (21) — *Мне нужен хороший компьютерщик.*
 — *Ты что — (*купил *компьютер) (В)?*

В данном случае автор вопроса нуждается в подтверждении события покупки компьютера, которое превратило бы его в факт. После этого ситуация соответствует системе знаний, в которой появление компьютера имплицитно требует необходимости в его профессиональном обслуживании. Таким образом, мы снова имеем дело с ситуацией установления соответствия между явлениями онтологического и пропозитивного планов.

Еще один класс предложений с маркированными тональными регистрами образуют удивленные и недоуменные вопросы типа:

- (22) — *(*Неужели она *приехала) (В)? Странно.*
 (23) — *(Почему ты не пришел) (В)? Мы все тебя ждали.*
 (24) — *(Как это случилось?..) (Н) Не могу понять.*
 (25) — *(Куда я ее положил?..) (Н) Ума не приложу.*

Высокий тон реплик удивления указывает на затруднения с интерпретацией полученной информации. Она как бы остается в буферной зоне памяти, не получая статуса факта, включаемого в область знания.

Рефлексивные вопросы типа (24) и (25) произносятся в другом маркированном регистре тона — низком (Н). Он указывает на «слабую» позицию говорящего: он сам несет ответственность за трудности получения и адаптации информации. Отметим, что на интонационную специфику таких вопросов указывал Ю. Д. Апресян [Апресян 1990].

Как представляется, общим для всех случаев использования маркированных тональных регистров является наличие некоторого разрыва онтологического и

пропозитивного планов когнитивной картины мира. Такой разрыв может вызывать потребность в операции связывания референтивной/денотативной и сигнификативной ипостасей объекта, либо во введении новой информации о состоянии мира, меняющей структуру знаний и ожиданий в некотором фрагменте когнитивной системы в целом. Подчеркнем, что наличие разрыва двух планов не тождественно пробелу в системе знаний, который вызывает обычный вопрос. Отсутствие заполнения позиции в системе знаний (слота фрейма или эпизода сценария) не ведет к нарушению когнитивной структуры как таковой. Это нарушение связано лишь с нарушением координации двух базовых когнитивных сфер — онтологической и эпистемической. Оно-то и сопровождается особой тональной маркировкой.

3. Просодия оценочной неопределенности

Как показывает Н. Д. Арутюнова в последнем разделе своей книги, обилие неопределенных местоимений (*какой-то, что-то, почему-то* и др.) — одна из характерных особенностей русских текстов, отражающая специфику национальной картины мира. Особый интерес представляют здесь случаи, когда местоимение этого типа относится к именной группе с определением. Они делятся на два подкласса: местоимение выполняет референциальную функцию и относится ко всей группе (*— У него какая-то новая подруга. Я ее еще не видел.*) или же оно выполняет сигнификативную функцию и относится к атрибуту или адвербу (*— У него какая-то склочная подруга. Вечно со всеми ссорится.; — Он как-то странно на меня посмотрел.*). Отметим попутно, что в обоих случаях трудности точного отождествления имеют место в пределах одного из планов (онтологического или эпистемического) и не касаются их соотношения. Поэтому здесь мы не встречаем маркированных тональных регистров.

Используемый в предложениях второго типа оценочный атрибут указывает на некоторое отклонение от нормы (*странный, неприятный, назойливый, беспокойный, кривой, грязный* и т. п.), а неопределенное местоимение — на трудности объяснения девятизначной оценки в рамках обычной системы интерпретации. Обратим внимание на то, что выделительный акцент получают все члены вводимой местоимением группы:

(26) — *Какой-то у него (*назойливый *интерес к *чужим *бедам).*

Очевидно, в этом случае содержание заключенного в скобки фрагмента рассматривается как факт, как данность, подлежащая объяснению в силу своего отклонения от нормы. Интроспективное наблюдение фактов приводит к своеобразному раздвоению планов уже внутри пропозициональной сферы, и акцентуация внутренне наблюдаемого становится идентичной акцентуации сенсорно наблюдаемого.

Особого внимания заслуживают два способа произнесения обсуждаемых конструкций, обусловленные различием в дискурсивных установках автора. До сих пор

мы приводили примеры, когда говорящий выступает скорее в роли дистанцированного наблюдателя, констатирующего объективное положение дел. В этом случае оценка носит дескриптивный характер — произведена ранее, а не совершается как актуальное речевое действие. В нарративных текстах она нередко принадлежит всевидящему автору, а не рассказчику, участвующему в событиях. Воспользуемся для иллюстрации примером из Достоевского, приводимым Арутюновой:

(27) — ...с каким-то особенно озабоченным и таинственным видом начала вдруг Грушеничка.

В то же время оценка может производиться и как субъективное речевое действие, принадлежащее говорящему. В этом случае она, как правило, носит экспрессивный характер, сопровождается просодическими огласовками и жестами, отвечающими типу эмоции. Типичный пример дает такая фраза:

(28) — Не нравится мне эта картина: какой-то (P) *грязный *фон, что-то (P) *раздражающее в *композиции, почему-то (P) *искажены *фигуры...

Знаками раздражения являются: низкий тон, скрипучая фонация, жесты выдвигания вперед нижней челюсти и растягивания губ. Эти характеристики относятся к подчеркнутым компонентам предложения.

Специфическую огласовку (она обозначена буквой P в скобках) имеют и неопределенные местоимения. Однако она отражает не экспрессивную иконичку, а особую модификацию речевой позы — сужение верхней глотки (признак Constricted Pharynx). Эта артикуляция приводит к недоартикулированности (редукции) гласных и ослаблению артикуляции согласных [Кодзасов 1995]. Редукция такого типа используется в русском языке как средство маркировки абстрактной категории «свой», имеющей разнообразные воплощения [Кодзасов 2002a]. В частности, она отражает субъективный характер оценочных операций. Поэтому многие «модальные» слова выступают в двух фонетических вариантах: полном (объективное употребление) и редуцированном (субъективное употребление). Сравним, например, полную и редуцированную реализации дискурсивных вариантов слова *правда*:

(29) — Он и правда мне помогал. Правда (P), небескорыстно.

Приведем аналогичный пример разной реализации слова *как-то* — в функции референциального местоимения и в функции местоимения субъективной оценки:

(30) — Я у него как-то был на днях. И как-то (P) он мне не понравился.

Субъективизация оценки в предложениях с неопределенными местоимениями выражается не только просодически: характерно также использование местоимения *такой* и экспрессивных форм прилагательных:

(31) — (Какой-то он такой) (P) ма-аленький, жа-аленький...

В таких случаях редукции подвергается вся местоименная группа, а прилагательные произносятся с педалированием экспрессивной просодии и удлинением ударного гласного.

Подобные предложения не могут подвергаться вставлению, т. е. невозможна фраза *(*— Она говорит, что он какой-то такой маленький.*). Это ограничение они разделяют с другими высказываниями, предполагающими актуальность речевого действия (см. [Падучева 1990]).

4. Предложения операционального предпочтения

Раздел книги Н. Д. Арутюновой, посвященный предложениям операционального предпочтения (*лучше*-предложения) содержит небольшие интонационные комментарии. Однако этот текст возник в конце 80-х гг. (впервые опубликован в [Арутюнова 1988]) и нуждается в некоторых уточнениях. Дело в том, что за прошедший период существенно расширились возможности наблюдения просодических параметров речи и были вскрыты характеристики, которые ранее не учитывались. В частности, в обиход интонологов вошел признак «таймирование», который описывает тонкую локализацию тональных акцентов внутри слога. Было обнаружено, что тональное движение может как охватывать консонантную инициаль и вокалическое ядро слога, так и осуществляться лишь на гласном либо лишь на начальном согласном [Ode 1989; Fougeron 1989; Кодзасов 1996]. Мы используем для нисходящих тонов с разным таймированием знаки \СГ (или просто \), \Г и \С, соответственно.

Различие таймирования тона отражает структуру пространства возможностей, в котором производится выбор при заполнении данной семантической позиции. Нейтральный нисходящий (\) используется в случае отождествления термина в нефиксированном пространстве. Нисходящий типа \Г используется при выборе в условиях конкурирующих альтернатив (*accent exclusive*, в терминах И. Фужерон), в частности, он характерен для «модальной» ремы, предполагающей ДА/НЕТ-противопоставление. Наконец, нисходящий тон типа \С используется как знак предопределенности (внешней заданности) выбора. Приведем простые примеры:

(32) А. — *Куда ты едешь на этот раз?* Б. — *Всего лишь в Одессу* (\).

(33) А. — *Ты согласился поехать в Одессу?* Б. — *Согласился* (\Г).

(34) А. — *Ты поедешь в Одессу?* Б. — *Придется* (\С).

Поясним, что здесь подчеркнуты те сегменты слова, на которых происходит тональный перелом.

Н. Д. Арутюнова указывает на «актуальную», «волевую» интонацию *лучше*-предложений (она обозначается в ее тексте двойным падающим акцентом) в отличие от предложений с *хорошо бы*. Сравним интонацию этих двух типов предложений (в модифицированной транскрипции):

(35) — *Хорошо бы тебе уйти* (\).

(36) — *Лучше бы тебе уйти* (\Г).

Отметим, что в (36) падение тона может начинаться еще на предупредном слоге, то есть акцент в целом сглажен. В то же время предложение *Лучше бы тебе уйти* допускает иную огласовку, чем приведенная выше: тон может падать на согласном, причем такому акценту часто предшествует некоторый подъем на предупредном слоге. Этот вариант особенно соответствует эпитету «волевая», которым Арутюнова наделяет интонацию таких предложений.

Различие двух маркированных вариантов падающего акцента в *лучше*-предложениях имеет достаточно прозрачную мотивацию: предложения с консонантной локализацией тона имеют прескриптивный характер, тогда как вокальная ориентация тона указывает на общеоценочную семантику. Сравним еще два предложения:

(37) — *Лучше пирог* (\С), чем хлеб.

(38) — *Лучше ложь* (\Г), чем правда.

Ясно, что первая фраза рассчитана на прямой прагматический эффект, тогда как вторая его скорее не предполагает.

Оба типа *лучше*-предложений могут иметь экспрессивные варианты, создаваемые путем «модуляции» тона. Таким термином в книге обозначается усилительная редупликация акцента: тональная схема приобретает вид «нисходящий—ровный—нисходящий». Реализация этой фигуры в слове зависит от наличия/отсутствия заударных слогов. Если они есть, то повторное падение происходит на гласном конечного слога. Если заударный слог отсутствует, то при варианте \С ударный гласный становится двуморовым, и падение тона повторяется на второй море, а при варианте \Г гласный становится трехморовым и падение тона повторяется на третьем слоге. Примеры:

(39) — *Лучше в субботу* (\-).

(40) — *Лучше пиро-ог* (\-).

(41) — *Лучше пиро-о-ог* (\-).

До сих пор мы рассматривали ситуацию выбора среди актуализованных альтернатив. Однако *лучше*-предложения могут вводить и альтернативу, которая в поле зрения до этого отсутствовала. Такое расширение пространства выбора интонировано особым образом:

(42) — *Он предлагает вторник или среду.*

— *Лучше в суббо-оту* (\С).

Как видно из нашей транскрипции, ударный гласный слова, вводящего новую альтернативу, получает долготу, которая символизирует удаленность объекта от прежнего фокуса зрения [Кодзасов 2000], а падающий акцент помещается на заударный гласный. Если заударного гласного нет, то тональный акцент помещается на вторую мору ударного гласного:

(43) — *Лучше в четве-ерг* (\Г).

Заключение

Пафос научного творчества Н. Д. Арутюновой — понять язык как средство категориальной интерпретации мира человеком. На нескольких примерах мы постарались показать, что многие категории, обсуждаемые в книге «Язык и мир человека», имеют прямое отражение в просодии фразы. Детального просодического исследования ожидают и другие текстовые явления, рассматриваемые или упоминаемые в книге, особенно разновидности диалогов и типы диалогических реплик. Мы убеждены в необходимости семантической ориентации интонационных исследований и их важном потенциальном вкладе в лучшее понимание логико-семантических проблем, связанных с языком.

Литература

- Апресян 1990 — *Апресян Ю. Д.* Типы лексикографической информации об означающем лексемы // Типология и грамматика. М., 1990.
- Арутюнова 1988 — *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
- Баранов, Кобозева 1983 — *Баранов А. Н., Кобозева И. М.* Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. № 3. 1983.
- Ковтунова 1976 — *Ковтунова И. И.* Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Кодзасов 1995 — *Кодзасов С. В.* О редуцированных словах в русском языке // Проблемы фонетики. 2. М., 1995.
- Кодзасов 1996 — *Кодзасов С. В.* Законы фразовой акцентуации // Просодический строй русской речи. М., 1996.
- Кодзасов 1999 — *Кодзасов С. В.* Уровни, единицы и процессы в интонации // Проблемы фонетики. 3. М., 1999.
- Кодзасов 2000 — *Кодзасов С. В.* Фонетическая символика пространства (семантика долготы и краткости) // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.
- Кодзасов 2002а — *Кодзасов С. В.* Категория «свой/чужой»: семантика и фонетика // Проблемы семантического анализа лексики. Тезисы докл. междунар. конф. М., 2002.
- Кодзасов 2002б — *Кодзасов С. В.* Фазовая символика тона // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002.
- Николаева 1982 — *Николаева Т. М.* Семантика акцентного выделения. М., 1982.
- Падучева 1990 — *Падучева Е. В.* Между предложением и высказыванием: субъективная модальность и синтаксическая неподчинимость // *Revue des études slaves.* LXII/1—2. Paris, 1990.
- Fougeron 1989 — *Fougeron I.* Prosody et organisation du message. Paris, 1989.
- Ode 1989 — *Ode C.* Russian intonation. A perceptual analysis. Amsterdam, 1989.

ЧАСТЬ 3

ИНТОНАЦИЯ В ДИСКУРСЕ

Глава 1

Просодия обращений*

Введение

Просодия русских обращений до сих пор не была, насколько нам известно, предметом специального исследования. Между тем, обращение является весьма частотным речевым актом, причем условия его осуществления чрезвычайно разнообразны. Обращения различаются по своей коммуникативной функции: они используются либо для вступления в контакт, либо для поддержания контакта (фатическая функция). Вступление в контакт может происходить при разном удалении адресата от инициатора контакта. Интерактивные установки взаимодействия (иерархические отношения участников, агрессивность/уступительность и проч.) начинают проявляться уже в реплике обращения, иницирующей контакт. Обращение может нести на себе отпечаток иллокутивно-модальных особенностей контекста (разные виды побуждений, разные оценочные и эмоциональные характеристики). Эти прагматико-семантические условия, как правило, отражаются в просодической форме обращений, задавая разнообразные «парадигмы» огласовок имен, используемых в качестве обращений.

Анализируя фонетику обращений, мы будем опираться на систему описания русской просодии, предложенную в [Кодзасов 1996а]. Ее особенностью является вовлечение в сферу рассмотрения всех просодических параметров речи: не только тона, длительности и интенсивности, но также фонаций [Кодзасов, Кривнова 1977] и надгортанных артикуляций. Ведущим при этом является комбинаторный принцип: принимается, что просодемы могут быть представлены сколь угодно различными сочетаниями признаков. Состав просодем не фиксируется, он определяется возможными комбинациями семантических характеристик, которые выражаются с помощью просодии. Мы не пытаемся здесь описать все просодические сочетания, которые встречаются в огласовках обращений, но только наиболее типичные.

Работа опирается на акустические результаты, полученные на компьютере с помощью программы СЕСП, ее характеристики описаны в [Кодзасов 1996б]. Речевой материал прочитан самим автором, уроженцем и постоянным жителем Москвы. В качестве «несущих» имен, на которые в обращениях накладывалась разная просодия, использовались в основном Ленья и Ваня.

* Статья опубликована в сб.: Язык: изменчивость и постоянство. М., 1998.

1. Нейтральные обращения

Неожиданно для себя автор обнаружил, что наиболее употребительная (по существу, нейтральная) огласовка обращений в его речи использует восходящий тон на ударном слоге. Мы находим тут частичное совпадение с оформлением просьб, которые, как известно [Брызгунова 1980], оформляются восходящим тоном, подобно «общим» вопросам. Семантическое сходство вопроса и просьбы очевидно: просьба есть побуждение на осуществление адресатом выбора, т. е. запрос на согласие, предполагающий право на несогласие. Таким образом, этот речевой акт семантически очень близок к ДА/НЕТ-вопросу. Ср. типичные перефразы:

- (1) — *Помоги (/) мне, пожалуйста.*
- (2) — *Ты мне не поможешь (/)?*

Огласовка нейтрального обращения по сходной модели означает, что оно трактуется как просьба на вступление в контакт.

Однако полного просодического совпадения такого обращения и вопроса/просьбы нет. Так, при сравнении Рис. 1 и 2 (они, как и другие акустические иллюстрации, помещены в Приложении) видно, что обращение — *Леня!* отличается от вопроса — *Леня?* заметно более высоким уровнем интенсивности на заударном слоге. Интенсивность заударного слога свидетельствует о том, что он несет фразовый акцент и что нисходящий тон является здесь акцентной характеристикой. Этому соответствует и перцептуальная оценка ритмики реплики. Если отмечать акцентно релевантные изменения тона внутри записи этих реплик, то они будут выглядеть как — *Ле/ня\!* и — *Ле/ня?*

Эта трактовка подтверждается огласовкой обращений, в которых ударный слог не является предпоследним. Например, в обращении — *Ба/бушка\!* (Рис. 3) тон падает не на заударном слоге, как это бывает в общем вопросе, а на конечном. Одновременно примеры типа — *Тамара!* показывают, что восходящий тон ориентирован именно на ударный, а не на начальный слог слова. Очевидным образом, глубинная форма для рассматриваемой тональной фигуры такова: восходящий акцент на ударном слоге и нисходящий акцент на конечном. Промежуточные слоги, если они есть, имеют ровный тон. Отметим, что получающаяся фигура /-\ (горизонтальная черта здесь означает, что за восхождением следует ровный тон) не тождественна ИК-5 Е. А. Брызгуновой по размещению в слове. ИК-5 ориентирована на начальный и ударный слоги, а не на ударный и конечный. Ср.:

- (3) — *Ве/ликоле\нно!*
- (4) — *Нико/ленька\! Иди сюда!*

Отметим, наконец, что в случае односложности слова как восхождение, так и падение тона осуществляется в пределах одного слога на двух его морях. Это легко наблюдать в усеченных формах внутри двухкомпонентных обращений:

- (5) — *Ле/ня\! Ле/нь!* (Рис. 4)

Перейдем теперь к другой широко распространенной форме обращений, которая характерна для менее кооперативного общения. Как кажется, в интеллигентской среде она используется для вступления в конфликтный диалог или для психологического дистанцирования от собеседника. Мы имеем в виду произношение типа представленного на Рис. 5. Здесь восходяще-нисходящее движение тона осуществляется внутри ударного слога независимо от наличия других слогов в слове:

(6) — *Ва\ня! Ты скоро?* (Рис. 5)

Очень хорошо разница кооперативного и некооперативного вариантов отслеживается в случае обращений по имени-отчеству. Ср.:

(7) — *Ива\н Ива\ныч! Хотите чаю?* (Рис. 6)

(8) — *Ива\н Иванович! Вы почему же не пришли?* (Рис. 7)

В первом случае падение происходит на ударном слоге второго слова — он заменяет конечный ударный внутри однословного вежливого обращения. Во втором случае восходяще-нисходящий контур реализован внутри одного слога.

Отметим попутно, что «обмен» акцентами между конечным слогом при отсутствии последующего слова и ударным слогом при наличии последующего слова — стандартное для русского языка просодическое чередование.

Ср. размещение восходящего тона в полных и сокращенных сопоставительных вопросах:

(9) — *А Ивано\ва прие\хала?*

(10) — *Петрова приехала.*

— *А Ивано\ва!?*

Использование обращений далеко не всегда связано с необходимостью установить контакт с партнером. Пожалуй, даже чаще они используются фатически — как средство подтверждения того, что актуализованный ранее контакт с данным партнером продолжает поддерживаться. Примеры:

(11) — *Леня, здравствуй!* (Рис. 8)

(12) — *Ты, Леня, прав.* (Рис. 9)

Интонограммы обнаруживают отсутствие тональных акцентов на таких обращениях. Эти случаи являются хорошей иллюстрацией различия актуального и дескриптивного статуса речевых действий [Кодзасов 1996в]: актуальное обращение просодически маркировано, дескриптивное (фатическое) обращение не имеет просодических маркеров.

До сих пор мы рассматривали обращения к адресатам, находящимся на близком расстоянии от субъекта речи. При некотором удалении в пределах достаточно ограниченного пространства может быть использована комбинация \wedge :

(13) — *Ле.Лнь, а Ле.Лнь!* (Рис. 10)

Здесь точка снизу символизирует незначительное удлинение гласных.

Дальнейшее удаление адресата ведет к нарастающему увеличению длительности и громкости. При выходе адресата за пределы личного пространства говорящего (например, пребывание в соседней комнате) удлинение уже весьма значительно. Ср. варианты для более и менее кооперативных обращений (Рис. 11 и 12):

(14) — *Ле:/-ня:!* (Рис. 11)

(15) — *Ле:/ня!* (Рис. 12)

Здесь существенное удлинение (в примере (14) долготы гласных равны, соответственно, 240 и 280 мсек) изображается двоеточием. Еще большие величины длительности мы находим на следующих ступенях удаления (Рис. 13 и 14):

(16) — *Лен::-ня::!* (315 и 410 мсек) (значительное удаление)

(17) — *Ле::-ня::-!* (810 и 960 мсек) (адресат далек и не виден)

В первом случае на обоих слогах мы находим восходяще-нисходящее движение тона, провал тона на стыке связан с послоговостью произнесения. Во втором случае сверхдолгота гласного приводит к возникновению плато, т. е. к конфигурации «восходящий-ровный-нисходящий». Вероятно, в данном случае фигуру /-\\ следует трактовать как поверхностную реализацию фигуры /\\ (Ранее был рассмотрен обратный случай — когда фигура /\\ реализует глубинную фигуру /-\\). Следует отметить повышение регистра тона в последнем образце. Обратим также внимание на то, что конечный гласный в рассматриваемых случаях длиннее ударного. Однако наиболее интересной характеристикой далеких обращений является резкое спектральное изменение гласных (ср. спектральные разрезы ударного гласного для примеров (14) и (17), представленные на Рис. 15 и 16). Оно, как нам кажется, вызвано расширением верхней глотки. Вероятно, именно эта модификация приводит к тем вокалическим чередованиям в звательных формах, которые засвидетельствованы во многих языках мира [Кодзасов 1975].

Любопытно, что при прочтении соответствующих фрагментов в нарративных текстах мы повторяем все их типичные признаки, кроме громкости:

(18) — *Ва-аня-я! — донеслось из-за реки.*

Очевидно, в этом случае мы как бы имитируем качество звучания, воспринимаемое адресатом.

Обращения на очень близком расстоянии используют особый «приглушенный» голос или шепот. Шепот, однако, может быть и довольно интенсивным — при необходимости позвать тихо на достаточно большом расстоянии. Мы не приводим из соображений экономии места акустические образцы для таких апеллятивных жестов.

2. Иллокутивные варианты обращений

Нередко наше обращение остается без ответа и нам приходится обращаться повторно. Огласовки таких обращений зависят от иерархических рангов собеседников. Если инициатор контакта занимает доминирующую позицию, то он переходит на напряженный голос (это стандартное средство маркировки повторов) и большую громкость. Типично появление в таких репликах частицы *ну*, на которую перемещается восходящий акцент:

(19) — *Ну/ Ва\ня! Ты меня слышишь или нет?* (Рис. 17)

Если инициатор контакта находится в позиции подчинения или зависимости, то напряженная фонация сопровождается «плачущим» голосом. Его артикуляционный механизм не вполне ясен. Видимо, это сочетания опущения гортани и напряженности нижней глотки. Характерно также значительное удлинение ударного гласного. Пример такой реплики:

(20) — *Ну/, Ва-а\нь! Ну послушай меня!* (Рис. 18)

Такие реплики тождественны по огласовкам униженным просьбам вида:

(21) — *Ну, Ва-ань, пойте-ем!*

Обращения могут вводить побуждения самых разных типов. Мы рассмотрим здесь несколько характерных примеров. «Запускающие» команды, например,

(22) — *В/аня\, пошел!* (Рис. 19)

(23) — *Ал/еша\, начинайте!*

огласованы стандартным для неконфликтных обращений тональным образцом: подъем на ударном слоге и падение на конечном. Особенностью их является то, что восходящее движение осуществляется на согласном, так что ударный гласный произносится на высоком ровном тоне.

Иную огласовку мы находим в репликах предостережения:

(24) — *Ва\ня! Осторожно!* (Рис. 20)

Здесь мобилизация внимания поддерживается восходящим тоном на ударном гласном, при этом отсутствует акцент на заударной части слова.

Обращение в составе запретительного окрика имеет огласовку, типичную для конфликтного общения: восходяще-нисходящий тон на ударном гласном:

(25) — *Ва\ня! Ты опять смотришь телевизор!* (Рис. 21)

Очень характерно использование здесь «скрипучего» голоса (он проявляется, в частности, в пертурбациях звуковой волны), который является стандартным средством маркировки отрицательной установки говорящего.

Заключая параграф, остановимся на репликах пробуждения, совмещающих функции установления контакта с реальным действием в мире. Они, как и обычные обращения, имеют две разновидности:

(26) — *Ва/ня-я\=! Ва/нечка-а\=! Просытайся!* (Рис. 22)

(27) — *Ва/ня! Пора встать!*

Кооперативный вариант (например, обращение матери к спящему ребенку) огласуется восходящим тоном на ударном слоге с неполным падением на заударной части (повышенный ровный отражается знаком \approx). Конечный слог имеет долготный акцент. Характерна низкая громкость таких реплик — в этом как бы проявляется забота о «мягком» пробуждении. Напротив, реплики типа (27) имеют повышенную громкость.

Очевидным образом, детальный анализ просодики обращений требует подробного анализа просодики побудительных актов ввиду близости семантики этих речевых действий. В случае реплик пробуждения эта связь особенно наглядна и подкреплена этимологической близостью номинаций.

3. Экспрессивные обращения

Обращения часто выступают в качестве своеобразных «подставок» под экспрессивные просодические жесты, служащие для эмоционального взаимодействия с партнером по коммуникации. Рассмотрим несколько характерных примеров такого рода.

Жесты психологического «поглаживания» не столь разнообразны и расчленены просодически, как жесты всякого рода «побоев». Примеры «поглаживания»:

(28) — *Ле/ня! Ты приехал! Какая радость!* (Рис. 23)

(29) — *Ива/н Ива/ныч! Как приятно тебя видеть!*

Конфигурация тона (быстрое нарастание и затянутый спад тона) несколько отличается от той, что мы находим в обычных кооперативных обращениях. Добавляются также специфические средства, которые и в других случаях используются для «поглаживания»: медленный темп, «мягкая» (расслабленная) фонация и сдвиг вперед базы языка (стандартный жест положительной оценки).

Приведем теперь несколько случаев отрицательных реакций, реализуемых с помощью обращений. Пример недовольства:

(30) — *Ва-а/\ня! Ты пришел! А я ждал Леню.* (Рис. 24)

Здесь конфигурация \wedge , типичная для некооперативных обращений, превращается в $/\wedge$ ввиду удлинения ударного гласного. Экскурсия тонального движения заметно уменьшена. Просодема содержит типичные «отрицательные» компоненты: «скрипучую» фонацию, смещение языка назад и опускание гортани. Последний компонент характерен для жестов обиды и огорчения.

Интересно, что в случае обращения по имени-отчеству акцент сохраняется только на отчестве:

(31) — *Иван Ива-а/\ныч! Вы пришли! А мы ждали Петра Петровича.*

Напомним, что в случае некооперативных обращений без эмоциональной окраски акцент ставится не на отчестве, а на имени.

Огласовку, близкую к примеру (30), мы находим в случае реплики возмущения:

(32) — *Ва-а/-ня! Как ты одет!* (Рис. 25)

Отличие наряду с дальнейшим ослаблением активности тонирования состоит в добавлении «напряженной» фонации и замене опускания гортани ее поднятием. Эти признаки обусловлены агрессивной компонентой жеста.

Презрительное обращение с использованием слова *Ваня* как нарицательного имени сопровождается выдвиганием вперед нижней челюсти (специфический жест агрессии). Тональная конфигурация при этом обычна, однако характерен переход в низкий регистр:

(33) — *Ну ты, Ва^ня! Пойди сюда!* (Рис. 26)

Еще один образец из богатого набора реплик с отрицательной аксиологией дает передразнивание (см. подробный разбор таких реплик в [Арутюнова 1986]):

(34) — *Что ты заладил — Ваня, Ваня!* (Рис. 27)

Тональный образец (восходящий-ровный-нисходящий) здесь обычен для растянутых во времени кооперативных обращений. Отличие состоит лишь в большей экскурсии тона, сопровождаемой переходом в фальцетный регистр.

Типичные компоненты передразнивания — подъем гортани и упереднение позы языка. Эти жесты в сумме дают заметный умлаут на гласном. Другим характерным элементом этого просодического комплекса является «скрипучий» голос.

Не все реплики с отрицательной эмоциональной окраской являются агрессивными. Пример реплики констатации неудачного хода событий, связанных с «Ваней»:

(35) — *Ну, Ва/=ня-я! Плохи дела!* (Рис. 28)

Тональная схема (восходящий плюс ровный) типична для незаконченных высказываний (соответствует ИК-6 Е. А. Брызгуновой). Характерно и удлинение конечного гласного, которое, очевидно, следует рассматривать как долготный акцент. Экспрессивным компонентом просодемы является расслабленная фонация, символизирующая здесь пассивную роль собеседников в событиях, невозможность исправления положения вещей.

Приведем теперь пример реплики огорчения:

(36) — *Ва/ня, Ва./-ня! Когда ты вырастешь!* (Рис. 29)

Здесь интересно понижение экскурсии тона на втором (удлиненном) компоненте обращения. Как и в предыдущем случае, имеет место расслабленная фонация.

В заключение параграфа приведем примеры обращений, имеющих в качестве фона интеллектуальные эмоции — удивление и недоумение:

(37) — *Ва//ня?! (удивленно) Что ты здесь делаешь?* (Рис. 30)

(38) — *Ва\ня/? (недоуменно) Не ожидал тебя здесь увидеть.* (Рис. 31)

Тональные огласовки здесь типичны: восходящий тон увеличенного интервала для удивления и нисходяще-восходящий тон низкого регистра для недоумения.

4. Обращения в сказках

В русских народных сказках имеется немало специфических обращений к предметам. По-видимому, характерной особенностью произнесения этих обращений является наличие более или менее ярко выраженного «заноса» на предупредном слоге. Например:

(39) — *То/по\р, наруби дров!* (Рис. 32)

В случае редупликаций эта фигура — со значительным сокращением экскурсии тона — повторяется на втором члене:

(40) — *И/збу\шка, избу\`шка! Повернись к лесу задом, а ко мне передом!* (Рис. 33)
(Знак ` указывает здесь на малую экскурсию тона.)

Если обращение носит фатический характер (контакт уже установлен дейктически или в ходе предыдущего дискурса), то акцент на втором члене редупликации не повторяется:

(41) — *Коло/бо\к, колобок! Я тебя съем!* (Рис. 34)

В сказках встречается много других огласовок обращений, которые отражают те же параметры ситуации обращения, которые были рассмотрены выше для реального общения. Приведем лишь один пример — обращение на расстоянии:

(42) — *А/ле-енушка-а! Выплывь на бережок!* (Рис. 35)

Здесь скользящие тоны оформляют краевые моры слова, а вся середина произносится на повышенном ровном тоне.

Заключение

Как было показано, имеется довольно широкий спектр просодических огласовок реплик обращения. В этом отношении обращения ничем не отличаются от других реплик: вопросов, ответов, утверждений, возражений и т. д. Это разнообразие огласовок отражает различие семантико-прагматических условий реализации реплики.

Как и в случае других «типов высказываний», обращения не обнаруживают инвариантной просодической характеристики, сохраняемой во всех реализациях. Однако круг тональных конфигураций достаточно ограничен: \wedge (восходяще-

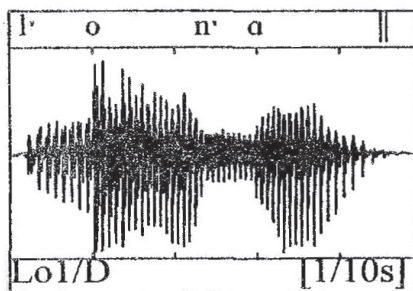
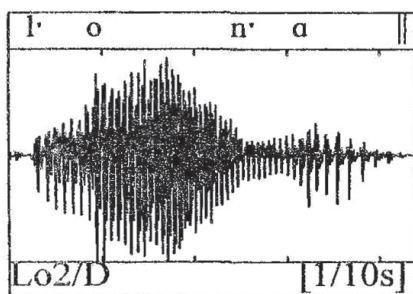
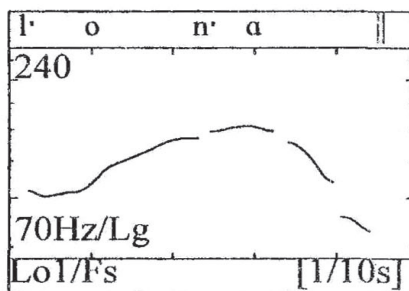
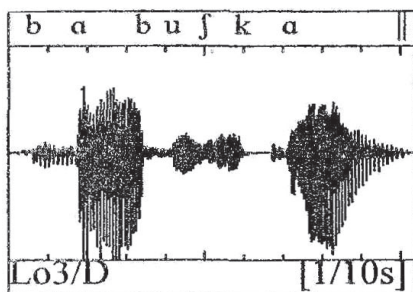
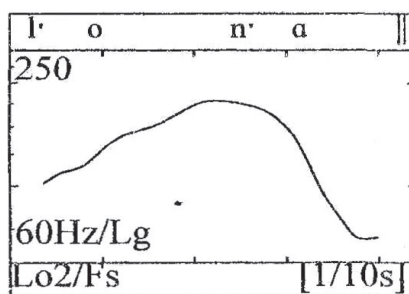
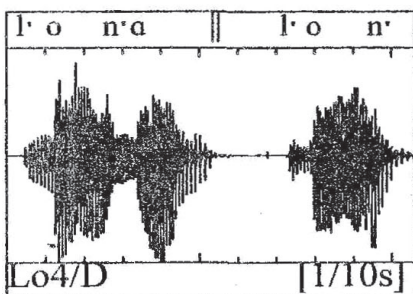
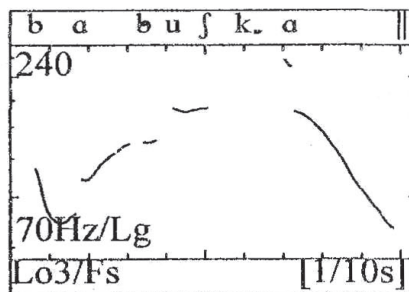
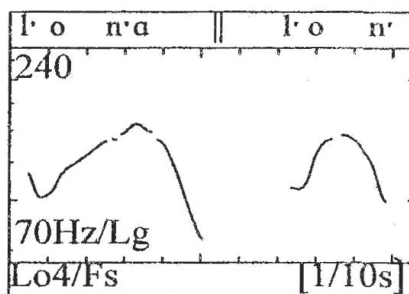
нисходящий тон), /-\ (восходящий-ровный-нисходящий), /- (восходящий-ровный). Как указывалось выше, особенностью сочетания /-\ в случае обращений является ориентация скользящих акцентов на ударный и конечный слоги слова.

Однако основные источники просодического варьирования связаны не с тоном, а с менами фонации, вертикальной позиции гортани и артикуляционной позы. К сожалению, акустические корреляты этих признаков (они выражаются в первую очередь спектральными изменениями) изучены слабо, так что пока приходится опираться на интроспективные оценки. Исследование нетональной просодии слова и фразы является важнейшей задачей современной фонетики.

Литература

- Арутюнова 1986 — *Арутюнова Н. Д.* Диалогическая цитация (К проблеме чужой речи) // ВЯ. № 1. 1986.
- Брызгунова 1980 — *Брызгунова Е. А.* Русская грамматика. I. М., 1980.
- Кодзасов 1996а — *Кодзасов С. В.* Комбинаторная модель фразовой просодии // Просодический строй русской речи. М., 1996.
- Кодзасов 1996б — *Кодзасов С. В.* Фонетическая база данных ИРЯ РАН как источник просодических сведений // Просодический строй русской речи. М., 1996.
- Кодзасов 1996в — *Кодзасов С. В.* Интонация как показатель актуальности речевого действия // Труды международного семинара Диалог'96. М., 1996.
- Кодзасов 1975 — *Кодзасов С. В.* Две заметки о звуковом символизме // Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М., 1975.
- Кодзасов 1977 — *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Фонетические возможности гортани и их использование в русской речи // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.

Приложение. Интонограммы

Рис. 1. — *Леня!*Рис. 2. — *Кто тебе сказал? Леня?*Рис. 3. — *Бабушка!*Рис. 4. — *Леня! Леня!*

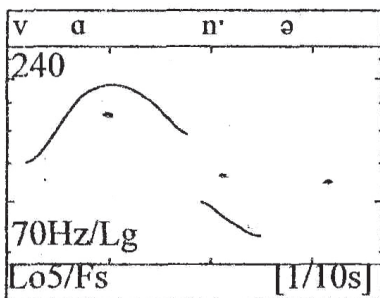

Рис. 5. — Ваня! Ты скоро?

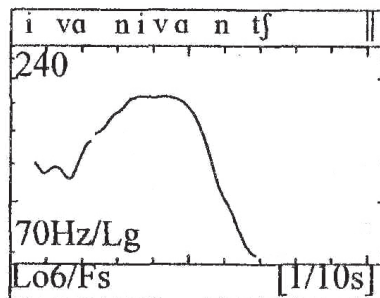

Рис. 6. — Иван Иванович! Хотите чаю?

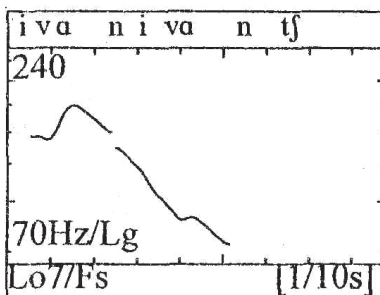

Рис. 7. — Иван Иванович!
Вы почему же не пришли?

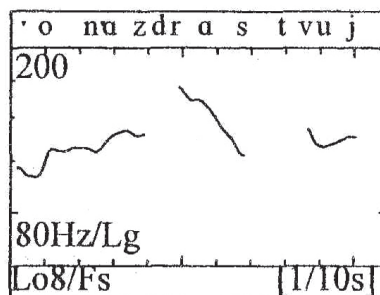

Рис. 8. — Леня, здравствуй!

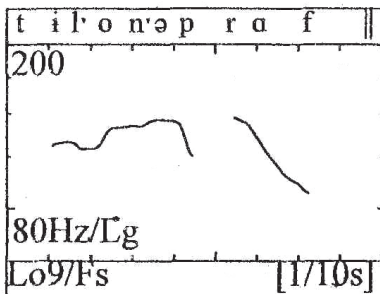

Рис. 9. — Ты, Леня, прав.

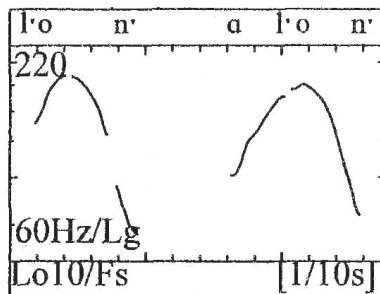

Рис. 10. — Леня, а Леня!

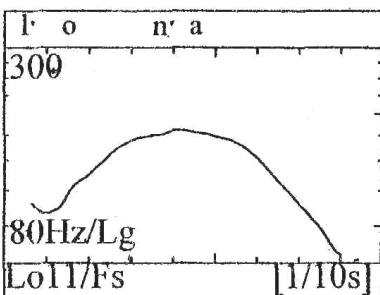

Рис. 11. — Леня!

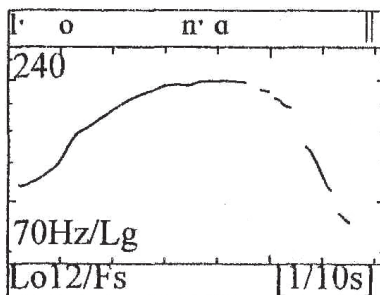

Рис. 12. — Ле-еня!

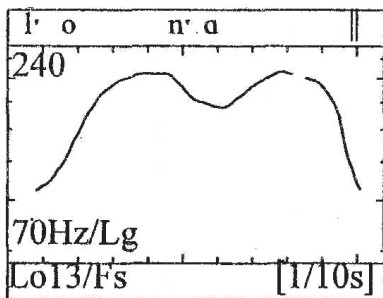

Рис. 13. — Ле-еня-я!

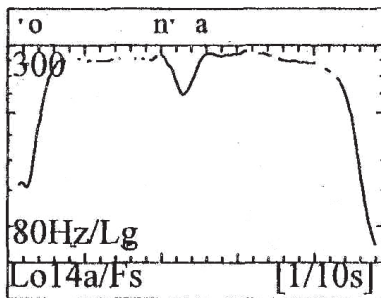

Рис. 14. — Ле-е-еня-я-я!

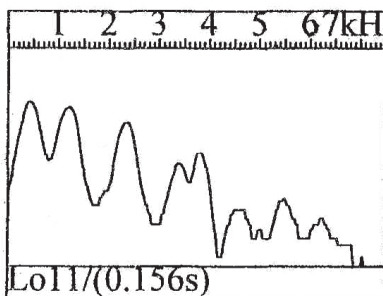

Рис. 15. Спектр для 13.

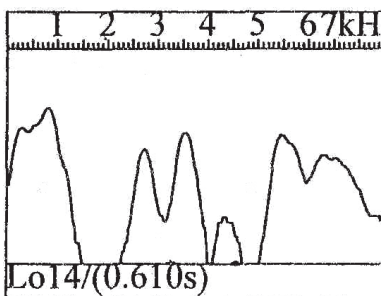

Рис. 16. Спектр для 14.

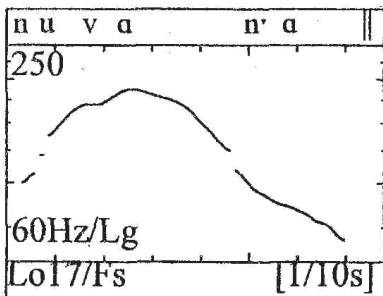

Рис. 17. — Ну, Ваня!

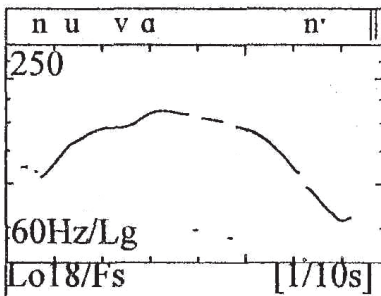

Рис. 18. — Ну, Ва-ань!

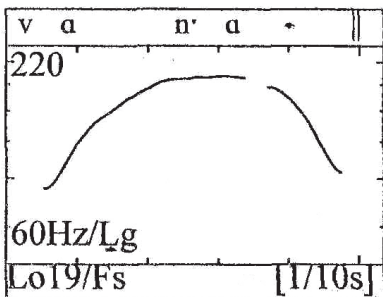

Рис. 19. — Ваня! Пошел!

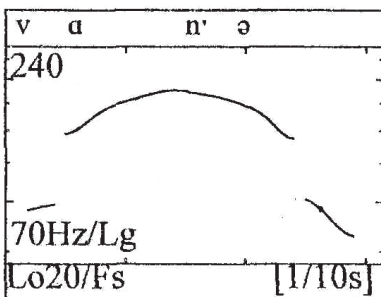

Рис. 20. — Ваня! Осторожно!

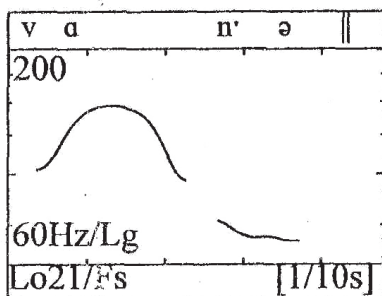

Рис. 21. — Ваня! Ты опять смотришь телевизор!

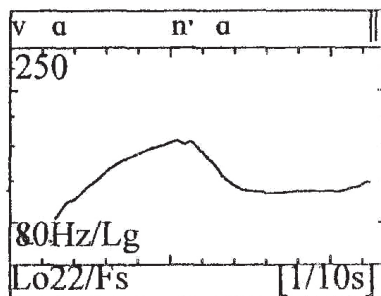

Рис. 22. — Ва-аня-я! Ванечка-а! Просыпайся!

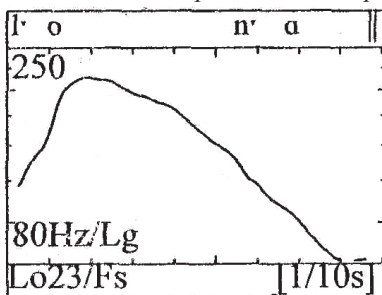

Рис. 23. — Леня! Ты приехал! Какая радость!

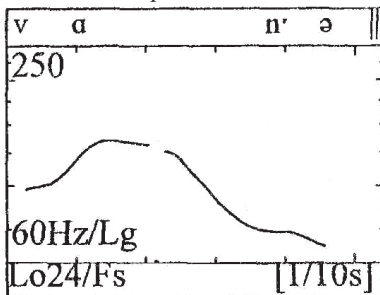

Рис. 24. — Ваня! Ты пришел. А я ждал Леню.

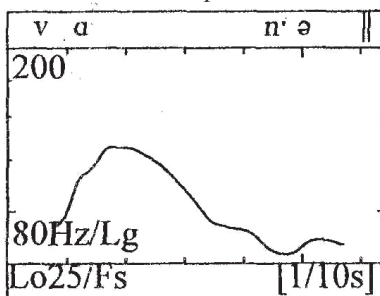

Рис. 25. — Ваня! Как ты одет!

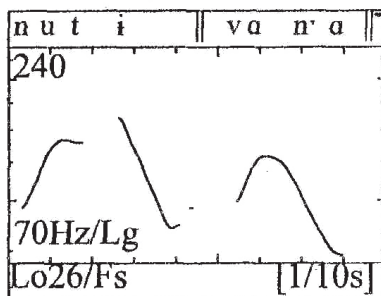

Рис. 26. — Ну ты, Ваня, иди сюда!

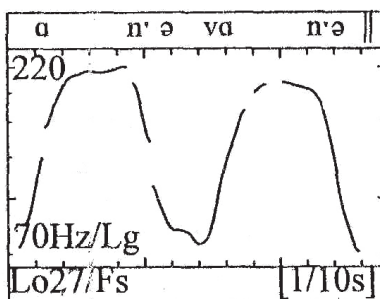

Рис. 27. — Что ты заладил — Ваня, Ваня!

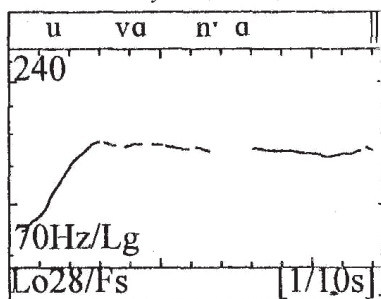

Рис. 28. — Ну, Ваня... Плохо дело.

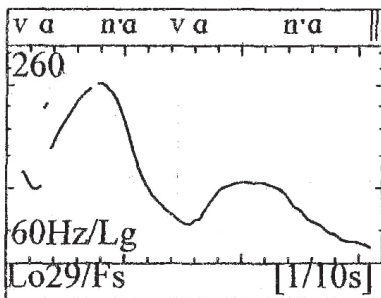

Рис. 29. — Ваня-Ваня!
Когда ты вырастешь!

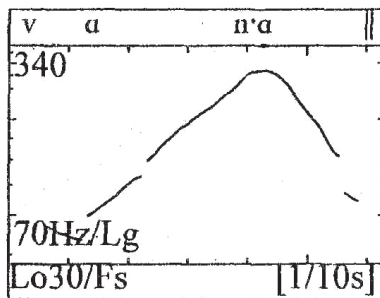

Рис. 30. — Ваня?!
Что ты здесь делаешь?

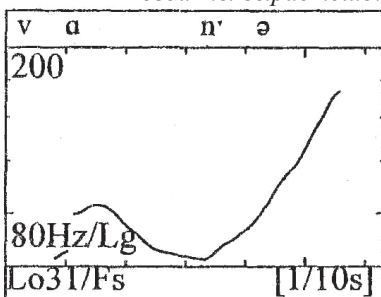

Рис. 31. — Ваня? Не ожидал тебя
здесь увидеть.

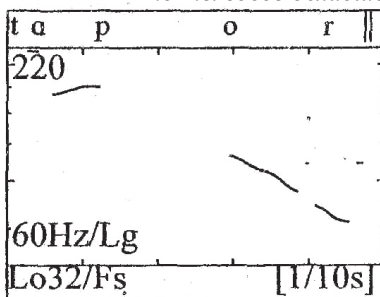

Рис. 32. — Топор! Наруби дров!

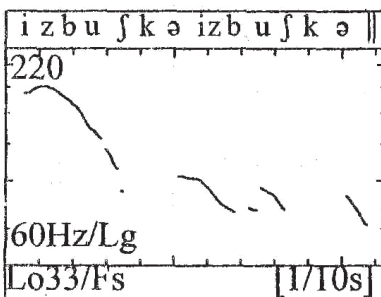

Рис. 33. — Избушка, избушка!
Повернись ко мне передом...

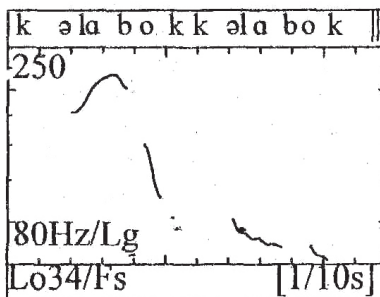

Рис. 34. — Колобок, колобок!
Я тебя съем!

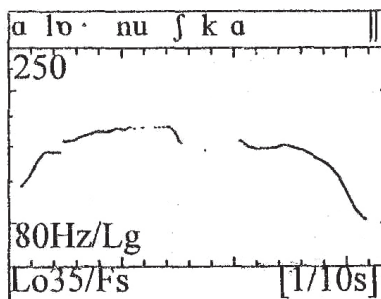

Рис. 35. — Але-енушка-а! Выплывь на бережок!

Глава 2

Интонация вопросительных предложений: форма и функции*

1. Введение

1.1. Значение интонации для речевого общения многими, в том числе и профессиональными лингвистами, осознается еще далеко не в полной мере. Между тем ее роль чрезвычайно велика: интонация создает как бы коммуникативный каркас речи, управляя интеракционным поведением говорящих и устанавливая рамки принятия ими пропозициональной и референциальной информации. Не случайно синтезированная речь без интонационной компоненты практически недоступна для восприятия.

Учитывая, что читатель данного сборника скорее всего не знаком с общими работами, описывающими функции интонации (см. [Торсуева 1974; Цеплитис 1974; Светозарова 1982]), и что наша интерпретация этих функций не вполне традиционна, дадим их краткую характеристику. Выделяются следующие функции:

1) иллокутивная — управление дальнейшими действиями партнера по общению, например обращение предполагает ответное подтверждение вступления в контакт, вопрос — передачу затребованных сведений, утверждение — принятие переданных сведений и т. п.;

2) когнитивная — указание типа предполагаемой мыслительной операции (актуализация известного, введение нового, изменение старого) и типа предположения о пространстве исходных альтернатив для новой информации (см. подробнее ниже);

3) фокусная — указание главного смыслового элемента или элемента, релевантного для отождествления нужного фрагмента знаний в памяти;

4) установочная — сообщение о разнообразных «модальных» установках говорящего, в том числе: эпистемической (оценки правдоподобия данного заполнения некоторой смысловой позиции), аксиологической (оценки желательности данного заполнения), установки на объективность/субъективность утверждений (см. ниже), на формальность/неформальность общения, на кооперативность/конфликтность общения и т. д.;

5) структурная — указание компонентной организации текста, в том числе фазовой характеристики (указания места данного компонента текста в объемлющей структуре);

* Статья опубликована в: Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 1985.

б) собственно фонетическая — членение на фонетические составляющие и ритмизация (далее эта функция не рассматривается).

Разумеется, в осуществлении описанных функций участвует не только тон (и другие интонационные компоненты — см. ниже), но также лексико-грамматические средства и порядок слов. Роль интонации здесь, однако, велика, и имеется немало случаев, когда она является единственным средством реализации той или иной функции (см. примеры (6)—(12)).

1.2. Задача работы: дать описание интонации вопросительных предложений русского языка, достаточно полно отражающее разнообразие их семантико-грамматических типов. Существующие исследования в этой области [Брызгунова 1977; Николаева 1977] исходили из обобщенной классификации типов вопросов и соответствующих интонаций, что было связано с редуccionистской ориентацией «системно-структурной» парадигмы лингвистики. В рамках «коммуникативно-прагматической» парадигмы, для которой характерен интерес к деталям прагматического содержания сообщения и соответствующим элементам формы, результаты таких исследований недостаточны.

Классификация и содержательная интерпретация типов вопросов не была в фокусе нашего внимания, мы исходили в основном из имеющихся публикаций [Грамматика-82; Баранов, Кобозева 1983], однако некоторые из наших решений не стандартны. Интонационное оформление вопросов исследовалось на основе слухового анализа¹, причем использовалась более широкая система просодических средств, чем общепринятая ныне [Брызгунова 1977].

1.3. Выделяется три класса вопросов: канонические, вопросы с цитацией и риторические; они отличаются как прагматическим содержанием, так и вербальной формой.

Канонический вопрос предполагает: а) наличие актуально осознанного пробела в знаниях говорящего; б) стремление ликвидировать его путем эксплицитной каузации передачи нужной информации партнером; в) использование специального языкового средства (вопросительных конструкций) для достижения этой цели.

Вопросительная конструкция включает компоненты: лексико-грамматический, линейный и интонационный. Нас далее будет интересовать в первую очередь интонация канонического вопроса, ей посвящены разделы 2 и 3.

Вопрос с цитацией обусловлен той или иной дефектностью принятия говорящим предшествующего сообщения партнера. Вербальная форма этого вопроса имеет свои особенности (см. раздел 4).

В случае риторического вопроса мы имеем дело с косвенным употреблением вопросительной конструкции: она не указывает на отсутствие у говорящего каких-то сведений и не предполагает ответа партнера. Ограничения объема статьи заставили нас опустить анализ интонации вопросов этого типа.

¹ Позднее интонационные характеристики были уточнены с помощью компьютерных звуковых редакторов, и в данную версию статьи внесены исправления.

1.4. Прежде чем представить инвентарь интонационных средств, которые используются в нашем описании, сделаем две оговорки. С одной стороны, мы даем перечень лишь тех средств, которые понадобятся для описания вопросительных конструкций, а не всего репертуара русской интонации. С другой стороны, мы не ограничиваемся лишь иллокутивным (собственно вопросительным) компонентом интонации, но рассматриваем и другие компоненты. Это позволяет дать полную интонационную характеристику рассматриваемых предложений и указать интонационные варианты разных типов вопросов.

Интонация всякого текста описывается в нашей системе тремя основными компонентами: уровнем базового тона, скользящими (контурными) тонами и выделительными акцентами. Базовый тон в неаффецированной речи может иметь четыре уровня: низкий (Н), нейтральный, высокий (В), сверх-высокий (СВ). Нейтральный уровень характерен для «речевой позы», прочие уровни значимы. Изменения базового тона не связаны по месту с ударением и происходят на границах составляющих. Чаще это составляющие высоких рангов: сентенциальная или предикатная группа. Нейтральный уровень базового тона для простоты не указываются, прочие уровни обозначаются цифрой при скобке (квадратные скобки указывают границы группы, имеющей маркированный базовый тон):

(1) — *Они что* — [*получили новую кварти/ру*] В?

Для скользящих тонов характерно изменение на протяжении всей длительности ударного гласного. Основные скользящие тоны:

/ — восходящий, \ — нисходящий:

(2) А: — *Он бы/л дома?* В: — *Да\, бы\л.*

За подъемом тона на ударном слоге обычно следует возвращение к исходному нейтральному уровню на заударном, а падению тона на ударном может предшествовать подъем на преударном. Такие автоматические движения в транскрипции не отмечаются. Отсутствие же падения тона после подъема на ударном значимо и записывается с помощью /=.

На ударном слоге может осуществляться и сложное скольжение: восходяще-нисходящее (Λ) и нисходяще-восходящее (∨), причем возможно преобладание того или иного направления изменения: \'/ малый интервал падения при нейтральном интервале подъема, ∨' — нейтральный интервал падения при малом интервале подъема и т. п. Такие конфигурации используются для выражения комбинированных иллокуций.

Знаки / и \ указывают изменение тона в один интервал (как в примере (2)). Изменение в два интервала обозначается с помощью // и \\ :

(3) А: — *Именно о//н это заметил?* В: — *Да\, именно о\\н.*

Для тонального акцента важно отличие выделяемого слога по уровню громкости от уровня фразы или синтагмы. Этот контраст обычно достигается дыхательным толчком на ударном слоге (выделительный акцент (ВА) в терминологии

Т. М. Николаевой [Николаева 1982]). Выделительный акцент мы отмечаем ниже звездочкой перед словом:

(4) — **Когда вы *приедете?*

Акцентирование слова может сопровождаться повышением громкости и тона не только ударного слога, но и начального; в этом случае возвращение тона на базовый уровень происходит на ударном слоге. Подобная реализация отмечается в случае «композиции» акцентов, т. е. слияния двух акцентов в единую фигуру:

(5а) — **Не/=вероя=тно!*

(5б) — *В *како/=м *ваго=не он едет?*

Запись /=...= \ означает, что отсутствует конечный переход 1-го акцента и начальный переход 2-го (ИК-5 Е. А. Брызгуновой).

Следует помнить, что такая запись отражает лишь перцептуальный образ интонационного контура фразы (или же абстрактную программу интонирования). Реальная кривая основной частоты, извлекаемая из акустического сигнала, соотносится с такой символической записью довольно сложным образом. В число факторов, влияющих на тоновую реализацию, входят: индивидуальный тон говорящего, возмущающее влияние сегментных элементов, постепенное понижение тона к концу дыхательной группы (см. [Кодзасов 1968]).

Интонация является основным компонентом совокупной просодической характеристики высказывания. Однако в ряде случаев необходимо учитывать прочие просодические признаки — фонационные (они характеризуют качество голоса, см. [Кодзасов, Кривнова 1977]) и количественно-динамические (громкость, длительность, темп). При анализе просодии вопросов ниже указываются следующие компоненты: быстрый темп (Б), напряженная фонация (НПР), «скрипучая» фонация (СКР). Эти характеристики, подобно базовому тону, относятся к составляющим высоким рангов и обозначаются при квадратных скобках, указывающих их границы.

1.5. Хотя в общем нет жесткого закрепления интонационных средств за определенными функциями (особенно полифункционален выделительный акцент — см. [Николаева 1982]), тем не менее известное «разделение труда» имеет место.

Комбинации функциональных значений и соответствующие комбинации интонационных элементов весьма разнообразны, и одна и та же цепочка слов может интонироваться многими способами. Приведем для примера огласовки словосочетания *когда приедет Наташа*:

(6) А. — **Когда (/=) приедет *Наташа (=)*? (о приезде Наташи до этого речи не было)

Б. — [*Когда приедет *Наташа (/)*] (нпр)? (повтор вопроса) *В среду*.

(7) — [**Когда (/=) приедет Наташа — я не понял*] (нпр)? (партнер только что сообщил о приезде Наташи)

В данном случае после подъема тона на слове *когда* высокий уровень тона сохраняется до конца предложения.

(8) — Ты **когда* \ мне позвонишь? Когда придет **Ната/ша*?

(9) — **Когда* /= придет Наташа? (удивленный переспрос)

В данном случае тон поднимается до сверхвысокого уровня, который сохраняется до конца предложения.

(10) — [*Когда-**когда/= придет Наташа] (нпр, Б)? (переспрос из-за неразборчивости речи; буква «Б» означает быстрый темп реплики)

(11) А. — Нина возвращается в среду.

Б. — А **когда* /= придет **Ната=ша*? (сопоставительный вопрос — ИК-4 в системе Е. А. Брызгуновой)

(12) — Мы туда пойдем, когда придет Наташа.

— А **когда* \ придет Наташа?

Это далеко не все возможные варианты огласовок данного словосочетания, но и они достаточно убедительно демонстрируют значимость интонации.

2. Канонические вопросы (основные типы)

В идеале тот фрагмент синтезирующей модели для речи, который описывает появление в тексте вопросительных конструкций (и, в частности, их интонационные огласовки), должен опираться на некоторую «грамматику незнания», т. е. на исчисление возможных типов неполноты знания, которые могут осознаваться говорящим и побуждать его задавать вопросы. Естественно, это предполагает достаточно разработанную модель сознания говорящего, но такая модель только еще начинает создаваться. Поэтому при выяснении пространства возможных вопросов приходится идти от замеченных вербальных (в частности, интонационных) различий к их когнитивному истолкованию. Ввиду слабой изученности просодии (до сих пор неясна даже необходимая степень подробности фиксации просодических различий) такой подход содержит риск серьезных пропусков.

При содержательной характеристике вопросов мы исходим из следующих допущений:

а) знания говорящего имеют регуляризованную структуру (фреймы и сценарии, отражающие микро- и макроситуации и события);

б) имеется некоторая правильная структура знаний, ее нарушение есть «незнание»; существует много разновидностей незнания;

в) всякое незнание интерпретируется как отсутствие однозначного заполнения некоторой семантической роли: соответствующая позиция либо вовсе не заполнена, либо имеет гипотетическое заполнение, требующее верификации;

г) пространство исходных альтернатив может быть устроено двумя способами:

— в число альтернатив входят лишь *да/нет* в отношении данной гипотезы (вопрос типа P/-P),

— данная гипотеза есть лишь одно из возможных заполнений недоопределенной позиции (вопрос типа P/Q);

д) в формировании вопроса может играть роль установка на субъективность/объективность ответного сообщения: в 1-м случае важно мнение партнера, во 2-м — сам факт (см. противопоставление модальной и диктальной установки в [Арутюнова 1976]);

е) гипотеза о заполнении позиции снабжена оценками: эпистемической (степень правдоподобия) и аксиологической (степень желательности).

Мы условно разделяем основные типы канонических вопросов (п. 2) и их разновидности (п. 3). В 1-ю группу попадают такие классы, которые различаются когнитивными функциями, во 2-ю — классы, которые различаются иллокутивными, оценочными и фазовыми характеристиками. Фокусная и структурная функции рассматриваются параллельно с анализом основных типов.

2.1. Специальный вопрос

Эта конструкция используется обычно при отсутствии заполнения одной (или нескольких) семантических ролей во фрейменекоторой ситуации. Соответствующая роль указывается вопросительной компонентой, которая состоит либо из одного вопросительного местоимения (*кто, сколько* и т. д.), либо включает и другие слова. Вопросительная группа идентифицирует более или менее широкую область незнания, но не указывает возможного претендента-заполнителя.

Вопросительное местоимение, как правило, несет нейтральный нисходящий акцент:

(13) А. — *Я продал эту книгу.* В. — **Кому\ ты ее продал?*

Если вопросительная часть выражена словосочетанием и в нем имеется еще один акцент, то наблюдается композиция акцентов:

(14) А. — *Иванов устроился в общежитии.*
В. — В **како/=м *бло=ке его поселили?*

Акцент может содержаться также в невопросительной части, где он вводит «тему» вопроса. Если вопросительное слово и тема расположены близко, их акценты сливаются в единую фигуру:

(15) — **Когда/= он *вернулся=?* (о возвращении не было до этого речи)

Если тема удалена от вопроса, то композиция маловероятна:

(16) — **Кому\ ты опять отдала *Булга\кова?*

Интересно, что в случае специального вопроса иллокуция выражается не интонацией (выделительный акцент иллокутивно полифункционален), а лексическими средствами.

Отметим, что специальный вопрос используется не только для указания незаполненной позиции в микроситуациях (на поверхностном уровне это выглядит как вопрос к «члену предложения»). Другие его функции:

а) указание отсутствующих фрагментов базы знаний, которые могут иметь сложное строение и требовать для своего заполнения развернутого описания, например:

(17) — *Что/= с тобой *случи\=лось?

б) указание невозможности отождествить вербальный знак либо наблюдаемый объект:

(18) — *Что/= это за *живо\=тное?

Как видим, интонационное оформление таких вопросов не отличается никакими особенностями.

Если акцентированная тема выносится в начало предложения, то происходит его интонационное «расщепление» — композиционное соединение акцентов здесь невозможно:

(19) Вы в *Тела\ви *когда\ поедете?

Отметим, что первый акцент имеет здесь несколько большую амплитуду понижения тона, чем второй.

2.2. Общий вопрос типа +P/-P

Эта конструкция используется для предъявления слушающему такого гипотетического заполнения недоопределенной позиции, когда в число исходных альтернатив входят *да/нет* в отношении данной гипотезы. Имеется две разновидности этой конструкции: с частицей *ли* и без нее. Наличие *ли* обнаруживает установку на объективность сведений (ожидание факта, а не мнения). Отсутствие *ли* указывает скорее на нерелевантность категории объективности-субъективности, чем на установку субъективности.

2.2.1. В конструкциях без *ли* иллюкутивное содержание речевого акта реализуется нейтральным восходящим тоном:

(20) — Он приезжает во *вторник?

Вопрос может относиться не только к терминальному члену, как в (20), но и к группе; в таком случае восходящим тоном оформляется последний ударный слог составляющей:

(21) — Он приезжает [во вторник *ве/чером]?

(22) — Он, наверное, [готовится к экзаменам в *универси/тет]?

Такая группа произносится слитно, в быстром темпе, внутри нее невозможна паузация, а все словесные ударения, кроме конечного, ослаблены. Все эти средства подчеркивают просодическую нерасчлененность группы.

Общий вопрос, как и специальный, может иметь акцентированную тему. Однако этот акцент обычно не соединяется с восходящим тоном вопроса в единую фигуру:

(23) — Ты *лю\бишь *му\зыку? (тема «музыка» до этого отсутствовала в общем поле зрения)

Вынос темы вперед не меняет тональную огласовку составляющих:

(24) — Ты *му\зыку *лю\бишь?

Отметим, что общий вопрос в функции специального имеет обычное тональное оформление:

(25) — *Далеко\ едете?

2.2.2. Появление *ли* в составе общего вопроса приводит к замене восходящего тона нисходящим:

(26) — *Вернул\ся ли он оттуда?

Если вопрос относится к группе, то *ли* ставится после первого слова группы, которое при этом получает акцент; конечное слово также получает акцент, причем акценты композиционно объединяются:

(27) — *Гото\=вится ли он к *экза=\менам?

Независимые предложения с *ли* не отличаются по форме от вставленных предложений (косвенных вопросов) типа:

(28) — Я хочу *спроси\ть, *гото\=вится ли он к *экза=\менам?

Отметим, однако, что второй из этих вопросов произносится в более низком регистре тона, чем первый.

2.2.3. Вместо общего вопроса часто используется комбинация специального и общего вопросов: 1-й называет незаполненную позицию, 2-й — гипотетический заполнитель:

(29) — Он *где\ родился — на Северном *Кавка\зе?

(30) — Где он *учи\лся — на *филфа\ке?

2.3. Общий вопрос типа P/Q

Исходными альтернативами такого вопроса являются: данное гипотетическое заполнение/иное (не названное) заполнение. Вопросительные конструкции типа P/Q впервые отмечены в работе [Баранов, Кобозева 1983] под названием «вопросы с неингерентной темой». В рассмотренных там примерах вопрос относится к составляющим высших рангов: предикатным группам или целым предложениям. Это, по сути, означает, что целью вопроса является верификация всего фрейма как такового. В работе указана типичная функция таких вопросов — выяснение причины какого-то другого события:

(31) — Я вчера видел в мебельном магазине *Ивано\вых. Они *что\ — [получили новую *кварти\ру] (В)?

(32) — Что *случи\лось? [Иван *Ива\нович заболел] (В)?

Из транскрипции видно, что вопросительная компонента произносится на средне-высоком уровне тона. Восходящий тон помещается на последнем ударении в предикатной составляющей и на последнем ударении подлежащей группы в синтаксической составляющей.

Если предикатная составляющая выражена одним лишь глаголом, то может использоваться восходящий тон двойного интервала при нейтральном базовом уровне:

(33) — Я вчера видел на улице *Ва\ню. Он что — *вы\здоровел/ *вы\здоровел?

Однако вопрос о причине — лишь один из случаев вопроса типа Р/Q. Другой частый случай — верификация предикатов, выраженных глаголами несовершенного вида с узуальным (общефактическим) значением:

(34) — Ваш ребенок в морозы — *гуля\ет?

Ср.:

(35) — А где ваш *Ми\тя/? *Гуля\ет?

(36) — Он у вас *че\м занимается — прыгает с *вы\шки?

Вопросы типа Р/Q могут относиться и к составляющим низких рангов. В этом случае используется конструкция с отрицанием:

(37) — Он случайно не во *вто\рник приехал?

(38) — У тебя там не *орфогра\фический словарь лежит?

В вопросах рассматриваемого типа с *ли* также может использоваться увеличенный интервал тонального акцента:

(39) — Что-то он бледен. *Гуля\ет ли он?

(40) — Его все нет. Не *заблуди\лся ли он?

(41) — Его все нет. Не *поше\л ли он в *кино\?

Отметим, что конструкция с *не... ли* часто используется скорее как побуждение к совместному обсуждению гипотезы, чем просто требование информации, т. е. гипотеза как бы объективизируется.

2.4. Дизъюнктивный вопрос

Различие установок спрашивающего относительно возможных альтернатив при заполнении пробела в знаниях проявляется и в дизъюнктивных вопросах. Если в качестве исходных альтернатив рассматриваются *да/нет* в отношении данного факта, то используется комбинация одинарных тоновых интервалов (восходящий плюс нисходящий):

(42) — *Он *уе\хал или *оста\лся?*

Если же в качестве исходных альтернатив выступают два разных факта, то используется высокий регистр тона:

(43) — *Он [в *ля\тницу или в *суббо\ту] (В) придет?* (как в общих вопросах типа P/Q):

Такой же сдвиг вверх базового тона происходит в случае, когда вопросительная компонента выражена группой:

(44) — *Он *где\ работает — [в университете *Дру\жбы] (В) или [в институте *Пу\шкина] (В)?*

В обоих рассмотренных типах дизъюнктивных вопросов говорящий выясняет, какая из двух возможностей имеет место. Встречается, однако, еще один тип вопросов с *или* — когда выясняется правильность заполнения всего пространства возможностей для данной роли. В сущности, это общий вопрос типа P/Q с той особенностью, что факт выражен дизъюнкцией гипотетических заполнителей. В таких конструкциях сочиненная компонента с *или* интонируется как нетерминальная группа в обычном общем вопросе:

(45) — *Он *когда\ приезжает — в субботу или *воскресе\нье?*

Ср.:

(46) — *Они когда\ не работают — в субботу и *воскресе\нье?*

2.5. Контрастивный вопрос

Под этим названием условно объединяем три разновидности вопросов, имеющих следующие общие свойства: они выражают те или иные контрастивные отношения и используют особую тембровую огласовку.

Рассмотрим сначала общие вопросы без *ли*:

(47) — *Вы именно во **вто\rник приехали?*

На слух может показаться, что контрастивность выражается увеличением тонального интервала акцента, однако это не так: контрастивность выражается артикуляционным жестом опускания гортани, приводящем к спектральному изменению акцентированного гласного. Контрастивный акцент обозначаем ниже двойной звездочкой перед словом.

В контрастивных вопросах верифицируемая гипотеза противопоставляется всем прочим потенциальным возможностям («P, и ничто другое»).

В *ли*-вопросах контрастивность выражается конструкциями с союзом *но*. В них верифицируется такое гипотетическое заполнение некоторой позиции, которое противоречит заполнению другой позиции во фрейме или сценарии:

(48) А: — *Он *все *реши\л. Б: — Но **ве\rно ли?*

Контрастивность в специальных вопросах обычно сочетается с контрастивными лексическими показателями (*а, но, же*):

(49) — *Та-ак, значит ты не *бу\дешь ждать. А кто же **бу\дет ждать?*

2.6. Сопоставительный вопрос

Ситуацию, связанную с сопоставительным вопросом, можно описать следующим образом. Говорящий сравнивает два сходных по ролевой структуре фрейма; в одном фрейме заполнены все позиции, а в другом есть незаполненная или гипотетически заполненная позиция; имеется частичное совпадение в заполнении позиций, причем одно из расхождений принимается за фокус сопоставления фреймов.

Интонационное оформление соответствующих вопросов видно из следующих примеров:

(50а) А: — *В театре они были во *вто\rник.*

Б: — [*А на *вы\ставке когда были*] (В)?

(51а) А: — *В театре мы уже были.*

Б: — *А на *вы\ставке — *бы\ли?*

Как видим, при диктальном сопоставлении используется повышенный регистр тона, тогда как при модальном — нейтральный регистр.

Общей особенностью здесь является оформление фокуса сопоставления с помощью контрастивного акцента. В специальном вопросе, кроме того, отсутствует акцент на вопросительной части, тогда как интонирование общего вопроса стандартно.

Рассмотрим теперь неполные варианты этих вопросов:

(50б) ... — [*А на *вы\ставке*] (В)?

(51б) — [*А на *вы\ставке*]?

Тональное оформление фокуса специального вопроса здесь не меняется, тогда как в общем вопросе восходящий тон опущенной вопросительной части заменяется восходящим акцентом на конечном слоге тематической части.

3. Разновидности канонических вопросов

3.1. Иллокутивные разновидности

а) Утверждение-вопрос:

(52а) — *Он ведь *прие\хал, не та\к ли?*

(52б) — *Ты ведь *прие\дешь, пра\вда?*

Здесь происходит слияние падающего тона утверждения и восходящего тона вопроса, причем в (52а) сильнее выражена компонента нисходящего тона утверждения, в (52б) — восходящего тона вопроса.

б) Вопрос-побуждение. Здесь также есть две разновидности. Если сильнее императивная составляющая, то имеем «полуприказ» (нейтральный регистр тона):

(53) — [*Мы ведь с вами завтра *встреча/емся*] (НТР)? *Верно?*

Если сильнее вопросительная компонента, то имеем просьбу (повышенный регистр тона):

(54) — [**Оста/нься со мной, *ла/дно*] (В)?

Эта конструкция часто используется как чисто побудительная:

(55) — [*Вы не *передади/те мне *со\ль*] (В)?

в) От побудительных вопросов следует отличать вопросы на побуждение (в первых побуждение касается адресата, во вторых — автора вопроса):

(56) — [**Закры/ть дверь*] (Н)?

(57) — [*Не *подари/=ть ли ему *щелка=|*] (Н)?

(58) — [**Купи/=ть или не *покупа=|ть*] (Н)?

От соответствующих неимперативных вопросов они отличаются низким уровнем базового тона.

3.2. Модальные разновидности

а) Эпистемическая установка говорящего (представление о правдоподобии того или иного факта) в процессе дискурса может вступать в противоречие с сообщаемыми сведениями. Это рассогласование заставляет дать оценку конкурирующим альтернативам. Она выражается особыми огласовками вопросов, направленных на получение дальнейшей информации по поводу когнитивного конфликта.

Удивление есть как бы простое отражение аффективного состояния, возникшего в результате резкого несовпадения ожидаемого и сообщаемого. Выражается подъемом до высокого уровня всего предложения:

(59) — [*Он *бы/л там*] (В)? *Невероятно!*

(60) — [**Где/= ты его *ви=|дел*] (В)?

Недоумение содержит элемент признания новой информации. Выражается обычно конструкцией с *неужели*, произносимой в нейтральном регистре тона:

(61) — **Неуже/=ли они *встреча=|лись?*

Неполный вопрос реализует эту фигуру на одном слове — со сдвигом восходящей части сложного акцента на начало слова:

(62) — **Не/=уже=|ли?*

Сомнение содержит элемент отрицания новой информации. Выражается обычно конструкцией с *разве*, акцентное оформление которой совпадает с тем, которое используется в обычном общем вопросе:

(63) — *Разве они *встреча/лись?*

Однако возможна и другая тональная огласовка — низкий базовый тон:

(64) — [*Разве они в *состоя/нии это сделать*] (Н)?

Очевидно, в этом варианте отрицательная установка сильнее.

б) Рассмотрим теперь влияние аксиологической установки на интонирование. Когда имеет место конфликтный диалог, говорящий может задать вопрос, форма которого указывает на презумпцию неприятия предполагаемого ответа. В этом случае используются обычные тональные средства, на которые, однако, накладывается фонация «скрипучего» голоса:

(65) — [*Вы считаете это *необходи/мым*] (СКР)?

(66) — [*А что бы **вы/сделали*] (СКР)?

Несколько иной способ используется для демонстрации ожидания неприятного ответа. Здесь используется специфическое сочетание скрипучего голоса с особой артикуляционной позой (в транскрипции мы ее не отмечаем):

(67) — *И ты, конечно, *не устоял* (СКР)?

Как кажется, нет специальных средств отражения позитивной установки, которые входили бы в вербальную интонационную систему. Позитивная установка отражается паракоммуникативными средствами, которые здесь не рассматриваются.

3.3. Фазовая характеристика

Вопрос может содержать показатель «незавершенности» — он сообщает о том, что данный фрагмент есть часть большего фрагмента и продолжение следует. Типичный случай — вопрос к бессоюзно сочиненной группе:

(68) — *Вы *что\ собираете? *Детекти-ивы (=), *путешие-ествия (=), *кла-ассику (=)...*?

Открытость сочиненного ряда символизируется здесь удлинением акцентированных гласных.

Специфическую огласовку имеет сочинение местоимений в риторических вопросах типа:

(69) — **Ка\к, *где\, *ке\м допущена ошибка?*

Другой случай — конъюнкция реальных вопросов:

(70) — *Расскажите мне о себе все. * Когда\ и *где\ *родили\сь? *Когда\= приехали в *Москву=? *Где *учи\=ли=/сь?*

Здесь восходящий тон служит показателем незавершенности серии вопросов (фазовый показатель), а не иллокутивным маркером.

Серия вопросов со стороны одного из партнеров может ощущаться как сочиненный ряд и в том случае, когда они перемежаются ответами:

- (71) А. — *В доме *е\сть оружие?* Б. — **Да\, *е\сть.* Б. — **Когда\ оно *появило\сь?...*

4. Вопросы с цитацией

4.1. Наиболее употребительный тип таких вопросов — повторы. Повторы могут иметь разные функции в речевом взаимодействии, однако в их тональном оформлении имеется общность: все они, подобно фактическим вопросам, имеют повышенный, а не нейтральный базовый тон.

Повтор утверждения в вопросе может иметь целью заставить утверждавшего оценивать адекватность своего высказывания и либо подтвердить его, либо изменить:

- (72) — *И после *э\того *о\н *вы\бежал* (НПР). **Та\к* (НПР, В)?

Поясним, что напряженный голос указывает на цитацию говорящим слов партнера.

Точная цитация предшествующего утверждения в вопросе не обязательна, может цитироваться даже невербализованная часть актуализованного знания:

- (73) — *Иначе *говоря\, [ты *вы\играл *миллио\н]* (В, НПР)?

Заметим, что интонирование вопроса к любой цитате, в том числе не взятой из данного дискурса, осуществляется таким же образом:

- (74) — *Что, [*близок *локоть да не *уку\сишь]* (НПР)?

Повтор вопроса используется как чисто риторическая фигура и имеет два просодических компонента: напряженную фонацию, символизирующую повтор реплики партнера, и восходящий тон на конечном слове группы, указывающий на иллокуцию повторяемой реплики:

- (75) А. — **Где\= эта *улица\=?* Б. [*— Где эта *у\лица*] (НПР)? *Не знаю.*

Аналогичным образом оформляется общий уточняющий вопрос, который «цитирует» опущенный элемент предшествующего запроса:

- (76) А. — *Ты *ко\нчил читать?* Б. — **Достое\вского* (НПР, В)?

Обратим внимание на то, что по уровню базового тона повторы совпадают с вопросами типа P/Q.

4.2. Если слушающий почему-либо не отождествил сообщения (либо недослышал, либо не знает слова), он использует переспрос с редупликацией вопросительного слова (*что-что, кому-кому* и т. д.).

Первая часть такой редупликации имеет нисходящий акцент, а вторая — восходящий. При переспросе используется также «напряженный» голос и ускоренный темп произнесения (Б).

Переспрос может относиться ко всей фразе.

(77) — *Что\-*что/= вы сказали (НПР, Б)?

Пример частичного переспроса:

(78) А. — Я уезжаю в Телави. Б. — *Куда\-*куда/= (НПР, Б) уезжаешь?

Заметим, что в таких случаях сохраняется высокий уровень тона после подъема на второй части редупликации.

Литература

- Арутюнова 1976 — Арутюнова Н. Д. Логические теории значения // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976.
- Баранов, Кобозева 1983 — Баранов А. Н., Кобозева И. М. Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. № 3. 1983. С. 263—274.
- Брызгунова 1977 — Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. М., 1977.
- Грамматика-82 — Святогор И. П. Вопросительные предложения // Русская грамматика. Т. 2. 1982.
- Кодзасов 1977 — Кодзасов С. В. Измерение основной частоты при исследовании интонации // Публикации ОСИПЛ. 3. М., 1968.
- Кодзасов, Кривнова 1977 — Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Фонетические возможности гортани и их использование в русской речи // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.
- Николаева 1977 — Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.
- Николаева 1982 — Николаева Т. М. Семантика акцентного выделения. М., 1982.
- Светозарова 1982 — Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л., 1982.
- Торсуева 1974 — Торсуева И. Г. Теория интонации. М., 1974.
- Цеплитис 1974 — Цеплитис Л. К. Анализ речевой интонации. Рига, 1974.

Глава 3

Заметки о просодии отрицательных и конфликтных реплик

1. Неопозитивное и оппозитивное отрицание

1.1. Два типа рематических огласовок

Имеется два варианта реализации выделительного (громкостного) акцента на реме высказывания: единичный дыхательный толчок (громкостная «одноморовость» ниже обозначается цифрой 1 при акцентированной гласной) и двойной толчок («двуморовость» помечается цифрой 2). Одноморовость является показателем неопозитивной идентификации термина при заполнении семантико-синтаксической позиции, двуморовость — показателем оппозитивного выбора термина. Приведем примеры этого различия в неотрицательных высказываниях. Напомним, что выделительный акцент мы обозначаем звездочкой перед словом.

- (1) — *Кого ты советуешь пригласить?*
 - а. — *Ивано1ва, конечно.
 - б. — Можно *Ивано2ва. Он *подхо2дит.
- (2) а. — *Собрание состоится *за1втра.*
б. — *Лучше собраться *за2втра.*
 - а. — Они *наверняка1 пошли *гуля1ть.
 - б. — *Наве2рное, они пошли *гуля2ть.
- (3) а. — *Они практически *одина1ковы.*
б. — *По-моему, они *одина2ковы.*
- (4) а. — *Точь в *то1чь *ма1ть.*
б. — *Мне кажется, она больше похожа на *ма2ть.*
- (5) а. — *Он *вечно *пья1н.*
б. — *По-моему, он *пья2н.*

Различие одноморовости/двуморовости акцентированных гласных хорошо видно на графиках звуковой волны для примеров 3а и 3б. (Рис. 1)

Покажем теперь на примерах 6—11 аналогичные просодические различия отрицательных высказываний:

- (6) — *Можно Иванова?*
 - а. — *Его сегодня *не1т — он по пятницам не *рабо1тает.*
 - б. — *А он по пятницам не *рабо2тает.*

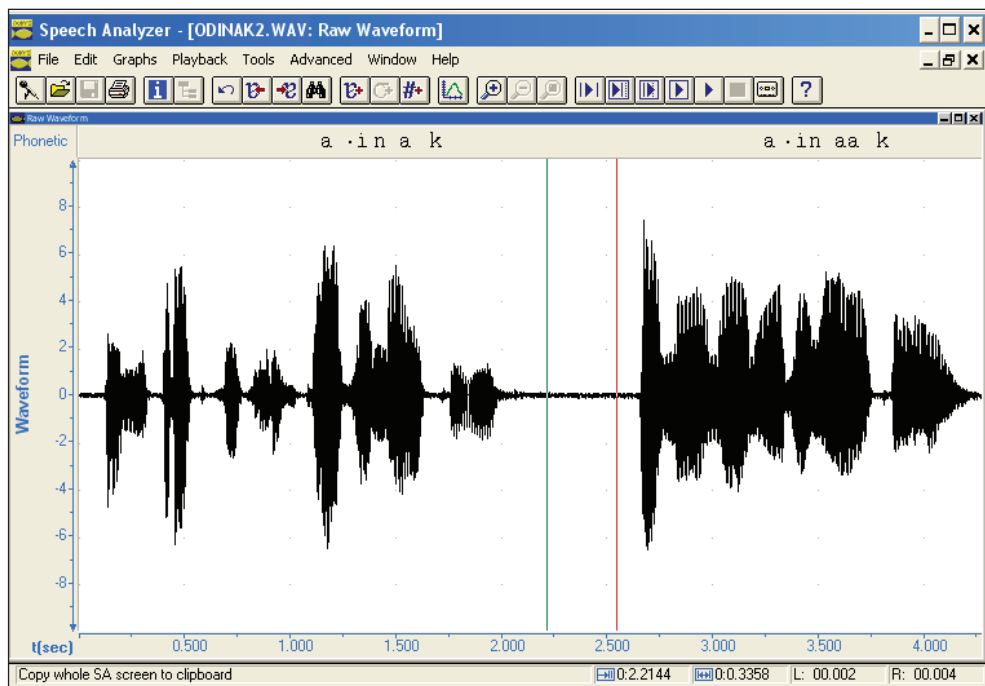

Рис.1

- (7) а. — *Эту проволоку стоит *купить — она не *гнеИтся, не *ломаИется.*
 б. — *Что-то она не *гнеИтся.*
- (8) а. — **Учтите, что лифт не *рабоИает — *отключиИли.*
 б. — *А *лифт-то — *не рабоИает.*
- (9) а. — *Ты *напрасно к нему *обраИаешься. Он не *слыИшит.*
 б. — **Чего ты к нему *обраИаешься? Он же не *слыИшит.*
- (10) а. — *Сбегай в *магаИин — у нас нет *маИсла.*
 б. — *Мне кажетсЯ, нужно добавИть *маИсла.*
- (11) а. — **Нет, это никак не *двоИйка.*
 б. — *Все-таки, пожаИлуй, это не *двоИйка.*

Характерно различие в жестовом сопровождении этих высказываний: обычно наблюдается специфическое «мотание» головой в случаях б.

Оппозитивное отрицание часто сопровождается фокализацией — парадигматической (контраст) или синтагматической (противоречие) [Кодзасов 1990]. Они используют разные просодические техники: просодия контраста (КОН) — импульсное опускание гортани на речатическом акценте, просодия противоречия — высокий регистр тона на речатическом акценте (ВТ).

- (12а) — *Возможно и *другоИе пониманиИе.*
 (12б) — *Но ведь возможно *иноИе (КОН) пониманиИе, не так ли?*

(13а) — *Он не *согла1сен.*

(13б) — *А *он (ВТ) — *возража2ет (ВТ).*

Возможно и совмещение двух фокализационных техник:

(14) — *А я и не *собира2юсь (КОН, ВТ) ему помочь.*

1.2. Несимметрия отрицания хорошего и плохого

Отрицание хорошего неоппозитивно. Об этом свидетельствует просодическая огласовка соответствующих реплик — одноморовость и особая техника подавления полноты артикуляции и громкости звучания («антифокализация»): *нехоро1ший, неу1мный, небога1тый, немолодо1й, некраси1вый, неинтере1сный*, а также: *глу1ный, бе1дный, ста1рый* (объективная оценка плохого). Возможно также добавление скрипучей фонации (СКР), которая используется как показатель субъективной отрицательной оценки:

(15) — *Зачем тебе такой муж — *неу1мный, *небога1тый, *немолодо1й (СКР)?*

Напротив, отрицание плохого оппозитивно. Этому соответствует просодическая огласовка высказывания: две вокалических моры и фокализация (просодия контрастности): **неглу2ный, *небе2дный, *неста2рый, *недорого2й (КОН)*. Такова же огласовка актуальной положительной оценки производных прилагательных: **хоро2ший, *у2мный, *бога2тый, *молодо2й, *краси2вый, *ре2дкий (КОН)*.

(16) — *Почему бы тебе за него не выйти? Он *у2мный, *бога2ый (КОН).*

Таким образом, русский язык имплицитно принимает немаркированность отрицательной оценки и маркированность положительной оценки состояния дел в мире.

1.3. «Констативное» (внеличное) отрицание существования

Для отрицания существования характерно отсутствие выделительного (громкостного) акцента и двуморовости гласного. Здесь используется лишь фразовое ударение (знак `). Эта огласовка типична для отрицания наличия или существования.

(17а) — *Здесь его `нет.*

(18а) — *Такого `слова в русском языке не `существует.*

(19а) — *`Волков у нас не `водится.*

Однако такого рода высказывания могут использоваться полемически. В этом случае они принимают выделительный акцент, причем обычно двуморовый, и произносятся на маркированно высоком регистре тона (вплоть до фальцета — знака противоречия):

(17б) — *А здесь его *не2т (ВТ).*

(18б) — *Но ведь такого слова в русском языке не *существу2ет (ВТ).*

(19б) — *Волков у нас не *во2дится (ВТ).*

2. Возражение и несогласие

2.0. Вступление: транскрипционные обозначения

Напомним сначала об обозначениях просодических техник экспрессивной интеракции и их функциях:

НГ (низкое положение гортани) — контрастивность;

ФД (форсированное дыхание) — агрессивность;

НПР (напряженные голосовые связки, часто в сочетании с высоким регистром тона — В) — повтор, возврат к антецеденту, настойчивость;

РСЛ (расслабленные голосовые связки, обычно в сочетании с низким регистром тона — Н) — уступительность;

СКР («скрипучий» голос) — отрицание;

М — медленный темп рефлексивного высказывания.

2.1. «Мягкий» конфликт (упрек и реакция на него): участник дискурса исправляет ошибку партнера, третьего лица или собственную ошибку.

2.1а. Прямой упрек (в адрес 2-го лица) и реакция на него:

(1а) — *Ты напрасно это сделал* (В, НПР)!

(1б) — *Да, ты прав* (Н, РСЛ).

(1в) — *Нет, ты не пра2в* (В, НПР).

Упрек в адрес 3-го лица и рефлексивный упрек:

(1в) — *Напра'сно он это сде'лал* (Н)! (' — знак глоттализации)

(1г) — *Напра-асно я это сделал* (Н, М)!

2.1б. Упрек в форме недоумения:

(2а) — *Заче/-м ты его пригласи-л* (В)? *Я тебя не понимаю.*

(2б) — *Заче/-м он меня пригласил* (Н, М)?.. *Ума-л не приложу* (Н).

(2в) — *Заче/-м она его пригласила* (В, М)?.. *Непонятно* (Н).

2.2. «Средний» уровень конфликта

Рассмотрим отдельно три области конфликта: поведение, знания и оценки.

Поведенческие установки (причины, цели, способы достижения целей):

(3а) — *Сколько раз тебе говорить! Не ходи туда* (НГ, ФД, НПР, СКР)!

(3б) — *Ты бы лучшие дома (НГ) посидел, чем шлендать по улице.*

Знания (ошибки в знании фактов и их связей):

(4а) А. — *Неуже/-ли ты этого не зна-л* (НГ)? Б. — *Откуда мне это знать* (НПР, В)?

(4б) А. — *Разве ты этого не зна/л?* Б. — *Да не\т, не зна\л* (Н, РСЛ).

(5) А. — *Он что — кончил университет?* Б. — *Как бы не так* (В, НГ)! *Не кончал он никакого университета!*

(6) А. — *Наверное, это Ваня сломал велосипед.* Б. — *Приче/-м тут Ва\ня* (В, НПР, СКР)?! *Ваня тут не при чем* (ГН).

Оценки (значимостная, эпистемическая, аксеологическая):

- (7) А. — *Иванов приехал*. Б. — *А на/м-то что до его приезда* (СКР, НПР)?
 (8) А. — *Тебе какой — я/блочный или сли\вовый?* Б. — *Да не все ли равно* (НГ, НПР, В)?

3. Агрессивные возражения

3.0. Напомним о характеристиках интерактивной «игры» по Э. Берну (Games People Play): 1) поведенческий акт является косвенным («буквальное» значение его формы не соответствует реальной функции); 2) целью речевого акта является психологический «выигрыш» у партнера.

Природа «иллокутивного игрового акта» в известной мере аналогична: формальная иллокуция высказывания не соответствует его функции: целью высказывания реально является агрессивный упрек партнера или иного лица, упомянутого в дискурсе. В более привычных терминах можно говорить о «косвенных» речевых актах.

Примеры:

- (1а) А. — *Это приятель тебе подарил?* Б. — *Да какой там приятель* (ФД, НПР)? *Жена* (В, НГ)! (Здесь ФД означает форсированное дыхание — жест агрессии, НПР — знак вербального повтора, а НГ означает низкое положение гортани — знак контрастности.)
 (2а) А. — *Ну, я побежал. Надо Оле помочь*. Б. — *Беги-беги* (ФД, НПР)! *Дома-то у тебя дел нет!*

Ср.

- (2б) ... Б. — *Ну что ж, беги, раз обещал. Хотя и дома есть дела*.
 (3а) А. — *Он сказал, что пошел к экзамену готовиться*. Б. — *Так я и поверил* (ФД, НПР).
 (3б) А. — *Он сказал, что пошел к экзамену готовиться*. Б. — *Вряд ли это правда* (СКР).

Ясно, что формальные типы высказываний: вопрос, побуждение и утверждение в приведенных выше ответных репликах не являются реальными речевыми действиями. Во всех случаях просодические огласовки этих реплик служат средством указания на ту или иную дефектность пресуппозиции или содержания предшествующего речевого акта. Рассмотрим более подробно функции конфликтных реакций.

3.1. Конфликтные реакции на утверждения

Указание на неадекватность утверждения:

- (4а) А. — *Это, наверное, Ваня приготовил обед!* Б. — *Да какой это Ваня? Никакой это не Ваня* (ФД, НПР).

- (46) А. — *Ваня вроде бы выздоровел*. Б. — *Да какое там выздоровел* (ФД, НПР)!
- (5) — *Причем тут Ваня* (ФД, НПР)? *Его и близко не было*.
- (6) А. — *Он говорит, что все вернул*. Б. — *Ничего подобного* (ФД)!

В таких репликах используются уже знакомые нам просодические техники: напряженность (НПР) голосовых связок (жест текстового повтора или возврата к референту) и форсированное дыхание через суженную гортань (ФД) (жест отрицательной аксеологической оценки, ср. — *Негодяй! Мерзавец! Подлец* (ФД)!

Пolemическое указание на нерелевантность отрицательной оценки:

- (7а) А. — *А Ваня-то — не пришел!* Б. — *Мало ли что? Может, он не знал* (НПР, В, НГ).
- (7б) А. — *Я вижу, чемодан не новый*. Б. — *Но зато крепкий* (В, НГ)!

Здесь В (высокий регистр тона) указывает на введение в поле зрения «теневого» релевантной информации, меняющей пресуппозиции, а НГ (низкое положение гортани) — на poleмическое введение контрастивной оценки.

Пolemическое указание на нерелевантность обратного решения:

- (8) — *Не идти же пешком* (НПР, В, НГ)!

Отказ в доверии:

- (9) А. — *Он говорит, что скоро вернет деньги*. Б. — *Так я и поверил* (СКР, РСЛ, Н).
- (10) — *Так он и вернет деньги*. *Жди* (СКР, РСЛ, Н).
- (11) — *Как же — поможет он тебе*. *Держи карман шире* (СКР, РСЛ, Н)!

Огласовка во всех случаях: РСЛ (общее расслабление) гортани и надгортанных артикуляторов — игровой жест ложной уступки, при этом СКР (скрипучий голос) — указывает на отрицание предшествующего сообщения. Не столь очевидна здесь функция низкого тона.

3.2. Осуждения

Упрек партнера:

- (12) А. — *Я не знал, что у него проблемы с деньгами*. Б. — *Мог бы догадаться* (ФЦТ, НПР).

Здесь фальцет (ФЦТ) используется как жест полемики, а напряженный голос, видимо, указывает на возврат к проблемной ситуации.

Упрек в адрес 3-го лица или из-за 3-го лица:

- (13) — *Только его здесь нехватало*(НПР). (отсутствие тональных акцентов)
- (14а) А. — *Жалко мне его* (РСЛ). Б. — *Нашел кого жалеть* (НПР, СКР, В)!
- (14б) — *Лучше никого не нашел* (НПР, СКР, В)?

Упрек уступительный:

- (15) А. — *Ваня просил ему тыщу занять. Б. — И ты согласился* (РСЛ, Н) / (НПР, НГ, В)?

Здесь возможны два варианта произношения реактивной реплики: недоуменный и удивленный. Во втором варианте нарушение ожидания маркируется жестом контрастивности — опущением гортани (НГ).

Грубое обвинение:

- (16) — *Ты что — спятил? / — Что ты дурака валяешь* (НПР! — гортанная и консонантная напряженность)?
 (17) — *Какого черта ты туда пошел? / — Черт тебя понес* (НПР!)

3.3. Отказы от предложений (обычно саркастические)

В таких репликах используется обычно стандартная техника возражения: скрипучая фонация (СКР) и высокий регистр тона (В) на акцентированном слове.

- (18) — *Спасибо! Всю жизнь об этом мечтал* (СКР, В).
 (19) — *Щас, побежал* (СКР, В).
 (20) — *А чего я там не видел* (СКР, В)?
 (21) — *Да он мне даром не нужен* (СКР, В)!

3.4. Агрессивные запреты**Псевдоразрешения:**

- (22) А. — *Ваня звонил. Я к нему сбегаю ненадолго.*
 Б. — *Беги-беги* (НПР, СКР, В)! *Только потом не обижа-айся* (РСЛ)(В)!

При типичной огласовке ответных реплик псевдоразрешения высокий тон по уровню близок к фальцетному регистру.

- (23) — *Жди-жди!* (НПР, СКР, В) *Может, дожде-ешься* (РСЛ) (В).
 (24) — *Играй-играй! Доиграешься* (НПР, СКР, В).

Угрозы в реактивных репликах:

В репликах этого типа обычно используются маркированные фонации (напряженная — знак повтора — и скрипучая — жест отрицания).

- (25) — *Ты у меня поговоришь! / Поговори у меня! / Я тебе поговорю* (НПР, СКР)!
 (26) — *Что ты сказал* (НПР, СКР)?!

Кроме того, характерен узкий раствор рта (говорение сквозь зубы) — жест агрессии.

3.5. Риторическое использование иллокуций как средств «нападения»

- (27) — *Ты что — веришь в его порядочность* (ФЦТ — фальцетный регистр)?
(28а) — *Это ты называешь «помог»* (НПР, ФЦТ)?
(28б) — *Он помо-ожет* (НПР, НАЗ, НГ)!
(29) — *Ой, как вы нас испугали* (СКР, НПР, Н)!
(30) — *А тебе когда-нибудь что-нибудь нравилось* (РСЛ) (СКР)?

Во всех этих предложениях маркированные фонации указывают на риторическое использование формальных иллокуций: как вопросы, так и восклицания используются как фигуры полемики.

3.6. Заключительные замечания к параграфу 3

а) Замечательно богатство фонетической техники, используемой для оформления конфликтных речевых актов: используются все интегральные просодические средства (регистр тона, состояние голосовых связок и гортани, позовые различия голосового тракта) и многие их комбинации.

б) Допускается только актуальное использование иллокутивных игровых жестов. Синтаксическое вставление невозможно, например фраза — *Ты у меня поговоришь!* не может быть помещена в контекст сообщения: *— *Он сказал, что я у него поговорю.*

в) Необходимо указать на индивидуальные различия в использовании игровых конфликтных реплик: далеко не все носители языка их активно применяют.

4. Отказ от конфликта (дистанцирование)

Специфические фразы с семантикой демонстративного дистанцирования оглашаются только по типу констативного (неопозитивного) отрицания — монотонно и безакцентно.

- (31) — *Бог ему судья.*
(32) — *Это не мое дело. / — Это нас не касается. / — Наше дело сторона. / — Мы тут не при чем. /*
— *Нас, пожалуйста, не вовлекайте.*

Однако существуют и отказы от предложений с элементом агрессии:

- *Почему бы вам самому этим не заняться* (В, Б, СКР)? / — *Может вы сами этим займетесь* (В)?

Литература*

- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Возражение под видом согласия // Языковая концептуализация мира. М., 1997.
- Величко 1996 — Величко А. В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев. М., 1996.
- Володина 2005 — Володина Г. И. А как об этом сказать? Специфические обороты разговорной речи. М., 2005.
- Кодзасов 1990 — Кодзасов С. В. Интонация контраста и противоречия // Логический анализ языка. Проблема противоречивости текста. М., 1990.
- Смирнова 2001 — Смирнова М. Д. Функции вопросительных слов в возражении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.

Приложение. Список обозначений для экспрессивной просодической техники конфликтных реплик:

- ФД — форсированное дыхание через суженную гортань (жест агрессии);
- НПР — напряженные голосовые связки (*tense voice*) (показатель «повтора», давления);
- РСЛ — расслабленные голосовые связки (*lax voice*) (жест уступки);
- СКР — скрипучий голос (*creaky voice*) (жест отрицательной оценки);
- В / Н — высокий / низкий регистр тона;
- НГ — низкое положение гортани (жест контрастивности).

* Использованная литература послужила источником примеров для просодического анализа отрицательных и оппозитивных реплик.

Глава 4

Интонация предложений с дискурсивными словами*

ГРУППЫ: *ЕДВА, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, ВООБЩЕ, СОВСЕМ, ПРЯМО*

Исследование интонации предложений с дискурсивными словами осуществлялось в тесной координации с работой прочих участников российско-французского проекта «*Дискурсивные слова русского языка*». Предполагалось, что интонация наряду с другими «внешними» характеристиками (порядок слов, синтаксические функции, лексическая сочетаемость) является важным показателем, позволяющим отделить закрепленные в языке модификации исходного значения лексемы от окказиональных контекстных вариантов. Поэтому собранные массивы примеров на подзачения дискурсивных слов были подвергнуты проверке на единообразие интонационных огласовок, что в некоторых случаях привело к более дробным разбиениям. Однако в большинстве случаев интонационные данные лишь подтвердили адекватность уже имевшихся классификаций.

Вместе с тем различие установок привело к неполной тождественности нашего членения тому членению, которое читатель обнаруживает в других главах книги. Это не удивительно: их авторы ориентируются в первую очередь на «глубинные» (семантико-прагматические) факторы, тогда как автор настоящего раздела — скорее на «поверхностные». Отсюда, в частности, использование грамматико-синтаксических категорий при характеристике подзачений. В ряде случаев отличается и порядок их анализа.

Используемая нами система описания и транскрибирования интонации имеет некоторые особенности, не вполне стандартна и трактовка интонационных функций. Это заставляет предпослать настоящей главе краткое введение.

Введение

В функционально ориентированном описании интонации естественно отделить акцентный компонент, поскольку размещение выделительных акцентов в предложении и степень выделенности акцентированных членов определяется в основном логико-коммуникативными факторами. Что же до конкретной просодической реализации выделения (направление тонального смещения, регистр тона,

* Статья опубликована в сб.: Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993. В текст работы внесены незначительные изменения.

громкость и др.), то она связана в первую очередь с модально-иллокутивными характеристиками фразы. Это различие удобно выразить технически разным положением транскрипционных знаков. Сравните:

- Он купил *велосипед (\).*
*Он купил *велосипед (/)?*
*Он *купил (/) велосипед?*

Здесь знак * указывает место нейтрального выделительного акцента, обусловленное коммуникативной структурой предложения. Обычно оно совпадает с местом тонального акцента. Ниже будет использоваться также знак ** — для контрастивных акцентов. Фразовые ударения (в различении выделительных акцентов и фразовых ударений мы следуем за Т. М. Николаевой [Николаева 1982]) обозначаются верхней запятой. Знаки \ и / указывают направление тона, обусловленное иллокутивно-фазовыми характеристиками предложения. Знак /\ указывает на тональную конфигурацию «восходящий — ровный высокий — нисходящий». Знак /- указывает на сохранения высокого уровня тона после подъема, а знак -\ на падение с высокого уровня.

Рассмотрим кратко основные функции интонации и средства их реализации. Мы привлекаем здесь лишь те сведения, которые релевантны для анализа предложений с дискурсивными словами описываемых групп.

Прежде чем рассмотреть семантическую мотивацию акцентуации, необходимо сообщить фоновые сведения о ее связях с формально-синтаксической структурой фразы. Смыслы, которые выражаются акцентами, в общем случае относятся не к отдельным словам, а к составляющим любого иерархического ранга, вплоть до предложения. Если составляющая, которая входит в сферу действия акцента, неоднословна, то ее члены объединяются вокруг акцентированного слова в ритмическое целое. Приведем пример последовательного расширения акцентированной составляющей:

- А. — *Когда она придет?* В. — **(Во *вторник). / *(В ближайший *вторник). / *(Когда вернется Иван *Иванович).*

Получает составляющая акцент или нет, зависит от коммуникативных факторов (см. ниже). Но коль скоро она акцентирована, встает вопрос о размещении акцента в группе. Оно подчиняется строгим правилам. В каждой бинарной составляющей известен член, принимающий акцент [Ковтунова 1976].

Например,

- буду *читать* А_{ux} + *VP
*читать *статью* VP + *NP
*твою *статью* Ad_j + *NP.

Вложение составляющих дает предсказуемый результат:

- А. — **Что ты собираешься *делать?*
 Б. — **(Буду *(читать *(твою *статью)).*

Изменение порядка слов не меняет акцентуацию:

*Буду *статью твою читать. / *Статью твою читать буду.* и т. д.

Эти примеры показывают ролевую, а не позиционную мотивацию размещения акцента в группе. Она проявляется и при акцентуации тематических групп:

— *Ты (*статью мою читать) — *собираешься?*

В общем случае рема не имеет акцентной специфики, отличающей ее от темы. Она отличается лишь теми интонационными характеристиками, которые связаны с иллокутивными и модальными смыслами, поскольку эти смыслы реализуются на рематической составляющей.

Из классических коммуникативных категорий для акцентуации важны лишь категории актуализации: новое обычно получает акцент, тогда как старое его не имеет. Ср. огласовки новых и старых тем:

— *Можно позвонить *Иванову. В это время он обычно *дома.*

А. — **Иванова — *можно позвать?* Б. — *А Иванов *уехал. /- А аспиранты сегодня на *картошке.*

Из этих примеров видно, что актуализованность может быть обусловлена дейктически (отсутствие акцентов на *в это время, сегодня*) и что актуализованность индивидуального объекта (*Иванов*) индуцирует актуализованность множества (*аспиранты*), которому он принадлежит.

Рематическая группа всегда содержит новый элемент, но может включать и старое. Если старым оказывается тот член, который в общем случае должен был бы получить акцент по синтаксическим правилам, то акцент смещается с него на новое:

— *Не *трогайте ее. Это *злая собака.*

Вслед за Арутюновой [1988] мы различаем два компонента значения предикатной группы: пропозициональное содержание (диктум) и верификативную «связку», определяющую отношение пропозиции к действительности (модус). Ремой может быть как пропозициональный, так и верификативный компонент смысла:

А. — *И как же поступил Ваня?* Б. — **Уехал.*

А. — *Ваня уже уехал?* Б. — **Уехал.*

В первом случае мы имеем дело с неопределенным множеством пропозициональных альтернатив, во втором — с выбором *да/нет*. Акцент верификативного (модального) утверждения реализуется с большей степенью просодического выделения, чем акцент пропозиционального (диктального) утверждения: падение тона идет с более высокого уровня и происходит внутри гласного (в акценте пропозиционального утверждения тон падает с самого начала слога). В данном тексте мы для простоты не отмечаем в записи это различие.

Различие диктальной и модальной ремы имеет более ясное акцентное проявление в случае наличия актанта при предикате: первая имеет акцент на актанте (до сих пор мы рассматривали такие случаи), тогда как вторая — на предикатной вершине:

- *Что Ваня *делает — стирает *рубашки?
- *Как Ваня — *постирал рубашки?

Особые законы акцентуации действуют в ситуации сопоставления: одинаковое не акцентуируется, разное («фокус сопоставления») получает акцент. При этом категории старого/нового не влияют на распределение акцентов:

*Они *всем отличались: он был *высокий, она *низкая, у него были *темные волосы, у нее *светлые, у него *мягкий характер, у нее *злобный.*

При сопоставлении возможно повторение ремы, акцент в этом случае оказывается на частице, вводящей этот повтор:

- А. — *Петя собирается в *кино.* Б. — *Мы *тоже хотим в кино.*

Не следует отождествлять сопоставление с контрастированием: контрастирование является особым случаем сопоставления [Кодзасов 1990]. Обычно сопоставление не предполагает контраста:

- *Они *близки по возрасту: ей *восемнадцать, а ему *двадцать.*

Контрастивность возникает в двух случаях. Во-первых, при сопоставлении полярных свойств (онтологический контраст):

- *Сестра у него *бедная, а вот брат — **богатый.*

Во-вторых, при отмене ложной презумпции о заполнении некоторой смысловой позиции (эпистемический контраст):

- *Это вовсе не *Петя. Это **Ваня.*

Знак ** (двойная звездочка жирным шрифтом) указывает на специфическую просодическую выделенность контрастивного акцента: она состоит в увеличении громкости и длительности, а также — важнейшая особенность — изменении тембра гласного, связанного с опусканием гортани.

Отметим также, что кроме описанных выше синтаксических и коммуникативных законов на распределение акцентов могут влиять и риторические факторы. В частности, некоторая неоднословная составляющая (иногда целая фраза) может подвергнуться пословному акцентированию, что отражает ее высокий информационный ранг в глазах говорящего либо служит средством риторического давления на слушателя:

- **Сколько *раз *тебе *говорили: *выключай *свет, *когда *уходишь.*

В случае парентез наличие на них акцента (и локализация во фразе) определяется тем, выносит говорящий их на первый план сообщения или помещает «в тень»:

— *По-моему, этого не *следует делать.

— *Этого, по-моему, не *следует делать.

Для дискурсивных слов рассматриваемых групп собственно тональные параметры интонации не имеют существенного значения и будут рассмотрены очень кратко. Нисходящий акцент это, как известно, обычный акцент ремы утвердительного предложения. В случае настойчивого утверждения или утверждения с высокой степенью уверенности может использоваться нисходящий тон увеличенной амплитуды изменения:

— *Это нужно поручить именно **Иванову (\).

Аналогичным образом раздваивается и восходящий тон. Одинарная амплитуда восхождения используется в немаркированных вопросах без вопросительного слова, двойная амплитуда — в удивленных вопросах:

— Это сделал **Иванов (/)? Не может быть.

Как известно, восходящий тон используется также для маркировки нефинальных акцентов — тематических, где восхождение есть просто адаптация к последующему падению, и «фазовых», где он указывает на разрыв предложения (акцент «незавершенности»). Во втором случае восхождение не всегда сопровождается последующим падением тона (знак (/) в нашей транскрипции).

Обычно два соседних акцента компонируются в единую фигуру: восходящий + ровный высокий + нисходящий (обозначение /-). Такая фигура типична для групп с оценочными наречиями и прилагательными (когда оценка осуществляется текущим образом в акте речи):

— *Смотри-ка, она *прекрасно *выглядит (/^-).

В данном случае транскрипционный знак /- относится к тональной фигуре, объединяющей два слова. Иногда слова, несущие тональные изменения, разделены другими словами. В этом случае возможно раздвоение интонационного обозначения:

— Смотри-ка! *Прекрасно (/^-) Марья Ивановна *выглядит (-).

Фигура /- может подвергаться трансформации: после восхождения в высоком регистре следует медленное скольжение вниз, а затем падение тона в низком регистре обозначение (/B-H):

— В *самом *деле (/B-H), не следует ему полностью доверять.

Такое противопоставление тональных уровней скомпонованных акцентов используется как риторическое средство. Также и единичные акценты могут иметь высокоуровневые и низкоуровневые варианты: (\B) — падение тона в высоком регистре, (/H) — подъем тона в низком регистре и т. д.

Возможно и еще более сильное смещение акцентов по тональному уровню — в область сверхвысокого (фальцетного — Ф) регистра и сверхнизкого регистра (гор-

танная «вибрация» — Вб). Обычно такая трансформация используется в полемических целях — в репликах возражения:

А. — *Иванов *решил задачу*. Б. — *Не только *Иванов (\Вб), но и *Петров (\Ф)*.

Однако такая огласовка возможна и без полемики — при констатации некоторого объективного противоречия:

— *Уже совсем *поздно, а *светло (\Ф)*.

В выражении модальных смыслов большую роль играют также «фонации», т. е. маркированные качества голоса: напряженность (НПР), «скрипучесть» (СКР) (см. [Кодзасов, Кривнова 1977]). В частности, скрипучий голос маркирует отрицательную аксиологическую оценку:

А. — *Ты пойдешь с нами?* Б. — *Неохота* (СКР).

Не все акценты имеют тональную составляющую. Если акцент выражен только громкостью, то она обозначается знаком + перед акцентированным словом:

— *Тебе +кто-то *звонил (\)*.

Кроме акцентных компонентов интонации мы будем также обозначать обязательные паузальные разрывы — с помощью вертикальки:

— **Действительно (/), | в *доме никого не *оказалось*.

Укажем, наконец, на общую редукцию, которая может сопровождать произношение некоторых слов в низком (разговорном) стиле речи:

— *Ты, по-моему (Р), неправ*.

Здесь особенно интересна редукция, связанная не только с ускорением темпа и ослаблением артикуляции, но и со специальным артикуляционным жестом — уменьшением раствора рта независимо от темпа речи. Такая растворная редукция (Рр) маркирует семантический разрыв с исходной лексемой:

— *Ну ты, брат (Рр), скажешь!*

В качестве материала ниже использованы короткие фразы, в основном представляющие собой значительно упрощенные образцы из собранного участниками проекта корпуса примеров. Такого рода адаптация (она не влияла на однозначность прочтения фразы) связана с удобством инструментального исследования. Все предложения были записаны в произношении двух дикторов (автора настоящей главы и молодой москвички, студентки филологического факультета МГУ). Существенных различий в интонационных огласовках выявлено не было. Компьютерный анализ интонационных параметров осуществлялся с помощью системы CECIL (Summer Institute of Linguistics, USA). В нашей транскрипции для простоты отмечается лишь релевантная для изложения часть интонации.

Группа *ЕДВА*

ЕДВА

1А. Указание на близость модусной границы предиката — со стороны «да»-модуса. *ЕДВА* синтаксически присоединяется к глагольной группе. При активном предикате акцент получает как предикатная группа, так и *ЕДВА*:

— Мы *едва успели на *поезд (/^-).

Как видим, восходящий акцент на *ЕДВА* компонируется в единую фигуру с конечным нисходящим.

При стативном предикате акцент на *ЕДВА* скорее отсутствует:

*Ботинки едва *налезли (\).

1Б. В случае глаголов чувственного восприятия возможно два варианта произношения:

— Говори *громче! Я тебя *едва*слышу (/^-).

— Я тебе *перезвоню, а то я тебя едва *слышу (\).

В обоих случаях акцентируется предикатная вершина, тогда как *ЕДВА* может иметь акцент (этот восходящий акцент компонируется с конечным нисходящим) или не иметь его. Наличие/отсутствие акцента на *ЕДВА* связано с уровнем риторической активности говорящего.

Естественно ожидать его понижения в случае нарративного текста:

Тропинка была едва 'заметна, так что 'идти нужно было 'осторожно.

Здесь знак ' указывает на наличие фразового ударения, т. е. наиболее сильного ударения в группе слов. Такое ударение не следует отождествлять с выделительным акцентом, который реализуется громкостным толчком (в разграничении фразового ударения и выделительного акцента мы следуем за Т. М. Николаевой).

Более редкое употребление — указание на минимальную степень или минимальную способность активности. Как правило, имеет место безакцентное произношение *ЕДВА*. При этом рема получает не выделительный акцент, а фразовое ударение:

Он мне едва 'кивнул.; Он едва 'ходит.

Союзное употребление *ЕДВА* (= КАК ТОЛЬКО) вводит деепричастный оборот или первое предложение в составе сложного:

*Едва войдя в *комнату (/^-), он рухнул *на (-) пол.*

**Едва (/) Иванов приступил к *работе (/), *начались (/^-) *разногласия (-).*

Наличие/отсутствие акцента на *ЕДВА* определяется риторической установкой говорящего. В то же время акцент на вводимой группе обязателен, причем внутри группы он ставится на предикатной составляющей. Внутри последней он помещается в конечной позиции, что соответствует синтаксическим правилам расстановки

акцентов при стандартном порядке слов. Если же имеет место инверсия порядка, то обычно происходит расщепление синтаксического и фазового акцентов: первый сохраняет свое место при актанте или сирконстанте, тогда как второй присоединяется к конечному слову:

*Он едва в комнату *вошел (/), сразу *на (\) пол грохнулся.*

Возможно и опущение акцента на неконечном слове:

Он едва из больницы 'вышел (/), сразу на 'работу (\).

ЕДВА... НЕ

Указание на близость модусной границы предиката — со стороны «нет» — модуса. Часто действие не контролируется субъектом. Интонационное оформление подобно описанному для *ЕДВА*:

— *Ты *едва не разбил* вазу (/^\).*

Мы однажды едва не 'утонули (\).

Как кажется, постановке акцента на *ЕДВА* способствует контролируемость осуществления действия субъектом:

*Мы их *едва не застали*врасплох (/^\).*

Размещение акцента в предикатной группе идет по синтаксическим правилам — инверсия порядка на него не влияет:

— *Ты 'едва 'вазу (/^\) не разбил.*

ЕДВА ЛИ

Эпистемическая оценка события (= *ВРЯД ЛИ*). Обычно употребляется актуально — как акт негативной оценки вероятности наступления события. «Скрипучая» фонация иконически выражает отрицательную аксиологическую оценку:

— *'Едва (СКР) ли он успеет во время.*

Оцениваемая предикация безакцентна, если введена ранее. Она может быть и вовсе опущена:

А. — *Как ты думаешь, он успеет?* Б. — *'Едва (СКР) ли.*

Однако *ЕДВА ЛИ* может вводить и новую предикацию, которая получает акцент. В этом случае *ЕДВА* не имеет акцента и выполняет скорее функцию «модального» слова:

А. — *Может быть, он ночевал в квартире сестры?*

Б. — *У него едва ли есть 'ключи.*

Обратим внимание на ослабленность акцентуации в предложениях с *ЕДВА ЛИ*: здесь скорее используются фразовые ударения, чем выделительные акценты.

ЕДВА ЛИ НЕ

Сочетание близкой к окончательности эпистемической оценки (почти уверенность) и почти предельности (или полной предельности) онтологической семантики (значения всеобщности, единичности, начала, конца, предельной близости/дальности и т. п.). Оцениваемая группа всегда акцентна, тогда как наличие акцента на *ЕДВА* связано с риторической активностью говорящего:

- *Так можно отвергнуть *едва ли не любое *предложение (/^-).*
- *Он прибежал едва ли не *последним (\).*

ЕДВА-ЕДВА

Риторически усиленный вариант *ЕДВА*. Крайнее приближение к границе положительного модуса. Обязательный акцент на первом компоненте редупликации:

- *Он 'едва-едва 'ходит (/^-).*

ЕЛЕ

Подобно выражению *С ТРУДОМ*, эта лексема определяет предикаты результативного действия. Сходны и огласовки этих лексем. В полном стиле акцент на *ЕЛЕ* обязателен:

- *Он шел так быстро, что я его 'еле 'догнал (/В^-Н).*

В низком стиле возможна безакцентная реализация:

- *Упрямый как черт. Я его еле 'уговорил (\).*

1. (= *ЕДВА*)

- *Не могу разглядеть. Они 'еле 'видны (/^-).*
Из-за тумана дома были еле 'видны.
Книги еле 'поместились.

2. (= *ЕДВА 3*)

- *Он еле 'ходит.*

3. Близко к *ЕДВА 4*. Однако употребляется лишь в низком стиле. Обязательно безакцентно.

- *Утром еле 'встал (/), сразу на 'работу (\).*

ЕЛЕ-ЕЛЕ1. (= *ЕДВА-ЕДВА*)

- *Он 'еле-еле 'ходит (/^-).*

2. В сочетании с предикатами результативного действия имеет значение «с большим трудом». Напряженная фонеция иконически выражает этот смысл:

— Я его 'еле-еле 'убедил (/В-^Н) (НПР).

Если предикатный смысл актуализован ранее, то нисходящий акцент с глагола перемещается на вторую часть редупликации:

— Долго я с ним спорил. 'Еле-'еле убедил (/В-^Н) (НПР).

С ТРУДОМ

1. Близко к *ЕЛЕ*. Определяет предикаты результативного действия. Акцент обязателен:

Транспорт почти не 'ходил, и я с 'трудом добрался до 'дома (/^-).

2. Если предикат выносится в тему, тональная огласовка *С ТРУДОМ* меняется:

Транспорт почти не 'ходил, и я добрался до 'дома с 'трудом (В).

3. По семантике близко к части употреблений *ЕДВА* 3. Однако обязательно наличие выделительного акцента на *С ТРУДОМ* и характерна тональная фигура восходящий — ровный — нисходящий:

*Он с *трудом ворочает *языком (/В-^Н).*

4. Близко к части употреблений *ЕДВА* и *ЕЛЕ*:

Кепка налезла с 'трудом.

ЧУТЬ

1. Наречное употребление (= *НЕМНОГО*, *СЛЕГКА*). Обычно безакцентное произнесение частицы и использование фразового ударения, а не выделительного акцента:

Противник чуть 'замешкался.

'Вторая картина была чуть 'лучше.

Однако повышенный уровень риторики может приводить к выделительному акцентированию *ЧУТЬ* и контрастному сдвигу уровней тона:

**Чуть *позже (/В-^Н), пожалуйста!*

2. Употребление близко к *ЕДВА*. Однако *ЧУТЬ* употребляется лишь со страдательными причастиями, причем обязательно безакцентно:

Дул легкий теплый ветерок. Чуть 'слышная 'музыка (/^-) доносилась из окна.

3. Союзное значение — минимальная реализация условия, вызывающего некоторое событие. Безакцентность *ЧУТЬ* также обязательна:

Чуть 'ветер (/) — 'яблоки сыпались 'дождем (\).

ЧУТЬ ЧТО

Идиоматическое сочетание: при любом, даже минимальном поводе (ср. второе подзначение **ЧУТЬ**). Идиоматична и интонация этого выражения:

Чуть 'что (\В) — он принимался 'хохотать.

ЧУТЬ НЕ

1. = **ЕДВА НЕ**

Я чуть не 'опоздал (\).

В прошлый раз мы их 'чуть не 'поймали (/^\).

2. Компонент клишированных оборотов для выражения высокой степени эмоций:

*Он *чуть не *подпрыгнул (/В-^Н) от удивления.*

В этом случае используются выделительные акценты. Характерно также использование риторически маркированного тонального контура.

3. = **ЕДВА ЛИ НЕ, ЧУТЬ ЛИ НЕ**

*Они *знакомы чуть (ли) не с *детства (/^\).*

ЧУТЬ-ЧУТЬ

Выступает в двух вариантах — нейтральном и экспрессивном:

*'Чуть-'чуть *ниже. // *Чуть-*чуть (/В-^Н) 'ниже.*

НЕМНОГО

1. Количественное употребление. Акцент на *немного* отсутствует: *Он дал мне немного 'денег.*

2. Адвербиальное употребление. Также отсутствие акцента: *Он немного 'устал.*

3. Предикативное употребление. Акцент модальной ремы: **Денег у него **немного.*

ПОЧТИ

Для всех подзначений характерна безакцентная огласовка частицы и акцент на слове-хозяине:

— *Я уже почти *выздоровел.; — Он почти *всегда так поступает.*

Однако при опущении слова-хозяина в ответе иллокутивный акцент сохраняется на частице:

А. — *Он *выздоровел?* В. — **Почти (\).*

Парный акцент в группе с *почти* возможен лишь в экспрессивных высказываниях:

— Он *заработал (/) | *почти *миллион (/~\)!

Общие наблюдения по группе *ЕДВА*

В большинстве случаев рассмотренные выше слова определяют предикативные группы, имеющие рематический акцент. Распределение этого акцента связано с внутренними свойствами глагольной составляющей и от модификатора не зависит. Также и тональные характеристики этого акцента определяются иллокутивными или фазовыми факторами, которые с дискурсными словами не связаны. Наличие/отсутствие акцента на дискурсном слове определяется несколькими факторами. Первым является его ингерентная акцентогенность: в частности, *ЧУТЬ* безакцентно, а *С ТРУДОМ*, напротив, требует акцента. Это различие требует дальнейшего исследования, оно объясняется, очевидно, глубинным различием коммуникативных функций. Другой фактор — риторическая активность говорящего. Она может зависеть от окказиональных условий речи, от текущих установок или личностных особенностей говорящего, которые не поддаются в общем случае контролю исследователя. Однако интересна явная тенденция к корреляции риторической активности с семантической активностью разных типов предикатов. В общем случае стативные предикаты, особенно страдательные причастия, как бы понижают риторическую активность для рассматриваемых групп в целом, тогда как предикаты действия, особенно результативы, ее повышают. Максимальная риторическая активность связана с экспрессивными выражениями.

Группа *ДЕЙСТВИТЕЛЬНО*

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО

1. Иллокутивная парентеза в составе высказываний, подтверждающих рему предшествующего утверждения. Возможные огласовки отчасти обусловлены модальностью/диктальностью ремы. При модальной реме интонационная схема такова: громкостный акцент на *ДЕЙСТВИТЕЛЬНО* и акцент выбора на реме.

— **Действительно, он **вернул деньги.*

При более активной риторике акцент выбора повторяется на *ДЕЙСТВИТЕЛЬНО*, которое при этом отделяется паузой:

— ***Действительно (\),| они **давали (\) мне такое поручение.*

Если парентеза находится в неначальной позиции, то она скорее безакцентна:

— *Он, действительно, **вернул (\) деньги.*

При диктальной реме возможны огласовки первого и третьего типов:

- **Действительно, он был **дома.*
- *Он, действительно, был **дома.*

Что касается риторически маркированного варианта, то он имеет иной вид:

- *Он **действительно был **дома.*

2. Парентеза, вводящая подтверждающий аргумент или сенсорное подтверждение предшествующего высказывания. Здесь нельзя говорить о реме подтверждения: все высказывание выступает как косвенное подтверждение:

- *Звук «ы» *нельзя считать представителем отдельной *фонемы.
*Действительно (/В-Н), он *всегда дополнительно распределен с *«и».*

Здесь восхождение тона происходит на начальном слоге слова *действительно*, а падение — на ударном. Рассмотрим другой пример:

- *Маргарита повернула голову в сад и, *действительно (/-, | *увидела (/-) Николая *Ивановича (-).*

В данном случае используется акцент установки на продолжение (типично наличие паузы).

Действительно встречается также в двух типах вопросов, причем в редуцированной форме (Р), указывающей на несобственное употребление лексемы. Первый случай — повтор агрессивного вопроса:

- А. — *Почему ты мне не позвонил?* Б. — *Действительно (Р), **почему (\) ты не позвонил?*

Здесь вопросительное слово имеет контрастивный акцент.

Второй случай — запрос на подтверждение сказанного собеседником (с двойным интервалом восходящего тона, демонстрирующим удивление):

- *Он что, / **действительно (!) не был дома?*

3. Употребление наречного типа — в значении параметра *Ver* (истинная номинация). Несопоставительный вариант:

- *Это *действительно (/-) *трудный (-) случай.*

Сопоставительное употребление связано с контрастом (противопоставление истинной номинации ложной номинации (или презумпции):

- *В **действительно трудных случаях / такое *лечение не *помогает.*
- *Вот он **действительно (\) беден.*

4. Интерактивная частица низкого стиля речи (аксиологическое отрицание, отказ):

- *Действительно (Р), **глупость какая-то.*
- *Ну уж ты, действительно (Р), **ска-ажешь.*

5. Междометие низкого стиля — с отрицательной аксиологией:

— Действительно (Р, СКР), **раскомандовался здесь!

В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

1. Парентеза, вводящая отрицание ремы только что цитированного сообщения. Интонационная огласовка зависит от диктальности/модальности ремы. Приведем сначала диктальный вариант:

- В *действительности (/Ф), он в это время был **дома.
- А *он (Ф), в действительности, был в это время **дома.

Как видим, при безакцентной реализации лексемы происходит передача фальцетного (Ф) акцента (проявление полемической установки) начальному слову. Диктальная рема в обоих случаях сохраняет акцент выбора. Модальная же рема в подобных случаях получает скорее контрастивный акцент:

- А в действительности (/Ф), он не **вернул (\) деньги.
- *Он (/Ф), в действительности, не **вернул (\) деньги.

В случае диктальной ремы происходит замена информации на онтологически неконтрастивную, тогда как в случае модальной ремы конкурирующие характеристики внутренне контрастны.

2. Парентеза в составе интродуктивной фразы, вводящей альтернативную версию обсуждаемой информации (без вычленения фокуса различия):

- В *действительности (/), | *дело(/) обстояло | *совершенно (/-) *иначе (-).

Огласовка вводимого предложения в данном случае может риторически варьироваться.

В САМОМ ДЕЛЕ

1. Иллокутивная парентеза: подтверждение вызывавшей сомнение информации другого лица на основе независимого опыта. Подтверждаемая рема может быть как диктальной, так и модальной — это не сказывается на интонации:

- Я-то думал, что он меня обманул. Но оказалось, что он в и самом *деле (\Ф) был дома.
- Это показывает, что он и в самом *деле (\Ф) моих стихов не читал.

Здесь отражены безакцентные реализации (старой) ремы. Однако при большей степени риторической активности она может получать акцент. Фальцетность акцента при В САМОМ ДЕЛЕ указывает на внутреннюю полемичность ситуации для говорящего.

2. Парентеза, вводящая аргумент в пользу отвержения некоторой посылки.

- В *самом *деле (/В-Н), | если он хотел вам *помочь (/), то *зачем (/-) было звонить *Иванову (-)?

Интонация вводимой фразы здесь не связана с дискурсивным словом.

3. Интерактивная частица низкого стиля (с отрицательной аксиологией):

- *В *самом деле (Р): *засадили здорового человека в *психушку...*
- **Чего (/-) ты, в 'самом деле (Р), *расстраиваешься (-\)?*

Здесь характерен начальный акцент в рассматриваемой группе при более обычном конечном.

4. Употребление в качестве аксиологически окрашенного междометия:

- *В самом деле (СКР)? Расскажи кому *другому (\).*
- *Ишь ты, в самом деле... (СКР, НПР)*
- *В *самом *деле (/В-Н)! Не сомневайся!*

Огласовки иконически отражают, соответственно, отказ в доверии, осуждение и настойчивое убеждение.

НА САМОМ ДЕЛЕ

1. Парентеза, вводящая отрицание ремы только что сообщенной цитатной информации. Диктальная и модальная рема неодинаковы по огласовке:

- *Он утверждал, что целый день работал. А на *самом (/Ф) деле провел день *за городом (\Н).*
- *Вы говорили, что у вас нет *денег. На *самом (/Ф) деле, деньги у вас **были (\Н). или А 'деньги (/Ф), на самом деле, у вас **были (\Н).*

Как видим, при безакцентности парентезы фальцетный акцент переносится на тему высказывания.

2. Парентеза, вводящая альтернативную возможность (сходно с первым подзначением *В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ*):

- *На *самом деле (/), следовало бы рассмотреть *иные (-\) способы решения.*

3. Интерактивная частица низкого стиля, указывающая на немаркированность некоторой ситуации:

- *Я, на самом деле (Р), жду *комиссии (\).*
- *Ему, на самом деле (Р), ничего не *надо (\).*

Общие наблюдения по группе *ДЕЙСТВИТЕЛЬНО*

Дискурсивные слова этой группы в собственной функции выступают как парентезы, вводящие информацию, релевантную для модусной оценки некоторых предварительно имеющих сведения. При этом есть два случая: релевантна именно рема вводимого утверждения, т. е. информационное действие осуществляется локально, в пределах имеющейся уже предикации, либо вводимое утверждение доставляет дополнительную информацию, косвенно связанную с имеющейся пре-

дикацией. В первом случае дискурсное слово влияет на интонацию вводимого высказывания, во втором нет.

Все члены данной группы, кроме **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО 1**, в собственной функции связаны с полемической ситуацией (говорящий отвергает либо чужую посылку, либо собственное заблуждение). Отсюда использование фальцетных и вибранных акцентов.

Употребление единиц рассматриваемой группы в качестве интерактивных частиц низкого стиля связано с семантическим разрывом с исходной лексемой, что проявляется в вокалической редукции (Р).

Группа **ВООБЩЕ**

ВООБЩЕ 1

Употребления наречного типа. Часто имеет место сопоставительный контекст.

1. Нерасчлененное, цельное представление объектного или предикатного смысла:

— *Я бы хотел заниматься *вообще *лингвистикой (/ \).*

2А. Сопоставление частичной и полной степени отсутствия признака или состояния (= **СОВСЕМ**), обычно дает немаркированный акцент на фокусе:

*У входа горела тусклая лампа, а на *лестнице (/) света не было *вообще (\).*

Однако эта ситуация может осмысляться и как контрастивная:

— *А *мальчиков (/) у них в группе нет **вообще (/B \H).*

Здесь подъем тона происходит на первом слоге слова **ВООБЩЕ**. Такое произношение характерно для конфликтного диалога:

— *А вы **вообще (/B \H) бездетный и молчите.*

2Б. Сопоставление частного и общего может получать нейтральную риторическую интерпретацию (немаркированные акценты на фокусах). При более активной риторике используется сдвиг уровней тона:

*Пили за дам *вообще (/B) и за его жену в *особенности (\H) (пример заимствован из работы [Апресян 1990]).*

Если же такое сопоставление создается полемической репликой, то оно оформляется контрастивным акцентом:

А. — *Почему-то все главные композиторы — немцы.*

Б. — *Немцы **вообще (\) гениальный народ.*

Предложения этого типа легко провоцируют повышенную риторическую активность, проявляющуюся в пословном акцентировании определяемой группы:

*На Западе **вообще (\) *живут (\) *иначе (\).*

2В. Риторический усилитель при «тотальных» местоимениях: *все, всегда, никто* и т. п. Акцентироваться могут оба члена группы:

- **Вообще *все пошло насмарку.*
- *Его *вообще *никто не знает.*

3. Парентетическое употребление. Здесь различается два случая.

3А. **ВООБЩЕ** вводит общее суждение как целое. Огласовка предложения от **ВООБЩЕ** не зависит. В начальной позиции **ВООБЩЕ** имеет восходящий акцент большой амплитуды:

- **Вообще (/), насчет *рек на Западе *слабовато.*

Неначальное употребление безакцентно:

- **На Западе, вообще, много *своих проблем.*

3Б. **ВООБЩЕ** относится к реме высказывания. Предложение служит интродукцией к последующему полемическому ограничению общей характеристики. **ВООБЩЕ** занимает неначальную позицию и безакцентно.

Акцент на реме может получать фальцетную огласовку ввиду антиципации полемического продолжения:

- *Немцы, вообще, *гениальный (\Ф) народ. Но в их *истории немало *мрачных *страниц.*

4. Введение генерической номинации (часто при завершении однородного ряда). Огласовка по типу 3А. Определяемая группа имеет немаркированный акцент:

- Она пообещала *заходить к нему и *вообще (/) *заботиться (\) о нем.*
- Он покупает *продукты (/), гуляет с *детьми (/) и *вообще (/) | *много (/) делает для *дома (\).*

5А. Интерактивная частица низкого стиля — маркер завершения фрагмента дискурса (сниженный вариант 3А):

- *Вообще (Р), *дельный разговор был.*
- *Вообще (Р), надо *пойти туда.*
- *Вообще (Р), *хороший он *парень.*

5Б. Маркер агрессии:

- *Ты, вообще (Р), соображаешь?*

6. Междометие агрессивного осуждения (просторечье):

- *Ну ты *вообще (Р). (Произносится как [ащшее](СКР, ВБР).)*

ВООБЩЕ-ТО

1. Безакцентная парентеза, относящаяся к реме высказывания (близка к **ВООБЩЕ** 3Б). Используется в ситуации сопоставления модусов общей и частной пропозиции. Контрастная огласовка ремы:

- *Вообще-то я **редко (\B) пользуюсь этим удостоверением. Но как раз сегодня оно мне может понадобиться.*
- *Не понимаю, почему его до сих пор нет. Он вообще-то **всегда (/B) приходит **во время (\H).*

2. В низком стиле — безакцентная редуцированная парентеза, относящаяся к высказыванию целиком и не влияющая на его интонацию. Обычно вводит слабое возражение или согласие в условиях наличия проблемы:

- *Вообще-то (P) я не *голоден.*
- *Вообще-то (P) я вас хотел к *себе пригласить.*
- ***Можно (\B), вообще-то (P).*

И ВООБЩЕ-ТО

Сопоставление некоторого признака в общем (умеренном) проявлении и конкретном (крайнем). Использование контрастного перепада уровней тональных акцентов (высокого и низкого). Акценты ставятся на фокусах сопоставления.

- *Он и *вообще-то (\B) не отличался здоровьем, а тут уж и *совсем (\H) разболелся.*

В ОБЩЕМ

1. Парентетическая оценка при реме, которая несет акцент выбора. Рема при этом может быть как модальной, так и диктальной. В несопоставительном контексте лексема безакцентна, в сопоставительном — имеет акцент, компонируемый с рематическим:

- Он *был, в общем, **неплохим (\) человеком.*
- *Пульс был выше *обычного, но в **общем (/-) **ровный (-).*

2. Парентеза, вводящая сентенциальную составляющую. В отличие от **ВООБЩЕ ЗА**, используется в ситуации текущего подведения итогов:

- В **общем (/), | ни к какому *решению (/-) не *пришли (-).*

3. В низком стиле употребляется в двух функциях (огласовка одинакова). Первая — сигнал прекращения фрагмента дискурса:

- *В общем (P), | как *хотите. Мне все *равно.*
- *Были *Иванов, *Петров, *Сидоров — в общем (P), | *обычная *компания.*

Вторая — маркировка нарративных шагов (слово-паразит):

- *В общем (P), *посидели, *выпили и, в общем (P), *по домам.*

В ОБЩЕМ-ТО

1. Близко к **В ОБЩЕМ**. Употребляется обычно в сопоставительных контекстах (сопоставление общей и частной оценки по модусу — прямое или косвенное):

*В *общем-то (/), Редькин был **неплохим (\) человеком. Но ей было с ним *трудно.*

При нена начальном положении частицы она теряет акцент:

*Она считает себя в общем-то **счастливой (\) в своем браке.*

2. Та же самая семантика, но в полемическом контексте (реплика возражения). Здесь имеет место сочетание просодии контрастности и противоречия, распределение которых зависит от наличия/отсутствия акцента на *В ОБЩЕМ-ТО*:

— *В **общем-то это **верно (\Φ), но не все так *однозначно.*

— *Это **верно (\Φ), в общем-то. Но...*

Специфический вариант этого значения — переход от менее слабого к более сильному (как бы более общему) аргументу:

— *Я не *хочу, да и не **могу (\Φ), в общем-то.*

3. В низком стиле — сигнал прекращения дискуссии:

— **Я в общем-то (P) *согласен (\).*

— **Я в общем-то (P) **несогласен (\Φ), но это *неважно.*

Здесь используется специфическая редукция (P) всего слова.

В ЦЕЛОМ

1. Наречное употребление при субстантивах, немаркированный акцент:

*Ему удалось решить *проблему (/) в *целом (\).*

*В *целом по *России (/) | это *огромная (/) *цифра (-).*

2. Парентетическое употребление при модальной реме, отсутствие акцента на *В ЦЕЛОМ*:

**Проблема в целом *решена (\).*

3. Сентенциальная парентеза, может выступать в акцентном и безакцентном виде. На интонацию сентенциальной составляющей влияния не оказывает.

*В **целом (/), это должно принести *облегчение (C).*

**Это, в целом, должно принести *облегчение (C).*

Поясним, что «C\» означает, что тон падает на согласном. Такое таймирование тона характерно для ситуации онтологической заданности разрешения проблемной ситуации.

При эксплицитном сопоставлении возможна контрастная огласовка *в целом*:

— *Были отдельные *стычки. Но, в **целом (/B), *обстановка была *спокойная (/).*

В ПРИНЦИПЕ

1. Наречие в рематической позиции. Возможно нейтральное и контрастное употребление:

- *Пока договорились только в *принципе (\).*
 — *Не *сегодня и не *завтра. Я говорю в **принципе (\Phi).*

2. Парентеза при модальной реме (= В ЦЕЛОМ 2):

**Вопрос в принципе *решен (\).*

3. Сентенциальная парентеза в полемическом контексте. Возможны два варианта построения высказывания:

*В *принципе (\Вб), этот вопрос можно было решить и **раньше (\Phi).*
*Этот *вопрос (\Вб), в принципе, можно было решить и **раньше (\Phi).*

4. Разговорная парентеза, чаще в форме *В ПРИНЦИПЕ-ТО*. Ослабляет полемический пафос. Типичный пример:

***В принципе-то (/В) он *прав (\Н).*

Общие наблюдения по группе *ВООБЩЕ*

Четыре основных единицы этой группы (*ВООБЩЕ*, *В ОБЩЕМ*, *В ЦЕЛОМ*, *В ПРИНЦИПЕ*) в дискурсивном употреблении имеют две основных коммуникативных функции: сентенциальная парентеза и парентеза при реме. В первой функции поведение *В ПРИНЦИПЕ* отличается от поведения других членов группы: лексема употребляется в полемическом контексте и ее огласовка скоррелирована с огласовкой ремы высказывания. Другие члены этой группы имеют одинаковую огласовку (//), совпадающую с огласовкой детерминантов. Во второй функции все члены группы одинаково безакцентны, предшествуя реме, несущей акцент выбора (обычно это модальная рема).

Группа *СОВСЕМ*

СОВСЕМ

1. Наречная функция внутри глагольной группы (= *ПОЛНОСТЬЮ*). Чаще встречается, по-видимому, сопоставительное употребление, при котором *СОВСЕМ* выступает как акцентированный фокус сопоставления. Глагол безакцентен, так как находится вне фокуса:

*Потом солнце *совсем (\) скрылось.*

При несопоставительном употреблении наличие акцента на *СОВСЕМ* связано с риторическим усилением:

*Он *совсем (/) *опустился (\), или Он *совсем (\) *опустился (\).*

2. Наречная функция внутри атрибутивной или адвербиальной группы (близко к *ОЧЕНЬ*). При наличии сопоставления несет контрастивный акцент:

— *А это **совсем хорошо.*

При отсутствии сопоставления акцент стоит на слове-хозяине:

- Он совсем *старый.
- Еще совсем *рано.

3. Междометие осуждения (ввиду поведения, свидетельствующего о дефектности ментального состояния):

- *Ну ты *совсе-ем (ПДХ, НПР)!

НЕ СОВСЕМ

1. Наречное употребление внутри глагольной, атрибутивной или адвербиальной группы (= НЕ ВПОЛНЕ):

- Я тебя не совсем *понимаю.
- Это не совсем *точно.

При большой риторической активности возможен акцент на *СОВСЕМ*:

- Я тебя не *совсем (/-) *понимаю (-).

2. Идиоматическое употребление при глаголах дефектного ментального состояния — как возражение против утверждения, содержащего, по мнению говорящего, презумпцию такого состояния (ср. *СОВСЕМ* 3):

- *Зачем это ему? Он еще не *совсем (/-) *спятил (-).

СОВСЕМ НЕ

1. Крайняя отрицательная точка в градуальном модальном пространстве предикатного смысла. Употребляется в составе как диктальной, так и модальной речевой группы. Наличие/отсутствие акцента на *СОВСЕМ* зависит от уровня риторической активности.

- Я *совсем (/В-) не вижу *Маши (-\Н). Куда она делась?
- Он совсем не *хочет (В\) этого.

В ситуации сопоставления *СОВСЕМ* является контрастивным фокусом:

- А мой *Ваня **совсем (\) не пьет.

2. Настойчивое отрицание предшествующего утверждения или презумпции собеседника (= *ОТНЮДЬ НЕ, ВОВСЕ НЕ*).

- Да он *совсем (//-) этого не *умеет (-\).

3. Если говорящий отрицает собственную презумпцию (она может разделяться партнером), то используется полемическая (фальцетная) огласовка:

- Он совсем не *глуп (\Ф).

И ВОВСЕ

Отрицательный Magn при сочинении.

— *А *третий (/В-) и **вовсе (-Н) был горбатый.*

— *А *сын (/В-) и **вовсе (-Н) виртуоз.*

Риторический эффект усиливается переходом из высокого в низкий регистр тона.

ВОВСЕ НЕ

1. Ближе к *СОВСЕМ НЕ 1*, однако употребляется только в ситуации сопоставления:

— **Я-то его **вовсе (Λ) не знаю.*

— *А уж его *последние работы мне **вовсе (Λ) не нравятся.*

Мотивация использования восходяще-нисходящего тона не ясна.

Вариант *И ВОВСЕ НЕ* используется контрастивно:

— *Он мог ее и **вовсе (Λ) не вернуть.*

2. Ближе к *СОВСЕМ НЕ 2*:

— *Я этого **вовсе (/-) не **говорил (-).*

— *Это *вовсе (/-) не *Иванов (-).*

3. = *СОВСЕМ НЕ 3*:

— **Смотри-ка, он вовсе не так *прост (ΛФ).*

Общие замечания по группе *СОВСЕМ*

Лексемы этой группы по основным употреблением интонационно не отличаются от наречий. Когда они выступают как фокус сопоставления, они принимают акцент (слово-хозяин безакцентно). При отсутствии сопоставления они нормально не несут акцента, получая его лишь в случае риторического усиления.

Группа ПРЯМО**ПРЯМО**

1. Модификатор при обстоятельствах (идея выбора наименее сложного — часто наиболее близкого к оптимальному — способа поведения). Обычен нейтральный акцент на хозяине, а *ПРЯМО* безакцентно:

— *Прямо во *вторник можно позвонить.*

— *Идите прямо к *начальнику.*

Однако возможно и риторически усиленное акцентирование *ПРЯМО*:

— *Он шагал *прямо (/-) по *лужам (-).*

2. Наречие при глаголах речи:

— Скажи мне **прямо* (\)...

3. Компонент экспрессивных сравнительных оборотов со значением максимальной близости к образцу, с которым идет сравнение. Просодически маркируется переломом уровня тона и удлинением гласного:

— *Прямо *вылитый *бра-ат* (/В-\Н).

— *Ходят по улице в трусах — *прямо как в *тро-опиках* (/В-\Н).

4. В низком стиле используется как *Magp* при предикатах эмоциональных и физических состояний:

— *Вы меня прямо* (Pp) **удивляете*.

— *Я прямо* (Pp) *с *ног валюсь от усталости*.

Растворная редукция (Pp) указывает здесь на семантический разрыв с исходной лексемой.

5. Междометие возражения.

— *Ну уж *пря-ямо* (СКР).

Скрипучая фонация выполняет здесь обычную функцию экспрессивного отрицания.

ПРЯМО-ТАКИ

Идиоматическое употребление: истинность номинации при предикатах крайних эмоциональных состояний.

*Он прямо-таки **позеленел* (\) (НПР) *от злости*.

*Он прямо-таки **подпрыгнул* (\) (НПР) *от радости*.

Напряженная фонация, которая обычно маркирует повтор вербальной формы, в данном случае подчеркивает адекватность экспрессивной номинации.

ПРОСТО

1. Как частица эта лексема может иметь любую несентенциальную сферу действия (в случае предикатной ремы — только диктальный компонент смысла):

А. — *Что же он сделал?* Б. — *Просто пошел *домой*.

— *Она предпочитает просто *деньги*.

Внутри тематической группы *ПРОСТО* является фокусом контрастивного сопоставления:

***Просто деньги она не *захочет*.

2. В качестве безакцентного причинного союза вводит сентенциальные или предикатные составляющие.

- Просто Иванов забыл ему *позвонить.
- Просто деньги она не *захочет.

Однако возможно и риторическое усиление, при котором *ПРОСТО* получает акцент, входящий в композицию:

- У него *просто (/) отказала *печень (-\).

Возможна и более высокая степень риторической активности — со сдвигом тональных уровней акцентов (фигура (/B-\H)).

3. Значение параметров *Ver* и *Magp* при качественных оценках:

- Это *просто *великолепно (/ -).
- Он *просто *ребенок (/ -).
- Вы меня *просто *убиваете (/ -).

4. Во втором и третьем значениях *ПРОСТО* может использоваться в низком стиле речи.

В этом случае слово произносится с растворной редукцией, приближающей ударное [о] к нейтральному гласному.

- А. — Ты чего не пришел? Б. — Да просто (P) *голова (\) заболела.
- Просто (P) не *понимаю, *чего ему *надо (/ -).

При известной семантической близости *ПРЯМО* и *ПРОСТО* имеют мало общего в грамматико-интонационной сфере. Лишь низкостилевые употребления этих слов обнаруживают существенную близость в этом отношении.

Литература

- Апресян 1990 — *Апресян Ю. Д.* Типы лексикографической информации об означающем лексемы // Типология и грамматика. М., 1990.
- Арутюнова 1988 — *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М., 1988.
- Ковтунова 1976 — *Ковтунова И. И.* Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Кодзасов 1990 — *Кодзасов С. В.* Интонация контраста и противоречия // Логический анализ языка. Проблема противоречивости текста. М., 1990.
- Кодзасов, Кривнова 1977 — *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Фонетические возможности гортани и их использование в русской речи // Публикации ОСиПЛ. Вып. 8. М., 1977.
- Николаева 1982 — *Николаева Т. М.* Семантика акцентного выделения. М., 1982.

Глава 5

Голос в телевизионной рекламе*

Введение

Звучащая речь — неотъемлемая часть телерекламы. Она может занимать в рекламном ролике небольшое место сравнительно с визуальным рядом и музыкой, сводясь иногда только к «слогану» (финальной реплике, содержащей номинацию товара или фирмы), но она обязательно присутствует. Целью данной заметки является сообщение о наиболее типичных особенностях звучащей речи в рекламе 90-х гг. прошлого века.

У голоса есть разные свойства: встроенные (обусловленные полом, возрастом или индивидуальными особенностями говорящего) и контролируемые (тональные конфигурации, фонации, темпы и проч.). Посмотрим, как они используются в российской телерекламе (анализировалось около 300 рекламных роликов 1997—1998 гг.).

1. Половые характеристики

Во многих случаях половая характеристика диктора предопределена типом рекламируемого товара. Только мужчины рекламируют автомобили, инструменты, смазочные масла, батарейки, мужскую парфюмерию и т. п. Напротив, обычно лишь женщины рекламируют товары, связанные с их личной гигиеной, с уходом за младенцем, женскую парфюмерию и т. п. Примечательно, однако, что здесь уже сказывается иногда маскулинистская ориентация: в рекламе женской парфюмерии нередко участвует мужчина. Характерно также, что женские колготки ОМСА рекламирует мужчина. Пресуппозиция здесь очевидна: парфюмерия и колготки связаны с завоеванием расположения мужчины, и его свидетельство здесь является значимым.

«Бесполое» товары (еда, лекарства, пресса и т. д.) могут рекламироваться обоими полами, однако преобладание мужчин несомненно. Особенно показательно то обстоятельство, что при переменном участии в рекламном ролике мужчины и женщины завершающий слоган обязательно принадлежит мужчине (*Последнее слово за мужчиной!*). Крайнее проявление этой тенденции — участие мужчины в сугубо женских роликах (реклама парфюмерии и памперсов).

* Статья опубликована в книге: Русский язык сегодня. М.: Азбуковник, 2000.

2. Возраст

Возраст диктора во многих случаях естественным образом соотносен с типом товара. Странно было бы участие пожилого диктора в рекламе спортивных товаров или жевательной резинки. Напротив, в рекламе хозяйственных товаров, лекарств или традиционных продуктов питания нередко используются немолодые люди. Презумпция постановщика ролика здесь очевидна — умудренные опытом люди умеют выбирать такие товары лучше. Некоторые ролики прямо построены на исправлении ошибки младшего члена семьи (*Молодо-зелено!*) старшим. Однако в целом молодые дикторы все же доминируют.

3. Регистр голоса

Предпочтение среди регистровых характеристик очевидным образом связано с полом диктора. В наибольшей цене оказывается низкий или очень низкий мужской голос (его диапазон — порядка 150—50 Гц). Особенно внушительно звучит специфический вариант такого голоса, обусловленный, по-видимому, особой постановкой гортани (типа «левитановского» голоса). Показательно частое использование в слоганах сверхнизкого мужского голоса. Приведем для примера огласовку фрагмента фразы *...удерживает ее внутри*, где движение тона осуществляется с 115 до 65 Гц (рис. 1). Еще ниже (до 40 Гц) падает тон во фразе *Новейшие технологии* (рис. 2). (Акустические графики — осциллограммы и кривые тона — приводятся в приложении.)

Мотивация предпочтения очень низкого мужского голоса в рекламе обусловлена очевидным психологическим атавизмом. В общем случае такой голос связан с большим размером тела, а тем самым с физической силой и потенциальной доминанцией. Низкий голос — это голос начальника, авторитета. Характерно частое сочетание высокой общественной позиции с очень низким голосом (Брежнев, Громыко, Ельцин, Примаков, Лебедь). Неслучайно также использование дикторов со сверхнизкими голосами в американских средствах массовой информации. Известно, что на Западе женщинам, попадающим на руководящие должности, рекомендуется понизить регистр голоса.

Однако далеко не все рекламные ролики ориентированы на «внушительность» голоса, нейтральные по регистру мужские голоса также встречаются достаточно часто. Однако обязательным правилом является неиспользование высоких голосов — изготовитель рекламы интуитивно (или осознанно?) отвергает их как легкие. Что касается женских голосов, то не используются оба маркированных регистра (редкие исключения касаются низких голосов).

Интересно отметить, что в науке высокий авторитет ученого совсем не обязательно сопровождается авторитарным типом голоса. Недавно автору данной заметки довелось прослушивать пленки с записью публичных выступлений

В. В. Иванова и А. А. Зализняка. Наиболее удивительной особенностью речи обоих ученых оказалось постоянное использование фальцетного регистра, при том что оба имеют нормально средний регистр тона. Фальцет — это стандартное средство маркировки той информации, которая, являясь релевантной, почему-то выпала (или может выпасть) из поля зрения собеседника или слушателя. Интерактивная установка наших знаменитых ученых состоит не в том, чтобы сообщать непререкаемые истины, а в том, чтобы предупредить неправильное понимание ввиду недоучета каких-то сведений.

4. Фонации

Из контролируемых свойств голоса наиболее активно в рекламе используются фонации, которые иконически отражают эмоции и установки говорящего. Самая частая фонация — придыхание, которое в общем случае маркирует высокую степень как положительного, так и отрицательного аффекта. В рекламе речь идет, разумеется, о восхищении. Чаще «с придыханием» (ПДХ) произносится не весь текст, а только слоган: *АРДО — дом вашей мечты!* (ПДХ). Интересно, что придыхание может выступать не только как интегральный, но и как акцентный признак (завершитель акцентированных гласных): *Дирол защищает ваши зубы с утра до вечера!*. В качестве такого завершителя может выступать и гортанная смычка (ИК-7 в системе Е. А. Брызгуновой): *ОМСА — лучшие колготки!*

Другая употребительная фонация — «расслабленный» голос (РСЛ). Он часто используется в сугубо женской рекламе, иногда в сочетании с придыхательным голосом: *Лореаль Париж! Это достойно вас!* (ПДХ, РСЛ). Функция «расслабленного» голоса в общем случае — это психологическое «поглаживание». В частности, он характерен для ласковой речи матери, обращенной к младенцу. «Поглаживание» потенциального покупателя призвано закрепить в его памяти атмосферу психологического комфорта, ассоциированную с товаром.

Гораздо реже — в сугубо мужской рекламе — используется «напряженный» голос (НПР). Он призван создать ассоциацию с силой, независимостью и другими атрибутами мужественности. Типична, например, огласовка текста рекламы мотоцикла: *Легендарный Харлетт Дэвидсон! Дух свободы!* (НПР). Здесь напряженная фонация сочетается с очень низким регистром голоса.

Специфическая «приглушенная» фонация связана с жанром доверительных сообщений. Она характерна для роликов, выдержанных в стиле советов опытных людей. Антитезой является «крик» — реклама в виде цепочки выкриков, имитирующих экстатическое возбуждение потребителя: *Дубленки на Алексеевской! Круглосуточно! Без выходных!..*

5. Артикуляционная поза

Довольно часто, особенно в рекламе детских и женских товаров, используется интегральное упреждение язычной артикуляции (сопровождается растягиванием губ как при улыбке). Это обычный жест демонстрации положительного отношения к чему-либо, в данном случае к товару. В общении с ребенком упреждение артикуляционной позы может приобретать утрированную форму (особого рода «сюсюканье»). В рекламе используется лишь умеренный вариант этого жеста.

6. Темп

Выгодное рекламодателю ускорение темпа обыгрывается как проявление особых установок говорящего: его стремления поскорее донести партнеру переполняющую его радостную информацию или же передать всю совокупность аргументов в пользу покупки. Однако, как правило, быстрый темп используется только в длинных текстах. В коротких текстах, напротив, чаще используется замедленный темп, придающий весомость каждому слову.

7. Акценты

Акценты в рекламе являются важнейшим просодическим средством, причем активно используются все средства риторического подчеркивания с помощью специфических акцентных средств.

7.1. Тональные акценты

Спецификой рекламы является частое использование восходящего тона для маркировки ремы сообщения: *Неудивительно, что тампоны ОБИ выбирают женщины во всем мире (/)!* (рис. 3); *И только на губах (/h)!* (рис. 4). Обратим внимание на малую интенсивность акцента в последней фразе (реклама помады) — она связана с его придыхательностью.

Восходящие акценты на реме имеют функцию активизации внимания и побуждения слушателя к изменениям установок. Интересно, что такой восходящий акцент на слух отличается от восходящего тона общего вопроса, хотя измерение собственно тональных характеристик отличия не обнаруживает. Разница, как кажется, состоит в отсутствии у побудительного восходящего акцента сопутствующей артикуляционной напряженности. Иногда восходящие акценты этого типа используют фальцетный регистр (Ф), он имеет стандартную функцию полемики с потенциальным оппонентом, упускающим из виду некую важную информацию: *Ваша киска купила бы ВИСКАС (/Ф)!*

Интересно еще одно риторическое средство — растягивание подъема тона на несколько слов (инклинация — ИНК): *...устойчивый тональный крем (ИНК)!* (рис. 5); *...помогает одежде дольше сохранять свой внешний вид (ИНК)!* (рис. 6). В обычной речи инклинация типична для речевого акта убеждения, уговора.

Еще один риторический вариант акцентирования — множественный восходящий тон. В приведенных ниже примерах он представлен как в двух отдельных словах ремы, так и внутри одного слова: *Он справляется (/) со всеми пятнами (/)!* (рис. 7); *Попробуйте (/)!* (рис. 8). Отметим, что повтор восходящего акцента, особенно внутри слова, в обычной речи встречается редко. Гораздо более нормален повтор нисходящего тона, он встречается и в рекламе, в частности, при перечислении: *...воспитание (\), обучение (\), здоровье (\)!* (рис. 9). Падающий тон в сочинительных оборотах характерен для семантики полного покрытия перечисляемого множества.

Из других тональных акцентов, имеющих риторическую функцию, для рекламы характерен акцент «вызова» (термин Е. А. Брызгуновой, означающий восходящий тон на конечном слоге). Он встречается как при обращении к потенциальному слушателю: *Что вы об этом думаете (/)?* (рис. 10), так и в диалогах, вставленных в рекламный ролик: *Я им довольна (/).* (рис. 11).

В некоторых роликах используется пословная акцентуация реплик. В этом случае возможна адаптация тонов соседних слов синтаксической группы друг к другу: за нисходящим следует восходящий, а за восходящим нисходящий: *Тройная (\) защита (/) для всей (/) семьи (\)!* (рис. 12).

Очень активно используется в рекламе и такое риторическое средство, как переключение уровня двух соседних акцентов по типу down-step (первый акцент имеет высокий уровень (В), тогда как второй низкий (Н): *Целый (\В) день. каждый (\Н) день!* (рис. 13); *Газета (/В) «Коммерсант» (\Н)!* (рис. 14).

Характерные огласовки имеют выкрики — древнейший способ речевой активности торговца. Для них типичен восходяще-нисходящий акцент: *Компания Грейвал (\)!* (рис. 15). Заметим, что этот акцент стал ныне нередок и в речи некоторых ведущих информационных программ.

Отметим, наконец, часто встречающийся перенос главного акцента на начальный слог при ослабленности (или полной утрате) акцента на ударном: *Кру/-глосу\|точно!* (рис. 16); *Бе/-сподо-\бный аромат!*.

7.2. Нетональные акценты

В рекламе обнаруживаются и случаи подчеркнуто ровнотонального произнесения, они типичны для реплик восхищенного «балдения»: *Ра-айское наслаждение!; Секрет блаже-енства!* (рис. 17). Темп здесь очень медленный, а акценты реализуются длительностью, а не тоном. Для таких образцов характерны также очень низкий регистр и придыхательность голоса.

Другой тип нетонального акцентирования представляют акценты, сочетающие повышенную длительность с ярко выраженной громкостью. Такие огласовки характерны для некоторых выкриков: — *Алла Пугачева!* (рис. 18).

Условно можно отнести к акцентным средствам и использование усиленных согласных, которое встречается в «слоганах»: *Новейшие технологии!* (рис. 19); *Спрашивайте в музыкальных магазинах!* Необычно высокий уровень интенсивности согласных хорошо виден на осциллограммах.

Заключение

Как видим, голос очень активно используется в рекламе как средство воздействия на потенциального потребителя. Можно выделить несколько целей этого воздействия: привлечение внимания, запоминание, смена функциональных установок, выработка положительной эмоциональной установки и др. Эти цели осуществляются с помощью весьма разнообразных техник, включающих как подбор определенных типов голосов, так и широкое использование просодических средств, связанных с экспрессивными и риторическими функциями речи. Поэтому материал рекламы чрезвычайно удобен для исследования русской просодии. Он обнаруживает огромное богатство просодических возможностей носителя русского языка, которое совершенно не отражается общепринятыми минимализованными инвентарями. Исследование русской просодии во всем многообразии ее функций представляется первоочередной задачей нашей фонетики.

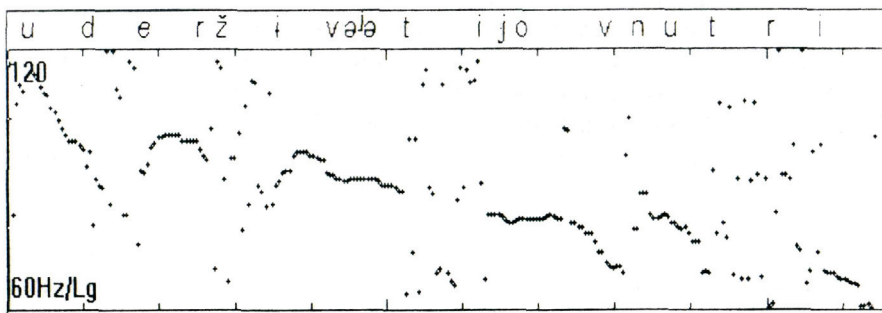

Рис.1...удерживает ее внутри.

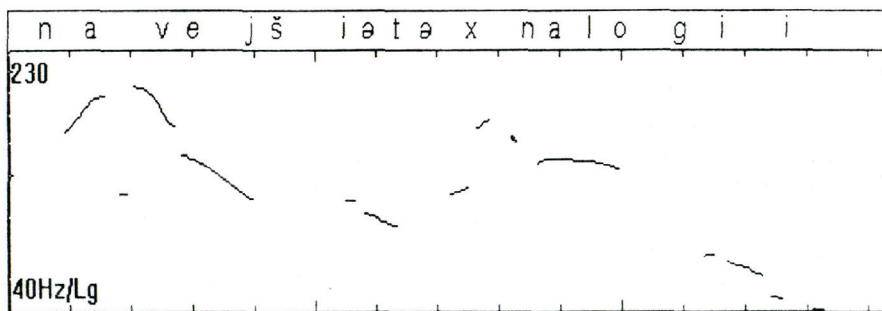

Рис.2. Новейшие технологии!

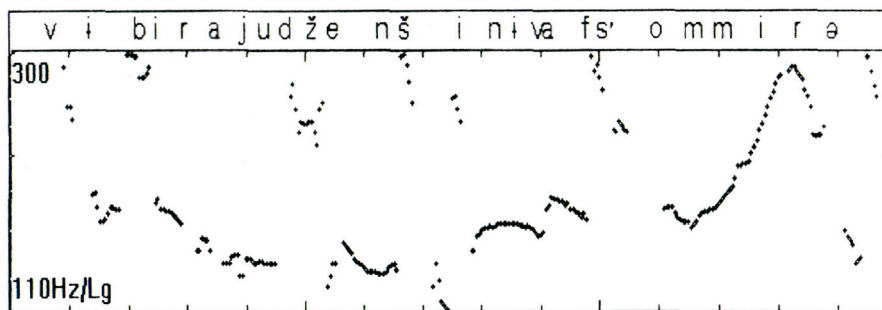
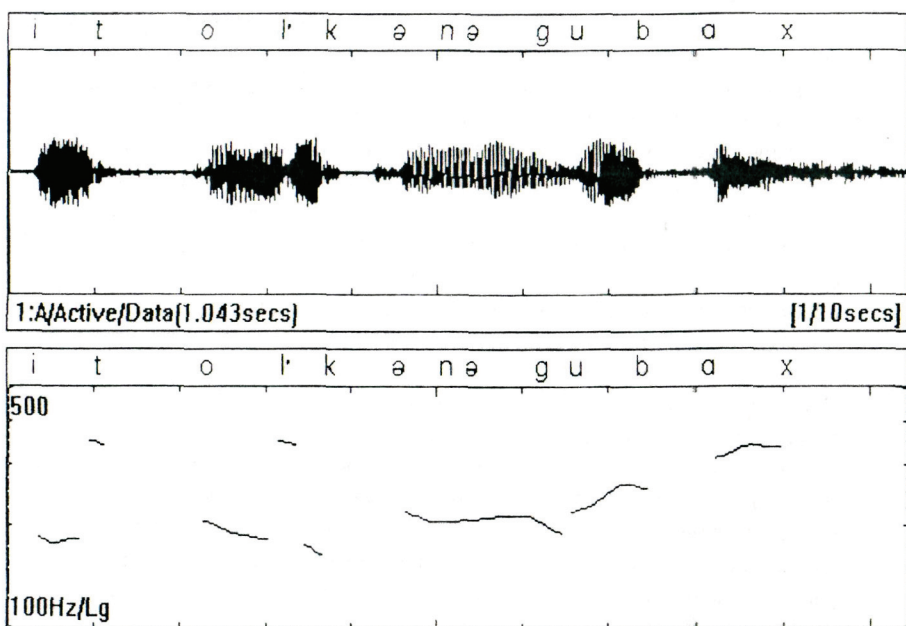
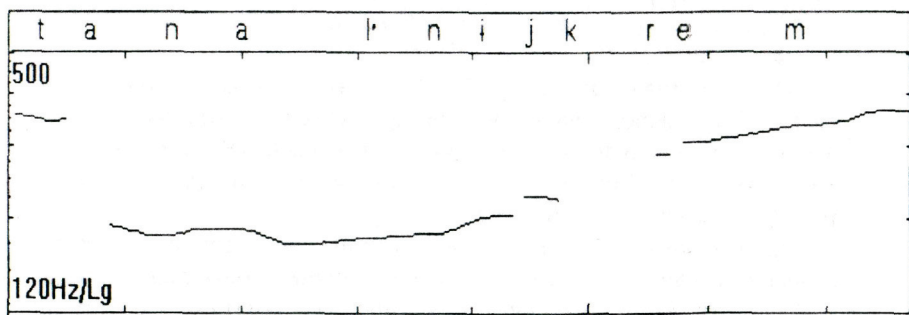

Рис.3. (Не удивительно, что тампоны Оби) выбирают женщины во всем мире!

Рис.4. *И только на губах!*Рис.5. *Устойчивый тональный крем!*

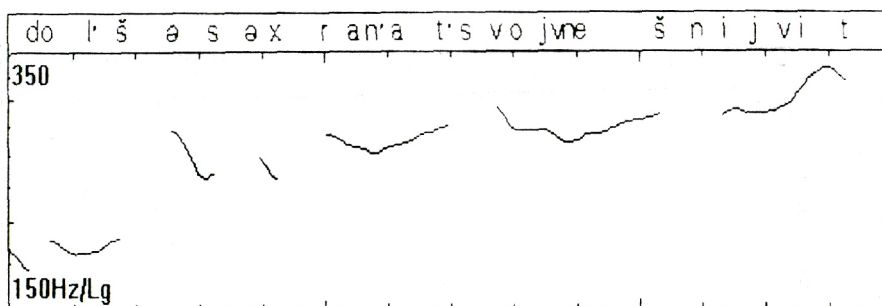

Рис.6. (...помогает одежде) дольше сохранять свой внешний вид!

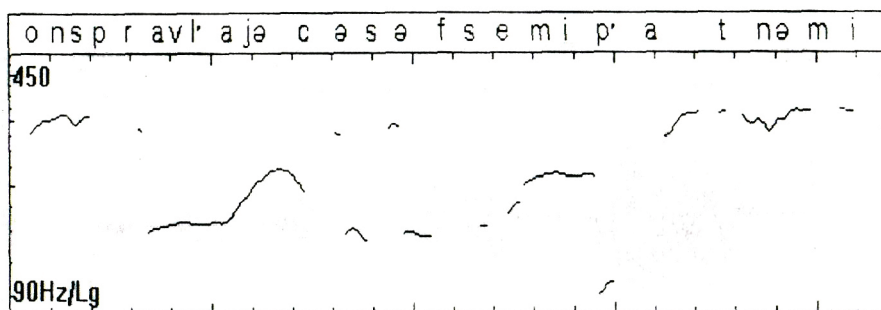

Рис.7. Он справляется со всеми пятнами!

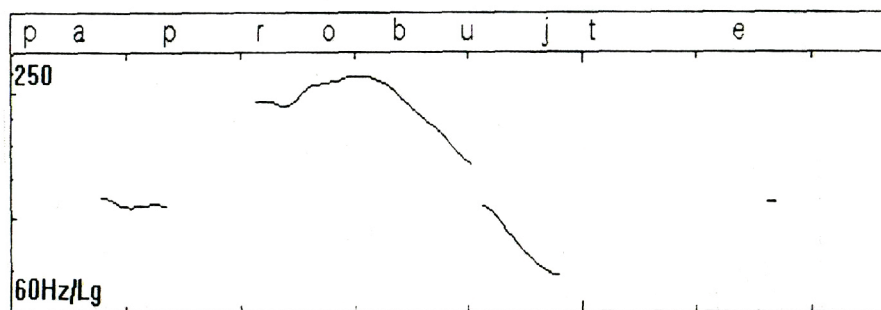

Рис.8. Попробуйте!

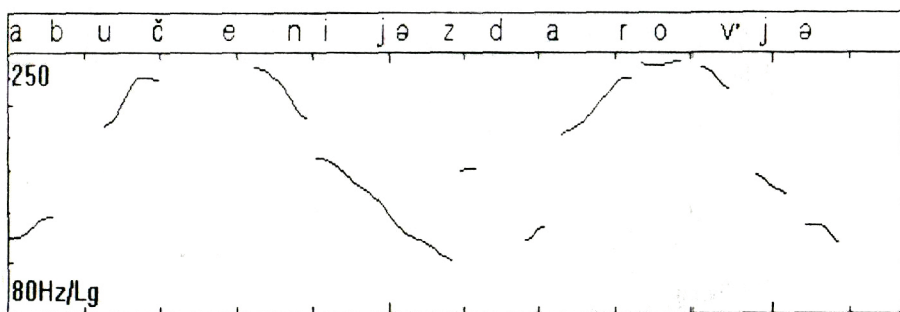

Рис.9. ...обучение, здоровье!

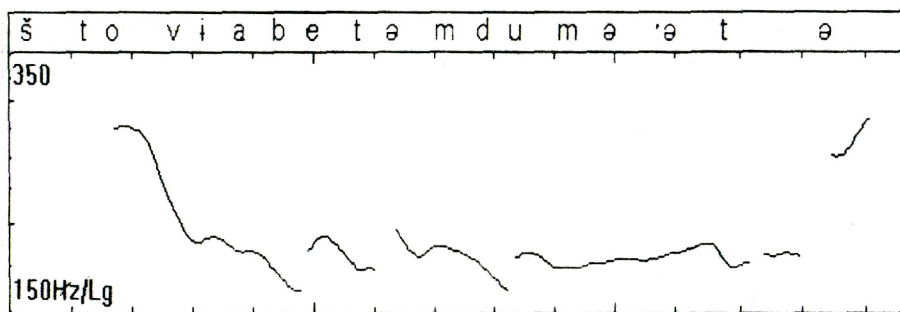

Рис.10. Что вы об этом думаете?

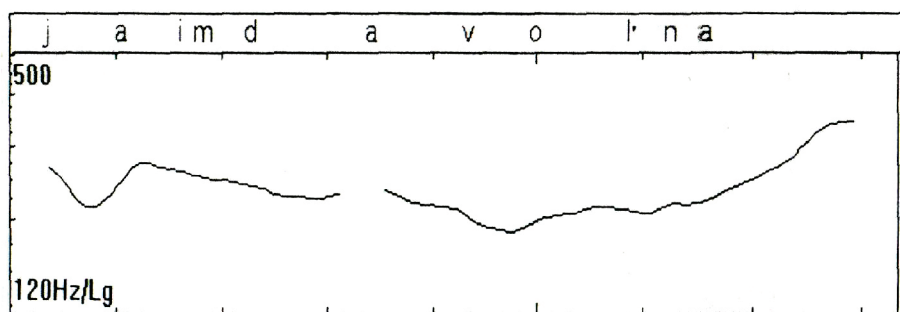

Рис.11. Я им довольна.

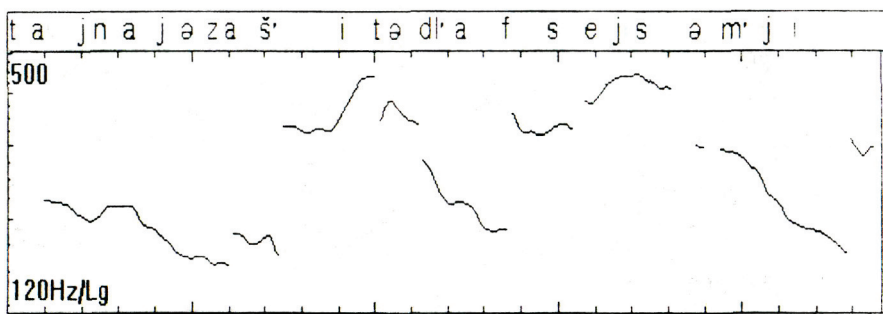

Рис.12. Тройная защита для всей семьи!

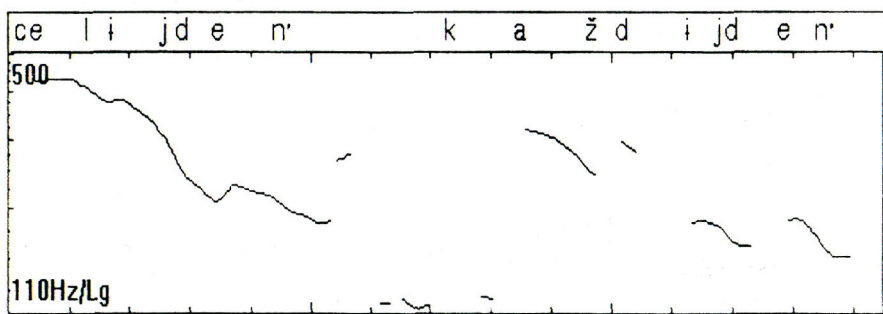

Рис.13. Целый день, каждый день!

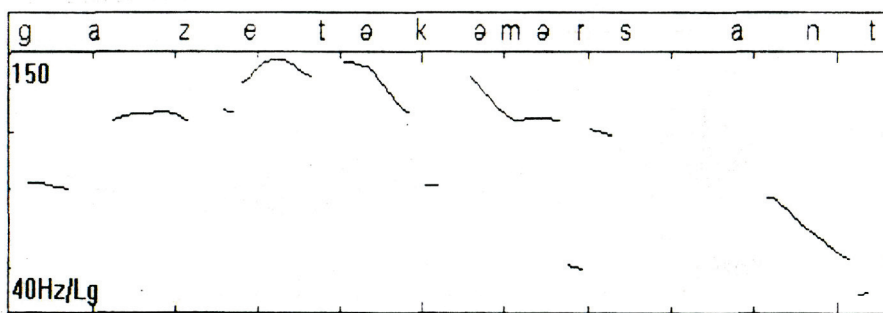

Рис.14. Газета «Коммерсант»!

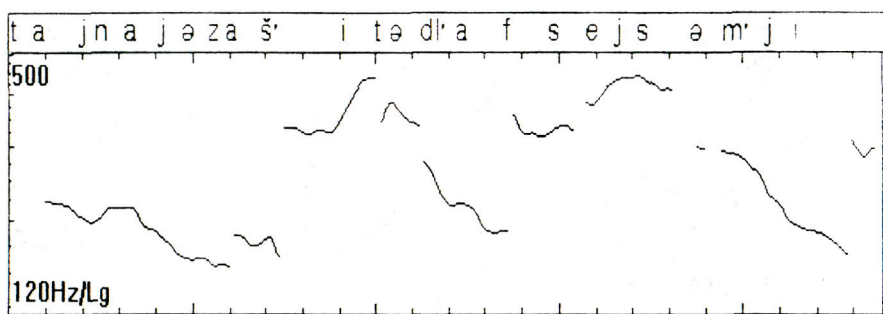

Рис.12. Тройная защита для всей семьи!

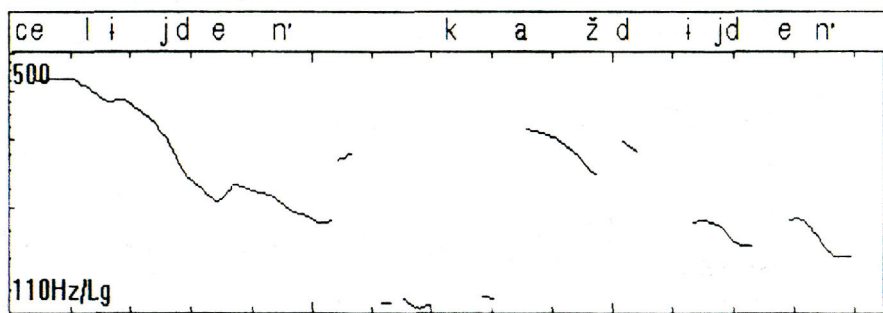

Рис.13. Целый день, каждый день!

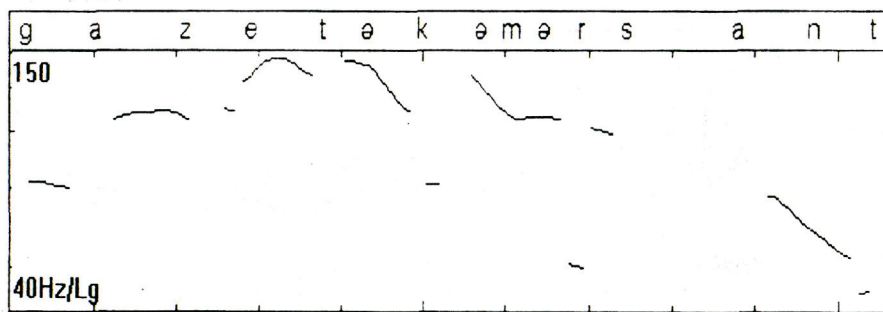

Рис.14. Газета «Коммерсант»!

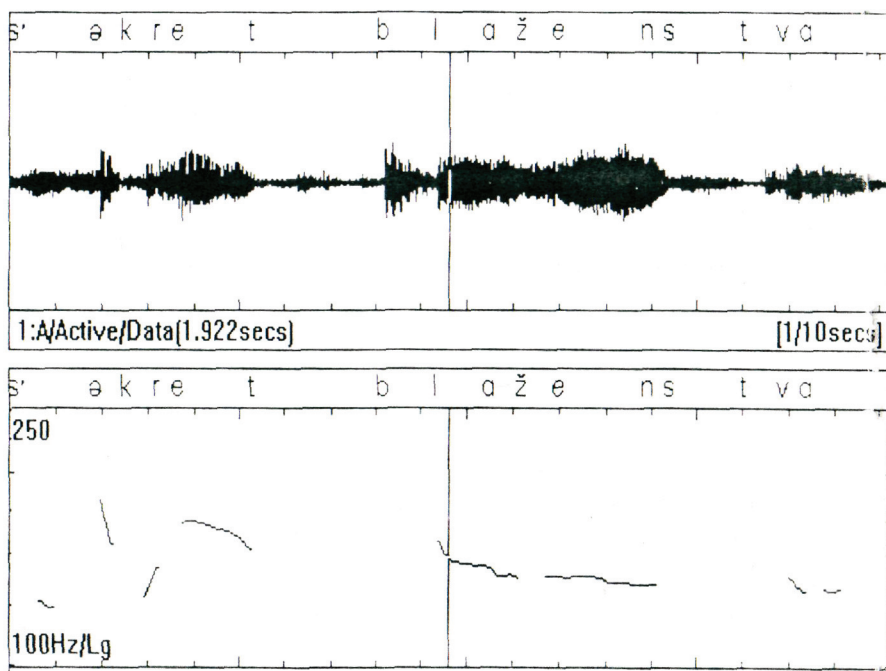

Рис. 17. Секрет блаженства!

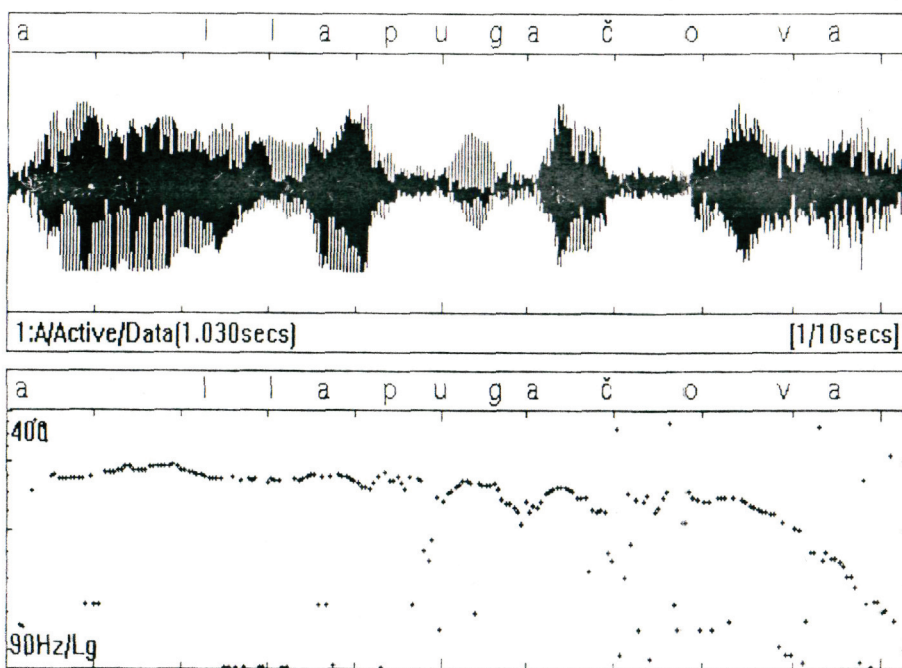

Рис.18. Алла Пугачева!

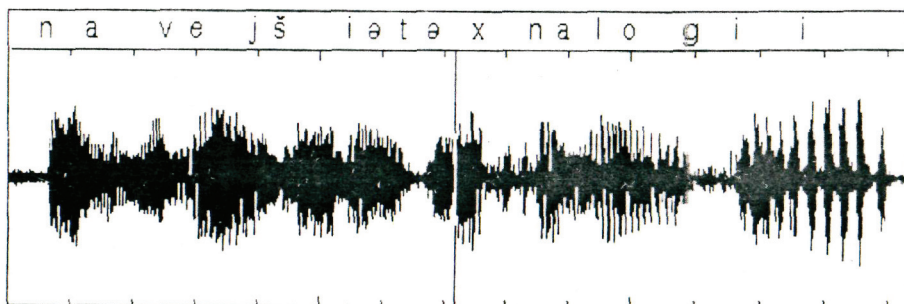

Рис.19. Новейшие технологии!

ЧАСТЬ 4

**ИНТОНАЦИОННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ
ПЕРФОРМАТИВНОСТИ И
ФОКАЛИЗАЦИИ**

Глава 1

Перформативность и интонация*

Задача статьи — показать, как в интонации отражается перформативный/неперформативный статус высказываний. Работа опирается на расширенное понимание перформативности, сложившееся у автора в результате исследования интонации. Хотя предлагаемая интерпретация исходно была призвана объяснить наблюдаемые интонационные различия, мы надеемся, что она может оказаться полезной для лучшего понимания явления перформативности в целом.

В классической трактовке [Остин 1986] речевой акт является перформативным, если он одновременно есть некоторое действие в мире, нечто, производимое говорящим в момент произнесения высказывания. Перформативные речевые акты противопоставляются неперформативным, которые сообщают слушающему о событиях и состояниях мира, но не воздействуют на него непосредственно.

Для дальнейшего изложения полезно некоторое уточнение этих общих положений. Прежде всего, следует подчеркнуть внешнеситуативную направленность, одномоментность и результативность перформативных речевых актов: они прямо создают некоторое новое состояние реального мира, точнее — того фрагмента мира, в который непосредственно погружены участники дискурса. Например, высказывание — *Объявляю собрание открытым!* действительно открывает заседание, на котором председательствует говорящий. Важное свойство ситуаций, в которых возникают подобные речевые акты, — прагматическая доминанция говорящего: его социально-психологическая роль — это роль «Хозяина» (или по крайней мере он сам ориентируется на эту роль). Как мы далее увидим, это — обязательное условие типичного для классических перформативов интонационного оформления (см. ниже об этикетных высказываниях, которые не обладают этим свойством).

Изменение (или поддержание) состояния наличного фрагмента мира и есть функция перформативных высказываний. Конечно, мир при этом понимается прежде всего как социум — физический мир обычно не подчиняется магии слов. В число компонентов социального мира входят и решающие для момента когнитивные интерпретации; вводящие их высказывания (репрезентативы, вердиктивы) также относятся к перформативам.

Как будет показано ниже, перформативную огласовку получают и высказывания, интерпретирующие наблюдаемые события, а также своего рода «дейктиче-

* Опубликовано в: Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 216—226. В данный вариант текста внесены некоторые изменения.

ские перформативы». В таких высказываниях не используются глагольные формы 1-го лица настоящего времени, и, вероятно, поэтому они оставались за чертой рассмотрения в работах, посвященных перформативности.

Что касается высказываний, относимых к констативным, то они отнюдь не однородны с точки зрения предлагавшихся в литературе критериев перформативности. Различия между ними не касаются пропозициональной и референциальной сторон содержания — здесь они равно далеки от классических перформативов. В то же время иллокутивные и модальные характеристики констативов могут обнаруживать разную степень перформативности. Так, прямой вопрос обычно перформативен в том смысле, что с его помощью говорящий воздействует на партнера для получения нужной информации. Сообщение же о вопросе (косвенный вопрос), конечно, такой перформативностью не обладает. Сходным образом выражение мнения или оценки говорящим есть некоторое действие в отличие от сообщения о мнении или оценке. Такие действия не меняют состояния мира, однако они меняют актуализованные в дискурсе знания и установки слушателя. Перформативность такого рода мы будем называть «слабой» в отличие от «сильной» перформативности высказываний-действий. Как будет показано ниже, «чистые» констативные предложения имеют иные интонационные огласовки, нежели предложения со слабой перформативностью.

Заметим попутно, что к сильным перформативам неприменимы не только истинностные оценки [Остин 1986] — они, кроме того, не имеют иллокуций и модальностей.

1. Сильная перформативность

Хотя сильные перформативы имеют одинаковый способ интонационного оформления, мы проанализируем (с разной степенью подробности) все их семантические подтипы. Этот анализ основан на классификациях Остина [Остин 1986] и Серля [Серль 1986] с некоторыми нашими дополнениями.

1.1. Начнем с директивов, сама семантика которых «притягивает» перформативность. Рассмотрим сначала пример неперформативного употребления директивного предиката:

(1) *Тогда я приказал 'привести\ его.*

Здесь рематическая группа *приказал привести* несет фразовое ударение (знак '), реализуемое на втором ее члене. Этот же член получает нисходящий тональный акцент (знак \).

Рассмотрим теперь перформативный вариант реплики:

(2) — *Я •приказываю *привести\ его!*

Здесь директивный глагол получает особый динамический акцент (знак •), выражаемый повышением громкости и напряженностью артикуляции всего слова.

Этот акцент типичен для сильных перформативов. Перформативный акцент, по видимому, не сочетается с тональным. Звездочкой обозначается обычный выделительный акцент, который реализуется как дыхательный толчок на ударном гласном слова и в данном случае маркирует содержание приказа. (О различии фразового ударения и выделительного акцента см. работу Т. М. Николаевой [Николаева 1982].) В данном случае выделительный акцент совмещен с тональным.

Форма 1-го лица глагола необязательна для перформативного статуса высказываний с директивами. Говорящий может отдавать распоряжения от имени «хозяина» ситуации, используя форму 3-го лица:

(3) — Он •приказывает *прекрати\ть разговоры.

Акцентуация сохраняется и при разрыве глагольной группы:

4) — *Приведи\те его. Я вам •приказываю.

Этот пример показывает, что форма императива сама по себе не придает высказыванию перформативного статуса: получение распоряжения не означает безусловности выполнения, т. е. прямого осуществления действия в результате акта речи. Только в случае «категорических» императивов, предполагающих безусловное и немедленное подчинение приказу (субординация участников должна быть ярко выражена), тональные акценты заменяются динамическими перформативного типа:

(5) — •Берите •щетку. •Мойте!

Такая огласовка особенно характерна для инфинитивных и назывных директивов:

(6) — •Вести •арестованного!

(7) — •Скальпель! •Спирт!

Такую же перформативную интонацию обнаруживают и формулы типа:

(8) — Да •свершится •правосудие!

Наконец, перформативный директив может быть выражен группами с глаголом во 2-м лице изъявительного наклонения, например, серия предписаний учителя ученикам:

(9) — •Тетради берете. •Пишете... Теперь тетради •откладываете.

Обратим внимание на то, что перформативные высказывания целиком произносятся на особом дыхательном усилии, но увеличенный поток воздуха «перехватывается» общим сужением гортани. При этом сохраняется повышенная сила акцентированного слова группы (на нем стоит знак •).

Далее, в качестве перформативных директивов могут функционировать модальные или близкие к модальным глаголы. Очевидно, наиболее естественна перформативность при *должен*:

(10) — Ты •должен •помочь ему.

Это выражение синонимично перформативному высказыванию:

(11) — Я •обязываю тебя •помочь ему.

Разумеется, при меньшей степени директивности выражение (10) теряет перформативность, а слово *должен* — специфический динамический акцент.

Как директивный перформатив может использоваться и глагол *разрешать*:

(12) — •Разрешаю •начать жеребьевку.

Высказывание выступает в данном случае как начальственный сигнал к осуществлению ожидаемого действия присутствующими.

Наиболее неожиданным является перформативное употребление глагола *хотеть* — говорящий осуществляет здесь директивный акт волеизъявления:

(13) — *Помогите мне. Я •хочу этого.

Ясно, что такое употребление возможно лишь при условии контроля говорящего над собеседником. Обращаем внимание на тот факт, что императивная форма сама по себе не обуславливает перформативность высказывания: распоряжение может быть перформативным и неперформативным. При этом перформативный модус может нести модальный глагол.

1.2. Огласовка перформативных комиссивов, репрезентативов, вердиктивов и деклараций идентична: они все получают специфический динамический акцент. Приведем примеры на разные типы предикатов:

(14) — •Клянусь, что не •забуду вас.

(15) — Я •утверждаю, что он •был там.

(16) — Я •рассматриваю это как •измену.

(17) — Я •оправдываю вас.

Если перформативный предикат выражен глагольной группой, содержащей дополнение, то оно принимает на себя перформативный акцент:

(18) — Даю •клятву, что не •забуду вас.

(19) — Я •признаю вас •невиновным.

Приведем для сравнения предложения с нейтральным статусом тех же предикатов. В таких предложениях обычно используются выделительные акценты:

(20) — Он *клянется, что не *забудет вас.

(21) — Он *утверждал, что *был там.

(22) — Я *рассматривал это как *измену.

(23) — Он *оправдал вас.

Следует отметить, что некоторые из глаголов рассматриваемых классов могут иметь в 1-м лице настоящего времени индефинитное значение. В этом случае они имеют констативный статус (дистанцированные сообщения) и соответствующую акцентную маркировку (высокую степень словесного ударения) [Кодзасов 1988]:

(24) — Я 'рассматриваю таких 'людей как 'больных.

(25) — *Я оправдываю его 'поступок крайностью' ситуацию.*

Разумеется, не имеют перформативного статуса и контрастивные употребления таких форм:

(26) — *Нет, я не *предполагаю. Я **утверждаю это.*

Здесь знак ** указывает на наличие контрастивного акцента на слове.

Для перформативности не обязательна грамматическая форма 1-го лица настоящего времени (ср. [Остин 1986]):

(27) — *Вы •назначаетесь •ответственным по •этажу.*

(28) — *•Пассажиры •предупреждаются о •запрете •курения.* (объявление по радио)

В этом отношении особенно показательны перформативные предикаты, констатирующие успешное завершение интеракции: — *•Заметано!*; — *•Принято!*; — *•Договорились!*; — *•Согласен!* Возможно, что их следует выделить в особый семантический класс.

1.3. Отдельного рассмотрения заслуживают этикетные глаголы (= бехабитивы, экспрессивы). Все предикаты, которые обычно зачисляются в этот класс, семантически (и интонационно) разделяются на две группы. К 1-й группе относятся глаголы, которые «выражают отношение» субъекта речи к событию, происшедшему с одним из партнеров (*извиняться, сочувствовать, сожалеть* и т. п.). Отметим, что говорящий не выступает здесь как «хозяин» ситуации. Эти глаголы, как кажется, никогда не получают огласовок, типичных для перформативных употреблений:

(29) — *Я 'сочувствую вашему горю.*

(30) — *Ваш поступок меня 'восхищает.*

(31) — *Я 'извиняюсь за свое поведение.*

Очевидно, что эти предикаты не могут выражать типичный перформативный смысл — осуществление действия актом речи.

Ко 2-й группе относятся предикаты типа *прощать, протестовать*. Интонационно они функционируют как обычные сильные перформативы:

(32) — *Я •прощаю вас.*

(33) — *Я заявляю •протест.*

Нам кажется, что семантически они весьма близки к декларациям и не нуждаются в собственном классе.

Особое акцентное поведение обнаруживают глаголы *благодарить* и *поздравлять*. Они огласуются обычно как этикетные глаголы 1-й группы:

(34) — *Я вас 'искренне 'благодарю.*

(35) — *Я вас от 'души 'поздравляю.*

Однако они могут использоваться и как безакцентные клише:

(36) — *Благодарю вас.*

(37) — *Поздравляю вас.*

1.4. Рассмотрим теперь прочие случаи использования интонационных огласовок, типичных для сильной перформативности. Все они относятся к ситуации, которую можно условно назвать «перформативной номинацией». Она состоит в прямом приписывании в акте речи вербальных дескрипций объектам и событиям «наглядного» мира. Наиболее простым случаем является своего рода «перформативный дейксис»: приписывание дейктических имен наличным объектам и локализациям, часто сопровождающееся указательным жестом. Примеры:

- (38) А. — *'Кто там?* (на стук в дверь) Б. — *Это •я.*
 (39) А. — *А кто же это 'сделает?* Б. — *•Он.* (указывая на присутствующего)
 (40) А. — *А где моя 'ручка?* Б. — *•Вот она.*
 (41) — *Это •здесь.* (указывая место)

Отметим, что те же дейктические элементы в иных ситуациях получают только фразовое ударение и тональный акцент:

- (42) — *Это 'я ему помог.*
 (43) — *Я 'здесь останусь.*

Информативный дейксис не обязательно требует стандартных дейктических элементов (местоимений и наречий). Любая именная или локализационная группа может вводиться перформативно:

- (44) — *Позвольте с вами познакомиться. •Иванов.* (протягивая руку)
 (45) А. — *А кто же останется?* Б. — *•Иванов.* (указывая на присутствующего)
 (46) А. — *А где моя ручка?* Б. — *•В ящике.* (указывая)
 Ср. неперформативные употребления:
 (47) А. — *А кто остался?* Б. — **Иванов.*
 (48) А. — *А где была эта ручка?* Б. — *В моем *ящике.*

Более экзотическим случаем является перформативно оформленная вербализация других элементов ситуации:

- (49) А. — *Мне *Иванова.* Б. — *Иванов •слушает./ — Я у •телефона.*
 (50) — *•Иванов по вашему приказанию •прибыл.*
 (51) А. — *Ты что тут делаешь?* Б. — *Не *видишь что-ли? •Дрова колю.*

Такую же просодию имеют глаголы чувственного восприятия в 1-м лице настоящего исторического времени:

- (52) — **Тут я •слы-ышу.../ — И вдруг мы •ви-идим.../ — И тут я •чу-увствую....*

Ср. неперформативную огласовку:

- (53) А. — *•Ваня плачет.* Б. — *Я *слышу.*

Перформативная огласовка указанных глаголов в настоящем историческом (примеры (52)) создает, очевидно, эффект присутствия в ситуации.

Наконец, перформативная номинация составляет значительную часть всякого репортажа о наблюдаемом событии, в частности спортивном:

- (54) — *Иванов проходит по *краю. Пас в *центр. Мяч у *Петрова. Боковой судья поднимает *флажок: •вне •игры.*

2. Слабая перформативность

Если сильная перформативность имеет стандартный способ просодической огласовки (акцент •), то огласовка слабых перформативов определяется конкретным типом модальности или иллокуции. Снятие слабой перформативности сопровождается интонационной нейтрализацией (акцент ' или отсутствие акцента). Существуют разнообразные модальные значения (мнение, отрицательная оценка, приписывание превосходной степени и др.) и разнообразные иллокутивные характеристики (разные типы вопросов и утверждений). Отношение этих категорий к перформативности (в слабом смысле) еще предстоит исследовать. Здесь мы рассмотрим интонационные последствия деперформативизации двух категорий: мнения и вопроса.

2.1. Прямое выражение говорящим мнения (в противоположность знанию) маркируется модуляцией акцента (обозначается тильдой). Акустически модуляция реализуется динамическим удвоением гласного и увеличением тонального перехода, перцептуально — своеобразным циркумфлексированием, «подвыванием» тона (знак ~). Ср.:

- (55a) — *Я 'знаю, что он сейчас у 'Иванова.*
 (55b) — *Я 'думаю, что он сейчас у ~Иванова.*
 (56a) — *Он во 'вторник приезжает.*
 (56b) — *Он, по-моему, во ~вторник приезжает.*

Сообщение о мнении (своём или чужом) уже не несет модуляции:

- (57) — *Я думал, что он у 'Иванова.*
 (58) — *Она думает, что он у 'Иванова.*

Ситуация здесь совершенно аналогична той, которая имеет место с перформативными глаголами:

- (59) — *Я •клянусь, что не *знал об этом.*
 (60) — *Она 'клянется, что не 'знала об этом.*

Прямое выражение качественной или количественной оценки также категоризуется как перформативное мнение:

- (61) — *Она ~красивая.*
 (62) — *Их там штук ~двадцать.*

И снова — сообщение об оценке лишено перформативности и имеет иную огласовку:

- (63) — *Она мне показала'красивой.*
 (64) — *Иванов говорит, что их там штук 'двадцать.*

Заметим, однако, что оценочные атрибуты, по-видимому, всегда сохраняют некоторую степень перформативности и поэтому не могут использоваться в качестве дескрипторов при конкретно-референтных именных группах (см. [Вежицка 1982]).

2.2. Вопрос в каком-то смысле более перформативен, нежели утверждение: он побуждает адресата к ответной реплике, тогда как утверждение побуждает его лишь к принятию сообщения. Общий вопрос огласуется восходящим тоном (знак /) в сочетании с выделительным акцентом (знак *):

(65) — *Ваня *прие\хал?*

(66) — *Ты *Ивано\ву звонишь?*

Иную тональную огласовку имеет независимый вопрос с *ли*:

(67) — *Скажите, *прие\хал ли он?*

Сообщение о вопросе (косвенный вопрос) снимает актуальность иллюкутивного-го действия и ослабляет степень акцента:

(68) — *Я спросил, 'прие\хал ли он.*

(69) — *Он спросил, 'Ивано\ву ли я звоню.*

Представляется естественной гипотеза, что вопросы с *ли* обычно употребляются тогда, когда говорящий хочет снизить уровень перформативности реплики: это в большей степени запрос о наличии знания, чем прямое побуждение адресата к сообщению. Не случайно именно вопросы с *ли* используются в тех случаях, когда конкретный адресат отсутствует или когда ответ не имеет значения для конкретной прагматической ситуации:

(70) — *'Есть ли 'жизнь на 'Марсе?*

(71) — *'Имеет ли 'Афганистан выход к 'морю?*

Характерно также использование таких вопросов в формализованных интеракциях: ослабление личностного взаимодействия как бы ведет к утрате перформативности.

2.3. При предлагаемом нами понимании перформативности она становится градуальным признаком, причем можно выделить даже больше степеней, чем указывавшиеся до сего момента три (сильная, слабая, нулевая). По существу, и констативные утверждения призваны осуществлять некоторые действия над памятью слушающего: заполнять пробелы в знаниях, стирать старую информацию и заносить на ее место новую, устанавливая семантические связи между имеющимися в памяти знаниями и т. д. Для уточнения проблематики перформативности необходимо более тщательное изучение характера тех действий, которые производятся речевыми актами, их обращенности к разным сферам памяти, использованию в разных ролевых и референциальных ситуациях. Отметим в заключение наличие одного жанра речи, в котором утверждения имеют как бы отрицательную перформативность, — это учебный рассказ по картинке, предполагающий абсолютную констативность:

(72) — *Перед 'нами картина 'деревни. 'Справа виден 'лес. 'Слева протекает 'река. На ней 'рыбаки ловят 'рыбу...*

Такие тексты лишены семантических акцентов, все предложения в них получают обычную эвфоническую огласовку: стандартные фразовые ударения, сглаженный подъем тона в начале фразы и такое же падение в конце. Парадоксальным образом такие вырожденные по огласовкам предложения иногда используются в качестве источника сведений об интонации в целом.

Литература

- Вежбицка 1982 — *Вежбицка А.* Дескрипция или цитация? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1982.
- Кодзасов 1988 — *Кодзасов С. В.* Интонация предложений с пропозициональными предикатами мышления // Логический анализ языка: Знание и мнение. М., 1988.
- Николаева 1982 — *Николаева Т. М.* Семантика акцентного выделения. М., 1982.
- Остин 1986 — *Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
- Серль 1986 — *Серль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.

Глава 2

Интонация контраста и противоречия*

Для выделения и описания некоторых семантических категорий ключевыми являются интонационные данные. В частности, интонация ясно показывает, что в тексте могут выражаться два вида семантических противопоставлений — контраст и противоречие. В самом общем виде контраст — это парадигматическое противопоставление, т. е. противопоставление двух разных заполнений одной и той же семантической позиции. Противоречие же — это синтагматическое противопоставление, т. е. противопоставление содержимого двух разных позиций, связанных какими-то семантическими отношениями. Цель данной статьи — показать интонационную и функциональную специфику этих категорий.

Контраст. Выделяются два основных вида контрастирования, условно называем их «онтологический контраст» и «эпистемический контраст». Онтологический — это тот, который существует в реальном мире, эпистемический — который связан с познавательными установками субъекта.

1. Классический случай онтологического контраста — это противопоставление имен и предикатов, обладающих антонимичными оценками, такими как ‘длинный’ и ‘короткий’, ‘много’ и ‘мало’ и т. п. Такое противопоставление может возникать в двух ситуациях: 1) замена объектов и предикатов с антонимичными оценками; 2) сопоставление объектов и предикатов с антонимичными оценками. Примеры контрастивной замены:

- (1) А. — *Вам какой стержень — *длинный?* Б. — *Нет, **короткий*¹.
- (2) А. — *Зачем вы мне дали *длинный *стержень?* Б. — *А вам что — **короткий?*
- (3) — *Не надо *дорогого. Что-нибудь **дешевое дайте.*

Примеры контрастивного сопоставления:

- (4) — *У сестер разные вкусы: Валя носит *длинные юбки, а Вика — **короткие.*
- (5) — *Покупал-то он *дешево, а вот **продавал — **дорого.*
- (6) — *Я белых *мало нашел. А как *ты — **много?*

Услышать различие контрастивных и неконтрастивных акцентов не составляет труда. Ср. огласовки слова *короткий* в примерах (1)—(2) и (7)—(8):

* Опубликовано в сб.: Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. В первоначально опубликованный текст статьи внесен ряд изменений.

¹ Звездочкой перед словом обозначаем наличие на нем нейтрального выделительного акцента, а двойной звездочкой — контрастивного акцента. Здесь и далее транскрибируем лишь те просодические характеристики, которые релевантны для изложения.

(7) А. — *Вам какой стержень ?* Б. — **Короткий.*

(8) — *Вам какой стержень — *короткий?*

Фонетические корреляты контрастивности недостаточно исследованы. Как кажется, ее основным компонентом является сложный артикуляционный жест, состоящий в смещении базы языка назад с одновременным опусканием гортани. Этот жест влияет более всего на вокалический тембр. Кроме того, он сопровождается некоторым удлинением гласного и увеличением интервала тонального изменения. Подчеркнем, что любой акцент может иметь контрастивный вариант: и восходящий, и нисходящий, и восходяще-нисходящий. То есть речь идет не о каком-то одном контрастивном акценте, а о контрастивных вариантах всех тональных акцентов.

В примерах (1)–(6) мы имеем эксплицитное контрастирование: контрастные оценки лексикализованы. Приведем теперь примеры имплицитного контраста — когда антонимичные оценки восстанавливаются из прагматики:

(9) А. — *Сколько он зарабатывает? Рублей пятьсот?* Б. — *Да нет, откуда? **Двести* (имплицитное противопоставление ‘много’/‘мало’).

(10) — **Иванов поехал в *Ленинград, а **Петров — в **Париж* (имплицитное различие ‘заурядное’/‘особенное’).

(11) — *Ему сорок *шесть лет, а ей — двадцать **пять* (имплицитное различие ‘старый’/‘молодая’).

Заметим, что сами по себе ситуации замены и сопоставления не требуют контрастивной реализации акцентов:

(12) — *Он приезжает не в *семь, а в семь *тридцать.*

(13) — *На *Вале было *черное пальто, а на *Вике *зеленое.*

(14) — *Ему сорок *шесть лет, а *дочке двадцать *пять.*

До сих пор мы рассматривали лишь прототипический случай онтологической контрастивности — с антонимичными оценками. Эмфатические акценты наблюдаются и при других условиях, для которых нам пока не удалось сформулировать семантического инварианта. Приведем три случая контрастивной замены:

а) замена способа понятийной категоризации:

(15) — *Я не *обещаю. Я **обязуюсь это сделать.*

(16) А. — *Он *пришел?* Б. — *Даже **прибежал.*

(17) — *Он не *поет, а **кричит.*

б) замена ошибочной формы номинации:

(18) — *Не *сабака, а **собака.*

(19) — *Не *Петровский, а **Петрушевский.*

Ср. неконтрастивную замену заполнителя позиции:

(20) — *Это сделал не *Иванов, а *Петрушевский.*

в) замена семантической роли терма:

(21) — Сначала *Валя ударил *Митю, а потом **Митя ударил **Петю (роль пациента меняется на роль агенса).

В последнем примере контрастивность темы обуславливает контрастную реализацию ремы. Приведем еще один пример согласования акцентов по контрастивной огласовке:

(22) — А **американские джинсы — **бывают у вас?

Ср.:

(23) — У вас *джинсы — *бывают?

Имеются и другие проявления закона согласования темы и ремы по типу акцента. Так, неопределенные именные группы, в отличие от определенных, имеют пониженную амплитуду тонального изменения (мы отмечаем это знаком «плюс» перед словом, несущем акцент). Ср.:

(24) — Тебе звонил твой *аспирант.

(25) — Тебе звонил какой-то +аспирант.

Это различие отражается в акценте ремы, согласуемом с акцентом рематической именной группы:

(26) — Ты своего *аспиранта — не *можешь послать?

(27) — Ты какого-нибудь +аспиранта — +не можешь послать?

Итак, контрастивное согласование темы и ремы — частный случай согласования акцентов по степени выраженности.

Нашей целью не является анализ всех случаев онтологической контрастивности — для этого необходимо специальное исследование. Заметим лишь, что замена самой по себе оценки на антонимичную не дает обязательной эмфатической интонации:

(28) — Нет, это не *дешево. Это *дорого.

(29) — Ты ошибся. Это не *короткий, это *длинный.

Здесь в игру вступает еще один фактор — коммуникативный регистр высказывания. Если говорящий производит актуальную операцию противопоставительной замены, он использует контрастивную стратегию. Если же он отстраненно сообщает о факте, контрастивность отсутствует.

2. Перейдем теперь к анализу случаев эпистемического контраста. Здесь имеет место замена ложной презумпции о возможных заполнениях некоторой семантической позиции на истинную. Примеры:

(30) — Иногда и **ведьма может сделать хорошее дело.

(31) А. — Чем же ты забьешь гвоздь? Б. — **Зонтиком.

(32) — Именно ***Иванов должен это сделать.*

(33) — Это ***Рональд приготовил сэндвичи.* (пример заимствован из [Чейф 1982])

Эти примеры демонстрируют два типа пресуппозитивных изменений: 1) расширение множества возможных заполнителей семантической позиции: так, в примере (30) в число существ, способных на добрые дела, включается ведьма, а пример (31) включает в число инструментов для забивания гвоздя зонтик; 2) сужение (обычно до одного элемента) множества возможных заполнителей; так, пример (32) оставляет лишь Иванова из числа потенциальных исполнителей некоего дела, а (33) отвергает возможность предположения, что сэндвичи мог приготовить кто-либо, кроме Рональда.

К эпистемической контрастивности примыкают особые случаи использования эмфатических акцентов, когда никакого противопоставления в сущности нет. Эти случаи связаны с ситуацией «презумптивной пустоты» — когда один из участников дискурса неспособен проинтерпретировать наблюдаемый факт и диалог состоит в выяснении причины или в концептуализации непонятого события или объекта.

Примеры утвердительных высказываний такого типа:

(34) А. — *Что он здесь делает?* Б. — ***Работает.*

(35) А. — *Как тебе удалось это сделать?* Б. — ***Ваня помог.*

(36) А. — *Что это малыши из стульев делает?* Б. — *Это он **машину строит.*

(37) — *Видишь эту змею? Это **ядовитая змея.*

Соответствующие общие вопросы уже квалифицировались ранее как вопросы «с неингерентной темой» [Баранов, Кобозева 1983]:

(38) — *Он что — **работает здесь?*

(39) — *Я *Валю на улице видел. Она что — **выздоровела?*

(40) — *Ты что — **купил этот велосипед?*

Ср. обычный общий вопрос:

(41) — *Как ты — *купил тот велосипед?*

Семантическая смежность употреблений просодической эмфазы в (30)—(33) и в (34)-(40) очевидна: в обоих случаях предполагается изменение презумптивной базы одного из участников дискурса. В то же время вряд ли разумны поиски единой гиперсемы для онтологической и эпистемической контрастивности. Отметим попутно наличие чисто риторической эмфазы как средства подчеркивания значимости сообщаемого (функция мобилизации внимания). Она реализуется повышенной громкостью и полнотой произношения (знак ⁺⁺):

(42) — ⁺⁺*Запомни, она возвращается в ⁺⁺субботу.*

(43) — *Они уже ⁺⁺выполнили свое задание.*

Заметим, что такое прагматическое многозначительное акцентирование (семантически оно не мотивировано) — характерологическая черта некоторых субъектов.

Противоречие. Как и в случае контраста, мы разделяем онтологическое и эпистемическое противоречие, хотя различие между ними не всегда очевидно.

1. Онтологическое противоречие — это несоответствие некоторой ситуации типичным или ожидаемым связям событий или состояний в реальном мире. Приведем примеры таких рассогласований внутри одной пропозиции:

(44) — *Уже девять *вечера, а *светло-о* (Ф).

(45) — *Он *толстый, но *подвижный* (Ф).

Противоречие обычно выражается смещением тонального акцента в область сверхвысокого регистра — фальцета (буква Ф в скобках после акцентированного слова). В общем случае фальцет — типичное средство выражения удивления.

Как средство риторического подчеркивания в предложениях с семантикой противоречия нередко используется редупликация акцента. Повторный акцент ставится либо на конечном заударном гласном (если таковой имеется), либо на дополнительной море конечного заударного: *подвижный, светло-о* (акцентированные гласные здесь выделены жирным шрифтом). Заметим, что повтор акцента — распространенное явление в живой речи. Он выражает настойчивость говорящего в осуществлении иллокутивной цели речевого акта:

(46) — *Закро-ой!*

(47) — *Рубашка-то — **высохла**.*

Редупликация акцента в таких высказываниях с семантикой противоречия не связана.

Иногда вместо фальцета используется обратный маркированный регистр тона — свэрхнизкий. Он сопровождается специфической техникой работы голосовых связок — «вибрацией» (В):

(48) — *Уж девять вечера, а **светло-о*** (В).

В общем случае вибрация — типичная техника выражения эмоции недоумения.

Вступать в противоречие могут не только пары членов внутри одной пропозиции, но и пары членов из разных пропозиций:

(49) — *Ты опять забыл ему позвонить. А ведь я напоминал (Ф) тебе.*

Эти пропозиции могут иметь разнообразные иллокутивные характеристики, а это означает, что фальцетной модификации могут подвергаться разные тональные акценты:

(50) — *Ты что-то ему не звонишь. А ведь он приехал (Ф), не так ли?*

(51) — *Погода была жуткая. Но он-таки приехал (Ф).*

Здесь в примере (50) фальцетируется восходящий тон, а в примере (51) — нисходящий.

Отношение 'находиться в противоречии' симметрично, и при вербализации оба противоречащих члена могут в принципе выступать как тезис и антитезис. Ср. примеры (44) и (51) со следующими их перифразами:

(52) — *Смотри, как светло. А ведь уже девять* (Ф).

(53) — *Он-таки приехал. А ведь погода была жуткая* (Ф).

Отметим, что в антитезисе нередко используются одновременно обе просодические маркировки противоречивости, причем в порядке «вibrация — фальцет»:

(54) — *Его заявление было для нас полной неожиданностью. А ведь можно* (В) *было предупредить* (Ф) *об этом.*

Интересны обороты, в которых уже при тезисе имеется показатель наличия антитезиса в последующей части текста:

(55) — *Казалось* (В) *бы, нужно спешить. А он сидит и курит* (Ф).

(56) — *Вроде* (Ф) *бы он хочет помочь. А на самом* (В) *деле ничего не делает* (Ф).

2. В приведенных выше примерах нарушение типичного или ожидаемого порядка вещей не поднимает вопроса об истинности представлений об этом порядке: оно связано либо с поведенческой ошибкой, либо с объяснимым отклонением от стандарта. Иначе обстоит дело в случае эпистемического противоречия — когда говорящий скорее указывает на ложность принятых презумпций о связях событий или фактов, например:

(57) — *Он-таки хорошо поменялся. И без всякой доплаты* (Ф).

(58) — *Она согласилась вернуть деньги. И не пришлось уговаривать* (Ф).

К этому типу примыкает широкий класс случаев использования фальцета и вибрации для указания дефекта в интеллектуальной деятельности партнера. Это может быть логическая ошибка, просмотр, противоречие в утверждениях и т. п.:

(59) — *Но при этом условии* (В) *вы не получите нужной температуры* (Ф).

(60) — *Но ведь вы утверждали обратное* (Ф).

(61) — *Не только Иванов* (В), *но и Петров* (Ф).

(62) — *Однако существуют и другие* (Ф) *проблемы.*

Отсюда один шаг до использования фальцета в чисто риторических целях — как средства полемики, способа возразить партнеру по общению. При этом атаке может подвергаться как то, что им сказано, так и его возможное несогласие или непонимание:

(63) — *Возможно, это понравится не всем* (Ф). *Однако...*

(64) — *Это, правда, пока только планы* (Ф). *Но...*

(65) — *Кому-то* (В) *это может показаться ошибкой* (Ф). *Однако...*

(66) — *Ты говоришь — он бескорыстен. Но ведь купил он дешево* (В), *а продал дорого* (Ф).

(67) — *Он не хочет* (В) *этого делать. Да, впрочем, и не может* (Ф).

Здесь тезис произносится в регистре вибрации, а антитезис — в фальцетном регистре.

Семантико-прагматические условия полемических реплик и использования в них фальцета и вибрации нуждаются, конечно, в дальнейшем исследовании. Пока

укажем лишь, что не всякое возражение имеет просодическую огласовку, типичную для противоречия, например:

(68) — *Я с вами не согласен.*

Очевидно, обязательным условием является намерение полемически указать на ошибку в мыслительной деятельности партнера, а не просто констатировать рассогласование интерпретаций ситуации. Заметим, что существует тип «фальцетника», т. е. субъекта, который часто заканчивает речевой акт фальцетным акцентом без видимой семантической причины. «Фальцетник» бессознательно принимает роль интеллектуального агрессора, он как бы постоянно подвергает сомнению способность собеседника дать адекватную реакцию на его слова.

3. В заключение сделаем одну необходимую оговорку: обязательным условием контрастивного акцента и акцента противоречия является актуальность операции установления этих противопоставлений. Если о противопоставлении сообщается констативно, то соответствующие просодические показатели отсутствуют:

(69) — *В одном городе жили два брата. У старшего брата был большой и богатый дом, а у младшего — маленький и бедный...*

(70) — *Она говорит, что он хотя и толстый, но очень подвижный.*

В нарративном фрагменте (69) отсутствуют эмфатические акценты, типичные для контрастивности, хотя налицо сопоставление именных групп с антонимичными оценками. В (70) отсутствует фальцетирование акцента во фрагменте, содержащем противоречие, поскольку он выступает в косвенном сообщении. Ситуация здесь аналогична утрате маркированных просодических показателей иллокуции и модальности при дескриптивном (не актуальном) использовании этих категорий (ср. [Падучева 1990]).

Литература

- Баранов, Кобозева 1983 — Баранов А. Н., Кобозева И. М. Семантика общих вопросов в русском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 42. № 3. 1983.
- Падучева 1990 — Падучева Е. В. Между предложением и высказыванием: субъективная модальность и синтаксическая неподчинимость // *Revue des études slaves*. LXII/1—2. Paris, 1990.
- Чейф 1982 — Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М., 1982.

Глава 3

Фокализация и антифокализация

Вступление

Настоящая работа осуществлялась в рамках многолетнего совместного французско-русского проекта исследования дискурсивных категорий и средств русского языка, финансируемого CNRS и РАН. Результаты исследования параметров варьирования семантики и формы дискурсивных слов, порядка слов и просодии в рамках предыдущих этапов этого проекта уже были отражены в нескольких публикациях ([Дискурсивные слова русского языка 1998] и проч.). Исследование фокализации как важного параметра варьирования дискурсивных средств происходило на этапе 2003—2005 гг. Нижеследующий текст отражает некоторые результаты данного этапа.

1. Введение

1.1. Фокализация: основные понятия и допущения

Фокализация — одна из важнейших дискурсивных операций. Ее функция — маркировка оценки говорящим особого информационного статуса текстового фрагмента. Традиционные термины для маркировки высокой степени значимости: *выделение*, *эмфаза*, *контрастивность* (Холлидей, Чейф, Робер; Падучева, Николаева, Янко и др. — см. прилагаемый список источников).

Мы принимаем, что язык использует три базовых оценки значимости информации: 1) информация нейтральна; 2) информация высокозначима; 3) информация малозначима. Им соответствует вербальная маркировка коммуникативных компонентов высказывания, в первую очередь ремы: 1) *отсутствие* особой маркировки (нейтральная форма текста); 2) *фокализация* (специальное выделение) коммуникативных компонентов; 3) *антифокализация* (специальное ослабление) соответствующих фрагментов. Ранее в исследованиях фокализации третья оценка не учитывалась. Термин *фокализация* удобно использовать как обобщающий термин для всей трюичной парадигмы значений признака значимости информации. (Ср. термин Д. Пайара и К. Киселевой [2003] *установочная база*.)

Фокализованность текстового фрагмента просодически выражается чаще всего повышенной громкостью и отчетливостью произнесения (они обусловлены дыхательным усилением и увеличением объема ротовой полости).

- *Ване не забудь позвонить! А то он обидится!* (фокализированные фрагменты подчеркнуты)

Антифокализированные фрагменты, напротив, произносятся тихо и редуцированно:

- (2а) А. — *Что делать будем? Пойдем куда-нибудь?*
 Б. — *А можно и дом(а) посидеть.*

Здесь ответная реплика произносится тихо и нечетко, а конечное [ъ] в *дома* может опускаться. Ср. полемическую фразу 2б, в которой аналогичный фрагмент произнесен гораздо активнее:

- (2б) — *А ведь можно было и дома посидеть.*

Приведем примеры фокализации и антифокализации с участием частиц *да*, *вот*, *так*:

- (3а) — *Да [а] свершится правосудие!*; (3б) — *Так [а] не выйдет!*; (3в) — *Вот [о] Володя этого бы не сделал!*
 (4а) — *Да [ъ] знаю я об этом!*; (4б) — *Так [ъ] он же приехал!*; (4в) — *Позвонили Володе, вот [ът] он и приехал!*

Здесь в примерах (3а, б, в) фокализированные *да*, *так* и *вот* не подвергаются клитизации и не имеют редукции гласных во 2-м предударном слоге. Напротив, в примерах (4а, б, в) те же частицы клитизируются, а следствием антифокализации является специфическая свехредукция гласных, проявлением которой служит произнесение [ъ] вместо [а] и [о] в 1-м предударном слоге. В случае антифокализации полнозначных слов (пример (2б)) степень редукции гласных количественно меньше и не приводит к качественному изменению.

Эта характерная просодическая техника выделения/антивыделения является проявлением фокализационного признака *эмфаза/антиэмфаза*. Просодия символизирует здесь оценку значимости (релевантности) вводимой информации говорящим и тем самым управляет вниманием адресата. Ниже мы увидим, что эта общая функция имеет несколько семантических разновидностей.

Эмфаза может сочетаться с маркированными значениями двух других фокализационных признаков: *контрастивности* и *противоречия*. Эти признаки имеют другую семиотическую функцию — эпистемическую: они показывают, насколько вводимая информация соответствует ожиданиям, связанным с прежним опытом. Контрастивная просодия показывает, что данная семантическая позиция заполнена маркированным, менее ожидаемым членом из парадигмы возможных заполнителей. Просодия противоречия показывает, что имеется рассогласование двух компонентов единой сложной ситуации. Эти две просодии не тождественны. Покажем это на примерах:

Контраст

- (5) — *Зачем ты эти яблоки купил? Они же зеленые!* (здесь специфический «темный» тембр контрастных огласовок — результат опускания гортани — может сочетаться с громкостью и отчетливостью эмфазы)

Противоречие

- (6) — *Август уже, а яблоки-то — зеленые.* (здесь высокий регистр тона — показатель противоречия — также может сочетаться с громкостной фонетикой эмфазы)

Сравним эмфатическое произнесение лексемы *зеленый* без сочетания с контрастностью или противоречием:

- (7) — *Не забудь, какой мне цвет нужен — зеленый!* (громкость и артикуляционная четкость как выражение требования мобилизации внимания)

Просодические жесты контраста и противоречия иконичны: опускание гортани при интенсификации оценок в экспрессивной речи в общем случае служит знаком большой удаленности (ср. — *Далеко-о полетела стрела...*), а высокий регистр тона является знаком удивления (ср. — *Да что ты говоришь!*).

Обратные значения просодических параметров, связанные с антиконтрастом и антипротиворечием, также иконичны:

Антиконтраст

- (8) А. — *Ну, как вам эти туфли?* Б. — *Отлично! В са-амый раз!* (специфический «светлый» тембр антиконтрастности — результат подъема гортани — служит знаком близости или совпадения)

Антипротиворечие

- (9) А. — *Жара какая!* Б. — *Ну, это нормально — лето все-таки!* (низкий регистр тона — знак антипротиворечия)

Естественно негромкое и слегка редуцированное произнесение подчеркнутых фрагментов из примеров на антифокализацию. Однако в качестве показателя нерелевантности используется даже более тихое и сильно редуцированное произнесение:

- (10) А. — *Какой тебе цвет?* Б. — *Дь хть зеленый! Къкая разница!*

Здесь снова в неполнозначных словах возможна редукция гласного до нейтрального звука.

1.2. Обозначения фокализационных просодий

Ниже используются следующие обозначения:

+эмф/-эмф (эмфаза/антиэмфаза); +кон/-кон (контраст/антиконтраст);

+прот/-прот (противоречие/антипротиворечие); нтр (нейтрально) — отсутствие маркированных значений обсуждаемого фокализационного признака.

Российские лингвисты обычно при обсуждении фокализации рассматривают эту категорию как композиционно стандартную: принимается, что эмфаза (фокализация в узком смысле) сочетается с контрастом, при этом семантическое и просодическое различие контраста и противоречия обычно игнорируется. Поэтому термины *фокализация* и *контрастивность* часто используются как синонимичные (см., в частности, работы Т. М. Николаевой, Е. В. Падучевой и Т. Е. Янко). Т. П. Скорикова, которая не раз писала об «акцентно маркированных» словах в русском языке, также не дает какой-либо системной классификации таких слов и не отмечает их просодических различий.

Это существенное упрощение ситуации как в плане семантики, так и в плане просодики. В общем случае эмфаза (интегральное выделение, реализуемое громкостью и отчетливостью произнесения) используется как отдельный просодический признак и может как сочетаться с признаками контраста и противоречия, реализуемыми просодическим тембром и регистром тона, так и выступать отдельно. В некоторых англоязычных работах на тему фокализации (см., например, недавнюю работу Друбига о типологии фокализации [Drubig 2003]) проводится систематическое различие двух видов фокуса (*presentational focus* vs. *contrastive focus*). Они соответствуют нашему противопоставлению эмфазы и контраста. В качестве русских аналогов используемых Друбигом примеров можно привести такие:

(11a) — *Пальто (+эмф) не забудь взять!*

(11б) — *В плаще замерзнешь. Лучшие пальто (+эмф, +кон) возьми!*

С. Робер [Robert 1993] отказывается от термина «эмфаза», поскольку он вызывает ассоциации не столько с характером операции, сколько с ее эффектом. Она предпочитает термин «исключающий выбор» (*choix exclusif*), который лучше отвечает специфике того типа фокализации, который она описывает на материале африканских языков. Однако следует указать, что скорее всего неконтрастивная фокализация присутствует в любой языке — хотя бы в обращениях и репликах мобилизации внимания. Что касается антифокализации, то работы на эту тему нам неизвестны, хотя эта операция, скорее всего, также употребительна в любом языке.

1.3. Дефокализация

Фокализация и антифокализация являются актуальными операциями, осуществляемыми говорящим в ходе порождения текста. При деактуализации этих операций, возникающей при введении соответствующего фрагмента в объемлющую составляющую текста, показатели фокализации и антифокализации отсутствуют. Ср.:

(12a) — *Тепло, а ведь ноябрь (+прот) уже.*

(12б) — *Он говорит, что там тепло хотя уже ноябрь (нтр).*

Попытки фокализовать слово *ноябрь* в (12б) явно будут безуспешны. Напомним, что явление деактуализации модальных оценок во вставленных предикациях было описано Е. В. Падучевой [Paducheva 1990].

Фокализация невозможна также в случае «отстраненных» нарративных текстов. Ср.:

(13а) — *Уже ноябрь, а тепло* (+прот).

(13б) — *Наступил уже ноябрь, но было еще тепло* (нтр).

1.4. Особенность данного текста

В прошлом [Кодзасов 1989] мы уже обсуждали семантику и просодию контраста и противоречия. В настоящей работе мы сосредоточимся на *эмфазе*, причем как на дискурсивном использовании этой операции, так и особенно на случаях ее встроенности в полнозначные лексемы, поскольку эмфаза особенно часто используется для символизации значимостной оценки именно онтологических реалий, с которыми соотнесено слово.

В публикации 2003 г. нами рассматривались случаи встроенной контрастивной фокализации лексем с семантикой положительной оценки (при ее актуальном использовании):

(14) — *Красивая* (+кон) *вещь!*

(15) — *Неглупо* (+кон) *сказано!*

Однако лексически встроенными могут быть и другие виды фокализационных оценок. Приведем примеры лексем со встроенной просодией противоречия: *ошибка*, *перепутать*, *опаздывать*, *промахнуться*, *мимо*. Эти лексемы указывают на рассогласование ожидания и реальности. При актуальном указании на противоречие в них используется особая тональная фигура: восходящий тон на консонантном начале слога и нисходящий на слоговой ядре (как бы сжатый вариант сочетания высокого и низкого регистра тона, который используется при нелексическом противоречии). Примеры:

(16) — *Ты знаешь, поезд опаздывает* (+прот)!

(17) — *Мне кажется, ты ошибся* (+прот)!

В данном тексте будут подробно рассмотрены случаи лексической встроенности эмфазы и антиэмфазы. Семантические характеристики, которые обуславливают такую лексикализацию, нетривиальны и заслуживают детального обсуждения. В то же время дискурсивное использование эмфазы и антиэмфазы также не будет обойдено вниманием — ему будет посвящена отдельная часть работы.

2. Эмфаза как вид фокализации

2.1. Лексическая эмфаза

В самом общем виде функцию эмфазы можно определить как маркировку важного, являющегося центром ориентации в данной ситуации или в системе знаний о мире. В случае лексической эмфазы речь идет о втором случае. Важными являются прототипические концепты, которые в полной мере воплощают функционально значимые характеристики ситуаций и объектов. Напротив, антиэмфаза есть показатель невыраженности или дефектной реализации некоторого свойства.

Перечислим сначала лексические разновидности общего семантического прототипа эмфазы/антиэмфазы (полнозначные лексемы):

а) установка интеллектуальной и прочей деятельности: мобилизация vs. демобилизация внимания или активности (ср. западная «заорганизованность» и русское «апофигейство»): *собранный, подтянутый, дельный, аккуратный, старательный, обязательный; как следует, как надо, что надо* (+эмф).

Сюда же примыкают слова, обозначающие функцию наблюдения и свойство внимательности: *дозор, сторож, вахтер, дежурный; внимательный, приметливый, осторожный* (+эмф). При подчеркивании личностных характеристик такого вида возможен побочный акцент на начальном безударном слоге слова:

(18) — *Он такой п'одт'янутый, вн'им'ательный!*

Приведем теперь лексемы со значением антиэмфазы:

— *растяпа, разиня, разгильдяй, раздолбай, расхлябай, ворона* (-эмф) (ср. обычное произнесение слова *ворона*); *тяп-ляп, мура; наплевать, начхать, до лампочки* (-эмф).

Ср.

(19а) — *Он не дотянулся до лампочки* (нтр) и (19б) — *Ему все до лампочки.* (эмф));

б) маркированная полнота vs. неполнота реализации физического качества:

— *полный, толстый, огромный, глубокий, крупный, могучий, богатырь* (+эмф) vs. — *тощий, крохотный, мелкий 1 и 2, слабый, слабак, хилый, некудышний* (-эмф).

Для обозначения еще одной разновидности рассматриваемого признака воспользуемся предложенным С. М. Толстой термином «каритивы» (от лат. *caritative* — лишенный качества), дополнив его парой «антикаритивы»: *сухой — мокрый, пресный — вкусный, блеклый — яркий, тупой — острый, вялый — крепкий*. Первые члены в каждой из этих пар произносятся как бы с редукцией гласных, тогда как вторые — с подчеркнутой полнотой. Обратим внимание на показатель-

ное отсутствие форм превосходной степени у «каритивов» (*сушайший, блеклейший* и т. п.).

Обратим внимание на то, что в работах, посвященных семантической классификации прилагательных, различие двоичных привативных (0 vs. +) и троичных эквиополентных (- vs. 0 vs. +) оппозиций (по Н. С. Трубецкому) не отмечено. Т. е. оппозиции типа *сухой — мокрый* (нарастание качества на единой шкале) не отделяются от оппозиций типа *молодой — среднего возраста — старый* (удаление от нейтрального в двух противоположных направлениях) (см. обзор современных семантических исследований прилагательных в [Рахилина 2000]).

в) маркированная привлекательность vs. непривлекательность: *писаная красавица, чудо, диво-дивное* vs. *уродина, замарашка, говнюшка*.

г) полнота vs. неполнота (дефектность) реализации духовной или социальной роли: *Бог, Господь, пророк, божественный, царь, мощный, властный, богатый, умный, гордый (+эмф)* vs. *черт, бес; холоп, раб, слабый, никчемный, нищий, глухой (-эмф)*.

д) центр, цель, целенаправленность, значимость vs. оболочка, периферия, недостижение цели, ненаправленность, незначимость: *сам, самый; главное, важное; вещь!; суть, сущность; мозг, корни, сердцевина, основа (+эмф)*.

Напомним в этой связи известные строки Б. Л. Пастернака:

(20) *Во всем мне хочется дойти
До самой сути...
До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины...* (Б. Пастернак)

Ср. *ерунда, чепуха, чушь собачья, мелочь, мелочь пузатая, мура/фигня зеленая; кожура, ботва; ни то, ни се...*

е) целенаправленность vs. произвольность действия:

бросить — уронить, выбросить — потерять, порезать — порезаться; нарочно, специально — нечаянно, случайно и т. п.

Ср. просодическое оформление двух номинаций одного и того же по результату действия (произвольного и произвольного):

(21) *Эта ваза его раздрожала и он ее *разбил (+эмф).*

(22) А. — *Что-то я не вижу вазы.* Б. — *А я ее 'разбил нечаянно (-эмф).*

Выделительный акцент (знак *) на словах с семантикой произвольности невозможен — здесь используется фразовое ударение (знак апострофа).

(23а) А. — *Как же это он ее *разбил?* Б. — *Дь 'случайно* (-эмф, +кон).

Ср.

(23б) А. — *Как же это он ее *разбил?* Б. — *А вот так — *нарочно* (+эмф)!

ж) необходимость vs. факультативность

(24) — *Нужно ему помочь!* (+эмф) vs. — *Мог бы ему и помочь* (-эмф)!

з) префиксальные техники выражения целенаправленности, результативности, полноты (гиперполноты) vs. дефектности осуществления действия:

— *доделать, достичь, добраться, догнать, добыть, достать* (также *добытчик*); *наестся, набраться (ума)*; *задумать, заставить* (+эмф) (здесь возникает побочный акцент на начальном слоге);

— *забежать, заглянуть, зайти; посидеть, поболтать, попрыгать, покушать; недоделать* (-эмф) (близкая к [г̊] реализация предупредных «а» и «о») (ср. *дошел до цели — дошел до ручки, доделать — недоделать*);

и) глагольные интенсивы vs. антиинтенсивы:

как вскочит, как заорет (+эмф) vs. *плетется, еле языком ворочает* (-эмф)

Приведем примеры интенсивов ((25) и (26)) и антиинтенсивов (27) в русском стихе. Различие просодических огласовок здесь ярко выражено:

(25) *Бразды пушистые взрывая,*

Летит кибитка удалая...

(26) *Швед, русский колет, рубит, режет...* (А. Пушкин)

(27) *Тихий вечер догорает,*

Горы золотя.

Летний воздух холодает.

Спи, мое дитя... (А. Фет)

Другие фрагменты общеизвестных текстов дают примеры фатического общения на фоне незначимых изменений картины мира:

(28а) *Дело было вечером,*

Делать было нечего.

Галка села на заборе.

Кот забрался на чердак.

Тут сказал ребятам

Боря просто так... (-эмф)

(28б) — *А у меня в кармане гвоздь!*

— *А у вас?*

— *А у нас сегодня гость!*

— *А у вас?...* (-эмф) ... (С. Михалков)

2.2. Эмфаза и антиэмфаза в дискурсивных словах

Приведем некоторые клишированные обороты с дискурсивными словами, иллюстрирующие фокализованные и антифокализованные установки говорящих:

уж

- (29) — *Ну это уж слишком* (+эмф, +кон)!
 (30) — *Ты уж прости ему* (-эмф)?
 (31) — *Ну ты уж скажешь* (-эмф)?
 (32) — *Уж кто-кто* (+эмф, +кон), — *ответила она, хохоча, — а уж я-то* (+эмф, +кон) *смею* (+эмф, +кон) *коснуться!* (Булгаков)
 (33) — *Ничего подобного, — воскликнул рыжий, — что это такое: раз уж заговорил, так уж* (-эмф) *непреренно арестовать! Просто есть к вам дело.* (Булгаков)
 Ср. (34) — *Раз уж заговорил, продолжай!* (+эмф)

впрочем / между прочим

- (35) — *Просит подождать с долгом. Говорит, что ему скоро заплатят. Я, впрочем* (-эмф), *ему не верю* (+кон).
 (36) — *Между прочим* (+кон, +эмф), *верить ему не следует* (+прот).

действительно (1, 2 и 3)

- (37) — *Действительно, надо было прийти* (+эмф)!
 (38) — *Извольте-с. История моя, действительно (нтр), не совсем обыкновенная, — начал гость.* (М. Булгаков)
 (39) — *Ну ты, действительно, скажешь* (-эмф)!

может быть / быть может / может

- (40а) А. — *Что-то он задерживается. Б. — Не беспокойся! Может быть, машина опять сломалась* (нтр).
 (40б) А. — *Что-то он задерживается. Это на него не похоже. Б. — Быть может* (+эмф), *что-то случились* (+эмф).
 (40в) — *А, может, ничего и не случилось* (-эмф).

2.3. Эмфаза как компонент иллокутивной характеристики фразы

2.3.1. Эмфаза и антиэмфаза в восклицаниях

Типичные реплики, в которых управление вниманием и оценка важности (эмфаза/антиэмфаза) является иллокутивной целью:

(41) — *Это важно!*; — *Не забудь!*; — *Внимание!*; — *Давай! Давай! Скорее!* (+эмф)

(42) — *А-а, наплевать!*; — *Все равно!*; — *Какая разница!*; — *Дь черт с ним!* (-эмф)

Различие просодических огласовок здесь ярко выражено.

2.3.2. Эмфаза и антиэмфаза в побуждениях

Возможная (по типологическим соображениям) фокусная иерархия грамматических лиц ($1 > 2 > 3$) в побуждениях не обнаруживается. Выше рассматривалась властная и имущественная иерархия лиц и ее отражение в лексический фокализации. Ей соответствуют, хотя и не всегда, роли «хозяина» и «слуги» в побудительных актах: «хозяин» распоряжается, а «слуга» просит. Однако контроль говорящего над ситуацией является не единственным параметром, определяющим выбор значения признака «эмфаза». Не меньшую роль играет степень вовлеченности «хозяина» в ситуацию, его интерес в результате акта побуждения. Поэтому «хозяин» может распоряжаться с эмфазой, нейтрально или даже с антиэмфазой (демонстрируя безразличие или дистанцирование), тогда как «слуга» обычно подчиняется только с антиэмфазой. Однако «слуга» может также «бунтовать», претендуя на равноправие с «хозяином».

1) Контроль над ситуацией

Отношения «хозяина» и «слуги» предполагают модусы долженствования и позволения и часто реализуются в диалогических парах типа «приказ — реакция», «требование — реакция», «просьба — реакция».

Приказы и инструкции и реакции на них

(43) А. — *Принеси сапоги* (+эмф)! Б. — *Слушаюсь* (-эмф).

(44) А. — *И старайтесь не шуметь* (+эмф)! Б. — *Есть стараться не шуметь* (-эмф).

(45) А. — *Отдать якорь* (+эмф)! Б. — *Есть отдать якорь* (-эмф).

(46) А. — *С этой бумагой пойдешь к начальнику* (+эмф). Б. — *Понял* (эмф).

Требования и реакции на них

(47) А. — *Верните деньги* (+эмф)! Б. — *Пожалуйста, подождите еще неделю* (-эмф)!

(48) А. — *Ты должен извиниться* (+эмф)! Б. — *Дь я знаю* (-эмф).

(49) А. — *Верни ему деньги* (+эмф)! Б. — *И не подумаю* (+эмф)!

Советы и реакции на них

(50) А. — *Я тебе советую — не давай ему больше денег* (=эмф)! Б. — *Может, ты и прав* (-эмф). / Б. — *Это не поможет* (+эмф)!

Настойчивый совет

- (51) А. — *Я бы на твоём месте порвал с ней (+эмф)*! Б. — *Это невозможно (=эмф)*.
 (52) А. — *Вы сейчас надеваете красивое платье и едете в театр. Хватит сидеть дома (+эмф)*.

Просьбы и реакции на них

- (53) А. — *Разрешите доложить (-эмф)*. Б. — *Докладывайте (+эмф)*.
 (54) А. — *Вы не позволите от вас позвонить (-эмф)?* Б. — *Звоните (=эмф)* / — *Звоните, ради бога (-эмф)*.
 (55) А. — *Можно от вас позвонить? (= эмф) (нахально)* Б. — *Нет, отсюда нельзя (+эмф)*.

Предложения и реакции на них

- (56) А. — *Давай сыграем (-эмф)*! Б. — *Можно (=эмф)*! / — *Я не играю (+эмф)*.
 (57) А. — *Может тебе сменить врача (-эмф)?* Б. — *Да, наверное, придется (-эмф)*.

Объективная вынужденность

- (58) — *Придется тебе взять отпуск (-эмф)*.

2) Степень вовлеченности

Три степени вовлеченности «хозяина» (реакции на сообщения):

- (59а) — *Пусть возьмет себе помощника (=эмф). А то не справится*.
 (59б) — *Не справляется? Это не годится. Пусть возьмет помощника (+эмф)*.
 (59в) — *Хочет взять помощника? Пусть себе берет, раз ему надо (-эмф). Только пла- тить будет сам (+эмф)*.
 (60а) А. — *Можно убирать?* Б. — *Да, убирайте (=эмф)*.
 (60б) А. — *Убирать нужно?* Б. — *Да, обязательно (+эмф)*! / — *Дь не обязательно (-эмф)*.

2.4. Другие дискурсивные проблемы, связанные с эмфазой

Покажем на некоторых типичных диалогических примерах просодические огласовки, отражающие фокализационные установки участников дискурса:

2.4.1. Эмфаза и топиализация

- (61а) — *Иванов-то (+эмф) — первое место (+эмф) занял!*
 (61б) — *Иванов-то (+эмф) — выиграл (+эмф, +кон)!*
 (61в) — *Иванов-то (+эмф, +кон) — выиграл (+эмф, +кон)!*

Ср. антитопик:

- (61г) — *Да он у нас быва-ал (-кон) — Иванов-то (-эмф)!*

2.4.2. Эмфаза и «таймирование» тона

Как просодические корреляты разных значений признака эмфазы можно рассматривать разные типы «таймирования» нисходящего тона: нисходящее движение на всем слоге (нейтральное значение, т. е. = эмф); нисходящее движение на гласном (+эмфаза); нисходящее движение на согласном (-эмфаза).

- (62a) А. — *Что-то мы далеко встали.* Б. — *Не беспокойся — подгоню.* (\СГ, =эмф)
 (рис. 1) (см. Приложение)
 (62б) А. — *Ты не можешь подогнать поближе?* Б. — *Подгоню* (\Г, +эмф). (рис. 2)
 (62в) А. — *Ты не можешь подогнать поближе?* Б. — *Подгоню* (\С, эмф). (рис. 3)

2.4.3. К проблеме фонетического эллипсиса в «разговорной» речи

Фонетический эллипсис представляет собой типичное явление непринужденной разговорной речи (см. [Кодзасов 1973]). Он является следствием сочетания двух фокализационных установок непринужденного дискурса: установки на малую информационную значимость некоторых компонентов такого дискурса (-эмфаза) и установки на положительную психологическую установку партнера (категория «свой»).

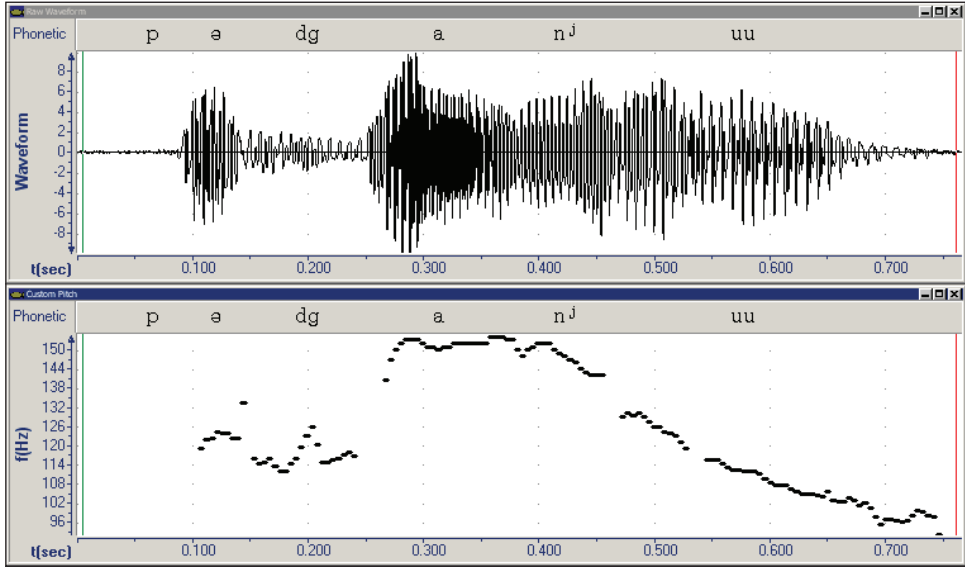
Литература

- Бонно, Кодзасов 2001 — *Бонно К., Кодзасов С. В.* Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линейризацию и интонирование / Ред. К. Киселева, Д. Пайар. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М., 1998.
- Дискурсивные слова русского языка 1998 — Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Ред. К. Киселева, Д. Пайар. М., 1998.
- Киселева, Пайар 2003 — *Киселева К., Пайар Д.* Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство. М., 2003.
- Кодзасов 1989 — *Кодзасов С. В.* Интонация контраста и противоречия // Логический анализ языка. М., 1989.
- Кодзасов 1973 — *Кодзасов С. В.* Фонетический эллипсис в русской разговорной речи // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. М., 1973.
- Николаева 1982 — *Николаева Т. М.* Семантика акцентного выделения. М., 1982.
- Николаева 1985 — *Николаева Т. М.* Функции частиц в высказывании. М., 1985.
- Рахилина 2000 — *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
- Скорикова 1999 — *Скорикова Т. П.* Лингвистические приметы акцентно маркированных лексем в устном научном тексте // Проблемы фонетики. 3. М., 1999.
- Янко 2001 — *Янко Т. Е.* Коммуникативные стратегии в русской речи. М., 2001.

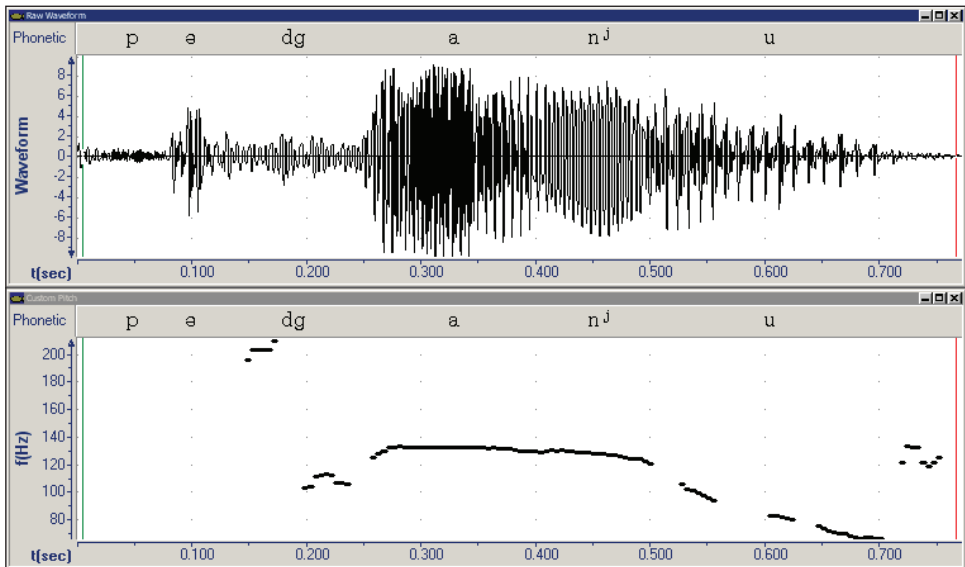
- Chafe 1976 — *Chafe W. L.* Givenness, Contrastiveness, Definiteness, Subjects, Topics, and Point of View. Subject and Topic. N. Y.: Academic Press, 1976.
- Drubig 2003 — *Drubig H. B.* Toward a typology of focus and focus constructions // *Linguistics*. Vol. 41. № 1. 2003.
- Kodzasov 2003 — *Kodzasov S. V.* Varieties of focalisation in Russia: semantics and prosody // *Mémoires de la Société de Linguistique de Paris. Nouvelle série*. T. XIII. 2003. P. 99—113.
- Paducheva 1990 — *Paducheva E. V.* Between sentence and utterance: subjective modality and syntactic non-subordinativity // *Revue des études slaves*. LXII. 1—2. Paris, 1990. P. 91—108.
- Robert 1993 — *Robert S.* Structure et sémantique de la focalisation // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. LXXXVIII. Paris, 1993. P. 25—47.

Акустические графики

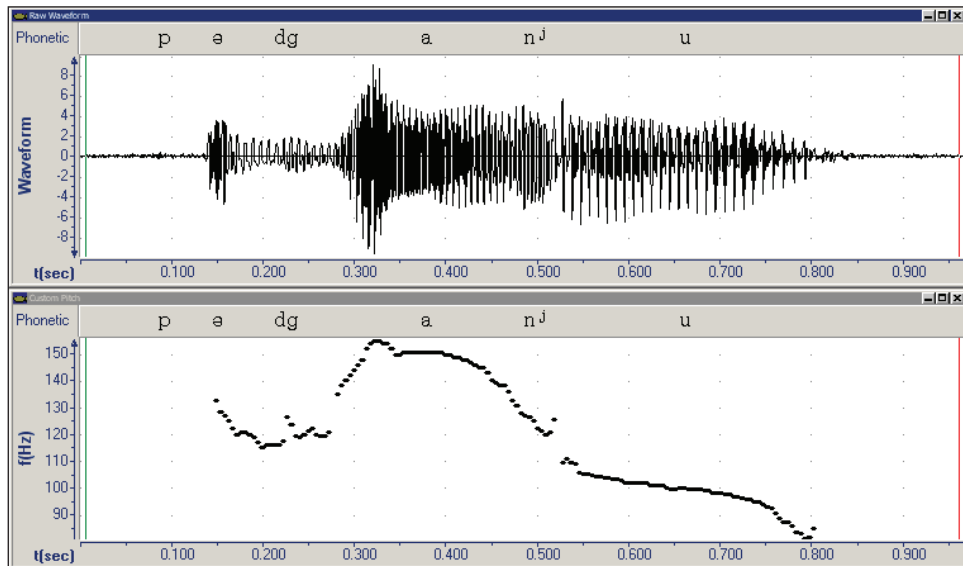
(1) А. — *Что-то мы далеко встали.* Б. — *Не беспокойся — подгоню.* (ΔГ, =эмф) (рис. 1)

(2) А. — *Ты не можешь подогнать поближе?* Б. — *Подгоню.* (ΔГ, +эмф) (рис. 2)

(3) А. — Ты не можешь подогнать поближе? Б. — Подгоню (\С, -эмф)
(рис. 3)

ЧАСТЬ 5

ПРОСОДИЯ СЛОВА

Глава 1

Лексическая и грамматическая просодия как символическое средство

Введение

Базовая функция языковой просодии — символизация непредметных семантических категорий. Эти категории задают «гештальтную» структуру отражаемой в тексте действительности в ее разных ипостасях: физической, темпоральной, социальной и ментальной. Одновременно часть просодических средств символизирует параметры ситуации речевого взаимодействия: установки и цели говорящего, фазы дискурса и т. д.

Приложимость единых категорий к разным подпространствам ментального мира — не новость для лингвиста. Однако разнообразие семантических коррелятов одних и тех же просодем начало осознаваться относительно недавно. Различные формы существования категории пространственной размерности, символизируемой произносительной долготой/краткостью, рассмотрены в главе 4 второй части настоящей книги. Разные воплощения фазовой оппозиции (начало / продолжение / конец), символизируемой направлением тонального акцента, рассмотрены в главе 3 той же части.

Мысль о символической природе фразовой просодии (интонации) уже высказывалась фонетистами (см. особенно [Bolinger 1986]). Известно символическое использование тона как средства словесной просодии [Вестерман 1963]. Символические функции некоторых фонационных и артикуляционных «тембров» были показаны в работе [Кодзасов, Кривнова 1977] (см. раздел Приложения). Однако до последнего времени не замечалось, насколько богатой является система символических просодических маркировок, и не ставился вопрос о лингвистическом статусе соответствующих фонетических средств. В значительной степени это связано с тем, что внимание исследователей было сосредоточено на тех просодических признаках, которые используются как универсальные музыкальные средства: тоне, количестве и громкости.

В прошлом мы не раз сообщали об открытии разнообразных средств словесной просодии в русском языке [Кодзасов 1989; 1995; 1996]. Однако до сих пор никакой реакции на это со стороны коллег, если не считать критической статьи Венцова [2003] (см. наш ответ на нее в [Кодзасов 2003]), не последовало. Отчасти это было обусловлено непривычностью предлагаемых признаков, большинство которых неизвестно как смысловоразличительные в общей фонетике. Таковы, в частности, при-

знаки раствора рта, вертикального положение гортани, вокальной/консонантной доминанции и другие.

Следует признать, что автор настоящей работы сам долго не замечал преимущественно символической природы обнаруженных просодий, считая их в основе таким же произвольным средством оформления слов, как сегменты. В этом случае семиотическая функция этих признаков в русском языке непонятна — ведь в различении смыслов они не участвуют. Хотя мы отмечали зависимость просодических огласовок слов от их глубинно-синтаксических функций, а также изменение значений признаков при словообразовании, однако эти явления казались маргинальными.

Трудности обнаружения семантической общности одинаковых значений просодических признаков в разных употреблениях были обусловлены большой степенью абстрактности большинства символизируемых категорий, которую мы увидим ниже при анализе конкретных признаков. Другая причина — наличие синхронно немотивированных употреблений, возникновение которых в ходе исторического развития языка и культуры неизбежно.

Еще большие трудности связаны с отождествлением самих просодических характеристик. Дело в том, что интроспективные возможности человека в области просодии крайне ограничены [Кодзасов 1987]. Лишь некоторые просодические характеристики (ударение, фразовые акценты и тоны, долготы, тон в слогоморфемных языках, просодические назализация и фарингализация) осознаются достаточно легко. В гораздо большем числе случаев просодические характеристики плохо поддаются интроспективному анализу. Однако обратим внимание на то, что просодия здесь не составляет исключения: большинство гештальтных характеристик (визуальных, музыкальных, концептуальных) осознаются плохо. Лингвисты прекрасно знают, сколь трудно описать значения абстрактных («непредметных») слов.

Имеются, правда, случаи, когда некоторые просодические характеристики «выходят на поверхность». В частности, таковы формы интенсификации оценочных характеристик. Например, интенсификация большого размера и мощи символизируется расширением ротовой полости (*Он такой то-олстый!*), а интенсификация малости и слабости — ее сужением (*Он такой то-оций!*) [Кодзасов 2005]. Многообразие «тембров», используемых для огласовок таких форм, обнаруживает обширность просодических средств символизации.

Однако одновременно возникает проблема семиотического статуса обсуждаемых характеристик. При некоторых употреблениях они близки к паралингвистическим знакам типа мимических и прочих жестов (см. о них [Крейдлин 2002]). Однако, как будет показано ниже, многие просодемы развили более абстрактные подзначения, жестовая природа которых не столь очевидна.

Серьезной проблемой является степень активности использования просодической символики разными носителями языка. Здесь имеются большие индивидуальные различия. Для одних («артистов») естественно активно символизировать любой подходящий смысл соответствующим звуковым жестом. Для других («неартистов») характерна гораздо менее активная звуковая жестикуляция.

Следующий вопрос — как взаимодействуют обсуждаемые звуковые средства с «нормальной» системой языка. Можно допустить, что для «артистов» они становятся интегральным компонентом грамматики, т. е. встраиваются в оболочки лексем и в систему грамматических и дискурсивных средств. В то же время у «неартистов» они могут остаться лишь окказиональным экспрессивным средством или вообще отсутствовать в активной грамматике. (Ср. активное и пассивное владение обценной лексикой разными носителями языка.)

Возможен и еще один вариант: носитель языка меняет свои роли в разных ситуациях — он то играет в артиста и активизирует свое знание просодической символики в реальном произношении, то переходит на роль бесстрастного диктора с подавлением «актерского» компонента речи.

Несомненна зависимость степени усвоения и активности использования символической просодии от врожденных просодических возможностей индивида. Люди со слабым музыкальным слухом сами не используют всего просодического богатства русского языка и, видимо, не способны фиксировать отсутствующие у них просодии в речи других носителей. К сожалению, среди фонетистов люди со слабым просодическим слухом не редки.

Развитие компьютерных технологий существенно меняет ситуацию с исследованием «скрытых» просодий. В частности, различия в способе «примыкания» согласных к гласным (англ. junctures), изучение которых было одной из главных задач лондонской фонологической школы (см. [Кубрякова 1964]), отчетливо видны на акустических графиках, полученных на русском материале (см. [Кодзасов, Щигель 2007]). Компьютерные базы данных, основанные на материале живой речи, позволяют увидеть разнообразие реализаций одних и тех же сегментов в сходных позициях, которое невозможно истолковать без признания влияния ранее не замеченных факторов.

Как будет показано ниже, многие из символизируемых просодией смыслов совсем не экспрессивны по природе. Они маркируют самые общие концептуальные (гештальтные) категории, на которых основана наша интерпретация мира. В этом случае они имеют крайне абстрактный характер, и иконичность таких знаков невелика. Скорее всего, лексическая и грамматическая просодия этого рода свойственна большинству носителей русского языка. Разумеется, любой говорящий в той или иной степени использует как неэкспрессивные, так и экспрессивные средства фразовой интонации.

Наконец, очень важен фактор жанра (регистра) речи. Нарративные, информационные и деловые тексты, с которыми постоянно имеет дело городской житель, по своей природе не предполагают актуализации большинства символических маркеров. Мы имеем здесь дело с чем-то вроде устранения актуальных элементов просодического оформления во вставленных предикациях (см. [Paducheva 1990]).

Однако одновременно в средствах массовой информации все большую роль играют жанры, в которых роль просодии чрезвычайно велика (реклама, ток-шоу

и проч.). Потребитель этой продукции все в большей степени поддерживает свои свойства Homo Prosodicus.

Попробуем воспользоваться визуальной метафорой для объяснения того, как могут разными способами огласовываться тексты в разных жанрах и стилях. (Мы следуем здесь за М. В. Пановым, который использовал цветные ярлыки для обозначения разных произносительных норм (см. [Панов 1990]).) Отстраненная наррация (она как бы выводит на экран некоторую цепь событий, не предполагая никакого воздействия на структуру знаний и намерений читателя) использует лишь некоторые «серые» (ослабленные по просодической выраженности) пометы, задающие сугубо поверхностный гештальт предложения: ранжированные по силе словесные ударения, паузацию, автоматические восходящие и нисходящие тоны небольшой амплитуды, стандартные количественные схемы.

Текст, рассчитанный на взаимодействие с читателем (публицистика, «активный» учебник) предполагает гораздо более активную просодию, в которой ведущую роль играют разнообразные смысловые акценты, а тон используется для маркировки фаз вынуждаемых ментальных процессов. В таком тексте используется «черно-белая» (нейтральная) просодическая окраска текста с различием степеней и типов подчеркивания.

Живой разговорный текст нормально использует «многоцветную» палитру просодических маркировок для единиц любой размерности — от морфем до предложений. При этом некоторые носители используют интенсивные варианты для всех «окрасок». Естественно, такова палитра профессионального артиста. С другой стороны, несомненно, существуют носители, у которых расширение инвентаря просодических огласовок в живом диалоге не превышает «черно-белого» уровня.

Нижеследующее описание скрытой русской просодии ориентировано на «многоцветную» речь, которая свойственна его автору. Необходимо предупредить, что автор вырос в чисто русской московской среде.

Наше описание носит предварительный характер, особенно в части, касающейся артикуляционных интерпретаций кинестезических и слуховых впечатлений автора. Средства инструментального анализа артикуляций (кинорентген, артикулограф и проч.) пока для лингвиста малодоступны. В то же время артикуляционная интерпретация акустических данных (а они ныне общедоступны) во многих отношениях остается сложной задачей.

Прежде чем перейти к описанию инвентаря русских просодических признаков, выделенных автором к настоящему моменту, укажем на формальные принципы, на которых основана просодическая грамматика языка.

1) Почти все просодические признаки троичны: они имеют нейтральное и два маркированных значения. Например, гортань, кроме нейтрального положения, может занимать более низкую и более высокую позицию, что существенно меняет спектральные характеристики гласных. Соответственно, троичны и значения выражаемых смыслов: опущение гортани связано с категорией контраста, а ее подъ-

ем — с категорией антиконтраста (совпадение с ожидаемым заполнением семантической позиции вопреки возможному рассогласованию).

2) Потенциально все признаки могут иметь разные грамматические сферы действия (от морфемы до предложения), а также разные планы использования (лексический, грамматический и дискурсивный).

Эти принципы отражены формой нижеследующего изложения инвентаря просодий: для маркированных значений признаков мы старались отразить три области использования просодий: лексическую, грамматическую (словоизменительные и словообразовательные формы) и дискурсивную.

Разумеется, типичные области применения для разных признаков различны, однако мы исходим из возможности потенциального перетекания в «чужую» область. Так, тон нормально является дискурсивным средством, но может лексикализироваться в клишированных репликах, которые составляют немалую часть реального дискурса, и даже в некоторых словах. С другой стороны, значения признака ширины глотки обычно выражают лексический контраст «свой/чужой», однако могут маркировать характер дискурса, отличая редуцированную фонетику неформального («своего») общения от подчеркнуто полной фонетики официальной речи.

Предупредим о высокой степени абстрактности большинства категорий, которые маркируются скрытыми просодиями. В заключении мы обсудим их семиотическую природу и возможный генезис.

Поясним технику фиксации признаков значений: положительное значение маркируется знаком плюс, отрицательное знаком минус, а нейтральное знаком равенства.

Необходимо сделать еще два предупреждения. Во-первых, при анализе всех признаков мы рассматриваем только маркированные их значения, однако приводим примеры слов с нейтральным значением (таких слов в словаре, разумеется, большинство). Во-вторых, возможны сочетания маркированных значений разных признаков в пределах слова или фразы. В рамках данного текста мы не пытались рассмотреть все потенциальные признаковые комбинации.

ИНВЕНТАРЬ РУССКИХ ПРОСОДИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ

1. Интегральные признаки, задающие объем и форму резонаторов

1.1. Вертикальная поза языка и общий уровень громкости

Артикуляция:

Увеличение ротового прохода за счет уплощения языка (без увеличения раствора, т. е. опускания нижней челюсти) vs. уменьшение величины ротового прохода за счет подъема языка как целого (без уменьшения раствора, связанного с положением нижней челюсти) vs. нейтральное положение языка. Эти интегральные установки меняют пространство язычных смещений, связанных с артикуляциями гласных, но не приводят к их существенным модификациям.

Величина воздушного прохода во рту скоррелирована с объемом воздушного потока, создаваемого легкими, а тем самым с громкостью. Условные номинации для маркированных значений признака: «эмфаза» vs. «антиэмфаза».

Семантика:

«эмфаза» (маркер значимости, достижения положительного значения некоторого качества) (+) vs. «антиэмфаза» (маркер «антизначимости», близости к выходу за пределы положительного значения некоторого качества) (-) (возможная английская номинация для этой оппозиции: + / — Capacitive).

Лексика

Эмфаза +:

Активный, обладающий физическим потенциалом: *могучий, могучий, сильный*

Обладающий духовным, социальным или психологическим весом: *Бог, царь, князь, барин, богатый, хозяин, колдун, знахарь*

Полноценный: *здоровый, ловкий, бодрый, упругий*

Неограниченный: *свободный, вольный*

Обладающий интеллектуальным потенциалом: *умный, разумный; помнить*

Мужчина: *муж, отец, брат, сын*

Лексикализованная роль Агенса: *воин, охотник, палач*

Эмфаза -:

Пассивный, не обладающий физическим потенциалом: *больной, немощный, слабый, хилый, вялый*

Не обладающий социальным или психологическим весом: *холоп, раб, батрак, крестьянин, мужик, бедный*

Ущербный: *калека, заика, больной, неуклюжий, хромой, косой; забывчивый*

Ограниченный в возможностях: *узник, заключенный, заточенный*

Не обладающий интеллектуальным потенциалом: *глупый, дурак, придурок*

Ребенок: *ребенок, дитя, младенец*

Лексикализованная роль Пациенса: *жертва, дичь*

Неинтерпретируемое: *овоци* (ср. номинацию для умственно неполноценных стариков — *овоц*)

Эмфаза =:

Отсутствие семантики встроенной потенции или ее отсутствия: *мама, папа, девочка, мальчик, сосед, друг, собака*

ГРАММАТИКА

Роль Агенса: *Папа (+) работает (+). Мама (=) работает (=). Батрак (-) работает (-).*

Роль Пациенса: *Папа (-) спит (-). Мама (-) спит (-). Батрак (-) спит (-).*

Как видим, в одноактантных агентивных предикациях глагол согласуется с подлежащим, а в пациентных любое подлежащее получает огласовку стативного глагола.

В двухактантных предикациях при рассогласовании встроенных и актуальных ролей актантов сильнее оказывается встроенная роль. При этом глагол согласуется с пациенсом:

*Дочка (-) *обидела (+) *отца (+).*

**Отец (+) `обидел (-) `дочь (-).*

В этих предложениях различие словесных огласовок заметно сказывается на силе сентенциальных акцентов. Поясним транскрипционную технику: * — выделительный акцент (ВА), ` — фразовое ударение (ФУ) (в терминах Т. М. Николаевой).

1.2. Раствор (вертикальное положение нижней челюсти)

Артикуляция:

Широкий раствор vs. узкий раствор vs. нейтральный раствор. Узкий раствор придает легкую умлаутизацию гласным заднего ряда. Широкий раствор создает благоприятные условия для перехода узких гласных в средние, а средних — в низкие.

СЕМАНТИКА

Расширение, добавление, увеличение, сложное целое vs. сужение, уменьшение, часть целого.

ЛЕКСИКА

Широкий раствор (Ш):

1. Расширение, увеличение: *большие, увеличить, обций, вместе, совместно*
2. Разновидности единого: *сорта, масла, вина, земли, сыры* (отметим отсутствие *и*-образности звука [ы] при широком растворе в слове *сыры*)
3. Совокупное множественное (1): *гнезда, звезды, ведра, версты* (в этих словах имеет место «неправильный» исторический переход «ять» в /о/)

Совокупное множественное (2): *колеса, яйца* (птиц); *овцы, козы, куры, гуси, ребята* (диал. *робята*), *мужики, народ; Россия* (диал. *Россея*)
4. Совокупные пары: *пара, глаза, руки, ноги, уши, груди* (однако нейтральный раствор при непарной семантике этих словоформ: *Здесь лечат уши.*)
5. Мультипликация объекта: *тень, фото, портрет*

Узкий раствор (У):

1. Уменьшение, сокращение, неполнота: *меньше, убавить, цедить, вычесть; часть, кусок, след, намек*
2. Компонентное целое: *сани, стороны, углы, пальцы, волосы, усы*. В диалектах встречается палатализация велярных в формах *руки, ноги*. Возможно, она связана с интерпретацией этих пар как единого целого, приводящей к сужению раствора, способствующего палатализации. Характерно *и*-образное завершение [ы] в словах *углы, усы*.
3. Совмещение: *совпасть, слиться*

ГРАММАТИКА

Широкий раствор дают аффиксы расширения: *прирост, приписывать, прибавлять, присоединять; добавлять, дописывать; соединяться, сходиться, совокупляться, сомкнуть, собрать* и т. п.

Примечание 1: в широкорастворных словах типа *добавлять, дополнять, собирать, совокупляться* отсутствует редукция 2-го предударного гласного до [ъ].

Узкий раствор:

— аффиксы сужения и диссоциации: *отнять, отрезать, разойтись, разобрать* и т. п.

— сингулятивы: *соломина, рыба, холстина*

Примечание 2: в узкорастворных словах типа *совпасть, отнять, соломина* происходит редукция предударного гласного до [ъ], а не до [ʌ].

Дискурс

1. Наблюдается расщепление дискурсивной частицы *еще*: — *Он еще себя покажет!* (широкий раствор) vs. — *Он еще не пришел.* (узкий раствор и редукция ударного гласного)

2. Агрессивно-пренебрежительная тембральная окраска речи или ее отдельных фрагментов сопровождается сужением раствора (говорение «сквозь зубы»). Ср. уменьшительно-пренебрежительные формы типа *Ваньтя* и т. п. (палатальный смычный на месте к') в русских диалектах. Напротив, для обращений к начальству характерно маркированно полное (широкорастворное) произнесение имени.

1.3. Объем буккальной (дозубной) части рта

Артикуляция:

губы трубочкой вытянуты вперед (Б>) vs. губы растянуты по горизонтали и подтянуты к зубам (Б<). В последнем случае наблюдается тенденция к делабиализации огубленных гласных. В паре *слушать* — *слышать* эти различия реализованы в полной мере. Изменение буккального объема сопровождается соответствующим изменением раствора, однако здесь это побочная артикуляция. Артикуляция (Б>) сопровождается меньшей громкостью произнесения, чем артикуляция (Б<).

СЕМАНТИКА: сенсорный поиск, неопределенность, неформленность объекта сенсорного воздействия (Б>) vs. сенсорный контроль, отождествленность источника сенсорного воздействия (Б<).

ЛЕКСИКА

Большой буккальный объем (Б>)

Сенсорный поиск: *слушать, вслушиваться, смотреть, всматриваться, нюхать, внюхиваться, трогать, щупать*

Сенсорная неопределенность, неформленность, некомпактность: (какой-то) *шум, гул; воздух, пар, облако, туман, тьма, дым; (кому-то) дурно, обморок*

Рыхлое, некомпактное: *рыхлый, пух, пухлый, жидкий, снег, сено, ком*

Переносное употребление — некогерентность: *сброд, мешанина, толпа, масса*

Малый буккальный объем (Б<)

Сенсорное отождествление: *слышать, видеть, чують, чувствовать, ощущать, пахнуть, вонять*

Отрицательные сенсорные состояния: *уколоться, обрезать, обжечься, оцарапаться*

Сенсорная определенность: *крик, звон, грохот, холод, жар, боль, запах, вонь*

Нейтральное значение признака: *думать, помнить, знать, красиво, понятно*

1.4. Горизонтальная поза языка

Артикуляция:

Общее смещение тела языка вперед (оно создает общий «умлаутный» фон) vs. смещение массы языка назад (оно создает общий лабио-велярный фон). Возможно, эти жесты обусловлены не только состоянием внешних мышц языка (они связывают язык с подбородком и глоткой), но также положением подъязычной кости. Эти жесты имеют ясные акустические следствия: повышение второй форманты в случае передней позы языка и понижение в случае задней.

СЕМАНТИКА

Близость, положительная оценка в случае передней позы языка vs. дальность, отрицательная оценка в случае задней позы. В статье «Две заметки о звуковом символизме» [Кодзасов 1975] мы высказывали предположение о связи символики передней позы языка с особенностями анатомии младенца: гортань вначале занимает более высокое положение, что приводит к более передней локализации язычной массы. Характерно наличие палатализованных зубных в «детских» словах (*няня, тетя, тятя, сися* и т. п.). Напротив, жестовая символика дальности проявляется в переходе *a* в *o* в звательных формах, широко распространенном в языках мира.

Передняя поза языка (III)

Лексика

Положительное: *правда, хлеб, польза, выгода, удача, ребенок, друг, подруга* и т. п.

Однако семантическая мотивация передней позы некоторых слов синхронно отсутствует: *рак, комар, дыра*. (В русских диалектах в этих словах встречается палатализация *p*.)

Дискурс

Экспрессивная положительная оценка: — *Наташа! Как я рад тебя видеть!* (вся фраза произносится на передней позе языка)

Примечание: от передней позы языка следует отличать выдвигание вперед нижней челюсти, которое является жестом агрессии: — *Ну ты, гад, поди сюда!*

Задняя поза языка (ЗП)

Лексика

Отрицательное: *ложь, подлость, обман, измена* и т. п. Однако семантическая мотивация задней позы неочевидна в таких, например, словах, как: *крыло, гриб, скрип, крынка, крик*. В них по диалектам наблюдаются колебания твердого и мягкого *p*.

Грамматика

1. Характерна задняя поза языка в словах, содержащих префикс *про-* с семантикой ущерба: *променять, прокутить, проиграть, продуть, продешевить, проилляпить, просмотреть* (ср. словосочетания *просмотреть книгу, продуть трубу*, где семантика ущерба отсутствует и поза языка нейтральна).

2. Почему-то веляризованы глагольные формы 1 лица мн. ч.: *живем, несем, идем*. Этому соответствует диспалатализация конечного согласного основы в некоторых русских диалектах: *живом, несом, идом*).

Дискурс

Экспрессивная отрицательная оценка: — *Наташа! Как тебе не стыдно!* (вся фраза произносится на задней позе языка)

1.5. Объем верхней глотки

Артикуляция и акустика

Уменьшение объема верхней глотки есть результат комплексного действия нескольких жестов: сокращения верхнеглоточных круговых мышц-сфинктеров (при этом стенки верхней глотки отвердевают), смещения назад корня языка и опускания небной занавески. Увеличение объема глотки, напротив, связано с расширяющим действием глоточных мышц-антагонистов, смещением вперед корня языка и подъемом небной занавески. Таков механизм просодической оппозиции Constricted Pharynx / Expanded Pharynx, хорошо инструментально изученной в некоторых африканских языках [Lindau 1975].

Автор настоящего текста имел возможность оценить на слух это просодическое противопоставление в речи носителя одного из африканских языков. При сужении глотки гласные слышатся как неполные, недоартикулированные («стертые», «редуцированные»), при расширении — как гиперполные.

Как нам представляется, в русском языке используется тот же или довольно близкий просодический признак. Это подтверждается сходством акустической картины: «стертые» гласные имеют относительно равномерное распределение энергии в спектре, нижние форманты не так сильно противопоставлены по энергии всем прочим. Слова этого типа не принимают выделительных акцентов. Напротив, гиперполные префиксы имеют акцентогенные свойства и перетягивают на себя словесное ударение [Кодзасов 1995].

СЕМАНТИКА:

Контраст: «свое», органически присущее, неотъемлемое (узкая глотка) vs. «чужое», неприсущее (широкая глотка).

Сужение верхней глотки («редуцированные» формы) (+P)

Лексика

Общий смысл имеет несколько манифестаций:

1. Неотделяемое свойство:

Родина, мать, отец, душа, голос, походка, запах

2. Идентифицирующее свойство:

кованый, стреляный, рогатый, клыкастый

3. Принадлежащее данному пространству, внутреннее, свое, «нутряное»:

свой, свойство, собственный, естественный, нутро, присутний, присвоить, освоить

4. «Домашние» имена: *Наташа, Маша, Алеша, Вова...*

5. Имеется большой класс «стертых» слов, в которых сужение глотки отражает утраченную назализацию гласных: *дуб, сук, зуб* и т. д. С семантикой просодия слов здесь не связана. В то же время фонетическая мотивация такого перехода очевид-

на: низкая позиция небной занавески при назализации сокращает объем глотки, создавая акустический эффект, подобный ее круговому сужению.

6. Синхронно и диахронически немотивированное: *огурец, огород, пахоть*

ГРАММАТИКА

Предлог *у* со значением пребывания в личной сфере некоторого лица:

Он сейчас у начальника (+P). У Иванова (+P) есть брат.

ИНТЕРАКТИВНАЯ УСТАНОВКА ДИСКУРСА

«Присвоенный» дискурс (установка на «своего»):

— *Ну ты, брат[ъ], даешь!*

— *Да что[ъ] ты говоришь!*

Общение с ребенком (сужение глотки здесь сочетается с передней позой языка):

— *Кто у нас тут проснулся (+P)?*

— *Ой, как мы хорошо поспали (+P)!*

Примечание

«Редуцированные» слова не способны принимать выделительные акценты и иметь паузальный разрыв с соседями (см. [Кодзасов 1995]). Они получают лишь некоторое усиление ударения (знак ’), при этом согласованные с ними слова также получают ослабленный акцент. Ср.:

— *А *Наталья / *приехала? vs. — А ’Наташа ’приехала?*

Расширение верхней глотки (гиперполные (ГП) формы)

Лексика

Ингерентно чуждое: *зоб, горб, грыжа, бельмо; чужой, чуждый, чужак.*

Словообразование

Акцентогенные префиксы с семантикой выхода за пределы зоны, ингерентно присущей базовому концепту: *правнук, прадед, пасынок, падчерица, патрубок, пазвук, отзвук, отблеск, признак.*

Префикс *вы-* с семантикой выхода за пределы или исчерпания некоторого пространства (физического, ментального, социального): *выйти, выбросить, выучить, вырубить* и т. п. Как видим, гиперполные префиксы в формах совершенного вида перетягивают на себя ударение. В то же время почему-то формы несовершенного вида (*выходить, выбрасывать*), напротив, имеют редуцированную просодию.

Дискурс

Отчуждающий дискурс (в сочетании с задней позой языка):

— *Посторонних просим выйти (+ГП)!*

— *Почему вы не позвонили (+ГП)?!*

— *Что ты такое говоришь (+ГП)!*

Отчуждающая цитация:

— *Этот твой «друг» — порядочный наглец (+ГП)!*

— *Помог, называется (+ГП)!*

Частицы отчуждающей оценки:

— *Как так (+ГП)? Не понимаю.*

— *Что такое (+ГП)? Почему ты вернулся?*

Выход за пределы актуализованного пространства «видения»:

— *Ты не всех перечислил. Ко-олю (+ГП) забыл.*

Частицы выхода из ситуации:

— *...Во-от (+ГП).*

— *...Та-ак (+ГП). Дальше.*

1.6. Вертикальная поза гортани

Артикуляция:

Подъем гортани сокращает объем глотки по вертикали и смещает тело языка вверх. Это дает слабый тип «эмфатической палатализации», т. е. умлаутный тембр гласных. Опускание гортани, напротив, увеличивает объем глотки и придает голосу «насыщенность». Эта поза характерна для оперного пения.

Акустика

Сонограммы показывают общее усиление формант (особенно высоких) при опускании гортани. При подъеме гортани наблюдается повышение частоты 2-й форманты.

Семантическая оппозиция: антиконтраст (совпадение на фоне возможного рас-согласования)/контраст

Высокая поза гортани (ВГ)

Лексика

Близкое: *вот, вот-вот, тут, рядом, скоро*

Совмещение: *как раз, точно, в точку, в яблочко, именно, годен, подходит, совпало, он самый, тот же самый, столько же, она же, сосед*

Прилегающая оболочка: *кожура, скорлупа, ботинки, обувь*

Синхронно немотивированное: *келья, шея, Мария*

Дискурс

Стандартная техника антифокализации (именно +X, вопреки предположению о возможном —X):

— *Именно!;*

— *Вот-вот!* (подтверждение)

Ироническое:

— *Щас! Побежал!* (с дополнительной экспрессивной просодией)

Низкая поза гортани (НГ)

Лексика

Далекое: *вон, во-он там, далеко*

Контрастивное (слово целиком произносится при низкой позе гортани):

наоборот, странный, чудной, редкий

Немотивированное: *мозг, берлога*

Грамматика

Префикс *роз*: *розыгрыш, розвальни, рассказы* и т. п. Этот префикс сочетает низкое положение гортани с буквальным расширением. При такой артикуляционной позе *р* не может вибрировать и произносится близко к звуку типа *tap* (одно-разовое касание альвеол кончиком языка).

Дискурс

Опускание гортани является стандартной техникой контрастивной (поляризующей) фокализации: — *Да какой там Ваня! Пе-етя!*; — *Ну во-от!* (вопреки ожиданию)

Слова с семантикой текущей положительной оценки (типа *красивый, умный, нравится, полезный...; неглупый, не плохо* и т. п.) обычно получают в дискурсе контрастивный акцент: — *Разумное (НГ) решение!* Напротив, лексемы с отрицательной аксиологической оценкой (*дурак, дурак-дураком, глупый, уродливый* и т. п.) не принимают контрастивной огласовки даже в контексте эксплицитного контрастирования: — *Да какой он умный! Дурак-дураком.* Это означает, что язык исходит из встроенной дефектности мира, а наблюдаемые положительные состояния оцениваются как неожиданные, контрастирующие с базовой установкой.

1.5. Ширина вентрикулярного прохода (вп)

Артикуляция:

Вентрикулярным проходом называется щель между ложными голосовыми связками. Обычно считается, что эта часть гортани не используется в нормальной речи, что, по нашему предположению, неверно. К сожалению, мы не располагаем возможностью инструментального исследования вентрикулярных артикуляций и основываемся лишь на интроспективных наблюдениях. Разумеется, они сугубо предварительны и нуждаются в экспериментальной верификации, которая пока недоступна.

В принципе, импульсное сведение (на ударном слоге) ложных связок дает узкий проход, импульсное разведение — широкий проход. Последний жест в случае лабиализованных звуков сопровождается буквальным расширением, что дает [y]-образное начало [o] в словах типа *ворона*. Сужение вентрикулярного прохода (в словах типа *ворон*), напротив, сопровождается буквальным сужением, т. е.

уменьшением степени лабиализации вытянутого типа. Двойное сужение голосового тракта в словах типа *ворон* компенсируется усилением дыхательной активности (диафрагменный толчок на ударном слоге).

Семантическая оппозиция: референциальная маркированность / референциальная тривиальность (естественно, такая классификация лексики — наследие истории и для многих лексем утратила мотивированность).

Узкий ВП

Лексика

Нетривиальный, информационно маркированный, а тем самым высокозначимый объект идентификации: *ворон, бобр, волк, золото, брод*. В случае слов с модальным компонентом — актуальная субъективная оценка: *холод, голод*.

Дискурс

Этот признак — разновидность встроенной фокализации, он может сопровождаться опусканием гортани.

Широкий ВП

Лексика

Тривиальный, обыденный, а тем самым менее значимый объект: *ворона, болото, дорога, железо, серебро, береза, ветер, выдра, лань, олень*. В случае слов с модальным компонентом — дескриптивная оценка: *мороз*.

Дискурс

Слова этого типа не имеют нормального распределения долгот, т. е. удлинения ударного и сокращения безударных гласных. Эти слова не принимают также фокусирующего акцента (в том числе и в противопоставительных контекстах).

Нейтральное значение признака ВП связано с дейктической актуализованностью объекта:

Природа: *земля, вода, небо, поле, река, гора, море, берег*

Время: *ночь, день, вечер, зима, лето, год, час, век*

Части тела: *голова, нос, ухо, зуб, рука, нога, спина, бок, душа*

Дом: *дом, стена, угол, пол*

Говоря в терминах отечественной акцентологии (Дыбо), эти слова имеют «минусовые» корни, что дает энклиномены в некоторых словоформах.

Примечание

Постопределение общих балто-славянских лексем показывает, что значения признака ширины венстрикулярного прохода часто соответствуют литовским «тонам»: циркумфлексу, акуту и гравису соответственно. Однако литовские «тоны», веро-

ятно, соединили этот признак с признаком типа дыхания (см. ниже): циркумфлекс = узкий ВП + диафрагменное дыхание; акут = широкий ВП + легочное активное дыхание; гравис = нейтральный ВП + пассивное дыхание.

Артикуляционно-акустические тенденции соответствуют этому совмещению, поскольку существует корреляция объема воздушного потока и степени его давления в голосовом тракте. Однако полного совпадения, разумеется, быть не могло.

1.6. Ширина гортанной трубки

Артикуляция:

Гортань как целое может расширяться (как при вдохе) и сужаться (механизм «защитного смыкания» (protective closure), описанный Линдквистом) (см. [Кодзасов, Кривнова 1977]). Широкая гортань (ШГ) естественно сочетается с придыхательной и расслабленной фонацией и широким раствором рта, тогда как узкая (УГ) — со скрипучей и напряженной фонацией и узким раствором рта.

Семантическая оппозиция: ШГ — божеское, прекрасное, горнее; УГ — бесовское, отвратительное, низменное, лишнее.

Широкая гортань (в сочетании с широким раствором рта)

Лексика

Божеское: *Рай, Бог, Богородица, апостол, святой, пророк, инок, монах, проповедь, крест, крестить, праведник*

Горнее: *гора, долина, вершина*

Божеское поведение: *приобщиться, причаститься, преклонить колени*

Избавление от греховного: *исповедаться, исторгнуть*

В «широких» словах отсутствует еровая редукция гласных во втором предударном слоге: *Богородица, монастырь, проповедник*.

Дискурс

Восклицания типа: — *Боже! Как она прекрасна!* (комплекс просодических жестов с положительной аксеологией)

Узкая гортань (в сочетании с узким раствором рта)

Лексика

Дьявольское: *ад, Дьявол, бес, Сатана, нечистый, ведьма*

Выросты на теле: *хвост, когти, клыки, хобот, копыта, усы, гребень*

Дьявольское поведение: *обман, клевета, измена*

Семантика обременения ненужным: *нахапать, обожраться*

«Плохие» жидкости тела: *гной, сукровица, моча, сопля*

Обратим внимание на высокую степень редукции гласных в «узких» словах: в

предударных слогах (*Сатана, хвосты, моча, нахапать*) произносится скорее редуцированный гласный, нежели «крышка».

ДИСКУРС

— *Какая мерзость!* (комплекс просодических жестов с отрицательной аксиологией)

Примечания

1. Большинство смыслов не вовлечено в оппозицию божеское/дьявольское и имеют нейтральное значение признака. Также недьявольские отступления от божеского маркируются нейтральным состоянием гортани: *грех, порок*.

2. О координации состояния гортани с шириной рта и типом дыхания см. ниже.

3. Слова с широкой гортанью не имеют полной редукации гласных во втором предударном слоге:

1.7. Ширина глоттиса

Артикуляция:

Узкая голосовая щель (сужение прохода между истинными голосовыми связками) может приводить к «скрипучей» фонации или гортанной смычке. Широкая голосовая щель способствует «придыхательной» фонации или придыхательному отступу гласного.

Узкий глоттис

Лексика

«Хорошие» жидкости тела: *молоко, слюна, слезы, кровь*

Семантически неинтерпретируемое: *пять*

ДИСКУРС

Контролируемая оценка

— *Мне это нравится.*

Широкий глоттис

ДИСКУРС

Аффективная положительная оценка

— *Как прекрасно!*

Примечание

Имеется особый класс лексем (номинации объектов ночного неба), которые у некоторых носителей русского языка сочетают скрипучую фонацию с придыхательной внутри слова: *не^hбо?*, *не^hбе^hса^h*, *зве^hзда?*, *зве^hзды^h*, *лу^hна^h*.

2. Напряженности

2.1 +/- Напряженность буккальной части рта

Артикуляция:

Напряженность буккальной части рта (губы и щеки) приводит к некоторому ее сужению, а расслабленность — к некоторому расширению. Однако степень этих изменений объема буккальной части значительно меньше, чем в случае признака, описанного в разделе 1.3.

Известна также связь тона с подъемом и напряженностью гласных: узкие и напряженные гласные имеют более высокий тон [Кодзасов 1968; Кодзасов, Никитина 2004]. Интроспективные суждения о тоне могут быть связаны с буккальными параметрами.

+ Буккальная напряженность

Лексика

Иконическая огласовка номинаций агрессивных состояний и установок (при актуальной оценке) содержит компонент буккальной напряженности:

Дерзкий — дерзость, злобный — злоба, наглый — наглость

Дискурс

Жесты агрессии, естественно, реализуются с напряженностью буккального отдела:

— *Перестань болтать!*

— *Что ты делаешь!*

Они включают и другие иконические техники, прежде всего сокращение гласных и усиление согласных.

- Буккальная напряженность

Иконическая огласовка «поглаживания» предполагает расслабление буккальных артикуляторов:

нежный — нежность, ласковый — ласка, добрый — доброта

Дискурс

Жесты «поглаживания» содержат компоненты артикуляторной расслабленности буккальных артикуляторов и удлинения гласных:

— *Какой ми-иленкий!*

— *Ах ты мой ма-аленький!*

2.2. +/- Напряженность стенок глотки

Напряженность

Громкое, звонкое, открытое пространство: *кукушка, барабан, звучный, звонкий, струны, звенеть, кричать, греметь; площадь, поле, простор*

Расслабленность

Тихое, незвонкое: *тихий, силлый, хриплый, шуметь, шуршать, шипеть; еж, змея*

Степени напряженности глотки обычно соответствует степень напряженности голосовых связок и уровень громкости.

2.3. +/- Напряженность вентрикулярного прохода

Напряженность

Холодное, острое, твердое: *лед, мороз, холод; острый, жесткий; сталь*

Хищный зверь: *волк, медведь, тигр*

Расслабленность

Теплое, тупое, мягкое: *жара, тепло, зной*

Пушной зверь: *лиса, заяц, белка*

2.4. +/- Напряженность глоттиса

Напряженность

Лексика

Сопротивление, воля: *упорный, волевой, живой, воин, боец; требовать, настаивать*

Стрессовая ситуация: *опаздывать, торопиться*

Немотивированное (дает оглушение звонких согласных в некоторых русских говорах): *буханка, дернуть, душно, горох, зверобой, падеж*

Дискурс

Повтор, настаивание: — *Что-что он говорил?*; — *Обязательно позвони маме!*

Расслабленность

Лексика

Уступка, безволие, безжизненность: *вялый, смиренный, труп, мертвый, дохлый; соглашаться, уступать, пленный*

Ситуация расслабления: *успевать, отдыхать, расслабляться*

Немотивированное (дает озвончение глухих согласных в некоторых севернорусских говорах): *пузо, теревить, каркать, конопатить, свирепый, царанать, ящерка, калека, закоулок*

ДИСКУРС

Вынужденная уступка: — *Ну ла-адно.*; — *Хоть бы он позвонил...*

3. Динамика артикуляции

3.1. Слогораздел

Значения признака:

|| — резкий слогораздел: квантованное произнесение слова; усиление согласных и сокращение гласных;

= — плавный слогораздел: ослабление согласных и более полное произнесение гласных; тенденция к появлению вокалических протез и вставок;

| — нейтральный слогораздел

В данном параграфе мы рассматриваем только слова, в которых признак слогораздела сочетается с нейтральным уровнем дыхания. Случаи, когда этот признак «склеен» с признаком громкости/тихости дыхания рассматриваются ниже.

Резкий слогораздел

ЛЕКСИКА

Глаголы физического расчленения и дезинтеграции (разрыва, расчленения, протыкания): *разорвать, разбить, разделить, разрезать, расколоть, разогнать, расселить, разбросать, разнести (в клочья), колоть (на части), проколоть, протыкать*

Глаголы временного квантования: *прерывать, будить, прекращать(ся)*

Глаголы с семантикой физического квантованного процесса: *капать, сочиться, шагать, скакать, подпрыгивать*

Разрыв: *разрыв, перерыв, вставка, пробел*

Расчлененный беспорядок: *кавардак, бардак*

Расчлененное: *кусок — куски, обломок — обломки, развалина — развалины*

Природные кванты: *стог — стога, сноп — снопы, копна — копны, зерно (зернышко) — зерна (мн.), ягода — ягоды; морковь — морковка; свекла — свеколка; репа, боб — бобы; ромашки, колокольчики*

ГРАММАТИКА

Почленное распределение: *С каждой стороны по 'окну.* (В контексте резкого слогораздела зияние устраняется с помощью гортанной смычки.)

ДИСКУРС

В дискурсе послоговое квантование речи (в сочетании с напряженной фонацией) используется как жест конфликтного отстранения от партнера:

— *Ни-ку-да я не пой-ду.*

Та же послоговая техника в сочетании с расслабленной фонацией маркирует вынужденное согласие: — *При-ду.*

В сочетании с нейтральной фонацией послоговая техника используется для демонстрации полного покрытия расчлененного множества: — *Все пришли: и На-та-ша, и 'А-ле-на, и-Га-ля, ...* (здесь верхняя запятая означает гортанную смычку).

Плавный слогораздел**ЛЕКСИКА**

Глаголы каузации физической интеграции: *связать, соединить, склеить, собрать, внедрить, всосать, втянуть, проникнуть, пронзить*

Глаголы непрерывности движения: *течь, плыть, ползти*

Глаголы континуальности: *начинать, продолжать, продолжаться, длиться, сохраняться*

Принадлежащее целому: *конец, начало, остаток, середина; введение, заключение*

Выбор (компонента из целого, элемента из множества): *выбор, предпочтение*

Нерасчлененный беспорядок: *хаос, мешанина*

Примечание

В контексте плавного слогораздела зияние не устраняется: *Муха ползет по окну.*

ДИСКУРС

Текстовая континуальность (вокализованность сочетается с удлинением гласных): *Он все еще работает; — А снег все идет, идет...*

Добровольное согласие (интеграция с партнером): — *Приду; — Беру.*

Полное покрытие множества: *Все пришли: Ваня, Петя, Коля...*

Введение информации, продолжающей и поддерживающей предыдущую:

— *Действительно, он был там.*

— *Это значит, что он заболел.*

3.2. Тип завершения гласного**Артикуляция:**

Резкое завершение (Г») — усечение гласного, «плотное» примыкание к последующему согласному; такие гласные не принимают дискурсивного удлинения.

Плавное завершение (Г~) — затянутое завершение гласного, «неплотное» примыкание к последующему согласному.

Различие в типе завершения гласного хорошо видно на акустических графиках [Кодзасов, Щигель 2007].

СЕМАНТИКА

Замкнутость, предельность vs. открытость, неопределенность

Резкое завершение

ЛЕКСИКА

Замкнутость, предельность: *тупик, край, куб, круг, угол, отрезок, ограда, забор, гроб*

Орудие отделения объекта от окружающего физического пространства: *крышка, пробка, затычка, скатерть*

Глаголы пространственного отделения: *покрыть, огородить*

Локатив от времен года: *летом, осенью, весной* (но *зима / ~, зимой / ~*)

ГРАММАТИКА

По- покрытие поверхности: *покрыть, побелить, позолотить*

Пере- исчерпание всех членов множества: *перебрать, пересчитать*

ДИСКУРС

Приказы завершения:

— *Стоп! Кончай!*

«Быстрофоны»: *хватъ, дерг, кувырк...* (в сочетании с резкой атакой — см. ниже)

Плавное завершение

ЛЕКСИКА

Открытость, неопределенность: *небо, море, струя, ручей, поток* (но не *река*)

Удлиненность, растянутость: *змея, уж, червь; лента, проволока*

Редупликации с семантикой продления: — *Думал-думал...*; — *Ходил-ходил...*

ДИСКУРС

Просьбы продления: — *Подожди! Не уходи!* (в случае побуждений типа приказа имеет место резкое завершение гласного)

3.3. Начало гласного (атака)Артикуляция:

Резкая атака («Г») — начальное усечение гласного, «плотное» примыкание к предшествующему согласному. Плавная атака (~Г) — затянутое начало гласного, «неплотное» примыкание к предшествующему согласному.

Различие в атаке гласного хорошо видно на акустических графиках [Кодзасов, Щигель 2007].

СЕМАНТИКА

Резкое начало действия или процесса, а также объекты, характеризующиеся таким началом vs. плавное начало действия или процесса, а также объекты, характеризующиеся таким началом.

Резкая атака

ЛЕКСИКА

Глаголы резких действий: *вспыхнуть, вздрогнуть, прыгнуть, дернуть, выско-
чить, выкрикнуть*

Немедленность начала: *сразу, тотчас, резко, завтра же*

Неожиданное: *вдруг*

Резкие птицы и животные: *сокол, ястреб, курица, перепел, воробей; мышь*

ГРАММАТИКА

«Быстрофоны»: *хватать, дерг, кувырк...* (в сочетании с быстрым завершением)

Плавная атака

ЛЕКСИКА

Глаголы плавных действий: *лизать, скользить, ползти, тянуть*

Плавные птицы и животные: *лебедь; змея, пиявка*

ГРАММАТИКА

«Долгофоны»: — *Тянем-потянем...* — *Ходим-ходим...* (в сочетании с медленным завершением)

ДИСКУРС

Задержка начала: — *Подумай! Не спеши! Начинай потихоньку!*

3.4. Длительность гласного

СЕМАНТИКА: пространственные характеристики (физическое, темпоральное и ментальное пространства — см. подробнее [Кодзасов 2002]).

Краткость

ЛЕКСИКА

Атрибуты и адъективы малости и краткости: *крошечное, малюсенький, чуть-чуть, быстро-быстро*

Насекомые: *бабочка, таракан, муха, муравей*

ГРАММАТИКА

Диминутивы: *сумочка, кошелечек*

ДИСКУРС

Переспросы-уточнения: — *Кому-кому ты их отдал?* (быстрый темп имеет здесь сентенциальную сферу действия)

Побуждения к ускорению: — *Давай! Давай! Быстро!;* — *Беги! Беги! Опаздываешь!*

Долгота**ЛЕКСИКА**

Атрибуты и адъективы великости и длительности: *огро-омный* и т. п.; *Доолго-до-олго* и т. п.

ГРАММАТИКА

Аугментативы: *сумища, сундучище*

ДИСКУРС

Вопросы-размышления: — *Кому я их отдал?* (медленный темп имеет здесь сентенциальную сферу действия)

3.5. Динамическая двуморовость гласногоАртикуляция:

динамическая двухкомпонентность гласного (распадение гласного надвое по интенсивности).

СЕМАНТИКА: наличие альтернативы при заполнении данной семантической позиции, замена прежнего заполнения. Данный признак, по-видимому, имеет только дискурсивные функции. Компьютерный просмотр записей реальных текстов обнаруживает массу случаев двуморовости.

Кроме того, фонетическая двуморовость может возникать как результат переноса на ударный слог просодического элемента, нормальным местом которого является безударный краевой (начальный или конечный) слог. Если такой слог отсутствует, то соответствующая просодия (обычно тональная) переносится на слог ударный, гласный которого становится двуморовым: — *А Ма\ша/?*, но *А жена\-а/?*

4. Дыхание (уровни громкости)**4.1. Типы дыхания**

В физиологии различается три базовых типа выдоха:

— нейтральный легочный, возникающий при сокращении межреберных мышц, приводящем к вытеснению воздуха из легких; это основной тип речевого дыхания;

— активный (диафрагменный), создающий сильный поток воздуха, который результирует в повышенной громкости речевого фрагмента;

— пассивный (легочный), который является следствием действия эластических сил, стремящихся вернуть растянутые после вдоха легочные мешки в нейтральное состояние, этот вид дыхания дает пониженную громкость речевого отрезка.

Все три типа могут использоваться в речи и выполняют разные функции. Выбор типа дыхания и соответствующей артикуляционной доминанты тесно связан с семантикой (при условии, что нет вторжения внешних обстоятельств речи). В общем случае маркированно громкое дыхание ориентировано на символизацию созидательных действий, а маркированно тихое скорее связано с деструктивными действиями и событиями. Однако в большинстве случаев мы имеем дело с нейтральными дыхательными огласовками.

Состояние речевого тракта тесно скоординировано с типом дыхания. Оба маркированных типа речевого дыхания оказывают заметное действие на реализацию сегментов, особенно гласных. Сильный выдох повышает общую громкость речи, при этом усиленный воздушный поток «перехватывается» усилением консонантной артикуляции. При ослабленном выдохе артикуляционный процесс больше ориентирован на удлинение гласных, тогда как артикуляция согласных ослаблена. Оба типа маркированного дыхания ослабляют редукцию безударных гласных: активный выдох повышает их громкость, а пассивный — их длительность. На это накладываются общие тенденции распределения максимумов громкости (начало слова) и длительности (конец слова) [Николаева 2000]. Эти влияния могут нарушать обычное распределение степеней редукции, характерное для слов нейтральной громкости, которых в речи большинство.

Активное дыхание

Лексика

Созидательная каузация:

строить, создавать, писать

Представители высших сил и их созидательные действия:

создатель, пророк, поп, церковь, пророчить, крестить, благославить

Активная жизнедеятельность:

жизнь, родить(ся)

Активные процессы в природе:

ветер, молния, заря

Грамматика

До направления движения или процесса:

до завтра, до обеда, до города, до порога, до свидания

Для при актуальном введении адресата: — *Это для вас.*

Предлоги *до* и *для* делают громкой всю группу, к которой они относятся; они

часто получают побочный фразовый акцент, который предотвращает редукцию гласного:

- *Это нужно сделать *до *обеда!*
- *Я это делаю *для *вашего *блага!*

Пассивное дыхание

Лексика

Состояние или процесс:

сохнуть, болеть, стоять (каузация состояния имеет нейтральную громкость: *сушить, лечить*)

Смерть:

смерть, мертвый, могила

Деструктивная каузация:

ломать, портить, сжигать

Сложнокращенные слова:

детсад, спецкурс, дензнак, генсек и т. п.

Пассивный статив:

спать, краснеть, гореть, устать

Непроизвольность:

уронить, потерять, упасть

«Пассивные» процессы в природе:

туман, закат, мороз, заморозки, жара

ГРАММАТИКА

Локативные формы на -у:

в лесу, в саду, на мосту, на посту, на носу, в зобу, в глазу, в гробу... (локативы на *е* имеют нормальную громкость)

4.2. Дыхательный (громкостный) акцент (ДА)

Артикуляция:

Этот акцент создается импульсным диафрагменным толчком и функционирует в тесной координации с типом дыхания. Слова с активным дыханием имеют встроенный громкостный акцент на первом слоге. Этот акцент (а не ударение) является «якорем» для фразового тонального акцента. Громкостный акцент предотвращает редукцию гласного в *для* и вызывает частое отсутствие редукции в *до* (*до четырех* и т. п.).

В словах с тихим дыханием локализация тонального акцента отсутствует: тон «размазан» по всему слову. Это показывает, что тональный акцент в общем случае ориентирован не на ударение, а на громкостную вершину, которая может совпадать или не совпадать с ударением. Слова без дыхательного акцента не могут прини-

мать тональный фразовый акцент и отделяться паузой. В этом отношении они похожи на «редуцированные» слова.

Только слова с нейтральным дыханием способны различаться по наличию/отсутствию диафрагменного акцента. Для слов с диафрагменным акцентом характерна возможность «редуплицировать» акцент путем его постановки на безударном краевом слоге слова.

Наличие ДА

Лексика

университет, грамота, тополь, сито, благо, ...

Грамматика

Префиксы, создающие концепт с семантикой «приращения» к исходным объектам природы: *пристань, привязь, отмель, насыпь, осыпь, окись...*

Отсутствие ДА

Лексика

Большинство слов не имеет ДА.

Грамматика

Префиксы, не создающие семантического эффекта «приращения», на ударение не влияют: *приход, отход, находка...*

5. Тон

Общепринято, что в русском языке, как и в других языках мира, тон используется прежде всего в дискурсивных функциях, и это не вызывает сомнений. Однако, как известно, во многих языках имеются лексические тональные характеристики, которые влияют на реализацию фразовой тональной огласовки. В течение ряда лет автор данной книги трактовал некоторые лексические просодии как тональные, от чего впоследствии отказался (см. обсуждение этой проблемы в [Кодзасов 2003]). Тем не менее имеются случаи использования тона для символизации лексических смыслов (вертикальная удаленность, малость/великость и ориентация относительно прошлого/будущего).

Однако проблема лексических тонов этим не исчерпывается. Дело в том, что потенциально любая фразовая просодия может подвергаться лексикализации, если лексема содержит компонент смысла, идентичный тому, который выражается просодией фразы, и при этом употреблена актуально. Таковы, в частности, слова со встроенной семантикой противоречия: *ошибка, мимо, промазать, проспаться, будить, отступить* и др.). Они имеют лексический восходяще-нисходящий тон на ударном слоге:

— *Это ош/и\бка*; — *М/и\мо!* и т. п.

Кроме того, таймирование тональных акцентов в слоге и слове служит косвенным показателем типа слогораздела и уровня лексической громкости. Наконец, отсутствие фразового тонального акцента на слове может свидетельствовать о его просодической маркированности.

Обсуждение

Как видно из представленных выше материалов, в общем случае не существует границы между интонационной и неинтонационной просодией — многие средства бифункциональны. Это связано с тем, что соответствующий смысл может использоваться как на уровне лексемы, так и на уровне фразы. Однако специализация просодических средств, как видно из предшествующего текста, существует.

Как говорилось во Введении к данной работе, употребление просодических средств на лексическом уровне является в общем случае факультативным, завися от личностных свойств говорящего. Однако игнорирование возможности того, что многие носители русского языка регулярно используют символическую просодию слова, может вести к большим потерям в понимании наблюдаемых и исторических фонетических процессов. В частности, многие процессы в интонации, как она наблюдается в реальных текстах, прямо зависят от просодических свойств слов [Кодзасов 2004].

Далее, диалектная речь, несомненно, является более «образной», чем речь жителей городских центров, и многие звуковые изменения в диалектах нельзя понять без учета внутренней просодичности слов. На наш взгляд, невозможно адекватно описать поэтический текст, не принимая во внимание скрытую просодическую структуру составляющих его слов (см. [Кодзасов 2003]).

В нашем перечне словесных просодических средств отсутствует ударение. Это вспомогательный маркер, возникающий на стыке словесной и фразовой просодии. В русском языке он символизирует количественную вершину вокалической цепи слова. Обычно он задается на основе морфонологических индексов при лексеме. Однако для просодически компетентного носителя русского языка выбор места ударения определяется реальными акцентогенными характеристиками компонентов слова. Этих характеристик несколько, и их взаимодействие дает иногда неоднозначный результат. Наша предварительная попытка описать игру просодических признаков при ритмизации слова [Кодзасов 1996] нуждается в пересмотре.

Просодическая символика, несомненно, является филогенетической предшественницей «членораздельной» речи и должна сохранить универсальные черты праязыка. В этой связи необходимо детальное сопоставление предлагаемых нами гештальтных артикуляционных характеристик с жестами гоминидов (см. [Бутовская 2004; Дарвин 2001; Зорина, Смирнова 2006]).

Далее, наш опыт работы в языках разной ареальной и генетической принадлежности однозначно указывает на наличие в них тех или иных скрытых просодий словесного уровня. Многие наблюдаемые сегментные модификации и процессы (в частности, «вертикальная» гармония гласных) нуждаются в понимании обуславливающих просодических контекстов. Несомненно также вторжение «второй» фонетики в исторические звуковые изменения. В этой связи большие сомнения вызывает возможность адекватной реконструкции праязыковых состояний на основе сегментных соответствий, дополненных акцентными пометами неясной фонетической природы.

В заключение обратим внимание на огромные возможности человека в области идентификации тонких фонетических различий: мы храним в памяти обширную библиотеку голосов и без труда опознаем знакомый голос даже по короткому отрезку звучания. Более того, мы определяем текущее физиологическое состояние индивидуума и его интерактивные установки. Исследование механизмов, лежащих в основе этой способности, представляет гораздо больший научный и практический интерес, чем решение проблемы фонематического статуса звука «ы», которая продолжает волновать российских фонетистов.

Литература

- Бутовская 2004 — *Бутовская М. Л.* Язык тела: природа и культура. М., 2004.
- Венцов 2003 — *Венцов А. В.* // Изв. АН. Сер. Лит. и яз. Т. 62. № 4. 2003.
- Вестерман 1963 — *Вестерман Д.* Звук, тон и значение в западноафриканских суданских языках // Африканское языкознание. М., 1963.
- Дарвин 2001 — *Дарвин Ч.* О выражении эмоций у человека и животных. СПб., 2001.
- Зорина, Смирнова 2006 — *Зорина З. А., Смирнова А. А.* О чем рассказали «говорящие» обезьяны. М., 2006.
- Кодзасов 1975 — *Кодзасов С. В.* Две заметки о звуковом символизме // Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М., 1975.
- Кодзасов 1987 — *Кодзасов С. В.* О фонетической интроспекции // Экспериментальные исследования в психолингвистике. Вып. 3. 1987. С. 165—176.
- Кодзасов 1989 — *Кодзасов С. В.* О просодии русского слова // Славянское и балканское языкознание. Просодия. М., 1989. С. 26—39.
- Кодзасов 1995 — *Кодзасов С. В.* О редуцированных словах в русском языке // Проблемы фонетики. 2. М., 1995.
- Кодзасов 1996 — *Кодзасов С. В.* Фонетическая база данных русского языка. Приложение 4: Поле *просодия слова*: описание признаков и транскрипция // Просодический строй русской речи. М., 1996.
- Кодзасов 2000 — *Кодзасов С. В.* Фонетическая символика пространства (семантика долготы и краткости) // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.
- Кодзасов 2002 — *Кодзасов С. В.* Фазовая символика тона // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002.

- Кодзасов 2002 — *Кодзасов С. В.* Акцентные свойства русских слов // Лингвистическая полифония: Сб. в честь юбилея проф. Р. К. Потаповой. М., 2007.
- Кодзасов 2003 — *Кодзасов С. В.* Проблемы исследования просодии // Изв. АН. Сер. Лит. и яз. Т. 62. № 4. 2003.
- Кодзасов 2003 — *Кодзасов С. В.* Просодический космос русского стиха // Логический анализ языка. Космос и хаос. М., 2003.
- Кодзасов 2004 — *Кодзасов С. В.* Размещение тональных акцентов в русском слове // Язык и речь: проблемы и решения: Сб. науч. трудов к юбилею проф. Л. В. Златоустовой. М., 2004.
- Кодзасов 2005 — *Кодзасов С. В.* Просодическая символика квантификации // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. М., 2005.
- Кодзасов, Кривнова 1977 — *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Фонетические возможности гортани и их использование в русской речи // Публикации ОСИПЛ. 8. М., 1977.
- Кодзасов, Щигель 2007 — *Кодзасов С. В., Щигель Е. В.* Акустические сценарии интервокальных русских смычных // Проблемы фонетики. 5. М., 2007.
- Крейдли 2002 — *Крейдли Г. Е.* Невербальная семиотика. М., 2002.
- Кубрякова 1964 — *Кубрякова Е. С.* Из истории английского структурализма (Лондонская лингвистическая школа) // Основные направления структурализма. М., 1964.
- Панов 1990 — *Панов М. В.* История русского литературного произношения XIII—XX вв. М.: Наука, 1990.
- Планк 1996 — *Планк Ф.* Коллекция утверждений о корреляции звука и значимой формы // Вопросы языкознания. 1996. № 2.
- Bolinger 1986 — *Bolinger B.* Intonation and its parts. Melody in spoken English. Stanford, 1986.
- Paducheva 1990 — *Paducheva E. V.* Between sentence and utterance: subjective modality and syntactic non-subordinativity // Revue des études slaves. XII. 1—2. 1990. P. 91—108.

Глава 2

Размещение тональных акцентов в русском слове*

Вступление

Труды Л. В. Златоустовой положили начало изменениям традиционных представлений о просодии русского слова. Они показали, что господствовавшая ранее идея «динамической» (интенсивностной) природы ударения лишена оснований. Одновременно была выявлена недостаточность ориентации на вершину слова без учета ритмической структуры слова как целого. После открытий Л. В. Златоустовой стало общепризнанным фактом, что для русского слова определяющим ритмообразующим параметром является длительность гласных и что межслоговые количественные соотношения внутри слова создают многоступенчатую иерархическую структуру (см. [Златоустова 1962; 1970 и др.]).

Немало внимания в трудах Л. В. Златоустовой уделялось также взаимодействию словесной и фразовой просодии, и здесь также получен ряд важных результатов. В этой сложной области остается немало неясного, в частности многие наблюдаемые в речевом сигнале случаи размещения тональных акцентов внутри слова не укладываются в обычные представления. В настоящей статье обсуждаются наиболее типичные случаи такого рода и предпринимается попытка их истолкования на основе специфических просодических факторов.

Мы рассматриваем проблему размещения тональных акцентов в рамках динамической модели типа «Смысл — Текст», предполагающей наличие системы формальных правил, позволяющих производить фонетическую (в том числе просодическую) оболочку высказывания по его семантико-грамматической характеристике [Кодзасов 1999].

В общем случае система просодического синтеза должна содержать три набора стандартных операций, связанных с размещением тональных акцентов: 1) выбор слова, на которое ставится акцент внутри фразы или синтагмы; 2) выбор слога, на который приходится акцент; 3) размещение акцента внутри слога. Описанные в литературе закономерности постановки акцентов касаются в основном выбора акцентируемого слова в синтагме [Ковтунова 1976; Николаева 2000; Кодзасов 1996а]. В то же время нам неизвестны специальные работы, посвященные законам размещения тонального фразового акцента на том или ином слоге внутри неодно-

* Опубликовано в: Язык и речь: проблемы и решения: Сб. науч. трудов к юбилею проф. Л. В. Златоустовой / Под ред. Т. Е. Кедровой и В. В. Потапова. М., 2004.

сложного слова. Что касается размещения тонального акцента внутри слога (мы используем здесь слово «таймирование» как эквивалент термина *timing*, принятого в англоязычной литературе по интонации), то эта проблема уже попала в поле зрения интонологов-русистов и обсуждалась ими [Ode 1989; Fougeron 1989; Кодзасов 1996а]. Однако, как представляется, проблема внутрислогового таймирования тона еще далека от решения.

В настоящей статье мы обсудим факты, связанные с внутрисловным размещением тонального акцента (далее ТА), включая как выбор слога, так и выбор внутрислоговой позиции. Компьютерные звуковые редакторы позволяют ныне просматривать интонограммы текстов большого объема, и такой анализ немедленно выявляет неединообразие способов размещения ТА в слове. (Сразу предупредим, что речь идет о текстах, записанных профессиональными дикторами в студийных условиях.) Объяснение этих различий требует продолжения пересмотра представлений о просодической структуре русского слова, инициированного работами Л. В. Златоустовой.

Выбор слога как носителя ТА

Необходимо начать с пояснений. Речь ниже пойдет только о простых рематических акцентах (нисходящем и восходящем) — мы совсем не касаемся сложных и составных акцентов (см. о них [Кодзасов 1996а]). За пределами анализа остаются также фазовые акценты, размещаемые на начальном и конечном слогах предложения.

Как было сказано, специальные исследования закономерностей межслогового размещения ТА до сих пор отсутствуют. Очевидно, это связано с имплицитной уверенностью интонологов в том, что рематический ТА автоматически помещается на ударный слог слова, являющегося вершиной рематической группы. Однако анализ интонограмм реальных текстов показывает, что в общем случае эта презумпция неверна. Обнаруживается два класса случаев отклонения от стандарта: во-первых, ТА может помещаться на начальном безударном слоге слова и, во-вторых, он может растягиваться на несколько слогов, не имея четкой слоговой локализации. В последнем случае можно даже усомниться в применимости термина «тональный акцент».

Прежде чем перейти к анализу этих двух случаев, необходимо сделать некоторые пояснения, касающиеся наших представлений о просодии русского слова и о ее взаимодействии с просодией фразы. Мы уже не раз сообщали об открытии нами ряда просодических признаков, которые ранее в русской фонетике не были замечены (см. особенно [Кодзасов 1996б]). Однако в данном параграфе нас интересует интенсивностная (громкостная) просодия слова, которая ранее нами почти не обсуждалась.

После открытия количественной природы русского ударения роли интенсивности в словесной просодии вообще не уделялось достаточного внимания. Обычно принималось, что громкостные различия характеризуют лишь большие комму-

никативные составляющие, выступая на уровне фраз и синтагм. Однако, по нашим представлениям, базирующимся в первую очередь на субъективных оценках собственного произношения, в русском языке имеются лексико-грамматические различия слов по громкости: слова бывают громкими, нейтральными и тихими. За этими субъективными оценками предположительно стоят разные по степени активности способы дыхания: усиленный (диафрагменный) выдох противопоставлен нейтральному (активному легочному) и ослабленному (пассивному легочному) (о типах речевого дыхания см., например, [Daniloff et al. 1980]). К сожалению, степень дыхательного усилия, лежащая в основе субъективного чувства «громкости» и «акцентированности», соотносится с интенсивностью наблюдаемого акустического сигнала весьма сложным образом, и сейчас усилия ряда ведущих зарубежных ученых (в том числе Г. Фанта) сосредоточены на решении проблемы реконструкции дыхательной активности говорящего (см. [Fant, Kruckenberg 1995]). Поэтому нам приходится пока опираться на интроспективные впечатления, косвенно подкрепляемые, однако, большим числом несомненных фонетических фактов.

Анализ интонограмм (был просмотрен массив записей диалогических реплик объемом около 1200 единиц и другие материалы) показывает, что ударение далеко не всегда является «якорем» для фразового тонального акцента. По нашему мнению, такая ориентация типична только для слов с нейтральной собственной громкостью: в них вершина громкости и количественная вершина совмещены. В случае же повышенной громкости слова его динамическая вершина переносится на начальный слог, что соответствует универсальной схеме распределения громкости в слове, предложенной Т. М. Николаевой [1993; 2000]. Это влечет за собой перенос тонального акцента на начало слова. Что касается тихих слов, то они вообще лишены динамической вершины, а тем самым и «якоря» для тонального акцента. В этом случае наблюдается медленное скользящее изменение тона без его локализации на каком-либо слоге.

Это означает, что в общем случае тональные акценты взаимодействуют не с количественной, а с динамической схемой слова, которая, как мы полагаем, предопределена его лексико-грамматической семантикой. Положение усложняется еще тем, что динамическое усиление слова может быть связано не только с его лексическими свойствами, но также с дискурсивными условиями употребления. В частности, имеется немало коротких (в том числе однословных) реплик, которые обычно произносятся громко. И, напротив, имеются типичные реплики, семантика которых предполагает негромкое произнесение. Соответственно, реплики первого типа обнаруживают начальную ориентацию ТА, а реплики второго рода не имеют слоговой локализации акцента. Перейдем к рассмотрению материала.

1.1. Перенос тонального акцента на начало слова

Размещение простого акцента (нисходящего или восходящего) на начальном безударном слоге — достаточное частое и легко осознаваемое явление повседневно-

ной русской речи. Часть случаев имеет здесь очевидную дискурсивную специфику — это экспрессивные восклицания типа: — *По\трясающе!*; — *Не\вероятно!*; — *У\дивительно!*; — *О\балденно!* Большинство таких реплик может произноситься как с восходящим, так и нисходящим тоном, а также со «шляпной» конструкцией (ИК-5 Е. А. Брызгуновой):

— *По\трясающе!* и т. п.

К таким репликам примыкают выкрики рыночных торговцев:

— *Ка\ртошку покупаем!*; — *Ба\наны берем!* Близки к этому типу и побуждения вида: — *О\тставь!*; — *О\дин пройдет!*; — *Но\жи точим!* В таких восклицаниях ТА совпадает с фразовой громкостной вершиной, которая помещается на начало реплики. При этом место ударения сохраняется, что видно по распределению гласных: — *По\разительно!* [пър/з'ит'ъл'нъ]; — *О\тставить!* [ʌтстав'ит']. Обратим внимание на отсутствие «прояснения» гласных под фразовым тональным акцентом.

Может показаться, что описанного вида ретракция ТА свойственна лишь специфическим репликам определенного функционального стиля речи и не имеет отношения к нормализованному способу общения. Однако легко убедиться, что это не так. Мы находим ту же самую акцентную схему в самых обычных побуждениях: — *Во\йдите!*; — *Са\дитесь!*; — *По\думайте!* Характерно, что мануальный жест, который может сопровождать эти побуждения, приходится не на ударный, а на начальный слог слова.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что далеко не все русские глаголы способны принимать такой вариант произнесения побудительных форм, в частности, как нам кажется, невозможны реплики: — **Ло\житесь!*; — **По\кажитесь!* Это говорит о лексических ограничениях на ретракцию тона в императиве — она невозможна в лексически «тихих» словах.

Анализ тональных графиков диалогических текстов дает немало примеров ретракции тона при отсутствии экспрессивности. В частности, начальный ТА часто связан с семантикой достижения желаемого, которая маркируется громкостью: — *По\рядок!*; — *У\добно!* Характерно, что проспективные предлоги (*до, для*) не только часто принимают тональный акцент, но могут также обнаруживать отсутствие качественной редукции: — *До[о] завтра!*; — *Это — для[а] Володи!*

Большинство приведенных огласовок вряд ли вызовет у читателя возражения ввиду клишированности просодии цитируемых реплик. Однако можно объяснить их дискурсивными особенностями таких высказываний: они все взяты из живого общения и предполагают активное взаимодействие его участников. Менее очевидным явлением может показаться начальная ретракция тона в «обычных» высказываниях. Приведем несколько примеров с нисходящим тоном на начальном предупредном слогe:

(1) — *Сейчас на\йду.*

(2) — *На что жалуются бо\льной?*

(3) — ...по своему ва\жнá.

(4) — ...два ну\ля.

Эти примеры взяты из материалов лингафонного курса русского языка в прочтении московских артистов. Они могут вызвать сомнение у части читателей, поэтому мы снабжаем их интонограммами, помещаемыми в Приложении.

1.2. «Растянутый» тональный акцент

Еще чаще в текстах встречается другой нестандартный способ размещения ТА в слове: тональное движение (нисходящее или восходящее) не имеет четкой слоговой локализации. Нисходящий тон в этом случае растянут на все слово или на несколько слогов (сфера движения тона ниже подчеркнута): — *Конечно* (\). ; — *Скорая* (\). (ответ на звонок). Восходящий тон также может охватывать слово целиком — при конечном ударении: — *В лесу* (/) | *тьма грибо* \ в. При неконечном ударении восходящий тон распространяется на начальную часть слова, включая ударный: — *Понима* \ ешь (/ \)?; (вертикалька указывает место перелома тона). Приведем два сходных словосочетания с разными маркированными огласовками: а. — *Второй* (/) *этаж* (\); б. — *Во* \ сьмой *эта* \ ж. (В этих словосочетаниях характер движения тона на имени зависит от тона на атрибуте.)

В Приложении к статье читатель найдет интонограммы трех типичных примеров, содержащих «растянутые» ТА:

(5) — *Заказ анну* \ лирован (\).

(6) — *Обо* \ мне (/) *не беспоко* \ итесь (\).

(7) — ...выбор *сувени* \ ров (\).

Заметим, что «растянутое» тонирование встречается довольно часто, и с помощью компьютерного редактора читатель без труда найдет соответствующие примеры в любом достаточно протяженном тексте.

Слова с «растянутым» тональным акцентом произносятся заметно тише, чем слова с начальной локализацией тонального акцента. Такая просодия характеризует в первую очередь глаголы с семантикой произвольного действия и стативности (*уронить, поскользнуться, отдыхать, вянуть* и т. п.). Напротив, глаголы с семантикой созидания и продуктивной деятельности произносятся громко (*работать, строить, рисовать, помогать* и т. п.). Такие глаголы легко принимают начальный ТА, тогда как для «неактивных» глаголов он совершенно не характерен.

Отметим, что огласовка вершинного предиката определяет и общую огласовку предложения. Характерно использование «неактивных» предикатов в русских верлибрах [Кодзасов 2003]. Само существование неритмизованных стихов этого типа связано с очень слабой выраженностью акцентных вершин в «тихих» словах, которые их составляют.

1.3 Размещение ТА в слоге

Различия в размещении («таймировании») ТА в пределах ударного слога начали привлекать внимание интологов-русистов уже с конца 80-х гг. В диссертации С. Оде [Ode 1989] было выявлено два типа завершения нисходящего тона на гласном ядре слога: более раннее (early timing) и более позднее (late timing). В книге И. Фужерон [Fougeron 1989] сходная оппозиция была описана как различие нейтрального размещения тона (на всем слоге) и локализации его на гласном. Последний вариант связывался с семантикой произвольного выбора среди конкурирующих альтернатив («акцент выбора»). Такую огласовку мы находим в примерах типа: А. — *Ну, что ты решил? Придешь?* Б. — *Приду!*

Мы указывали также на наличие еще одного маркированного способа размещения тона — на согласном [Кодзасов 1996а]. Он часто связан с ситуацией принудительного выбора среди альтернатив («акцент вынуждения»): — *Делать нечего. Приду.*

Однако различия во внутрислоговом таймировании тонального контура не всегда мотивированы дискурсивной ситуацией. Часто они обусловлены внутренними просодическими различиями слов по характеру артикуляционных переходов между гласными и последующими согласными, иначе — по «типу слогораздела». По нашим наблюдениям, наряду с нейтральными словами (в них движение тонального акцента происходит равномерно на всей нефинальной части ударного слога) имеется два типа маркированного «примыкания» гласного к последующему согласному [Кодзасов 1996б]. Для слов первого типа характерен «плавный» слогораздел, проявлением которого является, в частности, некоторое удлинение предударного гласного и большая степень его коартикуляции с последующим согласным. Для слов второго типа характерен «резкий» слогораздел, проявляющийся в некотором сокращении предударного гласного и усилении начального согласного ударного слога.

В словах с плавным слогоразделом, несущим нисходящий тон, наблюдается сохранение направления тона предударного слога на начальном согласном ударного слога. В этом случае нисходящий тональный перелом происходит только на ударном гласном. Именно этот тип тональной динамики был замечен И. Фужерон. В Приложении приведены два примера такого таймирования тона:

(8) — *Не туда попла.*

(9) — *Понятно.*

Сравните пример с нейтральным распределением нисходящего тона в слоге:

(10) — *То, что надо.* (подчеркнуты сегменты, несущие нисходящий тон)

Если же «плавное» слово несет восходящий ТА, то тон поднимается с начала ударного слога и продолжает подниматься на начальном согласном заударного слога, падая лишь на его вокалическом ядре. Например:

(11) — *А не поехать (/\\) ли нам в ближайшую субботу (/\\) в лес? (вертикалька указывает место тонального перелома)*

Для слов с резким слогоразделом, напротив, характерен перелом тона на согласном ударного слога. Как кажется, С. Оде имела ввиду именно этот тип тональной динамики, говоря о случаях «раннего» таймирования тонального акцента. Однако она заметила лишь нисходящий вариант этого типа, причем такой, когда на соседних гласных тон ровный. Например:

(12) — Я ей оставлю записку.

Однако падению тона на согласном может предшествовать восходящий тон на гласном:

(13) — А будильник (/\) на что?

Далее, встречаются случаи подъема тона на согласном после чего следует падение на прилегающем ударном гласном:

(14) — Голос знакоумый (/\).

Можно предложить такое гипотетическое объяснение описанных тональных конфигураций: мы наблюдаем здесь сложение встроенного лексического тона, который реализуется на согласных, и дискурсивного фразового тона, который обычно реализуется на гласных. Если их направление совпадает, то мы имеем случаи типа (12) (тональное движение на гласном отсутствует), если же совпадения нет, то мы имеем случаи типа (13)—(14). Разумеется, эти специфические тональные конфигурации требуют дальнейшего исследования.

Различия внутрислогового таймирования тона нелегко выявить на слух, но на акустических графиках они хорошо видны. Интонограммы приведенных выше примеров читатель найдет в Приложении. Семантику данного различия в первом приближении можно охарактеризовать как противопоставление «непрерывного» и «квантованного». Сравните «плавное» произнесение глаголов *продолжать*, *следовать*, *соединять*, *тянуть* и т. п. и «рубленное» произнесение глаголов: *прерывать*, *рубить*, *разбросать*, *оторвать* и т. п. Однако во многих случаях семантическая мотивированность типа слогораздела неочевидна.

Различие в типе слогораздела влияет и на реализацию восходящего акцента незавершенности на последнем слоге слова. Так, при резком слогоразделе конечный сонорный образует отдельный слог, и краевой тон реализуется только на нем: — Магазин (/\). (ответ на телефонный звонок). В аналогичной позиции при нейтральном слогоразделе гласный становится двумеровым, и восхождение тона, начинаясь на второй мере, заканчивается на сонорном: А. — А что у вас в канистре? Б. — Бензин (/\).

Заключение

При попытке строгого описания правил внутрисловного размещения фразовых тональных акцентов мы обнаруживаем труднообъяснимое разнообразие тональной динамики. Мы полагаем, что оно отражает воздействие таких компонентов словес-

ной просодии, которые до сих пор не учитывались. Кроме количественного слоя просодии, реализующего ритмическую схему слова, на размещение тональных акцентов влияют различия слов по громкости, а также особенности слогоразделов. Описанные факты показывают, что тон может выступать как косвенный индикатор особых просодических свойств слов.

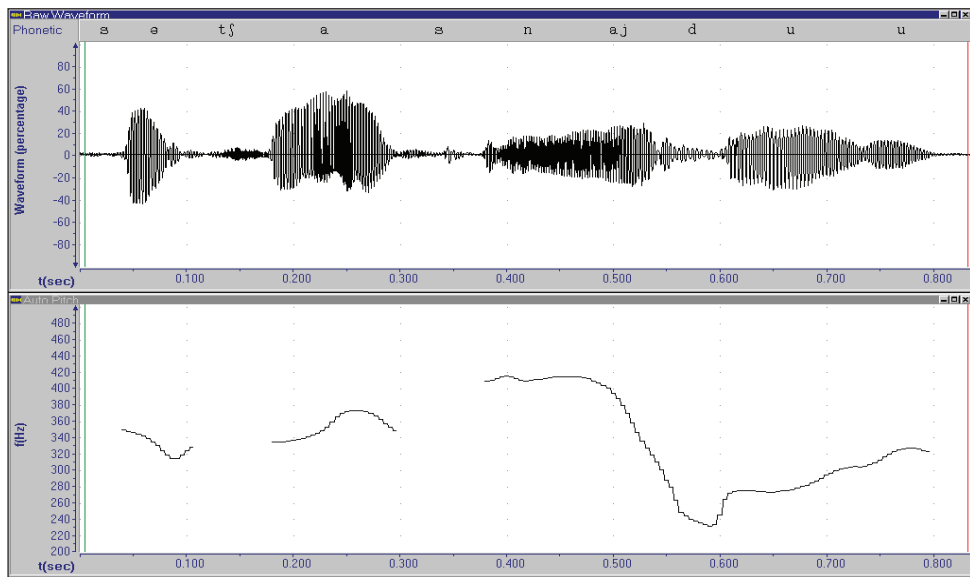
Поясним, что приводимые в Приложении интонограммы отражают речь актеров московских театров, озвучивавших лингафонный курс К. А. Шиловой и Е. Э. Усмановой «100 диалогов по телефону» (М., 1990).

Литература

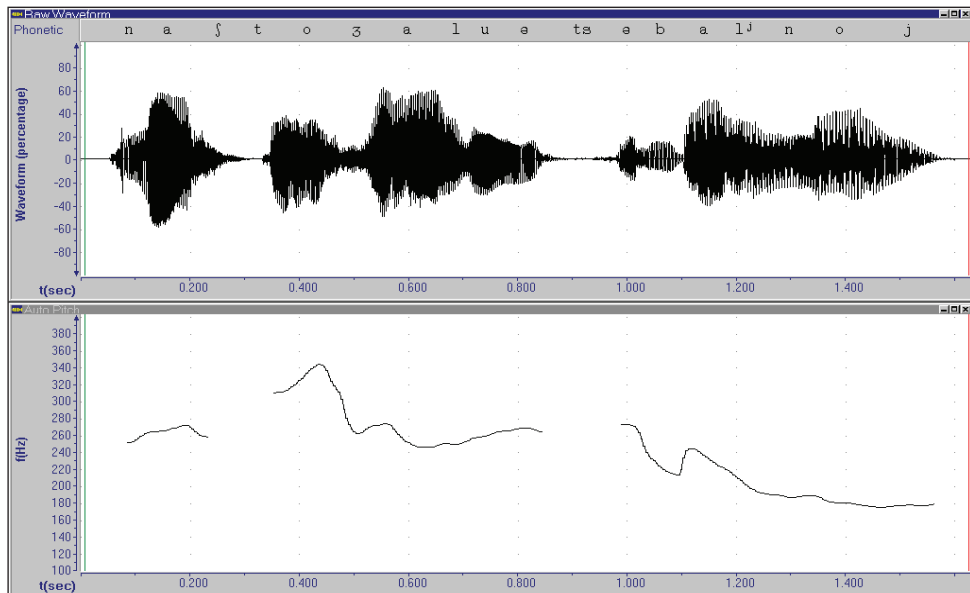
- Златоустова 1962 — *Златоустова Л. В.* Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962.
- Златоустова 1970 — *Златоустова Л. В.* Фонетические единицы русской речи (экспериментальное исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.
- Ковтунова 1976 — *Ковтунова И. И.* Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Кодзасов 1996а — *Кодзасов С. В.* Законы фразовой акцентуации // Просодический строй русской речи. М., 1996.
- Кодзасов 1996б — *Кодзасов С. В.* Фонетическая база данных ИРЯ РАН как источник просодической информации. М., 1996.
- Кодзасов 1999 — *Кодзасов С. В.* Уровни, единицы и процессы в интонации // Проблемы фонетики. 3. М., 1999.
- Кодзасов 2003 — *Кодзасов С. В.* Просодический космос русского стиха // Логический анализ языка. Космос и хаос. М., 2003.
- Николаева 1993 — *Николаева Т. М.* Просодическая схема слова и ударение. Ударение как факт фонологизации // Вопросы языкознания. № 2. 1993.
- Николаева 2000 — *Николаева Т. М.* От звука к тексту. М., 2000.
- Daniloff et al. 1980 — *Daniloff R., Schukers G., Feth L.* The Physiology of Speech and Hearing. An Introduction. Prentice-Hall, Inc., 1980.
- Fant, Kruckenberg — *Fant G., Kruckenberg A.* The voice source in prosody // ICPLS. Vol. 2. 1995.
- Fougeron 1989 — *Fougeron I.* Prosody et organisation du message. Paris, 1989.
- Ode 1989 — *Ode C.* Russian Intonation: a Perceptual Analysis. Amsterdam, 1989.

Приложение Тональные графики

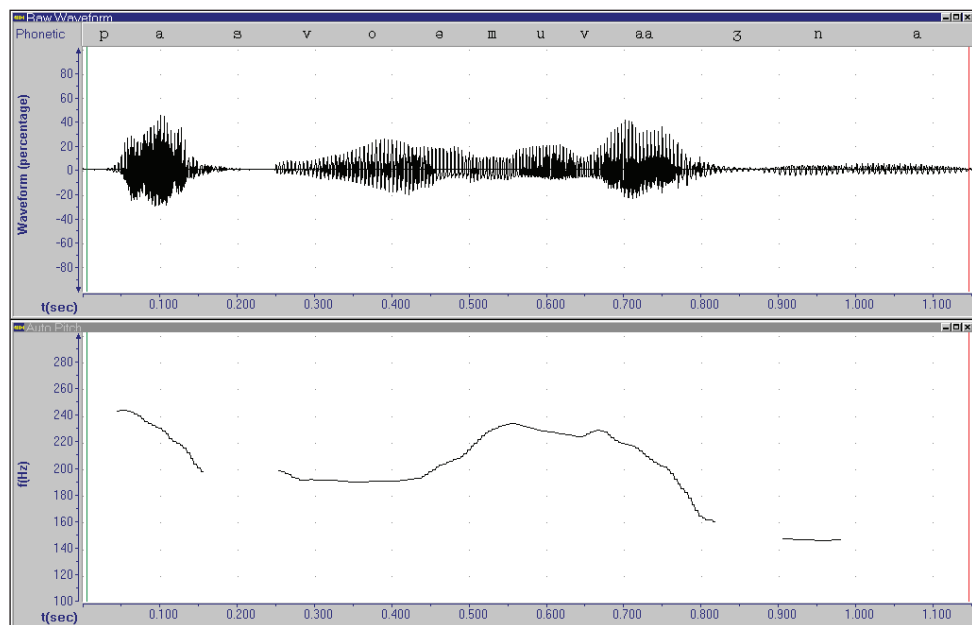
(1) — *Сейчас на́йду.*

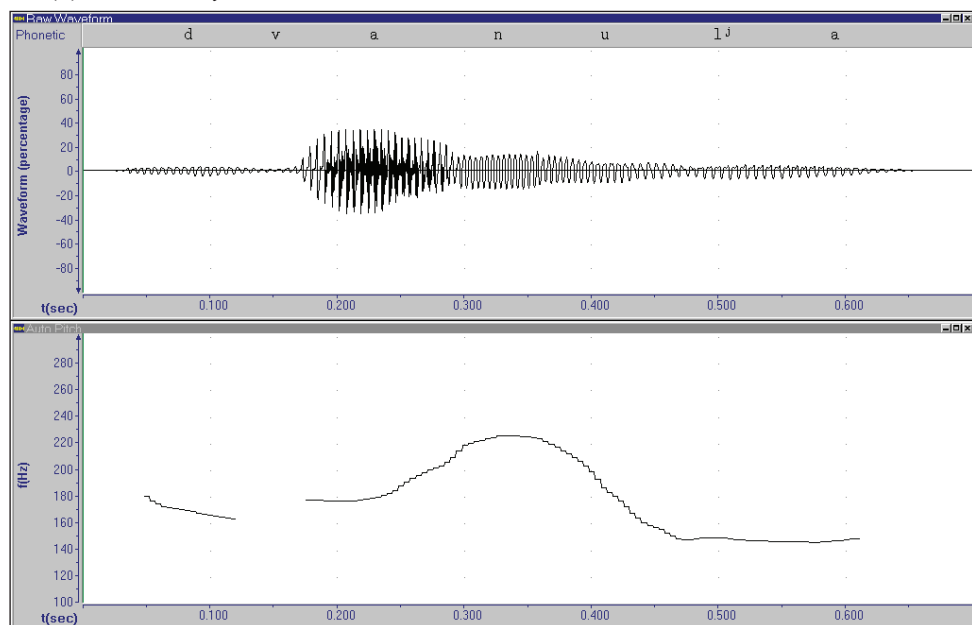
(2) — *На что жа́луется бо́льшой?*

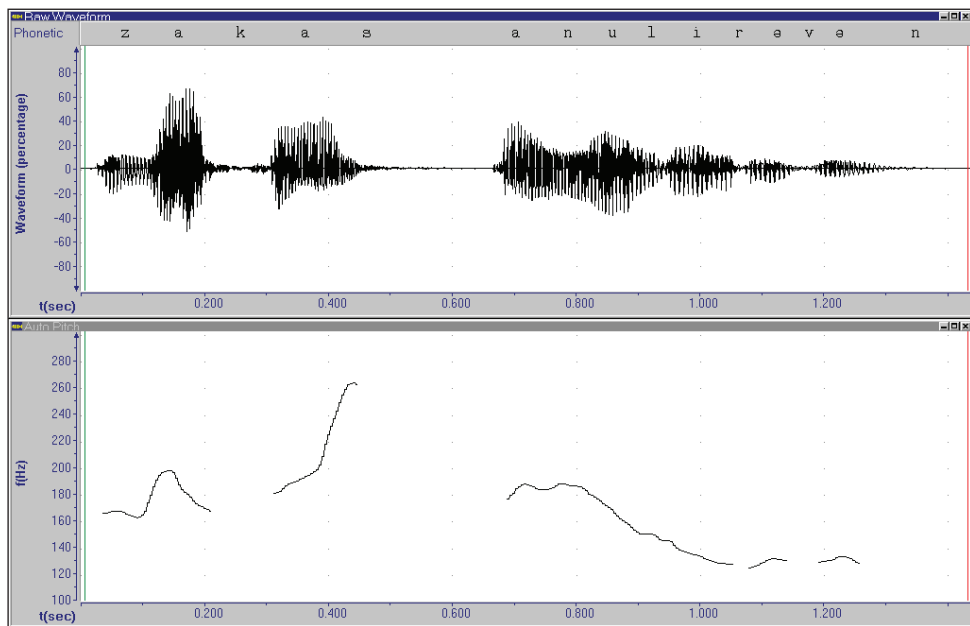
(3) — ... по своему ва\жн\а.

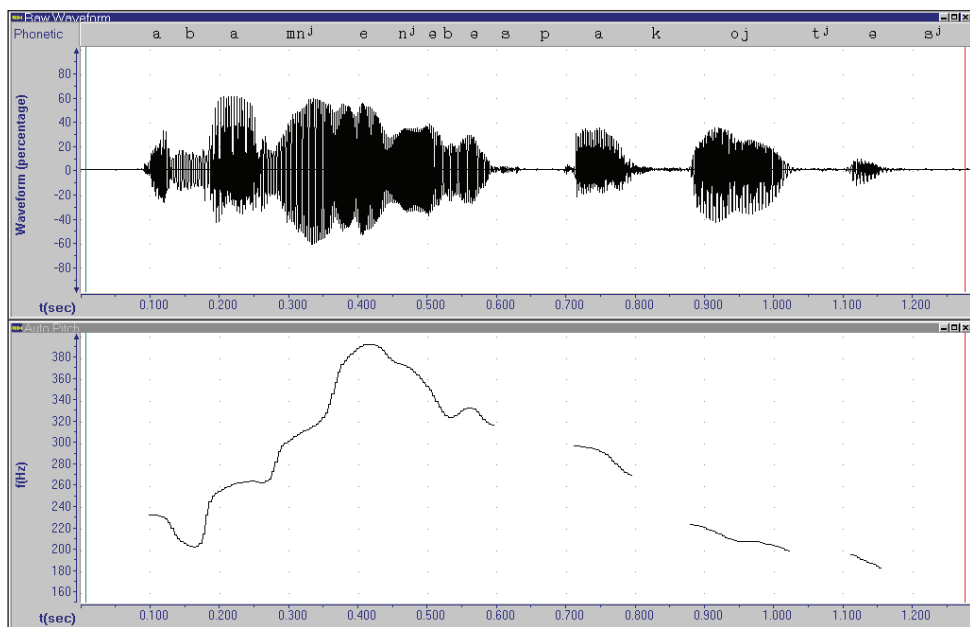
(4) — ... два ну\ля.

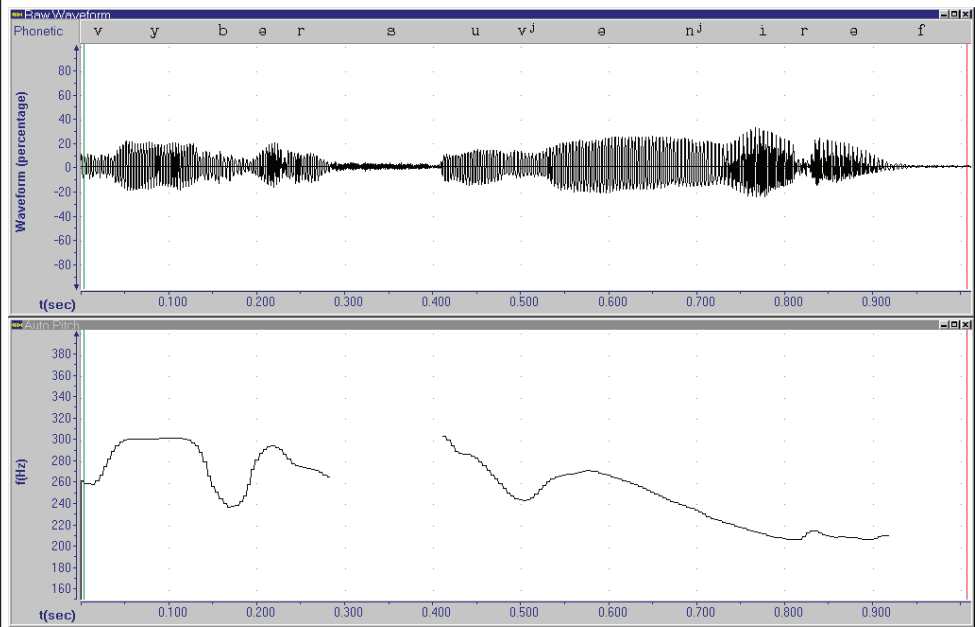
(5) — *Заказ аннулирован* (\).

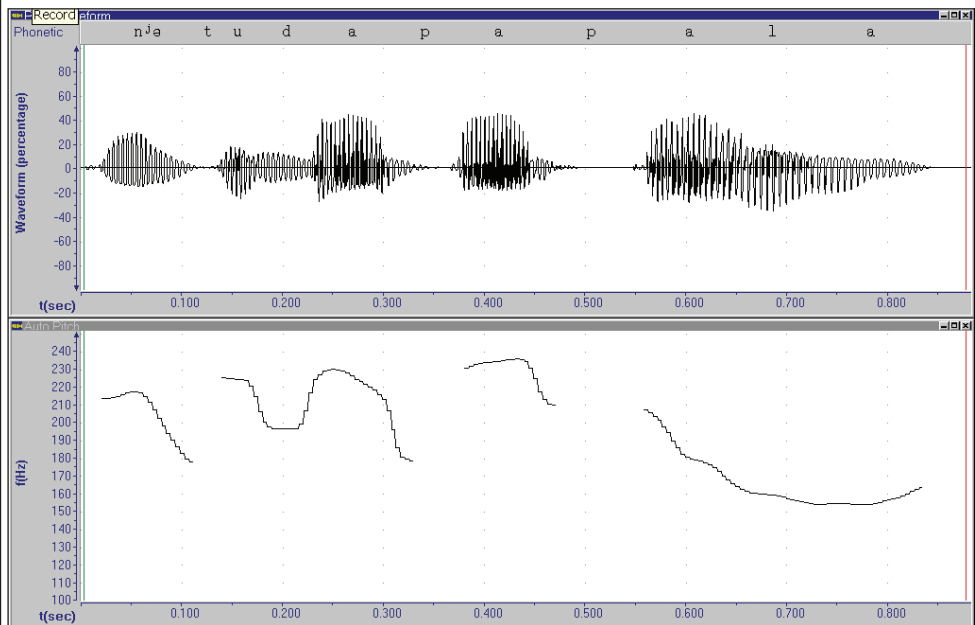
(6) — *Обо мне (I) не беспокойтесь* (\).

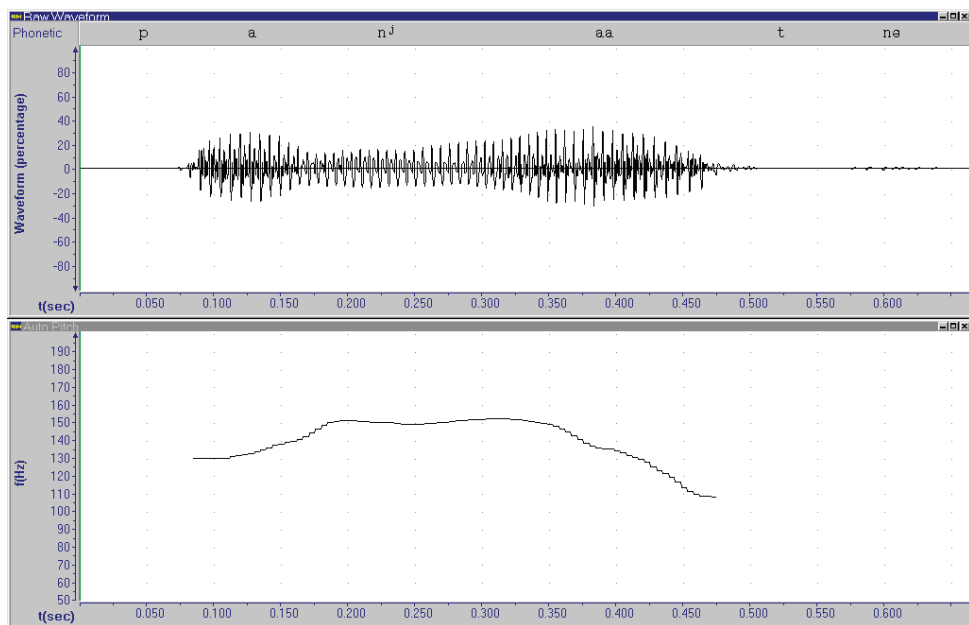
(7) — ...выбор сувениров (\).

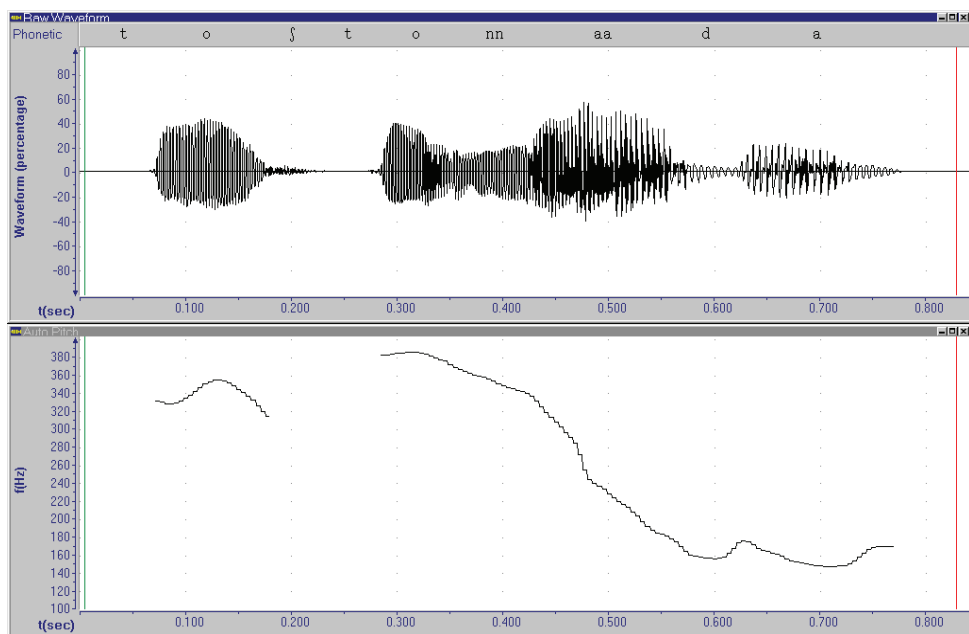
(8) — Не туда пошла.

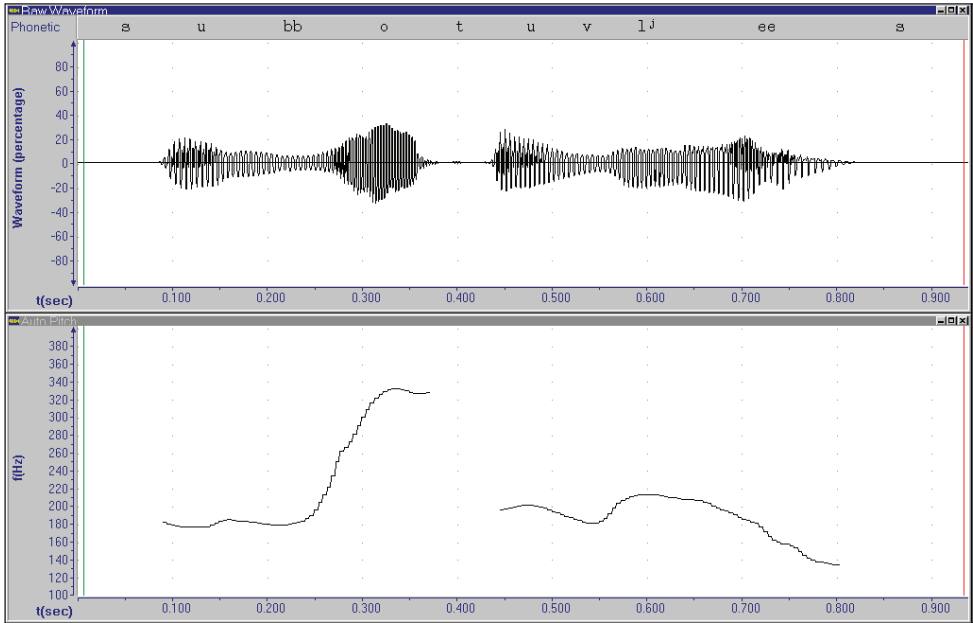
(9) — Поня\тно.

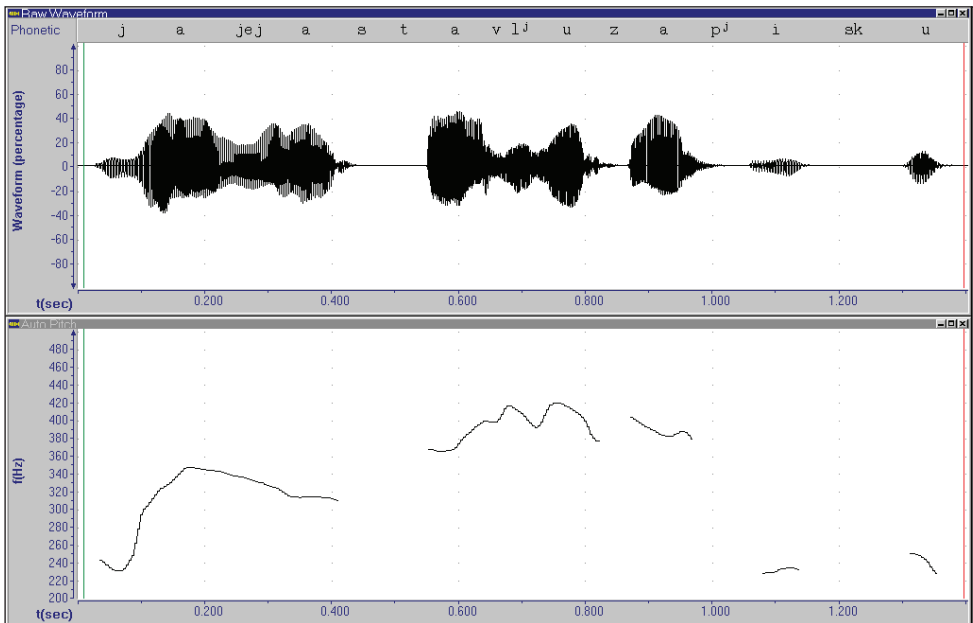
(10) — То, что надо. (подчеркнуты сегменты, несущие нисходящий тон)

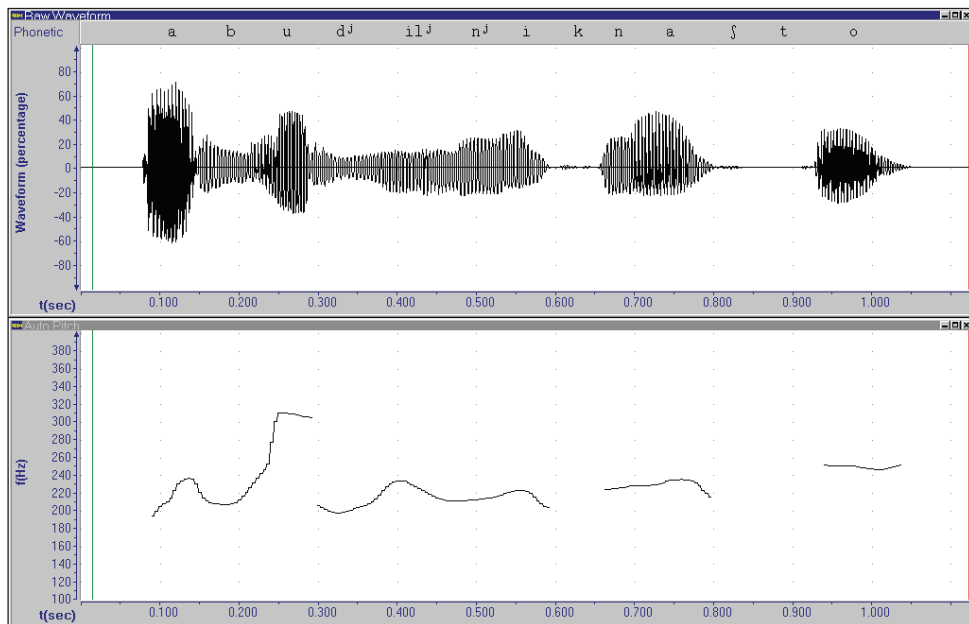
(11) — (А не поехать ли нам в ближайшую) субботу (/л/) в лес?

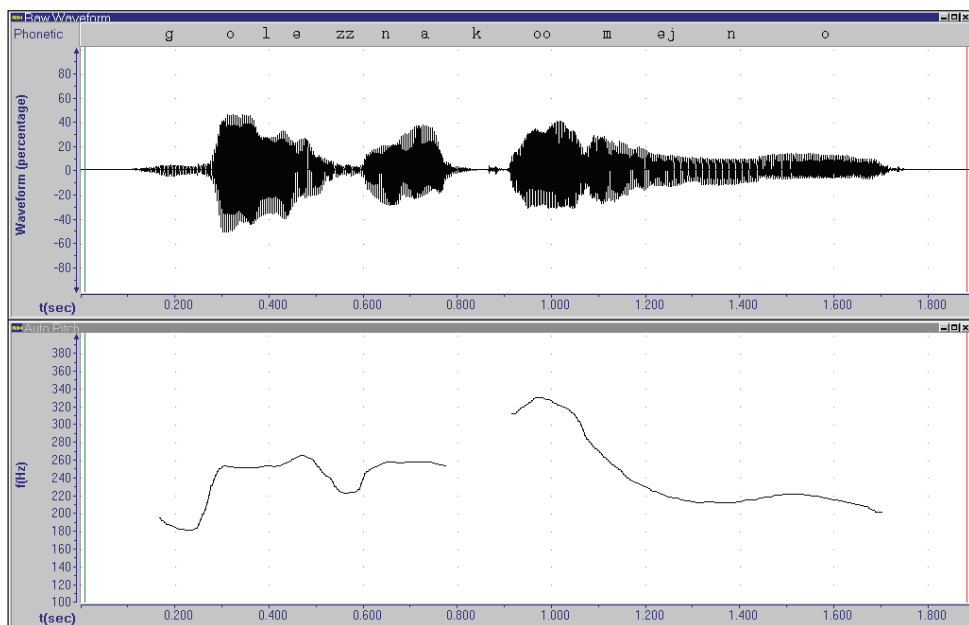
(12) — Я ей оставлю записку.

(13) — А будильник (/\\) на что?

(14) — Голос знакомый (/\\).

Глава 3

Об акцентных свойствах русских слов

Вступление

На протяжении жизни одного поколения фонетика потеряла статус преимущественно гуманитарной науки, занятой описанием звуковых систем различных языков на основе слухового анализа речи. Уже появление магнитофона и спектрографа существенно расширило возможности фонетических исследований, однако настоящая революция была связана с развитием компьютерных технологий. Российская наука вовлечена в это мировое развитие, и одной из ключевых фигур в процессе модернизации отечественной фонетики является Р. К. Потапова, труды которой сыграли важную роль в переориентации фонетистов на современные методы исследований и на решение прикладных задач. Такая переориентация неизбежно влечет за собой выявление новых фактов и уточнение традиционных представлений о звуковой системе языка.

Наблюдения акустических параметров русской речи на экране компьютера при параллельном слуховом анализе обнаруживают неполноту существовавших представлений об акцентной структуре фразы и слова во фразе (см. [Ковтунова 1976; Николаева 1982; Павлова 1987; Кодзасов 1996] и др.). Настоящая статья не претендует на сколько-нибудь полное решение возникающих проблем, но призвана стимулировать дальнейшие поиски в данной области. Начнем с краткого обзора тех презумпций, на которых основываются отечественные исследования фразовой акцентуации (ниже рассматриваются лишь диалогические тексты).

Вслед за Т. М. Николаевой мы принимаем, что акцентными центрами диалогических реплик являются выделительные акценты (ВА). Они маркируют синтаксические вершины тех составляющих, которые в данном фрагменте текста вводятся в рассмотрение (являются «новыми»). Если составляющая неоднословна, то внутри нее ВА ставится на одно из слов по правилам, учитывающим синтаксическую структуру группы. Например, в предложении — *Ты знаешь* — **[*Иванов вернулся]*! ВА относится к группе *Иванов вернулся*, что показано звездочкой перед начальной скобкой (квадратные скобки указывают границу акцентированной группы). Внутри предикатной составляющей акцент ставится на актант. Расстановка акцентов зависит также от дискурсивных характеристик компонентов группы («новое»/«старое», наличие сопоставления и др. [Кодзасов 1996]).

Слуховое отождествление ВА в большинстве случаев не составляет для фонетиста труда, однако артикуляционная природа этого акцента не вполне ясна. Предположительно, в его основе лежит комплексный жест, совмещающий ды-

хательный толчок с маркированным сужением голосовой щели (глоттиса). Инвариантные акустические корреляты выделительных акцентов (а они используются и в других европейских языках) пока не установлены, хотя этой проблемой занимается ряд выдающихся фонетистов (в том числе Г. Фант).

ВА может быть контрастным, т. е. подчеркивать отличие данного заполнения семантической позиции от потенциально более ожидаемого. Мы полагаем, что контрастивность реализуется дополнительным жестом импульсного опускания гортани, который приводит к изменению тембра гласного [Kodzasov 2003].

Выделительный акцент может выступать как в одиночку, так и в комплексе с другими фразовыми акцентами — долготным и тональным: — *Это *замечательный (\) человек!* (здесь знак «*» перед словом указывает на наличие ВА, знак «\» в скобках — нисходящий акцент на подчеркнутой части слова, а удвоение буквы — на долготу гласного). Тональный акцент, как известно, служит средством выражения иллокутивных и фазовых характеристик предложения и его компонентов [Кодзасов 2002]. Долготный акцент иконически указывает на удаленность или протяженность данного заполнителя семантической позиции в физическом, темпоральном или ментальном пространстве [Кодзасов 2000].

До сих пор не предпринималось попыток исчислить возможные акцентные реализации полнозначных русских слов в предложении. В принципе, здесь возможны три ситуации: 1) слово может не иметь никакого фразового акцента либо принимать любой из фразовых акцентов (выделительный, долготный, тональный), а также любую их комбинацию в зависимости от семантики предложения; это означало бы, что лексическая семантика слова никак не влияет на его акцентное оформление в предложении; 2) слово может иметь тот или иной «встроенный» акцент, отражающий его лексическую семантику, тождественную или близкую семантике фразовых акцентов; 3) слово может иметь ингерентное анакцентное свойство, отражающее его лексическую семантику; это свойство способно блокировать постановку фразового акцента на данном слове.

Обычно по умолчанию принимается, что в современном русском языке никакие словоформы не имеют встроенных акцентогенных или анакцентных свойств (в отличие от «энклиноменов» древнерусского языка). Однако имеются указания на акцентогенность некоторых лексем (см. [Павлова 1987; Скорикова 2002]). Автор настоящей статьи неоднократно указывал на лексически обусловленные ограничения, проявляющиеся во фразовой акцентуации (см., например, [Кодзасов 1995а; Кодзасов 1995б]). Главной целью настоящей работы и является демонстрация лексически обусловленных акцентных предпочтений и запретов в предложении.

В русской фразовой акцентологии имеется еще одно имплицитное допущение, которое требует пересмотра. Предполагается, что любой из фразовых акцентов в общем случае размещается на слоге, несущем словесное ударение, т. е. действует тенденция к синкретизму акцентных структур фразы и слова. В нашей недавней работе [Кодзасов 2005] было показано, что в действительности при размещении тональных акцентов существуют отклонения от этой общей тенденции, которые

связаны с лексическими свойствами слов. Ниже (в параграфе 5) будут приведены дополнительные свидетельства зависимости «таймирования» тонального акцента в слове от его ингерентных просодических свойств.

1. Слова, не принимающие выделительных акцентов

Напомним сначала о существовании фразового ударения (ФУ), отличие которого от выделительного акцента (ВА) эксплицитно введено в отечественную фонологию Т. М. Николаевой [Николаева 1982]. ФУ означает полную степень реализацию словесного ударения (при отсутствии ВА), прочие слова, входящие в данную синтаксическую группу, имеют ту или иную степень ослабления ударения. Перейдем теперь к перечислению просодических типов слов, которые могут нести ФУ, но не способны принимать ВА.

а) К этому просодическому классу относятся прежде всего словоформы существительных прежней парадигмы С (*вода, дом, земля, вечер* и проч.), которые не принимают выделительный (а тем более контрастивный) акцент и допускают только фразовое ударение (знак «'»). Например:

(1) — *Беги 'домой — 'воду дали!*

Ср. сходное по семантико-синтаксической структуре предложение, в котором используются слова других акцентных классов:

(2) — *Скажи *Ване — *водку дают!* Здесь подчеркнуты гласные, несущие выделительные акценты.

Характерным показателем акцентной слабости слов парадигмы С является невозможность паузального разрыва между ними и соседями:

(3а) — *Ты знаешь, 'воду только 'вечером дадут.* (3б) — *Ты слышал, 'вечером 'воду дадут.*

Ср. акцентно-паузальную структуру предложений со словами иных классов:

(4а) — *Ты знаешь — *зарплату (!) только *завтра давать будут.*

(4б) — *Ты слышал, *завтра (!) *зарплату будут давать.*

Здесь обозначение (!) указывает на возможный интонационно-паузальный разрыв между словами, несущими выделительные акценты.

Уместно указать здесь на специфическую семантическую особенность существительных парадигмы С, которая обычно не обсуждается: объекты, обозначаемые словами этого класса, обычно являются ситуативно или ингерентно определенными.

б) Только фразовое ударение (но не выделительный акцент) способны принимать слова, произносимые с сужением полостей речевого тракта (глотки, рта), а тем самым — с подавлением величины воздушного потока. Прежде мы уже указывали на ослабление акцентного потенциала слов, произносимых с сужением

глоточного резонатора: это слова, содержащие семантический компонент «свой», «присущий» (см. [Кодзасов 1995а]). Сравним следующие пары (релевантные для обсуждения слова подчеркнуты):

- (5а) — *Ему не поверят. Он же твой родственник.* (5б) — *Как ты можешь ему доверять? Он же *иностранец.*
 (6а) — *Он уже *побывал в *Петербурге. А вот в 'Москве не 'был.* (6б) — *В 'Москве он уже 'побывал. А вот в *Петербурге | не *бывал.*

Поясним, что Москва имеет встроенную огласовку типа «свой», а Петербург — типа «чужой».

Общее сужение ротовой полости (а отсюда менее полная артикуляция и ослабление акцентного потенциала) характерно для слов с семантикой девиативности или малой степени воплощения полезного признака (пустой, нелепый, простак). Напротив, более полная артикуляция и повышение акцентного потенциала характерно для слов с семантикой полноценности и высокой степени воплощения полезного признака (полный, ловкий, хитрый). Примеры:

- (7а) — *Зачем ты мне дал эту бутылку? Она же 'пустая.*
 (7б) — *Зачем ты ее выбросил? Она же *полная!*
 (8а) — *Какой он 'нелепый!*
 (8б) — *Какой он *хитрый!*

Возможности паузального разрыва прямо соответствуют артикуляционной полноте слов:

- (9а) — *Твой 'братец 'простак.*
 (9б) — *Твой *братец — *хитрец!*

Обратим внимание на то, что в примере (9б) слово *братец* получает выделительный акцент, гармонирующий с акцентом слова *хитрец*.

2. Ложные выделительные акценты

Артикуляционная полнота слова, связанная с маркированно широким ротовым проходом, создает иллюзию наличия выделительного акцента даже в том случае, когда слово уже введено в ближайшем предтексте и акцента нести не должно. Обозначим такой ложный «акцент» звездочкой в скобках:

- (10) А. — *Не хотите ли взять на это место *Иванова? Он *способный!* Б. — *(*) Способный нам *подойдет!*

Ср.:

- (11) А. — *Можно, в принципе, попробовать на это место *Иванова. Хотя он 'неумен.*
 Б. — *Неумный нам не 'нужен.*

Здесь артикуляционная неполнота слова *неумный* не дает оснований для восприятия выделительного акцента в реактивной реплике.

Иллюзия сохранения выделительного акцента появляется также в случае, когда безакцентное слово произносится с расширением глотки. В частности, такова ситуация со словами, содержащими префиксы *па-* и *пра-*, которые имеют семантику выхода за пределы родственной близости: *пасынок*, *прабабушка* и т. п. Эти слова сохраняют иллюзорный «акцент» в контексте предупомянутости:

(12) А. — *Лучше бы он *пасынку все завещал.* Б. — (*) *Пасынка он не *любит.*

(13) А. — *Ты *прабабушку *помнишь?* Б. — (*) *Прабабушку я только на *фотографии видел.*

Ср. явную безакцентность слова *бабушка* в аналогичном контексте:

(14) А. — *Ты *бабушку *помнишь?* Б. — *Я бабушку только на *фотографии видел.*

Явление лексической «акцентогенности» уже не раз обсуждалось в работах, посвященных фразовой акцентуации [Николаева 1982; Павлова 1987; Скорикова 2002]. По нашему мнению, встроенные лексические «акценты» фонетически не тождественны дискурсивным выделительным акцентам. Однако для более полного понимания ситуации необходимо существенное изменение общих представлений о просодии русского слова. Мы уже не раз указывали на многообразие русской лексической просодии (см., особенно [Кодзасов 1996]), без учета которой многие факты русской фонетики труднообъяснимы.

3. Слова, не принимающие долготных акцентов

Одним из проявлений лексической обусловленности просодических характеристик является неспособность слов некоторых семантических групп принимать долготный фразовый акцент. Имеется несколько причин такого ограничения, и мы рассмотрим соответствующие лексические группы отдельно.

а) Наиболее простой случай — неспособность ударных гласных к удлинению в словах с семантикой замкнутости, предельности, ограничительности. Такие слова (например, *тупик*, *угол*, *забор*, *пробка*) имеют встроенное усечение гласных, которое препятствует их дискурсивному удлинению.

Дискурсивное удлинение имеет несколько функций (см. [Кодзасов 2000]), оно, в частности, характерно для предложений с семантикой замены некоторого предложенного ранее заполнения семантической позиции. В этом случае удлинение указывает на введение в поле зрения терма, который находился в отдалении от фокуса внимания. Например: — *Это не Ваня, это Пе-тя сделал!* Однако слова с семантикой предельности не способны принимать подобную огласовку. Нельзя, например, сказать: — *Куда ты идешь?! Там ведь тупи-ик(?)!* или — *Деревяшкой ты бутылку не заткнешь! Нужна про-обка(?)!*, тогда как удлинение при обратной замене является нормой: — *Да нет, там не тупик! Там проход!*

б) Менее тривиальным фактом является неудлиняемость гласных в «простонародных» вариантах заимствований типа *боцмона*, *инженера*, *лифты*:

(15a) — *Сами не справимся! Здесь *инженера нужны!*

Ср. огласовку литературного варианта слова:

(15b) — *Сами не справимся! Здесь *инжене-еры нужны!*

Сходным образом, не могут удлиняться гласные в сложносокращенных словах без соединительных гласных — типа *детсад*, *замред*, *главврач* и т. п. Ср.:

(16) — *Это не завод гудел! Это *парохо-од!*

(17) — *Это не сквер! Это *детсад!* (форма *детса-ад* представляется невозможной)

Отсутствие удлинение в формах типа *инженера* и *детсад*, как нам кажется, обусловлено каким-то специфическим ларингальным сужением, которое частично подавляет воздушный поток и снижает акустическую энергию отрезка речи.

в) Укажем, наконец, на запрет вокалического удлинения в сакральной лексике. Как кажется, нельзя удлинять ударные гласные в словах *Создатель*, *Творец*, *Господь*, *Спаситель*, *Богородица*, *Матерь Божия*, *Воскресение Господне*. Это ограничение не распространяется на профанные аналоги этих лексем, которые способны принимать удлинение: *воскресенье*, *создатель (этой машины)*, *спаситель (города)*, *господин*.

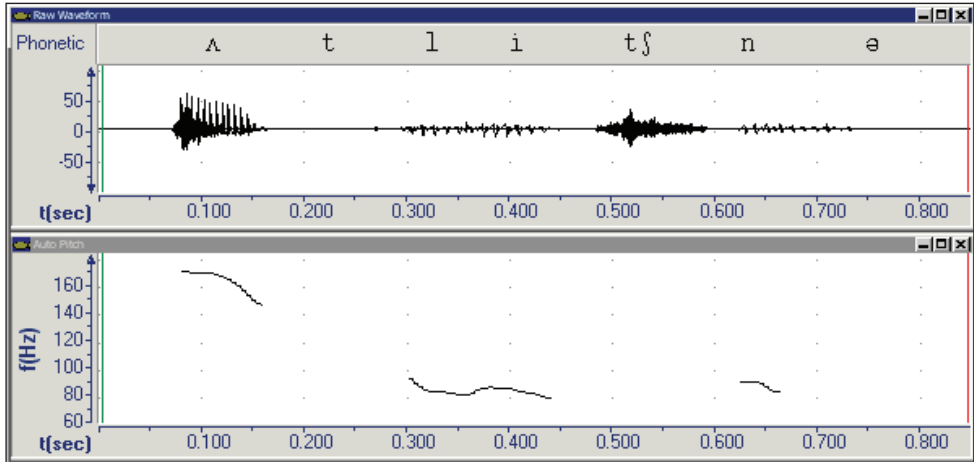
4. Выделительный акцент на начальном слоге слова

В словах, обозначающих разного рода вместилища, выделительный акцент (отмечаем его жирным шрифтом ударной гласной буквы) ставится на начальном слоге слова независимо от его ударности/безударности: *сумка*, *ящик*, *корзина*, *коробка*, *котомка*, *мешок*, *карман*, *корабль*, *комод*, *могила*, *ботинки*, *берлога*. При этом прослеживается тенденция к полному произнесению безударных гласных, она особенно очевидна в случае гласных 2-го предударного слога в позиции перед плавными *р* и *л*, где вместо редуцированного произносится «крышка»: *коробок* [ʌ], *корабли* [ʌ], *воротник* [ʌ], *балаган* [ʌ].

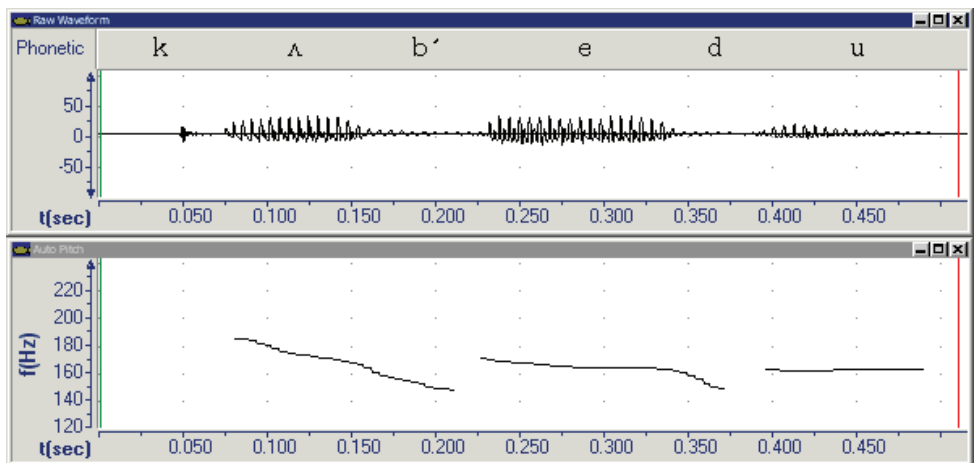
Примечательно, что сколько-нибудь заметное удлинение безударного гласного при этом отсутствует. Это объясняется тем, что ретракция выделительного акцента в словах рассматриваемого типа обусловлена широким раствором рта, символизирующим объемную природу называемых предметов, а величина резонаторов не столь тесно связана с длительностью выдержки.

5. Тональный акцент на начальном слоге слова

Обычно принимается, что фразовые акценты (как выделительный, так и тональный) размещаются на слоге, несущем словесное ударение. В предыдущем параграфе было показано, что выделительные акценты в словах определенного семантико-просодического класса ставятся на начальный (часто безударный) слог

Рис. 1. — *Отлично!*

слова. В нашей недавней статье [Кодзасов 2004] были описаны случаи начальной ориентации также и тональных фразовых акцентов. Напомним, что ретракция тонального акцента, по нашему предположению, мотивирована лексически обусловленной громкостью слова: как известно, дуга громкости имеет нисходящую форму, то есть ее максимум тяготеет к началу отрезка речи, а вершина громкости и тональный акцент имеют тенденцию совмещаться. Приводим здесь еще две графических иллюстрации начальной ориентации нисходящего тонального акцента (примеры взяты из лингофонного курса, начитанного профессиональными дикторами).

Напомним, что существует и иной нестандартный тип размещения тонального акцента в слове: тон может скользить на всем протяжении слова, не имея слоговой локализации [Кодзасов 2004].

Заключение

Слуховой и акустический анализ образцов литературной русской речи обнаруживает сложность и разнообразие просодических схем слова. Возможности русских слов принимать фразовые акценты (выделительные, долготные и тональные) отнюдь не одинаковы. Обычно постулируемая стандартная акцентная схема и схема редукции применима далеко не ко всем русским словам. «Якорем» для тональных фразовых акцентов может служить не ударение, а безударное начало слова. В некоторых словах «якорь» для тонального акцента отсутствует вовсе. Все это означает, что в русском языке сосуществуют фонетически различные акцентные схемы слова. Каждая такая схема представляет собой сложную матрицу, имеющую в качестве строк акцентогенные характеристики, а в качестве столбцов — значения этих характеристик для слогов.

Мы полагаем, что словесное ударение является абстрактной «вершинной» категорией типа подлежащего (см. [Кинен 1982]), оно приписывается на основе алгоритма, учитывающего как многообразные акцентные свойства слова, так и его морфологические характеристики. При наложении фразовой акцентной схемы на словесную действует достаточно сложная система правил, она учитывает не только место ударения, но и все акцентогенные характеристики слова.

Очевидна необходимость детального изучения акцентных свойств русских слов. Оно должно стать частью общего исследования просодии русских слов в тесной связи с их «гештальной» семантикой. Бытующие в этой области установки явно устарели, они не дают возможности объяснить разнообразие наблюдаемых просодических данных. Нам кажется, до сих пор недооценивается тот очевидный факт, что человек представляет собой сложнейшую просодическую машину — об этом свидетельствуют все виды его музыкальной активности. Нет никаких оснований считать, что в речевой деятельности почти не используется тот гигантский потенциал различения тональных, темпоральных, громкостных и тембральных характеристик, который обнаруживается в музыкальной практике человека.

Литература

- Кинен 1982 — *Кинен Э. Л.* К универсальному определению подлежащего // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М., 1982.
- Ковтунова 1976 — *Ковтунова И. И.* Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.

- Кодзасов 1995а — *Кодзасов С. В.* О редуцированных словах в русском языке // Проблемы фонетики. II. М., 1995.
- Кодзасов 1995б — *Кодзасов С. В.* О семантике одного акцентного различия // Филологический сб. (к 100-летию со дня рожд. акад. В. В. Виноградова). М., 1995.
- Кодзасов 1996 — *Кодзасов С. В.* Фонетическая база данных ИРЯ как источник просодической информации // Просодический строй русской речи. М., 1996.
- Кодзасов 2000 — *Кодзасов С. В.* Фонетическая символика пространства (семантика долготы и краткости) // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.
- Кодзасов 2002 — *Кодзасов С. В.* Фазовая символика тона // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002.
- Кодзасов 2004 — *Кодзасов С. В.* Размещение тональных акцентов в русском слове. // Язык и речь: проблемы и решения: Сб. науч. трудов к юбилею проф. Л. В. Златоустовой. М., 2004.
- Николаева 1982 — *Николаева Т. М.* Семантика акцентного выделения. М., 1982.
- Павлова 1987 — *Павлова А. В.* Акцентная структура высказывания в ее связях с лексической семантикой: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987.
- Скорикова 2002 — *Скорикова Т. П.* Принципы описания акцентогенных свойств лексем // Проблемы фонетики. IV. М., 2002.
- Kodzasov 2003 — *Kodzasov S. V.* Varieties of focalisation in Russia: semantics and prosody // Memoires de la Société de Linguistique de Paris. Nouvelle série. T. XIII. 2003. P. 99—113.

Глава 4

Семантико-фонетическое расщепление русских частиц и просодическая информация в словаре*

Введение

Что представляют собой словарные статьи о частицах в существующих словарях русского языка [ССРЛЯ; СРЯ; Ожегов, Шведова 1994]? Это неиерархизованные списки подзначений, каждое из которых снабжено грамматической характеристикой, а иногда также фонетической пометой (чаще других — «безуд.»). Расположение подзначений в последовательности (некоторый аналог иерархизации) ориентировано на грамматические свойства, фонетические пометы здесь роли не играют. Регулярности в использовании просодической информации в словарях нет, она носит случайный характер.

Впервые проблема использования просодических сведений в словаре (в частности, применительно к частицам) была подробно рассмотрена в работе Ю. Д. Апресяна «Типы лексикографической информации об означающем лексемы» [1990]. Анализируя разные типы соотношений между просодическими вариантами слов и их семантико-синтаксическими различиями, автор выделил три лексикографических ситуации. Первая из них — просодические различия связаны с различиями в семантике и/или синтаксических функциях слов, но не являются постоянными. Иначе говоря, подзначения лексемы имеют разные просодические парадигмы, что отражает различие семантико-синтаксических контекстов их употребления. Просодическую информацию такого рода помещать в словарь не следует.

Вторая ситуация — имеются стабильные просодические различия, которые выводятся из семантико-синтаксических различий на основе регулярных правил. В этом случае просодические сведения поддерживают содержательные характеристики, и целесообразным признается (в соответствии с принципом «разумной избыточности») их включение в словарную статью.

Наконец, третья ситуация — просодические различия стабильны, но при этом не выводятся из семантико-синтаксических различий. Информация о таком просодическом расщеплении слова в словаре обязательна.

Мы в целом придерживаемся ниже этой лексикографической классификации, тем более что она, как нам представляется, по существу близка к традици-

* Опубликовано в: Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.

онному разграничению контекстного варьирования, полисемии и омонимии. Справедливость предлагаемого Ю. Д. Апресяном принципа очевидна: в словаре не фиксируются контекстные просодические огласовки, обусловленные общими законами, но отмечаются индивидуальные различия, связанные со специфической семантикой подзначений лексемы. Последовательное проведение этого принципа имело бы важное значение для лексикографических решений: оно позволило бы уточнить иерархическую структуру словарной статьи и преодолеть перечислительную стихию (на основе разделения омонимии и полисемии).

Однако не всегда ясно, как применять этот принцип на практике, особенно ввиду далеко не полного знания общих просодических законов, действующих в русском языке. Целью настоящей статьи является обсуждение вопросов, возникающих в связи со словарным описанием просодии частиц. Подход автора к их решению отчасти реализован в его интонационном комментарии к «Путеводителю по дискурсивным словам» [Кодзасов 1993], однако его последовательной экспликации пока не было.

1. О типах просодических характеристик

По функциональным и фонетическим соображениям естественно выделить три основных типа просодических характеристик:

- а) собственно интонационные (тон, качество голоса, длительность), они выполняют модально-иллюкутивные функции;
- б) акцентные (размещение фразового акцента, степень выделения, паузация), они выполняют логико-коммуникативные и грамматические функции;
- в) акцентно-артикуляционная (полное/редуцированное произношение слова в целом); эта характеристика маркирует сдвиг лексического значения.

Странным образом последнее просодическое средство до сих пор не было замечено фонетистами несмотря на его большую функциональную роль в русском языке (см. [Кодзасов 1995а]). Интегральная редукция слова — стандартный способ маркировки семантического разрыва с исходной лексемой. Фонетически такая редукция проявляется в общем ослаблении слова, которое особенно заметно сказывается на качестве ударного гласного: он централизуется, приближаясь к нейтральному, и подвергается сокращению. Ниже мы будем условно пометать редуцированные ударные гласные с помощью буквы «ъ»: [аъ], [оъ] и т. д.

Приведем несколько примеров, которые, как мы надеемся, помогут читателям почувствовать фонетическое различие полных и редуцированных слов (качество ударного гласного, показанное в квадратных скобках после слова, служит знаком полноты/редуцированности оболочки слова):

- (1а) — *Ваш брат[а] прекрасно поет.*
- (1б) — *Ваш брат[аъ] интеллигент всегда недоволен.*
- (2а) — *Как много несчастных[а] людей!*

- (2б) — Я получил несчастных[аъ] сто тысяч!
 (3а) — Я не могу с тобой пойти. Я должен[о] работать.
 (3б) — Магазин работает сегодня?
 — Должен[оъ] работать. (= Должно быть, работает.)
 (4а) — Не надо ему помогать. Он может[о] прийти сам.
 (4б) — Он может[оъ] прийти, если хочет. (= Ему разрешается прийти.)
 (5а) — Это стоит[о] миллион.
 (5б) — Это стоит[оъ] сделать.

Обратим внимание на ритмическое ослабление редуцированных слов: они примыкают к соседним полным словам и не могут отделяться паузой.

При переходе слова в разряд служебных или полуслужебных редукция усиливается ввиду позиционного ослабления, свойственного безакцентным единицам этого типа, что может приводить к реализации бывшего ударного гласного в виде редуцированного («шва»):

- (6) — Ну ты, брат[ъ], загнул.
 (7) — Товарищ[аъ]/[ъ] Иванова уехала в Ленинград.

В случае же трансформации значения некоторых служебных слов полная редукция является, как представляется, нормой произношения. Ср.:

- (8а) — Куда это[е] положить?
 (8б) — Куда это[ъ]/[й] ты пошел?
 (9а) — Так[а] было прежде. Но теперь совсем иначе.
 (9б) — Так[ъ] было это или нет?

Вернемся теперь к обсуждению относительной роли просодических характеристик в различении подзначений лексем. В случае однозначных слов использование только третьего из перечисленных средств связано с изменением исходного значения. Проиллюстрируем это следующими примерами (знак * перед словом показывает наличие на нем фразового акцента, а знаки « / » и « \ » в скобках после слова означают восходящий и нисходящий тон фразового акцента):

- (10а) — Это *Ваня (/) сделал?
 (10б) — Да, *Ваня (\).
 (11а) — *Ваню — *можно к телефону?
 (11б) — Ваня *обедать пошел.
 (12а) — *Ваньку [а] — не *обижай!
 (12б) — Ты об этом *знал! Не валяй *Ваньку[аъ]!

Очевидно, никому не придет в голову помещать в словаре варианты типа (10а)—(10б) и (11а)—(11б). Как можно эксплицировать эту интуицию? Просодическая характеристика здесь приписана на основе стандартных правил выражения некоторых непропозициональных (модально-иллокутивных и логико-коммуникативных) значений. В частности, тональное различие (10а) и (10б) обусловлено типом высказывания, а наличие/отсутствие акцента на Ваня в (11а) и (11б) обусловлено новизной/заданностью темы. Ясно, что иллокутивные и коммуникативные смыслы

здесь приписаны окказионально, не являются лексически встроенными. Возможны, правда, предпочтения употребления тех или иных иллокуций, коммуникативных категорий и т. п. при некоторых полнозначных лексемах, однако в общем случае они не имеют ингерентных смысловых характеристик, предопределяющих их просодическую форму. (Ср. идею лексической акцентогенности [Павлова 1987] и ее обсуждение в [Кодзасов 1996]).

Что касается примеров типа (12а)—(12б), а также пар в (1)—(5), то семантическое расщепление лексем здесь очевидно, однако сопутствующее артикуляционно-акцентное раздвоение лексемных оболочек, как мы уже говорили, ранее не отмечалось.

Обратимся теперь к служебным словам. Ситуация с ними принципиально иная: ведь они сами, подобно просодическим средствам, выполняют непропозиционные функции. Поэтому их встроенная семантика может предопределять просодию — в основном по линии ограничения просодических возможностей. Перейдем к разбору таких случаев, отмечая типы фонетического варьирования в некоторых группах частиц, а также просодическую перестройку при переходе других классов слов в частицы.

2. Иллокутивные шифтеры и производные от них

Обычным явлением живой разговорной речи является использование частиц в качестве своеобразных шифтеров, несущих переменную иллокутивно-модальную информацию, выражаемую с помощью интонации. При этом вещественное содержание высказывания обычно уже введено предшествующим дискурсом и может полностью опускаться. В функции иллокутивных шифтеров выступают такие частицы, как *да*, *ну*, *а*, *а-а*, *ага*, а также их комбинации. Мы рассмотрим здесь первые две частицы.

2.1. ДА1. Просодия и грамматика ясно показывают отличие базовых употреблений этой частицы (ДА1) от вторичных (ДА2 и ДА3). ДА1 представляет собой реактивную квазиреплику, используемую в качестве иллокутивного шифтера. Она, как правило, несет на себе интонацию основной реплики, которая за ней следует. Примеры (пояснения транскрипционных знаков даются в квадратных скобках):

(13) — *Кто завтра дежурит? Ваня?*

— *Да (∅), Ваня (∅).*

(14) — *Ты пойдешь на выборы?*

— *Да (∅Н), конечно (∅Н). Надо же своих поддержать.* [Н = низкий регистр тона]

(15) — *Неужели это Ваня сделал?*

— *Да-а (∇Н), Ваня (∇Н). А что ты удивляешься?* [∇ = нисходяще-восходящий тон]

(16) — *Папа уже приехал.*

— *Да (∅)? Приехал (∅)? Тогда будем обедать.*

- (17) — Ты знаешь — Иванов-то приехал. Вопреки всем прогнозам.
— Да (/!)?! Приехал (/!)?! [// = увеличенный интервал тонального подъема]
- (18) — Дай мне поиграть твой пистолетик.
— Да-а (∧), ты не отда-ашь (∧)! [∧ = двойной падающий акцент, причем второму падению предшествует подъем]
- (19) — Да (/^-), вспомнил (/^-)! Тебя жена просила позвонить. [/-^ = сочетание восходящего, ровного высокого и нисходящего тона]
- (20) — Помнишь ее? Она еще цыганские песни пела.
— Да-а (/^-), вспо-амнил (/^-). [то же самое с удлинением]
- (21) — Да (:), были (:) люди в наше время. [: = акцент реализуется удлинением гласного, тон ровный]
- (22) — Да-а (:hh), теперь мы вли-упли (:hh). [:hh = удлинение и придыхательный голос, тон ровный]
- (23) — Да (-q), дурацкая (-q) история. [-q = гортанная смычка в конце акцентированного гласного, тон ровный]

Мы ограничимся здесь этими примерами, хотя можно без труда найти аналогичного типа реплики с другими интонационными конфигурациями. Во всех приведенных случаях интонация частицы точно повторяет интонацию ремы основного высказывания. В большинстве случаев для правильного понимания достаточно только частицы — последующая часть реплики может быть опущена.

Однако интонация частицы и последующей реплики совпадают не всегда: возможен интонационный комплекс, в котором характеристики первой и второй части согласованы:

- (24) — Можно я закрою форточку?
— Да (/), конечно (l).
- (25) — Ну что, интересная статья?
— Да (/q), ерунда (lh). [/q = восходящий тон, завершаемый гортанной смычкой; lh = нисходящий тон, завершаемый придыханием]

Как должны быть отражены просодические свойства ДА1 в словарной статье? Очевидно, бессмысленной была бы попытка включить в нее все потенциально возможные иллокутивно-модальные варианты огласовки частицы — ведь они заданы текущей ситуацией. В то же время ясно, что интонационные возможности ДА1 существенно отличаются от возможностей НЕТ или НУ. Следовательно, семантика ДА должна быть описана таким способом, который эксплицитно задавал бы пространство модально-иллокутивных (а, следовательно, просодических) характеристик, допускаемых этой частицей.

Рассмотрим теперь использование ДА в качестве проклитики при императиве, выраженном глаголом в 3-м лице (ДА2):

- (26) — Да *здравствует *свобода!
(27) — Да *будет *мир в вашем доме!
(28) — Да *покарает его *Господь!

Здесь и далее звездочка указывает на наличие выделительного акцента на слове. ДА не имеет собственной просодии, в предикатной же группе, которую частица вводит, акцент принимает как глагольная вершина, так и актант. Ясно, однако, что такая акцентуация задается не частицей, а императивной семантикой. Ср.:

(29) — *Пусть *свершится 'правосудие!*

(30) — **Позвони *жене!*

В данном случае просодия снова определяется общими правилами, а не индивидуальными свойствами лексемы.

Наконец, ДА может выступать в роли «усилительной» частицы (ДА3), чаще всего с сентенциальной сферой действия.

(31) — *Да[ъ] кто ему поверит!*

(32) — *Да[ъ] я его знаю!*

(33) — *Куда идти? Да[ъ] прямо.*

В отличие от ДА2 эта проклитика является редуцированной. Просодическое изменение отражает здесь полную утрату частицей иллюкутивных функций, и соответствующую помету естественно иметь в словаре. Интересно, что существующие словари в данном случае отмечают особую просодию ДА (путем указания ее безударности). Это, очевидно, связано с тем, что редуцированные клитики обнаруживают специфическую фонетику: в предупредительной позиции они имеют [ъ] вместо «крышки». Ср. огласовку ТАК в функции «усилительной» частицы:

(34) — *Так[ъ] прежде-то этого не было!*

2.2. НУ

Семантика и просодия некоторых употреблений этой частицы подробно рассмотрены в работе [Баранов, Кобозева 1988]. Предлагаемое авторами разделение двух подзначений не вызывает сомнений. В первом подзначении (НУ1) частица используется как квазиреплика, вводящая ответ на вопрос в ситуации когнитивного затруднения. Такая реплика несет фразовый акцент и может отделяться паузой от последующего ответа. Примеры из указанной работы:

(35) — *Сколько раз вы встречались с Петром?*

— **Ну (/) ... *Пять (∧) *раз (∧).*

(36) — *Откуда у тебя мой магнитофон?*

— **Ну (/), *мама (∧) твоя принесла его. [/ - восходящий в сочетании с последующим ровным; ∧ — восходяще-нисходящий тон]*

Во втором подзначении (НУ2) частица вводит реплику, разрешающую когнитивное затруднение уже не говорящего, а его партнера. В этом случае она лишена акцента и не отделяется паузой:

(37) — *В нижнем ящике нет.*

— *Ну, в *верхнем (∖) посмотри. [∖ — падающий тон увеличенного интервала]*

- (38) — *Кто это сделал?*
— *Ну, *те-е* (Λ).
- (39) — *Ничего не получается. Не открывается.*
— *Ну, *ломай* (\\) *тогда.*

Изменение просодии реплик с НУ2 семантически мотивировано: интонационная иконика НУ1, связанная с задержкой ответа из-за текущего выбора альтернативы говорящим, здесь неуместна.

НУ1 и НУ2 используются в «реактивных репликах с координационной связью» (термин авторов). Рассмотрим теперь иные употребления этой частицы. Во-первых, к НУ1 близки употребления в реактивных репликах, которые не являются ответами на вопрос:

- (40) — *Ну-у* (ΛН)... *Ну* (/Н) *и *дела* (Н).
- (41) — *Ну-у* (Λ). *Не *может* (/) **быть* (\\).
- (42) — *Ну-у* (ΛВ)? **Неужели* (/В) **правда* (\\В)?

Здесь НУ также маркирует ситуацию когнитивного затруднения, на этот раз она связана с приемом неожиданной информации — соответственно, неприятной, нейтральной и радостной. Имеются и другие варианты ситуации когнитивного затруднения, в частности в ней могут пребывать оба партнера по коммуникации:

- (43) — *Ну-у* (\\)? **Что* (/) *будем *делать* (\\)?

Заметим, что НУ выступает при этом как интонационный шифтер, подобный ДА1. Сходным образом интонация на частице либо повторяет интонацию последующей реплики (случаи (40)—(43)), либо независима от нее:

- (44) — **Ну-у* (/В), *сейчас весь *дом* (\\) *будет в курсе.*

Среди примеров, отнесенных А. Н. Барановым и И. М. Кобозевой к НУ1, выделяются случаи полемических ответов:

- (45) — *...у тебя есть, чай, много умерших крестьян?*
— **Ну* (/) **есть* (\\), *а *что* (Λ)?
- (46) — *Ты читал «Волшебную гору»?*
— **Ну* (/) *не *читал* (\\).

Отсутствие запятой после частицы в этом случае не случайно: пауза здесь невозможна. Встречаются и неотчетливые реплики со сходной огласовкой НУ, они содержат элемент агрессии:

- (47) — **Ну* (/) *негодяй!*

Нам кажется, следует выделить здесь особое («агрессивно-полемическое») подзначение — НУ3.

Отсутствие пунктуационного отделения частицы мы находим и при употреблении ее в репликах предостережения:

- (48) — **Ну* (/--) *услышит кто-нибудь!* (пример из [Шведова 1960])

Запись /-- означает восходящий плюс ровный высокий тон на последующих слогах. Тональная конфигурация здесь аналогична той, которая имеет место в примерах на ИК-6, приводимых Е. А. Брызгуновой [Брызгунова 1980] (типа *Какая музыка-а!*). В обоих случаях она иконически выражает семантическую неполноту высказывания, которая может быть самостоятельно восполнена слушающим. Ср. более полные варианты этих реплик:

(49) — *Какая *музыка-а (/ -)! *За-амеча-ательная (/ — \)!*

(50) — **Ну услышит (/ --) кто-нибудь! *Хлопот (/ -- \) не оберешься.* [удлинение отсутствует]

В добавленных фразах конфигурация /- как бы достроена до полной фигуры /--\.

Очевидно, следует отделить рассматриваемое употребление в виде НУ4, трактуя его, однако, как вариант общего значения «ситуация когнитивного затруднения».

И уже совсем особняком стоит «усилительное» НУ (НУ5), произносимое как клитика с сильной редукцией гласного ([уъ]) и не отделяемое на письме запятыми:

(51) — *Ну[уъ] *ладно тебе.*

(52) — *Ну[уъ] *стоит ли это таких денег?*

(53) — *Ну[уъ] *еще бы!*

Если все предыдущие употребления еще можно объединить семантически, то здесь значение «когнитивного затруднения» утрачено. Замечательно, что в отличие от НУ2 (тоже безакцентного и фонетически неотделяемого) редуцированное НУ на письме не имеет при себе запятой. Очевидно, особую просодию редуцированного НУ следует фиксировать в словаре.

Что касается подзначений НУ1-НУ4, то в принципе их общие просодические свойства функционально выводимы. Однако это не мешает их отражению в словаре, если мы примем критерий «разумной избыточности», предлагаемый Ю. Д. Апресяном (см. выше). В то же время нет оснований для включения в словарь информации о всех интонационных вариантах НУ1. Ясно, однако, что семантика НУ1 при этом должна быть описана таким образом, чтобы область возможных модально-иллокутивных характеристик вводимых этой частицей реплик была эксплицитно задана. Тогда просодические возможности этой частицы будут отделены от просодических возможностей других иллокутивных шифтеров.

3. Частицы со встроенной иллокутивной характеристикой

Частицы РАЗВЕ и НЕУЖЕЛИ в первообразной функции используются в общих вопросах, представляющих собой реакцию на сообщение, нарушающее не-

которую presupпозицию¹. Реплика с РАЗВЕ требует подтверждения неожиданной информации, предполагая возможность ее отмены:

(54) — *Разве ты об этом не *знал? Я же тебе *говорил — ты просто *забыл.*

Вопросы с НЕУЖЕЛИ носят риторический характер: говорящий принимает сообщение как истинное, но демонстрирует трудности его встраивания в систему знаний и установок:

(55) — **Неужели он сдал *экзамен? *Вот чудеса!*

РАЗВЕ обычно предполагает интонационные огласовки ремы, типичные для разных вариантов «общего» вопроса. Ср.:

(56a) — *Откуда ты знаешь? Разве ты *был (/) там?*

(56б) — *Ты уже *был (/) на выставке?*

(57a) — *Зачем ему гараж? У него разве есть *машина (/В)?*

(57б) — *Зачем ему гараж? У него что — есть *машина (/В)?*

(58a) — *Стоило ли это ставить? Разве уж и *пъес (/--) не стало?*

(58б) — *Стоило ли это ставить? Или уж и *пъес (/--) не стало?*

Очевидно, в словарь естественно поместить информацию о том, что реплики с РАЗВЕ имеют огласовки общего вопроса, но нет нужды в перечислении всех вариантов.

Однако имеется вторичное употребление этой частицы — она может вводить разного рода отрицательные реплики:

(59) — *Разве[аъ] это теперь *сумма (\)? (= Это теперь не *сумма (\).)*

(60) — *Разве[аъ] так *поступают (\)? (= Так не *поступают (\).)*

Здесь происходит как редукция частицы, так и изменение тональной конфигурации: она соответствует реплике утверждения. Отметим, что редукция слова проявляется не только в качестве ударного гласного, но и в частом опущении [в'] (мягкость при этом переносится на предшествующий согласный): [раъз'ъ] [Шведова 1960: 189]. Точно так же произносится это слово в комплексе РАЗВЕ ЧТО, используемом для частичной коррекции сказанного:

(61) — *Ты выглядишь как прежде. Разве [раъз'ъ] что изменилось выражение *глаз (\).*

Ср. полное произношение аналогичного сочетания:

(62) — *Разве что *изменилось (/) в наших отношениях?*

Особое произношение редуцированного РАЗВЕ и иная интонация предложения, конечно же, должны быть отражены в словаре.

Ситуация с НЕУЖЕЛИ несколько иная. Нормально реплики с НЕУЖЕЛИ имеют огласовки, похожие на огласовки ЛИ-вопросов [Кодзасов 1985], — подъем тона

¹ Детальный анализ функций этих частиц читатель найдет в работе [Булыгина, Шмелев 1982].

в начале и сохранение ровного высокого вплоть до падения на конечном акцентированном слове. Ср.:

(63) — **Неужели (/--) ты достал *билет (--)?*

(64) — **Достал (/--) ли ты *билет (--)?*

Возможное отличие предложений с НЕУЖЕЛИ состоит в увеличении амплитуды тонального смещения:

(65) — **Неужели (/--) ты достал *билет (--\)?*

Такое эмфатическое усиление типично для удивленных вопросов, однако вопросы с ЛИ его не допускают:

(66) — *Достал *билет (/)? Невероятно!*

(67) — **Достал (/--) ли ты *билет (--\)?*

Эти интонационные особенности НЕУЖЕЛИ выводимы из семантических функций частицы, но могут отмечаться в словаре в соответствии с принципом «разумной избыточности».

В то же время представляется обязательной фиксация в словаре особого произношения смещенного по семантике НЕУЖЕЛИ (оно сопровождается меной интонации):

(68) — **Деньги пора вернуть. *Неужели[еъ] (/--) *непонятно (--)?*

4. Логические частицы

4.1. ЕЩЕ

ЕЩЕ имеет в качестве сферы действия некоторую семантическую позицию, актуализованную в предшествующем дискурсе. Частица обнаруживает два подзначения, проходящие через все ее употребления: а) введение нового заполнения актуализованной позиции дополнительно к старому; б) расширение имеющегося заполнения. В зависимости от типа сферы действия эти абстрактные значения получают разные контекстные интерпретации. Мы рассмотрим следующие сферы действия: именная группа, предикатная группа, временная группа и сентенциальная группа.

Различия семантики и просодики ЕЩЕ при именных группах уже не раз обсуждались, см. [Николаева 1982; 1985; Апресян 1990]. Воспользуемся известными примерами Т. М. Николаевой:

(69а) — *Было куплено еще / три *книги.*

(69б) — *Было куплено / *еще три книги.* [здесь «/» указывает границу фонетической синтагмы]

Логические отношения прежнего и нового класса объектов в (69а) и (69б) различны: в (а) к числу покупок добавляются объекты иного рода, в (б) увеличивается

число тех же объектов. Число может быть заменено массой, объемом, это не меняет характера логических отношений:

(70a) — *Соли достаточно. Я бы добавил еще *уксуса.*

(70б) — *Все-таки недостаточно остро. Я бы добавил *еще уксуса.*

Логическое расхождение (69а) и (69б) сопровождается различием в коммуникативном статусе: в (69а) именная группа является новой, тогда как в (69б) она является старой. Смещение акцента на ЕЩЕ в (69б), на которое обратила внимание Т. М. Николаева, обусловлено стандартным правилом: старое (предупомянутое) теряет акцент. Однако, как мы далее увидим, инвариантным для противопоставления подзначений ЕЩЕ является другое просодическое различие: вхождение частицы в начальную или конечную просодическую синтагму (положение слева или справа от границы «/»). Нормально эта граница реализуется переломом огибающей интенсивности, но при подчеркнутом произношении на ней может возникать пауза. Вхождение ЕЩЕ в начальную фонетическую синтагму хорошо согласуется с возможностью выноса частицы в начальную позицию:

(71) — **Еще было куплено / три *книги.*

Интересное видоизменение семантического соотношения а) и б) происходит в случае, когда ЕЩЕ относится к предикатной группе:

(72a) — *И это не все. Она еще / ходит в *бассейн.*

(72б) — *А твоя дочка / еще *ходит в бассейн?*

Здесь в (72а) ЕЩЕ вводит диктальную рему, тогда как в (72б) — модальную рему. Перенос акцента на предикатную вершину обычен для модальных высказываний, см. [Кодзасов 1995б]. Если подзначение а) при этом имеет обычную семантическую интерпретацию ('новое действие'), то подзначение б) приобретает смысл 'продолжение прежнего действия'.

Сходным образом, только подзначение б) имеет специфическое осмысление в случае временных групп:

(73a) — *Не огорчайся. Он придет еще / на следующей *неделе.*

(73б) — *Он приехал / еще на прошлой *неделе.*

Подзначение б) имеет интерпретацию 'сохранение момента приезда в пределах предполагаемого временного интервала'. Обратим внимание читателя на полное акцентное тождество вводимых с помощью ЕЩЕ групп. Различно только положение ЕЩЕ относительно границы фонетических синтагм.

Однако наиболее драматическое изменение подзначения б) имеет место при сентенциальной сфере действия:

(74a) — *Приходи — будет интересно. Маша обещала показать фильм о походе.
А *еще — *Ваня будет петь.*

(74б) — *Ты что, забыл этот вечер? Еще[ьць] *Ваня пел.*

Здесь ЕЩЕ вводит дополнительную информацию, поддерживающую то, что предложено в предшествующей реплике. Частица подвергается просодической редукции и клитизации. Этот просодический сдвиг отражает разрыв с исходным значением, которое в других употреблениях поддерживается. Приведем пример минимальной пары, где просодическая мена подзначения б) будет читателю более очевидна:

(75а) — *Ты не всех упомянул. Там еще[ъьцо] *Высоцкий играет.*

(75б) — *Помнишь тот фильм? Там еще[ьць] *Высоцкий играет.*

Как видим, просодические свойства разных употреблений ЕЩЕ, в принципе, могут быть описаны на основе общих правил после того, как будут выявлены семантические сдвиги, которым подвергаются два основных подзначения частицы в разных контекстах. Однако, как представляется, в случае столь индивидуальных семантических модификаций просодическая информация является важным критерием правильности предложенных интерпретаций, и ее следует сохранять в словаре.

4.2. УЖЕ

Эта частица имеет редуцированный вариант, отражающий сдвиг лексического значения. Рассмотрим сначала семантику исходного употребления².

Имеются две соотнесенных области переменных:

ABC ...

XYZ ...

Значения этих областей образуют пары: А-Х, В-У, С-З... Переход от одного значения к другому в одной области предполагает одновременный переход в другой области. УЖЕ часто используется для обозначения некоторого рассогласования двух презумптивно соотнесенных переходов: в одной области категориальный переход произошел, а в другой нет. Например:

(76) — *Уже восемь, а он еще не вернулся.*

Субъект продолжает оставаться в состоянии *не вернулся* несмотря на пересечение временной границы, соотнесенной с переходом в состояние *вернулся*.

Близко к предыдущему использование УЖЕ для предупреждения потенциального рассогласования презумпции партнера с реальностью:

(77) — *Имей в виду, что Ваня уже вернулся.*

В данном случае меняется потенциально неточная презумпция партнера о моменте пересечения границы между модусами (*не вернулся/вернулся* относительно момента речи).

² Здесь дается упрощенное толкование значения этой частицы. Подробный анализ ее темпоральных употреблений см. в [Богуславский 1992].

Рассмотрим пример с невременным употреблением УЖЕ:

(78) — *Тут уже начинается область догадок.*

Здесь сообщается о прохождении границы между областями знания и предположения в связи с переходом от одних фактов и интерпретаций к другим.

Смещенное употребление УЖЕ имеем в случае, когда происходит изменение состава пар соотнесенных семантических областей. Примеры:

(79) — *Сегодня не успеем воды наносить. Уже[еъ] завтра будем этим заниматься.*

Смысл 'ношение воды' входил в пару с 'сегодня', данная фраза переструктурирует пару.

(80) — *Совсем поздно. Считай, что он сегодня уже[еъ] не приехал.*

'Приезд' предполагался 'сегодня', однако наступил момент, когда 'сегодня' приходится соединить с 'неприездом'.

Приведем в заключение минимальную пару на различие полного и редуцированного УЖЕ:

(81a) — *Надолго откладывать не будем. Уже[e] завтра этим займемся.*

(81б) — *Сегодня не успеем. Уже[еъ] завтра этим займемся.*

Очевидно, в словаре это фонетическое различие должно найти отражение.

5. Указательные частицы

Различие просодических огласовок частицы ВОТ уже было предметом анализа, см. [Николаева 1985; Апресян 1990]. Приведем простые примеры разного размещения акцента в группе с ВОТ:

(82a) — *Вот ваша *постель. А *халат возьмете в *шкафу.*

(82б) — **Вот ваша книга. Никуда она не *пропала.*

Смещение акцента на ВОТ во втором примере обусловлено стандартным правилом, о котором уже шла речь выше: предупомянутое не несет акцента. Вряд ли такое контекстно обусловленное акцентное различие заслуживает отражения в словарной статье для ВОТ.

В то же время редуцированный вариант ВОТ, по нашему мнению, следует отметить. Редукция, как и в прочих случаях, отражает существенный сдвиг в лексическом значении частицы. Если нейтральное ВОТ связано с актом дейктического введения объекта в визуальное поле собеседника (обычно сопровождается жестом), то редуцированное ВОТ используется для актуализации объекта/ситуации в ментальном поле. Примеры:

(83) — *Вот[оъ] *Ваня, например, *не был оповещен.*

(84) — *Вот[оъ] *прихожу я и *вижу.*

Редуцированный вариант допускает опущение начального [в], что невозможно в случае варианта полного. Читатель может почувствовать различие произношений на примере следующей пары:

(85а) — *Рано останавливаться. Я вот[о] *этого еще не пробовал.*

(85б) — *Вы не правы, известили не всех. *Я вот[оъ]/[ъ] этого не *знал.*

Варианты произношения ВОН аналогичны описанным для ВОТ:

(86а) — **Вон оно. За углом стоит.*

(86б) — **Вон[оъ] оно что. А я-то удивляюсь, куда он пропал.*

Артикуляционная редукция как маркер перехода в частицу

Как было показано, существенные семантические модификации исходного значения частицы сопровождаются артикуляционной редукцией. Это же средство используется для маркировки перехода в частицы других частей речи. Приведем некоторые примеры:

(87а) — *А он *как кричит?*

(87б) — *А он как[аъ]/[ъ] *закричит.*

(88а) — *В *комнате было[ы] *пусто.*

(88б) — *Мальчик было[ыъ] *запел, но тут же *замолк.*

(89а) — **Вдруг[у] раздался *выстрел.*

(89б) — **Вдруг[уъ] он вернется?*

(90а) — *Я *многое *забыл, а *он — *все *помнит.*

(90б) — *Я это уже *забыл, а он все[’оъ] *помнит.*

(91а) — **Всего нужно два *часа.*

(91б) — *Нужно всего[фс’оъ] два *часа.*

(92а) — **Куда это *положить?*

(92б) — **Куда это[йт] ты *идешь?*

(93а) — *В роде *Ивановых трусов *не было.*

(93б) — *Они ужасно жадные. Вроде[оъ] *Ивановых.*

Выводы

Рассмотренный материал подтверждает адекватность выделения трех способов лексикографической интерпретации просодического варьирования частиц, предложенных Ю. Д. Апресяном (они в целом близки традиционному разделению типов лексического варьирования). Первый из них — это регулярные модификации, отражающие мену семантических характеристик, не связанных с лексическим значением самой частицы. Просодическую информацию такого рода помещать в словаре нет смысла.

Второй тип — это модификации, обусловленные изменением семантических параметров, входящих в толкование частицы. Просодические огласовки подзначе-

ний и в этом случае описываются регулярными правилами. Однако в этом случае просодические сведения поддерживают семантические интерпретации, и, следуя принципу «разумной избыточности», их включение в словарное описание представляется целесообразным.

Наконец, третий тип — это существенная перестройка исходного значения лексемы, которая сопровождается специфической просодической модификацией. Очевидно, информация о таком просодическом варьировании в словаре обязательна.

При логическом сходстве с классификационной схемой Ю. Д. Апресяна наш подход обнаруживает существенные отличия в интерпретации конкретных типов просодического варьирования лексем. Мы полагаем, что к третьему классу следует относить прежде всего случаи просодической редукции, маркирующей семантический или функциональный разрыв с исходной лексемой. Большинство же других просодических модификаций, как было показано, удается описать на основе регулярных правил³.

Литература

- Апресян 1990 — Апресян Ю. Д. Типы лексикографической информации об означающем лексемы // Типология и грамматика. М., 1990.
- Баранов, Кобозева 1988 — Баранов А. Н., Кобозева И. М. Модальные частицы в ответах на вопрос // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
- Богуславский 1992 — Богуславский И. М. Соотношение значения и сфер действия в темпоральных употреблениях слов *еще, уже и только* // Slavistische Linguistik 1991. Slavistische Beitrage. Bd. 292. Munchen, 1992.
- Брызгунова 1980 — Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. I. М., 1980.
- Булыгина, Шмелев 1982 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Диалогические функции некоторых типов вопросительных предложений // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. № 4. 1982.
- Кодзасов 1985 — Кодзасов С. В. Интонация вопросительных предложений: форма и функции // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 1985.
- Кодзасов 1993 — Кодзасов С. В. Интонация предложений с дискурсивными словами // Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
- Кодзасов 1995а — Кодзасов С. В. О редуцированных словах в русском языке // Проблемы фонетики. II. М., 1995.
- Кодзасов 1995б — Кодзасов С. В. О семантике одного акцентного различия // Филологический сборник. М., 1995.
- Кодзасов 1996 — Кодзасов С. В. Законы фразовой акцентуации // Просодический строй русской речи. М., 1996.
- Николаева 1982 — Николаева Т. М. Семантика акцентного выделения. М., 1982.

³ Автор весьма признателен Ю. Д. Апресяну за ценные критические замечания по тексту рукописи статьи.

- Николаева 1985 — Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании. М., 1985.
- Ожегов, Шведова 1994 — Ожегов С. И., Шведова Н. Б. Толковый словарь русского языка. М., 1994.
- Павлова 1987 — Павлова А. В. Акцентная структура высказывания в ее связях с лексической семантикой: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Ред. В. И. Чернышев. М., 1950—1965.
- СРЯ — Словарь русского языка: В 4 т. / Ред. А. П. Евгеньева. М., 1983.
- Шведова 1960 — Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

Глава 5

Проблемы исследования просодии*

Введение

Настоящая статья посвящена специфическим проблемам, связанным с исследованием просодических тембров («качеств голоса») и некоторых других просодий. До недавнего времени эти характеристики недооценивались фонетистами и оставались «скрытыми» для большинства из них. Однако за последнее десятилетие эти признаки привлекают все большее внимание специалистов. Как будет показано ниже, сравнение нашей классификации этих признаков с классификациями западных фонетистов обнаруживает их сходство.

Мы рассмотрим семантику некоторых качеств голоса и особенности их фонетического функционирования. Специального обсуждения заслуживают трудности исследования этих признаков и недостаточность интроспективных методов. В то же время для автора статьи очевидна необходимость принятия новой установки при экспериментальных исследованиях: учет возможного влияния на речевой сигнал неосознаваемых просодических факторов.

Настоящая работа является реакцией на статью А. В. Венцова, помещенную в этом же номере журнала. Текст этой статьи, несмотря на его полемическую риторику, может послужить основой для конструктивной дискуссии, позволяющей оценить положение дел с исследованием словесной и фразовой просодии и наметить цели и методы дальнейшей работы в этой области. Наши статьи, на которые была направлена критика А. В. Венцова, носили скорее дескриптивный характер: в них излагались результаты исследований таких просодических характеристик русских слов, которые ранее в русской фонетике не отмечались (оставались «скрытыми»). Большинство из них связаны с интегральными позовыми состояниями речевого тракта, создающими разные просодические тембры. В прежних статьях нами не рассматривалось нелексическое (фразовое) использование этих признаков, не обсуждалась и функциональная природа большинства из них. Отметим, что мы постоянно указывали на предварительность наших результатов и необходимость более детального фонетического и функционального анализа «скрытых» просодий. Не случайно они не рассматриваются в учебнике «Общая фонетика», написанном нами совместно с О. Ф. Кривновой [Кодзасов, Кривнова 2001]. Мы считали, что пока сделаны лишь первые шаги в исследовании этой весьма сложной области.

* Опубликовано в: Изв. АН. Сер. лит. и яз. Т. 62. № 4. 2003. В текст внесены незначительные изменения.

Недостатком обсуждаемых работ было отсутствие их сопоставления с исследованиями аналогичных признаков за рубежом. Между тем внимание к ним постоянно нарастает, и изучение «голосовых установок» (voice quality settings) стало одним из главных направлений современной фонетики (на мировом конгрессе фонетиков в Сан-Франциско в 1999 г. состоялось три специальных сессии на эту тему).

Главную цель настоящей работы мы видим не столько в полемике с А. В. Венцовым, сколько в изложении нашего нынешнего представления о предмете. Текст статьи делится на три части. Сначала мы предложим свое понимание состава и функций голосовых установок в русском языке на фоне представлений о них в мировой фонетике. Далее мы приведем примеры использования этих просодий, которые, как мы надеемся, позволят читателю лучше понять, о какого рода явлениях идет речь. В третьем разделе мы обсудим методы исследования просодии, обращая внимание, с одной стороны, на недостаточность интроспективного подхода, а с другой, на необходимость изменения установок при инструментальном анализе речи.

1. Новые аспекты просодических исследований

Если обратиться к естественно-языковым номинациям голоса в русском языке, то мы обнаружим их огромное разнообразие (см. [Кузнецов 1979; Крейдлин 2000; Кодзасов 2000]). Голос может быть назван по собственно фонетическим характеристикам (тональным, громкостным, темповым, фонационным, артикуляционным), по мотивирующим факторам (индивидуальные произносительные характеристики, особенности речевого взаимодействия, физиологические и эмоциональные состояния говорящих) и т. д. Эти номинации чаще всего отражают интегральные произносительные установки речевого тракта: тип речевого дыхания, фонационные состояния гортани, объемы и формы глотки и рта, напряженность стенок резонаторов и прочее. Все эти характеристики имеют просодическую природу: они характеризуют не отдельные звуки, а слова, фразы или большие фрагменты речи. Говорящие постоянно используют многие из этих возможностей в обычной речи, по крайней мере как паралингвистические средства. В некоторых языках известно использование таких признаков в качестве смысловоразличительных. Вместе с тем их строгое фонетическое описание до сих пор отсутствует. В отечественной фонетике их исследование ограничивается обычно классическими просодическими параметрами тона, громкости и длительности [Потапова 1997].

В зарубежной фонетике просодическим признакам такого рода уже давно уделяется внимание. Особенно это характерно для последователей лондонской просодической школы — И. Кэтфорда, Дж. Лейвера и других. Кэтфорд был пионером лингвистического изучения фонационных качеств голоса [Catford 1977]. Сейчас фонационные признаки: придыхательный голос (breathy voice), скрипучий голос

(creaky voice), расслабленный голос (lax voice), напряженный голос (tense voice) — стали общепринятым объектом анализа в мировой фонетике, в отечественную фонетику они введены в работе [Кодзасов, Кривнова 1977]. К сожалению, для многих отечественных фонетистов они остаются «скрытыми» до сих пор, несмотря на их чрезвычайную употребительность в реальной речи.

Позовые установки речевого тракта исследовались позднее Дж. Лейвером [Laver 1980], сейчас появляются работы, целью которых является инструментальное исследование артикуляций, стоящих за дескриптивными ярлыками, которые были им предложены [Nolan, Kuehnert 1995].

Интерес к нефонационному голосовым установкам связан в основном с их смысловозначительным функционированием в «экзотических» языках и всеобщим использованием в качестве экспрессивного средства. Однако иногда они рассматриваются как потенциальные компоненты звуковых противопоставлений, известных в европейских языках. П. Ладефогед и И. Мэддисон сообщают о попытках исследования различия английских гласных по напряженности с точки зрения возможного участия механизма верхнеглоточного сужения/расширения, который используется как просодический контраст в ряде языков Африки [Ladefoged, Maddieson 1996]. Этот контраст, по нашему мнению, играет существенную роль в русской фонетике (см. ниже).

За последнее десятилетие исследования в области «голосовых качеств» резко активизировались. Возникла потребность в стандартной системе обозначений для компонентов этого слоя звучащей речи, и было предпринято две попытки создать такого рода транскрипционную систему в качестве дополнения к стандартной таблице МФА (см. [Ball, Esling, Dickson 1995; Roach et al. 1998]). Чтобы читатель мог понять, о какого рода признаках идет речь, приведем фрагменты тех инвентарей, которые предлагаются в первой из указанных работ. Фонационные типы: модальный (нейтральный) голос, шепот, придыхательный голос, хриплый голос, фальцет, скрипучий голос, придыхательный скрип, вентрикулярная (ложносвязочная) фонация и др. Супраглоттальные установки: поднятая гортань / опущенная гортань, дентализованный / палатализованный / веляризованный / увуляризованный голос (имеется ввиду разная ориентация позового положения языка), фарингализованный голос, фаринго–ларингализованный голос, назализованный голос, опущенная / поднятая нижняя челюсть, продвинутая вперед нижняя челюсть.

Приведем для сравнения неполные перечни русских просодических признаков, предлагавшиеся нами [Кодзасов 1996в]. Фонация и регистр (фразовая или словесная просодия): напряженный / расслабленный / скрипучий / придыхательный / плачущий/хриплый голос, фальцетный регистр, свэрхнизкий регистр. Резонаторные установки (словесная просодия): раствор — зависит от вертикального положения нижней челюсти (узкий / нейтральный / широкий), степень полноты гласных: редуцированный (узкая глотка) / полный (нейтральная глотка) / гиперполный (широкая глотка), поза гортани: поднятая / нейтральная / опущенная, поза языка: передняя / нейтральная / задняя.

Сходство этих двух списков очевидно, хотя они составлялись совершенно независимо. Оно отражает, с одной стороны, общность просодических возможностей человека как вида, а с другой, потенциальное использование в речевой деятельности значительной части существующих произносительных возможностей.

При общности направления поиска и тождестве основных результатов наш подход к исследованию голосовых установок и просодии в целом в ряде отношений отличается от западного. Прежде всего, мы считаем необходимым учитывать не только конфигурации резонаторов, но и состояния их стенок (расслабленность/напряженность). Кроме того, существует класс признаков, описывающих просодическую динамику речи: характеристики «атаки» гласного (аналог музыкального понятия) и скорости его завершения (аналог признака «примыкание»), а также различия в числе вокалических мор.

Далее, представляется недостаточным господствующий пока на Западе чисто фонетический подход к созданию новой номенклатуры просодий — следует тщательно исследовать также их функции. Упрек в малом внимании к функциям голосовых установок можно адресовать и тем нашим работам, которые критиковал А. В. Венцов. За последние годы произошла эволюция в нашем понимании функций просодических средств и особенностей их использования. Дадим краткую характеристику наших нынешних представлений.

Не вызывает сомнения, что фразовые просодические средства имеют символическую (и отчасти иконическую) природу [Кодзасов 2002]. В частности, направление тона маркирует фазовые характеристики речевого действия или ментального процесса, каузируемого высказыванием, длительности маркируют разнообразные пространственные отношения, фонации кодируют модальные установки говорящего.

Гораздо сложнее обстоит дело с просодическими тембрами, отражающими позовые состояния речевого тракта. Наши попытки изучать функции таких просодий обнаруживают большую абстрактность связанных с ними семантических категорий, как это будет видно на примере признаков, рассматриваемых ниже. Просодические тембры выступают здесь скорее как лишенные иконичности коннотативные признаки, сопровождающие некоторые смыслы, причем во многих случаях лексического употребления их мотивированность утрачена. Отдельную область исследования составляют врожденные экспрессивные средства выражения эмоций — они нами не рассматриваются.

2. Примеры «скрытых» просодий в русском языке

Наиболее детально мы рассмотрим признак ширины глотки, поскольку с ним в значительной мере связана критика нашего оппонента, причем его изложение наших идей не вполне адекватно. А. В. Венцов решительно отвергает использование в русском языке маркированных значений этого параметра, тогда как, на наш взгляд, они важны для понимания большого числа фонетических явлений. В русском язы-

ке этот признак имеет три значения, которые мы называем не по артикуляции, а по характеру влияния на качество сегментов, особенно гласных: редуцированный (Р), нейтральный или полный (П) и гиперполный (ГП). Нам приходилось слышать образцы двоичного африканского контраста этого типа, и на слух русские «редуцированные» гласные близки к африканским гласным, произносимым с узкой глоткой (признак Constricted Pharynx — см. [Lindau 1975]). Ниже будут приведены примеры слов как с этим, так и с противоположным маркированным значением (расширенная глотка — Expanded Pharynx), так что читатель может сравнить свое произношение одних и тех же гласных в разных просодических контекстах.

Базовая функция данной просодии — маркировка некоторого абстрактного отношения, которое мы условно называем «свой — нейтральный — чужой». «Свой» (признак Р) указывает на ингерентную принадлежность данной сущности некоторому объекту или пространству, а «чужой» (ГП) на отсутствие такой связи вопреки внешней близости. «Нейтральный» (П) указывает на отсутствие ингерентной связи или гипотезы ее наличия.

Например, признак Р обнаруживают слова *голос, душа, мать, отец* в контекстах, где эти лексемы предполагают неотчуждаемую принадлежность соответствующих характеристик некоторому субъекту (*голос Вани, отец Вани* и т. п.). Редуцированными являются прилагательные с суффиксами *ат, аст, ист*, указывающие на характеристическое свойство объекта: *рогатый, носатый, репчатый, игольчатый, грудастый, клыкастый, смолистый*.

Все эти слова автором данного текста (он родился и вырос в Москве в чисто русской среде), а также многими другими москвичами произносятся с заметной централизацией гласных. Она особенно сказывается на [а], приближающемся к [ъ] даже в ударной позиции. Признак ГП, напротив, дает особо ясные, эталонные реализации гласных. Такую характеристику получают лексемы, указывающие на ингерентную чуждость некоторого компонента или свойства данному объекту, в частности телу человека: *горб, зоб, бельмо, грыжа*. Примечательно специфическое произношение гласных в таких словах, в частности [ы] не имеет *и*-образного завершения, типичного для нейтральных слов, а [о] произносится как особо глубокий звук.

Префиксы с характеристикой ГП обладают акцентогенностью и перетягивают на себя ударение (либо получают побочное): *насынок, наводок, патрубок; правнук, прадед, прародина; привкус, присвист, признак; отблеск, отзвук, отклик*. Все эти префиксы объединяет семантика выхода за пределы пространства, ощущаемого как ингерентно присущее базовому концепту.

Лексема может иметь двойное произношение, если она ситуативно меняет значение признака «свой — чужой». Такое семантико-фонетическое расщепление может становиться фактом словаря в случае, когда слово регулярно используется в двух функциях: для описания объективного положения дел и для маркировки субъективной интерпретации ситуации говорящим (знак своеобразного «присваивания»). В последнем случае используются редуцированные формы. Ср.: — *Он и правда* (П) *был болен*. vs. — *Правда* (Р), *не так сильно*.; — *Так* (П) *было и так* (П)

будет. vs. — *Так* (Р) *было это или нет?* В последнем примере наблюдается редукция гласного до [ъ]. Подобное фонетическое расщепление при «субъективизации» слова наблюдается в массе случаев (см. [Кодзасов 1996б]).

Однако далеко не всегда разным огласовкам слов по полноте гласных можно предложить синхронную семантическую мотивацию. Ср.: *Новгород* (П) — *Псков* (ГП) — *Москва* (Р); *пещера* (Н) — *берлога* (ГП); *один* (П) — *восемь* (Р). Затруднительно объяснить и мотивацию появления «редукции» в некоторых грамматических формах, в частности в локативном предложном падеже: *голова* (П) — *в голове* (Р), *по земле* (П) — *на земле* (Р).

Учитывая состав читательской аудитории данного издания, мы сознательно избегаем здесь обращения к акустическим графикам, демонстрирующим различие спектров одних и тех же гласных в словах с разными значениями рассматриваемого признака. Вместо этого приведем несколько диагностических контекстов, демонстрирующих разные проявления фонетического расхождения редуцированных и полных слов. Первые три из них показывают акцентную ослабленность слов первого типа. Так, в отличие от полных слов они, будучи темой вопроса, не могут нести сильный акцент (он ниже обозначен звездочкой), создающий интонационный разрыв с последующей ремой. Ср. произношение вопросов, в которых в качестве темы выступают редуцированные и полные слова:

- *Ты сарафан* (Р) *починила?*; — *Ты *барабан* (П) — *починила?*
- *Ты в Москву* (Р) *поедешь?*; — *Ты в *Новгород* (П) — *поедешь?*

Следующий пример показывает, что редуцированные слова в функции ремы не принимают сильный контрастивный акцент (показан двойной звездочкой):

- А. — *Миллион — это неплохо!* Б. — *А мне этого — **мало* (П)!
- А. — *Миллион — это теперь немного!* Б. — *А для меня это много* (Р)!

Акцентное различие *мало* и *много* проявляется и в сложениях: *м'алосем'ейный* — *многосем'ейный*. Здесь *мало-* имеет побочное ударение, а *много-* его не имеет.

Реализация согласных также обнаруживает специфику редуцированных слов. Наиболее ясно она проявляется в сокращении двойных согласных, которые в аналогичных позициях в полных словах сохраняются. Ср.: *бесстыдный* (Р) — *бесспорный* (П), *расстояние* (Р) — *расставание* (П). В [Кодзасов 1995] приводятся и другие диагностические контексты, позволяющие увидеть фонетическое отличие редуцированных слов от нейтральных.

Нашей целью не является изложение здесь всей системы «скрытых» просодических признаков, исследованных нами. Однако в иллюстративных целях, чтобы читатель мог представить себе «скрытые» просодии иного типа, мы укажем на некоторые другие признаки, имеющие достаточно прозрачную семантическую функцию. Начнем с признака «примыкания» (в [Кодзасов 1996в] он обозначен как «темп (завершения гласного)»). Этот признак (он входит в группу признаков «динамическая организация речи») характеризует скорость затухания энергии в

конечной части гласного. В германских языках значения этого вокалического признака скоррелированы с типом завершения слога. В русском языке такой связи нет, поэтому термин «примыкание» не столь удачен.

Быстрое завершение гласного (Б) символизирует замкнутость, предельность, близость, малость, тогда как медленное завершение (М), напротив, незамкнутость, неопределенность, дальность, великость. Примеры быстрых слов: *куб, шар, тупик, тот, вот, муха*; примеры медленных слов: *небо, море, поток, тот, вон, слон*. Читатель может почувствовать это различие, многократно повторяя одно и то же слово сначала из одного, а потом из другого списка.

Маркированные значения данного признака нередко используются в поэзии, задавая интегральный темп стихотворения или стихового фрагмента. Иногда это осознается поэтом, так Бальмонт снабдил стихотворение «Воспоминание о вечере в Амстердаме», в котором немало слов с семантикой удаленности и длительности, подзаголовком «Медленные строки». Иного типа случаи дают некоторые произведения Фета, в которых обыгрывается контраст быстрых и медленных слов. Так, две начальные строки 1-й строфы стихотворения «Шепот, робкое дыханье...» являются быстрыми, а две последующие медленными.

Имеется значительное число других неосознаваемых просодий, которые активно используются в живой речи. Так, общее упереднение (<) или узаднение (>) язычной артикуляции используется для выражения, соответственно, положительного или отрицательного отношения к сообщаемому или к партнеру: — *Наташа!* (<) *Как я рад тебя видеть!*; — *Наташа!* (>) *Как тебе не стыдно!* Спектры гласных в этих двух произнесениях слова *Наташа* существенно различны. Для обозначения преувеличенной степени артикуляции первого типа существует лексема 'сюсюкать'.

Другие скрытые фонетические средства, которыми владеет говорящий, выводятся на поверхность при звуковом оформлении интенсифицированных оценок. Так, подчеркивание большого объема и энергетической потенции кодируется общим расширением полостей речевого тракта (— *Огро-омный!*; — *Могу-учий!*), а малый объем и бессилие — сужением (— *Крошечный!*; — *Слабый-слабый!*). В качестве параллельного символического признака при этом используется регистр тона, соответственно низкий и высокий.

Более абстрактное значение имеет просодический признак раствора. Узкий раствор (говорение сквозь зубы) маркирует такие свойства физических объектов, как плотность и темнота, и такие личностные свойства человека, как мрачность и скупость: — *Очень плотный!*; — *Темный-темный!*; — *Такой хмурый!*; — *Очень жадный!* Напротив, маркированно широкий раствор символизирует неплотность, освещенность, а также веселость и щедрость: — *Очень рыхлый!*; — *Светлый-светлый!*; — *Такой веселый!*; — *Какой он добрый!*

Имеется немало и других средств звуковой символики, которые до сих пор не описывались, а тем самым оставались «скрытыми». Возникает вопрос, не должны ли они рассматриваться как паралингвистические и выноситься за пределы стан-

дартного просодического описания. Нам представляется, что такое решение было бы неверным, поскольку границу между экспрессивной символикой и неэкспрессивным коннотативным употреблением просодических средств провести трудно. Здесь уместно сделать еще ряд замечаний.

Во-первых, имеются значительные индивидуальные различия в использовании изобразительных средств речи. Для некоторых говорящих характерна высокая просодическая (и жестово-мимическая) активность. В частности, многие актеры «окрашивают» почти все слова, с которыми могут быть связаны те или иные модальные коннотации. В то же время речь других носителей языка лишена изобразительности, и даже нарочито дистанцирована от сообщаемого. Я условно называю эти два типа говорения «цветной» и «черно-белой» речью. Если читатель принадлежит ко второму классу говорящих, описываемые нами фонетические различия могут быть ему несвойственны.

Во-вторых, как было показано, далеко не все слова маркированного просодического типа имеют соответствующую семантическую компоненту. Это может объясняться двумя причинами: изменением прежней семантики слова или неисконностью для него данной просодической огласовки. Таких случаев немало, именно их наличие предопределяло нашу прежнюю несемантическую установку при выявлении просодически маркированных слов.

В-третьих, как мы видели на примере признака полноты/редуцированности, просодически релевантная семантика слова может зависеть от контекста. Вне контекста возможно произнесение слова как с маркированной, так и с нейтральной просодией. Поэтому следует признать, что для некоторых просодий приведение бесконтекстных списков слов, как это имело место в некоторых наших работах, было неправомерным. В настоящее время мы продолжаем исследование контекстной семантической зависимости просодических огласовок слов.

3. Методы исследования просодии

Наш критик справедливо указывает на недостаточность субъективных (интроспективных) методов исследования в фонетике. Однако, как кажется, он не осознает одного важного обстоятельства: до сих пор никакие фонетические объекты — ни сегменты, ни просодии — не были открыты на основе объективных методов, т. е. в результате анализа акустических графиков или на основе артикуляционных исследований. Всегда субъективные решения о фонетических сущностях предшествовали анализу их объективных коррелятов. Так по необходимости было в прошлом, когда возможности инструментального исследования речи либо вообще отсутствовали, либо были минимальны, и эта ситуация пока что не изменилась в наш компьютерный век.

В частности, начальный этап исследования фонетики любого неопisanного языка и ныне начинается не с анализа его акустических образцов, а со слухового

анализа живой речи носителей. Только определив на слух состав звуков и фонем и на слух же выявив просодические контрасты, имеет смысл переходить к определению их артикуляционных и акустических коррелятов. При этом, как правило, исследователь опирается на интуицию носителя языка, на его чувство сходства и различия звуков и просодий. Что касается литературных языков типа русского, мы опираемся в основном на традицию, которая, в свою очередь, возникла ранее на основе интроспективного опыта работы с речью.

Каковы же возможности фонетической интроспекции? Они относительно высоки в случае сегментов и некоторых видов просодических контрастов, однако просодия в общем случае плохо поддается интроспекции обычного носителя языка [Кодзасов 1987]. Ситуация с осознанием звучащей речи не отличается от ситуации с осознанием говорящим других видов своего речевого поведения. Обычному носителю языка относительно легко проинтерпретировать семантику предметных лексем типа номинаций частей тела, однако он не способен объяснить семантику видовых противопоставлений или мотивацию порядка слов.

Профессиональный лингвист отличается от наивного говорящего в нескольких отношениях. Во-первых, практика вырабатывает у него более развитую интроспективную способность, хотя, вероятно, врожденные способности к рефлексии индивидуальны. Опытный фонетист научается задерживать в памяти звуковую форму отрезка речи, точно повторять и анализировать ее. Во-вторых, лингвист владеет техникой проверки тех или иных языковых различий с помощью диагностических тестов. И, наконец, он опирается на совокупность знаний, накопленных его предшественниками и выработанных им самим. К сожалению, установки анализа, связанные с последним фактором, нередко являются причиной серьезных ошибок в интерпретации материала.

Продемонстрируем специфические проблемы, возникающие при интроспективном анализе просодии, на нескольких примерах. Начнем с русской фразовой интонации, поскольку ситуация с ней большинству потенциальных читателей знакома лучше. На протяжении нескольких десятилетий мы пользовались для ее описания системой семи ИК Е. А. Брызгуновой. Между тем исследование С. Оде [Оде 1995] ясно показало трудности применения этой системы к реальному материалу. Оказалось, что к одной и той же ИК автором системы могут быть отнесены сильно отличающиеся просодические образцы, а при этом некоторые образцы, относимые им к разным ИК, перцептивно близки. Такие случаи могут быть объяснены следующим образом: система Е. А. Брызгуновой дает упрощенную картину интонационной реальности, основанную на минимальном числе просодических характеристик (в основном это направление тона), тогда как при интроспективной оценке реальных образцов сам автор использует некоторые другие просодические параметры, причем некоторые из них имеют больший вес, чем направление тона.

Пример иного типа дают знаменитые литовские «тональные» акценты. Их фонетическое описание было сделано еще в середине XIX века и до появления

возможности экспериментальной проверки не подвергалось сомнению. Однако инструментальные исследования последнего времени однозначно показывают, что тон либо совсем не играет роли, либо играет самую незначительную роль в ощущаемых носителями языка просодических контрастах. В частности, как свидетельствуют результаты недавнего исследования Г. Догила [Dogil 1999], осуществленного на базе современного высокотехнологичного оборудования, для различия «акутовых» и «циркумфлексивных» слов наиболее важными оказываются спектральные характеристики, т. е. такие звуковые различия, которые обусловлены какой-то артикуляционной просодией.

Этот пример демонстрирует опасность тональной установки при интерпретации словесных просодических контрастов. Обычно считается, что если носители языка чувствуют не связанное с сегментами и с местом ударения различие в произношении слов (особенно при наличии минимальных пар), то оно обусловлено тональным противопоставлением. Такая установка сыграла отрицательную роль в просодических исследованиях, которые проводили экспедиции кафедры структурной и прикладной лингвистики МГУ в языках Дагестана. После открытия просодических контрастов в ряде языков андийской группы (в случае ахвахского и чамалинского языков экспериментальные данные подтвердили их тональную основу [Кибрик, Кодзасов, Старостин 1978]) тональная презумпция была принята и при исследовании других языков, и в словарях многих языков на основе слухового анализа и интроспективных оценок самих носителей были проставлены тональные индексы при всех словах. Работа эта потребовала очень больших усилий. Однако когда с появлением компьютерных звуковых редакторов возникла возможность быстрой проверки акустических коррелятов слышимых различий, оказалось, что они в большинстве языков не являются тональными.

Ситуация с дагестанскими языками аналогична ситуации с литовским языком: различия в звучании слов ощущаются носителями языка и исследователями, но не являются тональными, хотя информанты охотно говорят о них в терминах тонов. Аналогичные явления отмечены в африканских языках [Lockwood 1982]. В нашей практике имел место случай, когда носитель одного из африканских языков без труда отождествлял свои словесные «тоны», тогда как графики основной частоты, полученные на компьютере, показывали, что ощущаемые им различия не являются тональными. Нам довелось также столкнуться с ошибочной интерпретацией фонационных различий как тональных исследователями одного из языков Юго-Восточной Азии; такая ошибка не случайна, так как просодические контрасты в этом регионе нередко представлены фонационно-тональными комплексами (см. [Иванов 1975]).

Долгий опыт тонально ориентированного транскрибирования словесной просодии в дагестанских языках сказался и на нашем восприятии словесных просодических различий в русском языке. В первой статье, посвященной «скрытой» просодии русского слова [Кодзасов 1989], мы использовали тональные ярлыки, от которых впоследствии отказались.

Механизм тональной проекции нетональных просодических контрастов нуждается в исследовании. Как известно, имеется связь тона и громкости (на ней, в частности, основаны теории возникновения ударения В. А. Дыбо и Т. М. Николаевой). Однако наша тональная интерпретация была обусловлена иными ассоциативными связями тона: с уровнем напряженности артикуляционных органов (увеличение напряженности ощущалось как повышение тона, а уменьшение как понижение) и с вертикальным положением гортани (движение вниз ассоциировалось с восходящим тоном, а вверх с понижением). Вероятно, первая из этих ассоциаций связана с известной зависимостью уровня тона от подъема гласного.

Мы специально подробно остановились на проблеме тональной установки при исследовании просодии слова. Дело в том, что здесь инерция мышления, восходящая к традиции индоевропейского языкознания и мотивированная литовскими «тонами», очень сильна. Между тем, опыт показывает, что следует с большой осторожностью относиться к тональным интерпретациям при исследовании словесных просодических различий.

В целом не вызывает сомнения, что интроспекция может использоваться только как временная эвристическая техника. Проблема, однако, состоит в том, что без предварительной дескриптивной модели, основанной на интроспективно полученных результатах, фонетисты пока что не умеют работать. Опыт западной фонетики ясно показывает, что этап дескриптивной фиксации просодических явлений, основанной на субъективных оценках опытного фонетиста, до сих пор предшествует этапу объективного (инструментального) анализа. В частности, только недавно началось серьезное инструментальное исследование артикуляционных и акустических коррелятов описанных Лейвером голосовых установок. Напомним, что для лингвиста возможности объективного наблюдения фонетических характеристик речи были до начала 90-х годов довольно ограничены. В настоящее время, несомненно, желательнее скорейшее объективное исследование интроспективно обнаруживаемых фонетических различий — хотя бы на уровне ограниченного эксперимента, носящего поисковый характер (ср. английский термин *pilot study*).

Здесь уместно остановиться на принципиальном несовпадении установок автора настоящего текста с установками его критика. Оно связано с разными целями их работы и их разным опытом. У нас за плечами работа с носителями многих малоисследованных языков в полевых условиях. Фонетист с таким опытом научается точно имитировать произношение носителей разных языков и транскрибировать свою имитацию. Поэтому у него вырабатываются специфические интроспективные навыки, отсутствующие у обычного специалиста, работающего с речью. Практика показывает достаточную надежность таких записей. Разумеется, при этом используются дескриптивные техники, которые позволяют контролировать адекватность фонематических интерпретаций. Повторим, что инструментальный анализ используется в этом случае уже после выделения звуковых единиц данного языка и направлен на уточнение фонетических коррелятов найденных различий.

Наш поисковый анализ русской словесной просодии первоначально основывался на самонаблюдении и на сравнении своего произношения с произношением других москвичей. При этом прослушивались разнообразные магнитные записи, в том числе записи речи известных лингвистов. Последние годы при такой работе нами постоянно используется компьютер — как для удобства прослушивания релевантных фрагментов текста, так и для текущего просмотра акустических графиков. При этом мы все в большей степени опираемся на записи речи дикторов-профессионалов.

Этот способ работы, конечно, не имеет ничего общего с той техникой психофизического эксперимента, к которой привык А. В. Венцов. До сих пор эксперименты такого рода и не служили средством выявления элементов просодической системы языка. Их обычной целью было уточнение вклада отдельных параметров сигнала в реализации выделенного лингвистом языкового контраста, но это совершенно иная задача. Поэтому многие критические выпады нашего оппонента направлены просто не по адресу.

Обратимся теперь к обсуждению инструментальных методов (артикуляционных и акустических) исследования просодии. С их применением существует немало проблем. Во-первых, артикуляционные исследования в нашей стране, к сожалению, ныне затруднены ввиду их дороговизны. Между тем, они дают наиболее прямой путь к выяснению адекватности некоторых гипотез, выдвигаемых фонетистами. Характерна в этом отношении судьба теории, по-новому объяснявшей артикуляционную базу различия глухих и звонких смычных согласных в русском языке. Эта теория — она в 60-х гг. разрабатывалась А. В. Венцовым (см., например, [Венцов 1966]) — вызвала большой интерес фонетистов. Автор предположил, что положение голосовых связок при произнесении глухих и звонких смычных одинаково, а различие заключается в том, что при произнесении глухих раскрывается шепотной треугольник, через который и проходит воздушная струя из легких, что предотвращает колебания голосовых связок. В 80-х гг. появилась возможность прямого наблюдения работы гортани с помощью эндоскопа. Оказалось, что традиционные представления о механизме оглушения были правильны — оно обусловлено разведением голосовых связок [Кодзасов, Кулиев 1986].

Как было показано выше, возможность получения представительных данных о кривых основной частоты, которую дает ныне компьютер, позволяет с достаточной надежностью судить о тональной или нетональной природе просодических контрастов, ощущаемых носителями языка. В то же время давно известно, что даже этот относительно простой акустический параметр зависит не только от собственно тональной программы произнесения, но также от других переменных: глухости/звонкости прилегающих согласных, подъема гласных, деклинации и др. Одним из таких факторов является фонационная характеристика произнесения, в частности скрипучий голос «портит» звуковую волну, создавая нерегулярность амплитуды и длительности пар соседних периодов, что приводит к разрывам в графиках основной частоты. Эта фонация весьма часто используется в русской речи, выполняя опреде-

ленные семантические функции. В этой связи удивление вызывает высказывание А. В. Венцова по поводу графиков тона, представленных в одной из работ с нашим участием [Заппок, Князев, Кодзасов 1996]. Критик указывает на наличие разрывов в кривых тона как на недостаток работы соответствующего алгоритма используемой нами программы WinCecil. Однако выравнивание графика тона в подобных случаях уничтожало бы релевантную информацию о фонации (в тексте статьи она указывается в просодической транскрипции, сопровождающей речевые образцы).

Мы задержались на этом моменте, поскольку он служит индикатором двух разных подходов к фонетической интерпретации акустического сигнала. Для нас очень ценны все отклонения от ожидаемого, все непонятные детали сигнала, поскольку они потенциально несут информацию о том, чего мы пока не знаем. Наш оппонент исходит из презумпции полного знания, а в этом знании никакого скрипучего голоса или других скрытых просодий не предполагается. В частности, прямо отвергается существование «редуцированных» слов. Но тогда, в дополнение к приведенным ранее диагностическим фактам, свидетельствующим об их наличии, требуется объяснение еще одного непонятого явления, связанного с тоном — многочисленных случаев переноса тонального фразового акцента на первый безударный слог редуцированных слов (примеры акустических графиков приведены в [Кодзасов 1999]).

Говоря о проблемах интерпретации акустических данных, мы указали пока лишь на некоторые детали в тональных графиках, которые не могут быть объяснены на основе упрощенных представлений о русской фонетике. Однако тщательный просмотр достаточно большого массива спектрограмм русских слов обнаруживает массу других непонятных явлений. Перечислим некоторые из них: распадение гласного на части, различие которых нельзя объяснить влиянием прилегающих согласных, различие в скорости спектрального изменения в одинаковых сочетаниях гласного с согласным в разных словах, различие в распределении энергии в разных частотных диапазонах для одних и тех же гласных в разных словах и прочее.

Отметим, что эти явления присутствуют в равной степени как на спектрограммах, полученных с помощью программы WinCecil, подвергаемой А. В. Венцовым критике, так и с помощью последней версии высокотехнологичной программы Multi-Speech. Мы убеждены, что попытки объяснить эти отклонения могут впервые заменить обычное направление инструментальных фонетических исследований (от известных объектов к их акустическим коррелятам) на новое (от непонятого в акустическом сигнале к неизвестным ранее объектам). Очень показателен в этом отношении пленарный доклад одного из наиболее авторитетных ныне европейских фонетистов Ф. Нолана на открытии последнего фонетического конгресса в Сан-Франциско [Nolan 1999]. Он посвящен необъяснимому с точки зрения существующих представлений артикуляционному варьированию звуков. Нолан призывает к выявлению пока неизвестных скрытых факторов, лежащих в основе этих процессов.

Пафос А. В. Венцова прямо противоположен — он категорически отрицает наличие каких-либо скрытых компонентов в речи. При этом в скрытые (от нашего критика) попадают и такие признаки, которые фонетистам давно известны. Так, полное недоумение вызывает его утверждение о принципиальной невозможности извлечь из акустического сигнала информацию о вертикальных смещениях гортани. А как же фонетисты различили признаки «эмфатическая веляризация» и «эмфатическая палатализация» (термины Н. С. Трубецкого)? Ведь при общности эпиглоттального компонента эти артикуляции отличаются именно по вертикальному положению гортани (соответственно низкому и высокому). Впрочем, для доказательства слуховой различимости смещения гортани совсем не обязательно обращаться к экзотическим языкам. Любой профессиональный певец умеет контролировать положение гортани при пении, и мы прекрасно слышим, как меняется тембр голоса при опускании гортани.

Не меньшее удивление вызывает утверждение критика о бессмысленности введения нами признака «раствор» ввиду того, что нижняя челюсть не может выступать в качестве независимого артикулятора. Однако мы отнюдь не являемся здесь первооткрывателями: положение нижней челюсти рассматривается как независимый артикуляционный параметр уже в работе Б. Линдблома и Й. Сундберга [Lindblom, Sundberg 1971]. С тех пор опубликовано немало исследований, прямо или косвенно опирающихся на этот параметр, но от нашего критика они почему-то скрыты.

Особое возмущение у А. В. Венцова вызывает характеристика «темپ завершения гласного» применительно к словесному и слоговому уровню, поскольку темп является интегральной характеристикой высказывания. Однако признак «примыкание» (а он определяет скорость падения энергии в конце гласного, связанную обычно с типом перехода к последующей консонантной артикуляции) был открыт Зиверсом еще в XIX веке, а в середине прошлого века активно исследовался представителями лондонской просодической школы. Из текста наших работ ясно видно, что речь идет именно об этом признаке. Разумеется, отдельной проблемой является интеграция темпов составляющих разных уровней в единую временную программу.

Нельзя не остановиться на критике А. В. Венцова по адресу компьютерной программы WinCecil. Эта бесплатная программа (а ныне ее новый вариант — Speech Analyser) широко распространена в России, и мы несем за это значительную долю ответственности. Она рассчитана на лингвистическое, а не технологическое использование. В качестве таковой она очень удобна, таково мнение и тех наших зарубежных коллег, которые с ней знакомы. Она не лишена недостатков, однако отечественные фонетисты-технологи пока не предложили лингвистам общедоступной программы более высокого уровня.

У наших технологов есть еще один долг перед лингвистами: до сих пор не существует никакого учебного пособия, которое помогало бы начинающим фонетистам освоить технику анализа разных акустических параметров речи. За рубежом

таких пособий немало. Уместно в этой связи поднять вопрос о характере взаимодействия лингвистов с другими профессионалами, связанными с речью. В своей речи на открытии Международного фонетического конгресса в Таллине в 1987 г. П. Ладефогед говорил о том, что фонетика перестала быть единой наукой — это комплекс взаимодополняющих наук, где каждая составляющая вносит свой особый вклад в целое. Как кажется, наш критик свою роль фонетиста-технолога понимает совершенно иначе.

Обсуждая методы выявления «скрытых» просодий, мы пока не касались лингвистических данных, которые косвенно указывают на наличие неучтенных фонетических факторов. Между тем свидетельств такого рода немало. Их анализ требует специального исследования, и мы ограничимся здесь указанием их типов.

Настоящий вызов для лингвистов являет собой система русского ударения. Мы убеждены в том, что в ее основе лежат скрытые просодические свойства слов, и предварительная попытка их выявления уже была нами сделана (см. [Кодзасов 1996а]). В то же время несомненна и частичная морфонологическая мотивация акцентных процессов. Вероятно, для многих носителей языка (в том числе тех, для кого русский язык не является родным) постановка ударения в слове основывается только на знании принадлежности лексемы к тому или иному морфонологическому акцентному классу. Однако в ряде случаев проглядывает семантическая (а через нее — просодическая) мотивация некоторых акцентных групп. Так, среди «минусовых» корней выделяется группа обозначений объектов, которые в дискурсе, как правило, имеют дейктическую актуализацию: *дом, земля, небо, вода, река, берег; рука, нога, голова, нос, ухо; год, день, ночь, вечер* и др. Актуализованность объекта предполагает отсутствие выделительного акцента, вводящего новое в поле зрения, т. е. встроена безударность корня в этом случае, возможно, имеет прагматико-просодическую мотивацию. Выше мы говорили о семантико-просодической обусловленности префиксального ударения в словах с семантикой «чужого». Поиски семантико-просодической обусловленности ударения, как нам кажется, следовало бы продолжить.

В современном русском языке имеется ряд отклонений от произносительных норм, которые также могут быть обусловлены вторжением «скрытой» фонетики. Таково, например, отсутствие редукции гласного в предударном предлоге *для* при «неправильной» редукции в падежных словоформах от лексем *двадцать, тридцать, лошадь*. Также другие лексикализованные и морфологизованные отклонения в произношении в качестве причины, скорее всего, имеют коннотативную просодию.

Немало вопросов ставят диалектные факты. Масса зафиксированных здесь процессов не может быть объяснена на основе наблюдаемых фонетических контекстов. Здесь гипотеза скрытой просодической мотивации изменений также может оказаться продуктивной.

Заключение

Завершая обсуждение проблем исследования русской просодии, обратим внимание на существенный параллелизм в развитии фонетики и семантики. Еще недавно «скрытыми» от глаз лингвиста были такие семантические категории, как референциальный статус имени, эвиденциальные характеристики высказывания, тонкие семантические различия, лежащие в основе видовых противопоставлений, и прочее. Как и в семантике, в фонетике мы идем от «грубой» материи звуков, которые относительно легко осознаются говорящими, к «тонкой» материи просодии, которая требует от фонетиста нетривиальных методов исследования. Примечательно, что эти параллельные линии все более сближаются: просодия наряду с порядком слов и другими «дискурсивными» средствами является важнейшим индикатором состояния той интегральной категориальной среды, в которой происходит обмен информацией. Поэтому фонетист, занимающийся просодией, вынужден ныне либо сам осваивать современную семантику, либо работать в паре со специалистом в этой области.

Приведем в этой связи характерное высказывание М. Бекман, одного из ведущих американских специалистов в области интонации: «Трудности возникают в связи с теми компонентами значения, которые имеют многие интонационные категории — они подобны семантике определенного и неопределенного артиклей английского языка или индикативных и условных форм португальского языка. Они могут указывать на весьма тонкие факты, касающиеся отношений между высказыванием и его дискурсивным контекстом... При исследовании интонации едва ли можно ограничиться фонетическими навыками, не имея хотя бы поверхностного знакомства с соответствующей литературой по семантике, прагматике и дискурсивным структурам» (см. [Beckman 1995]).

Что касается специалистов, которые обеспечивают адекватность технологической базы просодических исследований, то их роль, конечно, состоит не в том, чтобы контролировать направление научного поиска лингвистов и навязывать им свои представления о фонетическом устройстве языка. Без установки на кооперативность и понимания специфики разных подходов к речи успеха в общем деле не добиться.

Литература

- Венцов 1966 — *Венцов А. В.* О работе голосовых связок при работе глухих смычных интервокальных согласных // *Механизмы речеобразования и восприятия сложных звуков.* М.; Л., 1966.
- Заппок, Князев, Кодзасов 1996 — *Заппок К., Князев С. В., Кодзасов С. В.* Исследование модальных интонаций // *Просодический строй русской речи.* М., 1996. С. 142—180.
- Иванов 1975 — *Иванов В. В.* К синхронной и диахронической типологии просодических систем с фарингализованными или ларингализованными тонами // *Очерки по фонологии восточных языков.* М., 1975. С. 3—58.

- Кибрик, Кодзасов, Старостин 1978 — *Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Старостин С. А.* О просодической структуре слова в дагестанских языках. Предв. публ. Ин-та русского языка АН СССР. 115. М., 1978.
- Кодзасов 1987 — *Кодзасов С. В.* О фонетической интроспекции // Экспериментальные исследования в психолингвистике. Вып. 3. М., 1987. С. 165—176.
- Кодзасов 1989 — *Кодзасов С. В.* О просодии русского слова // Славянское и балканское языкознание. Просодия. М., 1989. С. 26—39.
- Кодзасов 1995 — *Кодзасов С. В.* О редуцированных словах в русском языке // Проблемы фонетики, 2. М., 1995. С. 157—171.
- Кодзасов 1996а — *Кодзасов С. В.* Просодические классы слов и место ударения // Просодический строй русской речи. М., 1996. С. 70—84.
- Кодзасов 1996б — *Кодзасов С. В.* Семантико-фонетическое расщепление русских слов и просодическая информация в словаре // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996. С. 97—111.
- Кодзасов 1996в — *Кодзасов С. В.* Фонетическая база данных ИРЯ РАН как источник просодических сведений. Приложения // Просодический строй русской речи. М., 1996. С. 135—140.
- Кодзасов 1999 — *Кодзасов С. В.* Уровни, единицы и процессы в интонации // Проблемы фонетики. 3. М.: Наука, 1999. С. 197—215.
- Кодзасов 2000 — *Кодзасов С. В.* Голос: свойства, функции и номинации // Язык о языке. М., 2000. С. 502—526.
- Кодзасов 2002 — *Кодзасов С. В.* Символика русской интонации // Труды Междунар. семинара Диалог-2002. Т. 1. Теоретические проблемы. М., 2002. С. 207—217.
- Кодзасов, Кривнова 1977 — *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Фонетические возможности гортани и их использование в русской речи // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977. С. 180—209.
- Кодзасов, Кривнова 2001 — *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Общая фонетика. М., 2001.
- Кодзасов, Кулиев 1986 — *Кодзасов С. В., Кулиев Р. М.* Эндоскопическое исследование фарингальных и ларингальных артикуляций // Тезисы конф. «Современная фонетика и фонология». М., 1986.
- Крейдлин 2000 — *Крейдлин Г. Е.* Голос и тон в языке и речи // Язык о языке. М., 2000. С. 453—501.
- Кузнецов 1979 — *Кузнецов В. Б., Жаромский В. С.* Экспериментальное исследование структуры семантического поля, описывающего слуховое восприятие человека // Вестник Московского университета. Сер. 9. 1979.
- Оде 1995 — *Оде С.* Интонационная система русского языка в свете данных перцептивного анализа // Проблемы фонетики. 2. М., 1995. С. 200—215.
- Потапова 1997 — *Потапова Р. К.* Коннотативная лингвистика. М., 1997.
- Ball, Esling, Dickson 1995 — *Ball M. J., Esling J., Dickson C.* The VoQS system for the transcription of voice quality // Journal of the International Phonetic Association. Vol. 25. № 2. P. 71—80. 1995.
- Beckman 1995 — *Beckman M. E.* Problems in intonation // Proceedings ICPH 95. Stockholm, Vol. 1. 1995. P. 450—457.
- Catford 1977 — *Catford I.* Fundamental problems in phonetics. Bloomington and London, 1977.
- Dogil 1999 — *Dogil G.* The phonetic manifestation of word stress in Lithuanian, Polish, German

- and Spanish // *Word Prosodic Systems in the Languages of Europe*. Berlin; New York, 1999. P. 278—283.
- Ladefoged, Maddieson 1996 — *Ladefoged P., Maddieson I.* The sounds of the world's languages. Cambridge (Mass.), 1996.
- Laver 1980 — *Laver J.* The phonetic description of voice quality. Cambridge, 1980.
- Lindau 1975 — *Lindau M.* Features for vowels // *UCLA Working Papers in Phonetics*. № 3. 1975.
- Lindblom, Sundberg 1971 — *Lindblom B. E. F., Sundberg J. E. F.* Acoustical consequences of lip, jaw, and larynx movement // *JASA*. V. 50. № 4 (P. 2). 1971. P. 1166—1179.
- Lockwood 1982 — *Lockwood D.* Parameters for a typology of word accent // *Lacus Forum* 9. 1982. P. 231—240.
- Nolan, Kuehnert 1995 — *Nolan F., Kuehnert B.* The articulatory correlates of descriptive categories for supralaryngeal voice quality // *Proceedings ICPh 95*. Vol. 2. Stockholm, 1995.
- Nolan 1999 — *Nolan F.* The devil is in the detail // *Proceedings ICPh 99*. San-Francisco, 1999.
- Roach et al. 1998 — *Roach P., Stibbard R., Osborne J., Arnfield S., Setter J.* Transcription of prosodic and paralinguistic features of emotional speech // *Journal of the International Phonetic Association*. Vol. 28. № 1—2. 1998. P. 83—94

ЧАСТЬ 6

ПРОСОДИЯ СТИХА

Глава 1

Просодический космос русского стиха*

Вступление

В своей предсмертной речи, посвященной юбилею Пушкина, — «О назначении поэта» — Блок пишет:

Что такое гармония? Гармония есть согласие мировых сил, порядок мировой жизни. Порядок — космос, в противоположность беспорядку — хаосу. Из хаоса рождается космос, мир, учили древние...

Поэт — сын гармонии; и ему дана какая-то роль в мировой культуре. Три дела возложены на него: во-первых, освободить звуки из родной безначальной стихии, в которой они пребывают; во-вторых, — привести эти звуки в гармонию, дать им форму, в-третьих — внести эту гармонию во внешний мир [Блок 1921: 161].

Какие же звуковые средства создают гармонию, иначе — звуковой космос поэтического текста? Традиционно выделяемые компоненты стиха — это метр, рифма, строфа, а также аллитерации и ассонансы. Одни из этих компонентов создают упорядоченность акцентной структуры текста, тогда как другие — упорядоченность «инструментовки», т. е. использования звуковых сегментов. Только первый компонент относится к просодической (надсегментной) стороне текста.

Однако в стиховедении известны и другие просодические характеристики стиха: ритмика и интонация. Открытие первой связано, как известно, с именем А. Белого, который обратил внимание на частое отсутствие словесного ударения на сильной доле стопы (икте) [Белый 1910]. По его мнению, это создает акцентную структуру, параллельную метру, — ритм стиха. Сосуществование метра и ритма придает стиху акцентное разнообразие, устраняет монотонность чередования сильных и слабых слогов. Отметим, что термин «ритм» может иметь и родовое употребление: метр понимается как первичный ритм, а «ритму» Белого соответствует термин «вторичный ритм» [Гаспаров 1993]. Такое терминологическое разделение слоев сложной ритмической структуры представляется более удачным, и мы будем ориентироваться на него.

Интерес к интонации русского стиха был пробужден известной работой Б. Эйхенбаума [1922], которая была написана под сильным влиянием исследований немецкой поэзии, принадлежащих Э. Сиверсу и его последователям. Давно

* Статья опубликована в: Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка / Ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003.

уже было замечено, что лирические стихи одного и того же размера могут звучать очень по-разному. Эти различия в русском стиховедении со времен Эйхенбаума связываются прежде всего с жанром стиха и приписываются фразовой интонации. В центре внимания Эйхенбаума был в первую очередь мелодический компонент интонации, однако позднее стиховеды (в частности, Жирмунский [1922], Холщевников [1991]) справедливо указывали и на такие ее компоненты, как темп, громкость, логические акценты, паузацию.

Цель данной работы — дополнить представления о ритмической и интонационной структуре русского стиха, иначе говоря, о его «просодическом космосе». Эта попытка тесно связана с исследованиями автора в области просодии слова и фразы. Рамки статьи ограниченного объема не позволяют дать сколько-нибудь детального представления нашей концепции, и автор заранее приносит читателю извинения за конспективность изложения.

1. Ритмика

1.1. Фразовая акцентуация как компонент ритмики стиха

За последние десятилетия русская фразовая акцентуация не раз была предметом лингвистического анализа [Ковтунова 1976; Николаева 1982; Павлова 1987; Кодзасов 1996]. Для целей данной работы важны следующие результаты этих исследований. Имеются разные — по фонетической природе и по функциям — типы фразовых акцентов. Кроме тональных акцентов, имеющих фазовые функции (маркировка начала и конца речевых и ментальных действий) [Кодзасов 2002], имеются «выделительные» акценты, маркирующие коммуникативные компоненты высказывания (рема, новая тема, фокус сопоставления). Эти акценты предположительно реализуются дыхательными толчками. Акцент может также присоединять долготные компоненты, маркирующие пространственные смыслы [Кодзасов 2000]. Для ритмики стиха важны в первую очередь «выделительные» акценты, и далее речь пойдет о них.

Реализуя коммуникативную семантику, акценты могут относиться к грамматическим составляющим любой размерности — от предложения до морфемы. Но наиболее часто их сферой действия является синтагма, состоящая из двух и более слов. Групповой акцент при этом чаще всего реализуется на одном из слов, и его размещение на том или ином слове зависит от нескольких факторов: синтаксических ролей слов, их актуализационных характеристик, наличия противопоставления и др. [Кодзасов 1996]. При отсутствии особых семантических условий в бинарных составляющих действуют стандартные законы, сформулированные И. И. Ковтуновой [1976]: в сочетании предиката и актанта акцент получает актанта (*читать *книгу*), в сочетании предиката и адверба акцент получает адверб

(читать с *удовольствием), в сочетании атрибута и имени акцент получает имя (новая *книга) и т. д. Как видно из записи примеров, выделительные фразовые акценты мы помечаем звездочкой перед словом.

Читатель без труда заметит, что при прямом порядке слов акцент в бинарной группе ставится на втором члене. Однако в общем случае место акцента определяется не линейной позицией слова, а его синтаксической ролью: инверсия не влияет на выбор акцентной вершины группы (А. — *Что он делает?* Б. — **Книгу читает.*; А. — *Что он читает?* Б. — *Да *газету вчерашнюю.*). В более сложных группах происходит интеграция акцентных структур составляющих, дающая предсказуемый результат (*Я с *удовольствием прочитал его новую *книгу.*). При наличии в предложении нескольких акцентов они тем или иным способом ранжированы по силе, однако для описания ритма стиха это не существенно.

Синтаксические законы расстановки акцентов занимают подчиненную позицию по отношению к законам семантическим. В частности, они не действуют при сопоставлении: фокус сопоставления обязательно несет акцент: *Его *прежние книги я читал с *удовольствием. А вот *новая книга мне не *понравилась.* Имеются и другие семантические факторы, нарушающие стандартную синтаксическую мотивацию размещения акцентов. Наиболее значима здесь категория «новое/старое»: «старое» (введенное в ближайшем предтексте) акцента не получает: А. — **Иванова *можно позвать?* Б. — *А Иванов у *директора.* Как «старое» трактуется и то, что введено ситуативно: — *Ты эту собаку не *бойся — она не *кусается!* (собака уже находится в поле зрения).

Описанные выше закономерности размещения акцентов внутри синтаксических составляющих относятся только к «пропозитивному» [Арутюнова 1998] типу изложения, при котором информация «упакована» в блоки, выступающие как цельные ментальные сущности. Иного типа ситуация возникает при «событийном» изложении, при котором информация формируется текущим образом на основе наблюдаемого. Для таких текстов характерна акцентуация всех полнозначных слов, символизирующая процесс концептуализации действительности, а не его результаты: — *И тут я *вижу: он *вынимает *пистолет и *сует его в *дуло.* Сходным образом пословно акцентируются предложения, отражающие текущие мыслительные процессы, в частности попытку припоминания: — **Куда я *мог *положить *эту *книгу?* Имеются и другие случаи пословной акцентуации: настойчивые побуждения (— **Теперь *поднимите *правую *руку!*), возгласения неопровержимых истин (— **Каждый *человек *имеет *право на *счастье!*) и проч.

Фразовая акцентуация в стихах, естественно, подчиняется общим семантико-синтаксическим законам. Здесь также можно выделить два базовых типа текстов, различие между которыми стиховедами давно замечено. На одном краю находятся риторически нагруженные («ораторские») стихи, которые имеют пословную акцентуацию. На другом краю находятся «говорные» стихи, в которых акцентированы только некоторые слова. Их расположение в строке в общем случае случайно и не подчиняется регулярным ритмическим схемам.

Однако в поэзии существует еще один вид ритмизации, являющийся характерной чертой эвфонического («напевного») стиха. Текст такого стихотворения строится так, что расположение фразовых акцентов подчинено той или иной регулярной схеме. В таких стихах сосуществует два регулярных ритма: первичный ритм (метр), основанный на словесных ударениях, и вторичный ритм, основанный на фразовых ударениях. Все размеры, как правило, имеют в эвфонических стихах совершенно стандартные схемы вторичного ритма: четырехстопный ямба — схему xxxXxxxX(x), четырехстопный хорей — схему xxXxxxX(x), пятистопный ямба — схемы xxxXxXxxxX(x) или xXxxxXxxxX(x) и т. д. Ниже мы приведем примеры ритмизации для наиболее употребительных размеров. Однако этому необходимо предпослать некоторые пояснения.

Дело в том, что в поэзии используются особые техники перестройки линейной и акцентной структуры текста, позволяющие достичь регулярности схем фразовой акцентуации. Наиболее характерен здесь обратный порядок слов в некоторых синтагмах, который нередко сопровождается и подстройкой фразовой акцентуации под заданный текстом ритм:

*Нет, не *жди ты песни *страстной,
Эти *звуки — бред *неясный... (Фет)*

Как видим, здесь закон размещения акцента в сочетании прилагательного с существительным нарушен: акцент при инверсии ставится на прилагательном.

Обратим внимание на то, что безакцентность слова в группе ритмически эквивалентна безударности слога в слове. Так называемый «альтернирующий ритм» обеспечивается двумя сосуществующими механизмами: отсутствием на слове фразового акцента и безударностью иктусового слога. В приводимых ниже примерах единство этого ритмозадающего механизма ясно видно. Однако роль фразовой акцентуации для создания вторичного ритма в эвфонических стихах несравненно важнее.

Напротив, безакцентность слова играет лишь эпизодическую роль в поддержании метра — он основан в первую очередь на ударности/безударности слогов. Замечательно однако, что оба уровня ритма стиха могут вовлекать как словесную акцентуацию, так и фразовую. Приведем типичные примеры использования фразовой безакцентности двусложных слов (они подчеркнуты) для правильности размера в анапестном стихе:

*С мирым *счастьем *покончены *счеты,
Не *дразни, *запоздалый *уют.
Всюду *эти *щемящие *ноты
*Стерегут и в *пустыню *зовут... (Блок)*

*Воздух *пасмурный *влажен и *гулок.
*Хорошо и *нестрашно в *лесу.
Легкий *крест *одиноких *прогулок
Я *покорно *опять *понесу... (Мандельштам)*

1.2. Фразовые акценты как основа регулярного ритма

Регулярный ритм второго порядка характерен прежде всего для двусложных размеров. Мы рассмотрим наиболее употребительные из них — четырехстопные хорей и ямб.

1.2.1. Четырехстопный хорей

Эвфонический («напевный») четырехстопный хорей, как было сказано, чаще всего имеет ритмическую схему ххХхххХ(х), т. е. логаядическую комбинацию стоп анапеста и пеона четвертого. Такие хорей в изобилии представлены в русской поэзии. Рассмотрим несколько характерных примеров. Начнем с Фета, установка которого на благозвучие делает его стихи наиболее удобной точкой отсчета. Прокомментируем акцентуацию первых двух строф стихотворения «Глубь небес опять ясна...»:

*Глубь *небес опять *ясна,
Пахнет в *воздухе *весна,
Каждый *час и каждый *миг
*Приближается *жених.*

*Спит во *гробе *ледяном,
*Очарованная *сном,
Спит, *нема и *холодна
Вся во *власти *чар она.*

Сочетание *глубь *небес* имеет акцентную огласовку, типичную для именных групп с несогласованным атрибутом, ср. *брат *жены, цвет *глаз, ручка *двери*. В группе *опять *ясна* ослаблен компонент совпадения со «старым», который в большинстве непоэтических употреблений вызывает перенос акцента на *опять*: — *Ты *опять опоздал!* Здесь же цель высказывания — сообщение о поддержании прежнего состояния небес, а не сопоставление двух состояний. Предикатная группа *пахнет в *воздухе* имеет стандартную ритмику: акцент ставится на сирконстанте (ср. *поехал в *деревню*). По общему правилу поставлены акценты и в третьей строке. В то же время двойная акцентуация в последующих трех строках и в последней строке требует объяснения. По синтаксическим правилам здесь следовало бы ожидать одиночных акцентов. Однако эти стандартные правила не действуют при семантической необычности сочетания, связанной с неклишированностью ситуации (*приближение жениха, ледяной гроб, очарованность сном, власть чар*), — в этом случае акцентируются все полнозначные слова группы [Кодзасов 1996]. Такая акцентуация поддерживается и ритмической энергией, возникшей в первых строках.

Преобладание схемы ххХхххХ(х) мы находим и в большинстве стихов Пушкина, написанных четырехстопным хореем. Приведем для примера первую строфу «Предчувствия»:

Снова *тучи надо *мною
 *Собрались в *тишине;
 Рок *завистливый *бедою
 *Угрожает снова *мне...

 *Сохраню ль к судьбе *презренье?
 *Понесу ль навстречу *ей
 *Непреклонность и *терпенье
 Гордой *юности *моей?

Также и здесь регулярность вторичного ритма возникает не только как результат действия стандартных синтаксических правил акцентуации, но также за счет инверсий, приводящих к появлению акцента на втором члене составляющей (ср. *завистливый *рок, презрение к *судьбе, моя *юность*).

Однако для Пушкина в целом не характерна установка на эвфоничность стиха, и в большинстве его хореев стандартный ритм не выдерживается на протяжении текста. Типичным примером является «Сказка о царе Салтане», в которой напевные фрагменты перемежаются с говорными. Более того, такие хореические вершины его творчества как «Дар напрасный, дар случайный...» и «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» совершенно лишены эвфоничности — они написаны как драматические монологи с резкими акцентными усилениями, обусловленными как общей семантикой текста, так и специфическими акцентными свойствами отдельных слов (см. ниже).

Достаточно часто регулярный вторичный ритм в четырехстопном хорее мы находим и у поэтов XX века. Приведем для примера начальную строфу блоковского «Гроб невесты легкой тканью...»:

Гроб *невесты легкой *тканью
 Скрыт от *глаз в соборной *мгле.
 *Пресвятая тонкой *дланью
 *Охраняет на *земле...

В этом фрагменте расстановка акцентов строго следует синтаксическим правилам. Весьма последовательно соблюдается ритм ххХхххХх и в раннем стихотворении Хлебникова «Там, где жили свирестели...»:

Там, где *жили *свиристели,
 Где *качались тихо *ели,
 *Прилетели, *улетели
 Стая *легких *временей...

Необходимо отметить, что в четырехстопном хорее наряду со схемой ххХхххХ(х) может использоваться схема ХхххххХ(х), а в трехстопном хорее наряду со схемой ххХхХ(х) — схема ХхххХ(х). В частности, мы находим все перечисленные ритмические схемы в знаменитом фетовском стихотворении «Шепот, робкое дыхание...»:

**Шепот, робкое *дыханье, (ХхххххХх)*

**Трели *соловья, (ХхххХ)*

**Серебро и *колыханье (ххХхххХх)*

**Сонного *ручья. (ХхххХ)*

*Свет *ночной, ночные *тени, (ххХхххХх)*

**Тени без *конца, (ХхххХ)*

*Ряд *волибных *изменений (ххХхххХх)*

**Милого *лица. (ХхххХ)*

*В дымных *тучках пурпур *розы, (ххХхххХх)*

**Отблеск *янтаря, (ХхххХ)*

*И *лобзания, и *слезы, (ххХхххХх)*

*И *заря, *заря!.. (ххХхХ)*

1.2.2. Четырехстопный ямб

Для четырехстопного ямба классической схемой вторичной ритмизации является хххХхххХ(х). Она представлена огромным количеством стихотворных текстов. Приведем несколько характерных фрагментов. Начнем с тютчевского «Она сидела на полу...»:

*Она *сидела на *полу
И *грудю *писем *разбирала,
И, как *застывшую *золу,
Брала их в *руки и *бросала...*

Расстановка акцентов здесь подчиняется стандартным синтаксическим законам, за исключением группы *застывшую золу*, где реализована возможность пословной огласовки семантически нестандартных сочетаний.

Столь же регулярны фразовые акценты в фетовском стихотворении «Какая грусть! Конец аллеи...»:

*Какая *грусть! Конец *аллеи
Опять с *утра исчез в *пыли,
Опять *серебряные *змеи
Через *сугробы *поползли...*

Теперь приведем примеры из стихов поэтов XX века. Акцентуация начальной строфы стихотворения Гумилева «В библиотеке» такова:

*О, *пожелтевшие *листы
В стенах *вечерних *библиотек,
Когда *раздумья так *чисты,
А пыль *пьянее, чем *наркотик!*

Здесь интересно отсутствие акцента на слове *пыль*: оно объясняется тем, что денотат вводится ситуативно — как непреходящий атрибут библиотеки — и не получает акцента как актуализованный ранее. Нетрудно увидеть, что такие факторы, как семантическая обычность/необычность словосочетания и ситуативная введенность/новизна термина, дают поэту большие возможности регуляризации акцентной структуры стихотворения. Поэт может принимать те или иные семантические и одновременно акцентные решения в соответствии с той ритмической схемой, которая преобладает в стихотворении.

Четырехстопных ямб не обязательно имеет ритмическую схему xxxXxxxX(X). В качестве примера иной акцентуации воспользуемся начальным фрагментом стихотворения Мандельштама «Сегодня ночью, не солгу...». Сохранилась запись авторского чтения этого текста, ее качество невысоко, однако акцентная структура стихотворения различима:

*Сегодня *ночью, не *солгу,
По *пояс в тающем *снегу,
Я шел с *чужого *полустанка.
Гляжу — *изба, вошел в *сенцы —
Чай с *солью пили *чернецы,
И с ними *балует *цыганка...*

Как видим, кроме схемы xxxXxxxX(x), здесь используется и схема xXxxxxxX. Эта схема достаточно употребительна, например она нередка в ранних стихах Блока и Бунина.

Использование разных двухакцентных схем в четырехстопных двусложных размерах показывает, что для поэта более важным является соблюдение постоянства числа акцентов в строке, нежели их расположение. То есть вторичная ритмика русского эфонического стиха позволяет считать его акцентным.

Уместно сказать здесь несколько слов о ритмике «Евгения Онегина». Обращает на себя внимание почти полное отсутствие фрагментов, имеющих эфонический ритм. Разумеется, в тексте имеется немало строк вида xXxxxxxX(x) и xxxXxxxX(x), однако в основном тексте двухакцентные схемы не выдерживаются последовательно ни в одной из строф. Удивительным образом лишь начало письма Онегина к Татьяне написано регулярным двухакцентным стихом:

*Предвижу *все, вас *оскорбит
Печальной *тайны *объясненье,
Какое *горькое *презренье
Ваш гордый *взгляд *изобразит!
Чего *хочу? С какою *целью
Открою *душу вам *свою?
Какому *злобному *веселью,
Быть может, *повод *подаю?..*

Текст в целом обнаруживает лишь два варианта вторичной ритмизации: пословная акцентуация или нерегулярная акцентуация, мотивированная текущими семантико-синтаксическими факторами. Приведем характерный пример внутри-строфных переходов от сплошной акцентуации полнозначных слов, типичной для «приглазного» описания природы, к нерегулярному ритму повествования о событиях:

**Морозна *ночь; все *небо *ясно;
 *Светил *небесных *дивный *хор
 *Течет *так *тихо, *так *согласно...
 *Татьяна на широкий *двор
 В открытом *платице *выходит,
 На *месяц *зеркало *наводит,
 Но в темном *зеркале *одна
 *Дрожит *печальная *луна...*

Наша расстановка акцентов здесь следует той, которую мы находим в чтении «Евгения Онегина» И. Смолтуновским.

Двухакцентный вариант четырехстопного ямба продолжает доминировать и в русской поэзии двадцатого века. Приведем для примера начальную строфу «Царскосельской статуи» Ахматовой:

*Уже *кленовые *листы
 На пруд *слетают *лебединый,
 И *окровавлены *кусты
 Неспешно *зреющей *рябины...*

Однако эфонический ритм, оставаясь базовым, может нарушаться в соответствии с семантикой стихотворения. Ср. конечную строфу того же стихотворения:

*И как *могла я ей *простить
 *Восторг твоей *хвалы *влюбленной...
 *Смотри, ей *весело *грустить,
 *Такой *нарядно *обнаженной.*

1.2.3. Трехсложные размеры

Для трехсложных размеров вторичный ритм, обусловленный пропуском фразовых акцентов, менее характерен, чем для двусложных. Его регулярность может вызвать сомнения, поскольку часто можно предложить более полную акцентуацию, при которой только часть строк имеет акцентные пропуски. Приведем фрагмент анапестного стихотворения Фета «Чем тоске, и не знаю, помочь...»:

*Стройный *тополь (*) стоит под *окном,
Листья в *воздухе (*) все *онемели,
Точно *думы все (*) те же и в *нем,
Точно *судит (*) меня он с *певцом, —
Не *проронит ни (*) вдоха, ни *трели.*

Читатель, несомненно, почувствует, что степень желательности акцента, заключенного в скобки, в разных строках различна, и что двухакцентное прочтение всех строк строфы, хотя и с некоторой натяжкой, возможно. Обратим, однако, внимание на то, что в первых четырех строках лишь безакцентное произнесение начальных слов позволяет сохранить анапестный размер. Таких случаев немало и в стихотворениях поэтов XX века (см. выше).

Гораздо реже встречаются случаи, когда отсутствие фразового акцента на икте может создавать вторичный ритм на амфибрахии. Приведем фрагменты стихотворения Пастернака, в котором трехстопные и четырехстопные строки имеют пропуски (иногда потенциальные) акцентов на иктах:

() Любимая, — *жить! Когда любит *поэт,
Влюбляется *бог *неприкаянный.
И (*) хаос *опять выползает на *свет,
Как *во времена *ископаемых...*

*... Он видит, как *свадьбы справляют *вокруг.
Как *спавивают, *просыпаются.
Как *общелягушечью эту *икру
*Зовут, обрядив ее, — *паюсной.*

Что касается дактиля, то имеется классический пример двухакцентного вторичного ритма на четырехстопном размере — это «Молитва» Лермонтова:

*Я, мать *Божия, ныне с *молитвою
Пред твоим *образом, ярким *сиянием,
Не о *спасении, не перед *битвою,
Не с *благодарностью иль *покаянием.*

*Не за *свою молю душу *пустынную,
За душу *странника в мире *безродного;
Но я *вручить хочу деву *невинную
Теплой *заступнице мира *холодного...*

Уместно сравнить совершенно регулярную двухакцентную ритмику этого текста с ритмом стихотворения «Тучи». В последнем лишь первая строфа имеет эвфоническую (хотя и не тождественную построчно) огласовку, тогда как две последующие характеризуются рваным («говорным») ритмом.

*... Кто же вас *гонит: *судьбы ли решение?
*Зависть ли тайная? *злоба ль открытая?*

*Или на вас тяготит *преступление?
Или *друзей клевета *ядовитая?*

Если мы останемся при сравнении формы этих двух стихотворений в пределах метра, то их кардинальное ритмическое различие окажется невыявленным.

Обратим попутно внимание на то, что последняя (опорная) стопа строки часто не несет фразового акцента (как в первых двух строках процитированной выше строфы). Это означает, что вторичный ритм нельзя рассматривать как надстройку над первичным — эти ритмические слои соотносены, но существуют независимо. Здесь отметим лишь, что в целом нет корреляции между наличием / отсутствием фразового акцента на слове и его линейной позицией в строке.

2. Интонация слова как компонент стиховой формы

Введение

Стиховедами накоплено немало тонких наблюдений, касающихся использования фразовых интонационных характеристик (мелодики, темпа, паузации, громкости) в стихах разных жанров и стилей (см., в частности, упомянутые выше работы Эйхенбаума, Жирмунского и Холщевникова). Справедливо указывалось на связь фразовых огласовок с лексической семантикой составляющих текст слов (Холщевников). Однако фонетические исследования интонационной структуры русского слова и ее связи с семантикой до недавнего времени отсутствовали. А без фонетической базы систематическое изучение интонации слова в стихе невозможно.

В настоящее время исследования интонации (лучше сказать — просодии) русского слова находятся в начальной стадии (см. [Кодзасов 1989; 1996]), и до полного понимания фонетики и семантики словесной просодии еще далеко. Просодия слова несомненно включает большое число характеристик помимо ударения. Как элементы стиховой формы используются те же самые признаки слова, что и немелодические компоненты фразовой интонации: темп, громкость и фонация (качество голоса). Такая общность не случайна: она отражает то обстоятельство, что семантика этих характеристик может относиться к составляющим разных уровней — от морфемы до фразы и даже текста. Хотя лексическое использование маркированных значений темпа, громкости и фонации во многих случаях имеет символический (или даже иконический) характер, такая мотивированность в общем случае отсутствует (это можно сравнить с использованием грамматического рода в существительных).

Что касается мелодики, то мы не включаем ее в число элементов стиховой формы, поскольку тон (в физическом смысле слова) не является в русском языке врожденным признаком слов и используется либо для маркировки фазовых характеристик фразы [Кодзасов 2002], либо для экспрессивного подчеркивания некото-

рых лексических смыслов [Кодзасов, Кривнова 1977]. Однако существуют случаи употребления слова «тон» при номинации субъективных оценок, связанных с другими интегральными характеристиками произнесения: с напряженностью стенок голосового тракта или голосовых связок и проч. (для таких признаков был предложен термин «квазитональные» [Lockwood 1983]). Таково, в частности, использование слова «тон» в работе [Кодзасов 1989].

2.1. Темп

Мы начинаем с темповой просодии, поскольку она наиболее доступна интроспективному наблюдению, и имеются случаи осознания темпа стиха самими поэтами. Темп определяется длительностью завершающей части гласного, то есть скоростью прекращения вокальной артикуляции. Как и большинство других просодических характеристик, темп имеет три значения: нейтральное и два маркированных. В случае темпа значения таковы: медленный (М), нейтральный (Н) и быстрый (Б).

Начнем с фрагмента «Стихов сироте» Цветаевой (квадратные скобки показывают сферу действия признака, указанного в круглых скобках):

[*Скороговоркой — ручья водой*
Бьющей: — Любимый! родной! больной!] (Б)
 [Речитативом — тоски протяжней:
Хилый! чуть живой! сквозной! бумажный!] (М)

Лексические пометы поэтессы (*скороговорка* и *речитатив*) показывают, что она осознает контрастные темпы вводимых фрагментов. Далее темповая игра продолжается уже внутри строк:

[*От зева до чрева*] (Б) — [*продольным разрезом:*] (М)
 [— *Любимый! желанный!*](Б) [*желанный! болезный!*] (М)

Однако такая игра разными темпами для Цветаевой не столь характерна: чаще один и тот же маркированный темп поддерживается на протяжении всего стихотворения. Типичный пример полностью быстротемпового стиха дает «Чтобы помнил не часочек, не годок». Приведем начальное и конечное двустушия этого произведения:

[*Чтобы помнил не часочек, не годок —*
Подарю тебе, дружочек, гребешок...
 ... *Чтоб дружочку не жилось без меня,*
Семиструнная расческа моя!] (Б)

Очень характерно обилие в этом стихотворении уменьшительно-ласкательных форм имен (*часочек, годок, дружочек, гребешок, подружки, мил-дружки, вершочек*) — все такие формы являются быстротемповыми. Ср.: *кошка* (Н) — *кошечка* (Б), *сестра* (Н) — *сестричка* (Б) и т. п.

Для Цветаевой характерна особая чувствительность к быстрому темпу слова, поэтому у нее немало текстов, насыщенных такими словами. Таковым, например, является четвертое стихотворение цикла «Стол», а также первая и четвертая строфы стихотворения «Бузина»:

*[Бузина цельный сад залила!
Бузина зелена, зелена!
Зеленее, чем плесень на чане.
Зелена — значит лето в начале!
Синева — до скончания дней!
Бузина моих глаз зеленой!]* (Б)

Разумеется, Цветаева — не единственный поэт, активно использующий темповые свойства слов для просодического оформления своих стихов. Изящную игру темпом мы находим в уже цитировавшемся выше стихотворении Фета «Шепот сердца, уст дыханье...»:

*Шепот (Б) сердца (Б), уст (Б) дыханье (Б),
Трели соловья,
Серебро (Б) и колыханье (М)
Сонного ручья...
...Бледный (Б) блеск и пурпур розы,
Речь не говоря,
И лобзания (М), и слезы (М),
И заря (Б), заря (Б)!..*

Здесь маркированные темповые характеристики относятся к отдельным словам.

Теперь приведем пример иного типа — из стихотворения Блока «Ушла. Но гиацинты ждали...». Здесь различен темп конечных слов строк в разных строфах: предпоследняя строфа имеет ускорение, а последняя — замедление:

*Войди, своей не зная воли (Б),
И, добрая, в глаза взгляни (Б),
И темным взором острой боли (Б)
Живое сердце полосни (Б).
Вползи ко мне змеей ползучей (М),
В глухую полночь оглуши (М),
Устами томными замучай (М),
Косою черной задуши (М).*

Обратимся теперь к еще одному варианту поэтической эксплуатации темпа — на примере стихотворения Бальмонта «Воспоминание о вечере в Амстердаме» (автор снабдил его пометой «Медленные строки»):

[О тихий Амстердам,
 С невучим перезвоном
 Старинных колоколен!] (М)
 Зачем я здесь — не там,
 Зачем уйти не волен,
 [О тихий Амстердам!
 К твоим церковным звонам,
 К твоим как бы устдлым,
 К твоим как бы затонам,
 Загрезившим каналам
 С безжизненным их лоном] (М)...

В данном случае маркированный темп связан не с просодическими свойствами слов — он отражает фразовое замедление, типичное для риторических обращений на далекое расстояние. Семантика пространственной и временной удаленности — типичный контекст удлинения гласных [Кодзасов 2000]. В данном тексте замедление усиливается и наличием двойного использования конструкции с *как бы*, в которой происходит удвоение акцентированного гласного вводимой группы (эти гласные подчеркнуты). Ср.: *устал — как бы устдл; затон — как бы затон*.

2.2. Атака

Если конец гласного может иметь разную скорость выхода из вокалической позы, то его начало, напротив, может характеризоваться разной скоростью достижения целевой артикуляции. Удобно использовать для этого признака музыкальный термин «атака». Быструю атаку мы будем обозначать вертикалькой перед ударным гласным, а медленную — тильдой.

Маркированные значения признака «атака» используются не столь часто, как значения признака «темп», однако примеры подчиненности формы стиха этому признаку мы находим у самых разных поэтов. Обычно быстрое начало символизирует резкие действия и звучания, а медленное — плавные. Прекрасный образец использования резкой атаки дает пушкинское описание полтавской битвы:

*Швед, русский — к|олет, р|убит, р|ежет.
 Б|ой барабанный, кл|ики, скр|ежет.
 Гр|ом п|ушек, т|опот, рж|анье, ст|он,
 И смерть и ад со всех сторон.*

В стихотворении Фета «Одним толчком согнать ладью живую...» контрастное совмещение слов с резким и плавным началом гласного внутри стихотворения символизирует прерывание непрерывного, медленно текущего:

*Одним толчк|ом согн|ать ладью живую
 С нагл~аженных отл~ивами песков,*

*Одной волн~ой подняться в жизнь иную,
Учуять в|етр с цветущих берегов.*

*Тоскливый с~он прерв|ать единым звуком,
Упитаться вдр|уг нев~едомым, родным,
Дать жизни вздох, дать сл~адость тайным м~укам,
Чужое вм|иг почувствовать своим...*

Это сочетание резкого и плавного начала гласного аналогично той игре быстрым и медленным завершением, которую мы наблюдали ранее в стихотворении «Шепот сердца, уст дыханье...».

Приведем теперь фрагмент стихотворения Блока, в котором начальное удлинение (в сочетании с конечным) противостоит резкому началу:

*Дикий в|етер
Стекла гн|ет,
Ставни с п|етель
Буйно рв|ет.*

*Час за~утрени пасх~альной,
Звон далекий (М), звон печ~альный,
Глухота и чернота.
Только в|етер, гость нах|альный,
Потряс|ает ворота...*

Обратим внимание на то, что маркированные характеристики атаки не всегда иконически отражают семантику слова. В частности, в данном стихотворении не мотивирована просодия слова *петель*.

Приведем еще начальный фрагмент «Поэмы конца» Цветаевой, насыщенный словами с маркированными характеристиками атаки (в основном резкой) и завершения:

*В небе, ржавее ж|ести,
П|ерст столба (Б).
Вст|ал на означенном м|есте,
Как судьба.*

— Б|ез четверти. Исправен? —
— Смерть не ждет (Б).
*Преувеличенно~пл~авен
Шляпы взл|ет.*

*В каждой реснице — в|ызов.
Рот сведен.
Преувеличенно низок (М)
Был поклон...*

2.3. Громкость

Различия в громкости чрезвычайно активно используются в речи, причем они гораздо чаще мотивированы языковой семантикой, нежели внешними обстоятельствами говорения.

Громкостные характеристики чаще всего относятся к крупным составляющим текста, указывая на общие свойства ситуации, представленной во фразе или последовательности фраз. В частности, предложения, описывающие неконтролируемые состояния субъекта или его произвольные действия, произносятся тихо. Напротив, маркированно громко произносятся предложения, описывающие активные действия, кардинально влияющие на ситуацию в целом, или результаты таких действий. Как будет показано ниже, маркированные громкостные характеристики имеют и некоторые группы лексических смыслов.

Начнем с двух стихотворений Пушкина, содержащих переломы громкостных характеристик. В «Пророке» таких переходов несколько: описание пассивного состояния героя сменяется активными действиями шестикрылого серафима, которые преобразуют способности героя, а далее его стативный статус словами Бога переводится в активный статус поэта-пророка:

*[Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.]* (Т)
*[Перстами легкими, как сон,
Моих зениц коснулся он.]* (Н)
*[Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.]* (Г)...
[...Как труп, в пустыне я лежал,] (Т)
*[И Бога глас ко мне воззвал:
«Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».]* (Г)

Здесь обозначения (Т), (Н) и (Г) отражают признаки «Тихий», «Нейтральный» и «Громкий», относящиеся к фрагментам текста, заключенным в квадратные скобки.

Стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», естественно, предполагает «высокий» (громкий) стиль чтения всех стрóf, кроме последней, в которой происходит переход к нейтральному стилю.

Примечательны громкостные характеристики основных персонажей «Евгения Онегина»: Татьяны и Евгения. Само имя «Татьяна» имеет встроенную тихую характеристику, что естественно сочетается с ее преимущественно стативной ролью в большинстве ситуаций. Напротив, имя «Евгений» имеет нейтральную громкость, и его ролевой статус в большинстве ситуаций ей соответствует. Татьяна — субъект

чувствующий и наблюдающий, Евгений — субъект действующий и осуждающий. Просодическое оформление соответствующих фрагментов романа строго следует этому противопоставлению.

Громкостная характеристика стихотворения сказывается на реализации его акцентной структуры: в тихих стихах акценты в целом ослабляются, стихотворение становится как бы «приглушенным». Значение ритмической структуры текста при этом уменьшено. Не случайно большинство русских верлибров написано тихим стихом. Этому, естественно, соответствует их содержание: представление наблюдаемого как данности (отстраненные пейзажи, натюрморты видимых объектов, описание состояний и произвольных действий субъектов, констатирующая рефлексия и т. п.). Таковы, в частности, верлибры Блока, например «Она пришла с мороза...»:

*[Она пришла с мороза,
Раскрасневшаяся,
Наполнила комнату
Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом
И совсем неуважительной к занятиям
Болтовней.*

*Она немедленно уронила на пол
Толстый том художественного журнала,
И тотчас же стало казаться,
Что в моей большой комнате
Очень мало места...]* (Т)

Очевидна неагентивность субъекта цепочки предикаций: он описывается либо как носитель состояний, либо как автор неконтролируемых действий.

Мы говорили выше о наличии некоторых лексических групп со врожденными громкостными характеристиками. К ним относятся, в частности, сакральные понятия, имеющие громкие огласовки, распространяющиеся при определенных условиях на всю предикацию: Бог, Богородица, чудо, пророк и др. Сюда же примыкают и некоторые лексемы, связанные с горами (ср. понятие «горний»): горы, вершины, долины, простор. Предупредим, однако, что маркированная громкостная характеристика этих слов актуализуется только в ситуации актуальной номинации, отсутствуя при дескриптивных употреблении (типа всеведение пророка, Воробьевы горы).

Приведем пример громкостного перелома, связанного с переходом от возвышенного (горного) к обыденному, — стихотворение Лермонтова «Горные вершины»:

*[Горные вершины
Спят во тьме ночной.*

*Тихие долины
Полны свежей мглой.] (Г)*

*[Не пылит дорога,
Не дрожат листья.
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.] (Г)*

Обе строфы содержат лишь стативные предикаты, однако «горная» ориентация первой имеет решающее значение. Отметим попутно, что строфы имеют разные ритмические схемы: 1-я — ХхххХ(х), а 2-я — ххХхХ(х). Ниже мы укажем также на фонационную специфику первой строфы.

Необходимо отметить, что иногда громкость лексемы остается локальной, не придавая интегральной громкости контексту. Например, в пушкинских «Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы» громкостью выделено слово *пророчишь*: *Ты зовешь или пророчишь* (Г)? На фоне общей приглушенности стихотворения этот акцент подчеркивает его семантическую доминанту: попытку услышать за шумом повседневной суеты скрытое пророчество о смысле жизни (см. [Якобсон 1987]).

2.4. Фонации

Фонации (качества голоса) относительно недавно стали объектом исследования отечественных фонетистов ([Кодзасов, Кривнова 1977]). В просодическом оформлении стиха они играют заметную роль. Имеется несколько разных фонационных характеристик: степень напряженности голосовых связок, ширина голосовой щели, общая ширина гортани. Все эти признаки имеют по три значения: нейтральное и два маркированных. Рассмотрим каждый признак отдельно.

2.4.1. Напряженность голосовых связок

Этот признак имеет значения: напряженный (НПР), нейтральный (НТР) и расслабленный (РСЛ). Приведем пример построфной мены этой фонации — стихотворение Блока «О, я хочу безумно жить»:

*[О, я хочу безумно жить:
Все сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!]* (НПР)

*[Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне,
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:]* (НТР)

[Простим упрямство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!] (РСЛ)

В данном тексте фонационные характеристики обусловлены фразовым контекстом: настойчивое желание (оно оформлено фонацией, типичной для автоимператива) сменяется нейтральной рефлексией, а далее следует предполагаемый акт прощения (оформляется фонацией, типичной для уступки).

Однако существуют и встроенные фонации лексем, причем иногда внутри лексем происходит фонационный перелом на ударном гласном.

Наблюдается тенденция связывания фонации с тоном: напряженный голос несколько выше нейтрального, а расслабленный несколько ниже. Поэтому мена фонации субъективно ощущается как тональное изменение: переход от нейтрального голоса к напряженному как повышение, а обратное изменение — как понижение. Аналогично и восприятие перехода от нейтральной фонации к расслабленной и наоборот.

Одинаковое расположение фонационных переломов в рифмующихся строках стихотворения создает некоторый аналог мелодии, и некоторые поэты используют эту технику. К ним в первую очередь относятся такие эвфонисты как Фет, Бальмонт и Гумилев. Приведем пример из Фета:

*Тихо ве/чер догора\ет,
Горы золотя;
Знойный во/здух холода\ет, —
Сти, мое дитя.*

*Соловьи/ давно запе\ли,
Сумрак возвестя;
Струны ро/бко зазвене\ли, —
Сти, мое дитя...*

Здесь знаками / и \ после гласных мы обозначаем происходящие на них квазитональные просодические изменения (восходящее и нисходящее).

2.4.2. Ширина голосовой щели

Маркированные состояния ширины голосового прохода дают иные изменения качества голоса. При более широком, чем нейтральное, разведении голосовых возникает «придыхательный» голос, а при большем сведении связок — «скрипучий» голос.

«Придыхательный» голос в качестве фразовой просодии используется как средство выражения высокой степени эмоции (в том числе удивления и восхищения). Он используется и как лексическая просодия — обычно при эмоциональной марки-

рованности смысла. Например, в любовном стихотворении Блока «Снежное вино» мы находим такие придыхательные слова: *тяжелозмейных, о вьюгах, смеешься, змеишься*. К ним нужно добавить формы *не любя, в венце, на лице*, в которых имеет место придыхательное завершение ударного гласного. Примечательно также, что это стихотворение содержит массу слов со звуком «х»: *страх, волосах, струях, выдыхаю, о поцелуях, смехом, мехом*. Они ассоциативно поддерживают атмосферу любовного аффекта, выражаемого прежде всего придыхательной фонацией.

Сужение голосовой щели, как и ее расширение, может иметь разные варианты реализации. Например, в стихотворении Бальмонта «Коромысло» оно выступает как глоттализованное завершение ударных гласных в словах: *коромысло, повисло, ласковой, блески, числа, грезишь*. Поэту потребовалось большое искусство, чтобы связать столь разноплановые слова в семантически естественный текст.

Субъективное восприятие глоттализации типа «скрипучий голос» требует развития определенных навыков. Однако в звуковой волне на экране компьютера глоттализация видна совершенно отчетливо как неперiodичность звуковой волны.

2.4.3. Ширина гортанной трубки

Расширению и сужению может подвергаться не только голосовая щель, но и гортанная трубка как целое (она представляет собой совокупность хрящей, связанных мышцами и мягкими тканями). Расширение гортани создает особую разновидность «придыхательного» голоса — он звучит как более насыщенный и глубокий. Такая поза гортани в сочетании с повышенным дыхательным усилием используется в сакральной лексике и в словах, связанных с горами. Так огласована, в частности, первая строфа стихотворения Лермонтова «Горные вершины...» (см. выше).

Сужение гортанной трубки создает специфическую напряженность голосообразования, своеобразный «сдавленный» голос (СДГ). У такой фонации есть противоположная лексическая область — это бесовское и низкое, к чему относятся, в частности, все «наросты» на теле: усы, рога, копыта и т. п. Замечательный пример использования этой фонации дает сон Татьяны в 5-й главе «Евгения Онегина». Приведем фрагмент из этой части, где сконцентрированы слова, произносимые «сдавленным» голосом:

*[Копыты, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки, —
Рога и пальцы костяные —] (СДГ)
Все указывает на нее,
И все кричит: мое! мое!*

Заключение

Существует мнение о близости к исчерпанию проблематики в области формы русского стиха. Вина за это заблуждение — целиком на совести специалистов в области лингвистической фонетики. До сих пор отсутствует сколько-нибудь детальное описание русской фразовой акцентуации в разных стилях речи, а без этого нельзя описать ритмику стиха. Только начинается исследование символической просодии слова и фразы, хотя она активно используется как в обыденной речи, так и в стихе.

В этой ситуации попытки проникнуть в *гармонии стиха божественные тайны* идут по линии расширения подсчетов традиционно фиксируемых элементов формы. Разумеется, на этом пути как отечественными, так и зарубежными стиховедами достигнуто немало важных результатов. Однако, по нашему убеждению, лишь совместные усилия фонетистов и стиховедов и решительный поворот от количественного к качественному анализу формы стиха позволят вскрыть глубинные основы поэтического «космоса».

Литература

- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
- Блок 1921 — *Блок А.* О назначении поэта // *А. Блок.* Собр. соч. М.; Л., 1960—1963. Т. 6 (1962).
- Белый 1910 — *Белый А.* Символизм. М., 1910.
- Жирмунский 1977 — *Жирмунский В. М.* Мелодика стиха // *Жирмунский В. М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977.
- Гаспаров 1993 — *Гаспаров М. Л.* Русские стихи 1890-х — 1925-го годов в комментариях. М., 1993.
- Ковтунова 1976 — *Ковтунова И. И.* Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Кодзасов 1989 — *Кодзасов С. В.* О просодии русского слова // Славянское и балканское языкознание. Просодия. М., 1989.
- Кодзасов 1996 — *Кодзасов С. В.* Законы фразовой акцентуации // Просодический строй русской речи. М., 1996.
- Кодзасов 2000 — *Кодзасов С. В.* Фонетическая символика пространства (семантика долготы и краткости) // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.
- Кодзасов 2002 — *Кодзасов С. В.* Фазовая символика тона // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002.
- Кодзасов, Кривнова 1977 — *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Фонетические возможности гортани и их использование в русской речи // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.
- Николаева 1982 — *Николаева Т. М.* Семантика акцентного выделения. М., 1982.
- Павлова 1987 — *Павлова А. В.* Акцентная структура высказывания в ее связях с лексической семантикой: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987.
- Холщевников 1991 — *Холщевников В. Е.* Типы интонации русского классического стиха // *Холщевников В. Е.* Стихovedение и поэзия. Л., 1991.

Эйхенбаум 1969 — *Эйхенбаум Б. М.* Мелодика русского лирического стиха // *Эйхенбаум Б. М.* О поэзии. Л., 1969.

Якобсон 1987 — *Якобсон Р.* О «Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы» // *Якобсон Р.* Работы по поэтике. М., 1987.

Lockwood 1983 — *Lockwood D.* Tone in a non-substantive theory of language // *Lacus forum* 10. 1983. P. 131—140.

Глава 2

К типологии поэтического ритма (на материале стихов А. Фета)*

Введение

Изучение ритмики русского стиха отечественными стиховедами до сих пор в малой степени опиралось на лингвистические исследования фразовой акцентуации. Например, в посвященных ритмике статьях представительного сборника «Славянский стих» [2001] ссылки на работы лингвистов полностью отсутствуют. Ситуация существенно отличается от той, которую мы находим в зарубежном стиховедении. Так, последние описания ритмики английского стиха тесно связаны с новейшими просодическими моделями, созданными западными фонетистами.

Между тем акцентологические исследования отечественных языковедов дали ряд важных результатов, которые могли бы послужить основой для продвижения в понимании ритмики русского стиха. В работах И. И. Ковтуновой были сформулированы законы размещения фразовых ударений (ФУ) в нарративных русских текстах и выявлены особенности акцентуации в поэтических текстах [Ковтунова 1976а; 1976б]. Было показано, что постановка ФУ в словосочетании имеет грамматическую мотивацию: она задается синтаксической структурой группы. Для прозы типична конечная позиция слова, несущего ФУ. В поэтическом тексте требование соблюдения размера часто заставляет нарушать прозаический порядок. При этом действуют несколько иные законы расстановки ФУ. Ритмика значительного числа русских стихов может быть описана на основе закономерностей, выявленных И. И. Ковтуновой.

Однако для описания поэтической ритмики в целом недостаточно опираться на ФУ — ведь многие стихотворения содержат акценты не только синтаксической, но и семантической природы — это «выделительные» акценты (ВА). Помещение выделительных акцентов в фокус внимания при акцентных исследованиях, описание их семантики и особенностей употребления — заслуга Т. М. Николаевой [Николаева 1982; 2000]. Как было ею показано, использование ФУ ограничено некоторыми регистрами речи. В реальном дискурсе акцентуация отражает не столько синтаксическую, сколько коммуникативную структуру предложения.

Роль ВА в ритмике русского стиха до сих пор не обсуждалась сколько-нибудь детально. Между тем, стиховой ритм может быть основан как на ФУ, так и на ВА,

* Опубликовано в: Язык. Личность. Текст: Сб. статей к 70-летию Т. М. Николаевой. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 845—856.

причем тип акцентуации внутри стихотворения может меняться. Имеются также факторы, которые могут нивелировать акцентную структуру стиха. Обилие акцентно релевантных факторов создает достаточно большое пространство ритмических возможностей. Возникает задача создания типологической схемы, в рамках которой описывалась бы ритмика конкретных стихотворений.

Естественно было бы соотносить ритмическую типологию с содержательной типологией поэтических текстов, опирающейся на их логико-коммуникативные характеристики. Однако до сих пор не существует какой-либо общепринятой классификации такого рода. Причина этого в том, что логико-коммуникативная характеристика высказывания — многомерный (причем весьма сложный) объект [Арутюнова 1988; 1998; Золотова и др. 1998; Падучева 1996], причем эта характеристика меняется в разных фрагментах текста. Поэтому возможны различные классификации «коммуникативных регистров» как отдельных высказываний, так и текстов, ориентированные на разный состав признаков и на разную их иерархию.

Для конкретных дескриптивных задач удобны частные классификации, учитывающие кластеры признаков значений, характерные для текстов исследуемого типа. Данная работа представляет собой опыт именно такого подхода: мы пытаемся наметить контуры типологии поэтических текстов. В качестве материала используются стихи А. Фета. Причины выбора этого поэта очевидны: Фет создал совершенные, причем весьма разнообразные по форме, образцы русского классического стиха XIX века. Если предлагаемая ниже типологическая схема позволит получить достаточно успешную ритмическую классификацию стихов Фета, можно попробовать применить ее и к стихам других поэтов.

Перечислим основные логико-коммуникативные параметры, которые предположительно определяют тип акцентуации стихов Фета. Начнем с параметров, характеризующих природу описываемых поэтом явлений. Здесь на одном конце находятся состояния, на другом конце — активные действия, а между ними — некоторые нейтральные события в мире.

Стативность, пассивность, произвольность описываемого маркируются общим низким уровнем громкости. Напротив, динамичность, активность и контролируемость изображаемого имеют громкую маркировку. Нейтральность интегральных огласовок отражает немаркированное состояние описываемого. У Фета доминируют тексты последнего типа, однако немало тихих и громких стихов.

Второй параметр касается установок наблюдателя. Здесь на одном конце находится дистанцированность автора текста от наблюдаемого, малая релевантность для него предмета описания, а на другом — заинтересованность, вовлеченность в интерпретацию описываемого. Промежуточное положение снова занимает некоторое нейтральное отношение.

Значения второго параметра символизируются типом акцентуации. Для текстов с установкой дистанцированности характерна невыраженность акцентной структуры: лишь конечные слоги синтагм получают слабые тональные акценты,

имеющие чисто фазовую функцию. Нейтральные тексты получают фразовые ударения, а вовлеченность автора в актуальную интерпретацию наблюдаемого отражается выделительными акцентами.

Имеется тенденция к кластеризации значений первого и второго параметров: стативное скорее оформляется не только как тихое, но и как слабоакцентное, а активное как громкое и сильноакцентное. Однако встречаются и разнонаправленные сочетания: стативной природы и ее активной интерпретации наблюдателем, активных событий и дистанцированной позы наблюдателя. В таких случаях состояние мира предопределяет общий громкостный фон стихотворения, а установки наблюдателя — характер акцентуации.

Как будет далее показано, уровень громкости существенно влияет на общий фон ритмики. Низкая громкость как бы приглушает акценты, нивелируя ритмическую структуру. Напротив, высокая громкость подчеркивает акцентную схему стиха.

Перейдем теперь к третьей группе логико-коммуникативных параметров. Они касаются планов обработки информации: явления мира характеризуются либо эпистемически (как «факты», включенные в систему знаний), либо онтологически (как наблюдаемые «события»). С этой оппозицией соотносено различие клишированных комбинаций элементов описываемой ситуации, выступающих как стандартные компоненты памяти, и наблюдаемых окказиональных сочетаний. Данное противопоставление занимает важное место в семантической теории Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1988; 1998] и весьма существенно для понимания акцентуации стиха. Однако в контексте данной работы нам кажется удобным использовать и другие номинации для членов оппозиции: «интерпретированное» (наряду с «фактами») и «наблюдаемое» (наряду с «событиями»).

Описанная оппозиция имеет ясное акцентное выражение: клишированные семантические комплексы («факты», «интерпретированное») огласуются с помощью групповых акцентов (ФУ или ВА), связывающих их в единое ритмическое целое. Напротив, «события» («наблюдаемое») имеют пословную акцентуацию текста, причем в этом случае используются только выделительные акценты.

Выделительные акценты не одинаковы по функциям и форме [Николаева 2000]. Они делятся на два основных класса: неконтрастивные и контрастивные. При пословной акцентуации используются только неконтрастивные акценты, тогда как для подчеркивания отдельных слов или словосочетаний могут использоваться как неконтрастивная, так и контрастивная разновидность ВА. Оба типа ВА отличаются от ФУ более активным использованием средств подчеркивания (громкости и длительности). При этом, однако, синтаксические законы постановки ВА внутри группы не отличаются от законов для ФУ. Различие появляется лишь в том случае, когда ВА используется противопоставительно и в качестве сферы действия имеет один из компонентов группы. В такой ситуации ВА ставится на фокусе противопоставления.

Следует предупредить, что ВА используется не только как средство окказионального подчеркивания значимости или неожиданности сообщаемого (либо как

знак наличия противопоставления). Имеется немало лексем со встроенными ВА [Скорикова 2002], причем семантическая мотивация акцентного усиления слова не всегда очевидна.

Еще одну группу параметров составляют характеристики интерактивной ситуации стихотворения: текст представляет собой либо неадресованное сообщение, либо отражает рефлексию автора, либо имеет внешнего адресата того или иного типа. С этой оппозицией соотнесены жанровые и иллокутивные характеристики стихотворений. Упрощая ситуацию, мы выделяем три класса текстов: описательные, рефлексивные и диалогические (к последним близки инструктивные).

Эти иллокутивно-жанровые различия имеют тональные корреляты: тональные акценты (ТА) в текстах рефлексивного типа ослаблены и в основном носят фазовую функцию, а в диалогических и инструктивных текстах характеризуются большой амплитудой изменения.

Суммируем сказанное в виде таблицы:

Логико-коммуникативные характеристики текста	Просодические показатели текста
Характеристика наблюдаемого Стативность Нейтральность Активность	Общий уровень громкости Тихо Нейтрально Громко
Установка наблюдателя Дистанцированность Нейтральность Вовлеченность	Тип акцентирования1 Безакцентность Фразовые ударения (ФУ) Выделительные акценты (ВА)
Способ представления информации Интерпретированное (факты) Наблюдаемое (события)	Тип акцентирования2 Локальная акцентуация Пословная акцентуация
Интерактивный режим текста Описание Рефлексия Диалог и инструкция	Тональные акценты Тональные акценты (ТА), присоединяемые к ФУ и ВА Слабые ТА на конечном слоге группы ТА, присоединяемые к ВА

Эта таблица допускает большое число потенциальных сочетаний семантических характеристик и соответствующих просодических огласовок, задающих типологическое пространство ритмики, и в стихах Фета мы находим многие из этих типов. Однако в пределах небольшой статьи невозможно обсудить все реально использованные Фетом комбинации. Поэтому мы рассмотрим лишь те из них, которые наиболее характерны для поэта. В качестве заголовков для подразделов

будут использоваться сочетания семантических характеристик, задающие коммуникативный тип стихотворений рассматриваемой группы.

Следует учесть, что многие стихи Фета совмещают акцентуацию разных типов, что отражает переход автора от одних коммуникативных установок к другим в пределах одного текста.

1. Нейтральность — Нейтральность — Интерпретированное — Описание

В стихах этого коммуникативного типа ритм основан на фразовых ударениях, произносимых на общем нейтральном по громкости фоне с добавлением нейтральных же тональных акцентов. Обычное понимание термина «ритм» в отечественном стиховедении связано прежде всего с акцентуацией этого типа. Оно восходит к работам А. Белого, который называл «ритмом» акцентную структуру, возникающую из-за пропуска сильных позиций в метрической схеме (прекрасное изложение концепции Белого дано Жирмунским [1975]). Особое внимание последующих исследователей привлекал «альтернирующий» ритм, который является следствием регулярных пропусков ударения на иктах (через один) в двусложных размерах.

Существование вторичного ритма, надстроенного над первичным ритмом (метром), обусловлено двумя обстоятельствами: большими расстояниями между словесными ударениями и нерелевантностью для ритмики тех словесных ударений, которые не несут фразовых акцентов [Кодзасов 2003]. В то время как первичный ритм создается словесными ударениями, вторичный ритм определяется фразовыми ударениями или выделительными акцентами, т. е. словесными ударениями, имеющими повышенную степень ударности. Вопреки мнению А. Белого, считавшего, что пропуски сильных позиций разнообразят монотонность базовой метрической схемы, мы полагаем, что эти пропуски участвуют в создании регулярного ритма второго порядка.

Проиллюстрируем «напевную» ритмику, основанную на равном числе фразовых ударений в строках, на материале одного из ямбических стихотворений Фета:

*Не первый *год у этих *мест
Я в час *вечерний *проезжаю,
И каждый *раз гляжу *окрест,
И над *березами *встречаю
Все *тот же золоченый *крест.*

*Среди *зеленой *густоты
*Карнизов обветшалых *пятна,
*Внизу могилы и *кресты,*

*И *мне — мне кажется *понятно,
Что шепчут *куполу *листы...*

Здесь и далее слова, несущие ФУ, мы помечаем звездочкой. Расстановка ФУ в большинстве групп цитированного стихотворения соответствует стандартным акцентным правилам. В частности, при прямом порядке в группе Адъектив+Субстантив акцент ставится на субстантиве (*первый *год, этих *мест, каждый *раз, золоченый *крест*), а при обратном — на адъективе (*час *вечерний*). Имеется два отклонения от этого правила (**зеленой *густоты* и **карнизов обветшалых*), однако они имеют простое объяснение. В первом случае мы имеем дело с семантически необычным сочетанием, а в этом случае акцентуация пословна [Кодзасов 1996]. Во втором случае в дело вмешивается фактор лексической безакцентности: слова с семантикой стативности и произвольности акцента не принимают. Лексическая безакцентность слова *обветшалый* делает, например, неприемлемым двустишие: *В принадлежности удалой Разрушил дом свой обветшалый*.(?)

В рассмотренном выше стихотворении используются две разных акцентных схемы: xxxXxxxX(x) и xXxxxxxX(x). Различие акцентных схем строк при равенстве числа акцентов в них — частое явление в русской поэзии. Очевидно, оно не существенно для восприятия вторичного ритма [Кодзасов 2003].

2. Нейтральность/Стативность — Вовлеченность — Интерпретированное — Описание

Ритмика стихотворений этого типа отличается от ритмики стихотворения, рассмотренного выше, несколько более сильным произношением фразовых ударений (они могут достигать уровня выделительных акцентов). Это отличие связано с более активным характером интерпретирующей деятельности поэта, его вовлеченностью в наблюдаемое. Выделительные акценты на нейтральном громкостном фоне здесь обозначаются двойной звездочкой перед словом. В случае низкого уровня громкости, который снижает степень выраженности выделительных акцентов, они помечаются знаком «+». Приведем фрагмент из хореического стихотворения Фета, в котором происходит громкостный перелом между строфами:

*Глубь **небес опять **ясна,
Пахнет в **воздухе **весна.
Каждый **час и каждый **миг
**Приближается **жених.*

*Спит во +гробе +ледяном,
+Очарованная +сном, —
Спит, +нема и +холодна,
Вся во +власти +чар она.*

Это стихотворение интересно отсутствием «ударной константы» на конечной стопе второй строфы, такого рода схемы Фет использовал неоднократно. Этот факт — еще одно свидетельство того, что число акцентов для эвфонического ритма важнее, чем их расположение в строке.

Текст этого стихотворения, равно как и текст, рассмотренный в предыдущем параграфе, содержит ясные показатели того, что рисуемая картина представляет не «события», а «факты». Информация не «считывается» с наблюдаемой действительности, но уже пропущена через интерпретирующую систему, предполагающую сопоставления и ментальные оценки. На это указывают фрагменты *не первый год, час вечерний, каждый раз, мне кажется* в первом отрывке и *опять, каждый час и каждый миг, вся во власти чар* — во втором.

Несколько иную ситуацию мы находим в следующем стихотворении:

*Зреет **рожь над жаркой **нивой,
И от **нивы и до **нивы
Гонит **ветер **прихотливый
**Золотые **переливы.*

*Робко **месяц смотрит в **очи,
**Измучен, что день не **минул,
Но **широко в область **ночи
День **объятия **раскинул...*

Метафорическая интерпретация наблюдаемого здесь также сопровождается выходом из сенсорного регистра: его анимистическая проекция является результатом интерпретирующей деятельности наблюдателя и оформляется в виде когнитивных блоков, манифестируемых акцентно объединенными словосочетаниями.

3. Нейтральность — Нейтральность — Наблюдаемое — Описание

Для ритмики стихотворений этого типа решающим является параметр «наблюдаемое», который задает режим пословных выделительных акцентов, которые в данном стихотворении произносятся на нейтральном по громкости фоне и без увеличения тонального интервала. Пословность выделительных акцентов ниже маркируется двойной звездочкой при квадратных скобках, показывающих сферу действия акцентуации.

*[Скрип шагов вдоль улиц белых,
Огоньки вдали;
На стенах оледенелых
Блещут хрустали.*

*От ресниц нависнул в очи
Серебристый пух.
Тишина холодной ночи
Занимает дух...]***

Обратим внимание на характерное начало стихотворения — номинативные конструкции (Скрип шагов вдоль улиц белых, Огоньки вдали...) указывают на «приглазный» характер идентификации и задают коммуникативный регистр всего стихотворения.

Еще один пример такого рода — стихотворение «Весенний дождь»:

*[Еще светло перед окном,
В разрывы облак солнце блещет,
И воробей своим крылом,
В песке купаяся, трепещет.

А уж от неба до земли,
Качаясь, движется завеса,
И будто в золотой пыли
Стоит за ней опушка леса...]***

Структура текста однозначно свидетельствует о том, что зритель текущим образом «считывает» эпизоды разворачивающегося перед ним сценария начала дождя.

4. Стативность — Дистанцированность — Наблюдаемое — Описание

Низкая громкость, предопределяемая стативным характером изображаемого, оказывает решающее влияние на ритмику стихотворения. Фразовые ударения, произнесенные на низком уровне громкости, очень ослаблены, так что акцентная структура текста почти нивелирована. Она поддерживается в основном автоматическими тональными движениями малой амплитуды на конечных словах синтагм, которые функционируют как препаузальные фазовые показатели (отмечаем их апострофом). Приведем две начальные строфы знаменитого стихотворения Фета «Шепот сердца, уст дыханье»:

*Шепот 'сердца, уст 'дыханье,
Трели 'соловья.
'Серебро и 'колыханье
Сонного 'ручья.

Свет 'ночной, ночные 'тени,
Тени без 'конца.
Ряд 'волшебных 'изменений
Милого 'лица.*

Однако третья строфа нарушает ритмическую монотонность текста: последние две строки содержат слова, маркированные выделительными акцентами (в данном случае лексическими):

*Бледный 'блеск и пурпур 'розы,
Речь не 'говоря,
И +лобзания, и +слезы,
И +заря, +заря!..*

Встроенная акцентированность слов *лобзания*, *слезы*, *заря* обусловлена, несомненно, компонентом эмоциональной возбуждения, который содержит их семантика. Поэт прекрасно чувствовал повышенную экспрессивность конечного фрагмента, снабдив его знаком «!..».

Также и другие стихотворения рассматриваемого типа иногда обнаруживают вторжение лексической просодии, которая компенсирует слабую выраженность ритмики. Так, в нечетных строках стихотворения *Серенада* содержатся слова, которые имеют буквальную (губно-щечную) напряженность ударного слога. Эти «усиления» (отмечены двойным апострофом) приходится на 2-ю стопу строки, что в сочетании с конечным усилением создает своеобразный двухакцентный ритм:

*Тихо "вечер 'догорает,
Горы 'золотя;
Знойный "воздух 'холодает, —
Спи, мое 'дитя.*

*"Соловьи давно 'пропели,
Сумрак 'возвестя;
Струны "робко 'зазвенели, —
Спи, мое 'дитя...*

5. Стативность — Нейтральность — Интерпретированное — Описание

Имеется, однако, иной вариант ритмизации при представлении стативной картины наблюдаемого. Он связан с более активной позицией наблюдателя, которая проявляется в его ментальной интерпретации такой картины. Типичный пример дает стихотворение *Лес*, которое, несмотря на общий низкий уровень громкости, характерный для изображения стативного, имеет достаточно сильные выделительные акценты:

*Куда ни обращаю +взор,
Кругом синее мрачный +бор
И день +права свои +утратил.
В глухой дали стучит +топор,
Вблизи стучит вертявый +дятел.*

*У ног гниет столетний +лом,
+Гранит чернеет, и за +пнем
Прижался +заяц серебристый,
А на +сосне, поросшей +мхом,
Мелькает +белки хвост пушистый.*

Здесь выделительные акценты маркируют переходы фокуса наблюдения (*топор — дятел, лом — гранит, заяц — хвост белки*), которые в ряде случаев сопровождаются сопоставлением локализаторов: *стучит в глухой дали — стучит вблизи, у ног — за пнем — на сосне*. Примечательна переключка акцентных схем строф: в 1-й строфе строки 1, 2 и 4 имеют одиночный конечный акцент, а строки 3 и 5 имеют по два акцента, во 2-й строфе одиночный акцент имеют строки 1, 3 и 5, а два акцента — строки 2 и 4. Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что акцентному тождеству строк *Прижался заяц серебристый* и *Мелькает белки хвост пушистый* отнюдь не препятствует лексическая безакцентность рифмующихся слов. Это одно из многих проявлений того, что для восприятия ритма акцентность конечной стопы не обязательна.

6. Стативность — Дистанцированность — Наблюдаемое — Рефлексия

Наиболее высокую степень ритмичности обнаруживают рефлексивные верлибры Фета. Нам уже приходилось говорить о семантико-просодической базе русских верлибров: в них обычно описываются состояния и произвольные действия [Кодзасов 2003]. В данном случае нужно указать также на отстраненность автора: он «отчуждает» себя, смотрит на себя как на объект, претерпевающий разные состояния.

Приведем характерный пример фетовского верлибра:

*Я люблю 'многое, близкое 'сердцу,
Только редко 'люблю я...

Чаще всего мне нравится скользить по 'заливу
'Так — 'забываясь
Под звучную меру 'весла,
Омоченного пеной 'шипучей, —
Да 'смотреть, много ль 'отъехал
И много ль 'осталось,
Да не видать ли 'зарницы...*

В верлибрах Фета трудно усмотреть какие-либо следы регулярной ритмизации текста, в лучшем случае речь может идти о слабых автоматических тональных движениях на конечных ударных слогах строки и перед внутрострочными паузальными разрывами (отмечены апострофами).

7. Активность — Вовлеченность — Наблюдаемое — Диалог

С немецкой тщательностью Фет исследовал все просодические возможности русского стиха XIX века. Было бы странно, если бы он пропустил тотально акцентированный громкий стих! Прекрасный пример такого ритма дает его знаменитое стихотворение «Я пришел к тебе с приветом»:

*[Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;...]***

Здесь на общем громком фоне акцентировано выделительным и тональным акцентом каждое полнозначное слово (знак ** после квадратной скобки указывает сферу действия тотальной акцентуации). Это соответствует «активным» значениям всех семантических параметров стихотворения: активности происходящих в природе процессов и вовлеченности наблюдателя, «приглазному» способу показа происходящего (вопреки тому, что оно дается в подчиненной предикации), возбужденному вторжению в интерактивную сферу партнера.

8. Активность — Вовлеченность — Интерпретированное — Автоинструкция

Рассмотрим начальную строфу одного из лучших «инфинитивных» стихотворений позднего Фета:

*Одним **толчком **согнать ладью **живую
С **наглаженных **отливами **песков,
Одной **волной **подняться в жизнь **иную,
Учуть **ветр с **цветущих **берегов...*

Регулярный трехакцентный ритм этого стихотворения возникает как следствие пропуска иктов в длинных словах (*наглаженных, неведомым, почувствовать* и др.) и отсутствия акцента на первом компоненте двусловной группы (*одним **толчком, учуть **ветр* и др.). Автопобудительный характер стиха включает пословное «вдалбливание» инструкции типа: — ***Сделай **это **одним **движением!*

Отчасти регулярность акцентуации обусловлена здесь ритмической инерцией. Так, в группе *с цветущих берегов* акцент на первом слове не обязателен: в потенци-

альной строке *Цветущий *берег *скроется в *тумане* прилагательное *цветущий* безакцентно.

9. Мена ритма внутри стихотворения

Для анализа ритма особенно интересны стихи, в которых происходят переломы акцентной схемы. У Фета мы находим большое число примеров такого рода, но вынуждены ограничиться здесь двумя. Рассмотрим сначала две строфы хрестоматийного стихотворения «Ласточки»:

**Природы праздный *соглядатай,
*Люблю, забывши все *кругом,
Следить за *ласточкой *стрельчатой
Над *вечереющим *прудом.*

*Вот **понеслась и **зачертила —
И **страшно, чтобы **гладь **стекла
**Стихией **чуждой не **схватила
**Молниевидного **крыла...*

Переход от отстраненной рефлексии *праздного соглядатая* к отслеживанию активных событий сопровождается эмоциональной мобилизацией автора и полной сменой просодической схемы: фразовые ударения на нейтральном фоне сменяются пословными выделительными акцентами на громком.

Приведем, наконец, начальную и завершающую строфы стихотворения «Рыбка»:

**Тепло на *солнышке. *Весна
*Берет свои *права;
В *реке *местами глубь *ясна,
На *дне видна *трава...*

*Но вот **опять **лукавый **глаз
**Сверкнул **невдалеке.
**Постой, **авось на **этот **раз
**Повиснешь на **крючке!*

Здесь мы имеем сходный переход от констатирующего наблюдения статике природы к активному отслеживанию событий, ведущему к интерактивному взаимодействию с объектом наблюдения. Этому снова соответствует замена фразовых ударений, объединяющих синтаксические группы, пословными выделительными акцентами.

Заключительные замечания

Типологическая модель ритма русского стиха только начинает создаваться. Даже ритмика классического стиха XIX века изучена пока недостаточно. Причина этого в том, что прежние стиховедческие исследования в этой области не имели достаточной концептуальной опоры ни в области просодической формы стиха, ни в области его логико-коммуникативной организации. Соответствующие дескриптивные средства должны быть гораздо детальнее и техничнее, чем те, которые были до сих пор в распоряжении исследователя стиха. Создание полноценного аппарата для описания ритма стиха — весьма сложная задача, требующая совместных усилий стиховедов, фонетистов и специалистов по семантике. Настоящая работа — всего лишь попытка наметить подходы к решению этой задачи.

Отметим в заключение, что существует еще проблема прочтения стихотворения. Многомерность семантической структуры поэтического текста создает достаточно обширное поле потенциальных интерпретаций. Для продуктивного обсуждения возможных разночтений необходимо осознание всех вовлеченных категорий. Только идентификация спорного параметра может вскрыть источник разногласий.

Литература

- Арутюнова 1988 — *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. М., 1988.
- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
- Золотова 1998 — *Золотова Г. А., Онипенко М. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Жирмунский 1975 — *Жирмунский В.* Теория стиха. Л., 1975.
- Ковтунова 1976а — *Ковтунова И. И.* Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Ковтунова 1976б — *Ковтунова И. И.* Порядок слов в стихе и прозе // Синтаксис и стилистика. М., 1976.
- Кодзасов 1996 — *Кодзасов С. В.* Законы фразовой акцентуации // Просодический строй русской речи. М., 1996.
- Кодзасов 2003 — *Кодзасов С. В.* Просодический космос русского стиха // Логический анализ языка. Космос и хаос. М., 2003.
- Николаева 1982 — *Николаева Т. М.* Семантика акцентного выделения. М., 1982.
- Николаева 2000 — *Николаева Т. М.* От звука к тексту. М., 2000.
- Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* Семантические исследования. М., 1996.
- Скорикова 2002 — *Скорикова Т. П.* Принципы описания акцентогенных свойств лексем // Проблемы фонетики. IV. 2002.
- Славянский стих 2001 — *Славянский стих.* Лингвистическая и прикладная поэтика. Материалы междунар. конф. М., 2001.

Глава 3

«Шатер» Н. Гумилева (анализ формы)*

*Оглушенная ревом и топотом,
Облеченная в пламя и дымы,
О тебе, моя Африка, шепотом
В небесах говорят серафимы.*

*И твоё раскрывая Евангелъе,
Повесть жизни ужасной и чудной,
О неопытном думают ангеле,
Что приставлен к тебе, безрассудной.*

*Про деянья свои и фантазии,
Про звериную душу послушай,
Ты, на дереве древнем Евразии
Исполинской висящая грушей.*

...

Этим вступлением открывается последний прижизненно изданный сборник стихов Н. Гумилева «Шатер». Кроме этого стихотворения, рисующего образ Африки как целого, он содержит пятнадцать стихотворений, посвященных конкретным странам (Египет, Судан и проч.) и географическим объектам (Красное море, Сахара и проч.).

Стихи сочинялись в Петрограде в 1918—1919 гг. посреди разрухи и голода военного коммунизма. По свидетельству очевидцев (см. Комментарии в [Гумилев 1991]), они были началом реализации замысла «Географии в стихах», которая должна была охватить все континенты. Не удивительно, что Гумилев начал с Африки, куда он совершил несколько путешествий в дореволюционное время (см. [Бронгулеев 1995]) и которая была для него овеяна романтическим ореолом на всем протяжении жизни. Достаточно упомянуть такие его ранние стихи, как «Жираф», «Носорог» или «Абиссинские песни». Романтика «колониальной» поэзии была в моде в начале века (вспомним Киплинга или Бальмонта), и акмеистический бунт против символизма дал естественный перенос от потустороннего и непостижимого к реально удаленному и труднодоступному. Однако оба варианта романтического мира равно противопоставлены скучной обыденности.

* Опубликовано в: Язык, Африка, фульбе: Сб. науч. статей в честь А. И. Коваль / Сост. В. Ф. Выдрин, А. А. Кибрик. СПб.; М., 1998.

В самом замысле немало головного. Ведь Гумилев сам побывал только в Северо-Западной Африке (Египет, Абиссиния, Судан, Сомали). Значит, все остальное предполагалось вообразить по географическим описаниям.

Казалось бы, перевод научных описаний в стихотворную форму — странное занятие для поэта начала XX века. Однако оно весьма соответствует убеждениям Гумилева как идеолога акмеизма. Обратимся к воспоминаниям современников: «Знаменательно, что при всем своем благоговении к поэзии он не верил ни в ее экстатическую сверхреальную сущность, ни в мистическую природу ее вдохновений. Поэт для него был раньше всего умелец, искусник...» (К. И. Чуковский); «Гумилев мечтал сделать поэзию точной наукой. Своеобразной математикой. Ничего потустороннего, недоговоренного, никакой мистики, никакой зауми. Есть материал — слова — найди для них лучшую форму и вложи их в эту форму и отлей форму как стальную» (И. М. Наппельбаум) (цитируется по книге [Гумилев 1995: 299, 324]). Итак, поэт — это профессионал, досконально владеющий материалом изображения и словом. Его задача — вербальная точность описания вещей как они есть, а не как символов потустороннего. Здесь Гумилев в известной мере предвосхищает Маяковского с его пафосом прикладной поэзии при социализме.

Идея сознательного управления внешней стороной стиха ассоциирована с принятием традиционных форм, с отталкиванием как от музыкальности символистов, так и от авангардистских упражнений футуристов. Творчество Гумилева — это продолжение традиционного русского стиха. (Сравните определение акмеизма как своего рода неоклассицизма в статье Г. Струве [Гумилев 1995: 577].) Поэтому его стих удобен для формального анализа: большинство технических характеристик стиха тривиальны и можно сосредоточиться на более тонких особенностях, до сих пор не попадавших в поле зрения стиховедов.

«Шатер» доставляет особенно удобный материал для анализа стиховой формы — это «серийные» стихи, в которых в основном использован один и тот же метр (анapest) и сходная строфическая организация (четырёхстрочные строфы с перекрестной рифмой). Рифма стандартная, полная и не представляет специального интереса (стихотворение «Судан» написано белым стихом). При общности базовой формы удобно отслеживать различие ритмических и мелодических рисунков, которые разнообразят стихи сборника. Гумилев интуитивно избегает монотонности за счет варьирования этих компонентов, и наша главная цель состоит в их выявлении.

До сих пор со времен А. Белого и Б. Эйхенбаума в этом направлении не удалось достичь заметного продвижения. А. Белый первым обратил внимание на несовпадение первичного ритма, предопределяемого метром стиха, со вторичным ритмом, задаваемым пропуском сильных позиций, но — удивительным образом — не заметил регулярности этого второго ритма. Б. Эйхенбаум, вслед за немецким фонетистом Зиверсом, почувствовал, что стих содержит какие-то специфические звуковые пласты («мелодику»), но не сумел понять их природы.

К сожалению, открытия Белого и Эйхенбаума не получили должного развития в стиховедении.

Трудности понимания «тонкой» структуры стиха отражают недостаточность существующих представлений о звуковой природе русской речи. Только в самое последнее время стало обнаруживаться, что наряду с такими осознаваемыми фонетическими компонентами, как сегменты и ударение, слова содержат обширный пласт неосознаваемых звуковых характеристик (см. Часть 5 настоящей книги). Эти признаки имеют гештальтную, просодическую природу: они задают не отдельные звуковые компоненты, а общие установки при произнесении слов: степень тщательности произнесения, темп проговаривания, плавность/резкость межслоговых переходов и т. д. Эти признаки присущи слову как целому, причем они могут изменяться при мене грамматических и семантических функций слова. Интуиция настоящего поэта чрезвычайно чувствительна к встроенным свойствам слов: они используются в стихе не случайно, но образуют те или иные структуры. Наиболее простой способ — это использование в стихотворении слов только определенного просодического типа. Пример более сложного способа — это построчное чередование значений некоторого признака, например нечетные строки являются плавными, а четные рублеными. Ниже мы увидим разные возможности использования скрытой просодии на примере стихов Гумилева.

Область «скрытой» фонетики весьма обширна — более двадцати признаков, из которых в качестве средств стиховой организации, по нашим наблюдениям, используется семь. Ниже мы будем привлекать лишь три наиболее важных и одновременно относительно легких для восприятия признака. Первый из них тесно связан с метрикой и ритмикой стиха, два других входят в комплекс «мелодических». Мы опишем их в соответствующих параграфах.

Метрика и ритмика

Как уже говорилось, большинство стихотворений сборника «Шатер» написано анапестом. Это достаточно частый размер у Гумилева, им, например, написаны такие известные стихотворения, как «Капитаны» и «Канцона первая». Выбор анапеста для «Шатра» не случаен. Ведь для Гумилева разные размеры имеют, говоря словами М. Л. Гаспарова, разный «семантический ореол». В «Письмах о русской поэзии» мы находим:

«У каждого метра есть своя душа, свои особенности и задачи: ямб, как бы спускающийся по ступеням (ударяемый слог по тону ниже неударяемого), свободен, ясен, тверд и прекрасно передает человеческую речь, непреклонность человеческой воли. Хорей, поднимающийся, окрыленный, всегда взволнован и то растроган, то смешлив; его область — пение. Дактиль, опираясь на первый ударяемый слог и качая два неударяемые, как пальма свою верхушку, мощен, торжественен, говорит о стихиях в их покое, о деяниях богов и героев. Анапест, его противоположность,

стремителен, порывист, это стихии в движении, напряжены человеческой страсти. И амфибрахий, их синтез, баюкающий и прозрачный, говорит о покое божественно легкого и мудрого бытия» [Гумилев 1991, 3: 31—32].

Для Гумилева Африка ассоциирована с движением стихий и страстями:

*Оглушенная ревом и топотом,
Облеченная в пламя и дымы...*

Сердце Африки пенья полно и пыланья...

*Дико ринутся хищные стаи песков
Из пылающей юной Сахары...*

Так что выбор анапеста для «Шатра» мог быть решением вполне осознанным.

В «Шатре» в основном используются два наиболее употребительных анапестных размера — трехстопный и четырехстопный. Примером первого может служить вступление к циклу, примером второго — стихотворение «Красное море»:

*Здравствуй, Красное море, акуля уха,
Негритянская ванна, песчаный котел!
На утесах твоих, вместо влажного мха,
Известняк, словно каменный кактус, расцвел.*

Несколько стихотворений, в частности «Сомалийский полуостров», имеют переменный размер: нечетные строки — четырехсложные, четные — трехсложные:

*Помню ночь и песчаную помню страну
И на небе так низко луну.
И я помню, что глаз я не мог отвести
От ее золотого пути.*

Лишь в стихотворении «Суэцкий канал» находим двухстопный анапест:

*Стаи дней и ночей
Надо мной колдовали,
Но не знаю светлей,
Чем в Суэцком канале...*

Кроме того, есть еще дольниковая модификация анапеста — когда в одной из стоп пропускается слог, в результате чего она становится ямбической. Так написаны «Мадагаскар» и «Дамара». Фрагмент из первого стихотворения:

*Сердце билось, смертно тоскуя,
Целый день я бродил в тоске,
И мне снилось ночью: плыву я
По какой-то большой реке.*

Как видим, порядок анапестных и ямбических стоп в строке не фиксирован, т. е. дольник не переходит в логоэд.

Легко заметить, что многие начальные стопы имеют кроме конечных ударений еще ударения на первом слоге, причем в полнозначных словах. Из цитированных ранее фрагментов такие «лишние» ударения имеют строки:

Повесть жизни ужасной и чудной...

Сердце Африки пенья полно и пыланья...

Здравствуй, Красное море, акуля уха...

*Сердце билось, смертно тоскуя,
Целый день бродил я в тоске...*

Помню ночь и песчаную помню страну...

Дико ринутся хищные стаи песков...

Стаи дней и ночей...

Эти «экстраметрические» ударения не просчитываются при чтении и не портят метра. Разумеется, такие «хорианапесты» не есть исключительная особенность рассматриваемого цикла и могут быть найдены в других анапестных стихах Гумилева и прочих поэтов. Приведем в качестве примера одну из строф стихотворения Гумилева «Змей»:

*Позабыв Золотую Орду,
Пестрый грохот равнины китайской,
Змей крылатый в пустынном саду
Часто прятался полночью майской.*

Странным образом до сих пор не было замечено одно важное обстоятельство: ударения далеко не всех слов могут игнорироваться в подобных контекстах. Если попытаться заменить слова с «лишними» ударениями другими словами сходной акцентной структуры и допустимой семантики, то мы убедимся, что одни из таких замен возможны, а другие нет. Приведем сначала примеры приемлемых замен для последнего отрывка:

*Позабыв Золотую Орду,
Вечный грохот равнины китайской,
Конь крылатый в пустынном саду
Тихо прятался полночью майской.*

Теперь примеры неприемлемых замен:

*Позабыв Золотую Орду,
Резкий грохот равнины китайской,
Зверь крылатый в пустынном саду
Быстро прятался полночью майской.*

Оказывается, что ударение одних полнозначных слов может не просчитываться в стихе, подобно ударению «слабоударяемых» (в терминах Р. И. Аванесова) слов типа местоимений или союзов, тогда как ударение других не может быть пропущено. Иначе говоря, ударения полнозначных слов не одинаковы по силе и только «слабое» ударение может оказываться на метрически слабой позиции.

Различие в метрических возможностях односложных полнозначных слов можно увидеть на примере «хориямбов». Возьмем три отрывка из «Домика в Коломне» Пушкина, где такие начала строк представлены в избытке:

Дочь между тем весь обегала дом...

«Стой тут, Параша. Я схожу домой...»

*Подумала, что два, три дня — не доле —
Жить можно без кухарки...*

Надеемся, читатель почувствует метрическую неудовлетворительность таких замен:

Брат между тем весь обегает дом...

«Сядь тут, Параша. Я схожу домой...»

*Подумала, что два, три дня — не доле —
Есть можно без кухарки...*

Итак, только некоторые полнозначные слова обнаруживают слабость ударения, позволяющую использовать их в слабой позиции в стопе. Такое ослабление ударения объясняется специфической «редукцией», которая является следствием общей недоартикулированности слова. Такие слова имеют централизованные гласные и ненормальное соотношение ударных и безударных гласных по длительности (см. подробнее [Кодзасов 1995]). В некоторых северных диалектах эти слова ведут себя как «новые энклиномены»: они смещают ударение на начальный слог слова или на проклитику, если таковая имеется. В основе всех этих особенностей лежит, как кажется, специфическая артикуляционная поза этих слов: они произносятся с сужением верхней глотки. Соответствующий артикуляционный признак известен в общей фонетике — он найден в ряде африканских языков (английские названия — Constricted Pharynx или Retracted Tongue Root (см. [Ladefoged, Maddieson 1996]).

Наличие слов со «слабым» (непросчитываемым в стихе) ударением имеет даже большее значение для ритмики стиха, чем для его метрики. Вопреки представлениям А. Белого о разнообразии ритмических схем в связи с разным расположением пропусков сильных позиций в разных строках (см. ясное изложение концепции Белого в [Жирмунский 1975]), традиционный русский стих (в том числе и стих Гумилева) обычно имеет совершенно регулярную ритмику: число «сильных» (ритмически значимых) ударений в рифмующихся строках всегда одинаково. Более того, очень мало отклонений и от некоторого типичного расположения сильных ударений в том или ином размере. Так, нормальный ритм четырехстопного хорея — это

_ _ x _ _ _ x,

тогда как для четырехстопного ямба это

_ _ _ x _ _ _ x.

Приведем для примера по одной строфе из стихов Гумилева (гласные, несущие сильные ударения, выделены):

*Колдовством и ворожбою
В тишине глухих ночей
Леопард, убитый мною,
Занят в комнате моей...*

*Дома косые, двухэтажные,
И тут же рига, скотный двор,
Где у корыта гуси важные
Ведут немолчный разговор...*

Как видим, нет никакой ритмической разницы между безударными гласными и ударными в «редуцированных» словах *глухих, убитый, занят, дома, скотный, гуси, ведут*.

Обратимся теперь к метру «Шатра» — анапесту. Используются ли и здесь стандартные ритмические схемы с регулярным пропуском сильных позиций? В общем случае — да, это бывает, хотя довольно редко. В частности, мы находим по два сильных ударения в четырехстопном анапесте стихотворения Гумилева «Современность»:

*Я закрыл «Илиаду» и сел у окна,
На губах трепетало последнее слово,
Что-то ярко светило — фонарь иль луна,
И медлительно двигалась тень часового.*

Сравните первую строфу «Экваториального леса», где пропуски отсутствуют:

*Я поставил палатку на каменном склоне
Абиссинских сбегających к западу гор*

*И беспечно смотрел, как пылают закаты
Под зеленою крышей далеких лесов.*

И в других стихотворениях цикла не используется альтернирующий ритм типа того, которым написана «Современность». Однако это не значит, что остается лишь одна ритмическая возможность — полноударный анапест. Дело в том, что в русской поэзии довольно популярен еще один способ ритмического оформления стиха (он касается всех размеров). Это полное отсутствие слов с сильным ударением: стихотворение строится лишь из слабоударяемых слов. Это создает обычно своеобразный эффект приглушенности, отстраненности, говорения для себя. Таких стихов довольно много, к ним, в частности, относятся некоторые классические образцы верлибра (например, «Еще дуют холодные ветры» Пушкина и «Она пришла с мороза» Блока). Однако и традиционные формы также часто представлены «приглушенным» стихом, им написаны, например, «Брожу ли я вдоль улиц шумных» Пушкина, «Лес» Фета, «Смятение» Блока. В «Шатре» «приглушенным» стихом написаны «Суэцкий канал» и «Замбези». Приведем начальную строфу последнего стихотворения:

*Точно медь в самородном железе,
Иглы пламени врезаны в ночь,
Напухают валы на Замбези
И уносятся с гиканьем прочь...*

Сравните сглаженную ритмику этого фрагмента с резко выраженным биением ритма в начальной строфе «Либерии»:

*Берег Верхней Гвинеи богат
Медом, золотом, костью слоновой,
За оградой каменных гряд
Все пришельцу нежданно и ново.*

Неразличение сильных и слабых ударений, ориентация на формальные ударения, а не на реальный ритм произносимого стиха не позволяло до сих пор дать адекватный анализ русской ритмики. Открытие особых акцентных свойств «редуцированных» слов позволяет по-новому взглянуть на проблему.

Мелодика

Та просодическая компонента стиха, которую мы вслед за Эйхенбаумом называем весьма условным словом «мелодика», в действительности включает несколько признаков, которые к собственно мелодическому (тональному) компоненту речи не имеют отношения. Однако это название отражает тенденцию интроспективно ассоциировать с тоном такие нетональные характеристики, как фонация (качество голоса), напряженность стенок речевого тракта, динамика артикуляционных пере-

ходов. Мы рассмотрим здесь две «квазимелодические» характеристики: способ завершения гласного и тип межслоговых переходов, которые активно используются Гумилевым.

а) Первый из упомянутых признаков давно известен в общей фонетике под именем «стыка» (англ. juncture), однако в русском языке впервые отмечен в [Кодзасов 1989]. Акустический анализ обнаруживает простой коррелят для этого признака — это динамика завершения гласного: затухание амплитуды сигнала может происходить очень быстро и резко или, напротив, растягиваться во времени, давая плавный нисходящий склон. Однако чаще всего в слово встроено некоторый нейтральный — промежуточный — образец завершения гласных. Резкое завершение (обозначаем как Г») сокращает гласный, цепочка усеченных гласных создает слуховой эффект быстрого темпа. Напротив, плавное завершение (Г~) дает удлинение и слуховой эффект замедления темпа. Нейтральный тип завершения обозначаем Г'. Встроенные в слова темповые различия очень активно используются в русском стихе. Иногда маркированный темп является интегральной характеристикой всего стихотворения или отдельных строф. Например, строфа из «Евгения Онегина», начинающаяся с *Я помню море пред грозою...* написана медленными словами, а строфа начинающаяся с *Зима. Крестьянин торжествуя...* — быстрыми. При перекрестной рифме нередко нечетные строки написаны в одном темпе, а четные в другом. Именно такую ситуацию мы находим в двух стихотворениях «Шатра»: «Абиссиния» и «Галла», причем расположение быстрых и медленных строк в них противоположно. Приведем первые строфы этих двух стихотворений:

*Между берегом буйного Красного моря (Г~)
И суданским таинственным лесом видна, (Г»)
Размывавшись среди четырех плоскогорий, (Г~)
С отдыхающей львицею схожа, страна... (Г»)*

*Восемь дней из Харрара я вел караван (Г»)
Сквозь Черчерские дикие горы (Г~)
И седых на деревьях стрелял обезьян, (Г»)
Засыпал средь корней сикиморы. (Г~)*

б) Второй признак, о котором пойдет речь, до сих пор не был в фонетике известен. Я называю его условно «Тип слогораздела» (в [Кодзасов 1996] он шел под именем «общая динамика»). При «плавном» слогоразделе (~) имеет место медленная перестройка артикуляций гласных соседних слогов, а разделяющий их согласный ослаблен. При резком слогоразделе («) артикуляционная перестройка осуществляется скачкообразно, а согласный усиливается. Речь в последнем случае становится «рубленой». Однако большинство слов имеет нейтральный тип слогораздела (').

Данный признак играет в русском стихе значительную роль. В большинстве стихотворений поддерживается одно значение этого признака. Иногда построфная мена его значений скоррелирована с семантическими переломами. Например, в пушкинском «Не дай мне Бог сойти с ума» идиллические картины «высокого»

безумия выдержаны в плавном режиме, а страшные реалии обыденного сумасшествия — в резком. В лермонтовском «В полдневный жар в долине Дагестана» кавказские строфы написаны с нейтральным слогоразделом, а петербургские — с плавным. Нередко и построчное изменение значений этого признака, скоррелированное обычно с рифмовкой. Для Гумилева характерен именно этот способ использования слогораздельных различий. Типичный пример такого построения дает его известное стихотворение «Из логова змиева»:

Из логова змиева, (~)
Из города Киева, (~)
Я взял не жену, а колдунью. («)
А думал — забавницу, (~)
Гадал — своенравницу, (~)
Веселую птицу-невунью. («)

В «Шатре» имеется три стихотворения, где использована регулярная построчная мена нейтрального и плавного слогоразделов: «Красное море», «Нигер» и «Экваториальный лес». Приведем начало второго стихотворения:

Я на карте моей под ненужною сеткой (')
Сочиненных для скуки долгот и широт (~)
Замечаю, как что-то чернеющей веткой, (')
Виноградной оброченной веткой ползет. (~)

Однако в «Шатре» есть и менее типичные схемы слогораздельных огласовок. Первую из них находим во «Вступленьи». Приведем четвертую строфу:

Обреченный тебе, я поведу (')
О вождах в леопардовых шкурах, (')
Что во мраке лесов за победою (')
Водят полчища воинов хмурых... («)

Как видим, здесь резким слогоразделом маркируется последняя строка строфы. Так построены и все другие строфы этого произведения, кроме последней (см. ниже).

Другое необычное построение находим в «Сомалийском полуострове»:

Помню ночь, и печальную помню страну (') (Г»)
И на небе так низко луну, (~) (Г')
И я помню, что глаз я не мог отвести (') (Г»)
От ее золотого пути... (~) (Г')

Как видим, здесь мена типа слогораздела сопровождается меной темпа строки. По построению это стихотворение в известной мере похоже на знаменитого «Ангела» Лермонтова:

По небу полуночи ангел летел, (')
И тихую песню он пел... (~)

в) Во многих стихотворениях «Шатра» обнаруживается использование своеобразных просодических завершителей: последняя строфа отличается от предыдущих мелодически, а иногда ритмически. Иногда меняется финальная строфа целиком, но чаще только ее последняя строка. Рассмотрим все случаи таких изменений.

В последней строке финальной строфы «Вступленья» меняется как тип слого-раздела (резкий на плавный), так и тип ритмизации: здесь все слова имеют слабое ударение. Сравните две последних строфы стихотворения:

Дай за это дорогу мне торную, (')
Там, где нету пути человеку, (')
Дай назвать моим именем черную (')
До сих пор неоткрытую реку. («)

И последнюю милость, с которою (')
Отойду я в селенья святые: (')
Дай скончаться под той сикиморою, (')
Где с Христом отдыхала Мария. (~) (P)

(Здесь P означает акцентную редуцированность строки.)

«Суэцкий канал» целиком написан акцентно слабыми словами при нейтральном слогоразделе. Только в финальной строке происходит переход на плавный слого-раздел, и оба слова имеют сильное ударение:

И в ответ пароход, (')
Звезды ночи печалю, (')
Спящей Африке шлет (')
Переливы рояля. (~)

В стихотворении «Судан» в последней строфе используются сильные ударения, при том что стихотворение в целом построено на «приглушенной» ритмике.

В «Сомалийском полуострове» находим изменение как типа слого-раздела, так и темпа в финальной строке (напомним, что строфы двусложны):

Понял я, что она, точно рыцарский щит, (') (Г»)
Вечной славой героям горит, (~) (Г')
И верблюдов велел положить, и ружью (') (Г»)
Вверил вольную душу мою. (') (Г~)

В «Замбези», как и в «Судане», только последняя строфа имеет сильные ударения, тогда как стихотворение в целом построено на редуцированных словах. Замечательно также, что первые три строки приобретают быстрый темп, однако в последней строке темп снова нейтрален, как в стихотворении в целом:

«Да, ты не был трусливой собакой, (Г»)
Львом ты был между яростных львов, (Г»)

*Так садись между мною и Чакой (Г»)
 На скамье из людских черепов!» (Г')*

Таким образом, имеется своего рода иерархия делимитативных средств: одни маркируют конечную строфу, другие — финальную строку.

Более тривиально завершение в стихотворении «Экваториальный лес»: последняя строфа вся имеет нейтральный слогораздел, тогда как в других строфах нейтральный слогораздел построчно чередуется с плавным. И, наконец, в заключительном стихотворении цикла «Нигер» в последней строке меняется как тип слогораздела, так и тип ритмики:

*Сердце Африки пенья полно и пыланья, (')
 И я знаю, что, если мы видим порой (~)
 Сны, которым найти не умеем названья, (')
 Это ветер приносит их, Африка, твой! (') (P)*

(Поясним, что в фатической звательной форме используется редуцированный вариант слова.) Делимитативная мена просодии в стихе ни в коем случае не есть изобретение Гумилева — мы находим ее у классиков.

Стихи Н. Гумилева — это высокий образец традиционного стиха, и «Шатер» очень типичен для позднего периода, когда поэтическое мастерство Гумилева достигло совершенства. Однако чтобы увидеть богатство и разнообразие формы внешне похожих анапестных стихотворений, составляющих этот сборник, необходимо выйти за пределы обычных представлений о том, из чего складывается просодия стиха. Заметим, что мы сознательно исключили из нашего изложения анализ некоторых более тонких характеристик стиховой просодии. Еще раз подчеркнем, что не менее сложную скрытую организацию имеют стихи всех великих русских поэтов. Мы только начинаем понимать, что магия стиха обеспечивается не менее сложным арсеналом просодических средств, чем магия музыки.

Литература

- Бронгулеев 1995 — *Бронгулеев В. В.* Посредине странствия земного. Документальная повесть о жизни и творчестве Николая Гумилева. Годы: 1886—1913. М., 1995.
 Гумилев 1991 — *Гумилев Н.* Сочинения в трех томах. М., 1991.
 Гумилев 1995 — *Гумилев Н. С.*: pro et contra. СПб., 1995.
 Жирмунский 1975 — *Жирмунский В.* Теория стиха. Л., 1975.
 Ladefoged, Maddieson 1996 — *Ladefoged P., Maddieson Y.* The Sounds of the World's languages. Oxford, 1996.

ЧАСТЬ 7

**ГОЛОС:
СВОЙСТВА, ФУНКЦИИ И НОМИНАЦИИ***

* Опубликовано в: Язык о языке. М.: Языки русской культуры, 2000.

Введение

Настоящая статья имеет ясно выраженную ономаσεологическую ориентацию в отличие от близкой по тематике работы Г. Е. Крейдлина [Крейдлин 1994], в которой представлен преимущественно семасиологический подход. Г. Е. Крейдлин исследует в первую очередь разнообразные употребления лексем *голос* и *тон*, причем как в прямом смысле — при описании звучащей речи, — так и при переносном использовании. Мы же идем от прагматического контекста звучащей речи, анализируя разные способы ее концептуализации и вербализации, среди которых указанные лексемы являются лишь одним из многих компонентов.

Цель работы — описать номинации звуковой стороны речи, номинации «голоса» в широком смысле. Эта задача имеет две стороны:

- описание возможностей концептуальной интерпретации ситуации,
- описание способов вербального оформления разных концептуальных решений.

Поясним различие этих двух целей.

Многочисленность ситуации звукового общения дает множество оснований для номинаций звучащей речи: они могут касаться собственно фонетических параметров высказывания или его содержательной стороны, выражаемой фонетическими средствами (*произнес хрипло / произнес с упреком*), они могут относиться к объективным характеристикам речи или к ее воспринимаемым качествам (*низкий голос / еле слышный голос*), они могут характеризовать постоянные (встроенные) свойства голоса или его окказиональные признаки (*старческий голос / испуганный голос*) и т. д. В 1-м разделе работы будут рассмотрены параметры речи, которые могут выступать в качестве объектов сообщения, а тем самым подвергаться разного рода номинациям. В завершении этого раздела предпринята попытка обобщить концептуальный образ ситуации звукового общения.

Во 2-м разделе будут рассмотрены лексико-грамматические средства, используемые при номинации речи. Нас особенно будут интересовать те вербальные различия, которые отражают особенности разных аспектов концептуализации этого фрагмента ментальной картины мира (различия в использовании синтаксических конструкций и порядка слов, специфические лексические средства: особые группы глаголов, слова *речь*, *голос* и *тон*). Попутно будет затронута проблема номинаций звучащей речи в русской литературе. Дело в том, что именно в литературных текстах мы находим наибольшее разнообразие таких дескрипций. В обычном диалогическом дискурсе номинации звуковой стороны речи мало употребительны. В то же время в литературных произведениях это средство характеристики говорящих героев может использоваться очень широко.

Рассматриваемая область ментального мира человека весьма обширна и многообразна. Это было хорошо продемонстрировано работой В. Б. Кузнецова и В. С. Жаромского [1979], которые выявили более пятидесяти семантических классов, описывающих поле слухового восприятия. В статьях Г. Е. Крейдлина многие аспекты проблемы номинации звучащего голоса рассмотрены с большой глубиной и детальностью, однако, как уже говорилось выше, в них представлен альтернативный (семасиологический) подход, ориентированный на определенные лексемы. Наша попытка ономаσεологического описания русских номинаций звучащей речи ни в коей мере не претендует на полноту решения этой объемной задачи. Нашей главной целью было выделение структурной основы сложного ментального построения, лежащего в основе наблюдаемых дескрипций звучащей речи.

1. Концептуализация звучащей речи

1.1. Научная концептуализация звучащей речи

Объектом нашего исследования являются естественно-языковые номинации звучащей речи. Однако полезно напомнить о некоторых элементарных представлениях, лежащих в основе научной картины этой области. Современная фонетика аккумулирует огромное количество знаний о звуковой речи. Однако мы ограничимся лишь минимальными сведениями, служащими фоном для дальнейшего изложения.

1.1.1. Общая схема звукового поведения

Построение текста включает этап выработки его фонетической характеристики, соответствующей смысловому заданию. Эта внутренняя характеристика реализуется через объективные формы существования речи: артикуляционную, акустическую и перцептуальную. На основе анализа последней формы слушающий восстанавливает исходную семантическую характеристику высказывания.

Имеется два вида звуковых характеристик, которые различаются во всех формах существования звуковой речи: сегментные и супraseгментные (просодические). Последние в русском языке могут относиться к уровню слова (ударение) и к уровню фразы (интонация). Сегменты и словесная просодия служат средством выражения лексической и грамматической информации, тогда как фразовая просодия выражает иллокутивные цели, оценки и интерактивные установки говорящего. Просодическая структура высказывания многослойна: она содержит не только такие традиционно выделяемые интонационные параметры, как тон, громкость и длительность, но и менее известные параметры, характеризующие качество голоса (фонацию) [Кодзасов, Кривнова 1977]. В последнее время внимание привлекают интегральные артикуляционные установки, которые распространяются на супра-

сегментные составляющие разной размерности (от слова и далее): горизонтальное положение языка как целого, вертикальное положение гортани, ширина глотки и проч. [Кодзасов 1996]. Эти признаки выполняют как семантические, так и экспрессивные функции.

Как сегментные, так и просодические характеристики речи несут не только лингвистическую информацию. Одновременно они сообщают слушающему сведения о личностных свойствах говорящего. Это как его встроенные характеристики (пол, возраст, артикуляционные дефекты и проч.), так и окказиональные свойства, связанные с текущим физиологическим и эмоциональным состоянием. В современной прикладной фонетике существуют целые области исследований, связанных с идентификацией личности по голосу и с определением стрессовых состояний говорящего.

1.1.2. Фонетические концепты

Посмотрим теперь, какова природа концептов, с помощью которых осуществляется научное описание звучащей речи. Оговоримся сразу, что ситуация в русской научной терминологии мало отличается от той, которую мы находим в английском фонетическом подязыке, который в настоящее время является общепринятым средством международного общения в этой области. Обнаруживается существенное различие номинаций для сегментных и просодических характеристик. Большинство первых использует артикуляционные или артикуляционно-аэродинамические признаковые номинации в их русском (*губной, зубной, носовой; смычный, щелевой, верхний, нижний* и т. д.) или латинском (*лабиальный, денальный, назальный; фрикативный* и т. д.) вариантах. Интересно, что русская фонетика сохранила ряд импрессионистических терминов, чего в международной терминологии нет: *звонкий/глухой, мягкий/твердый* (наряду с *палатализованный/веляризованный*). В лингвистической фонетике ныне не используются акустически ориентированные термины, вошедшие в моду после публикации известной работы Якобсона, Фанта и Халле: *компактный, диффузный, бемольный* и т. п., они встречаются только в технологически ориентированных публикациях.

В то же время в описаниях просодии речи артикуляционные обозначения совершенно отсутствуют. Здесь используются либо акустические, либо перцептуальные, либо синкретические номинации. Так, для представления тональных характеристик используются термины типа *высокий, низкий, восходящий, нисходящий*, равно отражающие как физическую природу сигнала, так и его слуховой образ. При описании фонационных характеристик используются кальки английских импрессионистических номинаций: *скрипучий* (англ. *creaky*), *расслабленный* (англ. *lax*) и т. д.

Что касается интегральных артикуляционных признаков, то они еще не вошли в научный обиход ввиду малой изученности и имеют пока окказиональные названия. Роль этих признаков в реальном звуковом поведении чрезвычайно велика, она

отражена в значительном числе естественно-языковых номинаций, относящихся к просодическому оформлению эмоций и речевых установок говорящего (*радостный голос, раздраженный голос, пренебрежительный тон* и т. п.). Разнообразие этих номинаций указывает на многочисленность просодических жестов, сопровождающих общение. Представляется, что ключевую роль в этих жестах играют артикуляционные компоненты. К сожалению, существующие описания отражают пока только традиционные интонационные параметры, см., например, [Потапова 1997].

В заключение данного параграфа укажем на наличие особых номинаций в прикладных разделах фонетики. Так, для обозначения речевых дефектов используются как естественно-языковая, так и специальная лексика: *гнусавость (ринолалия), шепелявость* и т. д. Специфические термины используются в подъязыке, связанным с пением: *разговорный голос, певческий голос, баритон, сопрано* и т. д. Анализ таких профессиональных номинаций не входил в нашу задачу.

Переходя к естественно-языковым номинациям, которые являются главным предметом работы, укажем на их существенное отличие от научных. Прежде всего, обращает на себя внимание полное отсутствие номинаций для звуковых сегментов. При необходимости используется простое проговаривание некоторого звука (*Он не произносит «л»*). Только дефектные произношения имеют специальную номинацию (*картавить, шепелявить*). Разумеется, в ситуации обучения или коррекции произношения звуков могут использоваться артикуляционные термины, заимствованные из научного обихода.

В то же время число номинаций, связанных с просодическими характеристиками речи, весьма велико. Это различие легко объяснимо: сама по себе звуковая оболочка речи не представляет интереса для говорящих, она интересует их лишь в той мере, в какой она несет значимую информацию — является означающим некоторого знака. Сегменты не являются носителями смысла, тогда как просодия имеет знаковую функцию.

1.2. Естественно-языковая концептуализация звучащей речи

В большинстве случаев номинации голоса используются как средство зафиксировать объективную, хотя и извлекаемую слушающим субъектом, звуковую информацию о говорящем и говоримом. Такие «объективные» номинации мы рассмотрим в § 1.2.1. В то же время имеются случаи смещения фокуса сообщения на восприятие как таковое: фиксируются оценки качества голоса слушающим. Количественно такие «субъективные» номинации голоса (они рассматриваются в § 1.2.2.) значительно уступают объективным.

Звучащая речь, как уже говорилось выше, может позволить слушателю реконструировать три рода объективных характеристик:

- а. Встроенные индивидуальные свойства говорящего;
- б. Текущее состояние говорящего (физиологическое или эмоциональное);
- в. Текущие намерения и установки говорящего относительно партнера.

Имеется два способа номинации речи: по обуславливающим звучание факторам (функциональная, или мотивирующая, номинация) и по самому звучанию (звуковая номинация). Оба типа ментальной интерпретации позволяют зафиксировать перечисленные выше виды информации ввиду наличия знаковой связи во всех трех случаях. Таким образом, получается шесть классов объективных дескрипций звучащей речи, которые и будут ниже систематически рассмотрены. Чтобы читатель мог представить конкретно, о какого типа номинациях пойдет речь, приведем примеры для каждого из классов. Номинации по функциям: а. *старческий голос*, б. *испуганный голос*, в. *повелительный тон*; звуковые номинации по тем же классам: а. *шамкающий голос*, б. *осипший голос*, в. *отрывистый тон*.

Как следует из этих примеров, функциональная номинация не специфична — она использует чужие концепты (*старость*, *испуг*, *повеление*), в общем случае с голосом не связанные. В то же время звуковая номинация использует, как правило, особые концепты (*шамкать*, *осипнуть*, *отрывистый*), которые нигде более не встречаются.

Некоторые звуковые номинации не привязаны строго к типу информации о голосе, будем называть их «переменными». Примером является *тихий*. Это свойство голоса может быть как постоянным (*у нее тихий голос*), так и окказиональным, причем как бесконтрольным (*проговорил он тихим от испуга голосом*), так и контролируемым (*они говорили тихо, чтобы не тревожить больного*).

Среди субъективных номинаций звучащей речи также различаются функциональные (реактивные или гедонистические оценки типа *раздражающий голос*, *чарующий голос*) и собственно звуковые (*чуть слышимый голос*). Однако здесь число прагматических параметров, вовлеченных в концептуализацию, невелико.

Язык проводит различие между нейтральным регистром произнесения и такими способами говорения, которые не воспринимаются как модификации нормального голоса, образуя особые регистры звуковой речи. Такие произнесения номинуются исключительно по фонетической форме, причем для их вербализации используются только «произносительные» глаголы (так мы называем глаголы, которые имеют встроенную семантику звукопроизводства). Здесь существует два типа номинаций: одни представляют собой названия специфических видов человеческой звуковой активности: *цедить*, *тараторить*, *ворчать*, *бубнить* (глаголы «аномальной речи»), вторые метафорически используют названия звучаний, относящихся к миру природы: *скулить*, *кудахтать*, *скрипеть*, *дребезжать* («звуко-подражательные» глаголы). Номинации маркированных регистров произнесения рассматриваются нами в § 1.2.3.

1.2.1. Объективные номинации голоса

Выше были перечислены две тройки концептуальных классов, выделяемые в случае объективной номинации голоса. Перечислим теперь прагматические

аспекты, по которым идет номинация в каждом из классов. Для каждого подкласса, задаваемого этими прагматическими переменными, мы приводим здесь минимальное число примеров (их основная масса вынесена в Приложение). В данном разделе нас интересует только концептуальная организация пространства голосовых номинаций, и мы не занимаемся их вербальной стороной. В качестве стандартной формы представления примеров условно принято сочетание атрибута с речевым именем (*спокойный голос, оскорбительный тон*), однако иногда приходится использовать иные формы. Возможности вербального оформления номинаций для разных концептуальных классов будут рассмотрены в разделе 2.

1.2.1.1. Функциональные номинации

а. Встроенные характеристики

Возрастные и половые: *юношеский голос, детский голосок*

Профессиональные и социальные: *актерский голос, начальственный бас*

Психологические: *жизнерадостный голос, безвольный голос*

Физиологические: *пропитой голос, прокуренный голос*

Интересно отметить наличие специальной лексемы, указывающей на гендерное несовпадение качества голоса и его носителя: *бабий голос* может быть сказано только о мужчине.

б. Неконтролируемые окказиональные характеристики

Обусловленные эмоциональным состоянием:

— отрицательные эмоции: *грустный голос, убитый голос*

— положительные эмоции: *веселый голос, растроганный голос*

— возбуждение: *взбудораженный голос, истерический голос*

— спокойствие: *невозмутимый голос, бесстрастный голос*

Обусловленные физиологическим состоянием: *усталый голос, простуженный голос, сонный голос / бодрый голос*

Обусловленные состоянием ума: *произнести озадаченно, сказать растерянно, сказать уверенно.*

Материал обнаруживает равномерность отрицательных и положительных номинаций в случае эмоциональных влияний на голос при явном смещении в сторону отрицательного модуса в случае влияний, связанных с физиологическим и рациональным состоянием. Не вполне ясна мотивация запрета (или, по крайней мере, неупотребительность) сочетаний типа *растерянный голос, озадаченный голос*. Ведь наличие фонетического компонента в жестах интеллектуального затруднения несомненно. Ситуация здесь отличается от той, которую мы наблюдаем при использовании выражений типа *ответил осторожно*, в которых наречие не предполагает никакой специфики звучания.

в. Контролируемые окказиональные характеристики

Агрессия / кооперативность: *презрительный тон, развязный тон, говорить с отвращением / доверительный тон, говорить с сочувствием*

Позиция победителя (хозяина) / проигравшего (слуги): *сказать с торжеством, властный голос / проговорить робко, виноватый голос*

Заинтересованность / равнодушие: *прочувствованный голос / равнодушный голос*

Манерность положительная / отрицательная: *елейный голос, вкрадчивый голос / говорить чопорно, церемонно*

Интерактивная игра: *шуточный тон, скабресный тон, сказать лукаво*

Сделаем теперь некоторое общее замечание по поводу функциональных концептуализаций голоса. Характерно, что основная масса номинаций звучащей речи сосредоточена именно в этой области (см. Приложение). Это естественно объясняется приоритетом содержательных компонентов языкового знака над его оболочкой. Язык гораздо детальнее членит содержание, чем форму. Выше мы указывали на неспецифичность функциональных номинаций. Однако, как видно из примеров, некоторые из таких номинаций используются узко для обозначений голоса или интерактивных установок (*вкрадчивый, чопорный*). Особенности концептуальных интерпретаций, связанных с использованием слов *голос* и *тон*, будут обсуждены ниже.

1.2.1.2. Звуковые номинации**а. Встроенные характеристики**

Тональные: *высокий голос, говорить басом / фальцетом*

Громкостные: *сильный голос, тихий голос*

Фонационные: *сильный голос, надтреснутый голос*

Синкретические: *грудной голос, утробный голос, придушенный голос*

Общая организация речи: *говорить отрывисто, плавная речь*

Обнаруживается интересная особенность встроенных фонетических номинаций: некоторые из них не соответствуют выделяемым наукой параметрам тона, громкости и фонации, а опираются на некоторые интуитивные типы говорения, объединяющие эти параметры в синкретические блоки, именуемые по частям тела (*грудной, утробный, гортанный*). В этой связи можно вспомнить удивление знаменитого фонетиста К. Пайка по поводу условных ярлыков, используемых при обучении пению (типа *голос в лоб*) [Pike 1943].

б. Неконтролируемые окказиональные характеристики (обусловлены эмоциональными состояниями)

Отрицательные жесты: *сказать упавшим голосом, плачущий голос, сказать деревянным голосом, сказать не своим голосом*

Положительные жесты: *смеющийся голос, звенящий голос*

Фонетические номинации голоса в этом классе связаны преимущественно с отрицательными эмоциональными состояниями. Примечателен оборот *сказать не своим голосом*, который отражает презумпцию единства психической и произносительной нормы. Как известно, имеются направления психоанализа, в которых диагностика психических отклонений существенно опирается на голосовые особенности пациента.

Для номинаций используются как характеристики нормального голоса (*упавший голос*), так и мимико-звуковые жесты (*плач, смех*), которые выходят за пределы собственно речевой активности.

в. Контролируемые характеристики

Обусловленность внешними обстоятельствами речи: *шептать, кричать, проговорить наспех*

Интеллектуальный контроль над произнесением: *подчеркнул он последнее слово, произнести размеренно, произнести особенно тихо*

Эмоциональный контроль: *проговорить сладким/кислым голосом, проговорить металлическим голосом*

Материал показывает разную мотивацию контроля говорящего за своим произношением: он может быть связан как с внешними обстоятельствами речи, так и с его интерактивными целями и установками. Обычно это различие целей проявляется в характере используемых звуковых средств. Внешняя вынужденность связана с контролем над такими интегральными качествами речи, как громкость и темп. Задачи интеллектуального воздействия часто требуют использования тонких интонационных характеристик, в частности акцентного подчеркивания отдельных слов. Направленное эмоциональное воздействие связано с использованием аномальных режимов речи, которые номинуются либо с помощью соответствующих произносительных глаголов (см. ниже), либо с помощью специфических оборотов, включающих метафорические номинации голоса (*сладкий, кислый, металлический*). В последнем случае трудно бывает провести различие между объективной и субъективной номинацией.

1.2.2. Субъективные номинации голоса

Рассмотренные до сих пор классы номинаций в равной степени относятся к обеим фазам речи — производству и восприятию. Как уже говорилось, такие дескрипции задают объективные характеристики произношения, хотя и извлекаемые в процессе восприятия. Контекст может указывать как на фазу производства, так и на фазу восприятия речи: *проговорил он испуганным голосом / был слышен его испуганный голос*. Поэтому название «объективные номинации» достаточно условно. Оно используется для противопоставления специфическим дескрипциям, которые фокусированы именно на восприятии звуковой оболочки речи. Количество

специфических номинаций такого рода довольно ограничено, невелико и число классов, отражающих разные аспекты концептуального структурирования в этой области.

1.2.2.1. Функциональные номинации

Реактивные оценки

Положительные: *проникновенный, успокаивающий, убаюкивающий голос*

Отрицательные: *пронзительный, раздражающий, режущий уши голос*

Оценки искренности

искренний голос, фальшивый голос, театральный голос

Гедонистические оценки

Положительные: *чарующий, прелестный, волшебный, пленительный голос*

Отрицательные: *скучный, противный, гадкий, отвратительный, мерзкий голос*

Функциональные номинации, естественно, не являются специфическими, и их список открыт — особенно это касается гедонистических оценок. Отметим, что добавление гедонистических оценок к объективным атрибутам придает номинации субъективную ориентацию: *приторно ласковый голос, отвратительно наглый голос, произнести чарующе нежным голосом.*

1.2.2.2. Звуковые (перцептуальные) номинации

Чисто звуковые:

еле слышимый голос, оглушающий голос

говорит невнятно, ответить неразборчиво

отчетливый голос, чеканная речь.;

Смешанные:

переливчивый, певучий, мелодичный голос

скрипучий, визгливый голос

монотонный голос, гибкий голос

Чисто звуковые оценки связаны с характеристиками, которые определяют разборчивость речи: громкостью и отчетливостью. Смешанные номинации соединяют некоторое слуховое качество с гедонистической оценкой. Почти все звуковые номинация воспринимаемой речи, в отличие от функциональных, являются специфическими.

Субъективные номинации голоса могут касаться как окказиональных, так и врожденных свойств. В последнем случае номинация сопровождается атрибутом *свой*: *произнесла она своим пленительным голосом, ответил он своим монотонным голосом.*

1.2.3. Маркированные регистры звуковой речи

1.2.3.1. Глаголы аномального произнесения

Внутри этой группы выделяется несколько подгрупп, границы между которыми не вполне определены. Первую из них составляют глаголы, описывающие такие аномальные способы звукоизвлечения, которые сочетаются обычно с крайними точками шкалы громкости: *кричать*, *шептать*. То, что в общем случае шкала громкости существует отдельно, видно из выражений *громкий шепот* и *сдавленный крик*. Шепот и крик не имеют эмоциональных привязок и вступают в свободные сочетания с положительными и отрицательными эмоциями: *прокричать радостно*, *прокричать в ярости*. К этим двум типам говорения близки по концептуальному статусу очень быстрое и очень медленное произнесение (*тараторить*, *мямлишь*). Однако для предельных значений речевого темпа используются не аномальные произносительные глаголы, а фразеологизмы: *тараторит как пулемет*, *говорит в час по чайной ложке*. В этом случае возникает компонент отрицательной слуховой оценки.

Концепты, отражаемые второй группой глаголов рассматриваемого типа, в большей или меньшей степени соотносимы с психическими состояниями: *цедить*, *ворчать*, *вопить*, *гудеть*.

Обычно глаголы указанных групп употребляются как окказиональные номинации. Однако они могут использоваться и для обозначения типичных свойств: *она вечно тараторит (тараторка)*, *он вечно ворчит (ворчун)*. Однако невозможно употребить эти понятия для обозначения встроенных свойств: можно сказать *он картавит*, но нельзя сказать *она тараторит*.

Особую группу составляют глаголы, обозначающие на артикуляционные недостатки субъекта: *картавить*, *шепелявить*, *гундосить*, *заикаться*. Они обычно указывают на встроенные особенности произношения. Единичный глагол положительной оценки качества артикуляции — *отчеканить* — напротив, обычно употребляется при номинации окказионального качества речи (однако для обозначения постоянного свойства используется тот же концепт в составе выражения *чеканная речь*).

Глаголы аномального звукопроизводства используются исключительно для объективных номинаций, отличаясь в этом отношении от звукоподражательных глаголов.

1.2.3.2. Звукоподражательные глаголы

Имеется две группы таких произносительных глаголов: одни ассоциированы со звуками животных, другие со звуками неживой природы. Обе группы используются для обозначения окказиональных голосовых свойств говорящего: *блеять*, *мурлыкать*, *кудахтать*; *скрипеть*, *дребезжать*. При этом они не могут использоваться для номинации типичных голосовых характеристик: **она вечно кудахчет*. Номинация этого типа ощущается скорее как субъективная окказиональная оценка

специфического речевого звукоизвлечения путем подбора похожего на слух неречевого. Список этих номинаций, видимо, следует считать нефиксированным. Так, возможно окказиональное использование глагола *шуришать*, который вряд ли будет включен в список таких глаголов: — *Что-то такое он прошуришал, я ничего не понял.*

1.2.4. Неспецифические дескрипции звучащей речи

За пределами нашего анализа оказываются такие номинации речи, которые не имеют отношения к ее звучанию (*говорить смело, ответить простодушно*), а также метахарактеристики звучания (*знакомый голос, близкий голос, нормальный голос, изменившийся тон, странный голос*).

1.3. Схемы концептуализации звучащей речи

В § 1.2. были рассмотрены элементарные параметры номинации звучащей речи. Теперь посмотрим, как строится дескрипция звучащей речи в целом и каковы структурные особенности дескрипций разных видов.

1.3.1. Объективные концептуализации

В общем виде дескрипция произносимой речи состоит из двух компонентов: предиката говорения или слушания и звукового идентификатора. Предикат говорения может иметь чисто локутивное значение (*сказал он испуганно*) либо включать иллокутивную компоненту (*спросил он испуганно*). В общем случае наличие иллокутивного предиката не означает, что в дескрипцию включен звуковой модификатор. Высказывание — *А ты лучше позови его в гости, — посоветовал он.* не предполагает, что совет произнесен с некоторой специфической интонацией. Дело в том, что многие иллокутивные характеристики не имеют специфических интонационных показателей. Тем не менее, иногда только интонационные компоненты определяют иллокуцию высказывания, поэтому иллокутивная номинация может использоваться в качестве звукового модификатора: — *Хорошо бы тебе извиниться перед ним, — произнес он повелительным тоном.* Отметим, что поверхностное отсутствие локутивного и иллокутивного компонентов не отменяет, конечно, их наличия в глубинной структуре: — *Когда ты, наконец, вернешь мне деньги? — начал он раздраженно.* (= ... — *заговорил он раздраженно* / ... — *спросил он раздраженно.*)

Объективная номинация голоса может сочетаться и с предикатами слухового восприятия, поскольку способ номинации не связан с выбором той или иной фазы звукового общения. Так, наряду с выражениями типа *проговорил раздраженным голосом* возможны в *голосе* звучало *раздражение* или *раздался раздраженный голос*.

Рассмотрим теперь принципиальную структуру звукового модификатора. Ядром этого компонента является концепт «голоса» [Крейдлин 1994]. В исходном значении голос интерпретируется как орудие нормального говорения, которое, подобно тонкому музыкальному инструменту, может менять свои параметры для отражения состояний и намерений обладателя. Концепт «голос» не обязательно вербализован, но обязательно предполагается (по умолчанию) в случае немаркированного речепроизводства. Поэтому его всегда можно включить в дескрипцию нормальной звуковой речи: *произнести сердито* = *произнести сердитым голосом*. Голосу противостоят аномальные механизмы звукоизвлечения, о которых пойдет речь ниже.

В число возможностей нормального голоса входят такие, которые используются при реализации контролируемых интерактивных установок говорящего. Эта часть голосовых возможностей связана с концептом «тона». Если состояние рассерженности и его вокальные проявления не контролируются субъектом, то презрительная установка и ее вокальные проявления подчиняются воле говорящего. Это отражается в номинации: *сказал с презрением* = *произнес презрительным тоном*. Объемлющий характер концепта 'голос' по отношению к концепту 'тон' виден по выражениям типа *в тоне его голоса звучал вызов*. Поскольку голос объемлет тон, в номинациях контролируемых свойств звучащей речи иногда может использоваться концепт голоса, а не тона (*повысить тон / повысить голос, раздраженный тон / раздраженный голос*). Обратное неверно: «нетональная» (неконтролируемая говорящим) часть голоса не может быть названа по тону: можно сказать *испуганный голос*, но не **испуганный тон*.

Имеется тонкое различие между интерактивными установками речевого акта, которые выражаются специфическими фонетическими жестами, и такими сопутствующими ментальными состояниями говорящего, которые в звуковой сфере не отражаются. Так, нельзя сказать **нетерпеливым тоном повторил он* в качестве синонимической замены выражения *нетерпеливо повторил он*.

В случае, когда фокус номинации смещен на фазу восприятия речи, концептуальное содержание обсуждаемых лексем несколько меняется: они означают не производящий звуковой механизм речи, а результат его действия. Выражение *он услышал знакомый приятный голос* подобно в этом отношении выражению *флейта была слышна издали* — в обоих случаях номинируется звучание, а не инструмент, который его производит. Наконец, в выражениях типа *у него прекрасный голос* имеет место синкретическая номинация, покрывающая как механизм говорения, так и результат его действия.

Номинация может указывать на неполноту совпадения со стандартным слуховым образом, ассоциированным с некоторой номинацией: *что-то бабье было в его голосе, у тебя сегодня какой-то грустный голос*. Однако это ситуация связана не только с речевыми характеристиками (ср. *что-то бабье было в его фигуре*), хотя и очень для них характерна.

1.3.2. Субъективные концептуализации

Общая схема субъективных концептуализаций звучащей речи не отличается от рассмотренной выше схемы объективных концептуализаций: она также состоит из предиката говорения/слушания в сочетании со звуковым модификатором. Примеры: ... — *проговорила она своим дивным голосом*; ... — *ответила она еле слышным голосом*; *произнес что-то неразборчивое*; *услышать снова ее дивный голос*; *раздался пронзительный голос*. Концепт 'тон' в субъективных номинациях голоса используется редко, что связано со спецификой его семантики: *Он сказал это невыносимо противным тоном*. Столь же редко в номинациях звучащей речи используется концепт 'речь'. Это связано с более узкой сферой применения этого слова: оно означает только результат (но не механизм) голосовой деятельности, причем оцениваемый по суммарному впечатлению от прослушивания достаточно представительного ее образца: *плавная речь*, *чеканная речь*, *разборчивая*.

1.3.3. Сложные и совмещенные дескрипции

До сих пор мы рассматривали лишь одинарные дескрипции звучащей речи. Однако в литературных текстах чрезвычайно часто встречаются двойные номинации, сочетающие функциональный и фонетический аспекты. Мы находим их во всех трех классах объективных дескрипций голоса:

- а. *звонкий юношеский голос*, *надтреснутый старческий голос*
- б. *сдавленный от волнения голос*, *дрожащий от ярости голос*
- в. *сконфуженным тихим голосом*

Концептуальная структура и употребительность сложных дескрипций для разных классов различны.

При номинации встроенных голосовых свойств фонетическая номинация является внешней по отношению к мотивирующей. Например, 'старческий голос' является концептуальным ядром, получающим модификатор 'надтреснутый', указывающий аспект проявления исходного концепта. Напротив, при номинации окказиональных произвольных свойств более центральную позицию занимает фонетическая номинация, тогда как мотивирующая выступает как ее интерпретация. В частности, концептуальное ядро 'сдавленный голос' получает модификатор, поясняющий причину аномальности звучания. Наконец, при номинации контролируемых свойств трудно усмотреть порядок вложения атрибутов: они выступают как цельный кластер характеристик. Следует заметить, что двойные номинации последнего типа являются редкостью, тогда как в первом и втором классах они чрезвычайно часты.

Отметим несочетаемость двух разных целей окказиональных объективных номинаций: невозможны выражения типа *сердито проговорил он обвинительным тоном* — вы можете охарактеризовать по голосу либо эмоциональное состояние говорящего, либо его интерактивное намерение, но не их комбинацию. В то же время номинация встроенных свойств может комбинироваться с номинацией свойств

окказиональных: *визгливый от злости надорванный женский голос*. При этом, как показывает пример, каждая из сочетающихся дескрипций может содержать как мотивирующую, так и фонетическую характеристику.

В случае субъективных номинаций функциональные (оценочные) и фонетические атрибуты сочетаются так же легко, как в случае объективных: *прелестный мелодичный голосок, раздражающе невнятная речь*. При этом фонетическая атрибуция занимает более близкую позицию к речевому имени, чем гедонистическая. И, наконец, объективные и субъективные атрибуции голоса могут сочетаться в пределах единого номинационного блока: *противный скрипучий голос, задумчиво проговорила она своим прелестным мелодичным голосом*.

Таким образом, потенциальное пространство возможных номинаций голоса огромно. Поэтому не имела бы смысла попытка механически перечислить все допустимые сочетания. В то же время нетрудно обнаружить запрет на некоторые казалось бы априорно возможные комбинации, такие, например, как **сердито воскликнул он своим старческим голосом, *еле слышно произнес он оскорбительным тоном*. Ограничения связаны здесь с довольно тонкими прагматическими условиями, которые еще предстоит исследовать.

1.3.4. Концептуализации маркированных регистров речи

Аномальные произносительные глаголы типа *мямлить, бормотать, визжать* обычно предполагают выход за пределы нормального звукопроизводства. Они описывают не фонетические разновидности локуции (голоса), но особые способы звукоизвлечения. Имея встроенную фонетическую характеристику, они обычно не принимают фонетических модификаторов, но могут присоединять функциональную дескрипцию, мотивирующую переход в аномальный регистр: *промямлил он в отчаянии, проревел он в ярости*. Однако они не сочетаются с функциональными модификаторами, включающими лексему «голос». Так, нельзя сказать **промямлил он испуганным голосом* или **проревел он злобным голосом*. Это естественно — ведь такие вокализации не являются «голосом».

Сходные концептуальные свойства имеют звукоподражательные глаголы (*кудахтать, скулить* и т. п.). Они обычно также допускают лишь функциональные модификаторы, причем не содержащие лексемы «голос»: *раздраженно прокудахтал, проскулил в отчаянии*.

Произносительные глаголы, описывающие маркированные уровни громкости (*шептать, кричать, восклицать*), имеют иное концептуальное устройство. Называемые ими способы звукоизвлечения не выходят за пределы нормального голоса, а лишь существенно меняют одну из его характеристик. Поэтому они не накладывают ограничений на сочетаемость с другими фонетическими или функциональными номинациями, содержащими лексему «голос»: *закричал он испуганно/испуганным голосом; кричал Раскольников, еще более повышая голос; прошептал он сонным голосом*.

Встроенные артикуляционные недостатки осмысляются не как свойства голоса, поэтому нельзя сказать **картавый голос*, **шепелявый голос*, **гундосый голос*. Артикуляция осознается как компонент речевой деятельности в целом, поэтому окказиональные сочетания *картавая речь*, *гундосая речь*, *шепелявая речь* допустимы. Однако, очевидно, она мыслится как некоторое дополнение к голосу, отличное от альтернативных способов звукообразования, представленных глаголами аномального произнесения типа *мямлить*, *цедить*, *лепетать*.

2. Вербальная техника номинации звучащей речи

В настоящем разделе статьи описываются средства вербального выражения дескрипций разных типов, в первую очередь синтаксическая техника их оформления. В значительной степени она мотивирована концептуальной структурой дескрипции, о которой шла речь в предыдущей главе. В ряде случаев концептуальный тип дескрипции связан с ее текстовой функцией. Например, номинация встроенного дефекта речи соотнесена скорее с индивидуальной характеристикой субъекта (*он шепелявит*). Однако жесткой связи здесь нет, и возможны высказывания, содержащие такие номинации при описании окказиональных произнесений (*прошепелявил он*). В литературных текстах последние составляют львиную долю всех номинаций звучащей речи. Такие выражения обычно представляют собой комментарий к введенной реплике персонажа, характеризующий ее звуковую сторону по разным основаниям. Концептуальные и вербальные структуры таких дескрипций отличаются большим разнообразием, покрывая в основном возможности других функциональных употреблений. Поэтому в основном наш анализ вербальной формы звуковых номинации будет основан на этом материале. В качестве иллюстративного материала будут использоваться комментарии к репликам персонажей, взятые из произведений русских классиков.

2.1. Объективные номинации, ориентированные на фазу производства речи

Глубинно-синтаксические структуры номинаций отражают концептуальные схемы, описанные выше. В случае ориентации на фазу речепроизводства объективная номинация имеет четыре обязательных глубинных позиции:

1	2	3	4
локутивный или иллокутивный предикат	инструмент озвучивания	способ звучания	мотивация данного способа

Пример полной поверхностной реализации этой глубинной структуры: *перебил дрожащим от злобы голосом* (Достоевский). Однако, как уже указывалось выше, имеются разные способы реализации этой структуры. Рассмотрим их более детально.

а) Наиболее типичной является схема с заполнением 1 и 4 позиции. Примеры из «Преступления и наказания» Достоевского¹:

строго произнес, с жаром прибавил, значительно проговорил, с торжеством перебил, внушительно произнес, с насмешкой проговорил, горячо проговорила, нагло отрезал, с состраданием сказала, спросила испугавшись, робко перебила, с жаром перебил, с удивлением спросил, презрительно ответил, ласково проговорил, с отвращением перебил, раздражительно настаивал, одобрительно сказала, умоляя сказала.

Как видим, грамматическая форма заполнителя 4-й позиции в этих примерах в общем случае не предопределена прагматическим типом фактора, влияющего на звучание: это либо наречие (редко деепричастие), либо оборот с предлогом «с». Очевидна взаимозаменяемость этих двух способов в части случаев: *с удивлением спросил / удивленно спросил; презрительно ответил / с презрением ответил*. Однако в большинстве случаев взаимозамены невозможны, так что критерий выбора требует дополнительного исследования. В других текстах обнаруживается еще один способ реализации данной схемы: *проговорил в ярости, в отчаянии, в испуге*. Он явно относится только к случаям крайних аффективных состояний. Язык отличает здесь совершенно неконтролируемые психические состояния от относительно контролируемых.

Для Достоевского очень характерна многоаспектная номинация влияющих на голос состояний говорящего, чего у других авторов практически не встречается: *нехотя и сурово проговорил, любезно и дружески обратился, настойчиво и раздраженно проговорил, твердо и серьезно ответил, резко и раздражительно перебила, проговорил он решительно и торжественно, высокомерно и с досадой прервал, повторил он мрачно и настойчиво*. Это хорошо соответствует тому, как описывается писателем поведение героев.

В некоторых случаях может возникнуть сомнение в том, что данный модификатор речевой группы имеет фонетическую компоненту смысла: *нагло отрезал, твердо и серьезно ответил*.

Напротив, можно предположить наличие фонетической компоненты в иллокутивных глаголах, которые у Достоевского чрезвычайно разнообразны: *подхватил, перебил, отрезал, брякнул, ввязался, спохватился, поддакнул* и проч. Несомненно

¹ В данном разделе статьи мы широко используем цитаты из произведений Достоевского. Это имеет простое объяснение: этот писатель является своего рода чемпионом по употребительности и разнообразию комментариев к репликам героев. Его материал в этом отношении покрывает все возможности, которые используют другие авторы (см. об этом ниже).

наличие такой компоненты в случае глагола *передразнил* [Арутюнова 1986].

Укажем на другие возможности вербального варьирования рассматриваемой группы. Мы уже упоминали о возможности опущения глагола речи при наличии фазового глагола: *начал он с расстановкой, начал он просто и скромно*. Столь же тривиальными являются и расширения заполнителя позиции 4 в таких примерах из Достоевского: *произнес почти в тревоге, с видимым наслаждением перебил, с какой-то особенной твердостью проговорила, чуть не с содроганием ответил, проговорила она в глубоком недоумении, начал он весьма развязно*.

Перейдем теперь к анализу схемы с заполнением позиций 1 и 3. Такой способ описания звучащей речи малоупотребителен. Обычно здесь фиксируются только такие интегральные характеристики, как громкость, темп и отчетливость: *сказал размеренно, ответил тихо, слабо проговорил, проговорил он громко и отчетливо, проговорил он медленно и слабо, проговорил как бы спеша куда-то, выговорил почему-то вдруг чуть не шепотом, все это произнесено было чрезвычайной скороговоркой, затарахтела она вдруг точно горох просыпали*. Как мы говорили выше, ограниченность собственно фонетических номинаций не случайна: язык различает просодическое разнообразие высказываний через указание мотивирующих факторов, а не через звучание само по себе. Однако иногда встречаются окказиональные номинации, фиксирующие нетривиальные особенности фонетической формы речи: *произнес он с особой интонацией; она энергично ударила на слово: четыре; сказал он, особенно упирая на последнее слово; проговорил он скандируя слова; — Пе-туш-ка? Вы изволили сказать: петуш-ка? — с страданием сказала она* (Достоевский).

Для полноты картины приведем литературные примеры смешанных номинаций, сочетающих фонетическую и функциональную дескрипцию: *сказал тихо и почти задумчиво, сказал тихо и лениво, произнес тот еще раздельнее и внушительнее, проговорил он вдруг тихим и ласковым голосом, громко и восторженно прочла она* (Достоевский).

Введение в дескрипцию лексемы «голос» как заполнителя обычно опускаемой позиции 2 чаще происходит при фонетических номинациях. Для Достоевского такие дескрипции нехарактерны, поэтому мы приведем примеры из текста «Мастера и Маргариты» М. Булгакова, где они, напротив, встречаются довольно часто: *сильным голосом осведомился; хриплым голосом спросил; сорванный и больной голос; сказал тихим, но твердым голосом; дрогнувшим голосом; сонным голосом; козлиным голосом запел; произнес чистым и звучным голосом; ответил страшным голосом; ответила дребезжащим голосом; пискливым голосом отозвался; голосом наибольшей звучности заговорил; сказал хриплым разбойничьим голосом; продолжал официальным голосом*. Отметим попутно одну специфическую особенность названия звучащей речи в романе — здесь неоднократно используются номинации музыкальных голосовых регистров: *загудела контральтовым голосом; спросил мягким баритоном; медленно говорил тяжелым басом; треснувшим тенором осведомился*.

Что касается лексемы «тон», то при характеристике звучащей речи в литературных текстах она встречается крайне редко. Примечательно, что это слово используется в тех случаях, когда интерактивная характеристика, выражаемая тоном, трудно поддается вербализации и выражается скорее описательно: *проговорил он тем тоном бледного спокойствия, который обыкновенно предшествует какому-нибудь необычайному взрыву* (Достоевский); *сказал он таким тоном, который явно говорил, что ему не хотелось бы идти; сказала она таким тоном, как будто ничего не произошло между ними; вдруг, как будто насторожившись, испуганным и несколько строгим тоном сказал* (Л. Толстой). Этому соответствует часто встречающееся в бытовой речи указание на неадекватность «тона» без идентификации его содержательной стороны: *Твой тон неуместен; Что это за тон!; Каким тоном ты со мной говоришь!* Все это подтверждает малые возможности концептуальной интерпретации «тонального» компонента.

Рассмотрим теперь вербализацию глубинной схемы номинации звучащей речи с помощью произносительных глаголов разных типов. Глаголы типа *кричать, шептать* лексически склеивают позиции 1 (локуция), 2 (инструмент локуции) и частично 3 (некоторый компонент фонетического блока). Они семантически неоднозначны и могут сочетаться с самыми разными заполнениями позиции 4. Это хорошо видно на текстах Достоевского, у которого герои постоянно кричат вне зависимости от характера обуревающей их эмоции: *закричал в испугании, вскрикивает в ярости, вскричала в негодовании, звонко и весело кричал, прокричал в каком-то необыкновенном волнении, в восторге вскричал, воскликнул в отчаянии* (примеры из «Преступления и наказания»). Здесь заполнитель позиции 4 поясняет причину перехода в маркированный регистр звукоизвлечения, одновременно дополняя картину звучания (крик восторга и крик ярости, конечно, различаются). Существует и несколько иная поверхностно-синтаксическая форма реализации тех же позиций: *крикнул обрадованный Раскольников; шепнула испуганная Дуня*.

Другие произносительные глаголы (*промямлить, взвизгнуть*) в той или иной степени семантизованы (по крайней мере, предполагают знак эмоции), однако они также нередко снабжены заполнителем 4-й позиции: *лепетал бессмысленно, угрюмо проворчал, пробормотал нахмурившись, как-то особенно раздражительно взвизгнула, ядовито прошипела, презрительно процедила, гневно забормотал* (примеры из «Бесов»).

В большинстве случаев имеется несколько поверхностных реализаций одной и той же концептуальной структуры: *произнес восхищенным голосом / с восхищением в голосе / с восхищением / восхищенно; произнес с издевкой в голосе / с издежкой / издевательским тоном; кричал он яростным голосом / в ярости / яростно* и т. п. Грамматическая техника таких преобразований (включая порядок слов) не является, однако, специфической для номинаций голоса. Имеются, однако, некоторые идиоматические обороты (*сел голос, говорить нараспев* и проч.), которые заслуживают специального изучения.

2. 2. Объективные номинации, ориентированные на фазу восприятия

В глубинной структуре объективных номинаций, ориентированных на фазу восприятия, предикат локуции, естественно, заменен на предикат слухового восприятия. Меняется и глубинная роль концептов, занимавших позицию инструмента при ориентации на фазу говорения («голос», «тон»). Теперь это либо контейнер разнообразных голосовых качеств, из которых какие-то извлекаются слухом, либо источник воздействия, нередко выступающий как персонифицированная замена агенса говорения.

Первая структура представлена выражениями типа: *в тоне голоса слышалось обвинение* (ср. *произнес обвинительным тоном*), *злоба звучала в его голосе* (ср. *прокричал злобным голосом*), *что-то истерическое зазвенело в ее голосе* (Достоевский), *невольная нежность зазвенела в ее голосе* (Тургенев). Здесь в качестве подлежащего выступает причина изменения голоса.

Вторая структура представлена двумя подтипами. Первый сообщает о существовании звучания некоторого голоса, это своего рода «бытийные слуховые предложения»: *раздался тихий голос; послышался тоненький голосок; раздался свежий, резвый, юный голос; раздался сорванный, хриловатый голос* (Достоевский); *послышался приятный, звучный и очень настойчивый баритон* (Булгаков). Интересно, что в этом случае практически всегда присутствует та или иная идентификация фонетического качества голоса. Второй подтип сообщает об изменении состояния или о деятельности голоса, который выступает в роли поверхностного субъекта предложения: *задрожал вдруг его голос; взревел голос; мужской голос вдруг запел сладостной фистулою; другой голос произнес ласкательно и как бы робко* (Достоевский); *тоненький мужской голос отчаянно закричал; бас сказал безжалостно* (Булгаков). Оба случая подлежащего функционирования голоса встречаются в ситуации, когда носитель голоса не виден, и голос персонифицирует говорящего. Интересный случай представлен в романе «Мастер и Маргарита» — в качестве поверхностного агенса начинает выступать телефонная трубка: *ответила трубка дребезжащим голосом; радостно вскричала трубка; отрывисто стучала трубка*.

Приведем, наконец, пример соединения двух рассмотренных структур: *Голос его стал звонок как металл, торжество и радость звучали в нем и крепили его* (Достоевский).

2. 3. Субъективные номинации

По грамматической структуре субъективные номинации ничем не отличаются от номинаций объективных. Число субъективных номинаций в литературных текстах чрезвычайно ограничено, поэтому их анализ не представляет большого интереса. Приведем лишь некоторые литературные примеры, подтверждающие это утверждение: *медовым, хотя несколько крикливым голосом, спросил; оча-*

ровательно проговорил (Достоевский); отозвался знакомый приятный голос (Л. Толстой); заговорил приятным голосом (Тургенев); резкий, неприятный голос; все тот же гадкий голос; сладко запела, картавя (Булгаков); спросила она странным, неприятным голосом (Чехов).

Приложение

Списки лексем для номинаций звучащей речи

В данном разделе приведены списки номинаций голоса: это масса классов разной мощности, задаваемых параметрами из раздела 1. Мы не стремились здесь к полному покрытию всего пространства возможностей внутри каждого класса. При пропуске имени при атрибуте предполагается существительное *голос*, при пропуске предиката при наречии предполагается глагол *сказать*.

1. Объективные номинации

1.1. Номинации по мотивирующим факторам

а. Встроенные характеристики

Возрастные и половые

женский, мужской, детский, младенческий, юношеский, старческий, старушечий

Профессиональные и социальные

актерский, поставленный, гибкий, необработанный, грубый, начальственный, бас, голос нищего

Психологические

волевой, бодрый, жизнерадостный, бойкий, уверенный, сильный, безвольный, болезненный, нервный, плаксивый, слабый

Физиологические

пропойный, пропитой, испитой, прокуренный

б. Неконтролируемые окказиональные характеристики

Обусловленные эмоциями или их отсутствием

Отрицательные эмоции

яростный, разъяренный, сердитый, раздраженный, возмущенный, озлобленный, злобный, гневный, бешеный, негодующий, недовольный, капризный, бранчливый, тревожный, встревоженный, испуганный, настороженный, озабоченный, обеспокоенный, смущенный, растерянный, смятенный

обиженный, жалобный, в раскаянии, разочарованный, сокрушенный, горько / с горечью, огорченный, подавленный, скорбный, грустный, печальный, хмурый, мрачный, угрюмый, унылый, заунывный, скучный

мертвый, убитый, гробовой

Положительные эмоции

восхищенный, радостный, веселый, довольный, восторженный, счастливый, жизнерадостный, в экстазе, с придыханием, горячо, с жаром, влюбленный, том-

ный, любящий, очарованный, нежный, трепетный, умиленный, растроганный, мягкий, ласковый, теплый, радушный, душевный, сердечный, заботливый

Возбуждение

*живой, бойкий, взволнованный, возбужденный, нервный, истерический, отчаянный, исступленный, надрывный, нетерпеливый, лихорадочный, напряженный
сладострастный, страстный*

Спокойствие

невозмутимый, спокойный, бесстрастный, хладнокровный, сдержанный, ровный, мерный, расслабленный

Интеллектуальное затруднение

задумчивый, озадаченный, недоуменный, удивленный, с изумлением, рассеянно

Обусловленные физиологическим состоянием

усталый, утомленный, заспанный, больной, простуженный, пьяный

в. Контролируемые окказиональные характеристики

Агрессия и конфликтность

резкий, жесткий, холодный, ледяной, желчный, раздраженный, недовольный, саркастический, иронический, кислый, презрительный, язвительный, ехидный, злорадный

сухой, твердый, металлический

издевательский, вызывающий, враждебный, ненавидящий, хамский, наглый, грубый, развязный, фамильярный

повышенный тон

Уступительность и кооперативность

сочувственный, покровительственный, заботливый, с состраданием, приветливый, дружеский, примирительный, доверительный, добродушный

увещевающий, кроткий, милостиво, снисходительно

Позиция победителя / хозяина

победоносный, с торжеством, задорный, настойчивый, нахальный, развязный, разухабистый, властный, командный, приказной, уверенный, внушительный, величественный, выпенный, важный

Позиция проигравшего / слуги

виноватый, сконфуженный, робкий, извиняющийся просительный, заискивающий, подобострастный, почтительный, в раскаянии, с сожалением, неуверенный

Вежливость

учтивый, галантный, вежливый, любезный, предупредительный

Заинтересованность или ее отсутствие

деревянный, сухой, равнодушный заинтересованный, прочувствованный

Манерность положительная

сладкий, кисло-сладкий, слащавый, елейный, приторный, нарочито..., приторный, сюсюкающий

Манерность отрицательная

чопорный, важный, манерный, натужный, церемонно

Позиция игры (маска)

игривый, шутливый, лукавый, дурашливый, скабресный, ребяческий

1. 2. Номинации по звучанию

а. Встроенные характеристики

тональные

высокий (тонкий), низкий (толстый), пискливый, утробный, фистулой / фальцетом, басом

громкостные

громкий, сильный, звучный, звонкий

тихий, глухой, приглушенный, придушенный, сдавленный

фонационные

полный, грудной, глубокий, густой, сочный, зычный, вибрирующий, залиvistый жесткий, напряженный, мягкий, расслабленный, сиплый, осипший, хриплый, скрипучий, скрежещущий, надтреснутый, прерывистый, ломкий

артикуляционные

шепелявить / шепелявый, гнусавить / гнусавый, гундосить / гундосый, зажаться, картавить / картавый, грассировать

общая организация речи

резкий, отрывистый, плавный, тягучий, протяжный

б. Неконтролируемые окказиональные характеристики

отрицательные жесты:

рыдающий голос, плачущий голос

бормотать, верещать, деревянным голосом

визгливый, срывающийся

хриплый, рыдающий, плачущий, всхлипывающий, сказать со стоном

упавший, дрожащий, слезливый, пискливый, плаксивый, со вздохом

слабый, сдавленный, искаженный, потухший

булькающий

не своим голосом

положительные жесты:

смеющийся голос, звенящий голос

звонкий, звучный, звенящий, смеющийся, хихикая, ослабившись

в. Контролируемые окказиональные характеристики

шептать, кричать

высокий, низкий, фистулой, басом

полным голосом, слабым голосом

воскликать, кричать, шептать

*быстро, поспешно, торопливо, скороговоркой, тараторить
медленно, неспешно, размеренно, отрывисто, плавно, нараспев, сквозь зубы
подчеркнуто, ясно, размеренно, особенно тихо
чеканный, отчетливый, выразительный
сюсюкать, бурчать*

2. Субъективные номинации

2. 1. Оценочные характеристики

Реактивные оценки

раздражающий, пронзительный проникновенный

Гедонистические оценки

*гибкий, красивый, прекрасный, волшебный, пленительный, бесподобный, дивный, восхитительный, певучий, бархатный свежий, музыкальный, серебристый
гадкий, жидкий, мерзкий, ужасный, отвратительный, противный, нудный, скучный, тусклый, монотонный*

Оценки искренности

вкрадчивый, фальшивый, театральный, притворно..., нарочито...

2. 2. Перцептуальные характеристики

еле слышимый, слабый, чуть слышно, невнятно

отчетливый, четкий, чеканный, внятный, ясный, сильный, зычный, звучный, громовой, оглушительный, раскатистый, пронзительный, трескучий, клокочущий, переливчивый, льющийся, журчащий

3. Произносительные глаголы

3. 1. Номинации аномального произнесения

Громкость, темп, отчетливость

кричать, восклицать, шептать

тараторить, говорить скороговоркой, цедить, мямлить, отчеканить

Психологически мотивированные аномальные регистры

бормотать, лепетать, ворчать, стонать, хрипеть, шипеть, брюзжать, сопеть, пыхтеть

сипеть, бурчать (под нос), скулить, петь (переносно), пищать, бухнуть, буркнуть, фыркнуть, бубнить

орать, вопить, визжать, реветь, рвать, гаркать, голосить
Встроенные артикуляционные дефекты
заикаться, гундосить, картавить, шепелявить
Возрастные особенности
лепетать, шамкать

3. 2. Звукоподражательные глаголы

Звуки животных
чирикать, рычать, скулить, рвать, ворковать, щебетать, жужжать, мурлыкать, блеять, стрекотать, кудахтать, мычать, тявкать
Звуки неживой природы
скрипеть, скрежетать, шушать, греметь, трубить, гудеть, звенеть

Литература

- Арутюнова 1986 — *Арутюнова Н. Д.* Диалогическая цитация (к проблеме чужой речи) // Вопросы языкознания. № 1. 1986.
- Кодзасов 1996 — *Кодзасов С. В.* Фонетическая база данных ИРЯ РАН // Просодический строй русской речи. М., 1996.
- Кодзасов, Кривнова 1977 — *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Фонетические возможности гортани и их использование в русской речи // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.
- Крейдлин 1994 — *Крейдлин Г. Е.* Голос, голосовые признаки и оценка речи // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.
- Кузнецов, Жаромский 1979 — *Кузнецов В. Б., Жаромский В. С.* Экспериментальное исследование структуры семантического поля, описывающего слуховое восприятие человека // Вестник Московского университета. Сер. 9. 1979.
- Потапова 1997 — *Потапова Р. К.* Коннотативная паралингвистика. М., 1997.
- Pike 1943 — *Pike K. N.* Phonetics. Ann Arbor, 1943.

ЧАСТЬ 8

ПРОСОДИЯ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВА

Глава 1

Скрытая просодия слова и звуковые изменения (на примере говора с. Деулино Рязанской области)*

Введение

Предыдущие публикации автора о неизвестных ранее просодических характеристиках русских слов [Кодзасов 1989; 1995; 1996а; 1996б] до сих не получили отклика. Между тем, учет скрытых просодий позволяет понять многие труднообъяснимые факты русской фонетики. Особенно велика может быть их роль при истолковании многообразных исторических изменений, которые произошли в русских диалектах. До сих пор мотивация многих из этих процессов неясна. По нашему убеждению, открытая нами просодическая система восходит к общерусскому состоянию и данные литературного языка релевантны для диалектов.

Мы предприняли попытку показать объяснительную силу сведений о просодии литературного языка на примере одного из русских диалектов — говоре села Деулино Рязанской области. Выбор этого говора обусловлен прежде всего тем, что он документирован лучше, чем любой другой: имеется большой словарь [Словарь 1969], описание некоторых существенных особенностей фонетической системы [Пауфошима 1977], а также масса магнитных записей высокого качества.

Дадим краткую характеристику тех просодических признаков, которые в наибольшей степени повлияли на деулинскую фонетику. Признак *тип завершения гласного* соответствует известному в общей фонетике признаку *примыкание*. В германских языках, где он традиционно выделяется, способ завершения гласного соотносен с типом примыкающего справа согласного: перед ненапряженным (более кратким) согласным гласный завершается медленно, а перед напряженным (более долгим) усекается. В русском литературном языке признак троичен и не связан с последующим согласным: медленное завершение (М) противопоставлено нейтральному (Н) и быстрому (Б). Примеры: *more/М — поле/Н — горе/Б, весна/М — сосна/Н — блесна/Б*. В приведенных словах значение признака характеризует все слоги, однако оно может меняться (один раз) внутри слова: *глина/МН, кожа/НБ*.

Признак *раствор гласного* (вертикальное расстояние нижней челюсти относительно верхней) в большинстве языков соотносен с подъемом языка. Однако в общем случае эти артикуляционные параметры независимы. В литературном русском языке имеется три значения признака раствора: широкой (Ш), нейтральный

* Опубликовано в: Проблемы изучения дальнего родства языков: Тезисы докл. М., 2000.

(Н) и узкий (У). Примеры слов с одинаковым значением признака на всех гласных: *соха/Ш — меха/Н — мука/У, олень/Ш — лень/Н — ремень/У*. Значение признака в слове может меняться: *свобода/ННУ*.

Горизонтальное положение языка в ротовой полости обусловлено состоянием его внешних мышц, тогда как его форма зависит от внутренних мышц. В русском языке эти параметры контролируются независимо. Признак *горизонтальная поза языка* имеет три значения: передний (П), нейтральный (Н) и задний (З). Примеры: *небо/Н — невод/П, драки/Н — раки/П, грипп/Н — гриб/З, вокруг/Н — супруг/З*. Здесь значение признака характеризует слово целиком.

Признак *общая динамическая структура* связан с относительным вкладом вокалического и консонантного каналов в артикуляционный процесс для данного слова (модель двухканальной организации артикуляции была предложена знаменитым шведским фонетистом С. Эманом [Oehman 1966]). При доминанции вокалического канала наблюдается тенденция к открытости слога и ослаблению согласных. Произносимая речь ощущается как «плавная» (ПЛ). При доминанции консонантного канала согласные усилены и речь ощущается как «рубленая» (Р), явно распадающаяся на слоги. При нейтральной организации артикуляционного потока (Н) вокалический и консонантный каналы равноправны. Рассматриваемый признак всегда характеризует фонетическое слово целиком. Примеры: *грузы/Н — кузов/ПЛ, дело/Н — тело/Р, лоза/ПЛ — глаза/Р, молния/ПЛ — полная/Н — яблоня/Р*.

Для дальнейшего изложения важно также знать о наличии признака *вертикальная поза гортани*. Кроме нейтральной позиции (она в записи не маркируется) гортань может занимать либо более высокую позицию (?), либо более низкую (?). Примеры: *псарь — царь/? , лен — лед/?*.

Важной чертой перечисленных признаков в литературном языке является их троичность, причем большинство слов имеет нейтральное значение. Следует учесть, что огласовка лексемы может меняться при словоизменении и словообразовании, а также как результат просодического согласования внутри синтаксической группы.

По нашим наблюдениям, в диалектах часто происходит упрощение тех или иных просодических контрастов в результате их бинаризации. Она осуществляется путем слияния одного из маркированных значений признака с нейтральным. В результате основная масса слов приобретает маркированную просодическую характеристику, которая становится доминантной для артикуляционной базы диалекта. Это ведет к трансформации фонетической системы в целом. Деулинский говор дает яркий пример такого развития.

Речевая поза говора Деулино

Деулино относится к числу говоров с речевой базой типа: «сокращенная глотка — широкий рот». Уменьшение глоточного резонатора является следствием бинаризации признака «вертикальная поза гортани»: в качестве нейтрального

состояния стало использоваться высокое положение гортани, и лишь немногие слова произносятся при низком ее положении. Подъем гортани сопровождается некоторым смещением языка в передне-верхнем направлении, что придает речи деулинцев умлаутную окраску. Эта артикуляция сходна с «эмфатической палатализацией» [Трубецкой 1960], однако она не содержит компонента эпиглоттализации. Подъем гортани сопровождается опущением нижней челюсти — оно известно в языках с «эмфатической палатализацией». В целом соотношение объемов глотки и ротовой полости существенно изменилось в Деулино в пользу последней.

1. Завершение гласного

Расширение пространства для ротовых артикуляций способствует повышению чувствительности языка к вокалическому количеству, так как целевые артикуляционные точки гласных расходятся на большие расстояния. Как и в других «якающих» диалектах, в деулинском говоре при построении интегральной количественной схемы слова соотносятся длительности гласных, обусловленные положением в разных ритмических позициях, с их собственными длительностями (широкий гласный «тяжелее» узкого). Однако Деулино имеет две специфические особенности счета количества: 1) конечный слог слова по ритмическому весу равен предударному, т. е. условная ритмическая схема слова имеет здесь вид 3...3213...2 (единицей обозначен ударный слог); 2) тип завершения гласного переосмыслен как долготная характеристика: быстрый трактуется как краткий, нейтральный как полудолгий, а медленный как долгий. Покажем, как взаимодействуют схемы ритмического и сегментного количества в разных позициях.

1.1. Предударная позиция

Здесь возможны лишь гласные верхнего подъема (*и, ы, у*) и *а*. Есть две схемы реализации этимологических *е* и *а* после мягких. Если гласный имеет нейтральный или долгий тип завершения, то он реализуется как *а*: *ряка, сляпой, сястра, ядять, зямля, вясной, жана, нясла, двянадцать, бялить, часнок, прядуть, ат няво, ня хватить, ня стали, пиряд праздника, събярү, пъямянуть*. Если *е* и *а* имеют краткий тип завершения, то они реализуются как *и* (после отвердевших шипящих — как *ы*): *нивеста, ниделя, симья, дитей, мидвидей, типерь, посиредки, привизеш, биседа*. Это распределение регулярно и подтверждается массой примеров. Поскольку значения признака завершения меняются при словоизменении и словообразовании, встречаются чередования в однокоренных парах типа: *ряка/Н — по рике/Б, събярү/Н — събиреть/Б, лъшадям/Н — лъшьдей/Б*. Поясним, что значения признака мы оцениваем по произношению соответствующих слов в литературном языке.

1.2. Конечная безударная позиция

Распределение гласных здесь аналогично описанному выше для предударной позиции. Этимологические *e* и *a* после мягких реализуются как *a* при нейтральном и долгом завершении: *умяр, ветяр, месяц, идитя, давайтя, знаитя, должен, вышал, молимся, апасаимся*. При кратком завершении гласного выступают *ы/и*: *можыть, приедить, хватайть, будим, вовси, ъсталси, баимси*. Особенно интересно распределение окончаний прилагательных, причем как после мягких, так и твердых основ. Рассмотрим его на примере форм мужского рода. Здесь на месте этимологического *o* мы находим *a* при неусеченном завершении и *ы/и* при усеченном. Поясним, что характеристики М/Н/Б предопределяются соответствующими характеристиками существительного, с которым грамматически согласовано прилагательное. Примеры без усечения гласного вершинного существительного: *новой, харошай, третяй дом/Н; крикливай мальчик/Н; старай свояк/Н; малинькяй мужик/Н*. Примеры с усечением: *вострый нож/Б; четвѳртый, пятый год/Б; девятый день/Б; знакомый лес/Б; пьяный председатель/Б*. Особенно показательны случаи, когда одно и то же прилагательное встречается в двух огласовках: *гладкай лен/М — гладкий волос/Б*.

1.3. Прочие проявления различий в типе завершения гласного

В абсолютном начале слова на месте безударного *o* встречается как *a*, так и *ъ*. Ср. такую пару: *аставляли лен/М — ъставляли халсты/Б*. Здесь глагол согласуется с прямым дополнением. (В литературном языке имеет место сходная ситуация.).

В слабых ритмических позициях *a* редуцируется за исключением случаев с медленным завершением гласного: *пѳмянуть/Н, палопѳлися/Н, но бѳрабан/М, вешѳлка/М, навалѳчка/М*.

1.4. Перенос ударения

В общем случае признак типа завершения гласного является слоговым, а не словесным: имеются примеры мены значений признака внутри слова. В литературном русском языке распределение значений Б, Н и М при гласных не соотносено с местом ударения. Усиление роли количественного параметра в Деулине приводит к тому, что рассогласование соотношения ритмических и вокалических долгот не допускается. В таких случаях ударение переносится на более «долгий» гласный. Примеры: *хѳчу/МН, ѳду/МН, вѳрнуть/МН, крадимси/НББ, придиши/НБ, (они) нѳпилѳть/ББН, пустилѳ/ННМ, хварѳст/НМ, бурѳя/НМ, жалѳтьѳ/НММ, асяньѳ/ННМ*.

2. Раствор

Растворные различия оказывают на гласные влияние, сходное с влиянием количества: узкий раствор по действию аналогичен краткости, а широкий долготе. В случаях, когда значение У (узкий) совпадает с Б, кумулятивное действие двух факторов повышает подъем гласного на одну ступень: *апеть* («опять»), *напрели* («напряли»), *мечик* («мячик»), *пъглитить* («поглядеть»), *плименница* («племянница»), *катумка* («котомка»), *дивирь* («деверь»), *виник* («веник»), *йисть* («есть» в значении «кушать» в отличие от бытийного глагола, который не изменился), *болить* («болеть»), *лизь* («лезь»), *пъсмарили* («посмотрели»), *мырда* («морда»).

Менее распространены случаи расширения гласных, они наблюдаются при совмещении значений Ш (широкий) и М, которое встречается в небольшом числе слов. Примеры: *лавим* («ловим»), *тат жа* («тот же»), *на сех пор* («по сих пор»), *смернай* («смирный»). Отметим, что изменение подъема гласных под влиянием маркированных значений признака «раствор» широко распространено в русских диалектах. Например: *перог* («пирог»), *пехать* («пихать»), *Россея* («Россия»), *ходила* («ходила»), *зброя* («сбруя»).

3. Горизонтальная позиция языка

Небольшое упреждение базовой речевой позы, связанное с высоким положением гортани, не устранило в Деулине различия слов по признаку горизонтальной позиции языка. Слова с маркированными значениями этого признака обнаруживают неэтимологическую палатализацию и диспалатализацию согласных. Особую чувствительность к этому признаку обнаруживает звук *p*, что связано, вероятно, с точечностью его артикуляции. Приведем примеры палатализации в «передних» словах: *камарь*, *нутр'о*, *завтря*, *кряпива*, *диря*, *дул'о*, *плясь* («пляс»), *дисьма* («десна»), *щълуха* («шелуха»). Теперь примеры диспалатализации в «задних» словах: *гурба*, *рыга*, *брычка*, *грыбы*, *страхнулся* («встряхнулся»), *узал* («узел»), *вышня*, *письмо*, *грусты* («грузди»), *попел* («пепел»).

4. Общая динамика артикуляции

Одной из ярких особенностей деулинского говора является парадоксальное сочетание процессов наращивания вокалических пазвуков и выпадения этимологических гласных [Словарь 1969; Пауфошима 1977]. Эти процессы находят простое объяснение: они связаны с влиянием на сегментную структуру слова маркированных значений просодического признака «общая динамика». Избыточная вокализация связана с «плавностью» слова, тогда как избыточная консонантизация обусловлена его «рубленностью». Однако особенностью этих процессов является

то, что они до сих пор не приобрели статуса регулярных законов и их действие в значительной степени зависит от ритмики слова, от его позиции во фразе, от темпа речи и, наконец, от грамматического класса слова.

Наиболее показательны наращения гласных в конце слова после сонорных и фрикативных. В имеющихся текстах их больше всего в «плавных» глагольных формах: *астави́ма, выгряба́има, закричи́ма, иде́ма, ни дади́ма; ни прайде́ша, наварии́ша, балтаи́ша, знаи́ша, буди́ша, аддаи́ша*. Но эти формы встречаются также (особенно не в конце синтагмы) и без вокалических наращений: *астави́м, ни дади́м; знаи́ши, аддаи́ш*. Однако имеется диагностическое отличие «плавных» слов от «неплавных»: последние никогда не присоединяют пазвуков: *пайде́м, нарубим, праполи́м; кидайи́ши, валяйи́ши, прадаи́ш*.

Примечательно, что местоименные формы и наречия с характеристикой «плавный» превращают пазвук в постоянную часть слова: *тама, савсе́ма, иха, с нима, к нейа*. Очевидно, это связано с высокой употребительностью этих форм. Интересное изменение произошло в «плавных» существительных ж. р. на конечный мягкий согласный, где наблюдается мена типа склонения вследствие переинтерпретации пазвука как окончания: *жизня́ (а также *жизню́*), постеля́ (а также *постелю́*), болезня́, мы́ша, пы́ля*.

Для «плавных» слов характерно также появление пазвуков в начальных сочетаниях шумных с сонорными: *пълаи́шмя, пъялямя́нник*. Напротив, в «рубленых» словах редуцированные и безударные узкие подвергаются синкопе: *чкать* («чихать»), *прасильсь* («опоросилась»), *горч* («горечь»), *бурдавка* («бородавка»), *глубкий* (из *глубький*/МНН), *на р'ку* («на реку»), *нъ пталок* («на потолок»), *ягдки* («ягодки»), *кстица* («крестится»).

Заключение

Любой русский диалект обнаруживает массу закономерных звуковых изменений, обусловленных скрытыми просодическими контекстами. Для истории литературного русского языка вторжение скрытой просодии в сегментную фонетику не столь характерно. Вероятно, это обусловлено сохранением в нем исходной троичности просодических противопоставлений, которая предполагает неполяризованность крайних членов. В диалектах же бинаризация просодий дает толчок к их контрастной поляризации и усилению влияния на сегменты. Заметим, что в настоящее время скрытая словесная просодия у многих носителей литературного языка отсутствует. Очевидно, это связано с превращением его в койнэ, покрывающее разнообразные региональные разновидности языка.

Диалекты сильно различаются по тому, какие троичные признаки они бинаризуют. Для северных диалектов гораздо типичнее сужение рта, связанное с бинаризацией растворных различий, чем для южных. Отсюда, по-видимому, следует отсутствие редукции безударных (двигательные амплитуды для гласных

невелики), «тараторень» (сверхбыстрый темп речи) и упрощение подсистемы сибиллянтов.

Литература

- Кодзасов 1989 — *Кодзасов С. В.* О просодии русского слова // Славянское и балканское языкознание. Просодия. М., 1989.
- Кодзасов 1995 — *Кодзасов С. В.* О редуцированных словах в русском языке // Проблемы фонетики. 2. М., 1995.
- Кодзасов 1996а — *Кодзасов С. В.* Просодические классы слов и место ударения // Просодический строй русской речи. М., 1996.
- Кодзасов 1996б — *Кодзасов С. В.* Фонетическая база данных ИРЯ РАН. Приложение 4 // Просодический строй русской речи. М., 1996.
- Пауфошима 1977 — *Пауфошима (Касаткина) Р. Ф.* О структуре слога в некоторых русских говорах // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.
- Словарь 1969 — Словарь современного русского народного говора / Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.
- Трубецкой 1960 — *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М., 1960.
- Oehman 1966 — *Oehman S. E. C.* Coarticulation in VCV utterances: spectrographic measurements // JASA. 39. 1966.

Глава 2

Фонетические загадки селения Линово*

Вступление

Автор данной заметки не является славистом и до поездки в Линово не имел опыта диалектологической работы в русских или украинских диалектах. Его прошлая полевая практика была связана с изучением неславянских языков России — кавказских, тюркских и камчатских. Пребывание в Линово создало для него существенно новую исследовательскую ситуацию: возникла возможность опираться на знание родного языка и элементарных фактов истории славянских языков.

Эта возможность помогает без труда проинтерпретировать некоторые особенности линовской речи сравнительно с русской. Так, поскольку известно, что в древнем восточно-славянском языке глагольные окончания третьего лица настоящего времени содержали «ерь» (*ть*), наличие этого гласного в линовских формах типа *вазьметь, видить, идуть* не удивляют: они показывают, что в Линово сохранился старый вариант произнесения. С другой стороны, обнаруживается, что исконному окончанию *л* в глагольных формах мужского рода прошедшего времени соответствует лабиальный глайд ***в*** (полужирным шрифтом мы будем обозначать губно-губное произнесение *в*), например *сказав, брав*. (Известно сходное развитие этого окончания в польском языке.) Таким образом, линовская речь в чем-то архаичнее русской, а в чем-то отличается от нее инновациями.

Однако многие особенности линовской фонетики не поддаются объяснению на основе знания исторических фактов или на основе простых фонетических законов. Такова ситуация не только в Линово, но и в большинстве русских диалектов, о чем свидетельствуют опубликованные словарные и текстовые материалы (см., например, [Оссовецкий 1969; Касаткина 1999]). Восточно-славянские диалекты изобилуют необъяснимыми фонетическими фактами, которые представляют собой настоящий вызов для исследователя. Мы рассмотрим ниже несколько наиболее типичных загадок, с которыми сталкивается фонетист в Линово, и попробуем предложить ключи к их решению.

* Публикация: Горюны: история, язык, культура. Материалы междунар. науч. конф. Сумы: ИПП «Мрия-1», 2005.

1. Диссимилятивное яканье

Явление диссимилятивного яканья широко известно в русских диалектах, оно имеет несколько разновидностей (см., например, [Кузнецов 1960]). Процесс в целом характерен для диалектов, в которых имеется редукция гласных: безударные *a*, *o*, *e* после мягких согласных переходят в редуцированный упрежденный гласный (мы будем ниже обозначать его общепринятым транскрипционным знаком *ь*, используя для мягкости согласных не перед гласными надстрочную запятую). Для первого предударного слога условия редукции различаются по диалектам. В целом наблюдается тенденция к компенсаторным отношениям «тяжестей» внутри акцентного ядра слова (ударного и предударного слогов): чем шире (а, следовательно, длиннее) ударный гласный, тем вероятнее редукция предударного гласного, и чем уже (а тем самым короче) ударный гласный, тем вероятнее расширение предударного. Переход предударного гласного в *a* после мягкого согласного и называется диссимилятивным яканьем.

Приведем типичные примеры диссимилятивного яканья в Линово: *зьбярү, яво, сяло, пяку, пякеш, ляжить, пьряход, нь пяхи, кряхтить, дятей, нь бяри дятенка, ня слышим, ня видим, ня будит', ня пив, нь бярет', ньвярху, пякли, зяленые, сяд'мой, тямнеет', вянок, понясет', к чаму, жанила, пишаница, шастой*. Мы видим, что предударные *a*, *o*, *e* после мягких согласных (а также после этимологических мягких *ж* и *ш*) реализуются как [a] перед всеми ударными гласными, кроме *a*. Примеры отсутствия яканья перед ударным [a]: *пьярьвзала, пьярьбярю, кьяльдьзя* «колодцы», *нь бьда*. Поясним, что ударение в приведенных формах совпадает по месту с русским литературным ударением.

Эти примеры ясно показывают, что только звук *a* в ударном слоге предотвращает расширение предударного гласного. Все прочие ударные гласные оказываются «легкими» и требуют компенсаторного расширения предударного гласного для обеспечения должного «веса» акцентного ядра слова. Обратим внимание на то, что схема редукции гласных после твердых согласных в предударных слогах соответствует русской литературной норме: *ваз'мет', зьябярү, пнясет', ряздялилися, ньвярху, кьбачки* и т. п.

Мы представили стандартную схему предударного вокализма в Линово. Однако имеется ряд отклонений от нее, которые требуют объяснения. Прежде всего, обнаружено отсутствие диссимилятивного яканья в некоторых словах, которые по ритмической и сегментной структуре, казалось бы, его предполагают: *ньвеста* (при *нявестка*), *тьярпет'*, *пьясочная, сьярдечный, зьярно, бьяседа, нь зьямле* (при *пьяд зьямлей*), *сьятьяртей, пьяд вьянец* (ср. *в вянке*), *дьятей, ньсти* (при *пьянсет'*). Некоторые из этих отклонений могут быть объяснены тем, что в качестве ударного гласного выступают исторические «ять» или «о закрытое» [Кузнецов 1960]. Однако для слов *пьясочная, сьярдечный, пьяд вьянец, ньсти* объяснение отсутствует. Слова этой группы имеют, очевидно, некоторое особое свойство, блокирующее расширение предударного гласного. Естественно предположить, что

это же свойство влияет на неожиданное появление предупредных редуцированных после твердых согласных в некоторых словах: *дъстали, съшилися, пѣдъшли* (по размеру), *пѣкрѣшу* «покрошу».

С другой стороны, обнаруживается обратное отклонение от нейтрального распределения гласных — в сторону отсутствия редукции в безударных позициях: *калдоват', знахор', па расе* «по росе», *покрывало, накладеш, камари, баразна* «борозда». Очевидно, слова этой группы имеют какое-то просодическое свойство, блокирующее редукцию гласных.

Сопоставление вокалических огласовок слов-исключений с произнесением их аналогов автором данной статьи в русском литературном языке дает такое гипотетическое объяснение: блокировка диссимилятивного яканья и избыточное сужение гласных наблюдается в словах с узким раствором рта, тогда как блокировка редукции, напротив, имеет место в словах с маркированно широким раствором. Поясним, что просодический признак раствора, т. е. положения нижней челюсти относительно верхней (в общем случае оно не зависит от подъема языка), описан нами впервые в работе 1989 г. [Кодзасов 1989].

2. Изменения губных звуков

2.1. Три рефлекса звука *в

Исконный *в выступает в Линово в трех видах: губно-зубной фрикативный [в], губно-губной сонорный [в] и гласный [у]. Приведем примеры на каждый случай:

[в] — *воск, дѣ вайны, ваз'мет', дѣ варот, яво, дѣмавой, завом* «завем», *время, в гароду* «в огороде», *навзнич, слив, пауков*;

[в] — *вас, вам, нь выдавав, на выстьвку, клювѣм клювайѣт', трава, карова, квас, хвост, лавка, девка*;

[у] — *унучка* «внучка», *учора* «вчера», *у лес* «в лес», *у ями* «в яме», *узьла* «взяла», *улева* «влево», *уси* «все», *удава* «вдова».

Как видим, имеется дополнительное распределение [в] и [у]: вариант [у] встречается только в начале слова, тогда как вариант [в] — во всех позициях. В то же время губно-зубной [в] встречается во всех позициях. Это означает, что расхождение рефлексов [в] и [в]/[у] наблюдаемыми позициями в слове не объясняется. Что же лежит в его основе? Снова прибегая к сравнению с литературным русским языком, находим, что вариант [в] характерен для слов, произносимых более громко, с большим дыхательным усилием, а варианты [в]/[у] — для слов, произносимых с меньшим дыхательным усилием. Такая связь степени дыхательного усилия с напряженностью согласных в фонетике известна.

Необходимо отметить еще один интересный факт: все встретившиеся нам слова с палатализованным в сохранили губно-зубное произношение этого звука. Например: *вечѣр, пѣрвьвзала, чарвей, вядут, святой, вянок, вилы, вярровка* и т. д.

Очевидно, это отражает большую степень артикуляционной напряженности палатализованного звука.

2.2. Три рефлекса звука *у

Правильность трактовки условий варьирования исконного **в* подтверждается, на наш взгляд, сходством распределения рефлексов исконного *у в начале слова. Здесь также обнаруживается три варианта: [у], [ву], [в/ф]. Примеры:

[у]: *уж/ужака* «уж», *ул'* «улей», *умерла*, *угъл'*, *узъл*;

[ву]: *вузкий*, *вулица*, *вусы*, *вутиный*, *вузьлок*;

[в/ф]: *вже* «уже», *фспели* «успели».

Расположение примеров отражает нарастание степени громкости (и консонантизации) произнесения. Обратим внимание на различие громкости нейтральных и уменьшительных номинаций: *узъл* — *вузьлок* (отметим попутно узкий раствор этих слов). Сравнивая произнесение в литературном языке таких пар, как *нос* — *носок*, *клуб* — *клубок*, *ком* — *комок*, *угол* — *уголок* и т. п., читатель может заметить несколько более громкое произношение уменьшительных форм.

Отметим, наконец, переход в [в] глагольного окончания прошедшего времени л: *сказав*, *делав*, *брав*, *приснився* и т. п. (исключение — *дал*). Характерно, что конечное л в общем случае сохраняется: *угъл*, *вол* и т. п.

3. Некоторые другие интересные процессы

3.1. Прогрессивная ассимиляция по лабиальному тембру

Согласные конца закрытого слога после гласного [у] могут подвергаться лабиализации, мы обозначаем ее буквой *w*. Этот процесс особенно часто наблюдается в глагольных формах настоящего времени: *придут* 'w, *крутят* 'w, *ходят* 'w. Если слог с у закрывается согласным х, то возможны два варианта произношения — [xw] и [ф]: *пяхухw//пяхуф*, *нюхw//нюф*, *пухw//пуф*. Примечательно, что два варианта произношения имеет и слово «туфли»: *тухули* и *туфли*.

3.2. Твердость/мягкость вибрантов

Вибранты [р] и [р'] в ряде случаев утратили этимологические значения признака мягкости/твердости. Примеры отверждения исконно мягкого сегмента: *праник*, *каструля*, *вьровка*, *тром* «трем», *стрьяляли*, *стрыгли*. При этом далеко не все мягкие вибранты отвердели: *грядки*, *пьяход*, *кряхтит*, *рясница*.

Примеры палатализации исконно твердого сегмента: *камари*, *завтря*, *завтрькать*, *вирябей*. Примечательна подверженность вибранта прогрессивной ассимилятивной палатализации: *свер'ху*, *цер'ква*.

Очевидным образом, вибрант в наибольшей степени подвержен влиянию факторов, способствующих наличию/отсутствию палатализации. Как видно из примеров, наряду с сегментными факторами действуют и некоторые другие. Мы полагаем, что главным из них является интегральная поза языка: упрежденная поза дает палатализацию, а узадненная — веляризацию. Наличие таких позовых различий в экспрессивной речи не вызывает сомнений: осуждение маркируется смещением языка назад, а одобрение — вперед (т. н. «сюсюкание»). Однако в рассмотренных случаях трудно усмотреть символическую мотивацию отвердения и смягчения.

Отметим, что в русском литературном языке позовые артикуляционные установки не оказывают столь сильного воздействия на сегменты, как в Линово. Видимо, для артикуляции данного диалекта в целом характерны более активные интегративные процессы, что, в частности, ведет к полной ассимиляции [j] в сочетаниях с другими согласными: *свин'ня* «свинья», *ночку* «ночью», *с'сели* «съели», *ул'ли* «ульи» и т. п.

3.3. Процессы, связанные со структурой слога и слова

Начальные комплексы глухих согласных не подвергаются изменениям: *сказав*, *стреляли*, *скътьртя*, *пианица*. В то же время при начальных сочетаниях звонких отмечены протезы: *изделана* «делана», *избивали* «сбивали», *ъгрех* «грех». Однако это наблюдается не всегда: *жнеш*, *зговоры*, *грают'*.

Отмечены случаи устранения зияний на стыках слов — за счет опущения начального гласного: *мы (и)скали*, *на (а)городах*. В то же время внутренние зияния сохраняются: *даили*, *аист*.

Ритмическая схема слова в целом подобна схеме литературного русского языка, если не считать диссимилативного яканья: позиции редукции гласных совпадают. Однако в Линово более полное произнесение препаузальных конечных гласных (оно связано с явлением конечного продления) выражено в большей степени. Оно особенно проявляется в произнесении [a] на месте безударного [e]: *больша*, *раньша*, *пейтя* и т. п.

3.4. Труднообъяснимые процессы

До сих пор мы обсуждали звуковые изменения, для которых можно предложить достаточно правдоподобную фонетическую мотивацию. Однако некоторые из наблюдаемых в Линово процессов пока не поддаются интерпретации. В частности, трудно объяснить эпизодический переход начального [o] в [и] (*итнправит'*, *витка-залися*, *ипят'* и т. п.), переход [a] в [e] в словах *спретаѡ* «спрятал», *седьт* «сядет». Специального изучения требует реализация конечных шумных: в некоторых словах отсутствует оглушение звонких (*дуб*, *медь*) и — более того — замечено озвончение глухих (*ешь!* [ж]). Были зафиксированы также этимологически немотивированные

удлиненные спиранты в отдельных словах (*рубашика, ввесною*), странная форма *йос 'т'* «есть, иметься» и другие лексикализованные неожиданности.

Заключение

Настоящая заметка отражает результаты кратковременного исследования, которые носят предварительный характер. Многие факты нуждаются в дополнительной проверке на месте. Возможно, возникновение некоторых вопросов обусловлено тем, что материал собирался от разных информантов. Дело в том, что население Линова достаточно негетогенно, и возможны идиолектные различия.

Тем не менее основные фонетические особенности линовской речи не вызывают сомнений. Несомненно также наличие разнообразных отклонений от базовых правил распределения звуков и стандартных чередований. Ситуация здесь ничем не отличается от той, с которой мы имеем дело в любом русском диалекте. Внимательный читатель немедленно обнаруживает фонетические нерегулярности в любом представительном диалектном тексте. Диалектологи обычно объясняют их экстралингвистическими условиями бытования говоров (влияние соседних идиомов, вторжение литературного языка и проч.).

Автор настоящего сообщения придерживается иного мнения. Нами отмечены многочисленные просодические различия между словами русского литературного языка, которые обычно не замечаются фонетистами. Мы убеждены, что скрытые словесные просодии присущи всем разновидностям русского языка и что они существенно влияют на реализацию звуковых сегментов как в литературном русском языке [Кодзасов 1996], так и в диалектах (см. наше описание фонетических процессов в говоре с. Деулино [Кодзасов 2000]). По нашему мнению, адекватная интерпретация диалектных данных невозможна без учета скрытых просодических характеристик слов.

Литература

- Касаткина 1999 — Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южно-русское наречие / Под ред. Р. Ф. Касаткиной. М., 1999.
- Кодзасов 1989 — *Кодзасов С. В.* О просодии русского слова // Славянское и балканское языкознание. Просодия. М., 1989.
- Кодзасов 1996 — *Кодзасов С. В.* Фонетическая база данных ИРЯ РАН как источник просодических сведений // Просодический строй русской речи. М., 1996.
- Кодзасов 2000 — *Кодзасов С. В.* Скрытая просодия слова и звуковые изменения (на примере говора с. Деулино Рязанской области) // Конф. «Проблемы изучения дальнего родства языков». Тезисы докл. М., 2000.
- Кузнецов 1960 — *Кузнецов П. С.* Русская диалектология. М., 1960.
- Оссовецкий 1969 — Словарь современного русского народного говора / Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова ФОНЕТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ГОРТАНИ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В РУССКОЙ РЕЧИ*

Фонетические возможности гортани весьма широки: состояния ее артикуляторных параметров могут определять разнообразные признаки сегментных и супrasegmentных единиц. Сегменты характеризуются такими ларингальными признаками, как глухость/звонкость, придыхательность, дрожание голоса, глоттализация (эйективность или импловивность) и др., дополнительные признаки такого рода функционально значимы обычно лишь для согласных. Во многих языках имеются, кроме того, согласные, для которых ларингальная артикуляция является основной: простые и (реже) эмфатические ларингалы.

Суперсегментные ларингальные признаки бывают двух видов: тональные (регистровые и контурные) и нетональные, последние характеризуют «фонационное» качество голоса: нейтральный голос, напряженный голос, скрипучий голос, ослабленный голос, придыхательный голос, дрожащий¹ голос и шепот.

Речевые функции гортани в настоящее время интенсивно исследуются как в нашей стране, так и за рубежом. Вместе с тем в русской лингвистической литературе отсутствуют публикации, которые отражали бы нынешний уровень знаний об артикуляционно-акустических свойствах гортани и современную универсальную систематику ларингальных признаков. Ликвидация «ларингального пробела» в отечественной лингвистической литературе — одна из двух задач, которую ставили перед собой авторы. Она решается в первом и втором разделах статьи.

В конкретном языке реализуется только часть богатых фонетических возможностей гортани, весьма различна по языкам также и функциональная роль ларингальных средств. Систематического исследования того, как они используются в русском языке, до сих пор не проводилось. В связи с этим вторая задача настоящей работы — привлечь внимание к этой проблематике и наметить направления исследований. Этой задаче посвящен третий раздел статьи.

* Опубликовано в: Публикации ОСИПЛ. 8. М., 1977.

¹ Используемые нами названия для фонационных типов голоса являются русскими эквивалентами следующих английских терминов (соответственно): (neutral) voice, tense voice, creaky voice, lax voice, breathy voice, murmur, whisper. О термине «фонация» см. ниже.

1. Современные представления о фонетических свойствах гортани

1.1. Артикуляционные свойства гортани²

1. Гортань представляет собой сложную совокупность хрящей, мышц и соединительных тканей, расположенную между трахеей и глоткой. Хрящевая основа гортани образована тремя непарными хрящами — щитовидным, перстневидным и надгортанником — и парой черпаловидных хрящей. Самым крупным является щитовидный хрящ, имеющий V-образную форму, его угол (адамово яблоко, или кадык) выступает на шее. К верхней части этого хряща изнутри прилегает надгортанник, его эластичный лепесток выступает над щитовидным хрящом и смыкается к корню языка. Под щитовидным находится круговой перстневидный хрящ с утолщением («печаткой») в задней части. На этом утолщении помещается пара маленьких хрящей — черпаловидных. В целом гортань представляет собой трубку, которая кроме хрящевой основы содержит также мягкие ткани, соединяющие хрящи и мышцы, сокращения которых меняют относительное положение хрящей.

Эта трубка частично (а иногда и полностью) перегороджена так называемыми голосовыми связками³. Каждая связка состоит из трех частей: ее центральный край представляет собой тонкое сухожилие, далее следует голосовая мышца, еще далее вниз и вбок — слизистая ткань, край которой прикрепляется к перстневидному хрящу. Центральный край связки спереди прикреплен к внутреннему углу щитовидного хряща, а сзади — к отростку черпаловидного. Щель между центральными краями связок (и частично между черпаловидными хрящами) называется голосовым проходом (глоттисом) (Рис. 1).

2. Посмотрим теперь, как артикуляторные параметры гортани управляются в речи. Прежде всего за счет движения черпаловидных хрящей по оси а—а' (см. Рис. 1) может меняться конфигурация голосового прохода. Если голосовые отростки черпаловидного хряща сведены (но не сомкнуты), сведены и центральные края голосовых связок⁴, если они сомкнуты, то сомкнуты и края связок, если они раз-

² В данном параграфе дается предельно сжатое описание анатомо-физиологических свойств гортани, важных для речи. Для более подробного знакомства можно рекомендовать работы: *Sonesson B. The functional anatomy of the speech organs // B. Malmberg (ed.). Manual of phonetics. Amsterdam, 1968; W. J. Hardcastle. Physiology of Speech Production. An Introduction for Speech Scientists. London, etc.: Academic Press, 1976.*

³ Название это неточно, так как сухожильная (связочная в собственном смысле слова) ткань составляет лишь небольшую часть этих органов.

⁴ Такое положение характеризует «речевую позу», т. е. то состояние, которое гортань принимает перед началом акта речи. Все прочие положения являются модификацией этого исходного «нейтрального» состояния.

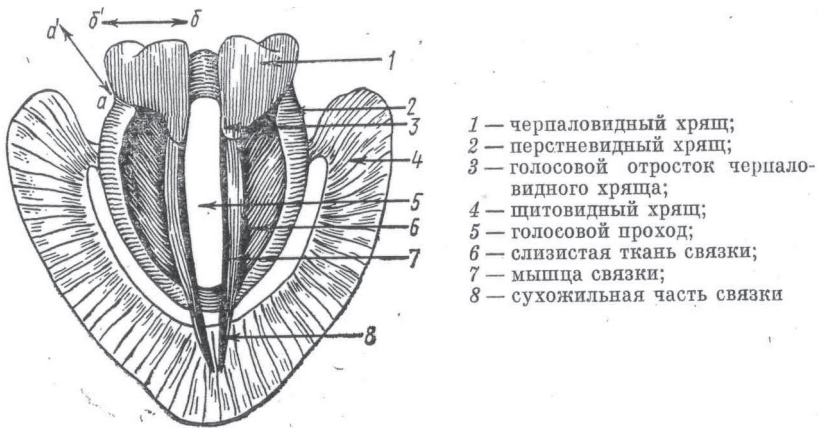

Рис. 1. Поперечный разрез гортани

ведены, то разведены и связки⁵. Кроме крайних степеней смыкания и разведения возможны и промежуточные состояния. Возможно также положение, когда голосовые отростки черпаловидных хрящей сомкнуты и, следовательно, закрыт проход между связками, однако за счет разведения их мышечных отростков (по оси б—б') открывается проход между хрящами (так называемый «шепотной» треугольник). На Рис. 2 схематически представлены основные конфигурации глоттиса⁶.

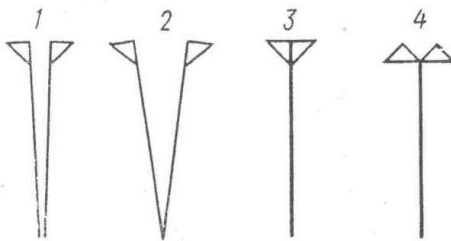

Рис. 2. Основные конфигурации глоттиса

- 1 — голосовые связки сведены — «речевая поза»;
- 2 — голосовые связки разведены;
- 3 — голосовые связки сомкнуты;
- 4 — связки сомкнуты, раскрыт «шепотной» треугольник.

Другой важный параметр, управляемый в речи, — это степень напряженности голосовых связок. Она управляется двумя независимыми артикуляторными механизмами. Первый из них — сокращение голосовых мышц, волокна которых про-

⁵ Степень разведения связок в речи гораздо меньше, чем при свободном дыхании.

⁶ При разведении черпаловидных хрящей из нейтрального положения происходит некоторое растягивание голосовых связок, при смыкании — «сплющивание», эти побочные эффекты на Рис. 2 не отражены.

ходят по всей длине связок от черпаловидных хрящей к щитовидному. Увеличение напряженности голосовой мышцы вызывает «отверждение» связки. Второй механизм — это изменение расстояния между щитовидным и перстневидным хрящами за счет сокращения соединяющей их мышцы. Принцип действия этого механизма схематически представлен на Рис. 3. Приближение передней части перстневидного хряща к щитовидному одновременно удаляет его заднюю часть с черпаловидными хрящами, а тем самым натягивает связки.

- 1 — щитовидный хрящ;
2 — край голосовой связки;
3 — черпаловидный хрящ;
4 — перстневидный хрящ;
5 — ось вращения

Рис. 3. Механизм натяжения голосовых связок

Следующий параметр, который может управляться в речи, — это отсутствие/наличие сжатия гортани. Оно осуществляется круговыми мышцами (сфинктерами), волокна которых пронизывают мягкие ткани, соединяющие хрящи гортани. Сжатие это может касаться лишь входа в гортань, т. е. происходить на уровне надгортанника⁷, либо охватывать более широкую часть гортани⁸.

Наконец, вся гортань может смещаться в вертикальной плоскости как вверх, так и вниз за счет сокращения мышц, соединяющих ее с другими органами.

1.2. Акустические свойства гортани

С акустической точки зрения гортань представляет собой модулятор воздушного потока, генерируемого легкими; разные виды модуляции зависят от релевантных аэродинамических свойств этого модулятора; эти свойства, в свою очередь, определяются значениями артикуляторных параметров, описанных в предыдущем разделе.

1. Рассмотрим сначала механизм образования голоса, т. е. возникновение периодических колебаний звуковой волны в гортани. Как указывалось выше, перед началом говорения голосовые связки сводятся — это есть их нейтральное для речи положение⁹. Поток воздуха через голосовую щель создает в ней отрицательное

⁷ Это движение дает так называемые «эмфатические» ларингады. Об их классификации см.: Кодзасов С. В. Фонетика арчинского языка, гл. 1 // Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 1. 1977.

⁸ Lindqvist J. A descriptive model of laryngeal articulation in speech // STL—QPSR. № 2—3. 1972.

⁹ Возможно, что разным языкам свойственны несколько различные нейтральные позы голосовых связок, т. е. артикуляционная база языка характеризуется не только специфическим укла-

давление, вызывающее всасывающий эффект (так называемый эффект Бернулли). При определенных условиях он приводит к смыканию краев связок и запирацию потока воздуха. Однако давление под связками при этом быстро увеличивается, что приводит к новому размыканию связок, за которым опять следует смыкание (Рис. 4)¹⁰.

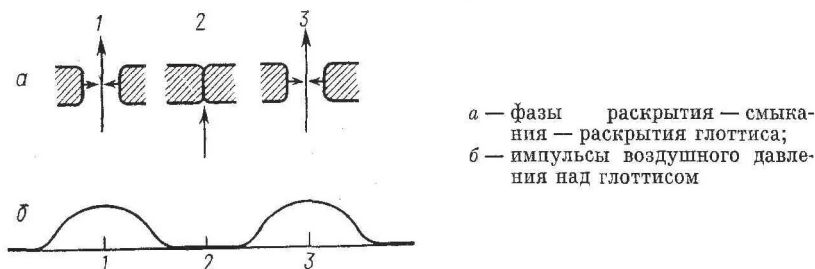

Рис. 4. Фазы колебательного движения голосовых связок:

Возникающая модуляция потока воздуха есть голос. Периодические смыкания и размыкания голосовых связок представляют собой, таким образом, периферический автоколебательный процесс, а не реакции на импульсы из центральной нервной системы¹¹. Однако наличие колебаний зависит от значений трех артикуляторных параметров, которые регулируются центрально. Первый из них — это скорость потока воздуха через глоттис: эффект всасывания усиливается при ее увеличении. Скорость же потока воздуха зависит от перепада давлений (P) над связками (P_{sup}) и под связками (P_{sub}); разница давлений может уменьшаться либо при ослаблении подсвязочного давления, либо при увеличении надсвязочного. Последнее происходит при наличии существенной преграды во рту: задержка воздуха приводит к «накоплению» давления, что может вызвать прекращение голосообразования.

Другой релевантный параметр — ширина голосовой щели: колебания могут предотвращаться полным смыканием связок или их разведением из позиции речевой позы. Важно, однако, подчеркнуть, что возникновение колебаний связок возможно и при существенном их разведении. Их наличие в этом случае зависит от еще одного параметра — степени напряженности связок. Высокая степень на-

дом надгортанных органов, но и особым положением голосовых связок. Хотя расхождения между языками в этом отношении не должны быть значительными, тем не менее они могут быть значимыми для всей системы ларингальных признаков — как сегментных, так и интонационных.

¹⁰ Подробнее о механизме возникновения голосовых колебаний см.: Berg J. van den. Mechanism of the larynx and the laryngeal vibrations // B. Malmberg (ed.). Manual of phonetics. Amsterdam, 1968.

¹¹ Эта общепринятая точка зрения в современной фонетике не разделяется лишь французским исследователем Р. Юссоном (см.: Юссон Р. Певческий голос. М., 1974).

пряженности (жесткость) краев голосовых связок может препятствовать возникновению колебаний даже в позиции речевой позы. Напротив, расслабленность связок благоприятствует наличию колебаний даже в разведенном их положении. Зависимость наличия колебаний от указанных фонетических параметров наглядно представлена на Рис. 5, заимствованном из работы М. Халле и К. Стивенса¹².

При напряженных связках колебания происходят при значениях давления и ширины глоттиса выше кривой «напряж.».

При расслабленных связках колебания происходят при значениях в области выше кривой «расслаб.».

$\frac{\Delta P}{P_{sub}}$ — отношение перепада давлений в глоттисе к подвязочному давлению.

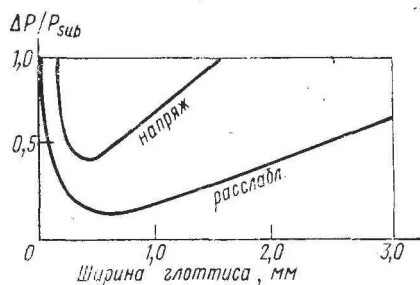

Рис. 5. Условия, при которых происходят колебания голосовых связок

2. Разные конфигурации глоттиса дают разного рода модуляции воздушного потока, которые мы, транслитерируя английский термин *rhotations*, называем «фонациями». Если нейтральное положение связок дает периодический сигнал с определенным соотношением фаз закрытия и раскрытия («нейтральный» голос), то незначительное разведение черпаловидных хрящей меняет форму импульсов, что дает слуховой эффект «мягкого» голоса. При дальнейшем разведении ширина глоттиса вблизи черпаловидных хрящей превышает предел, при котором действует эффект Бернулли, поэтому смыкаются и размыкаются лишь передние части связок. Протекание воздуха через заднюю (открытую) часть глоттиса дает шумовую составляющую, голос становится «придыхательным». Значительное разведение связок полностью предотвращает озвончение и дает глухое придыхание.

Сближение черпаловидных хрящей из нейтрального положения меняет форму импульсов глоттальной звуковой волны, что дает слуховой эффект «жесткого» голоса. При смыкании черпаловидных хрящей связки могут колебаться лишь в передней части, голосообразование при этом требует повышения дыхательного усилия. Возникающая в результате «скрипучая» фонация резко отличается от нейтрального голоса.

Фонационные различия в речи могут касаться как сегментов (обычно согласных), так и несегментных фонетических составляющих (слов, слов и т. д.). Для

¹² Halle M., Stevens K. N. A note on laryngeal features // Quarterly progress report № 101. MIT. 1971. Эквивалентами русских терминов «напряженность» и «расслабленность» являются в этой работе английские термины «stiffness» и «slackness».

согласных функциональную значимость может иметь распределение конфигураций глоттиса во времени относительно ротовых артикуляций (момент начала озвончения, длительность придыхательного отступа звука и др.).

3. Частота колебаний связок — так называемая «основная» частота, слуховым коррелятом которой является высота тона, зависит от двух артикуляторных параметров: напряженности краев глоттиса и перепада давлений (ДР) в глоттисе. Увеличение напряженности связок повышает частоту колебаний, уменьшение — понижает. Из предыдущего изложения ясно, что напряженность связок, а, следовательно, высота тона может регулироваться двумя независимыми артикуляционными параметрами: сокращением голосовых мышц и подъемом перстневидного хряща¹³.

Повышение подсвязочного давления ведет к увеличению ΔP и повышению основной частоты: громкое произношение одновременно является и более высоким. Напротив, увеличение надсвязочного давления понижает тон¹⁴. Не вполне ясно, какова связь частоты с фонационными характеристиками голоса.

4. Сжатие гортани ведет к укорачиванию и утолщению связок, что понижает частоту их колебаний. Линдквист выражает предположение, что это движение может использоваться как один из центрально управляемых механизмов понижения тона. Сжатие также меняет характер фонации, а сильная его степень дает полное смыкание гортани.

Вертикальные смещения гортани в речи связаны в основном с производством глоттализированных согласных. Подъем сомкнутой гортани используется при произнесении эйективных, или абруптивных, согласных, опускание гортани — при производстве имплозивных. Кроме того, опускание гортани может предотвращать оглушение смычных, обусловленное недостаточным потоком воздуха через глоттис, поскольку оно приводит к уменьшению надсвязочного давления, т. е. к увеличению ΔP .

2. О лингвистическом описании ларингальных признаков

Как показано в предыдущем параграфе, модуляция потока воздуха в гортани придает ему свойства двух типов: фонационные и тональные. Некоторые из фонационных признаков могут характеризовать как сегменты, так и несегментные единицы (вплоть до фразы или последовательности фраз), тональные призна-

¹³ Предполагается, что незначительное автоматическое повышение основной частоты на гласном *i* связано с тем, что при его артикуляции смещение тела языка вверх вызывает небольшое дополнительное натяжение связок (*Ladefoged P. Preliminaries to Linguistic Phonetics*, the University of Chicago Press. Chicago; London, 1971).

¹⁴ См.: *Кодзасов С. В.* Измерение основной частоты при исследовании интонации // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 3. Изд-во МГУ, 1968; *Кривнова О. Ф.* Фонетическая характеристика интонации одного типа простых предложений русского языка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. филология. 1969. № 3.

ки всегда функционируют как суперсегментные¹⁵. В фонетической литературе представлены разные точки зрения на структуру универсального инвентаря ларингальных признаков (как фонационных, так и тональных), они в значительной степени отражают различия в понимании системной организации ларингальных артикуляций.

2.1. Признаковые классификации фонационных типов

Типы фонации, описываемые в литературе, выделены на основании наблюдения фонологически существенных звуковых противопоставлений, имеющих в различных языках (главным образом в языках Африки и Индии), и их фонетической реализации. Предлагаемые классификации являются попыткой определить универсальные ларингальные признаки, различающие лингвистически значимые типы фонации. Приступая к рассмотрению этих классификаций, отметим, что вопрос о типах фонации является малоизученным и, по существу, обсуждаемые ниже работы исчерпывают круг исследований, в которых этот вопрос является предметом специального анализа.

1. Наиболее ранней работой, в которой предлагается подробная систематизация фонационных типов, является исследование Дж. Кэтфорда¹⁶. Классификация Кэтфорда основана на трех ларингальных признаках. Первый из них — тип ларингальной преграды. Этот признак имеет пять значений: 1) дыхание (breath), 2) шепот (whisper), 3) голос (voice), 4) скрип (creak), 5) смычка (stop). По Кэтфорду, каждое значение этого признака связано с определенным размером глоттиса и отсутствием/наличием голосовых колебаний.

Второй признак характеризует действующую часть глоттального прохода (т. е. ту часть, которая модулирует воздушную струю). Воздушный проход может иметь четыре локализации: 1) глоттис в целом (glottal), 2) сухожильная часть глоттиса (ligamental), 3) часть глоттиса между черпаловидными хрящами (arytenoidal), 4) проход между ложными голосовыми связками (ventricular)¹⁷.

Третий признак описывает дополнительные модификации глоттального движения. Он имеет три значения: 1) модификации голосовой мышцы (*m. vocalis*) — изме-

¹⁵ Тенденции функционального использования тех или иных фонетических признаков определяются, очевидно, физиологическими особенностями артикуляторов, связанных с их производством. Высокая степень инерционности артикулятора способствует распространению признака на супрасегментную единицу, малая инерционность — его сегментной закрепленности. Однако есть немало признаков, которые не имеют жесткой связи с одной функциональной ролью и сегментное или супрасегментное использование которых определено системой конкретного языка (например назализация, палатализация, фарингализация, некоторые из фонационных признаков).

¹⁶ *Catford J. C. Phonation types: the classification of some laryngeal components of speech production // D. Abercrombie and oth. (eds.). In honour of Daniel Jones. London, 1964.*

¹⁷ Ложные голосовые связки помещаются несколько выше истинных и речевых функций обычно не выполняют.

нение длины, толщины и натяжения связок, 2) сужение верхней части гортани — так называемая «айновая» (ainish) артикуляция, 3) вертикальное смещение гортани.

Эмпирически выделяемые типы фонации представляют собой комбинации различных значений классифицирующих ларингальных признаков.

В последующих (хронологически) работах других авторов была сделана попытка упростить сложную и несколько спекулятивную классификацию Дж. Кэтфорда и найти более точные физиологические корреляты типов фонации.

2. Классификация П. Ладефогед¹⁸ основана на предположении, что типы фонации определяются лишь позицией черпаловидных хрящей. Положение хрящей оказывает влияние на общее состояние гортани: на возможность возникновения голосовых колебаний и их характер (при разведении и сведении хрящей относительно нейтрального положения уменьшается рабочая часть голосовой щели), на степень растяжения голосовых связок, которая максимальна при разведенном положении хрящей и уменьшается при их сведении. Возможные позиции хрящей и связанные с ними состояния гортани образуют континуум, в котором лишь условно можно выделить отдельные зоны, лежащие в основе формирования различных фонационных типов. Наиболее отчетливо выделяются четыре зоны, описание их характеристик в табл. 1 основано на фотографиях глоттиса в разных фонационных режимах.

Таблица 1

Основные конфигурации глоттиса и соответствующие им типы фонации (по П. Ладефогеду)

Тип фонации Состояние гортани	Отсутствие голоса	Придыхательный голос	Нейтральный голос	Скрипучий голос
Расстояние между центрами черпаловидных хрящей ¹	100%	90%	75%	67%
Колеблющаяся часть голосовых связок	Связки не колеблются	Связки колеблются в передней части	Связки колеблются по всей длине	Связки колеблются в передней части
Степень растяжения голосовых связок	Максимальная	Уменьшение		Минимальная

Однако, как отмечает П. Ладефогед, этих четырех зон недостаточно для описания фонетических особенностей звуков в различных языках. Звуки, попадающие в

¹⁸ Ladefoged P. Op. cit.; Ladefoged P. Respiration, Laryngeal Activity and Linguistics // B. D. Nyke (ed.). Proc. of the Intern. Symposium on Ventilary and Phonatory Control Systems. Oxford University Press, 1974.

соответствии с указанным разделением в одну категорию, могут иметь существенные различия в степени фонетической реализации одного и того же фонационно-го типа, отчетливо ощутимые на слух. Чтобы учесть эти различия, П. Ладефогед предлагает ввести более дробное деление рассматриваемого физиологического континуума в рамках единого фонетического признака — «глоттальное сужение». Предполагается, что этот признак представляет собой непрерывную физическую шкалу, которая делится на восемь зон (типов фонации), а каждая зона представляет собой множество состояний гортани, условно признаваемых тождественными. Расширенная классификация Ладефогедана представлена в табл. 2¹⁹.

Таблица 2

**Фонационные типы и значения признака «глоттальное сужение»
(по П. Ладефогеду)**

Значения фонетического признака «глоттальное сужение»	1	2	3	4	5	6	7	8
		Развернутый (Spread)	Глухой (Voiceless)	Придыхательный (Breathy)	Мягкий (Slack, lax)	Нейтральный (Voice)	Жесткий (Stiff, tense)	Скрипящий (Creaky)
Артикуляционный коррелят признака «глоттальное сужение» — расстояние между черпаловидными хрящами	увеличение ← макс.!			средн.		уменьшение мин. мин.!		

П. Ладефогед отмечает, что помимо изменения конфигурации глоттиса для формирования фонационных различий существуют и другие способы управления гортанными механизмами при образовании сегментных противопоставлений: вертикальное смещение гортани и временное распределение гортанных движений относительно надгортанных. Соответственно он вводит два признака для описания этих различий: признак «глоттализованность» с тремя значениями: эйективный, нейтральный и имплозивный, — и признак «начало озвончения» (Voice Onset) с тремя значениями: аспирированный (aspirated), неаспирированный (неаспирированный согласный может быть частично озвончен в конце выдержки), полностью звонкий (voicing throughout)²⁰.

¹⁹ Заметим, что глухость звука, по П. Ладефогеду, всегда обусловлена разведением связок.

²⁰ Выделяя признак «начало озвончения», П. Ладефогед следует за Л. Лискером и А. Эбрамсоном (Lisker L., Abramson A. S. A cross-language study of voicing in initial stops // Word. Vol. 20. 1964. P. 384—422). Заметим, что в некоторых языках длительность придыхания после взрыва

3. М. Халле и К. Стивенс²¹ выделяют девять типов фонации, для классификации которых предлагается два ларингальных признака, учитывающих ширину глоттиса (нейтральный, разведенный и сомкнутый) и состояние стенок глоттиса (нейтральный, напряженный, расслабленный). Классификационная схема типов фонации, по М. Халле и К. Стивенсу, представлена в табл. 3. Как видно из этой схемы, авторы предполагают, что вводимые ими признаки описывают не только фонационные типы, но и некоторые тоновые различия.

Таблица 3

Признаковая классификация ларингальных артикуляций²² (по М. Халле и К. Стивенсу)

		1	2	3	4	5	6	7	8	9
Типы ларингальной артикуляции	Гласн.	V	V _н	V _в	V _{гл.}	V прид.	V прид.		V скр.	V глот.
	Согласн.		b	p		bh	Ph			p'
	Ларинг. согласн.						H		'	?
Ларингальные признаки	Ширина глоттиса	нейтр.	нейтр.	нейтр.	разв.	разв.	разв.	свед.	свед.	свед.
	Состояние стенок глоттиса	нейтр.	рассл.	напр.	нейтр.	рассл.	напр.	нейтр.	рассл.	напр.

Отметим, что признаки М. Халле и К. Стивенса отражают скорее условия прохождения воздушной струи, которые оказывают влияние на качество образуемого в глоттисе звука, чем физиологические механизмы, которые лежат в основе создания этих условий. В особенности это касается признака, связанного с состоянием стенок глоттиса, которое может регулироваться разными способами (см. выше).

4. В классификации Дж. Линдквиста²³ выделяется десять типов фонации, для различения которых предлагается два ларингальных признака: степень разведе-

зависит от степени разведения глоттиса на смычке, а не предопределяется временным контролем (Kim C.-W. A theory of aspiration // *Phonetica*. Vol. 21. 1970. P. 107—116).

²¹ Halle M., Stevens K. N. Op. cit.

²² Условные обозначения для гласных: V_н — низкотональный, V_в — высокотональный, V_{гл} — глухой, V_{прид} — придыхательный, V_{скр} — скрипучий, V_{глот} — глогализованный; для согласных: б — имплозивный, p' — эйективный, ' — «слабая» смычка, ? — «сильная» смычка.

²³ Lindqvist J. Op. cit. Дж. Линдквист берет за основу фонационные типы, выделяемые П. Ладефогедом, однако предлагает для них иную признаковую интерпретацию.

ния глоттиса (нейтральная, развед. 1, развед. 2, развед. 3) и степень сжатия гортани (нейтральная, сжат. 1, сжат. 2, сжат. 3). Описание фонационных типов, по Дж. Линдквисту, приводится в табл. 4.

Таблица 4

Классификация фонационных типов (по Дж. Линдквисту)

Разведение голосовой щели Сжатие гортани	Нейтр.	Разв. 1	Разв. 2	Разв. 3
Нейтр.	нейтральный голос	мягкий голос	придыхательный голос	глухость
Сжат. 1	жесткий голос	дрожащий голос	шепот	
Сжат. 2	скрип	скрипучий голос		
Сжат. 3	смычка			

5. Рассмотрение классификаций позволяет сделать следующие выводы:

1) эмпирически выделяется 8—10 типов фонации, которые используются для фонологических контрастов сегментных фонетических единиц. В рассмотренных выше работах отмечается, что ни в одном из языков не наблюдается более трех фонологических контрастов, основанных на различиях в типах фонации. В большинстве языков фонологические контрасты основаны на противопоставлении двух типов фонации.

В литературе описываются также случаи использования фонационных типов в составе суперсегментных единиц²⁴. В таких случаях фонационные признаки выступают наряду с тональными как компонент сложных ларингальных просодем, условно называемых «тонами».

Если использование суперсегментных фонационных различий для лексических противопоставлений встречается нечасто, то их использование в качестве экспрессивного средства, по-видимому, имеет место во всех языках;

2) основными артикуляционными параметрами, которые учитываются в приведенных классификациях, являются разведение/сведение глоттиса, напряженность/расслабленность стенок глоттиса и наличие/отсутствие сжатия гортани. Все рассмотренные системы выделяют признак ширины глоттиса как существенный

²⁴ См.: Иванов В. В. К синхронной и диахронической типологии просодических систем с ларингализованными или фарингализованными тонемами // Очерки по фонологии восточных языков. М., 1975.

для различения фонационных типов. П. Ладефогед описывает все типы фонации на основе единственного признака «глоттальное сужение», имеющего большое число значений (восемь). В прочих системах выделяется меньшее число градаций ширины глоттиса, однако это компенсируется введением еще одного признака: у Дж. Линдквиста — сжатия гортани, у М. Халле и К. Стивенса — напряженности глоттиса.

Как нам представляется, в формировании фонационных качеств речи могут участвовать все три указанных артикуляторных механизма, однако их роль при производстве отдельных типов фонации еще предстоит исследовать.

2.2. Признаковые классификации тоновых различий

Тоновые противопоставления, используемые в языках мира, основаны, как известно, на различиях в частоте колебаний голосовых связок. При рассмотрении артикуляционных и акустических свойств гортани были отмечены механизмы, с помощью которых может регулироваться частота колебаний связок. Возможность участия нескольких механизмов в формировании тоновых качеств голоса создает достаточно сложную картину изменения основного тона голоса в реальных речевых отрезках и затрудняет классификацию тоновых различий с точки зрения соответствующих им ларингальных механизмов.

Вследствие трудностей артикуляторной интерпретации существующие классификации возможных тоновых противопоставлений опираются чаще всего на слуховой коррелят частоты основного тона — высоту — или же основаны на наблюдаемых акустических данных в виде кривой изменения частоты основного тона $F_0(t)$.

Тоновые различия используются в языках двумя способами: либо как компонент слогового акцента — особой просодической конфигурации слога, участвующей в различении лексических единиц языка, либо как компонент просодического оформления фразы.

Рассмотрим эти случаи функционального использования тоновых качеств голоса отдельно.

2.2.1. Тоновые различия в составе слоговых акцентов

1. Наиболее подробной и систематизированной классификацией тоновых явлений, наблюдаемых в составе слоговых акцентов в различных языках, представляется классификация У. Вэнга²⁵. У. Вэнг выделяет 13 типов тоновых конфигураций (тонов), для различения которых предлагает ввести семь бинарных признаков (табл. 5).

Как видно из приведенной классификации, противопоставления тональных

²⁵ Wang W. Phonological features of tone // International Journal of American Linguistics. Vol. 33. 1967. P. 93—105.

конфигураций описываются на основе воспринимаемых на слух различий в характере изменения высоты в слоге (ровный, однонаправленный, сложный), в уровне высоты (регистре), в направлении изменения высоты.

Таблица 5

Признаковая классификация тональных конфигураций (по У. Вэнгу)

Тональные признаки \ Тональные конфигурации	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Скользкий	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+
Высокий	+	-	+	-	-	+	-	+	-	+	+	+	-
Центральный	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Средний	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Восходящий	-	-	-	-	-	+	+	-	-	+	+	+	+
Нисходящий	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+
Выпуклый	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+

2. Шведским лингвистом С. Эманом²⁶ была предпринята попытка построить модель, которая описывает способ формирования тоновых различий в слоговых акцентах в виде единого универсального механизма. С. Эман предполагает, что в основе образования всех тонов лежит одна и та же тоновая фигура, которая представляет собой отрицательный импульс изменения тона ($\square \square$), а различия между наблюдаемыми тоновыми контурами являются следствием различной временной координации этой тоновой фигуры относительно сегментных единиц, образующих слог, и зависят также от тональной характеристики фразы. В качестве примера на Рис. 6 приведены две гипотетические тональные схемы, предлагаемые С. Эманом для словесных акцентов в шведском языке (стокгольмский диалект)²⁷.

Сходный механизм предполагается и для тонов азиатских языков. Разнообразие тональных конфигураций объясняется различиями амплитуды, длительности и временного распределения отрицательного импульса (Рис. 7). Остается при этом неясным артикуляционный механизм получения отрицательного импульса. С. Эман предполагает, что имеет место движение, сходное с артикуляцией гортанной смычки.

²⁶ Ohman S. Word and sentence intonation: a quantitative model // STL-QPSR. 1967. № 2—3.

²⁷ Артикуляционные команды, связанные с интонацией фразы и слова, по С. Эману, представлены в памяти прямоугольными импульсами, при реализации эти импульсы сглаживаются.

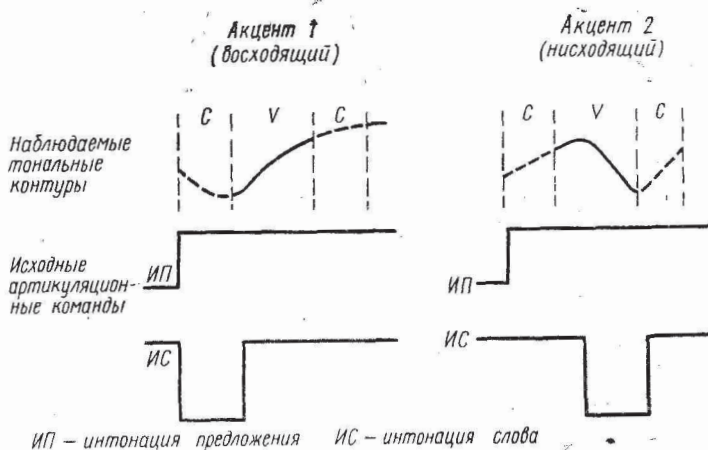

Рис. 6. Модель образования шведских словесных акцентов (по С. Эману)

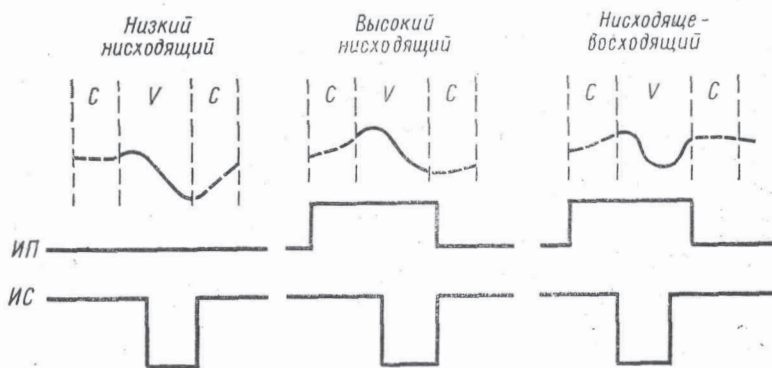

Рис. 7. Модель образования тонов сложной конфигурации (по С. Эману)

Близкая точка зрения была высказана Т. М. Николаевой²⁸ относительно природы сербских словесных акцентов. Предполагается, что в основе их формирования лежит одна мелодическая фигура (повышение/понижение тона), которая реализуется при ударном слоге. Временное распределение этой фигуры в слове определяется типом акцента, а для одного и того же акцента зависит от временных характеристик сегментного состава слова и темпа речи.

Возвращаясь к вопросу о гортанных механизмах, можно предположить, исходя из этих данных, что в основе образования тоновых противопоставлений в составе

²⁸ См.: Николаева Т. М. Некоторые наблюдения над соотношением словесных акцентов и фразовой мелодики в сербском языке // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973. С. 155—196.

слоговых акцентов лежит единый механизм (скорее всего, быстрое изменение состояния голосовой мышцы), а различия между тонами связаны с временной разверткой движений гортани и ротовых артикуляторов в рамках слога. Однако это предположение нуждается в специальной проверке.

Подводя итог рассмотрению тоновых различий в составе слоговых акцентов, можно отметить, что тоны описываются в терминах признаков иной природы, нежели фонационные типы. Это соответствует представлению о различной физической природе этих явлений и относительной независимости соответствующих им гортанных механизмов. Попытка М. Халле и К. Стивенса рассмотреть эти явления в рамках единой классификации (см. выше) не нашла поддержки у других исследователей.

2.2.2. Тоновые различия в составе фразы

Тоновые качества голоса во всех языках мира используются как одно из основных звуковых средств формирования таких суперсегментных фонетических единиц, как фраза и синтагма. Тоновая характеристика фразы, обычно называемая фразовой мелодикой, участвует не только в создании фонетического единства фразы, но и выполняет во всех языках определенные семантико-синтаксические функции по отношению к оформляемым ею единицам. Однако, несмотря на столь широкое использование тоновых средств во фразовой (интонационной) функции, универсальной фонетической классификации возможных способов мелодического оформления фразы нет. Соответственно, не сформулированы и общие принципы фонетического представления мелодической конфигурации фразы (речь идет о научной транскрипции, а не просто о вспомогательной системе нотации в виде точек или стрелок, указывающих характер изменения тона и позволяющих в определенной степени воспроизвести мелодику). Таким образом, можно констатировать, что субстанциональные универсалии в области фразовой мелодики не выявлены²⁹. Необходимость их выявления для обоснованного и единообразного описания мелодических данных разных языков очевидна, однако можно предположить, что при попытке построения универсальной классификации придется столкнуться с трудностями того же порядка, которые испытывает исследователь при типологическом изучении интонации. Не имея возможности подробно останавливаться на этом вопросе, сошлемся на докторскую диссертацию Т. М. Николаевой³⁰, где обсуждаются некоторые трудности, возникающие

²⁹ Некоторые исследователи приводят достаточно полный перечень мелодических типов, наблюдаемых в некоторой группе языков. Так, в кн.: *Николаева Т. М.* Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969, рассматриваются типы мелодического оформления терминальных частей фраз и синтагм (так называемых каденционных зон) на материале нескольких славянских языков.

³⁰ См.: *Николаева Т. М.* Лингвистические проблемы типологического изучения фразовой интонации: Автореф. дис. ... док. филол. наук. М., 1974.

при сопоставительном анализе интонационных данных разных языков по описаниям различных исследователей.

Как представляется, в такой ситуации полезно иметь в виду и те немногочисленные сведения, которыми располагает фонетическая теория относительно особенностей формирования мелодической конфигурации фразы в нетоновых языках (речь идет в основном об эмоционально нейтральном произнесении). В последнее время в ряде работ³¹ высказывается мнение о том, что мелодическая конфигурация фразы не элементарна, а представляет собой комплекс мелодических компонентов, каждый из которых выполняет определенную языковую функцию, имеет специфическую физическую природу и может быть описан в терминах собственных признаков, в наибольшей степени соответствующих его фонетическим свойствам.

На основании анализа мелодических данных английского языка в качестве таких компонентов предлагаются терминальные тоны (мелодические фигуры, оформляющие терминальную часть фразы), мелодические акценты (мелодические фигуры, выполняющие функцию выделения слов в соответствии с их смысловым весом) и общий высотный уровень, характеризующий фразу относительно соседних речевых отрезков.

Такое представление соответствует данным о физиологических возможностях гортани и об особенностях ее функционирования в процессе формирования фразы. Предполагается, что в этом процессе можно выделить два различных аспекта.

1. Установление речевой позы гортани перед произнесением фразы, поддержание фонации на протяжении фразы и подавление фонации в конце произнесения. Дж. Линдквист³² приводит экспериментальные данные, показывающие, что гортань активным образом участвует в этих процессах, и выделяет специальные механизмы, которые регулируют возбуждение и подавление фонации в начале и конце речевого высказывания в зависимости от особенностей синхронизации установления речевой позы и подсвязочного давления. Действие этих механизмов оказывает косвенное влияние на частоту колебаний связок, которое находит выражение в характерных изменениях F_0 в начале и в конце фразы. Благодаря этой деятельности гортани фраза оформляется как самостоятельная, автономная в физиологическом отношении речевая единица³³.

³¹ *Lieberman Ph.* Intonation, perception and language. Cambridge (Mass.), 1967; *Bolinger D.* Relative height // *Prosodic Feature Analysis*. Marcel, 1970; *Ladefoged P., Vanderslice R.* Binary suprasegmental features and transformational word-accentuation rules // *Language*. Vol. 48. № 4; *Maeda Sh.* A characterization of fundamental frequency contours of speech // MIT. QPR. № 114.

³² *Lindqvist J.* Laryngeal articulation studied on Swedish subjects // *STL-QPSR*. № 2—3. 1972.

³³ Попытка выделить в мелодической конфигурации фразы составляющую, соответствующую речевой позе, была предпринята на материале нескольких языков в работе: *О. Ф. Кривнова.* Составляющая несущего тона в структуре мелодической кривой фразы // *Исследования по структурной и прикладной лингвистике*. Изд-во МГУ, 1975.

2. Модуляции речевой позы гортани в соответствии с языковыми особенностями фразы, которые могут осуществляться различными гортанными механизмами, регулирующими степень напряженности и натяжения голосовых связок. В силу относительной независимости эти механизмы могут функционировать как одновременно, так и порознь, включаясь в действие в моменты, требуемые языковым заданием³⁴.

Эти данные позволяют говорить о том, что мелодическая конфигурация фразы может быть стратифицирована, расчленена на некоторые исходные составляющие в «вертикальном», а не в линейном плане, как это обычно делается при лингвистической интерпретации мелодики (ср. выделение предъядерной, ядерной и заядерной частей фразы). В связи с этим представляется интересной попытка рассмотреть мелодические конфигурации фраз с точки зрения возможности построения единой модели, в рамках которой каждая мелодическая реализация получалась бы в результате взаимодействия некоторого числа исходных параметров. Построение такой модели, возможно, облегчило бы интерпретацию мелодических конфигураций в терминах ларингальных механизмов. Пока же можно лишь предполагать, что акценты и терминальные тоны связаны с действием малоинерционных механизмов (регулировка состояния голосовой мышцы, положение перстнещитовидного сочленения или сжатие гортани), а изменение общего высотного уровня обусловлено действием достаточно инерционного механизма, например, вертикальным положением гортани или/и общим состоянием подсвязочного давления.

2.3. О признаковом описании ларингальных просодем³⁵

Имеются два аспекта описания ларингальных просодем в конкретном языке: выделение противопоставленных единиц (определение инвентаря просодем) и их признаковая характеристика.

Сравнительно легко определить инвентарь просодем для слогов и слов в языках, где тональные и фонационные различия активно используются для лексических противопоставлений. Гораздо труднее выявить инвентарь единиц, из которых складывается просодика предложения.

Решение задачи определения инвентаря завершается приписыванием выделенным единицам условных ярлыков типа: «тон 1», «тон 2» и т. д., или «акцент 1», «акцент 2» и т. д., или «ИК-1», «ИК-2» и т. д.³⁶ Что же касается фонетической

³⁴ Ср. физиологические данные, приводимые в работе: *Maeda Sh.* Op. cit.

³⁵ Термин «ларингальная просодема» представляется удобным для обозначения совокупности тональных и фонационных составляющих суперсегментной единицы (просодема может характеризоваться и неларингальными признаками — назализацией, фарингализацией и т. д.).

³⁶ Далеко не всегда такие ярлыки отражают действительно релевантные для противопоставления просодем характеристики. В некоторых случаях более важными являются, по-видимому, не тональные, а фонационные признаки.

характеристики этих единиц, то здесь во многих случаях превалирует нестрогий и неэксплицитный способ изложения. Во-первых, нередко отсутствует ясное понимание того, из каких фонетических признаков могут состоять просодические единицы и какого рода временная развертка может их характеризовать³⁷. Из-за этого не всегда разграничиваются, с одной стороны, регистровые и контурные характеристики, а с другой стороны, регистровые и фонационные характеристики.

Во-вторых, часто остается непонятным, какие признаки являются релевантными, а какие — автоматическими; в этом может отражаться не столько невысокая квалификация исследователя, сколько недостаток фонетических и типологических знаний о внутренних связях разных просодических характеристик, в равной степени ощущаемый всеми.

В общем случае следует, очевидно, исходить из того, что человек способен контролировать независимо два вида ларингальных просодических параметров: тональные характеристики и фонационные характеристики. Кроме того, сюда же можно присовокупить и признак длительности, который в равной степени характеризует ларингальные и глоточно-ротовые артикуляции³⁸. Тот или иной из этих признаков может быть нерелевантен в пределах рассматриваемого языка или рассматриваемых суперсегментных составляющих высказывания, однако в общем случае полезно исходить из максимальной ларингальной матрицы.

Закономерности симультанного и сукцессивного соположения ларингальных признаков в пределах анализируемой единицы могут быть весьма сложными, и тогда выделение релевантных элементов оказывается трудной задачей. Она усложняется тем, что происходит наложение просодических характеристик разных суперсегментных составляющих — слогов, слов, синтагм.

В заключение данного раздела заметим, что «ярлычное» описание просодем, конечно, не является просто отражением неумения разобраться в единственно реально существующей комплексной (матричной) просодии. Очевидно, оно отражает определенный аспект поведения человека — замену комплекса признаков цельным элементом (свертку матрицы) для эффективной манипуляции им на уровне, где составляющие не важны. Это, однако, не избавляет от необходимости уметь строго описывать правила свертки и разворачивания матрицы. Замечание это относится в равной степени и к сегментным фонетическим единицам.

³⁷ Иными словами, отсутствует эксплицитное представление о возможных структурах фонетической матрицы, которая характеризует просодему, символизируемую ярлыком вида «тон 1» и т. п.

³⁸ С ларингальными характеристиками в составе просодемы могут сочетаться такие признаки, как фарингализация (сжатие нижней части глотки), назализация и некоторые другие.

3. Использование ларингальных фонетических возможностей в русской речи

Основная задача данного раздела — указать те лакуны в русской фонетике, которые обнаруживаются при попытке рассмотреть ларингальные средства русского языка с точки зрения универсального инвентаря³⁹. Авторы не претендуют здесь на существенное заполнение этих лакун — это требует специальных трудоемких исследований

3.1. Сегментные ларингальные признаки

1. В фонологической системе русского языка выделяется одно противопоставление, которое основано на различном поведении гортани, — это противопоставление глухих и звонких шумных согласных. Как показывают данные М. Халле и К. Стивенса (см. Рис. 5), возбуждение и сохранение голосовых колебаний зависят от трех взаимодействующих факторов: степени сведения-разведения голосовых связок, степени напряженности голосовых связок и величины перепада давлений под и над голосовыми связками (ΔP). Произношение любого речевого отрезка предполагает, что гортань находится в состоянии речевой позы (см. выше), которое характеризуется наиболее благоприятными условиями для возбуждения и сохранения нейтральной звонкой фонации («спонтанного озвончения»). Из этого следует, что реализация глухих согласных связана с действием определенных механизмов, подавляющих «спонтанное озвончение» и приводящих к переходу гортани от состояния речевой позы к какому-то другому состоянию; с другой стороны, произнесение звонких шумных согласных, в особенности смычных, предполагает механизмы поддержания звонкой фонации, условия для которой становятся неблагоприятными в связи с созданием значительного внутриротового давления и уменьшением перепада ΔP .

Рассмотрим вначале возможные механизмы подавления звонкой фонации (оглушения). В литературе отмечаются следующие возможности⁴⁰:

- а) разведение голосовых связок,
- б) увеличение напряженности голосовых связок;
- в) сжатие гортани;
- г) открытие дополнительного отверстия в гортани между черпаловидными хрящами.

³⁹ Универсалистский подход представляется плодотворным и для других случаев: он позволяет обнаружить скрытые неясности в описаниях, имеющих сугубо внутриязыковую ориентацию (либо недостаточность универсальных схем). Так, например, не вполне понятно, как в рамках существующих универсальных систематик должны описываться русские гласные, обозначаемые специфическими знаками «ь», «ъ».

⁴⁰ Chomsky N., Halle M. The sound pattern of English. N. Y., 1968.

Упомянутые разными авторами механизмы поддержания звонкой фонации в условиях незначительного перепада давлений таковы:

- а) расслабление голосовых связок;
- б) расслабление стенок речевого тракта в надсвязочной части, благодаря чему понижается надсвязочное давление и ДР не достигает критического значения;
- в) опускание гортани, также понижающее надсвязочное давление.

Некоторые авторы, впрочем, отмечают, что для гортани, находящейся в состоянии речевой позы, озвончение может сохраняться при весьма незначительных значениях перепада ΔP и поэтому при реальных длительностях смычных согласных не будет необходимости в специальных механизмах поддержания колебаний связок, хотя может возникнуть необходимость в механизмах усиления звука⁴¹.

В связи с разными возможностями регулирования фонации для рассматриваемых согласных естественно возникает вопрос о характере ларингальной артикуляции для фонологически противопоставленных глухих и звонких согласных в русском языке. Традиционная точка зрения заключается в том, что глухие согласные произносятся при разведенных голосовых связках, а при реализации звонких голосовые связки сведены и напряжены. Вместе с тем известно, что характер фонации и другие фонетические особенности фонологически глухих и звонких согласных находятся в большой зависимости от фонетического контекста⁴². К сожалению, практически не было предпринято попыток проинтерпретировать наблюдаемые позиционные особенности реализации этих согласных с точки зрения возможных типов ларингальной артикуляции. Единственной работой, где ставился этот вопрос, является исследование А. В. Венцова⁴³, в котором автор приходит к заключению о том, что механизм подавления звонкости для глухих согласных не соответствует традиционному представлению. Венцов предполагает, что при реализации как глухих, так и звонких согласных гортань находится в состоянии речевой позы, а оглушение происходит благодаря выравниванию внутриротового и подсвязочного давлений за счет образования в гортани дополнительного отверстия между черпаловидными хрящами. Отметим, что такое состояние гортани в большинстве рассмотренных классификаций ларингальных артикуляций не выделялось в качестве возможного типа фонации и может быть описано лишь в терминах классификационных признаков Дж. Кэтфорда. В настоящее время вопрос о ларингальных артикуляциях, лежащих в основе противопоставления глухих и звонких согласных в русском языке, нельзя считать решенным.

⁴¹ Lindqvist J. Op. cit.

⁴² См.: Бондарко Л. В., Зиндер Л. Р. О некоторых дифференциальных признаках русских согласных фонем. // Вопросы языкознания. № 4. 1966. Подробно вопрос о позиционных особенностях реализации рассматриваемых согласных обсуждается в работе: Зубкова Л. Г. Фонетическая реализация консонантных противоположений в русском языке. М., 1974.

⁴³ См.: Венцов А. В. О работе голосовых связок при глухих смычных интервокальных согласных // Механизмы речеобразования и восприятия сложных звуков. М.; Л., 1966.

2. Сонорные согласные и гласные в русском языке не образуют фонологических противопоставлений, основанных на различных типах фонации. Различия в аэродинамических условиях в речевом тракте для обоих типов звуков, насколько нам известно, не исследовались, но можно предположить, что они незначительны. Характер артикуляции этих звуков создает наиболее благоприятные условия для «спонтанного озвончения» (т. е. возникновения «нейтрального голоса»).

В некоторых случаях наблюдается оглушение сонорных и гласных. В конце фразы оно обусловлено разведением голосовых связок при одновременном понижении подвязочного давления при выходе из речевой позы, связанном с завершением отрезка речи. В других случаях оно обусловлено инерционностью гортанных механизмов, подавляющих звонкую фонацию на соседних шумных⁴⁴.

3.2. Суперсегментные единицы

3.2.1. Неэкспрессивные просодические средства

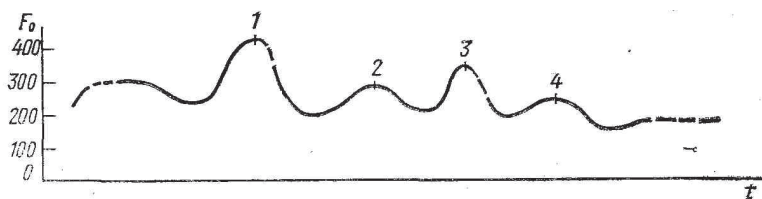
В области суперсегментных единиц в русском языке (так же, как в других языках мира) ларингальные артикуляции используются для мелодического оформления фраз и их составляющих (синтагм). В данном параграфе мы рассмотрим некоторые особенности мелодики, характерной для фраз в так называемой неэмоциональной, деловой речи, отвлекаясь от тех особенностей, которые присущи обычной речи, всегда имеющей определенную эмоциональную окраску.

Мелодические конфигурации достаточно распространенных фраз и синтагм (например, содержащих более трех слов) часто имеют сложную форму и могут рассматриваться как объект сложной природы. В современной лингвистике предполагается, что научное описание любого сложного языкового объекта заключается в том, чтобы выделить некоторые более простые компоненты, которые можно считать исходными для широкого класса аналогичных объектов, и указать правила соединения (синтеза) этих компонентов, которые позволили бы получать из них реальные, наблюдаемые объекты. В применении к мелодическим конфигурациям такой подход требует решения вопроса об исходных мелодических компонентах, каждый из которых должен быть описан в терминах свойственных ему признаков. Такой подход находится в соответствии с современными представлениями о сложной картине взаимодействия различных ларингальных механизмов в процессе просодического формирования фразы (см. выше).

В этой связи можно отметить, что фонетическая структура мелодических конфигураций русских фраз (в особенности повествовательных) изучена недостаточ-

⁴⁴ Влияние контекста на фонетическую реализацию сонантов в русской речи рассматривается в ряде работ. См., например: *Любимова Н. А.* Зависимость качества сонантов от фонетического положения в слове // Вопросы фонетики и обучение произношению. Изд-во МГУ, 1975.

но. Ориентированность интонационных исследований на выделение прежде всего функционально значимых различий приводит к тому, что их авторы ограничиваются подробным описанием лишь той части мелодической конфигурации фразы, которая признается наиболее существенной с точки зрения противопоставления фраз (или синтагм) разных коммуникативных типов. Общеизвестно, что релевантным в этом отношении является характер мелодического оформления субъективно наиболее выделенного слова во фразе (слова — носителя фразового ударения) и следующей за ним части фразы, т. е. в целом мелодическое оформление терминальной зоны фразы. Типы «терминальных» мелодических фигур, возможных в русской фразе, рассмотрены достаточно подробно в работах Е. А. Брызгуновой, Т. М. Николаевой и Н. Д. Светозаровой⁴⁵. Что касается предтерминальной части фразы, то ее мелодические характеристики получают у разных исследователей различную интерпретацию. В классификации основных типов интонационных конструкций Е. А. Брызгуновой предтерминальная часть фразы (до интонационного центра — главноударного слога) описывается как произносимая на некотором среднем для каждого говорящего высотном уровне. Т. М. Николаева отмечает неопределенность мелодической характеристики этой части фразы (кроме специального вопроса и восклицания). Имеются, однако, фактические данные, позволяющие говорить о наличии регулярных мелодических явлений и в этой фразовой зоне. В работе Н. Д. Светозаровой⁴⁶ приводятся в качестве примера мелодические конфигурации повествовательных фраз, которые демонстрируют наличие регулярных мелодических изменений, связанных с ударными гласными знаменательных слов, в предтерминальной части фразы. В качестве дополнительной иллюстрации этого наблюдения приведем мелодический рисунок фразы «Воспоминание о Машеньке вернуло мои мысли к дням молодости» (Рис. 8):

на котором отчетливо видны характерные подъемы тона на ударных гласных слов «Машеньке», «вернуло», «мысли», которые по своим абсолютным характеристикам значительно превышают терминальное падение тона на слове — носителе

⁴⁵ См.: Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. М., 1969; Николаева Т. М. Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969; Она же. Лингвистические проблемы типологического изучения фразовой интонации; Svetozarova N. D. The inner structure of intonation contours in Russian // Auditory Analysis and Perception of Speech. Ac. Press, 1975.

⁴⁶ Svetozarova N. D. Op. cit.

фразового ударения («молодости»). Эти данные позволяют говорить о реализации во фразах такого типа мелодических акцентов, выделяющих во фразе важные в смысловом отношении слова.

Выделение мелодических акцентов в качестве самостоятельного компонента, участвующего в формировании мелодической конфигурации фраз, оказывает существенное влияние на характер лингвистической интерпретации фразового мелодического оформления. Во-первых, оно предполагает выделение еще одного мелодического компонента — референционного высотного уровня, относительно которого реализуются акценты (ср. понятия несущего тона, базового контура, референционной мелодической линии и т. п., вводимые в ряде работ). Во-вторых, мелодическая конфигурация русской фразы в целом получает комплексное фонетическое представление, составляющими которого являются терминальные тоны, акценты и референционный высотный уровень. В качестве иллюстрации на Рис. 9 представлены

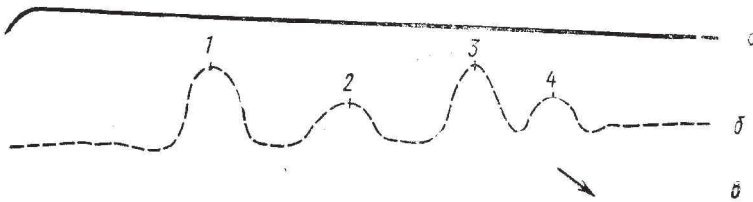

Рис. 9

гипотетические тональные компоненты фразы «Воспоминание о Машеньке вернуло мои мысли к дням молодости», сложение которых дает наблюдаемую мелодическую конфигурацию (ср. Рис. 8).

Необходимо отметить, что представление о комплексном характере мелодической конфигурации вызывает целый ряд вопросов, связанных с интерпретацией мелодического оформления фраз разных коммуникативных типов, с соотношением акцентирования и синтагматического членения, с выделением способов мелодического оформления акцентируемых слов и их соотношения с «терминальными» мелодическими фигурами и т. д. Эти вопросы требуют специального рассмотрения. Наша задача заключается лишь в том, чтобы обратить внимание исследователей на сложный характер мелодического оформления фразы, соответствующий представлению о разнообразных возможностях участия гортани в оформлении суперсегментных фонетических единиц.

3.2.2. Экспрессивные ларингальные средства

1. Ларингальные признаки — тональные и фонационные — наряду с длительностью и некоторыми другими признаками являются типичными средствами вы-

ражения эмоций для всех языков⁴⁷. Более того, некоторые сочетания экспрессивных значений с тонами и фонациями являются, вероятно, врожденными, и можно говорить об универсальном «тоне отвращения» или «тоне радости», как мы говорим о гримасе отвращения или улыбке. Известно, что дети начинают понимать «интонацию» раньше, чем смысл слов; ясно, что под «интонацией» подразумеваются при этом не средства выражения синтаксической структуры сообщения или актуального членения, а иконические экспрессивные средства.

Хотя широкая употребительность такого рода «звуковых жестов» в русской речи всем очевидна, их всестороннее семантическое описание до сих пор отсутствует⁴⁸. Такое описание должно было бы выявить полный инвентарь экспрессивных просодов, их признаковую структуру и связи с теми или иными значениями.

Отсутствие сколько-нибудь полного описания русской экспрессивной просодии объясняется двумя причинами: во-первых, слабой разработанностью всей «ларингальной сферы» фонетических знаний, отсутствием языка описания для многих ларингальных признаков, во-вторых, интуитивным представлением о несистематичности и бесконечной вариабельности фонетических средств выражения эмоций. Как мы увидим ниже, это представление совершенно безосновательно.

2. Мы предприняли небольшое предварительное исследование с целью выделения тоновых и фонационных средств, которые используются в эмоциональной русской речи. Материалом послужили типичные качественные прилагательные со значением эмоциональной оценки человека, оценки количественных параметров объектов и некоторые другие. На основе самонаблюдения были выделены группы слов, отличающихся по ларингальной просодии в случае подчеркнуто эмоционального произношения. В качестве «несущей» фразы использовалась «Он такой...», например: «Он такой гордый, благородный, мужественный». Слова, входящие в получившиеся группы, обладают очевидной семантической общностью. Ниже приведены типичные представители для каждой группы (группа обозначается условным ярлыком по одному из членов):

«гордый»: гордый, благородный, мужественный;

«добрый»: добрый, милый, нежный, родной, ласковый;

«хорошенький»: хорошенький, пухленький, курносенький;

«прекрасный»: прекрасный, восхитительный, изумительный, божественный;

«быстрый»— люди: быстрый, ловкий, бодрый, сильный;

— вещи: резкий, яркий, твердый, громкий, острый;

«грубый»: грубый, хмурый, грязный, чужой, злой;

«паршивенький»: паршивенький, низенький, тошенький, плюгавенький;

⁴⁷ Цеплитис Л. К. Анализ речевой интонации. Рига, 1974. С. 188—197.

⁴⁸ Попытка экспериментального исследования некоторых акустических параметров экспрессивной просодии была предпринята Н. В. Виттом (см.: *Витт Н. В.* Информация об эмоциональных состояниях в речевой интонации // Вопросы психологии. 1965.

«страшный»: страшный, ужасный, гадкий, подлый, мерзкий;
«вялый»: вялый, хилый, ленивый, неуклюжий, грустный, усталый;
«маленький»: маленький, тонкий, узкий, легкий, крошечный;
«высокий»: высокий, далекий;
«большой»: большой, толстый, грузный, широкий, тяжелый;
«низкий»: низкий, глубокий;
«зябкий»: зябкий, холодный, мерзлый, ледяной;
«хриплый»: хриплый.

Слова в каждой из перечисленных групп характеризуются своей собственной просодией при экспрессивном произнесении. Ее составляют ларингальные признаки (тональные — регистр и контур, фонационные — нейтральный голос, жесткий голос, мягкий голос, дрожащий голос, придыхательный голос) и признак длительности (в одном случае используется специфический признак выдвижения нижней челюсти, приводящий к изменению акустической окраски всех звуков слова). В Табл. 6 представлены составляющие экспрессивных просодем, выявленные на основе слухового анализа и анализа интонограмм.

Несомненно, инвентарь русских просодем такого рода не исчерпан нашей ограниченной по охвату материала попыткой⁴⁹, и обследование экспрессивных слов других лексических пластов (как прилагательных, так и наречий, существительных, глаголов) позволит обнаружить новые их типы. Ясно также, что серьезного изучения требуют сами фонетические признаки. Прежде всего это касается акустических коррелятов выделенных нами на слух тональных характеристик.

Вместе с тем взаимные различия выделенных в обследованном материале экспрессивных просодем представляются несомненными и подтверждаются опросом фонетически тренированных носителей русского языка. Они особенно очевидны при контрастном сопоставлении просодических характеристик слов, относящихся к разным группам, или одного и того же эмоционально полисемичного слова (например, слово «маленький»).

3. Нетрудно увидеть, что ларингальные составляющие экспрессивных просодем связаны с семантическими составляющими; расположение материала в Табл. 6 подчеркивает эти связи. Укажем наиболее очевидные из них:

а) положительная оценка человека связана с высокими регистрами и восходящим тоном. Исключением являются лишь слова группы «гордые», где восходящий тон сочетается с низким регистром. В словах типа «крепкие» проявляется скрытая двойственность оценки объективно положительного качества человека в зависимости от того, направлено оно на пользу говорящему или против него;

б) отрицательная оценка человека связана с низкими регистрами и нисходящим тоном. Исключением является лишь группа уменьшительно-пренебрежительных

⁴⁹ Далеко не все потенциально возможные комбинации ларингальных признаков отражены в Табл. 6, совсем отсутствует одна из возможных фонации — скрипучий голос.

прилагательных (типа «паршивенький»), для которых характерен средне-верхний регистр ввиду наличия семантического компонента малости (ср. высокий регистр прилагательных типа «маленькие»);

в) циркумфлексами выражается особенно высокая степень эмоционального подчеркивания, при которой в большинстве случаев используется дополнительное удлинение гласного; если циркумфлекмирование происходит лишь при удлинении гласного, оно, очевидно, должно рассматриваться как автоматический вариант нециркумфлексного скользящего тона;

г) высокая степень положительной эмоции выражается придыхательным голосом⁵⁰. Если гортань к тому же напряжена, происходит полное оглушение и переход в особого рода «страстный» шепот. Высокая степень отрицательных эмоций выражается напряжением гортани при некотором расслаблении (и разведении) связок, что дает дрожащую зашумленную фонацию;

д) значение малости связано с высокими регистрами, значение великости — с низкими. По всей вероятности, это универсальная иконическая связь⁵¹. Подчеркивание дальности и высоты осуществляется теми же средствами, что и подчеркивание малости, а подчеркивание глубины и «низкости» — теми же средствами, что подчеркивание великости.

Таким образом, ларингальные признаки в экспрессивных просодемах используются иконически — это не случайные сочетания элементов внутренней и внешней формы знаков, вероятно, их связи некогда были обусловлены физиологически. Символический характер ларингальных признаков прекрасно виден при попытках использовать их с «чужими» означаемыми. Попробуйте произносить слово «тонкий» во фразе «Он такой тонкий!» (логическое ударение на последнем слове) с низким тоном или слово «толстый» в сходной фразе с высоким тоном — несоответствие внутренней и внешней стороны знаков тут же вызовет смех слушателей. Такое «перепутывание» иногда используется в живой речи как средство создания комического эффекта.

4. Иконическое использование ларингальных просодических признаков, естественно, не ограничивается словами, семантика которых допускает экспрессивное подчеркивание. Аффективные просодии описанного вида могут охватывать целые фразы или даже тексты, отражая общий эмоциональный фон высказывания. При этом характер семантико-фонетических связей не меняется: положительные эмоции связаны обычно с повышением регистра, отрицательные — с понижением⁵²;

⁵⁰ В этой связи правдоподобным представляется следующее объяснение наличия фрикативного [г] в слове «господи» и в формах слова «бог». Для экстатического произношения этих слов была характерна придыхательная фонация, которая и поддерживала фрикативизованный вариант велярного.

⁵¹ Ср., например: *Вестерманн Д.* Звук, тон и значение в западно-африканских суданских языках // *Африканское языкознание.* М., 1963; *Цеплитис Л. К.* Цит. соч. С. 197—199.

⁵² Ср.: *Витт Н. В.* Цит. соч.

высокая степень положительной эмоции (любовь) реализуется высоким придыхательным голосом, высокая степень отрицательной эмоции (ненависть) — низким, зашумленным, дрожащим; для «торжественного» чувства характерен низкий восходящий дрожащий голос, горе символизируется нисходящим мягким голосом⁵³.

Таблица 6
Экспрессивные просодемы для русских прилагательных

1	«добрый»	«хорошенький»	«прекрасный»	«быстрый»	«гордый»	«маленький»	«высокий»	«зябкий»
2	средне-низкий восходящий	высокий восходящий	средне-высокий ровный	средний восходящий	средне-низкий ровный	высокий восходяще-нисходящий	высокий ровный	средний ровный
3	мягкий	нейтральный или мягкий	придыхательный или шепот	жесткий	дрожащий	нейтральный или жесткий	нейтральный	дрожащий
4	кратк./долг.	кратк./долг.	кратк./долг.	краткий	краткий	долгий	долгий	краткий
1	«грубый»	«паршивенький»	«страшный»	«вялый»		«большой»	«низкий»	«хриплый»
2	низкий ровный	средний восходяще-нисходящий	низкий ровный	средний ровный		низкий ровный	средне-низкий ровный	низкий ровный
3	нейтральный	нейтральный	дрожащий	мягкий		нейтральный	нейтральный	дрожащий
4	краткий	кратк./долг. выдвигание нижней челюсти	кратк./долг.	краткий		долгий	долгий	краткий

1 — условное название семантической группы; 2 — тональная характеристика; 3 — тип голоса; 4 — прочие просодические характеристики

Прослушивание некоторых образцов художественной речи обнаружило очевидную немногочисленность фонетических средств экспрессии и предсказуемость их возможного использования. Оно, естественно, выявило и отсутствующие в Табл. 6 типы аффективных просодем; так, удивление часто выражается высоким напряженным голосом. Характерно, однако, что при этом выявляются неучтенные комбинации известных признаков, а не новые признаки.

5. В существующих описаниях интонации эмоциональная составляющая, как правило, не учитывается: авторы этих описаний ориентируются на некоторую стандартную, логицированную форму речи, т. е. фактически лишь на грамматическую составляющую интонации. Следует отметить, с одной стороны, условность

⁵³ Сходным образом используются ларингальные признаки и в междометиях. Однако эта категория слов имеет много собственных просодических особенностей, на которых мы в рамках данной работы останавливаться не будем. Заметим, что в междометиях используются и специфические ларингальные сегменты — гортанная смычка и звонкое придыхание.

такого разделения слагаемых интонаций, с другой стороны, искусственность лишнего экспрессии произношения.

Прежде всего даже утверждение и вопрос, тональные средства реализации которых относятся обычно к грамматической интонация, могут, подвергаясь эмпазе, терять чисто логический характер. Оказываясь на эмоционально маркированном слове, логическое ударение может автоматически «включать» потенциально присущие такому слову ларингальные экспрессивные средства. Так, при произнесении фразы «Птица сидит не на низком дереве, а на высоком» понижение регистра на первом прилагательном и повышение на втором гораздо естественнее, чем их отсутствие, вне зависимости от эмоциональности произношения.

В естественной речи та или иная степень экспрессии обязательно присутствует, поэтому необходимо уметь «вычитать» соответствующую тоновую составляющую при попытках описать синтаксически обусловленную интонацию той или иной фразы. Думается, что умение выделять экспрессивную составляющую интонации необходимо и для решения вопроса об акустических коррелятах просодических единиц.

Приложение 2

ПРОСОДИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ ДЛЯ РУССКОЙ ИНТОНАЦИИ

Знаки для тональных акцентов

- [∨] — нисходящий нейтральный (5—7 полутонов)
- [∨[?]] — нисходящий малый (3—4 полутона)
- [∨^{??}] — нисходящий сверхмалый (менее 3 полутонов)
- [∨∨] — нисходящий увеличенного интервала (8 и более полутонов)
- [∨в] — нисходящий в высоком регистре
- [∨н] — нисходящий в низком регистре
- [∨с] — нисходящее движение происходит на начальном согласном слога
- [∨~] — нисходящий тон растянут на слово
- [/] — восходящий нейтральный
- [/[?]] — восходящий малый
- [/^{??}] — восходящий сверхмалый
- [//] — восходящий увелич. интервала
- [/в] — восходящий в высоком регистре
- [/н] — восходящий в низком регистре
- [/с] — восходящее движение происходит на начальном согласном слога
- [/~] — восходящий тон растянут на слово
- [/—∨] — восходящий — ровный — нисходящий
- [∨—/] — нисходящий — ровный — восходящий
- [∧] — восходящее-нисходящий тон внутри гласного
- [/сг] — восходящий тон на согласном и нисходящий на гласном
- [∨] — нисходяще-восходящий тон внутри гласного
- [/—] — восходящий плюс ровный без падения

Знаки для нетональных акцентов

- [‘] — ФУ (фразовое ударение)
- [*] — ВА (выделительный акцент)
- [**] — КА (контрастивный выделительный акцент)

- [:] — долготный акцент
[+] — громкостный акцент

Знак для двуморовости гласного

[2] после гласного

Знаки для маркированных синтагменных просодий

- [инк] — инклинация тона
[дек] — деклинация тона
[ТИ] — низкая громкость (тихо)
[ГР] — высокая громкость (громко)
[Н] — низкий регистр
[В] — высокий регистр
[Б] — быстрый темп
[М] — медленный темп
[НПР] — напряженная фонация (tense voice)
[РСЛ] — расслабленная фонация (lax voice)
[ПДХ] — придыхательная фонация (breathy voice)
[СКР] — скрипучий голос (creaky voice)
[ФЦТ] — фальцетный регистр
[ВБР] — вибрация (сверхнизкий регистр)

Приложение 3

Образцы транскрибированных текстов

(из лингофонного курса М. П. Аксеновой

«Русский язык по-новому», 2000)

1. НАРРАТИВНЫЙ ТЕКСТ

Последняя квартира Пушкина (текст 17.24.1, около 450 сек. в файле)

*Ка\ждый, кто приезжает в *Петербу\рг, | **непреме\нно идет на набережную *Мо\йки.

*Зде\сь, | в доме номер *семна\дцать, || *жи\л | *Алекса\ндр Сергеевич *Пу\шкин.

*Иде\м по *Дворцо\вой *пл\ощади.

*Прох\одим\ мимо здания Главного *шт\а\ба.

*Выхо\дим к реке *Мо\йке.

По небольшому *мосту\ || *пе\рехо\дим на другую *сто\рону.

*Сле\ва || — *до\м (В) номер *двена\дцать (Н). Подходим к до\му. Чита\ем (Н). В этом *до\ме || *два\дцать девятого января тысяча восемьсот тридцать седьмого *го\да || *сконч\ался | Алекса\ндр Сергеевич Пушкин (Н).

*Зде\сь, || в доме на *Мо\йке, || была последняя *кварти\ра Пушкина.

*Вхо\дим (В) в *до\м (Н). *Во\т *сто\ло\вая, где во время обе\да собиралась вся *се\мья\.

[*Ча\сто приезжа\ли *друзья\'] Н. [Пушкин *люби\л эти *часы\] В, когда вся *се\мья\ собиралась вместе.

*Го\сти\ная.

На *стене\ — * портре\т поэта.

Этот * портре\т в тысяча восемьсот двадцать восьмом *году\ ||

написа\л худо\жник Оре\ст *Кипре\нский.

*Кабине\т. | *Ря\дом де\тская ко\мната.

В семье\ (Н) Пушкина (В) было *ч\етверо детей: | две *до\чери (В) и двое *сы\новой. И-и, наверное, в *до\ме очень не хватало *тишины\, которая **та\к *ну\жна была поэ\ту для работы [В *кабине\те все *та\к, *как бы\ло *при жизни П\ушкина.

Посереди\не *ко\мнаты || — *пи\сьменный *сто\л.

*Ря\дом *кре\сло, около *стены\ — *дива\н.

Вдо\ль *сте\н (В) — книжные *по\лки. *Всю жи\знь | *(Пу\шкин) В (собирал *кни\ги) Н.

В его *библиоте\ке — произведения *Держа\вина, *Вольге\ра и *Шекспи\ра, *Ге\те и *Ге\йне.

[*Четы\ре (В) тысячи пятьсот *кни\г] декл | более чем на *десяти\ европейских языках.

По *вечера/м, || когда дети ложились *спать | и в доме становилось *ти/хо, || *поэ/т *рабо\гал.

[*Пушкин любил *путеше\ствовать] декл.

*За свою короткую *жи/знь (I) он проехал почти *полови/ну *Росси/и.

Зна\л *ю/г, *Сре/дную Россию, *Пово/лжье, *Ура\л.

*Путеше\ствия *помог/а\ли (Пушкину в его работе) декл.

*Та/к (В), | он писал о Емельяне *Пугаче\ве,

(‘руководи\теле ‘крупне\йшего в России ‘крестья\нского ‘восста\ния) Н.

А главные *собы//тия восстания Пугачева происходили в *Пово/лжье...

2. МИКРО-ДИАЛОГИ (АКС2в-6, (текст 17.33.1, около 360 сек. в файле))

1.

А. — *Зво//ня\т! *Алексе\й, *откро\й *дв\ерь. *Э/то, наверно, *Петро\вы.

Б. — *И/ду\!

2.

А. — Здравствуйте (ИНК)! *Вхо\дите! *Ра/ды вас *ви\деть! *Раздева\йтесь! Проходите в *ко\мнату. *Сади//тесь! *Чу/\встуйте себя — *ка\к дома!

А. — *Здра//встуйте! *Ско\лько *ле\т, *ско\лько *зи\м! [*Ка\к попали в наши *края-я//] декл.?

Б. — [У вас тут хороший магазин «Ме-ебель»] Н. [*Прие\хали ‘посмотреть] декл. [А как *вы-ы/] инкл.? [‘Как живете в новой *квартире/] декл.?

А. — *Хорошо\ . Но *ску\чаем по нашей *у-улице\, по *сосе\дям.

Б. — А вы *при\езжайте/, [когда будет свободное время] фцт. [*За/ходите] фцт. *Мы/ *всегда/ рады вас видеть.

А. — *И (В) *вы (Н) заходите, когда будете в наших краях. *Адрес *зна//ете? *Не//т? *За//пиши\те!

3.

А. — *Сходи/ *за\ сметаной!

Б. — *Я/ уже *сходи\ла. *Сме/тана в *холоди\льнике.

4.

А. — *Сходи\ за сметаной!

Б. — Я *ходи\ла, но *смета\ны не было. *Ко/о\нчилась. Так что я *зря/ ходила.

5.

А. — *Граждани\н! *Просни//тесь! *Вы/ ‘проедете/ свою *остано\вку\.

Б. — [Я не]Н [сплю]Н. *Про/сто ‘закры\л ‘глаза\ . (в слове *просто* восходящий тон сохраняется на *ст*)

6.

А. — *Что с твоей *мамой (\)? (деклонация тона) Она не здоро/ва? (инклинация тона)

Б. — Да *неет (-\), здорова (-\). *Про\сто *бра/т вернулся 'домо/'й только 'у\тром. *Ма/ма всю 'но/'чь не 'спала (\)...

А. — А 'се\йча\с как она себя чувствует (деклонация)? Ей *лучше?

Б. — Да, мне *ка/жется, она 'прихо\дит в 'се\бя.

7.

А. — *Да/й на минуту 'сло/'ва\рь! Надо *посмотре\ть одно *сло\во.

Б. — У *меня/ *не\т словаря.

А. — Я только что *ви\дел у тебя 'слова\рь.

Б. — А *э/то был не *мой словарь. Я брал его у *О\ли и *уже/ *ве\rнул ей.

Сандро Васильевич Кодзасов

ИССЛЕДОВАНИЯ
В ОБЛАСТИ РУССКОЙ ПРОСОДИИ

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

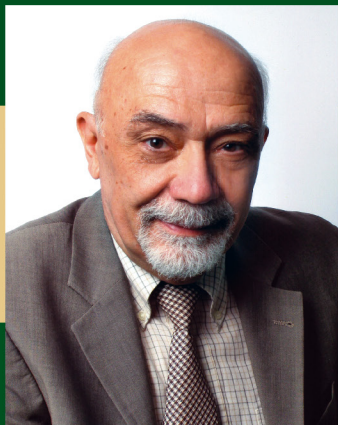
Корректоры: А. Ставцев, Н. Полякова
Оператор Е. Зуева
Оригинал-макет подготовлен В. Адаменко
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 09.10.2009. Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 39,99. Тираж 800. Заказ №

Издательство «Языки славянских культур».
№ госрегистрации 1037789030641.
Тел.: 959-52-60. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: 8 (499) 255-77-57, тел.: 8 (499) 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский проезд, 2, стр. 1
(Метро «Парк Культуры»)

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник филологического факультета МГУ им М. В. Ломоносова. Родился в Москве в 1938 г., закончил филологический факультет МГУ в 1961 г.

Сандро Васильевич Кодзасов

Научные интересы Кодзасова связаны преимущественно с фонетикой, в особенности с инструментальным и функциональным изучением русской просодии (результаты этих исследований представлены в настоящем издании) и исключительно богатых звуковых систем дагестанских языков Кавказа. Некоторые из последних им исследованы детально, при этом описаны звуки и просодические оппозиции, ранее не известные в общей фонетике.

Участвовал в организации Международных фонетических конгрессов, в течении ряда лет был членом Совета Международной Фонетической Ассоциации (МФА).

Совместно с О. Ф. Кривновой подготовил современный университетский учебник по общей фонетике (опубликован в 2001 г.).

ISBN 978-5-9551-0368-6

9 785955 103686 >